

Annotation

Имя Фернана Мендеса Пинто (Fernão Mendes Pinto) — португальского моряка и путешественника — ныне не так известно как, скажем, Х. Колумба, Ф. Магеллана, Дж. Кука. Однако ещё в XVII Европа зачитывалась мемуарами Пинто «Странствия» (Peregrinação).

В этой книге реальность соседствует со сказочным вымыслом.

В 1537 году Пинто на одном из португальских кораблей отправился в Индию на встречу к своим двум братьям. Странствия продолжались 21 год.

Он был 13 раз захвачен в плен, 17 раз продан в рабство. В Индии сражался с турками, осаждавшими крепость Диу. Был одним из первых европейцев, кому удалось попасть в Японию, даже построил первое европейское поселение, недалеко от современного города Иокогама. В Китае был обвинён в хищении имперских гробниц и приговорён к принудительным работам по реконструкции Великой китайской стены. В Эфиопии попал в плен к туркам. В Сиам (современный Таиланд) отправился с группой португальцев на помощь местному королю для подавления восстания. Однако было уже поздно — королева отравила и короля и молодого наследника, посадив на трон своего любовника...

-
- [Предисловие](#)
 - [Странствия Фернана Мендеса Пинто.](#)
 -
 - [Глава I](#)
 - [Глава II](#)
 - [Глава III](#)
 - [Глава IV](#)
 - [Глава V](#)
 - [Глава VI](#)
 - [Глава VII](#)
 - [Глава VIII](#)
 - [Глава IX](#)
 - [Глава X](#)
 - [Глава XI](#)
 - [Глава XII](#)
 - [Глава XIII](#)

- [Глава XIV](#)
- [Глава XV](#)
- [Глава XVI](#)
- [Глава XVII](#)
- [Глава XVIII](#)
- [Глава XIX](#)
- [Глава XX](#)
- [Глава XXI](#)
- [Глава XXII](#)
- [Глава XXIII](#)
- [Глава XXIV](#)
- [Глава XXV](#)
- [Глава XXVI](#)
- [Глава XXVII](#)
- [Глава XXVIII](#)
- [Глава XXIX](#)
- [Глава XXX](#)
- [Глава XXXI](#)
- [Глава XXXII](#)
- [Глава XXXIII](#)
- [Глава XXXIV](#)
- [Глава XXXV](#)
- [Глава XXXVI](#)
- [Глава XXXVII](#)
- [Глава XXXVIII](#)
- [Глава XXXIX](#)
- [Глава XL](#)
- [Глава XLI](#)
- [Глава XLII](#)
- [Глава XLIII](#)
- [Глава XLIV](#)
- [Глава XLV](#)
- [Глава XLVI](#)
- [Глава XLVII](#)
- [Глава XLVIII](#)
- [Глава XLIX](#)
- [Глава L](#)
- [Глава LI](#)
- [Глава LII](#)

- [Глава LIII](#)
- [Глава LIV](#)
- [Глава LV](#)
- [Глава LVI](#)
- [Глава LVII](#)
- [Глава LVIII](#)
- [Глава LIX](#)
- [Глава LX](#)
- [Глава LXI](#)
- [Глава LXII](#)
- [Глава LXIII](#)
- [Глава LXIV](#)
- [Глава LXV](#)
- [Глава LXVI](#)
- [Глава LXVII](#)
- [Глава LXVIII](#)
- [Глава LXIX](#)
- [Главы LXX–LXXI](#)
- [Глава LXXII](#)
- [Глава LXXIII](#)
- [Глава LXXIV](#)
- [Глава LXXV](#)
- [Глава LXXVI](#)
- [Глава LXXVII](#)
- [Глава LXXVIII](#)
- [Глава LXXIX](#)
- [Глава LXXX](#)
- [Глава LXXXI](#)
- [Глава LXXXII](#)
- [Глава LXXXIII](#)
- [Глава LXXXIV](#)
- [Глава LXXXV](#)
- [Глава LXXXVI](#)
- [Главы LXXXVII–CXXVIII](#)
- [Глава CXXIX](#)
- [Глава CXXX](#)
- [Глава CXXXI](#)
- [Глава CXXXII](#)
- [Глава CXXXIII](#)

- [Глава CXXXIV](#)
- [Глава CXXXV](#)
- [Глава CXXXVI](#)
- [Глава CXXXVII](#)
- [Глава CXXXVIII](#)
- [Глава CXXXIX](#)
- [Глава CXL](#)
- [Глава CXLI](#)
- [Глава CXLII](#)
- [Глава CXLIII](#)
- [Глава CXLIV](#)
- [Глава CXLV](#)
- [Глава CXLVI](#)
- [Глава CXLVII](#)
- [Глава CXLVIII](#)
- [Глава CXLIX](#)
- [Глава CL](#)
- [Глава CLI](#)
- [Глава CLII](#)
- [Глава CLIII](#)
- [Глава CLIV](#)
- [Глава CLV](#)
- [Глава CLVI](#)
- [Глава CLVII](#)
- [Глава CLVIII](#)
- [Главы CLIX–CLXIV](#)
- [Глава CLXV](#)
- [Глава CLXVI](#)
- [Глава CLXVII](#)
- [Глава CLXVIII](#)
- [Глава CLXIX](#)
- [Глава CLXX](#)
- [Глава CLXXI](#)
- [Глава CLXXII](#)
- [Глава CLXXIII](#)
- [Глава CLXXIV](#)
- [Глава CLXXV](#)
- [Глава CLXXVI](#)
- [Глава CLXXVII](#)

- [Глава CLXXVIII](#)
- [Глава CLXXIX](#)
- [Глава CLXXX](#)
- [Глава CLXXXI](#)
- [Глава CLXXXII](#)
- [Глава CLXXXIII](#)
- [Глава CLXXXIV](#)
- [Главы CLXXXV–CLXXXVIII](#)
- [Глава CLXXXIX](#)
- [Глава CXC](#)
- [Глава CXCI](#)
- [Глава CXCII](#)
- [Глава CXCIII](#)
- [Глава CXCIV](#)
- [Глава CXCV](#)
- [Глава CXCVI](#)
- [Глава CXCVII](#)
- [Глава CXCVIII](#)
- [Глава CXCIX](#)
- [Глава CC](#)
- [Глава CCI](#)
- [Глава CCII](#)
- [Глава CCIII](#)
- [Глава CCIV](#)
- [Глава CCV](#)
- [Глава CCVI](#)
- [Глава CCVII](#)
- [Глава CCVIII](#)
- [Глава CCIX](#)
- [Глава CCX](#)
- [Глава CCXI](#)
- [Глава CCXII](#)
- [Глава CCXIII](#)
- [Глава CCXIV](#)
- [Глава CCXV](#)
- [Глава CCXVI](#)
- [Глава CCXVII](#)
- [Глава CCXVIII](#)
- [Глава CCXIX](#)

- [Глава CCXX](#)
- [Глава CCXXI](#)
- [Глава CCXXII](#)
- [Глава CCXXIII](#)
- [Глава CCXXIV](#)
- [Глава CCXXV](#)
- [Глава CCXXVI](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
- [comments](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)

- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)

- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)
- [81](#)
- [82](#)
- [83](#)
- [84](#)
- [85](#)
- [86](#)
- [87](#)
- [88](#)
- [89](#)
- [90](#)
- [91](#)
- [92](#)

- [93](#)
- [94](#)
- [95](#)
- [96](#)
- [97](#)
- [98](#)
- [99](#)
- [100](#)
- [101](#)
- [102](#)
- [103](#)
- [104](#)
- [105](#)
- [106](#)
- [107](#)
- [108](#)
- [109](#)
- [110](#)
- [111](#)
- [112](#)
- [113](#)
- [114](#)
- [115](#)
- [116](#)
- [117](#)
- [118](#)
- [119](#)
- [120](#)
- [121](#)
- [122](#)
- [123](#)
- [124](#)
- [125](#)
- [126](#)
- [127](#)
- [128](#)
- [129](#)
- [130](#)
- [131](#)

- [132](#)
- [133](#)
- [134](#)
- [135](#)
- [136](#)
- [137](#)
- [138](#)
- [139](#)
- [140](#)
- [141](#)
- [142](#)
- [143](#)
- [144](#)
- [145](#)
- [146](#)
- [147](#)
- [148](#)
- [149](#)
- [150](#)
- [151](#)
- [152](#)
- [153](#)
- [154](#)
- [155](#)
- [156](#)
- [157](#)
- [158](#)
- [159](#)
- [160](#)
- [161](#)
- [162](#)
- [163](#)
- [164](#)
- [165](#)
- [166](#)
- [167](#)
- [168](#)
- [169](#)
- [170](#)

- [171](#)
- [172](#)
- [173](#)
- [174](#)
- [175](#)
- [176](#)
- [177](#)
- [178](#)
- [179](#)
- [180](#)
- [181](#)
- [182](#)
- [183](#)
- [184](#)
- [185](#)
- [186](#)
- [187](#)
- [188](#)
- [189](#)
- [190](#)
- [191](#)
- [192](#)
- [193](#)
- [194](#)
- [195](#)
- [196](#)
- [197](#)
- [198](#)
- [199](#)
- [200](#)
- [201](#)
- [202](#)
- [203](#)
- [204](#)
- [205](#)
- [206](#)
- [207](#)
- [208](#)
- [209](#)

- [210](#)
- [211](#)
- [212](#)
- [213](#)
- [214](#)
- [215](#)
- [216](#)
- [217](#)
- [218](#)
- [219](#)
- [220](#)
- [221](#)
- [222](#)
- [223](#)
- [224](#)
- [225](#)
- [226](#)
- [227](#)
- [228](#)
- [229](#)
- [230](#)
- [231](#)
- [232](#)
- [233](#)
- [234](#)
- [235](#)
- [236](#)
- [237](#)
- [238](#)
- [239](#)
- [240](#)
- [241](#)
- [242](#)
- [243](#)
- [244](#)
- [245](#)
- [246](#)
- [247](#)
- [248](#)

- [249](#)
- [250](#)
- [251](#)
- [252](#)
- [253](#)
- [254](#)
- [255](#)
- [256](#)
- [257](#)
- [258](#)
- [259](#)
- [260](#)
- [261](#)
- [262](#)
- [263](#)
- [264](#)
- [265](#)
- [266](#)
- [267](#)
- [268](#)
- [269](#)
- [270](#)
- [271](#)
- [272](#)
- [273](#)
- [274](#)
- [275](#)
- [276](#)
- [277](#)
- [278](#)
- [279](#)
- [280](#)
- [281](#)
- [282](#)
- [283](#)
- [284](#)
- [285](#)
- [286](#)
- [287](#)

- [288](#)
- [289](#)
- [290](#)
- [291](#)
- [292](#)
- [293](#)
- [294](#)
- [295](#)
- [296](#)
- [297](#)
- [298](#)
- [299](#)
- [300](#)
- [301](#)
- [302](#)
- [303](#)
- [304](#)
- [305](#)
- [306](#)
- [307](#)
- [308](#)
- [309](#)
- [310](#)
- [311](#)
- [312](#)
- [313](#)
- [314](#)
- [315](#)
- [316](#)
- [317](#)
- [318](#)
- [319](#)
- [320](#)
- [321](#)
- [322](#)
- [323](#)
- [324](#)
- [325](#)
- [326](#)

- [327](#)
- [328](#)
- [329](#)
- [330](#)
- [331](#)
- [332](#)
- [333](#)
- [334](#)
- [335](#)
- [336](#)
- [337](#)
- [338](#)
- [339](#)
- [340](#)
- [341](#)
- [342](#)
- [343](#)
- [344](#)
- [345](#)
- [346](#)
- [347](#)
- [348](#)
- [349](#)
- [350](#)
- [351](#)
- [352](#)
- [353](#)
- [354](#)
- [355](#)
- [356](#)
- [357](#)
- [358](#)
- [359](#)
- [360](#)
- [361](#)
- [362](#)
- [363](#)
- [364](#)
- [365](#)

- [366](#)
 - [367](#)
 - [368](#)
 - [369](#)
-

Предисловие

В начале 1550 года в Португалию из дальних странствий возвратился некто Фернан Мендес Пинто. Он обосновался в селеньице Прагал, неподалеку от Лиссабона. Соседям скоро стало известно, что этот человек более двадцати лет пробыл на Востоке, но никто толком не знал, чем он там занимался.

В июле 1583 года Мендес Пинто умер в шестидесятидевятилетнем возрасте. А спустя тридцать с лишним лет, и 1614 году, в Лиссабоне вышла в свет его книга. Называлась она так: «Странствия Фернана Мендеса Пинто, где сообщается о многих и многодивных вещах, которые ему довелось увидеть в королевствах Китайском, Татарии, Сорнау, оно же в просторечии Сиам, в Каламиньяне, Пегу, Мартаване и во многих других королевствах и княжествах Востока, о которых в наших западных странах мало или даже совсем ничего не известно».

Книга разошлась мгновенно. Столь же быстро разошлись и последующие ее издания, португальские, испанские, английские, голландские и французские ^[1]. Факт для XVII века почти беспримерный, учитывая огромный объем и высокую цену книги. В общей же сложности, с 1614 по 1964 год в разных странах мира вышло в свет не менее ста изданий «Странствий».

В XVII и XVIII веках вся Западная Европа упивались необыкновенными приключениями Мендеса Пинто, купца, солдата, пирата, путешественника и дипломата. Любителей легкого чтения эта книга покоряла своим острым сюжетом, внезапными поворотами судьбы ее главного героя (им был сам автор), яркими описаниями экзотических стран, лежащих на краю земли. На пути от берегов Эфиопии к берегам Японии этот герой терпел немыслимые бедствия, тринадцать раз попадал в рабство, тонул в бесчисленных кораблекрушениях, чудом спасался в жестоких битвах, наживал и терял огромные состояния и повсюду и везде с непостижимой ловкостью выходил сухим из воды. Невозможно было оторваться от удивительных приключений этого беспокойного странника, да и к тому же воображение читателей распаляли волшебные картины суматранских джунглей, таинственных храмов Бирмы и Сиамы, чудогородов Китая, богатых и многошумных гаваней Малабара и Явы.

Людей с критическим складом ума эта книга привлекала по иным причинам. Три цензуры, в том числе и цензура святой инквизиции,

дозволили ее выход. А между тем «Странствия» с цензурной точки зрения были произведением отнюдь не назидательным и не душеспасительным.

Автор бродил по разным восточным землям в пору, когда наивысшего расцвета достигла португальская колониальная империя, когда его предприимчивые соотечественники прочно утвердились в Индии, прибрали к рукам Малакку, важнейший центр транзитной торговли в южноазиатских морях, проникли на острова «бахромы мира» — Малайского архипелага, дотянулись до гаваней Китая и Японии. Странное, однако, впечатление об этой Португальской империи и о ее героях создавалось при чтении этой трижды дозволенной книги. Империя оказывалась не оплотом христианской цивилизации на басурманском Востоке, а огромным полуторговым, полуразбойничьим предприятием. А ее герои в своей кипучей деятельности неизменно проявляли совсем не христианские качества. Их отличали коварство, жестокость, корыстолюбие, вероломство, наглость, неумная страсть к интригам и козням. Басурманский же мир, исповедующий «ложную веру пророка», коснеющий в язычестве, поклоняющийся шестируким идолам и богам нехристианского Пантеона, являл многие достоинства, которых лишены были португальские «цивилизаторы».

Цензоры трех охранительных ведомств ротозейством не отличались. И когда того требовали обстоятельства, они предавали анафеме куда менее опасные сочинения. Появлению «Странствий», по всей вероятности, способствовали причины чисто конъюнктурные.

В 1614 году Португальской империи уже не существовало. Португалия и ее заморские владения с 1580 года входили в границы Испанского королевства. В Мадриде отрицательно относились ко все еще живучим традициям португальского великодержавия, и книга, обличавшая колониальную практику страны-соперницы, могла там вызвать определенные симпатии. В этом смысле очень показательны замечания испанского переводчика «Странствий» Эрреры де Мальдонадо. В 1618 году он писал: «Осторожный и достойнейший король Филипп II немало часов отдал чтению этой книги, и он полагал, что автор ее правдив и отлично описал в качестве очевидца события того времени...» Это — ссылка на монарха, который захватил Португалию и болезненно относился ко всяким проявлениям португальского партикуляризма. Очевидно, Филиппу II, при жизни которого «Странствия» так и не увидели свет, и цензорам его преемника, Филиппа III, издание этой книги представлялось делом полезным и выгодным.

Для нас былая игра конъюнктурных соображений имеет лишь сугубо

исторический интерес. Книга Мендеса Пинто, обязанная своим рождением сцеплению давно забытых обстоятельств, триста шестьдесят лет живет в подлунном мире, а в наши дни, в эпоху крушения колониализма, она приобрела особое значение, ибо ее автор был одним из первых европейцев, решившихся бросить вызов системе колониального угнетения.

О Мендесе Пинто известно не так уж много. Кое-какие биографические сведения, относящиеся к периоду хождений автора «Странствий» по восточным землям, можно извлечь из этой книги. Кое-что, но довольно мало, дают его письма, адресованные миссионерам иезуитского ордена, и переписка этих миссионеров, в которой упоминается Мендес Пинто. Однако о годах его юности и о жизни, которую он вел после возвращения на родину, сохранились лишь отрывочные сообщения, а поэтому важные узловые моменты в биографии Мендеса Пинто вызывают споры у исследователей его творчества. Предполагается, что Мендес Пинто родился в 1514 году в городке Монтемор-о-Велью в провинции Бейра-Мар на севере Португалии. Сам Мендес Пинто признается, что детство он провел в нужде и лишениях и что в десяти- или двенадцатилетнем возрасте дядя отдал его в услужение одной знатной лиссабонской сеньоре. Примерно таким же образом вступали в жизнь герои испанского плутовского романа Ласарильо с Тормеса и Гусман из Альфараче, выходцы из плебейских низов, получившие в лакейских первых свои жизненные уроки. Далее в жизни Мендеса Пинто произошло какое-то прискорбное событие, которое вынудило его покинуть дом знатной покровительницы и бежать из Португалии за тридевять земель. У испанских плутов такие происшествия обычно были связаны с посягательствами на чужие кошельки. Возможно, что подобные же причины побудили и Мендеса Пинто к дальнему путешествию. Вряд ли он свято соблюдал евангельскую заповедь «не укради». Однако не менее вероятно, что к поспешному бегству его толкнуло более грозное обстоятельство.

В 1903 году португальский историк Кардозо Бетанкур в частном письме к биографу Мендеса Пинто Кристовану Айресу сообщил, что ему удалось найти в лиссабонских архивах материалы инквизиционного процесса против родителей Мендеса Пинто. Отец автора «Странствий» назван был в этих документах «новым христианином», а к этой категории принадлежали недавно крещенные португальские евреи. «Новых христиан» и еретиков в Португалии стали люто преследовать после 1535 года, когда в этой стране учрежден был трибунал святой инквизиции. Если учесть, что Мендес Пинто пустился в бега в 1537 году, то нельзя не прийти

к выводу, что у него были веские основания срочно покинуть родину.

На Восток он перебрался на одном из кораблей королевской флотилии. Однако он не состоял на коронной службе. Впрочем, большинство португальских переселенцев оседало в Индии и в странах Юго-Восточной Азии в качестве частных особ, не связанных с заморскими ведомствами Португальского королевства.

Сила и слабость португальской колониальной империи во многом определялись своеобразными особенностями того человеческого материала, который метрополия поставляла в новообретенные заморские владения. Португалия выбрасывала за океан весьма пеструю массу эмигрантов. Лишь немногие из них, преимущественно представители знати и рыцарства высшего ранга, отправлялись на Восток в качестве должностных лиц. Прочие переселенцы вынуждены были действовать на свой риск и страх и на свой кошт. Это были люди энергичные и не обремененные евангельскими добродетелями. Они стремились к быстрой и легкой наживе, заманчивая цель оправдывала любые средства, а поэтому они с равным успехом занимались и торговлей, и пиратским промыслом, и охотно продавали свой меч восточным владыкам, — португальские наемники встречались в ту пору при дворах многих государей Бирмы, Сиамы, Суматры, Явы и Калимантана. Именно они шли в авангарде португальского вторжения, именно они были лазутчиками и поводырями флотоводцев и военачальников португальских королей. Но радели они прежде всего о себе, и из корыстных побуждений легко жертвовали интересами португальской короны. Им случалось нарушать королевскую монополию на торговлю индийскими и молуккскими пряностями, порой они продавались властителям, враждовавшим с португальским вице-королем, а иногда они пускали ко дну корабли, которые курсировали в азиатских водах под флагом португальского короля Жоана III.

К числу таких искателей добычи принадлежал и Мендес Пинто. Едва оглядевшись в новом краю, он связал свою судьбу с капитаном небольшой португальской флотилии, надеясь, что ему «с ним легко будет разбогатеть». С этим капитаном он попал в Эфиопию и в Аравию, где угодил в плен к туркам. Однако неудача не охладила его надежд на быстрое обогащение. Получив свободу, он снова пустился во все тяжкие. На какое-то время он поступил на королевскую службу и выполнял доверительные поручения португальских наместников и комендантов. С такими поручениями Мендес Пинто в 1539–1540 годы объездил всю северную Суматру и различные области Малаккского полуострова. Он был, пожалуй, первым европейцем, посетившим труднодоступные районы

внутреннего суматранского нагорья. Затем года два Мендес Пинто пиратствовал в малайских и китайских морях с удачливым и безумно отважным морским разбойником, португальцем Антонио де Фарией. Маршруты его дальнейших странствований проследить крайне трудно, но он, безусловно, побывал в Южном Китае, неоднократно посещал Японию, исходил, изъездил и исплавал моря и земли Сиам, Бирмы, Камбоджи, Тьямпы (современного Центрального Вьетнама), добирался до северных областей Вьетнама, до Явы и Калимантана, снова навещал Суматру, Малакку и Индию. Кое-где он торговал, кое-где воевал, кое-где шпионил, кое-где по старой памяти промышлял морским разбоем — и в общей сложности в непрерывных и опасных скитаниях провел лет тринадцать.

Восстановить последовательность этих бесконечных перемещений чрезвычайно нелегко, главным образом потому, что сам Мендес Пинто по тем или иным причинам часто запутывал свои следы. Попытку реконструкции азиатских маршрутов автора «Странствий» предпринял в 1926 году немецкий географ Г. Шурхаммер. Вот как выглядит его схема:

Март 1537 года. Отплытие из Лиссабона в Индию.

1537–1538 годы. Диу — Сокотра — Эфиопия — Аравия — Ормуз — Чаул — Гоа.

1539 год. Гоа — Малакка. Путешествие в северную Суматру.

1540 год. Малакка — Малаккский полуостров.

1540–1542 годы. Плавание в малайских и южнокитайских морях, с пиратом Антонио де Фарией. Посещение о-ва Хайнань, Южного Китая, Тьямпы, Дайвьета (?), Тайваня.

1541–1512 годы. Сиам и Бирма.

1542–1543 годы. Бирма — Пегу — Гоа. Япония (?).

1544 год. Гоа — Малакка — Япония — Южный Китай — Молуккские о-ва.

1545 год. Ява — Сиам — Ава — Лаос (?) — Тьямпа (?) — Дайвьет (?).

1546 год. Джохор — Малакка — Япония.

1548 год. Ява.

1548–1550 годы. Сиам — Пегу — Бирма.

1551 год. Япония.

1552 год. Пегу — Индия.

1554–1556 годы. Посольство в Японию и возвращение в Индию.

Сентябрь 1558 года. Отплытие из Гоа в Лиссабон [\[2\]](#).

В конце сороковых годов XVI века судьба свела Мендеса Пинто с весьма выдающейся личностью, отцом Франциском Ксаверием, одним из

основателей иезуитского ордена, другом Игнатия Лойолы и главой христианских миссий на Востоке. С Франциском Ксаверием Мендес Пинто побывал в 1551 году в Японии, и это путешествие оставило в его памяти неизгладимые воспоминания. В 1552 году Франциск Ксаверий умер на пути из Японии и Китая в Малакку. Под тяжким впечатлением кончины своего патрона Мендес Пинто, к тому времени очутившийся в Гоа, вступил в качестве «мирского брата» в иезуитский орден. Купец и пират превратился в подвижника. Он сбросил богатые одежды (в них он обычно щеголял, когда попадал в Гоа или Малакку) и облачился в рубище. В рубище и отрепьях он снова отправился в Японию, на этот раз во главе дипломатической миссии, посланной вице-королем и гоанскими иезуитами. В 1554 году Мендес Пинто прибыл в Японию, но миссия его успехом не увенчалась. Иезуиты, оставленные в этой стране Франциском Ксаверием, успели между собой перессориться. К тому же в Японии начались смуты, и Мендес Пинто поспешил вернуться в Гоа.

Здесь он пережил серьезный кризис. В иезуитах он горько разочаровался, и в нем снова пробудились былые страсти. Однако из ордена уйти было очень трудно. Мендес Пинто решился на это, зная, что разрыв с иезуитами чреват опасными последствиями. Правда, в сокровищнице ордена ему пришлось оставить несколько тысяч эскудо, но и себе он припас на черный день тысчонок десять — двенадцать. Покинув иезуитский орден, Мендес Пинто в сентябре 1558 года отплыл на родину и, прибыв туда, поселился в Прагале. О последних годах его жизни выше уже говорилось. Добавим, что в Лиссабоне затеряли бумаги Мендеса Пинто, в которых отмечены были его заслуги, поэтому ему было отказано в пенсии. Показательно, однако, что после вторжения в Португалию испанцев скупой, как Шейлок, король Филипп II пожаловал Мендесу Пинто ежегодное вспомоществование. Выдавалось оно натурой, выдавать велено было две меры зерна.

Таков жизненный путь автора «Странствий». Он сложен, но еще сложнее и по замыслу и по композиции его книга.

Это и пиратский роман, и путевые описания, и полуутопии с псевдореалиями географического плана, и исторические хроники, и которых автор выступает как очевидец тех или иных достопамятных событий, не всегда свершавшихся в действительности. Ближе к концу в текст вплетается житийный сюжет: Мендес Пинто посвящает несколько глав отцу магистру Франциску Ксаверию. Заключительные разделы книги содержат очень любопытные сведения о посольстве Мендеса Пинто в Японию, причем это отнюдь не сухой отчет дипломата, а сочное и яркое

описание экзотической страны и приемов, данных португальской миссии в этой стране.

Вообще, следует отметить, что Пинто очень тонкий наблюдатель. Казалось бы, что ему, европейцу, в зрелом возрасте очутившемуся на Востоке, и при этом на Востоке азиатском, многоязычном и многоукладном, не под силу было бы разобраться в мешанине обычаев, нравов, обрядов и верно подметить те или иные особенности национального характера. Но удивительное дело: японцев у него не спутаешь с бирманцами, китайцев с малайцами. С поразительной чуткостью он улавливает как раз те особенности психического склада и поведения, которые отличают данную народность от соседней. Всякий, кто бывал, скажем, во Вьетнаме, поймет, что в таком то случае Мендес Пинто говорит о тьямах, а в таком-то о дайвьетах, а ведь местных языков он не знал, и в этих краях был лишь случайным гостем.

Совершенно особое место занимают в книге пятьдесят пиратских глав (главы XXXVII–LXXXVI). В них Мендеса Пинто вытесняет его двойник, отважный морской разбойник Антонио де Фариа. Это наиболее увлекательные главы «Странствий» и в то же время и наиболее жестокие. Подвиги «рыцарей» морского разбоя описаны с откровенностью, граничащей с цинизмом. Тут и феерические грабежи, и избиения беззащитных людей, и надругательства над всеми святынями, но сам автор предпочитает не выдвигаться на первый план, уступая эту честь Антонио де Фариа.

Некоторые исследователи творчества Мендеса Пинто предполагали, что никакого Антонио де Фарии не существовало в природе и что это вымышленный персонаж, в тени которого скрывается сам автор. Однако совсем недавно, в апреле 1971 года, португальский историк Куньо-и-Фрейтас опубликовал в лиссабонской газете «О секуло» любопытное сообщение. Куньо-и-Фрейтасу удалось обнаружить в португальских архивах завещание пирата Антонио Фарии-и-Соузы. Из текста этого документа явствует, что завещатель был именно тем Фарией, с которым плавал Мендес Пинто. Более того, в завещании есть места, совпадающие с некоторыми фрагментами пиратских глав «Странствий». Конечно, мендес-пинтовский Фариа кое в чем отличается от Фарии истинного. В частности, у подлинного Фарии была иная судьба. Он не погиб в 1542 году при кораблекрушении, как это утверждал Мендес Пинто, а умер шесть лет спустя в Гоа, промотав все свое состояние.

Итак, роман «Странствия» представляет собой весьма сложное произведение по своей композиции, оно ставило и ставит в тупик многих

исследователей творчества Мендеса Пинто. В самом деле, попытки пинтоведов отнести «Странствия» к тому или иному жанру португальской литературы XVI века часто оказываются безуспешными.

Между тем XVI столетие было золотым веком португальской литературы путешествий. Ее основоположником стал лиссабонский аптекарь Томе Пирес, который в 1510–1514 годах посетил Индию и страны Малайского архипелага и, перед тем как отправиться в Китай, переправил на родину великолепное описание южноазиатских земель. Четверть века спустя португалец Франсиско Алварес создал труд, посвященный Эфиопии; во второй половине XVI века целая плеяда любознательных португальских путешественников описала внутренние области Индии, Южный Китай и Японию. Гаспар де Круз, Галеазо Перрейра, Николас Триагузио, Жоан де Лузена убедили Европу в том, что Марко Поло и Одорико Порденоне, первые христианские авторы, посетившие страны Дальнего Востока в XIII и XIV веках, безнадежно устарели.

Все эти представители жанра литературы путешествий сообщали о землях дальней Азии более или менее точные фактические сведения. Они порой сравнивали уклад, верования и обычаи стран Востока и своей родины, но поступали так, чтобы в доступной форме разъяснить португальским читателям специфику общественного строя, религии и быта восточных народов, отнюдь не желая подобными сравнениями подчеркнуть несовершенство политического или социального уклада Португальского королевства. В общем, Томе Пирес и его последователи дали образцы трудов по описательному страноведению, и прямая преемственность связывает их произведения с географической литературой последующих веков.

Но «Странствия» Мендеса Пинто — самого неутомимого из всех португальских путешественников XVI века, занимают особое место в истории португальской литературы. Пинто резко порвал с традициями этих странников-информаторов. Географические и этнографические материалы играли для него подсобную роль, ибо в своих «Странствиях» он прежде всего стремился на канве реальных, а иногда и нереальных фактов критически обрисовать истинное положение на Востоке в период португальского вторжения.

Стремительное проникновение португальских «рыцарей» первоначального накопления и страны Южной Азии и Дальнего Востока вызвало в этой части света взрывной эффект с далеко идущими последствиями. Политические, экономические, психологические последствия португальского вторжения в равной мере сказались и на

соратниках Мендеса Пинто, и на обитателях земель, которые стали объектом этого вторжения. Такого рода последствия и нашли свое отражение в «Странствиях», причем их автор проявил себя как вдумчивый критик португальской колониальной системы.

Говоря об идейной направленности «Странствий», современный прогрессивный португальский литературовед Антонио Жозе Сарайва отметил, что Мендес Пинто сознательно стремился преподнести своим читателям «плутовскую сатиру на сеньориальную идеологию». Пожалуй, уместнее говорить не о сеньориальной, а о раннеколониалистской идеологии, и при этом об идеологии, выражающей систему понятий колониализма португальского. В облике его имеются специфические черты, присущие именно этому историческому явлению, черты весьма стойкие — они сохранились и в наши времена.

Очагом португальского проникновения в страны Востока была страна, скудная природными ресурсами, малонаселенная и незначительная по площади. На рубеже XV и XVI веков в Португалии насчитывалось не более 900 000 жителей, раз в двести меньше, чем в странах Южной Азии. Однако, в силу благоприятных для португальских захватчиков обстоятельств (о них мы упомянем при характеристике исторической обстановки, сложившейся в Южной Азии и на Дальнем Востоке в XVI в.), им удалось утвердиться на главных морских путях в африканских и азиатских морях и создать сеть мощных опорных баз в Индии, на Цейлоне, островах Малайского архипелага, в Малакке и в Южном Китае. За ничтожно короткий срок — каких-нибудь два-три десятилетия — Португалия стала великой мировой державой, чьи владения располагались на четырех материках. Но основой португальского могущества были не только эти территориальные приобретения. Лиссабон обеспечил себе монополию на торговлю восточными пряностями и завоевал абсолютную гегемонию на главных транзитных путях, ведущих из гаваней Китая и Индии в Европу. И вместе с тем сама Португальская империя с ее худосочной метрополией и невероятно растянутыми коммуникациями была исторической аномалией. В силу этого португальскому колониализму были свойственны особенности, органически связанные с присущим ему комплексом неполноценности. Апологеты португальского великодержавия чувствовали себя в роли лафонтеновской лягушки, раздувшейся до воловьих размеров. В мелочах эта мания величия принимала иногда очень курьезные формы: португальские историки, описывая подвиги своей конницы, счет всадникам вели по числу лошадиных ног... По большому же счету эти претензии проявлялись в непомерном восхвалении лузитанской

цивилизации, в бесконечных славословиях покорителям восточных земель, в назойливых попытках доказать, будто португальцы принесли народам Востока свет христианской культуры и наставили их на истинный путь прогресса.

На этих сомнительных устоях и поныне удерживается официозная португальская идеология, хотя в наш век претензии португальских колонизаторов на роль апостолов христианской цивилизации выглядят совершенно смехотворно.

В XVI веке эти «истины» утверждали и проповедовали весьма одаренные личности. «Португальский Тит Ливий» — историк Жоан Баррос (1496–1570) создал блестящий труд о португальских завоеваниях в Азии. То была эпопея, в которой восхвалялись подвиги творцов лузитанской империи и обосновывались их «благородные» цели. На тех же позициях стояли последователи Жоана Барроса: Лопес де Кастаньеда, Гаспар Корреа, Диого Коуто. Основная тенденции их произведений — героизация португальского вторжения в Азию.

Мендес Пинто решительно порвал и с этой тенденцией. Сарайва справедливо подчеркивает, что автор «Странствий», «дал нам образец литературы, по своей направленности диаметрально противоположный литературе, проникнутой духом рыцарственности и крестоносных идеалов. По существу, Мендес Пинто — это «смутьян», освободившийся от груза патриотических и рыцарских концепций, некий Санчо Панса, противостоящий Дон-Кихотам героической когорты Жоана Барроса...»

Эффект дегероизации, который заложен в самой основе книги Мендеса Пинто, оказался чрезвычайно действенным, благодаря ее особенностям, связанным с жанром «плутовской сатиры».

Плутовской роман — дитя Испании, и своего расцвета он достиг в этой стране во второй половине XVI и в XVII веке. Создавшая славу этому жанру анонимная повесть «Ласарильо с Тормеса» вышла в Кастилии в 1554 году. Возможно, Мендес Пинто читал ее, возможно, она и не дошла до селеньица Прагал, где он коротал свои старческие годы. Да и, в сущности, не так уж важно дознаться, знаком ли был Мендес Пинто с плутовскими повестями и романами испанских авторов XVI века. В литературных прототипах Мендес Пинто не очень нуждался. Уж кого-кого, а героев, себе подобных, он встречал в своих скитаниях на каждом шагу. Это были дерзкие, алчные, бесчестные, нечистые на руку плуты, но если у их испанских «коллег» сфера действия была сужена до предела и ограничивалась лакейскими, постоялыми дворами, воровскими притонами и трущобами севильской Трианы, то португальским плутам открывались

на Востоке поистине фантастические возможности. Баррос почти не упоминает о них, чаще, эти португальские Ласарильо встречаются у Гаспара Корреа. Однако у летописцев лузитанского заморского вторжения подобные персонажи всегда отодвинуты на второй и третий планы. А вот у Мендеса Пинто они свободно разгуливают по всей его книге, и в них воплощается дух португальской экспансии. Обжоры, насильники, забияки, драчуны, стяжатели, склочники, интриганы, эти люди без роду и племени, эти пасынки Лузитании, как раз и олицетворяют Империю, в Которой Никогда Не Заходит Солнце. Ни самого себя, ни всех этих антигероев Мендес Пинто не склонен ни осуждать, ни восхвалять. Морализирующее начало отсутствует в его книге, чем, пожалуй, она и отличается от плутовского романа виднейшего представителя этого жанра Матео Алемана, автора «Гусмана из Альфараче». Но зато Мендес Пинто предельно, беспощадно объективен, и в этом сила его книги.

На передний план выдвинуты не вице-короли, военачальники, флотоводцы, наместники и губернаторы, как у Барроса, Кастаньеды или Корреа, а такие же молодчики, как сам Пинто и его друг и компаньон по пиратским предприятиям Антонио де Фариа. Мендес Пинто отнюдь не склонен клеймить презрением своих негероических героев. Он не раз дает понять, что они такие же люди, как и любые прочие его соотечественники, и что судьба забросила их на край света потому, что родина для них оказалась недоброй мачехой. Им свойственны человеческие качества, порой весьма похвальные. Нет у них лютой религиозной нетерпимости, нет расовых предрассудков. В бесконечно чужом мире они очень быстро осваиваются с обитателями дальних и неведомых стран, отдавая должное, совсем не португальским обычаям, нравам и верованиям. В этом смысле они, безусловно, куда привлекательнее, чем «железные» вице-короли из галереи Жоана Барроса. Вице-королям их ранг, их высокая христианская миссия эмоций иметь не позволяет. И уж тем более этим шагающим бомбардам неуместно мириться с языческими суевериями. Сеньоры Алмейда, Албукерке или Кастро выжигали инаковерие каленым железом...

Читая «Странствия», невольно убеждаешься, что все происходящее на португальском Востоке — это сплошное плутовство. Плутуют коменданты крепостей, покупая местных вождей, засылая шпионов к соседним властителям, плутуют купцы, обсчитывая доверчивых азиатов, плутуют миссионеры, соблазняя язычников видениями христианского рая, плутуют пираты, деля добычу. И не это ли всеобщее плутовство сгубило во цвете лет, в сорокашестилетнем возрасте, отца Франциска Ксаверия, Рыцаря Печального Образа, возмнившего, что назидательными проповедями и

личным примером можно очистить от скверны восточнопортугальский мир?

Кстати, о религии. Мендес Пинто добрый христианин, три цензуры не усмотрели в его книге прямой ереси. Однако... Так ли уж совместимы с учениями снятой церкви те места книги, где автор ведет дискуссии на религиозные темы с разными восточными язычниками? Конечно, Мендес Пинто весьма красноречиво разъясняет им принципы истинной, католической, веры, но вместе с тем он охотно предоставляет слово своим оппонентам. Конечно, опасные мысли принадлежат не автору «Странствий» — упаси бог, — но критически мыслящий читатель, вероятно, пропустит убогие аргументы в защиту истинной веры и, бесспорно, заинтересуется доводами язычников, а эти язычники довольно убедительно доказывают, что к богу можно прийти разными путями и что путь к вечному спасению открывает не только католическая церковь, — сомнения мыслящего читателя не могут не подкрепить соображения иного характера. Ведь совершенно ясно, что, не зная восточных языков и наречий, Мендес Пинто ни в какие дискуссии на богословские сюжеты вступать не мог. Он, правда, пользовался услугами толмачей, но вряд ли эти посредники способны были переводить мудрые речи местных богословов. Стало быть, и суждения, которые он приписывает иноземцам, зарождались в его собственной голове, и за них он несет полную ответственность.

Пожалуй, наиболее ярко отражают сущность таких суждений речи, которые Мендес Пинто влагает в уста двух «мусульман», захваченных Антонио де Фарией на острове Хайнань. «Мусульмане» доказывают Антонио де Фарии, что бог не может воплощаться в человеческом образе, «ибо не могло быть причины, способной побудить божество к такой крайности, раз совершенство божественной сущности освобождает его от наших человеческих невзгод и ему дела нет до земных сокровищ, поскольку перед лицом его славы все ничтожно» (глава XLVIII). «Мусульмане» проповедуют ересь, за которую в Лиссабоне или Коимбре людей предавали всенародному сожжению. Они отрицают возможность, или, точнее, необходимость, воплощения божественной сущности в человеке, посягая на все принципы Нового завета. Отдает ересью и мнение, будто богу нет дела до людских сокровищ. Такую мысль, к великому негодованию португальских наместников, развивал, между прочим, Франциск Ксаверий. Опасна же эта мысль потому, что она совершенно несовместима с азиатской практикой португальских цивилизаторов. Ведь и Антонио де Фария, и его соратники, устраивая засады, чиня набеги,

вступая в бои из-за добычи, всякий раз обращаются к богу и просят у него помощи. Бог Антонио де Фари — компаньон разбойничьего предприятия. Ему выплачивают определенную долю, жертвуя на храмы господни, эти сделки освящены самим небом. Да и король Жоан III поступает так же, взывая под сводами Сеу — лиссабонского кафедрального собора — о ниспослании удачи в заморских походах.

Подобных же рассуждений на те же или близкие, темы немало и в других главах, особенно в той части книги, которая посвящена Китаю. Весьма существенно, что они часто сопровождаются завлекательными и обычно фантастическими описаниями храмов, идолов и реликвий в нехристианских землях, и читатели, заглатывая такую наживку, одновременно приобщаются к неортодоксальным богословским суждениям, которые так ловко вплетаются в текст книги.

Нельзя не отметить и следующего обстоятельства: хотя Мендес Пинто и имел крайне смутные представления о восточных религиях и, толкуя о них, прибегал к христианской терминологии, не вдаваясь в разъяснения недоступных ему конфессиональных особенностей того или иного культа, он всегда давал почувствовать разницу между этими культами. «Христианизированные» речи буддистов у него резко отличаются от суждений конфуцианцев, синтоистское божество, которому поклоняются японцы, невозможно спутать в его описаниях с Буддой. Разумеется, эти описания условны, но они представляют немалый интерес для историка восточных религий. И, кроме того, наглядно иллюстрируют отношение свободомыслящего европейца XVI века к строю религиозной мысли народов, обитавших за пределами христианского мира.

Мендес Пинто подвергает сомнению не только догматы католической церкви. В его «Странствиях» содержится множество замаскированных выпадов против социальной практики португальской заморской политики, не щадит он и нормы морали, этики и поведения своих соотечественников. При этом Мендес Пинто пользуется весьма разнообразными литературными приемами. Чаще всего он обличает пороки португальского уклада, сопоставляя этот уклад с политическим или общественным строем вымышленных стран, государств-утопий. Убедительности ради он иногда дает этим утопиям точный географический адрес. Северный Китай и Татария действительно существовали на карте мира во времена, когда Мендес Пинто странствовал по азиатским землям, но это страны-фикции, ибо, описывая их, он в соответствии с тайным своим умыслом наделяет их более или менее идеальным общественным устройством. Образцовые порядки мендес-пинтовского псевдо-Китая дают ему возможность

высмеять далеко не примерные особенности португальского образа жизни. Лиссабонский читатель, которому знакомы были и нравы королевского дворца, и чудовищные злоупотребления высоких и низких должностных лиц, и адский режим португальских тюрем, и убийственно медленная процедура судопроизводства, и грабительская практика налоговых ведомств, с удивлением узнавал об идеальных государях, идеальных судах, идеальных тюрьмах и идеальных чиновниках квази-Китая. А узнавая, невольно сопоставлял эту удивительную страну со своей родиной.

Из уст фантастического персонажа — татарского императора этот же читатель мог услышать осудительные сентенции в адрес создателей Португальской империи. Этот властитель, выслушав рассказ о великих подвигах португальских завоевателей, приходил к неутешительному выводу. «Много, — говорил он, — у португальцев алчности, мало правды». Другой же, на этот раз вполне реальный властитель, султан Аче, прямо обвинял португальских королей в кровожадности, тиранических помыслах и в захвате чужих земель.

Привлекал внимание читателя этот вопиющий контраст вымышленных и реальных восточных царств, в которых никого не преследуют за инаковерие или инакомыслие, где не пылают костры инквизиции, где чужеземцу, какую бы веру он ни исповедовал и к какой бы нации ни принадлежал, не отказывали в приюте, и страны-спрута, протянувшей свои жадные щупальца в земли далекой Азии, и ее заморских форпостов с алчными наместниками, вероломными комендантами, нетерпимыми слугами господними, жестокими искателями наживы.

«Так и кажется, — пишет Сарайва, — что у Мендеса Пинто португальцы изображены большими варварами, чем подавляющее большинство народов Востока, коим он противопоставляет своих земляков. Португальцы едят руками, вызывая усмешку у чистоплотных китайцев и японцев, португальцы драчливы и крикливы, и эти их качества пугают татар и приводят в негодование китайцев;...португальцы тщеславны и лживы, они несут легковерным иноземцам невероятный вздор о своей родине, о ее богатствах и воинстве своего короля».

В португальской литературе Мендес Пинто занимает место родоначальника совершенно нового направления. Произведения, равного по обличительной силе «Странствиям» Мендеса Пинто, не знала в последующие два столетия европейская литература. В XVII и в XVIII веках «Странствия», перешагнув португальские рубежи, стали образцом для великих возмутителей спокойствия в различных странах Европы. Приемы контрастных сопоставлений реальных и фантастических земель,

вымышленных и истинных ситуаций, разработанные автором «Странствий», были использованы Мариво и Лессажем, Свифтом и Монтескье, на этих приемах строится одна из наиболее едких сатир на европейских «цивилизаторов» — вольтеровский «Кандид».

Преемственные связи таких писателей, как Свифт и Вольтер, с Мендесом Пинто еще не достаточно изучены, трудно сказать, оказал ли создатель «Странствий» прямое влияние на этих авторов, но несомненно одно: с этой книгой в историю мировой литературы вошла новая система представлений о той части нашей планеты, которая волей обстоятельств стала землей обетованной для европейских колонизаторов.

Конечно, «Странствия» прежде всего представляют для нас интерес как памятник португальской литературы, как произведение, обличающее юный европейский колониализм. Но есть у этой книги и другой аспект: она была и остается поныне важнейшим источником по истории и исторической географии Южной и Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока.

Невозможно оценить историко-географическое значение «Странствий», немыслимо выделить группы совершенно достоверных, полудостоверных и абсолютно фантастических описаний, не представляя себе, что являл в эпоху Мендеса Пинто восточный мир.

Был же он и ту пору мозаично пестрым.

В Индии, точнее, в пределах индостанского треугольника, в полосе западного и восточного его побережий, располагалось множество мелких, яростно между собой враждующих государств. В северо-западном углу индостанского треугольника столь же ожесточенно боролись за первенство три довольно крупных мусульманских державы: Гуджарат, Ахмеднагар и Биджапур. Южную часть Индостана занимало весьма значительное индуистское государство Виджаянагар. Выхода в Бенгальский залив и в Аравийское море Виджаянагар не имел; гирлянда мелких приморских княжеств Малабара и Короманделя (все они были важными центрами транзитной торговли) хотя и состояла в вассальной зависимости от Виджаянагара, но этому государству фактически не подчинялась. А в силу этого создавалось парадоксальное положение: Виджаянагар располагал сотысячной армией, но его вооруженные силы пребывали в полном бездействии, когда португальцы покоряли приморские княжества

Малабара.

За семь лет до того, как корабли Васко да Гамы отдали якорь в Каликуте, в 1491 году тайный агент португальского короля Жоана II доносил в Лиссабон, что на индийских берегах португальцы смогут закрепиться без всякого труда, стоит только натравить друг на друга местных властителей. Именно к такой тактике прибегли португальцы, добравшись до индийских берегов, и в самом начале XVI века им удалось овладеть важными опорными пунктами в Малабаре. Первой их базой стал город Кочин (1500 г.). Спустя шесть лет они захватили гавань Коннанур, лежащую чуть севернее Кочина, а в 1510 году португальский наместник в Индии Афонсо Альбукерке овладел городом Гоа, который стал столицей Португальской Индии. Год спустя Албукерке завоевал Малакку, гавань, расположенную в солнечном сплетении южноазиатских морских дорог, на полпути из Индии в Китай. В 1514 году Албукерке штурмом взял город Ормуз, лежащий на небольшом островке у самого входа в Персидский залив. В 1518 году португальцы обосновались на Цейлоне, а в 1535–1537 годах покорили город Диу, сильную крепость, контролирующую побережье Гуджарата.

У португальцев была незначительная армия; в первой четверти XVI века их сухопутные вооруженные силы в Азии не превышали 10–12 тысяч воинов, но зато они ввели в индийские воды могучий боевой флот. Им удалось разгромить на море своих соперников — египтян и турок, а затем утвердить свою абсолютную гегемонию на главных морских путях Южной и Юго-Восточной Азии. Португальцы не имели физических возможностей овладеть в Индии значительными территориями, да и не испытывали и этом нужды. Захватив основные гавани на индийских берегах, они без труда установили контроль над всеми внешними связями Виджаянагара, Биджапура, Ахмеднагара и Гуджарата.

На островах Малайского архипелага картина была примерно такой же, как в Индии. В самом начале XVI века распалась Яванская империя Маджапахит, которая за полтора столетия до этого владела большей частью Малайского архипелага. На Суматре и Яве везде вдоль северных берегов образовались мелкие торговые государства; подобно индийским приморским княжествам, они оспаривали друг у друга первенство в морской торговле и в своекорыстных интересах охотно шли на сделки с сильными иноземными покровителями. На Суматре в XV веке утвердился ислам, религию пророка туда занесли предприимчивые арабские, иранские и гуджаратские купцы, и их торговые колонии имелись во всех приморских государствах. Наиболее могущественной суматранской державой был

султанат Аче, в границы которого входила вся северная оконечность этого острова. Во внутренних его областях обитали различные племена, слабо затронутые влияниями индийской и арабской культуры. На Яве в первой половине XVI века возникло несколько довольно значительных государств. Мусульманский султанат Бантам в западной части острова и мусульманское государство Демак в центральной Яве непрерывно воевали друг с другом, а Демак к тому же враждовал с индуистской державой Пасуруан, владевшей обширными территориями в восточной части острова.

На Суматру и Яву португальцы проникли в 1509–1511 годах. Крупных опорных пунктов у них там не было, но зато имелось немало ловких и расторопных агентов, и они постоянно вызывали смуты на этих островах. Бельмом на глазу португальских захватчиков был султанат Аче, держава с довольно сильным флотом.

Португальцев, однако, особенно волновала восточная кайма «бахромы мира». Там, на дальних окраинах Малайского архипелага, лежали Молуккские острова, родина мускатного ореха и гвоздики, пряностей, которым цены не было на рынках Лиссабона, Генуи, Венеции, Лондона и Антверпена. До Молукк португальцы добрались в 1512 году, и маленький островок Тернате, лежавший на подступах к этому архипелагу пряностей, был им дороже городов Малабара и гаваней Суматры и Явы.

Столь же для них важен был Малаккский полуостров. Сама природа уготовила ему роль исключительно выгодного плацдарма на стыке индийских и китайских морей. Овладев Малаккой, португальцы вскоре поставили под свой контроль слабые полуостровные государства и выдвинулись к самой границе Сиама. От Малакки через Малаккский и Сингапурский проливы шел путь к гаваням Китая, и этот путь стал португальским.

Таким образом, в Индии, на островах «бахромы мира» и на Малаккском полуострове обстановка благоприятствовала португальской экспансии, и не случайно за каких-нибудь полтора десятилетия Лиссабон утвердил свою гегемонию в южноазиатских морях.

Иным было положение в Индокитае и на Дальнем Востоке.

К началу XVI века в этой части Азии кое-где уже давным-давно сформировались, кое-где только что народились почти все те государства, которые, показаны на современной карте мира. Их границы проходили примерно там же, где и в наши дни, и на территориях, оконтуренных этими рубежами, шли процессы образования «моноэтнических» государств. Мелкие племена и народности повсеместно группировались вокруг

народностей доминирующих.

Мира не знали и эти страны, но войны в них велись преимущественно против различных сепаратистов или небольших государств, которым не по нраву были центростремительные тенденции. Внутренние войны и смуты препятствовали заморской торговле и крупным внешнеполитическим акциям. Поэтому подавляющее большинство этих государств не имело сильного флота. Исключением были Япония и Дайвьет (Северный Вьетнам), но и Дайвьет, по существу, ограничивался лишь эффективной обороной своего побережья, и флот его не выходил в открытое море.

В Индокитае, в пределах нынешней Бирмы, в бесконечных войнах складывалась единая держава. На верховенство претендовала бирманская династия из города Таунгу. Другими претендентами были правители монского государства Пегу на юге и шанско-бирманские государства па севере. Основными же противниками бирманцев были моны — родичи кхмеров, исконных обитателей Камбоджи.

Мендес Пинто принимал участие в жестоких битвах, которыми был отмечен кульминационный момент этой долголетней борьбы. В тридцатых и сороковых годах XVI века молодой и энергичный монарх династии Таунгу — Табиншветхи (1531–1550) повел решительное наступление на монов. В 1535 году он вторгся в дельту Иравади, а четыре года спустя захватил столицу монов, город Пегу. Но на этом борьба монов с бирманцами не прекратилась. Очагами сопротивления стали западмонский город Проме (современный Пью) и южномонский портовый город Мартабан. Проме, с помощью войск соседнего государства Ава, отбил атаки бирманцев, и тогда Табиншветхи ринулся на Мартабан (в штурме Мартабана участвовал Мендес Пинто), захватил его в 1541 году, а в 1542 году расправился с городом Проме. Объединив Центральную и Южную Бирму, Табиншветхи вторгся в королевство Айютию (Сиам). Тут он потерпел поражение у стен столицы Айютии, после чего его постигла серия фатальных неудач. В 1550 году Табиншветхи был убит восставшими монами, и его государство распалось. На короткое время возродилось монское государство Пегу, которым правил властитель Смиттхо. Началась новая фаза монско-бирманских войн. На этот раз бирманцев вел в бой преемник Табиншветхи — Байиннаунг. В 1551 году Смиттхо был разгромлен, город Пегу пал, и Байиннаунг снова объединил всю Бирму.

Бесперывные войны шли и в Сиаме. Страну эту населяли народы тайской семьи, которые и по языку и по обычаям резко отличались от своих западных бирманских соседей и от кхмеров и вьетнамцев, живущих на востоке. За верховенство здесь боролись два государства — Айютия в

современном Центральном Таиланде и Лансанг в Лаосе. Но, кроме того, было несколько сильных тайских княжеств, которые ни с кем не желали объединяться. Наиболее могущественным из них было княжество Чиенгмай в современном Северо-Западном Таиланде. Опираясь на бирманцев, властитель Чиенгмая вел борьбу с Айютией, в войсках же Айютии успел прослужить некоторое время и автор «Странствий». Он состоял в наемной гвардии короля Айютии Прачая (1534–1546) и участвовал и в боевых действиях, и в придворных заговорах и переворотах. Наблюдения Мендеса Пинто во многом дополняют скудные сообщения сиамских придворных летописцев.

В восточной части Индокитая наиболее могущественное царство Дайвьет с резиденцией в городе Тханг-лаунг (современный Ханой) владело всем Северным Вьетнамом и считало себя сюзереном центральновьетнамского государства Тьямпа. В пределах Северного Вьетнама существовало три феодальных княжества под номинальным главенством общедайвьетской династии Ле. В одном из этих княжеств, центральном, побывал Мендес Пинто. Кроме того, он не раз посещал прибрежные области Дайвьета. Сведения Мендеса Пинто о дайвьетской столице весьма неполны; здесь он был недолго и в качестве гостя. Любопытно, что, предварительно побывав в Южном Китае, он воспринимал дайвьетскую державу глазами жителей Южного Китая. Дайвьет был самым сильным из южных соседей Китая, отсюда и у Мендеса Пинто необычайно уважительное отношение к властителю Дайвьета.

Что касается государства Тьямпа, в котором Мендес Пинто бывал неоднократно, то следует иметь в виду, что в то время его зависимость от Дайвьета была очень слабой. У власти стоили местные правители, торговлю вели местные купцы, а поэтому и Мендес Пинто часто путается в определении статуса Тьямпы, то называя ее вассалом Дайвьета, то самостоятельным государством.

К востоку от индокитайских государств располагалась огромная и богатая Китайская империя, чье политическое и военное могущество, однако, далеко не соответствовало, во времена Пинто, ее размерам. Страна пребывала в состоянии нарастающего маразма. Громоздкий бюрократический аппарат высасывал все соки у бесправного и нищего населения, коррупция разъедала все звенья управления, власть находилась в руках бездарных и заносчивых временщиков. Один из них, некто Ян Сун, получал содержание, которое в несколько раз превышало жалованье всех пограничных войск. Император Ши-цзун (1522–1566) был далеко не

лучшим представителем Минской династии, которая пришла к власти в 1368 году на гребне мощного крестьянского восстания. Самим императором правила придворная камарилья, и из сорока пяти лет царствования двадцать он провел в полном бездействии. Сильного флота не было, торговать с чужеземцами воспрещалось. Границы страны, сухопутные и морские, охранялись из рук вон плохо, монголы не раз вторгались во внутренние области страны и доходили до Пекина, на море бесчинствовали японские и португальские пираты. Губернаторы южнокитайских провинций фактически Пекину не подчинялись и в своекорыстных интересах вступали в сношения с иноземцами (в частности, с португальцами), ничуть не заботясь о достоинстве, выгодах и чести своей страны. Губернаторов было несколько, они постоянно между собой враждовали, что позволяло португальцам создавать свои опорные базы во владениях этих наместников. Сперва португальцы угнездились в Нинбо, затем основали свою факторию близ порта Чжэнчжоу. Обе эти базы находились в провинции Фуцзянь. А в 1557 году они урвали клочок китайской территории — полуостров Аомынь и основали на его берегу город Макао, где они сидят и поныне. Португальцы были во времена Пинто наиболее важными клиентами южнокитайских торговых фирм, и обороты португало-китайской торговли достигали ежегодно миллиона юаней.

Совсем иную картину являла Япония. В первой половине XVI века страна переживала бурный подъем. Развивались города и ремесла, процветала торговля, закладывались новые рудники, японские купцы доходили до Сиам и Филиппин, а японские пираты невозбранно хозяйничали в китайских морях и порой разоряли китайские приморские города. Но сильной центральной власти в стране не было. На богатейшем японском острове Кюсю правили князья-дайме, и один из этих княжеских родов, дом Симадзу, иначе называемый дом Сацума, в сороковых годах XVI века вступил в довольно тесные сношения с португальцами.

Португальцы впервые высадились на небольшом острове Танегасима и севернее Кюсю не заходили. Возможно, что с этой первой партией португальцев посетил Японию и Мендес Пинто. Во всяком случае, он, видимо, имел основание говорить, что был одним из первых европейцев, посетивших Японию.

Португальский опыт был необходим японцам, опасность же португальской экспансии они оценили лишь полвека спустя, поэтому японцы на первых порах не препятствовали христианским миссионерам. В глазах японских феодалов и купцов христианство было своего рода

символом выгодной торговли с европейскими пришельцами. Христиане учили торговать, стрелять и далеко плавать, а чужеземная религия в Японии уважалась. По части веротерпимости японцы намного превосходили португальцев и испанцев. Этим объясняются и успехи Франциска Ксаверия, которого японцы считали полезным чужеземцем. Торговлю с Японией португальцы вели без посредников, и, естественно, эти коммерческие операции приносили им большие выгоды. А князь-дайме на Кюсю и Сикоку охотно вступали с португальцами в контакт, в надежде на помощь, которую эти отлично вооруженные иноземцы могли им оказать в борьбе за независимость.

Итак, описанные Пинто страны можно условно отнести к двум обширным ареалам: индо-малайскому и восточноазиатскому. В индо-малайский ареал входили Индия, Цейлон, острова Малайского архипелага и Малаккский полуостров, в восточноазиатский — Индокитай, Китай и Япония.

Различия между этими ареалами были весьма четкие и определялись упомянутыми выше внутренними причинами. Но вместе с тем действовали и факторы внешние, среди которых немалую роль играли связи тех или иных стран с португальским миром.

В судьбах индо-малайского ареала португальцы уже успели сыграть довольно значительную роль. Захватив главные транзитные пути, они подорвали одну из основ существования государств этого ареала. Португальцы блокировали межостровную торговлю, лишили местных правителей и купцов возможности вести заморские коммерческие операции, овладели самой прибыльной статьей индо-малайского экспорта — вывозом пряностей. Португальцы ослабили не только экономический, но и военный потенциал государств индо-малайского ареала, и в итоге малаккский форпост Португальской империи выдвинулся в ранг сильнейшей державы на морях Юго-Восточной Азии. По существу, не Лиссабон, и не Гоа, а Малакка определяла «погоду» в южноазиатских и южнокитайских морях. Португальское внедрение в Юго-Восточную Азию вызвало любопытные психологические последствия. Ссорясь и торгуя с малаккскими португальцами, яванцы или суматранцы постепенно привыкли рассматривать этих новых соседей как подданных такого же феодального государства, какими были обитатели Демака или Аче. Португальцев уже не воспринимали как пришельцев из иного мира, а это облегчало контакты между местными жителями и малаккско-португальскими деятелями типа Мендеса Пинто.

Однако в восточноазиатском ареале португальцев считали выходцами

из таинственной и непонятной страны. В Южном Китае к ним относились в общем неприязненно, а в Японии, по крайней мере вначале, их принимали как диких, но в какой-то мере полезных чужеземцев. В Индокитае португальцы подвизались лишь в качестве наемников и как таковые особого интереса ни у кого не возбуждали.

Все вышесказанное следует учитывать, читая Мендеса Пинто. Для него понятным и доступным был индо-малайский ареал, труднее было ему постичь внутренние коллизии в странах Индокитая, и совсем чуждыми для него были Китай и Япония.

Эти различия в восприятии азиатской действительности оказали решающее влияние на характер описаний стран Востока. На Суматре, Яве, на Малаккском полуострове и в Индии автор «Странствий» сдерживал свое богатое воображение. Описывал эти края он очень точно, любая глава из начальных разделов «Странствий» — истинный клад для историка. Недаром, оценивая достоверность его сведений о Суматре, английский историк XVIII века Сэмюел Марсден отмечал: «Вернее Пинто никто еще не писал». Высоко оценивают Мендеса Пинто также и индологи. Они находят у него обстоятельные описания событий, связанных с борьбой за крепость Диу, им интересны и сообщения Мендеса Пинто о связях португальцев с Гуджаратом и Ахмеднагаром. Степень точности индо-малайских глав «Странствий» во многом определялась и тем, что в этой части Азии Мендес Пинто бродил по следам своих многочисленных соотечественников и пользовался их трудами. Кстати, и в транскрипциях имен и географических названий стран индо-малайского ареала Мендес Пинто следовал той португальской традиции, которая утвердилась в пору завоеваний Албукерке и нашла свое выражение в географических и исторических трактатах Томе Пиреса и Жоана Барроса. Особенно ценны сведения, которые Мендес Пинто собрал на Суматре, Яве и на Малаккском полуострове. Автор «Странствий» в какой-то степени владел малайским языком, а это дало ему возможность получать важную информацию от местных жителей. Он подробно изложил ход аческо-португальских войн 1539–1540 годов и 1548 года и дал представление о политике малаккских комендантов Жоана III в отношении союзных племен и государств Суматры (батаков, страны Ару и т. д.). Более или менее правдоподобно Мендес Пинто описал войну между яванскими царствами Демак и Пасуруан.

Совершенно иной характер носят описания стран восточноазиатского ареала. К северу от перешейка Кра — в Индокитае, Китае и Японии — Мендес Пинто не был связан трудами своих предшественников, земли эти

в ту пору были либо малоизвестны, либо совершенно неведомы оседлым португальцам, и перед автором «Странствий» открывались здесь широкие возможности. Впрочем, и в этой, большей, части книги, которая посвящена восточноазиатскому ареалу, сохраняется прежняя линейная последовательность описаний странствований реальных и в гораздо большей степени вымышленных. В изобилии рассеяны реалии и псевдореалии, приводятся координаты некоторых мест, попадают, хоть и не часто, точные даты. Но все это иногда подобно кустарникам и травам, которыми охотник, маскировки ради, прикрывает волчьи ямы. Вымысел занимает очень большое место в этой части книги, и даже даты порой смещаются по произволу автора, не говоря уже о широтах и долготах. При этом Мендес Пинто всегда стремится сохранить видимость правдоподобия, он постоянно ссылается на те или иные источники информации и обязательно указывает, когда его повествование ведется по личным наблюдениям и когда оно основывается на местных легендах и преданиях.

Попадая в страны-утопии, Мендес Пинто, по-прежнему сохраняя видимость правдоподобия, находит особую манеру изложения. Меняется и язык, и система повествования, появляются явно нереальные существа, действие происходит в псевдомире, созданном воображением автора. Имен становится меньше, те же, что сохраняются в тексте книги, приобретают диковинное звучание. Появляются фразы на немыслимых языках, должностные лица и военачальники награждаются немыслимыми титулами; длинные перечни, таких псевдостей мы находим в главах, где описывается несуществующий в природе Каламиньян. Так выглядят и главы, где речь идет о неведомой стране высокорослых людей, о путешествии к острову императорских могил. Вообще китайские разделы книги особенно фантастичны.

В Северном Китае Мендес Пинто, по-видимому, не бывал, и описание этой части страны и китайской столицы Пекина — смесь полуправды и вымысла, причем крупницы истины совершенно тонут в море фантастических измышлений. Пекин Мендеса Пинто так же напоминает минскую столицу, как резиденция короля Лилипутии свифтовский Лондон. Тут все неверно: и топография города, и облик его улиц и площадей, и конструкция его стен.

Автора подобные метаморфозы совершенно не волнуют. Описывая Северный Китай, он преследовал весьма определенные цели — показать идеальное государство.

Нельзя сказать, что адрес этой чудо-страны выбран удачно. Выше мы уже отмечали, какую горестную картину являл во времена Мендеса Пинто

минский Китай, и об этом не мог не знать Мендес Пинто, — ведь он не раз бывал в южных областях Минской империи. Но, поскольку в Европе о Китае знали мало, а доступ туда иноземцам был крайне затруднен, Мендес Пинто счел за благо именно на китайской территории расположить идеальное государство, описание которого неминуемо должно было навести его соотечественников на невеселые размышления о своей родине [3]. Очевидно, теми же соображениями руководствовались и авторы более поздних обличительных трудов. В пределы бесконечно далекого и неведомого Китая они вписывали царства-утопии, на примере которых и выявлялось несовершенство европейского политического строя и общественного уклада. Подобно Мендесу Пинто, территорией Китая пользовались для этой цели и Бэкон, и Лейбниц, и Вольтер, и выдающийся русский просветитель Николай Новиков.

В меньшей степени преследуя ту же цель, Пинто описывает страну Каламиньян [4]. Это тоже богатое, могущественное и процветающее государство, и двор его короля ничем не напоминает полумонастырь-полуказарму, в котором сиднем сидел португальский король Жоан III, жалкая марионетка, покорная воле его советников-иезуитов.

Для нас ценны и вполне реальные описания Мендеса Пинто, и его рассказы о странах-утопиях. Запад и Восток предстают в его книге в пору зарождения жестокой системы колониализма, наложившей неизгладимый отпечаток на судьбы народов Старого и Нового Света.

Человек Запада, уроженец страны, которая первая вышла на старт заморских захватов, Мендес Пинто начал свою карьеру на Востоке как искатель легкой наживы и закончил ее искателем истины. Он не нашел ее ни в Гоа, ни в Малакке, ни на пиратских кораблях Антонио де Фариин. Он обрел ее в бесконечных скитаниях по землям Востока и горечь этой истины дал почувствовать читателям своей книги.

«Много жадности, мало правды» — эти слова он мог бы поставить эпиграфом к своим «Странствиям», в них заключена подлинная суть всей деятельности португальских захватчиков в странах Востока.

Почти четыреста лет прошло с тех пор, как в селеньице Прагал он завершил свою беспощадную книгу. Время — лучший судья, оно вынесло свой приговор автору и его замечательному творению, оно показало, что «Странствия» относятся к числу бессмертных книг, навечно вошедших в золотой фонд мировой литературы.

Д. Деоник и Я. Свет.

Странствия Фернана Мендеса Пинто,

где сообщается о многих и многодневных вещах, которые ему довелось увидеть и услышать в королевствах Китайском, Татарии, Сорнау, оно же в просторечии Сиам, в Каламиньяне, Пегу, Мартаване и во многих других королевствах и княжествах Востока, о которых в наших западных странах весьма мало или даже совсем ничего не известно, и повествуется также о многих приключениях, случившихся как с ним, так и с другими многими лицами. А к концу настоящих странствий прилагается краткое описание жизни и смерти святого отца магистра Франциска Ксаверия, несравненного светоча и гордости тех восточных краев и главного ректора в них коллегий ордена Иисуса, написанное тем же Фернаном Мендесом Пинто.

Посвящается его королевскому католическому величеству, государю Филиппу, Третьему сего имени.

Глава I

О том, как прошли мои молодые годы на родине, прежде чем я отправился в Индию

Когда я представляю себе великие и непрестанные горести и злключения, которые мне пришлось испытать с самых ранних лет и в течение большей и лучшей части моей жизни, мне кажется, что у меня предостаточно оснований сетовать на судьбу, как бы нарочито стремившуюся и ставившую себе особой целью преследовать и обижать меня, словно это должно было принести ей великую честь и громкую славу. Не довольствуясь, как видно, тем, что на родине она обрекла меня с юности на постоянную нужду и лишения, а порой заставляла меня трепетать за жизнь, она пожелала еще направить меня в Индийские земли, где, вместо вожденного мною избавления от бед, я обрел лишь подраставшие с каждым днем заботы и опасности. Но, с другой стороны, когда я подумаю, что от всех этих опасностей и забот меня избавлял всевышний, даруя мне всякий раз спасение и безопасность, я вижу, что жаловаться на все прошлое зло у меня куда меньше оснований, чем благодарить господа за теперешнее мое благополучие, ибо угодно ему было сохранить мне жизнь, дабы мог я оставить в наследие детям своим это грубое и несовершенное сочинение (которое я для них единственно и пишу), дабы узнали они из него все заботы и опасности, изведенные их отцом, коего за двадцать один год тринадцать раз брали в плен и семнадцать раз продавали в рабство в Индии, в Эфиопии, в Счастливой Аравии, Китае, Татарии ^[1], Макасаре, на Суматре и во многих других странах того самого восточного архипелага на крайних пределах Азии, который китайские, сиамские, гвинейские и лекийские авторы ^[2] называют в своих географических описаниях «бахромой мира», о каковых странах я в дальнейшем надеюсь рассказать особо подробно и с возможной обстоятельностью. Пусть люди извлекут из писаний моих урок — никогда не терять мужества в величайших жизненных испытаниях, а делать то, что повелевает им долг, ибо не существует таких трудностей, как бы велики они ни были, кои с милостью божьей человеческая природа не могла бы превзойти, а затем пусть воздадут они вместе со мной хвалу господу всемогущему за то, что проявил он ко мне бесконечное свое милосердие, несмотря на все мои прегрешения, ибо от них, как я вполне отдаю себе

отчет и открыто признаю, произошли все мои несчастья, а от него родились силы и мужество, давшие мне возможность преодолеть препятствия и выйти живым из всех испытаний.

Итак, начиная повесть о моих странствиях с того, что произошло со мной на родине, скажу, что после того, как в нужде и лишениях я провел первые десять или двенадцать лет своей жизни в бедном доме отца своего, в селении Монтемор-о-Вельо, один из дядей моих, желавший, видимо, направить судьбу мою в более благоприятное русло, отвез меня в Лиссабон и определил в услужение к одной весьма знатной сеньоре, происходившей от именитейших родителей, полагая, что покровительство как ее, так и их принесет мне то, чего он желал для меня добиться. Произошло это в то время, когда в Лиссабоне разбивали щиты ^{3} по случаю кончины славной памяти государя нашего короля дона Мануэла, иначе говоря, в день святой Люции, декабря тринадцатого дня 1521 года, что я хорошо запомнил, между тем как более поздних государственных событий я не помню.

Замысел моего дяди не увенчался тем успехом, на который он рассчитывал, дело, напротив того, обернулось совсем в другую сторону, ибо примерно после полутора лет моей службы у этой сеньоры со мной произошел некий случай, подвергший жизнь мою столь большой опасности, что, дабы остаться в живых, я вынужден был, спасаясь с крайней поспешностью, в тот же день и час покинуть дом моей госпожи. И вот, когда я шел, сам не ведая куда, ошеломленный всем пережитым мною, словно человек, взглянувший смерти в глаза и думающий, что она следует за ним по пятам, я вышел на Каменную пристань, где увидел каравеллу из Алфамы, следовавшую с конями и багажом одного фидалго в Сетубал, где из-за чумы, свирепствовавшей во многих местах королевства, пребывал в это время со всем двором король дон Жоан III ^{4}, да восславится его святая память! Я сел на эту каравеллу, после чего она вскоре отвалила от причала, но уже на следующее утро, когда мы находились на траверзе Сезимбры, на нас напал французский корсар и, взяв на абордаж, высадил к нам пятнадцать или двадцать человек своего экипажа, которые, не встречая с нашей стороны ни протеста, ни сопротивления, завладели судном и, захватив весь груз, стоивший более шести тысяч крузадо ^{5}, пустили каравеллу ко дну. Нас, спасшихся от гибели, числом семнадцать, французы, связав по рукам и по ногам, перевели на свой корабль с намерением продать в Лараше, куда, по их словам, они направлялись с грузом оружия, намереваясь сбыть его маврам.

После того как во исполнение этого намерения они прошли с нами

тринадцать дней, угощая нас все время изобильными ударами плетью, им посчастливилось на четырнадцатый день, перед заходом солнца, приметить парус; всю ночь они преследовали этот корабль, руководствуясь его попутной струей, что было не в новинку этим старым морякам, натеревшим к своему искусству, пока не нагнали на исходе второй ночной вахты и, дав по нему залп из трех пушек, взяли весьма отважно на абордаж. Хотя при обороне судна (оно было португальским) нашими было оказано некоторое сопротивление, последнего не оказалось достаточно, чтобы предотвратить высадку французов. Убито было шесть португальцев и десять или двенадцать рабов.

Судно это было весьма красивым трехмачтовым кораблем, принадлежавшим купцу из Вила-до-Конде по имени Силвестре Годиньо, каковой корабль другие лиссабонские купцы зафрахтовали на острове Сан-Томе для перевозки большой партии сахара и рабов. Несчастные ограбленные, оплакивавшие свою злополучную судьбу, расценивали свою потерю в сорок тысяч крузадо. Как только корсары увидели себя обладателями столь богатой добычи, они изменили свое первоначальное намерение и взяли курс на Францию, забрав с собой несколько наших, чтобы они помогли им управляться парусами на только что захваченном судне, остальных же, среди которых были особенно пострадавшие от побоев, они приказали выбросить ночью, нагих и босых, на берег у Мелидес. Эти несчастные на следующий день добрались до Сянтьяго-де-Касена, где местные жители весьма заботливо снабдили их всем необходимым, особенно же пеклась о них одна местная сеньора донья Беатрис, дочь графа де Вильянова и супруга Алонсо Переса Пантохи, коменданта и губернатора помянутой крепости.

После того как раненые и больные понравились, каждый из них пошел туда, где, как ему казалось, он вернее всего может добыть средства к существованию, а я, горемычный, вместе с шестью или семью другими такими же обездоленными, направился в Сетубал, где судьба мне улыбнулась: я попал к одному из придворных магистра ордена Сант-Яго ^{6} по имени Франсиско де Фариа, у которого прослужил четыре года, в награду за что он передал меня в качестве камердинера самому магистру ордена, и у этого последнего я прослужил еще полтора года.

Но так как жалованья, которое и те времена принято было давать в домах вельмож, мне не хватало для прожития, я решил сесть на корабль и отправиться в Индию хотя бы с малыми средствами, предоставив себя на милость судьбы, что бы она мне ни уготовила — лихо или благо.

Глава II

Как я покинул родину и отправился в Индию и о событиях, происшедших с армадой, на которой я находился

Марта одиннадцатого числа 1537 года я покинул родину с армадой, состоявшей из пяти кораблей, на которой не было флагмана, а каждый корабль подчинялся только своему командиру. Командиры эти были следующие: на «Королеве» — дои Педро де Силва по прозвищу «Петух», сын адмирала графа дона Васко да Гамы, останки которого он на этой самой «Королеве» доставил в Лиссабон, где по указанию короля дона Жоана, находившегося тогда в столице, прах этот был встречен с большими траурными почестями и пышностью, чем когда-либо удостаивались, подданные короля; на корабле «Святой Рох» — дон Фернандо де Лима, сын Диого Лопеса де Лимы, губернатор крепости Гимараэнс, который в следующем, 1538 году пал, защищая крепость Ормуз [\[7\]](#), будучи ее комендантом; на «Святой Варваре» — его двоюродный брат Жорже де Лима, который должен был занять пост коменданта Шаула; на корабле «Морская пена» — его постоянный командир Лопе Вас Вогадо, и, наконец, на «Галисийке», вместе с которой погиб впоследствии Перо Лопес де Соуза, некий Мартин де Фрейтас, уроженец острова Мадеры, убитый в том же году в Дамане с находившимися там под его началом тридцатью пятью человеками.

Все эти суда, следуя обычным для каждого курсом, по милости господ нашего прибыли благополучно в Мозамбик, где мы застали на зимовке корабль «Святой Михаил», капитаном и владельцем которого был Дуарте Тристан. Корабль этот отплыл впоследствии на родину с весьма ценным грузом, но на пути исчез бесследно, и по сию пору неизвестно, что с ним произошло, как за прегрешения наши это часто случалось на путях в Индию.

После того как эти пять кораблей пополнили свои запасы и приготовились к отплытию из Мозамбика, комендант крепости ознакомил их капитанов с приказом губернатора Индии Нуно да Куньи, согласно которому все португальские суда, зашедшие в течение настоящего года в Мозамбик, должны были направиться в Диу и оставить своих людей в этой крепости, ибо ожидалось нападение турецкой эскадры на Индию. Причиной тому была смерть султана Бандура, короля Камбайи [\[8\]](#),

которого губернатор умертвил истекшим летом. Приказ немедленно обсудили на совете, причем было единогласно решено, что из пяти судов три корабля королевского флота направлятся в Диу, как этого от них требовали, а два других, принадлежащие купцам, пойдут в Гоа ^{9}, так как иначе пришлось бы выплачивать возмещение за понесенные ими убытки, как это уже раньше случалось.

Господу нашему было угодно, чтобы и три королевских корабля, направлявшихся в Диу, и два торговых судна, шедших в Гоа, благополучно достигли своего назначения. Когда сентября пятого дня того же 1538 года все три корабля бросили якорь у бара Диу ^{10}, Антонио де Силвейра, брат Луиса де Силвейры, графа де Сортельи, который в то время исполнял обязанности коменданта, весьма обрадовался португальцам и принял их со всякими почестями, не только держа за свой счет открытый стол для более семиста человек команды, но также все время заботясь об ее нуждах и одаривая ее деньгами. Последняя, видя такую щедрость и изобилие, а также что ей исправно платят содержание и кормовые, почти вся решила остаться в крепости, — таким образом, чтобы удержать в ней людей, не потребовалось никаких строгостей и угроз суда, к которым обычно приходится прибегать в крепостях, коим предстоит осада.

Все три корабля, выгодно распродав свои товары, отправились в Гоа, имея на борту одних только офицеров и судовую команду, и находились там несколько дней, пока губернатор по направил их в Кочин ^{11}. Оттуда, забрав груз, все пятеро благополучно вернулись в Португалию вместе с новым, только что построенным в Индии кораблем «Святой Петр», капитаном которого был Мануэл Маседо; он вез с собою василиск, прозванный пушкой из Диу ^{12}, оттого что вместе с двумя другими был захвачен в этой крепости при гибели султана Бандура, короля Камбайи, а входили они в число тех пятнадцати, которых флагман турецкой эскадры Румекан привез в 1534 году из Суэца, когда в ноябре на выручку Диу вышли из Португалии двенадцать каравелл под флагом дона Педро де Кастелбранко.

Глава III

Как из Диу я отправился к Меккскому проливу и о том, что произошло со мной во время этого плавания

Семнадцать дней я провел в Диу, где в то время готовили к походу в сторону Меккского пролива две фусты [{13}](#), долженствовавшие разведать, действительно ли на нас идет турецкая эскадра, чего в Индии немало опасались. Капитаном одной из них был мой приятель, и я решил попытаться с ним счастья, поскольку он всячески заверял меня в своей дружбе и в том, что мне с ним легко будет за короткий срок изрядно разбогатеть, чего я тогда желал больше всего на свете. Поверив его обещаниям и соблазнившись этой надеждой, я не взвесил, сколь дорого зачастую обходится такое предприятие и какому риску я подвергаю свою жизнь. А между тем опасность была велика, как это стало ясно впоследствии из того, что с нами случилось в наказание за грехи наши, да и предпринято было плавание в неблагоприятное время года. Тем не менее я с другом моим отправился в поход на одном из этих судов, носившем название «Силвейра».

Итак, обе наши фусты вышли из крепости Диу и пустились в совместное плавание на исходе зимы, идя против муссонов в очень свежую погоду с обильными ливнями. Между островами Курия, Мурия и Абедалкурия, которые мы увидели издали, мы совершенно сбились с курса и считали себя уже погибшими. За неимением другого выхода мы повернули на зюйд-ост и по милости божьей неожиданно увидели оконечность острова Сакотора, где мы и стали в одной легуа от нашей крепости, воздвигнутой доном Франсиско де Алмейдой [{14}](#), первым вице-королем Индии, когда в 1507 году он плыл из Португалии. Там мы пополнили запас воды и приобрели кое-какую провизию, которую, на наше счастье, нам продали христиане, живущие на этом острове, — потомки тех, кого в Индии и на Шароманделе крестил еще некогда святой Фома-апостол [{15}](#).

От этого острова мы взяли курс на вход в пролив и за девять дней плавания при благоприятной погоде добрались до широты Масуа, где на заходе солнца приметили парус, за которым погнались с такой стремительностью, что уже к смене первой ночной вахты настигли его. Мы рассчитывали по-дружески побеседовать с капитаном этого судна и

получить от него сведения о турецкой эскадре, о том, вышла ли она из Суэца и вообще что о ней известно. Но ответ, который мы получили, был весьма далек от того, который мы ожидали, ибо они, не говоря ни слова, ошеломили нас двенадцатью ядрами, кои выпустили по нашему судну, — из них пять было каменных и железных из фальконетов, а семь из трехфунтовых пушек; я не говорю уже о многочисленных выстрелах из аркебузов. Время от времени они испускали громкие крики и свист, размахивая перед нами своими чепцами и флажками, а с площадки кормовой надстройки показывали нам обнаженные сабли и выделявали ими всякие приемы, словно приглашая приблизиться и вступить с ними в рукопашную.

Сначала их дерзость нас несколько смутила, но после того как наши капитаны посовещались между собой и с солдатами относительно того, как лучше поступить в этом случае, мнения сошлись на том, что враг не так уж силен и следует приложить все усилия, чтобы нанести ему возможно больший урон нашей артиллерией, пока не наступит утро, ибо тогда нам будет легче и безопасней взять его на abordаж. Так и было сделано. И угодно было господу нашему, чтобы, когда мы прогонялись за ним остаток ночи, он на рассвете сам сдался нам, после того как из экипажа в восемьдесят человек на нем было убито шестьдесят четыре. А те, что остались в живых, почти все побросались в море, почитая, что лучше утонуть, нежели сгореть от горшков с порохом, которые мы в них метали. Таким образом, из восьмидесяти уцелело не более пяти тяжелораненых, из коих один был капитан.

Когда его подвергли пытке, он признался, что идет из Жуды, где проживает, и что эскадра Великого Турка уже вышла из Суэца ^[116] с намерением захватить Аден и заложить там крепость, прежде чем будет предпринято что-либо против Индии, потому что таков был один из пунктов наказа командующему флотом каирскому паше, каковой наказ Великий Турок выслал ему из Константинополя. Кроме этого, он сообщил нам еще много частных, представлявших для нас несомненную важность. Между прочим, он признался, что он — ренегат, уроженец Серденьи на Майорке, сын купца по имени Пауло Андреса и что лишь четыре года назад перешел в магометанство из-за любви к одной гречанке, мусульманской веры, на которой после женился. Оба капитана стали предлагать ему вновь обратиться к истинной вере и сделаться христианином. От этого он отказался так решительно и с таким безрассудством, словно родился и воспитался в этой проклятой вере и всю жизнь одну ее только и знал.

Капитаны, видя, что этот несчастный, нимало не желая просветиться в истинах святой католической веры, о которых ему толковали, упрямо коснеет в безумном своем ослеплении, и это при том, что, по его же признанию, он еще так недавно был христианином, стали все сильнее распаляться от гнева и, движимые святою ревностью ко славе божьей, приказали связать его по рукам и по ногам и, навесив ему на шею тяжелый камень, бросить в море, где его забрал дьявол, чтобы мучить его в аду вместе с Магометом, в которого он так упрямо верил. Судно же со всеми оставшимися в живых было пущено ко дну, поскольку груз его состоял из мешков с краской, напоминающей наш индиго, которая была нам ни к чему, и только солдаты взяли себе несколько штук камелотовой ткани на одежду.

Глава IV

Как мы направились в Масуа, а оттуда сухим путем в крепость Жил-Эйтор [{17}](#), к матери пресвитера Иоанна [{18}](#)

Из этих мест мы направились в Аркико [{19}](#), землю пресвитера Иоанна, дабы передать письмо, которое Антонио де Силвейра послал своему фактору, некому Анрике Барбозе, пребывавшему там уже три года по приказу губернатора Нуно де Куньи. Барбоза этот с сорока состоявшими при нем людьми спасся при отложении короля Шаэла [{20}](#), когда были обращены в рабство дон Мануэл де Менезес вместе со ста шестьюдесятью португальцами и была захвачена казна в четыреста тысяч крузадо и шесть португальских кораблей, тех самых, на которых потом в 1538 году Солейман-паша, вице-король Каира, перевозил боевые припасы и продовольствие, когда турецкий флот пошел осаждать крепость Диу, ибо король Шаэла отправил их в Каир с шестьюдесятью португальцами в виде подарка, преподнеся остальных в качестве рабов своему Магомету, как об этом, полагаю, будет подробно рассказано в историях, повествующих о правлении Нуно де Куньи.

Когда мы прибыли в Готор [{21}](#), на одну легуа ниже порта Масуа, нас прекрасно встретили местные жители и один португалец, которого мы там нашли. Звали его Васко Мартинс де Сейшас, был он уроженец селения Обидос и по приказу Анрике Барбозы уже месяц дожидался здесь какого-нибудь португальского судна, чтобы передать ему письмо от этого самого Анрике Барбозы. Васко Мартинс вручил его нашим капитанам; в нем содержались все сведения о турках, которые удалось собрать Барбозе, а также просьба при любых обстоятельствах направить к нему нескольких португальцев для переговоров, что было крайне важно для дела служения господу богу и королю, так как сам он, Барбоза, состоя вместе с сорока португальцами в личной охране принцессы Тигремахон, матери пресвитера, не мог отлучиться из крепости Жил-Эйтор. Оба капитана обсудили эту поездку вместе с солдатами на совете, созванном по этому случаю, и было единогласно решено отправить к Барбозе четырех солдат вместе с Васко Мартинсом и передать ему письмо Антонио де Силвейры, что и было сделано.

И вот четверо, из которых один оказался я, отправились на следующий день в поход на хороших мулах. Последних предоставил нам тикуаши,

местный начальник, по письменному распоряжению принцессы, матери пресвитера, которое на этот случай получил от нее Васко Мартинс вместе с шестью абиссинцами конвоя. В тот же день мы остановились на ночевку в знатно и богато обставленных покоях монастыря Сатилган. С наступлением утра мы продолжали наш путь и, проследовав пять легуа вдоль реки, дошли до места под названием Битонто {22}, где нас хорошо приютил мужской монастырь св. Михаила, причем нам очень обрадовались и оказали весьма радушный прием настоятель и местное духовенство. Там нас решил навестить один из сыновей Барнагайса, правителя Эфиопской империи {23}, юноша лет семнадцати, весьма к нам расположенный, которого сопровождало тридцать всадников на мулах, между тем как сам он сидел на коне, оседланном на португальский манер, со сбруей из фиолетового бархата, украшенной золотой бахромой, которую два года прислал ему из Индии губернатор Нуно де Кунья через некоего Лопо Шаноку, попавшего впоследствии в неволю в Каир. Принц приказал послать за него выкуп, причем посредником должен был быть один еврейский купец из Азебиба, но когда тот прибыл на место, то нашел Шаноку мертвым, что, по слухам, весьма огорчило принца. Васко Мартинс уверял нас, что в этом самом монастыре св. Михаила принц велел устроить Шаноке самые пышные похороны, которые ему, Васко Мартинсу, когда-либо довелось видеть. Одного духовенства в них участвовало четыре тысячи человек, не считая послушников, которые тут зовутся сантилеу. А узнав, что у Шаноки в Гоа остались в большой нужде жена и три малолетние дочери, принц послал им вспомоществование в триста золотых океа, что на наши деньги составляет три тысячи шестьсот крузадо.

На другой день мы выехали из монастыря на хороших конях, которых приказал нам выдать принц, приставив к нам четырех человек из своей свиты, заботившихся о том, чтобы нас во все время нашего пути великолепно угощали, и остановились ночевать в большом дворце, называемом бетенигус {24}, что означает «королевский дом», окруженном на расстоянии больше трех легуа рощами кипарисов, кедров, финиковых и кокосовых пальм, как в Индии. Продолжая дальше наш путь переходами по пять легуа в день, мы проехали весьма обширными и прекрасными полями пшеницы вплоть до горного хребта под названием Вангалеу, населенного евреями, людьми с белой кожей и красивого сложения, но весьма бедными, насколько мы могли судить. А оттуда через двое с половиной суток мы дошли до некоего красивого места, называемого Фумбау, в двух легуа от крепости Жил-Эйтор, где мы нашли Анрике

Барбозу с его сорока португальцами, которые приняли нас с отменным радушием, проливая при этом великое множество слез, ибо хотя, по их словам, они здесь находились по доброй воле и были во всем неограниченными хозяевами страны, однако никак не могли к ней привыкнуть, поскольку для них она все же была местом изгнания, а не родиной. Так как время, когда мы прибыли, было уже весьма позднее, Анрике Барбоза не счел возможным уведомить принцессу о нашем прибытии.

На следующее утро, в воскресенье четвертого октября, мы с ним и сорока португальцами отправились в покои, где жила принцесса. Последняя, едва узнав о нашем прибытии, приказала нам войти в часовню, где она собирались слушать обедню. Мы встали перед ней на колени и поцеловали опашало, которое она держала в руке, оказав ей и другие знаки почтения согласно их обычаям, которым нас научили португальцы. Встретила она нас очень приветливо и сказала:

— Приезд таких истинных христиан доставляет мне превеликую радость, и я всегда желала его. Присутствие ваше угодно мне во всякое время и глазам, коими обладает лицо мое, столь же любезно, как ночная роса для свежего сада. Добро пожаловать! Добро пожаловать! И да будет приход ваш в мой дом в столь же добрый час, как прибытие царицы Елены в святую землю Иерусалимскую ^[25].

И, предложив нам сесть на циновки в четырех или пяти шагах от себя, расспрашивала нас с приветливой улыбкой о различных новых для нее и любопытных вещах, к которым она, как говорят, всегда проявляла большой интерес: о папе, как его зовут; сколько королей имеется в христианском мире; посетил ли кто-нибудь из нас гроб господень; почему христианские государи так мало заботятся об уничтожении турок; велико ли могущество короля Португалии в Индии; сколько крепостей у него там и в каких местах они находятся и еще много других вещей подобного рода. Ответами, которые мы ей давали, она, по-видимому, осталась довольна. На этом мы с ней расстались и удалились в свои покои. Через девять дней, когда мы пришли прощаться и подходили к ее руке, она сказала нам:

— Разумеется, очень грустно, что вы уезжаете так скоро, но раз уж это необходимо, отправляйтесь в добрый час. Пусть протечет ваше возвращение в Индию под самым благоприятным знаменем, и да примут вас там ваши соотечественники так же, как древле Соломон принял нашу царицу Савскую в великолепии своего дворца.

Каждому из нас четверых она приказала выдать двадцать золотых океа, что составляет двести сорок крузадо, приставила к нам нанка с

двадцатью абиссинцами, которые должны были охранять нас от разбойников, и снабдила провиантом и мулами до порта Аркико, где стояли наши фусты. А Васко Мартинсу де Сейшасу был передан богатый подарок, стоивший много золотых пес [{26}](#), для губернатора Индии, но подарок этот погиб по дороге, как вскоре будет рассказано.

Глава V

Как мы отбыли из порта Аркико и что с нами произошло при встрече с тремя турецкими судами

После того как мы вернулись в порт Аркико, где нашли своих товарищей, мы пробыли там еще девять дней, заканчивая очистку корпусов фуст и снабжая их необходимыми припасами, а затем вышли в море в среду ноября шестого дня 1537 года.

С собой мы взяли Васко Мартинса де Сейшаса с подарком и письмом, которое мать пресвитера Иоанна посылала губернатору. Отправился с нами еще и один абиссинский епископ, который собирался проследовать потом в Португалию, а оттуда, посетив Сантьяго в Галисии, в Рим и затем через Венецию в Иерусалим.

Вышли мы из гавани за час до рассвета и шли с попутным ветром вдоль берега до вечера. Добравшись почти до мыса Госана, не доходя скалистого островка Арресифе, мы увидели три стоящих на якоре судна, и так как нам показалось, что это желвы или террады ^[27]из Индии, мы изменили курс и направились к ним на парусах и веслах, так как ветер к этому времени стал стихать. Тем не менее мы так упорствовали в своем намерении, что почти через два часа настолько сблизились с ними, что могли уже различить, какие у них весла, и понять, что это турецкие галиоты, вследствие чего мы поскорее легли на обратный курс и с возможной поспешностью устремились к берегу, чтобы избежать беды, в которую мы попали.

Турки, разгадав или заподозрив наше намерение, громко закричали, в мгновение ока подняли паруса и пустились за нами вдогонку. Сверкая многоцветными парусами и шелковыми флюгерами, они шли, лавируя, за нами в кильватер, и так как ветер им благоприятствовал, скоро оказались у нас с наветренной стороны, что дало им возможность без малейшего труда спуститься к нам по ветру и, как только они оказались на расстоянии выстрела из трехфунтового орудия, дать по нам залп из всей своей артиллерии, убив сразу же девять и ранив двадцать шесть человек. Наши фусты оказались после этого совершенно беспомощными, так как остальная часть экипажа почти вся побросалась за борт, а турки настолько приблизились к нам, что с кормы своих судов могли наносить нам раны ударами копий. Из наших к этому времени осталось всего сорок два

боеспособных человека. Видя, что рассчитывать им приходится только на себя, они с таким пылом и натиском атаковали флагманское судно, на котором находился Солейман Драгут, начальник турецкого флота, что прошли по нему от кормы до носа, изрубив двадцать семь янычар {28}. Вскоре, однако, к флагману подоспели остальные два судна и высадили на него сорок турок, с которыми наши уже не могли совладать. Турки разделились с нами: из пятидесяти четырех лишь одиннадцать осталось в живых, да и из них на другой день умерло двое, которых турки разрубили на куски и в знак торжества развесили их останки по нокам реев, продержав так до города Моки, комендант которого приходился тестем Солейману Драгуту, взявшему нас в плен.

Ко времени, когда мы вошли в гавань, комендант уже находился на берегу вместе со всем народом, чтобы встретить зятя и поздравить его с победой. При нем находился касиз, или мулла {29}, которого они почитали за святого, ибо он всего несколько дней как вернулся из паломничества к своему Магомету. Мулла этот с колесницы, покрытой шелковым балдахин, обращался к народу с громкими приветствиями и благословениями, побуждая его воздать великую хвалу пророку за победу, которую одержал над нами Солейман. Тут всех нас, девять человек, оставшихся в живых, приковали к одной цепи и вывели на берег, а с нами вместе, и абиссинского епископа, который был так изранен, что на другой день скончался, проявив себя при этом весьма добрым христианином, что во всех нас вселило мужество и принесло нам немалое утешение.

Толпа, видя плененных и беспомощных христиан, набросилась на нас и стала бить нас по лицу с таким ожесточением, что я, право, до сих пор не могу понять, как мы остались живы. Дело в том, что касиз объявил народу, что все те, кто будет нас бить и поносить, получают полное отпущение грехов. Таким вот порядком наши торжествующие победители провели нас с громкими криками и музыкой по всему городу, где даже запертые в своих покоях женщины, юноши и дети выливали на нас из окон горшки с мочой, чтобы этим выразить свою ненависть и презрение к христианам.

Солнце уже почти зашло, когда нас бросили в подземелье, в котором мы пробыли семнадцать дней в весьма плачевном и мучительном положении. Все это время нам давали на целый день лишь немного ячменной муки, а иногда и целые зерна, размоченные в воде, и ничем, кроме этого, не кормили.

Глава VI

О смуте, которая произошла в этом городе, о причинах и последствиях ее, и каким образом я попал в Ормуз

Поскольку почти все мы, несчастные, страдали от тяжелых и опасных ран, а кроме того, от бесчеловечного обращения в этой мрачной тюрьме, уже на следующее утро двое из нас, девятерых не выжили. Одного из них звали Нуно Делгадо, а другого Андре Боржес, оба они были из хороших семей и люди мужественные, у обоих была тяжелая рана — пробит череп, а так как их здесь совсем не лечили и вообще не оказывали им никакой помощи, долго протянуть они не могли.

Мокадан, или надзиратель нашей подземной темницы, как только увидел, что они мертвы, немедленно же дал знать об этом судебному гвaziлю, который у них является чем-то вроде нашего коррежедора. Последний явился к нам в сопровождении пышной и грозной свиты судебных приставов и приказал расковать цепи и наручники у покойников, привязать каждому к ногам веревку и выволочь их из тюрьмы. И так их протащили по всему городу, под градом камней, которые швыряла в них толпа мальчишек, а напоследок выбросили в море.

На другой день к вечеру нас, семерых оставшихся в живых, вывели на площадь, где собрался весь город, и стали продавать с торгов. Первым, кого продавец взял за руку, чтобы показать покупателям, оказался я, несчастный. Но в то самое время, как он делал объявление, касиз-мулла, который уже явился сюда с двенадцатью подчиненными ему касизами, потребовал от Хередина Софо, коменданта города, чтобы тот отправил нас вместе с ним в Мекку в качестве дара Магомету, ибо он направляется туда в паломничество, чтобы искупить грехи города. Неразумно и не делает чести коменданту, говорил он, посылать паломника посетить тело пророка Ноби [\[30\]](#) с пустыми руками и без подарка, который можно было бы показать Раже Дато, главному мулле города Медины, потому что иначе тот не захочет принять посланца и не даст ему отпущения, которое он будет испрашивать у него для грешных жителей города Моки, столь нуждающихся в милосердии божьем. На это комендант ответил, что не обладает властью распоряжаться чужой добычей, как того хотел бы касиз, но пусть он поговорит об этом с Солейманом Драгутом, его зятем, потому что тот весьма охотно, согласится на это.

Касиз возразил, что все касающееся бога и даров, испрашиваемых во имя его, не должно проходить через столько рук, как предлагает комендант, довольно и того, у кого этот дар испрашивается. И поскольку комендант является единственным начальником в этом городе и властен над всеми жителями его, собравшимися здесь, ему одному и приличествует удовлетворить просьбу столь справедливую, столь святую и столь угодную пророку Ноби Магомету, ибо он один даровал победу его зятю, а не храбрость каких-то солдат, как уверяет комендант.

Когда эту речь услышал янычар Кожа Жейнал [\[31\]](#), командовавший одним из трех галиотов, человек значительный и всеми уважаемый, он вмешался в разговор и на слова касиза, умалявшие участие его и его соратников в победе, одержанной при нашем захвате, с некоторой грустью заметил:

— Насколько лучше было бы для спасения вашей души поделиться вашими излишками с бедными солдатами, чем пытаться, прикрываясь лицемерными словами, лишить их того, что принадлежит им по праву, как это вы постоянно делаете! А если вам негоже, как вы говорите, являться в Мекку с пустыми руками, чтобы подкупить там в ваших интересах касизов, употребите на это имущество, оставленное вам вашим отцом, а не расплачивайтесь пленниками, которые достались нам ценою жизней тех, кто уже погребен, а оставшимся в живых обошлись потоками пролитой крови, не окрасившей вашего халата так, как она окрасила мой и халаты тех бедных воинов, которые здесь присутствуют.

Эта независимая речь капитана галиота была принята касизом-муллой с большим раздражением; на нее он ответил так заносчиво и так плохо взвешивая слова, что жестоко оскорбил капитана Жейнала и турецких и мавританских солдат, которые окружали их. Последние объединились и с такой яростью столкнулись с населением города, которое мулла привлек на свою сторону и с одобрения которого он говорил так надменно, что все оставшееся время дня не удалось их успокоить, и даже комендант города Хередин Софо оказался бессильным навести порядок. Короче говоря, чтобы не задерживаться на этом событии и не вдаваться в подробности, которые слишком долго было бы рассказывать: столкновение это переросло в рукопашную, столь неистовую и беспощадную, что обе стороны потеряли шестьсот человек убитыми, половина города была разгромлена, а дом муллы разграблен. Его же самого изрубили на куски и выбросили в море вместе с его семьей женами, девятью детьми и всеми домочадцами, которых солдаты схватили во время этого погрома, не пожелав никому из них даровать жизнь.

А мы, семеро португальцев, находившиеся в это время на площади и ожидавшие продажи с торгов, признали за лучшее средство к спасению вернуться в тюрьму, хотя отвести нас туда не позаботился ни один судебный пристав или какое-либо другое лицо, ибо при нас вообще не осталось никого. То, что наш тюремщик согласился запереть нас, явилось для нас немалой милостью.

Эта жестокая и опасная смута была наконец усмирена благодаря вмешательству капитана галиота Солеймана Драгута, который пожелал взять это дело в свои руки, так как комендант города, его тесть, лежал в это время в постели, ибо в рукопашной ему отрубили руку.

До полного успокоения смуты прошло еще тринадцать дней, после чего нас снова вывели на площадь и стали продавать с торгов вместе со всей остальной добычей, состоявшей из одежды и оружия, захваченных на фустах и пошедших задешево. А мне, злополучному, возможно, как наименее счастливому из всех, выпало на долю попасть в руки одного ренегата-грека, которого я буду проклинать до конца дней моих, ибо он обходился со мной так, что только за те три месяца, пока я был у него рабом, меня семь или восемь раз брало искушение наложить на себя руки (если бы только господь бог по милости своей собственной рукой не удержал меня от греха) исключительно ради того, чтобы он потерял те деньги, которые за меня заплатил, ибо это был самый бесчеловечный и жестокий негодяй, который когда-либо существовал на земле.

Через три месяца возжелал вседержитель, чтобы хозяин мой, опасаясь, как бы из-за невыносимого обращения я у него не умер и он не потерял затраченных на меня денег, о чем ему уже толковали соседи, выменял меня на партию фиников стоимостью в двенадцать тысяч рейсов у еврея по имени Авраам Муса, уроженца города Тор [\[32\]](#), в двух легуа с половиной от горы Синай. Этот еврей отвез меня в Ормуз с караваном купцом, шедших из Вавилона [\[33\]](#) в Кайшен [\[34\]](#). Там он показал меня моему соотечественнику дону Фернандо де Лиме, который занимал в это время должность коменданта крепости, и доктору Перо Фернандесу, верховному судье Индии, незадолго до этого прибывшему сюда по приказанию губернатора Нуно да Куньи для выполнения некоторых государственных поручений. Оба они, на собранные ими пожертвования и на собственные деньги, выкупили меня у еврея за двести пардао [\[35\]](#), что он счел, очевидно, весьма хорошей ценой.

Глава VII

О том, что произошло со мной между моим отплытием из Ормуза и прибытием в Индию

После того как милостью божией я был избавлен от мук, которые я только что описал, я провел в Ормузе шестнадцать дней и отплыл в Индию на судне, принадлежавшем некому Жорже Фернандесу Таборде и направлявшемся в Гоа с партией коней. Следовали мы нашим курсом с легким попутным муссоном и через семнадцать дней благополучного плавания оказались в виду крепости Диу.

Мы хотели приблизиться к берегу, чтобы узнать там последние новости, но обратили внимание на большое количество огней на берегу и на грохот орудий, доносившийся до нас время от времени. Все мы начали строить догадки, что это может означать, и с убавленной парусностью проламинировали у берега остаток ночи, пока совершенно не рассвело и мы не увидели, что крепость со всех сторон окружает большое количество судов с латинскими парусами.

Это столь необычное зрелище нас смутило, и по поводу него возникло множество споров и высказывались самые различные мнения. Одни говорили, что сюда, должно быть, прибыл из Гоа губернатор, чтобы вести мирные переговоры после смерти султана Бандура, короля Камбайского, которого он незадолго до этого убил. Другие утверждали и готовы были биться о крупный заклад, что это прибывший из Португалии инфант дон Луис, брат короля Жоана III, поскольку приезда его ожидали во всей Индии со дня на день, и множество латинских парусов, которое мы видели, не что иное, как каравеллы его армады; третьи считали, что это Патемарка с сотней фуст Саморина [\[36\]](#), короля Каликута; и, наконец, четвертые уверяли, что это турки, и приводили к тому весьма веские и убедительные доводы.

Мы пребывали в смущении и тревоге и строили всевозможные догадки относительно нашего будущего, как вдруг увидели, что от толпы судов отделилось пять очень крупных галер с полосатыми зелеными и фиолетовыми треугольными парусами, многочисленными знаменами, развевающимися поверх тентов, и весьма длинными вымпелами, спускавшимися с марсов и почти достигавшими косицами воды. Все они обратили свои носы к нам, стараясь занять наветренное положение, из чего

мы сразу заключили, что это турки. Как только мы поняли, в чем дело, мы отдали с большой поспешностью подобранный было грот и повернули в открытое море в великом страхе, что с нами за наши грехи приключится такое же несчастье, как то, о котором я рассказывал. Неприятель следовал за нами в кильватер, но господу нашему было угодно, чтобы незадолго до наступления ночи он лег на обратный курс и пошел опять туда, откуда вышел.

Весьма довольные тем, что избежали столь жестокой опасности, мы прибыли через двое суток в Шаул [{37}](#), где капитан нашего корабля вместе с купцами, которые на нем следовали, немедленно же отправились к Симону Гедесу, коменданту крепости, которому сообщили обо всем, что случилось с нами в пути.

На это последний ответил:

— Без сомнения, у вас есть все основания благодарить господа бога за то, что он избавил вас от такой опасности. И тогда он сообщил им, что Антонио Силвейра уже двадцать дней как окружен большим флотом турок под командой Солеймана-паши, вице-короля Каира, и что великое множество судов, замеченное нами, не что иное, как пятьдесят восемь королевских и иных галер, у которых было по пяти пушек на носу, а у некоторых из них сверх того еще и кулеврины, львы и мелкие пушки, а кроме того, восемь больших галер с большим количеством турок, которые были присланы, чтобы занять место убитых. Турки привезли с собой много припасов и боевого снаряжения, среди которого, по сведениям, находилось триста осадных орудий, в том числе двенадцать василисков.

Все эти известия нас весьма встревожили и напугали, и мы вознесли много благодарственных молитв господу за то, что он по милости своей избавил нас от столь великой опасности.

Глава VIII

О том, что с нами случилось па пути из Шаула в Гоа и что было со мной по прибытии туда

Уже на следующий день мы покинули Шаул и взяли курс на Гоа. Когда мы достигли устья реки Карапатан [\[38\]](#), мы повстречались с Фернаном де Мораисом, командиром трех фуст, который по приказанию вице-короля дона Гарсии де Нороньи, только что прибывшего из Португалии, направлялся в Дабул [\[39\]](#), чтобы попытаться захватить или сжечь один турецкий корабль, который по распоряжению паши находился там в порту с грузом провианта.

Как только этот Фернан де Мораис узнал, кто мы такие, он потребовал от нашего капитана, чтобы из двадцати человек, которыми тот располагал, он уступил ему пятнадцать, так как у него не хватало команды из-за того, что вице-король приказал ему отплыть с большой поспешностью, ссылаясь на то, что этого требует дело господа бога и его величества. После ожесточенных препирательств, которые я опускаю, чтобы не затягивать повествования, оба капитана сошлись на том, что вместо пятнадцати человек, которых требовал Фернан де Мораис, наш капитан даст ему двенадцать, чем он наконец и удовлетворился. В эти двенадцать попал, разумеется, и я, потому что со мной никогда не считались. Так с этим делом и покончили.

Корабль Жорже Фернандеса Таборды отправился в Гоа, а Фернан де Мораис со своими тремя фустами продолжал идти курсом на порт Дабул, куда и прибыл на следующий день в девять часов. Там он захватил малабарский пагел [\[40\]](#) с грузом хлопка и перца, стоявший на якоре посредине бухты, и тотчас подвергнул попытке капитана и лоцмана. Те сообщили, что несколько дней назад в Дабул заходил корабль паши в поисках продовольствия и что на этом судне был посол, привезший очень богатый халат Хидалкану [\[41\]](#), который подарок этот отверг, чтобы не сделаться вассалом Великого Турка (ибо у мусульман не принято посылать друг другу такие халаты, за исключением случая, когда сеньор посылает его своему вассалу). Из-за этой неудачи судно вернулось без продовольствия и вообще ни с чем. А на предложения, которые паша от имени Великого Турка сделал Хидалкану, последний ответил, что он предпочитает дружбу короля Португалии, который уже владеет Гоа, чем

его, Великого Турка, который лишь обещает вернуть ему этот город. Корабль же этот всего два дня как ушел, и капитан его по имени Сиде Але объявил войну Хидалкану и клялся, что, как только будет взята крепость Диу (что случится не позже, чем через неделю, принимая во внимание положение, в котором она находится), Хидалкан потеряет и царство свое, и жизнь и тогда наконец поймет, как мало могут ему помочь португальцы. Фернан де Мораис, видя, что ему тут ничего не остается делать, повернул на Гоа, чтобы доложить вице-королю о положении вещей, и прибыл туда через два дня. Там мы застали на якоре Гонсало Ваза Коутиньо, который с пятью фустами направлялся в Онор ^[42], чтобы потребовать от королевы этой страны галеру из армады Солеймана, которая, сбившись с курса, зашла туда.

Один из командиров этих фуст, близкий мой друг, видя меня в сильно потрепанном платье и желая оказать мне помощь, предложил мне пойти к нему на корабль, за что он обещал немедленно уплатить мне пять крузадо. Я охотно принял это предложение, так как мне показалось, что господь бог таким образом поможет мне раздобыть плащ получше того, какой я носил, ибо в это время у меня не было иных средств, кроме тех, которые я собирался заработать собственными руками. Солдаты на фусте пришли мне на помощь и поделились со мной некоторыми недостающими у меня предметами снаряжения, и таким образом я оказался слатанным из различных кусков, как любой из моих товарищей по армаде, столь же нищих, как и я.

На другой день утром, в субботу, мы отбыли от бара Вардеес и в следующий понедельник бросили якорь в гавани Онор при великом грохоте артиллерии, реях, обрасопленных по-боевому, и громких звуках флейт и барабанов, чтобы местное население решило по этим внешним проявлениям воинственности, что мы ни в грош не ставим турок.

Глава IX

О том, как вел себя Гонсало Ваз Коутиньо с королевой Онора

После того как армада стала в порту на якорь и дан был залп, о котором я говорил, капитан Гонсало Ваз Коутиньо немедленно послал королеве письмо, которое ему вручил вице-король. Передать его должен был некий Бенто Кастаньо, человек опытный и воспитанный, которому он поручил сообщить, с какой целью он сюда прибыл и что, поскольку ее величество сочувствует королю Португалии и находится с ним уже много лет в мире и дружбе, ему непонятно, как может она давать в своем порту приют туркам, которые являются величайшими нашими врагами.

На это королева ответила, что она всячески приветствует приход его милости со всем его войском; что он совершенно прав, ссылаясь на мирные отношения, существующие между ней и королем Португалии, а также его губернаторами; что, покуда она жива, они останутся нерушимыми; а что касается турок, о которых он упоминает, один бог, которого она в этом деле призывает в свидетели, знает, насколько приход их сюда совершился против ее воли, а посему, раз его милость располагает силами, для того чтобы изгнать их прочь, пусть он это и делает; что она, со своей стороны, будет способствовать этому предприятию, насколько это в ее силах, но сделать большее не может, как он прекрасно знает, ибо государство ее не могущественное и она не дерзает сражаться со столь грозной силой; что она клянется золотыми сандалиями, которые надевает в своей пагоде, что так же обрадуется его победе, которую да дарует ему бог, как обрадовалась бы, если бы король Нарсинги [\[43\]](#), рабой которого она является, посадил ее за стол вместе со своею женой.

Когда Гонсало Ваз выслушал доклад об успехе переговоров и лестные слова, которые поручила ему передать королева, хотя и ожидал от нее большего, он почел за благо скрыть свои чувства. Справившись у местных жителей о намерениях турок, о том, где они находятся и что делают, он созвал совет, на котором изложил положение вещей, особо остановившись на важности предприятия, после чего большинством голосов было принято решение — напасть на галеру ради чести флага государя нашего короля и посмотреть, удастся ли ее взять, а если нет, сжечь ее, ибо господь бог, во имя которого мы сражаемся, непременно

поможет нам против врагов его святой веры. О решении была составлена грамота, неукоснительно выполнить его присягнули, и большинство в том руку свою приложило, после чего командующий провел армаду глубже в реку на расстояние двух выстрелов из фальконета.

Но прежде чем он стал на якорь, к его фусте подошла алмадия ^[44], на которой находился брамин, прекрасно говоривший по-португальски. Последний передал командующему послание от королевы, в котором она настоятельно просила и убеждала его, взывая к имени вице-короля, ни при каких обстоятельствах не вступать в бой с турками, поскольку ей через ее соглядатаев стало известно, что их собралось великое множество в окопе, вырытом ими вокруг ямы, в которую перенесли галеру, и что, по ее мнению, для этого предприятия требуется гораздо больше сил, чем те, которыми мы располагаем. Она добавляла, что бог свидетель, как велика ее скорбь и печаль при мысли, что нас может постичь непоправимое несчастье.

На это командующий ответил осторожно и вежливо, что он премного благодарит ее величество за проявленную милость и целует ей руки, но что в отношении турок ни в коем случае не отступит от своего решения, потому что не в обычае у португальцев уклоняться от боя из страха перед неприятелем, сколько бы его ни было, ибо чем его больше будет, тем большее число его и погибнет.

С этим ответом и был отправлен брамин, которого командующий наградил штукой зеленого камлота и шапкой с подкладкой из ярко-красного атласа, чем тот был очень доволен.

Глава X

Как командующий попытался сжечь галеру турок и о том, что произошло после этого

После того как брамин был отправлен обратно, командующий Гонсало Ваз Коутиньо окончательно решил вступить с турками в бой. Перед этим он получил от своих лазутчиков сведения, как собираются вести себя с нами турки. Он узнал, что минувшей ночью, как говорили, они, с благословения королевы, поместили галеру в яму, около которой вырыли ров с очень высокими валами, и установили в ней двадцать шесть орудий.

Тем не менее командующий перешел к тому месту, где, находились турки, и высадился со своими людьми на берег на расстоянии от неприятеля, примерно равном выстрелу из трехфунтового орудия. Было с командующим около восьмидесяти человек; остальных же, которых он привез с собой из Гоа для этой операции, он оставил охранять фусты. Составив из своих людей отряд и построив его по всем правилам, он пошел на турок. Последние, видя нашу решимость, тоже как мужественные люди подготовились дать нам отпор: выступили из своей траншеи на двадцать пять или тридцать шагов и завязали с нами столь яростную и неистовую рукопашную, что через несколько мгновений на поле боя осталось сорок пять убитых, из которых только восемь было наших, а все остальные — турки. Когда же командующий вторично бросился в атаку, господу было угодно расстроить ряды турок и обратить их в бегство, словно людей, потерпевших окончательное поражение. Видя это, наши преследовали их по пятам и ворвались в их окопы, где они снова обратились к нам лицом, и там нам пришлось биться в такой тесноте, что некоторые даже поранили себе лицо рукоятями своих мечей.

В это время подоспели наши фусты, которые шли на веслах вдоль берега. Наши люди с громкими криками выстрелили в неприятеля из всех орудий, причем уложили десять или двенадцать янычар, на которых были шапки из зеленого бархата, что у турок служит признаком знатности. С гибелью янычар турки пали духом и обратились в бегство. Командующий тем временем предпринял попытку спалить их галеру и запустил в нее пять горшков с порохом: у нее начала уже заниматься верхняя палуба, но турки, как люди смелые, мгновенно бросились тушить ее. А когда наши попытались еще и прорваться к яме, где стояла галера, турки выстрелили

из орудия, которое, судя по ядру, должно было быть крупной мортирой. Ядро это было каменное и убило наповал шесть человек, из которых один был Диого Ваз Коутиньо, сын командующего, и ранило пятнадцать или шестнадцать, что привело наших в совершенное расстройство.

Неприятель, видя, какой урон он нам нанес, испустил громкий победный крик, взывая к Магомету. Но наш командующий, услышав, кого они призывают, воскликнул, чтобы воодушевить своих:

— Господа и христиане! Раз уж эти псы взывают к черту, чтобы он помог им, призовем-ка мы себе на помощь Иисуса Христа.

И, бросившись с этими словами снова в траншею, обратился неприятель в бегство. Последний устремился к галере, как бы для того, чтобы закрепиться в ней, но некоторые из наших, бросившиеся за ними по пятам, увидели, что турки забираются в основную часть окопа. В это мгновение они запалили мину, которая у них была у входа, подорвав на ней шесть португальцев и восемь рабов, не считая других сильно обожженных, причем от густых клубов дыма мы не в состоянии были видеть друг друга.

Командующий, опасаясь, как бы мы снова не понесли столь же тяжелые потери, почел за благо отступить по берегу, и отряд, стянув ряды в полном порядке, неся на руках убитых и раненых, прибыл к месту, где стояли наши суда. Оттуда, после того как все погрузились на фусты, последние прошли на веслах до той самой бухточки, из которой мы вышли. И там с великой скорбью и изобильными слезами были похоронены убитые, а раненым и обожженным, которых было большое количество, оказали помощь.

Глава XI

О том, что еще произошло до следующего дня, когда Гонсало Ваз отправился в Гоа

В этот же столь печальный для нас день произвели перекличку людей, чтобы узнать, во сколько нам обошлось нападение на окоп, и выяснилось, что из восьмидесяти солдат мы потеряли пятнадцать убитыми и пятьдесят четыре ранеными, из которых девять остались калеками. Вечер и всю ночь напролет нам пришлось немало потрудиться и быть все время начеку.

Едва забрезжило утро, королева послала командующему в подарок множество куриц, петухов и яиц, но он не захотел их принять. Будучи до крайности взбешен, он произнес слова, быть может, более резкие, чем это было разумно. Так, он сказал, что сеньор вице-король не преминет вскорости узнать, насколько верную слугу имеет в ней король Португалии, и что будет время — расплатятся и с ней по заслугам, а чтобы она не сомневалась, что будет именно так, как он говорит, он оставляет ей в залог убитого сына и всех тех, кого она предательски обрекла на гибель, оказывая покровительство и помощь туркам, а пока что благодарит за подарок, который она прислала ему, чтобы отвести глаза от содеянного.

Время от времени командующий подкреплял свою речь страшными клятвами, чем привел в великий ужас посланца королевы, и когда тот явился к ней и еще усилил резкость ответа, то внушил ей, что из-за этой галеры она, без всякого сомнения, весьма скоро лишится престола, а поэтому ей совершенно необходимо приложить все усилия, чтобы примириться с командующим. Посоветовавшись по этому поводу со своими близкими, она решила немедленно отправить другого посла. Это был брамин, близкий ее родственник, человек уже в летах, степенный и почтенный, которого командующий принял милостиво. Покончив с обычными выражениями учтивости и почтения, брамин сказал командующему:

— Если ты мне дашь, сеньор, разрешение говорить, я открою уста свои в твоем присутствии и от имени королевы, госпожи моей, сообщу тебе, ради чего я явился.

Командующий на это ответил, что личность послов неприкосновенна и они имеют право без стеснения говорить все то, что им приказано передать, поэтому он спокойно может касаться всего, что пожелает.

Брамин поблагодарил его и сказал:

— Выразить тебе, сеньор капитан, сколь разгневана и опечалена была королева, узнав о гибели во вчерашнем бою твоего сына и остальных португальцев, нет никакой возможности, ибо торжественно клянусь тебе как жизнью ее, так и всем моим родом браминов, религию которых я исповедую с малолетства, что королева была так подавлена, когда до нас дошла весть о постигшей вас неудаче и о твоем горе, как если бы ее сейчас заставили съесть коровьего мяса у главного входа во храм, где погребен ее отец. И поэтому, сеньор, ты сможешь судить, каково ее участие в твоих печалях. Но так как помочь тебе в этом деле так, как ей хотелось бы, уже нельзя, она просит и умоляет тебя, чтобы ты снова подтвердил мирный договор, заключенный с ней прежними губернаторами, поскольку ты имеешь на то полномочия от вице-короля, она же, со своей стороны, обязуется и дает тебе слово, что немедленно прикажет сжечь турецкую галеру, а турок выдворит со своей земли, потому что на большее, как ты знаешь, она не способна, и все это она берется исполнить в течение всего четырех дней, каковую отсрочку она у тебя и испрашивает.

Командующий, понимая всю важность данного дела, сказал, что согласен на ее условия и готов возобновить с ней мирный договор. Мир был тут же подтвержден и скреплен клятвенными обещаниями обеих сторон, согласно церемониалу, принятому у этих язычников, королева же стала изыскивать все возможные средства, чтобы выполнить свое обещание. Но так как у командующего не было времени ждать четверо суток, которые она просила, ибо состояние многих раненых на армаде внушало большие опасения, он к концу того же дня снялся с якоря и отплыл в Гоа, оставив наблюдателем некоего Жорже Ногейру, который должен был доложить о дальнейшем ходе дела вице-королю, ибо этого требовала королева.

Глава XII

О том, что произошло до того времени, пока Перо де Фариа не прибыл в Малакку [{45}](#)

Наследующий день командующий Гонсало Ваз Коутиньо прибыл со сноси армадой в Гоа, где был милостиво принят вице-королем, которому он сообщил обо всем, что случилось с ним во время этой экспедиции, а также о достигнутом с королевой Онора соглашении, по которому она обязывалась сжечь галеру турок и их самих выдворить из пределов своей страны. Все это вице-королем было одобрено.

С момента нашего прибытия в Гоа прошло уже двадцать три дня, к этому времени зарубцевались две раны, которые я получил во время рукопашной в окопе. Но когда я выздоровел, я оказался без малейших средств к существованию и по совету одного священника, предложил свои услуги некому почтенному дворянину по имени Перо де Фариа, которым только что был назначен комендантом Малакки, а пока что держал открытый стол для всех, кто хотел воспользоваться таким его одолжением. Он обещал, что в будущем окажет мне всяческое покровительство в своей провинции, ибо я выразил желание отправиться вместе с ним в Малакку — путешествие, которое он собирался совершить вместе с вице-королем.

Тем временем вице-король дон Гарсиа де Норонья готовился идти на выручку крепости Диу, которая, по полученным сведениям, находилась в весьма тяжелом положении из-за осаждавших ее турок. С этой целью он собрал весьма большую и хорошую армаду, в которой было двести двадцать пять судов, в том числе восемьдесят три высокобортных, то есть кораблей, галионов и каравелл; остальные же были галеры, баркантины и фусты, на которых, по слухам, должно было уйти десять тысяч человек солдат и тридцать тысяч каторжан-гребцов, а также палубных матросов и рабов-христиан. Сведения об этой армаде ежедневно поступали паше в письмах от Хидалкана и короля Каликута Саморина, а кроме того, через Инезамалуко [{46}](#), Аседекана [{47}](#) и многих других князей, язычников и мусульман, которые в Гоа имели своих тайных соглядатаев. Когда армада была полностью снаряжена и наступило время к ее отплытию, на нее, в субботу ноября четырнадцатого дня 1538 года перешел вице-король и оставался на ней пять суток, ожидая, пока на нее не перейдут все люди, которых было очень много. На шестой день к нему прибыл катур [{48}](#) из

Диу с письмом от коменданта крепости Антонио де Силвейры, в котором тот сообщал ему, что осада крепости снята и турки ушли, что вызвало у всех, кто находился на армаде, заметное огорчение, так как все горели желанием повстречаться с этими врагами нашей святой веры.

Вице-король задержался в Гоа еще на пять дней, занимаясь кое-какими важными для его вице-королевства делами, он послал два корабля под командой Мартина Афонсо де Соузы и Висенте Негадо в Португалию, отправив на них доктора Фернана Родригеса де Кастелбранко, инспектора королевских финансов, чтобы тот по пути произвел в Кочине погрузку перца и доставил на родину бывшего губернатора Нуно да Кунью, который уже некоторое время находился на корабле «Санта Крус» в дурном расположении духа, недовольный тем, что ему не оказывают должного почета, на который, как ему казалось, он имеет право по своим заслугам.

После того как все эти распоряжения были сделаны, вице-король покинул бар Гоа в пятницу декабря шестого дня утром и на четвертый день пути стал на якорь в Шауле, где задержался на три дня, разрешая с Инезамалуко различные дела, существенные для благосостояния и безопасности крепости, и снабжая некоторые суда из своей армады недостающими гребцами и провиантом.

После этого он отплыл в Диу, но, когда он прошел до пиков Дану, на траверзе среднего залива на него налетел столь жестокий шторм, что вся его армада оказалась разбросанной по морю и несколько из его кораблей погибло, в том числе галера «Бастард» на баре Дабул, капитан которой, дон Алваро де Норонья, был сын вице-короля и командующий морским флотом, а в заливе — галера «Эспиньейро», капитаном которой был Жоан де Соуза, по прозвищу «Ратес», так как он был сыном приора в местечке, носившем это название. С этой галеры удалось спасти большую часть команды, благодаря тому что в тот миг, когда море ее поглотило, неподалеку от нее находилось судно сына адмирала графа дона Кристована да Гамы, погибшего впоследствии от руки турок на «Пресвитере Иоанне». Таким же образом пошло ко дну еще семь судов, названий которых я не запомнил. Так что пока вице-король заменял погибшие суда и собирал воедино разбросанные во все стороны штормом, прошло больше месяца.

Прибыв наконец шестнадцатого января 1539 года в Диу, он первым делом занялся восстановлением крепости, потому что турки большую часть ее разрушили до основания, так что спасением своим она, казалось, была скорее обязана чуду, нежели человеческим усилиям. Распределив работу по ее восстановлению между командирами армады, он поручил Перо де Фарии, поскольку у него было больше всего людей, работы по

обращенному к морю бастиону и укрепление береговой полосы, что последний со своими тремястами солдатами и выполнил в двадцать шесть дней, причем сделал это много лучше, чем было раньше. А так как к этому времени наступило уже четырнадцатое марта и задул Малаккский муссон, Перо де Фариа отправился в Гоа, где, согласно письменному распоряжению вице-короля, окончательно запасся всем необходимым и отплыл из Гоа тринадцатого апреля с армадой, состоявшей из восьми кораблей, четырех фуст и одной галеры, на которых было шестьсот человек, и при установившейся погоде и попутном муссоне прибыл в Малакку июня пятого дня того же 1539 года.

Глава XIII

Как Перо де Фарию посетил посол короли батов [{49}](#) и о том, что между ними произошло

Когда Перо де Фариа прибыл в Малаккскую крепость, комендант Эстеван да Гама дослуживал в ней последние дни. Место его должно был занять Перо де Фариа, и уже через несколько дней после его прибытия короли комарк [{50}](#) приказали послам своим посетить его, поздравить с капитанией и заверить в желании сохранить великую дружбу и мир с королем Португалии. Среди последних пришел и посол от короля батов, населяющих часть острова Суматра, обращенную к океану, неподалеку от коей находится тот Золотой остров [{51}](#), который на основании сообщений различных мореплавателей несколько раз посылал открывать король Жоан III, но безуспешно.

Посол этот по имени Акуарен Даболоай, шурин короля батов, привез богатые дары, состоявшие из дерева алоэ, душистого дерева и пяти кинталов бензойного цвета [{52}](#), а также следующее письмо на пальмовом листе:

«Стремясь более кого-либо на свете услужить коронованному льву на внушающем трепет престоле вод морских, на который он воссел благодаря непостижимой власти своей над дуновением всех ветров; владетелю несметных богатств и властителю великой Португалии, твоему господину и моему, коему в лице твоём, Перо де Фариа, муж, стальному столпу подобный, и ныне повинуюсь из бескорыстной и святой дружбы, дабы отныне и впредь стать подданным твоим со всей верностью и любовью, которой должен отличаться истинный вассал, я, Анжеесири Тиморража, король батов, возжелав ныне вновь твоей дружбы, дабы плодами сей земли моей обогатить твоих подданных, предлагаю новыми поставками золота, перца, камфоры, алойного дерева и бензойной смолы наполнить таможни твоего и моего государя, но при условии, что ты в твердом доверии ко мне вышлешь мне собственноручную охранную грамоту, дабы мои ланчары и журупанги [{53}](#) могли беспрепятственно плавать со всеми ветрами. И еще прошу тебя из ненужных излишков твоих выдать мне ядер и пороху, в коих я теперь испытываю жестокую нужду, дабы, используя этот первый милостивый залог твоей дружбы, я смог покарать клятвопреступных ашенцев [{54}](#), жестоких недругов твоей древней Малакки, с каковыми

отныне клянусь никогда не жить в мире и дружбе, пока не отплачу за кровь трех моих сыновей, непрестанно взывающих к отмщению слезами, пролитыми благородной матерью, зачавшей их и вскормившей своею грудью, коих жестокий тиран Ашена умертвил в селениях Жакур и Лингау [{55}](#), о чем с большими подробностями от моего имени поведает тебе Акуарен Даболой, брат убитой горем матери моих сыновей, которого я посылаю к тебе для возобновления дружбы, дабы, господин мой, он договорился с тобой обо всем, что он посчитает способствующим славе господней и благу твоего народа.

Совершено в Панажу, пятого мамоко восьмой луны» [{56}](#).

Посол этот был милостиво принят Перо де Фарией со всеми принятыми у них церемониями и знаками почета. После того как он передал письмо (которое было немедленно переведено с малайского языка, на коем было писано, на португальский), посол с помощью толмача объяснил причину раздора между тираном Ашена и королем батов. Причины ее были следующие: уже некоторое время этот злодей предлагал батскому королю, который был язычником, перейти в закон Магомета и жениться на одной из его сестер, предварительно отвергнув свою жену, с которой он прожил в браке двадцать шесть лет, ибо она, как и он, была язычницей. А так как король батов не удовлетворил его просьбы, тиран Ашена, подстрекаемый одним из своих касизов, объявил ему войну. Оба короля собрали свои войска, и между ними завязался весьма ожесточенный бой, продолжавшийся три часа, после чего Ашенец потерял большую часть своих воинов и, чувствуя превосходство батов, отступил в горы, называемые Кажеррендан [{57}](#), где король батов держал его в окружении двадцать три дня. Но так как у батов заболело много воинов, а Ашенец терпел большую нужду от недостатка припасов, оба короля порешили заключить мир на тех условиях, что король Ашена тут же уплатит королю батов пять золотых баров [{58}](#), что на наши деньги составляет двести тысяч крузадо, дабы тот мог расплатиться с иностранцами, которые служили у него в войске, а король батов, со своей стороны, женит своего старшего сына на той самой сестре Ашенца, из-за которой и разгорелись вся ссора. Таким образом, было достигнуто обоюдное соглашение, после чего король батов снялся с лагеря и распустил все свое войско.

Мир после этого продолжался всего только два месяца с половиной, за это время к Ашенцу на четырех судах для перевозки перца, которые он зафрахтовал в Адене, прибыло из Меккского пролива, триста турок, которых он ожидал, вместе с большим количеством мушкетов и другого

оружия и с несколькими бронзовыми и чугунными пушками. С ними и с помощью других людей, кои были в его распоряжении, он под предлогом подавления восстания в Пасене {59}, поднятого там одним из его комендантов, напал на два селения в стране батов, называемых Жакур и Лингау, которые не были готовы дать отпор, так как Ашенец только что заключил мир; он захватил их без всякого труда, убив при этом трех сыновей короля батов и семьсот оуробалонов {60}, которые считаются у них в королевстве самыми лучшими и знатными людьми.

Король батов, крайне возмущенный столь великим вероломством, поклялся главным кумиром их языческой веры по имени Кияй Хокомбинор, богом правосудия {61}, или отомстить за гибель сыновей и отобрать захваченное, или умереть, а до тех пор не вкушать ни плодов, ни соли, ни чего-либо, угождающего вкусу. И теперь король батов, стремясь осуществить свой замысел, собрал войско в пятнадцать тысяч человек, как местных жителей, так и иноземцев, в чем ему помогли некоторые дружественные князья. Но, не удовлетворившись этим, он захотел еще воспользоваться нашим благорасположением, а поэтому и просит Перо де Фарию оказать ему этот новый знак дружбы.

Просьбу его Перо де Фариа выполнил с большой охотой, ибо понимал, что это служит интересам короля Португалии и способствует безопасности крепости, а также что благодаря этому возрастут доходы таможи и прибыли как его, так и тех португальцев, которые в этих южных краях заключили сделки и вели торговлю.

Глава XIV

О том, как в дальнейшем развивались события вплоть того времени, когда Перо де Фариа направил меня к королю батов, и о том, что я увидел в пути

Когда Перо де Фариа прочел письмо короля батов и узнал от его посла, по какому делу король направил того сюда, он принял посла с величайшим радушием, какое позволяли его средства. Через семнадцать дней после прибытия своего в Малакку посол был отправлен из крепости домой, получив все то, что он просил, а сверх того — еще сто горшков с порохом, каменных ядер и зажигательных бомб, чему он так обрадовался, что пролил слезы радости и, встав на паперти церкви и обратившись к храму лицом, словно обращаясь к самому богу, воздел руки к небу и произнес перед всем народом во всеуслышание:

— Обещаю от имени моего короля, о всемогущий властелин, что в покое и великой радости восседаешь в сокровищнице своих богатств, кои суть духи, созданные твоею волей, что, если тебе угодно будет даровать нам победу над тираном Ашена и мы отберем у него все то, что он так вероломно и коварно захватил у нас в двух селениях наших Жакур и Лингау, мы вечно с превеликим постоянством и благодарностью будем исповедовать тебя в португальском законе твоей святой истины, в коей заключено спасение земнородных, и воздвигнем тебе снова на нашей земле светлые храмы, исполненные сладостных благовоний, где все живущие будут поклоняться тебе с воздетыми руками, подобно тому как это совершается по сей день на земле великой Португалии. И обещаю тебе и клянусь со всей твердостью человека прямого и честного, что мой король никогда не будет иметь иного повелителя, кроме того великого португальца, который ныне властвует над Малаккой.

И, сев затем на ланчару, на которой он прибыл, отплыл в сопровождении десяти или двенадцати баланов [\[62\]](#), проводивших его до острова Упе [\[63\]](#) в половине легуа с небольшим от города; там малаккский бендар [\[64\]](#), иначе говоря, самое почитаемое лицо у здешних мусульман, их верховный судья и военачальник, задал ему по приказанию Перо де Фарии пышный пир на свой лад. Музыканты играли на гобоях, трубах и литаврах, а певцы пели, как принято у нас в Португалии, под звуки арф, флейт и виол, так что посол сунул себе палец в рот, что является у них знаком

величайшего изумления.

Не прошло и двадцати дней с отъезда посла, как Перо де Фариа, жажда извлечь из торговли со страной батов великую выгоду, которую сулили ему некоторые мусульмане, если он пошлет туда индийские товары, а также еще более нажиться на продаже батских товаров в Малакке, снарядил судно, из тех, которые здесь называются журупангами, размером с небольшую каравеллу, погрузил на него товаров на десять тысяч крузадо, так как большим он пока рисковать не хотел, и назначил своим фактором одного мусульманина из здешних жителей. Он спросил меня, не хочу ли я тоже поехать, так как ему будет очень приятно, если я под видом посла навещу от его имени короля батов, а затем направлюсь с ним в Ашен, куда король готовился в то время идти походом, ибо это, возможно, принесет мне кое-какую выгоду; далее, ему очень пригодились бы правдивые сведения обо всем, что я увижу в той земле и что услышу о Золотом острове, ибо Перо де Фариа намеревался написать его величеству все, что о нем известно.

Мне никак нельзя было отказаться от его предложения, хоть путешествия этого я отчасти побаивался, поскольку земли эти были пока мало изведаны, а население их слыло коварным, да и выгод это путешествие мне особенно не сулило, ибо до сих пор мне удалось сколотить всего лишь сто крузадо собственных денег. Но в конце концов я сел на корабль вместе с мусульманином, который вез товары.

Штурман провел нас из Малакки в порт Суротилау, который расположен на побережье королевства Ару [{65}](#), после чего мы пошли вдоль Суматры в сторону Внутреннего моря вплоть до реки под названием Хикандуре. И, следуя тем же курсом еще пять дней, прибыли в прекрасный залив под названием Миньятолей в девяти легуа от королевства Педир, лежащего на широте одиннадцати градусов [{66}](#). Оттуда мы пошли вдоль оконечности острова, ширина которого в этом месте составляет не больше двадцати трех легуа, пока на противоположной стороне не увидели море. И, проплыв по нему четыре дня с попутным ветром, стали на якорь в небольшой реке под названием Гуатеанжин [{67}](#), имеющей глубину семь брас [{68}](#), по которой продвинулись в глубь страны на шесть легуа. Сквозь заросли деревьев мне довелось увидеть великое множество змей и зверей столь удивительной величины и диковинного вида, что я весьма опасаясь рассказывать о них, по крайней мере, людям, которые мало видели свет, ибо они, именно потому, что мало что видели, имеют обыкновение не верить тому многому, что видели другие.

Повсюду в этой реке, которая не была особенно широкой, кишело огромное количество ящериц, коих более справедливо было бы назвать драконами ^{69}, поскольку некоторые из них доходили размером до самой большой алмадии; спины у них были покрыты выступами наподобие раковин, а пасти были более двух пядей; они отличаются большой дерзостью и бесстрашием, и если верить местным жителям, зачастую нападают на большие алмадии, если на них не больше трех или четырех негров, разбивают их хвостом и пожирают по очереди людей, не раздирая их на части, а проглатывая целиком.

Видели мы здесь и весьма необычных и странного вида животных, которых туземцы называют какесейтанами, размером с большую утку; они совершенно черные, с чешуей и колючим гребнем на спине, каждая игла которого размером с писчее перо, с крыльями, как у летучей мыши, шей змеи, рогом на голове, напоминающим петушиную шпору, и с очень длинным хвостом в черных и зеленых пятнах, как у ящериц в нашей стране. Эти животные, полет которых похож на прыжок, охотятся на обезьян и других зверей, коими они питаются.

Видели мы также великое множество змей с капюшонами, толщиной с человеческое бедро и столь ядовитых, что, по свидетельству негров, стоит только слюне этих гадов попасть на живое существо, как оно тотчас падает мертвым на землю, и никакое противоядие уже не в силах ему помочь. Мы видели еще других змей, уже без капюшона и не столь ядовитых, но гораздо более длинных и толстых, с головой размером с телячью. Про них нам рассказывали, что они хищники и охотятся следующим образом: они взбираются на верхушку какого-нибудь дерева в лесу, которые в изобилии покрывают эту землю, и, зацепившись концом хвоста за ветку, но не отпуская ее, свисают с нее, спрятав голову в кусты подлеска и прижав ухо к земле. Таким образом они в ночной тишине слышат всякий шум и, если мимо них пройдет бык, кабан, олень или какое-либо другое животное, захватывают его в пасть и, во что бы ни вцепились их зубы, подтягивают к себе наверх, так что нет живого существа, которое могло бы их избежать.

И, наконец, мы здесь видели большое количество бурых и черных обезьян размером с большую собаку наших пастухов; обезьян этих негры боятся гораздо больше всех прочих животных, ибо они нападают с такой смелостью, что никто не может с ними сладить.

Глава XV

О том, что произошло со мной в Панажу у короля батов, прежде чем он отправился в поход на Ашен

Поднявшись по этой реке семь или восемь легуа, мы прибыли в небольшое селение под названием Баторрендан, что на нашем языке значит «жареный камень», в четверти легуа от города Панажу, где в это время король батов готовился к походу на Ашен. Как только он узнал, что я везу ему подарок и письмо от коменданта Малакки, он приказал меня встретить шабандару {70}, главному военачальнику. Последний на семи ланчарах и двенадцати баланах пришел за мной в тот порт, где я стал на якорь, и перевез меня под великий грохот барабанов, звон колоколов и крики толпы до пристани города под названием Кампалатор; здесь ожидал меня бендара, губернатор королевства, с целой свитой оуробалонов и амборражей {71}, то есть самых знатных из придворных, однако большинство их или даже почти все были весьма бедны, если судить по внешности их и по одежде, из чего я заключил, что страна эта не столь богата, как считали в Малакке.

Когда я прибыл во дворец короля, я прошел сначала в первый двор и там у входа во второй увидел пожилую женщину, окруженную людьми, гораздо более благородными и лучше одетыми, чем те, кто меня сопровождали. Эта старуха подала мне знак рукой, как бы приглашая пойти, и с печальным и суровым видом произнесла:

— Твой приезд, человек из Малакки, в страну короля, моего повелителя, столь же желанен ему, как дождь в засуху нашим рисовым полям. Входи уверенно и ничего не бойся, ибо мы уже все по милости господ уподобились вам и уповаем на него так же, как и вы, до последнего вздоха вселенной.

Пройдя во внутренность дворца, где находился король, я оказал ему знаки почтения, трижды преклонив колено, после чего передал ему привезенные мною письма и подарок. Принимая их, он изъявил большую радость и спросил меня о цели моего приезда.

На это я ответил согласно указаниям, которые мне были даны, что прибыл я для того, чтобы служить его величеству в предпринимаемом им походе и собственными глазами увидеть город Ашен и его укрепления, а также узнать, сколько брас глубины имеет река и могут ли войти в нее

большие корабли и галионы, ибо комендант Малакки решил, дождавшись подкреплений из Индии, прийти на помощь его величеству, чтобы предать в его руки злодея Ашенца. Все это бедный король, поскольку сказанное соответствовало его желаниям, принял за чистую монету и, поднявшись с помоста или трибуны, на которой он сидел, встал на колени перед черепом коровы с позолоченными рогами, лежавшим на чем-то вроде полки для тарелок или кувшинов и украшенным множеством душистых трав, и, протянув к нему руки, произнес, почти плача:

— Ты, что, подобно матери, кормящей своего дитя, питаешь всех тех, кто жаждет твоего молока, хоть и не понуждает тебя к этому материнская природа, ибо неведомы тебе ни плотское совокупление, ни труды и муки, кои приходится испытывать тем, от которых мы все рождены, молю тебя от всего сердца: на тех солнечных лугах, где великая плата и вознаграждение, которую ты получаешь за свои благодеяния, вселяют в тебя радость, что ты их совершила, сделай так, чтобы не лишился я расположения этого доброго коменданта и он осуществил свое намерение, о котором я ныне услышал.

На что все его приближенные, воздев трижды руки, прокричали:

— *Rachî Parautinacor!* — что значит: «Увидеть это и тут же умереть!»

После этого все погрузились в грустное молчание, а король повернулся ко мне и, утирая слезы, исторгнутые из его глаз горячей молитвой, подробно стал расспрашивать меня об Индии и Малакке. Затем он отпустил меня с милостивыми речами, обещая хороший сбыт товарам, которые мусульманин привез от коменданта, — а мне это было всего важней.

Все то время, что я здесь провел, король был поглощен подготовкой к походу на Ашен и не занимался ничем, кроме того, что имело отношение к этому предприятию. Поэтому через девять дней после моего прибытия в Панажу, столицу этого Батского королевства, он отправился за пять легуа в некое место, называемое Турбан, где его ожидала большая часть его людей. Туда он прибыл за час до захода солнца, без какого-либо шума или громкого ликования из-за траура по трем его сыновьям, скорбь о которых всегда была написана на его лице.

Глава XVI

Как батский король вышел из Турбана в поход на Ашен и о том, что он сделал после того, как встретился с неприятелем

На следующий день король немедленно выступил из Турбана на Ашен, отстоявший от него на восемнадцать легуа. В войске его было пятнадцать тысяч человек, из которых только восемь тысяч баты, а остальные менанкабы, лузонцы, андрагиры, жамбы и борнейцы [{72}](#), которых князья этих стран послали батскому королю в помощь; кроме этого с ним было сорок слонов, двенадцать повозок с орудиями мелкого калибра, как-то фальконетами и полевыми, в которые входили две мортиры и небольшая бронзовая пушка с гербом Франции, находившаяся на корабле, который в 1526 году, когда Индией управлял Лопе Вас де Сампайо, прибыл сюда с французами и капитаном и штурманом которого был некий португалец по прозвищу «Розадо», уроженец Вила-де-Конде.

Совершая в день обычно по пяти легуа пути, король батов подошел к реке, называемой Килен, где от захваченных здесь соглядатаев Ашенца стало известно, что последний ожидает его в двух легуа от города Тондакура, чтобы вступить с ним в бой, и что в его войске много иноземцев, в том числе турок, гузаратцев и малабарцев с Индийского побережья. Бат обсудил эти сведения со своими военачальниками, и ему посоветовали напасть на противника прежде, чем тот успеет собрать еще большие силы. Поэтому король поспешил сняться с лагеря и быстрее, чем раньше, пошел навстречу врагу. Около десяти часов вечера он подошел к подножью горного хребта, в половине легуа от которого разместился лагерь противника, передохнул немного более трех часов и проследовал дальше в большом порядке, разделив свое войско на четыре батальона. Обходя выступ, образованный хребтом, он почти в самом конце его увидел большое рисовое поле, где с двумя большими батальонами расположился неприятель.

Едва враги заметили друг друга, как под звуки труб, барабанов и колоколов с устрашающими возгласами и криками яростно бросились вперед. Когда уже с обеих сторон было выпущено много стрел и бомб и использовано имевшееся у них огнестрельное оружие, они перешли в рукопашную, причем с такой стремительностью, мужеством и отвагой, что от одного вида этого боя у меня душа ушла в пятки. Ожесточенная эта

схватка продолжалась немного более часа, но еще нельзя было определить, какая из двух сторон одержит верх. Ашенец, однако, видя, что воины его утомлены, изранены и начинают сдавать, отступил к холму, расположенному впереди, с южной стороны, примерно на расстоянии выстрела из небольшого полевого орудия, с намерением закрепиться на вершине за оградами, возведенными вокруг участков с овощами и рисом. Но брат короля Андрагире ^{73} помешал этому, перерезав дорогу с двумя тысячами войска, после чего рукопашная возобновилась с таким неистовством, и с той и с другой стороны наносились такие свирепые удары, что ни один народ не мог бы похвастать большей кровожадностью. Прежде чем Ашенцу удалось укрыться за оградами, он потерял более полутора тысяч своих войск, в число которых вошли те сто шестьдесят турок, которые прибыли к нему из Меккского пролива, и двести малабарских магометан и абиссинцев, являвшихся отборнейшей частью его войска.

А так как время близилось к полдню и зной стал нестерпим, Бат удалился в горы, где и оставался почти до наступления ночи, причем все это время его люди оказывали помощь раненым и хоронили убитых. Не решаясь на дальнейшие действия, пока ему не станут ясны намерения неприятеля, Бат расставил сторожевые посты и всю эту ночь выжидал в горах. Наутро, когда рассвело, за оградами, где накануне укрывался Ашенец, никого не оказалось. Из этого Бат заключил, что неприятель потерпел значительный урон, и решил его преследовать. Поэтому, отослав домой всех раненых, неспособных участвовать в бою, он отправился за ним прямо в город, которого и достиг за два часа до захода солнца.

Но, желая доказать врагу, что баты не понесли значительных потерь, Бат сжег два очень больших пригорода, а также четыре корабля и два галиона, на которых турки прибыли из Меккского пролива и которые были вытащены на берег. Огонь набросился на эти шесть судов с чрезвычайной силой и яростью, но неприятель не посмел выйти из города. Тогда король батов, чувствуя, что ему благоприятствует судьба, и не желая упустить удобный случай, самолично напал на крепость под названием Пенакан, которая двенадцатью крупными орудиями защищала вход в реку, и с помощью примерно семидесяти или восьмидесяти приставных лестниц взял ее приступом, потеряв не более тридцати семи человек. Всех, кто там оказался, он приказал зарубить, не желая никому давать пощады, в крепости было убито до семисот человек.

Итак, за первый же день Бат добился трех значительных побед, что очень воодушевило его войско и исполнило его такой отваги, что оно

готово было в ту же ночь напасть на город, если только получит на то разрешение короля. Но так как уже совершенно стемнело и воины очень утомились, вознеся богу много благодарений за успех, удовлетворились тем, что было сделано.

Глава XVII

О том, что король батов совершил после одержанных успехов

Король батов держал город Ашен в осаде двадцать три дня, в течение которых неприятель предпринял две вылазки, и ни одна из них не представила чего-либо примечательного, о чем стоило бы рассказать, так как с обеих сторон потеряно было не более десяти или двенадцати человек убитыми.

Победы и успехи на войне придают мужества и отваги обычно победителям, но случается и обратное: отважными становятся как раз побежденные, — они теряют страх и дерзают совершать дела, сами по себе весьма трудные и опасные. Таким образом, если в одном отношении победители выигрывают, в другом они могут проиграть. В этом я наглядно убедился на примере батов, ибо, когда они увидели, что ашенцы отступают, как войско, потерпевшее жестокое поражение, в них непомерно увеличилась дерзость и высокомерная уверенность, что никто не отважится посмотреть им в лицо. Ослепленные этим необоснованным убеждением, они два раза чуть было не погубили себя, пускаясь в слишком отчаянные предприятия.

Во время второй вылазки ашенцев баты отважно напали на них с двух сторон и, когда завязалась крепкая схватка, ашенцы притворились, что не выдержали, и стали отступать к укреплению, где несколько дней назад король батов забрал у них двенадцать орудий. Одни из батских военачальников самовольно последовал за ашенцами и, решив, что победа обеспечена, загнал неприятеля за вал, не имея на то ни разрешения, ни приказа. Но тут ашенцы повернулись к нему лицом и стали оказывать ожесточенное сопротивление. Как раз в то время, когда одни пытались ворваться в укрепление, а другие защищали вход в него, ашенцы запалили большую мину, которую заблаговременно подготовили. Мина взорвалась рядом с контрафорсом, сделанным из камня без раствора, и взметнула на воздух и начальника батов, и более трехсот его солдат, которые были разорваны на части. Грохот и дым от этого взрыва был так ужасен, что все это показалось подобием ада. Неприятель издал при этом оглушительный крик, и сам король ашенцев собственноручно вышел из города с более чем пятью тысячами амоков ^{74} и напал на батов с большой стремительностью.

Пороховой дым еще был чрезвычайно густ, и никто друг друга хорошо не видел, поэтому между противниками произошла хоть очень жестокая, но беспорядочная схватка. Не берусь входить в подробности происходившего, скажу коротко, что за те четверть часа с небольшим, которые занял бой, погибло более четырех тысяч человек, причем большую часть потерял король батов. Последний немедленно отступил со всей остальной частью своей армии к холму под названием Минакалеу и занялся уходом за ранеными, которых, по слухам, было более двух тысяч человек, и это не считая убитых, которых, за невозможностью похоронить, побросали всех в реку.

На этом обе стороны успокоились на четверо суток, но на пятый день утром посредине реки против форта Пенакан неожиданно появилась армада из восьмидесяти шести судов, на которых развевалось множество шелковых флагов и вымпелов, слышались веселые возгласы и игра на струнных инструментах. Это повергло батов в великое смущение, ибо они не могли понять, кто это такие. Но за ночь их соглядатаи поймали пятерых рыбаков, подвергли их пытке, и они показали, что это вернулся флот, который два месяца назад король ашенцев посылал в Танаусарин [{75}](#) против Сорнау, короля Сиамы [{76}](#), и на котором, по их сведениям, находилось пять тысяч отборных воинов из лузонцев и борнейцев, а командовал эскадрой некий турок по имени Хаметекан, племянник каирского паши.

Получив эти сведения от рыбаков, король батов созвал совет, высказавшийся за то, чтобы при любых обстоятельствах возвращаться домой, не медля ни часа, ибо враг уже значительно превосходит его силами, а кроме того, ожидает подкрепление из Педира и Пасена, состоящее, по полученным сведениям, из десяти судов с иноземными воинами. Король согласился с этими доводами и в ту же ночь отступил, весьма опечаленный и разочарованный как неуспехом своего предприятия, так и своими потерями, превосходившими три с половиной тысячи человек, не считая такого же числа раненых и обожженных миной.

Прибыв через пять дней в Панажу, он распустил все свои войска, как батские, так и иноземные, поднялся вверх по реке на небольшой ланчаре, не пожелав взять с собой никого, кроме двух или трех человек, и удалился в некое место под названием Пахисару, в котором затворился на четырнадцать дней, предаваясь молитвам, в пагоде некоего идола, называемого Гинасеро — «бог печали», — подобно тому как в нашей церкви производят девятидневные молебствия.

Вернувшись в Панажу, он велел позвать меня и мусульманина, торговавшего товарами Перо де Фариин, и подробно расспросил его о ходе дел, а также не остался ли кто-нибудь нам должен, потому что иначе он заставит того немедленно заплатить. На это мы с мусульманином ответили, что благодаря покровительству и милости его величества все сделки были произведены правильно, что купцы полностью рассчитались с нами и ничего нам не должны, и добавили, что комендант отблагодарит его за любезность тем, что весьма скоро отмстит злодею Ашенцу и возвратит земли, который тот у него отнял.

На это король, задумавшись немного над моими словами, сказал:

— Эх, португалец, португалец, прошу тебя, не считай меня уж таким глупцом! Ты, верно, хочешь, чтобы я тебе ответил, будто я верю, что тот, кто сам не мог отомстить за себя тридцать лет, сможет прийти мне на помощь? А между тем из-за того, что ваш король и его губернаторы не наказали этого злодея, когда он отобрал у вас крепость Пасен и галеру, шедшую к Молуккским островам, и три корабля в Кеда [{77}](#), и малаккский галион во времена Гарсии де Са, и потом четыре фусты в Салангоре [{78}](#), вместе с двумя кораблями, шедшими из Бенгалии, джонку, и корабль Лопо Шаноки, и многие другие суда, которых я теперь не могу припомнить, а на них, как меня уверяли, он убил более тысячи ваших, и забрал богатейшую добычу, Ашенец пошел на меня и захотел меня уничтожить! Так что я весьма мало верю вашим словам. Придется мне примириться с утратой трех сыновей и большей части моего государства, отобранной злодеем. Да и вы на своей Малакке не очень-то и безопасности.

Этим ответом, произнесенным с большой горечью, признаюсь, я был весьма смущен и пристыжен, так как знал, что все это правда, и поэтому больше уж не упоминал о помощи и не посмел подтвердить обещания, которые я ему давал, чтобы придать нам вес.

Глава XVIII

Об остальном, что я делал у короля батов, пока не отправился обратно в Малакку

После того как я и мусульманин вернулись в дом, где мы остановились, мы еще четыре дня грузили с сотню баров олова и тридцать росного ладана, которые, оставались на берегу. Поскольку наши должники с нами расплатились и мы могли идти обратно, я отправился на площадь перед дворцом и доложил королю, что я уже собрался в путь и готов отплыть, если его величество дает мне на то разрешение. На это он мне милостиво ответил:

— Я был весьма рад тому, что, как доложил мне вчера мой шабандар, товары коменданта хорошо продались. Но так как, возможно, он не столько стремился сообщить мне правду, как обрадовать меня, ибо знал, как я желаю вам удачи в этом деле, очень прошу тебя сказать мне, действительно ли это так и доволен ли остался мусульманин, который привез товары, потому что я не хотел бы, чтобы в Малакке дурно отзывались о купцах Панажу и этим порочили честь короля, считая, что мы недобросовестны в своих сделках и нет там короля, который понудил бы своих подданных платить долги. Ибо говорю тебе, что по закону добрых язычников это было бы для меня, короля, столь же большим позором, как если бы я сейчас, не отмстив, примирился с врагом моим, тираном и клятвопреступником Ашенцем.

На это я ответил, что все обстоит благополучно, товары без исключения полностью оплачены и долга ни за кем не осталось. Тогда он сказал:

— Я рад, что это так, и раз дел у тебя здесь больше нет, прямой смысл тебе ехать и не терять больше времени, потому что наступает конец муссонам, а также потому, что в заливе ты можешь встретить безветрие, часто заставляющее корабли заходить в Пасен, от чего упаси тебя господь. Ибо утверждаю, что, если бы, по несчастью, тебе пришлось зайти туда, тебя бы живьем по кускам съели ашенцы, и король первый, раз почетный титул, которым он теперь более всего кичится, ставя его превыше всех, и который в стране его особенно ценится, это Поглотитель мутной чужеземной крови проклятых безбожных варваров, пришедших с края света, и величайших узурпаторов чужих земель в Индии и на морских

островах. Титул присвоен ему в этом году в Мекке, после того как он отправил туда золотые светильники и дар Корану своего Магомета, как имеет обыкновение делать каждый год. И потому прошу тебя передать от моего имени коменданту Малакки, хотя я это ему уже написал, чтобы он постоянно опасался Ашенца, ибо сей злодей ни о чем другом не помышляет, как о выдворении вас из Индии для того, чтобы посадить там Турка, от которого, как говорят, он испрашивает на сей предмет значительной помощи. Но бог покажет, за кого он стоит, и сделает так, что все коварные козни Ашенца приведут к совершенно иным последствиям, чем те, которые он ожидает.

С этими словами он вручил мне письмо в ответ на то, которое я в свое время в качестве посла привез ему, и передал следующие подарки: шесть дровиков с золотыми гнездами для древков, двенадцать катов ^{79}душистой смолы, шкатулку из черепахи, отделанную золотом и наполненную жемчугом, и, наконец, шестнадцать особенно крупных жемчужин. Мне же он пожаловал два ката золота и короткий меч, также украшенный золотом.

Отпустил он меня со всяческими почестями, как это делал всегда, показывая, что, со своей стороны, считает весьма постоянной дружбу, которую завязал с нами, и вышел проводить меня на корабль вместе со своим шурином Акуареном Даболем, который побывал в Малакке в качестве посла, как я уже об этом говорил раньше. Отбыв из гавани Панажу, мы в два часа ночи подплыли к островку под названием Апефингау, расположенному примерно в полутора легуа от бара. Населен он бедными людьми, живущими ловлей рыбы бешенки, у которой, так как солить им рыбу нечем, они используют лишь икру самок, как это делается в реках Ару и Сиаке на том берегу Внутреннего моря.

Глава XIX

О том, что произошло со мной до прибытия в королевство Кеда на Малаккском полуострове и что приключилось со мною там

На следующий день мы покинули островок Алефингау и прошли двадцать шесть легуа вдоль океанского побережья, пока не достигли пролива Миньягару [\[80\]](#), через который уже раньше входили; затем, подойдя к другому берегу Внутреннего моря, пошли вдоль него до Пуло-Буган, где пересекли сушу, постояли немного в гавани Жунсалан [\[81\]](#), а потом проследовали дальше с попутным ветром и через двое суток с половиной стали на якорь в реке Парлес [\[82\]](#) королевства Кеда, где оставались пять дней из-за отсутствия попутного ветра. За это время, воспользовавшись советом местных купцов, мы с мусульманином решили посетить короля и принести ему одиа [\[83\]](#), или подарок (как мы их здесь называем), состоящий из нескольких подходящих вещей, кои были радушно приняты его величеством.

Как раз об эту пору король весьма торжественно и пышно, с музыкой, плясками, криками и щедрой раздачей пищи бедным, справлял похороны отца, которого собственноручно заколол кинжалом, дабы жениться на собственной матери, уже от него забеременевшей. Но так как это ужасное и отвратительное преступление вызывало в народе ропот, он приказал объявить повсюду, что под страхом жесточайшей казни запрещает впредь обсуждать какие-либо его действия. Пользуясь этим новым ухищрением тирании, он успел, как нам сказали, умертвить главных феодалов страны и большое количество купцов, имущество которых было передано в казну, что принесло ему более двух миллионов золотом. Из-за всех этих событий в стране ко времени нашего прибытия царил такой страх, что никто не решался даже рта раскрыть.

Мусульманин Кожа Але, с которым я прибыл, был от природы невоздержан на язык и не стеснялся говорить обо всем, что ему заблагорассудится. Убежденный в том, что ему как иностранцу и фактору коменданта Малакки дозволено большее, чем туземцам, и что король не станет наказывать его так, как он наказывал своих подданных, он как-то раз, будучи приглашен в гости приезжим купцом из Патане [\[84\]](#), тоже мусульманином, уверившим, что они с ним родня, по-видимому, как мне

потом рассказывали, распустил язык. Гости на пиршестве, достаточно захмелев, начали говорить о делах короля настолько свободно, что тому об этом немедленно донесли имевшиеся у него повсюду шпионы. Едва он узнал о том, что происходит у мусульманина, как приказал окружить его дом и задержать собравшихся, которых было семнадцать человек. Всех их связали и доставили во дворец, где король мельком взглянул на них и без всякого суда и следствия, не пожелав далее выслушать их более или менее убедительные оправдания, приказал предать мучительной казни, называемой у них грегоче. Заключалась она в том, что им живьем отпиливали кисти, ступни и голову, а напоследок перепиливали и грудь до спинного хребта, — по крайней мере, в таком виде я их потом нашел.

Совершив это дело, король испугался, что комендант может разгневаться на него за то, что вместе с другими виновными он казнил и его фактора, и наложить руку на некоторые товары, которые у него были в Малакке. Поэтому он приказал в ту же ночь пойти за мной на журупанг, где я мирно спал, и немедленно доставить во дворец. О том, что там произошло, я не имел ни малейшего понятия.

Когда уже, после полуночи я прибыл во дворец и прошел на первый двор, я увидел множество вооруженных короткими мечами, щитами и пиками людей. Это зрелище было для меня совершенно необычным и привело меня в немалое смущение. Подозревая какое-нибудь предательство, чему в этих краях бывали примеры, я немедленно захотел вернуться, но сопровождавшие меня воспротивились этому, говоря, что мне нечего бояться, так как этих людей собрали по приказанию короля для того, чтобы отправить на поиски какого-то разбойника, — ответ, который, признаться, меня несколько не удовлетворил.

Я был так напуган, что почти лишился языка и едва мог произнести что-либо внятное. Запинаясь, я попросил их отпустить меня обратно на журупанг за какими-то забытыми там ключами. Я сказал, что немедленно заплачу им за это сорок золотых крузадо. На это все семеро ответили:

— Даже если бы ты дал нам все деньги, которые есть в Малакке, мы бы не пошли на это, ибо, поступи мы так, король велел бы отрубить нам головы.

К этому времени вокруг меня собралось еще пятнадцать или двадцать вооруженных людей, окруживших меня со всех сторон и никуда меня не пускавших. Когда наступило утро и стало светать, дали знать королю, что я прибыл. Тот немедленно приказал меня пропустить, и один бог знает, как я, несчастный, передвигал ноги, — я был ни жив ни мертв.

Когда я вошел во второй двор, я увидел, что король сидит на слоне, а

вокруг него стоит более ста человек, не считая стражи, которой было гораздо больше. Король, заметив мой вид, дважды произнес:

— Jangao тасог [\[85\]](#), не бойся, подойди ко мне, и ты узнаешь, почему я послал за тобой.

И, знаком заставив посторониться десять или двенадцать человек, предложил мне посмотреть туда, куда он указывал. Я взглянул и увидел много трупов, лежащих ничком в луже крови, а в одном из них я узнал моего спутника, мусульманина Кожу Але, фактора коменданта. Все это так поразило и ошеломило меня, что я, как безумный, простерся у ног слона, на котором восседал король, и, заливаясь слезами, воскликнул:

— Умоляю тебя, повелитель, возьми меня лучше себе в рабы, но только не убивай, как тех, кто здесь лежит, ибо верой христианина клянусь тебе, что не заслужил этого. И не забудь, что я племянник коменданта Малакки, который заплатит тебе за меня столько денег, сколько ты захочешь, а здесь у тебя есть мой журупанг с большим количеством товаров, который ты можешь взять, если тебе это будет угодно.

На это он ответил:

— Упаси боже! Как это так? Неужели я такой злодей, что способен был бы на такое? Не бойся ничего. Садись и отдохни, ибо я вижу, что ты устал, а потом, когда ты придешь в себя, я расскажу тебе, почему я приказал казнить мусульманина, который был твоим спутником. Будь он португалец или христианин, клянусь тебе своей верой, я не сделал бы этого, убей он даже моего сына.

Тем временем он велел принести мне горшок с водой, которой я выпил очень много, а также приказал обмахивать меня опахалом — на что ушел добрый час. Убедившись, что я оправился от испуга и могу уже отвечать как надо, он сказал:

— Ты прекрасно знаешь, португалец, поскольку это, верно, тебе рассказали, что некоторое время тому назад я убил своего отца. Сделал я это потому, что, как мне стало известно, он хотел убить меня сам, так как злые люди внушили ему, будто моя мать забеременела от меня, — о чем я и помыслить бы не мог. Но так как он безрассудно поверил этим сплетням и решил непременно меня убить, я предпочел убить его первый, и один бог знает, насколько мне это было тяжело, потому что я всегда был ему добрым сыном, и вот тебе доказательство: для того чтобы мать не осталась такой же бедной и беззащитной вдовой, как иные, я взял ее в жены и отверг многих других, которых мне сватали как в Патане, так и в Бердио, Танаусарине, Сиаке, Жамбе [\[86\]](#) и Андрагире и которые были сестры и

дочери королей, хотя мне могли дать за ними большое приданое. А для того чтобы избежать пересудов злоречивых людей, которые готовы болтать все, что только придет им в голову, и ничего не боятся, я велел объявить повсюду, чтобы никто больше не смел говорить об этом деле. А так как твой мусульманин, который тут лежит, упившись вчера в обществе других таких же собак, как и он, сказал обо мне такое, что и повторить стыдно, называя меня громко и открыто свиньей и хуже свиньи, а мать мою сукою в течке, я вынужден был, чтобы защитить свою честь, воздать ему по заслугам и с ним вместе казнить и других собак, ему под стать. Поэтому очень прошу тебя, как друга, не считать дурным то, что я сделал, ибо уверяю тебя, что ты меня этим очень огорчишь. Если же ты думаешь, что я совершил это в расчете завладеть грузами малаккского коменданта, поверь мне, что такое мне и в голову не приходило, и это ты можешь утверждать с полной уверенностью, в этом я клянусь тебе верой своей, ибо я всегда был большим другом португальцев и таковым останусь, покуда жив.

Я же, оправившись немного от испуга, хотя до сих пор еще не совсем пришел в себя, ответил ему, что его величество, приказав казнить этого мусульманина, оказало большую услугу брату своему — коменданту Малакки, ибо злодей этот переворочал у него все товары, а меня самого пытался уже два раза отравить, чтобы я не мог раскрыть его плутни хозяину. А кроме того, этот сукин сын всегда ходил пьяный и болтал все, что только ни приходило ему в голову, как собака, лающая на всякого прохожего.

Ответ мой был нескладен, да и сам я едва понимал, что говорю, но король им остался доволен и, подозвав меня к себе, сказал:

— Вижу по твоему ответу, что ты прекрасный человек и большой мне друг, ибо не увидел ничего плохого в моих поступках, не то что эти псы, которые здесь лежат.

И, вынув из-за пояса крис [1871](#), украшенный золотом, подарил мне его, приложив к нему письмо к Перо де Фарии, где весьма неубедительно оправдывал свой поступок.

Я распрощался с ним как только мог любезней и, сказав, что собираюсь пробыть здесь еще десять или двенадцать дней, немедленно сел на свой журупанг и, не теряя ни минуты, собственноручно отдал швартовы и поскорее отвалил под парусами, так как из-за великого страха, который я пережил еще так недавно, мне казалось, что за мною гонится вся страна.

Глава XX

О том, что случилось со мной после того, как я отплыл из реки Парлес, и до прибытия моего в Малакку, а также о сведениях, которые я сообщал Перо де Фарии касательно некоторых вещей

После того как в субботу почти на закате солнца я с такой поспешностью отплыл из реки Парлес, я продолжил свой путь до полудня вторника, в каковой угодно было господу богу, чтобы прибыл я на острова Пуло-Самбилан [\[88\]](#), первую землю Малайского побережья; там я застал три португальских корабля, из которых два пришло из Бенгалии, а один из Пегу. Капитаном на последнем был некий Тристан де Га, бывший воспитатель дона Лоренсо, сына вице-короля дона Франсиско де Алмейды, которого Миросен убил на Шаулском баре [\[89\]](#) и о котором много пишется в исторических сочинениях об открытии Индии.

Этот Тристан де Га тотчас снабдил меня многим, чего мне недоставало, как-то: швартовыми, матросами, двумя солдатами и лоцманом, и в течение всего плавания он и остальные два корабля охраняли меня, пока я не отдал якорь в Малаккском порту. Едва я сошел на берег, как немедленно отправился в крепость, чтобы увидеть коменданта и сообщить ему обо всем, что произошло в пути. Я доложил ему подробности об открытых нами реках, портах и бухтах на острове Суматра как со стороны Внутреннего моря, так и со стороны океана, присовокупив к этому сведения о торговле между собой этих стран, с Португалией еще не торговавших. Все сведения о побережье с его гаванями и устьями я приводил с их названиями и указанием их широт в градусах, а также с промерами дна согласно полученной мною инструкции. Сообщил я и сведения о заливе, в котором погиб Розадо, командир французского корабля, и Маталоте де Бригас, капитан другого корабля, который, сбившись с курса из-за дурной погоды, зашел в Диу в 1529 году, когда еще был жив султан Бандур, король Камбайи, который всех проживавших там французов, числом восемьдесят два, обратил в магометанство [\[90\]](#). Всех этих ренегатов он в 1533 году забрал с собой в качестве бомбардиров на войну, которую вел с королем моголов [\[91\]](#), на которой они все без исключения и погибли. Я также осведомил его о якорной стоянке в заливе Пуло-Ботун, где в давние времена побывал корабль «Бискайка», бывший,

как говорят, одним из судов Магеллана ^[92]. Впоследствии корабль этот погиб в устье реки Сунда ^[93] при попытке углубиться внутрь острова Ява. Рассказал я ему и о различных народах, обитающих вдоль океана и реки Лампон, и о золоте, которое из Менанкабо перевозится в королевство Кампар ^[94] по рекам Жамбе и Бротео, на которых, как утверждают жители этой земли, черпающие сведения из своих летописей, находилась некогда торговая контора царицы Савской, откуда, как предполагают некоторые, один из ее факторов по имени Наузен переслал ей большую сумму золота, переданную ею впоследствии Иерусалимскому храму, когда она навестила царя Соломона ^[95] (от которого, говорят, имела сына, ставшего потом по праву наследования императором Эфиопии, или пресвитером Иоанном, как его называют в народе, коим абиссинцы особенно гордятся). Я также сообщил ему о местах, расположенных между Пуло-Тикусом и Пуло-Кенином, где добывается жемчуг, откуда баты возили его в прежние времена в Пасен и Педир, а турки из Меккского пролива и корабли из Жуды приходили менять на него свои товары, которые они привозили из Каира и из портов всей Счастливой Аравии. Кроме того, я рассказал ему еще о многих других вещах, о которых я узнал от короля батов и от купцов города Панажу. И, наконец, я привез ему в письменном виде описание Золотого острова, который его особенно интересовал и который, по всеобщему мнению, лежит в море против реки Каландор на пятом градусе широты, окруженный многими мелями и быстрыми течениями, и отстоит от южной оконечности острова Суматры примерно на сто шестьдесят легуа.

На основании этих сведений, в точности которых Перо де Фариа был заверен мною и королем батов в пересланном со мной письме, Фариа в том же году написал донесение королю дону Жоану III, да восславится его святая память. Последний на следующий же год назначил управляющим еще не открытого Золотого острова некого Франсиско де Алмейду, дворянина из числа своих придворных, человека с самыми разносторонними способностями и весьма подходящего для такого дела, который уже давно просил у короля подобного назначения в награду за многочисленные свои заслуги на островах Банда, Молуккских, Тернате и Жейлоло ^[96]. Но на пути в Индию Франсиско де Алмейда заболел лихорадкой на Никубарских островах, и когда его величество удостоверился в его смерти, он назначил на ту же должность другое лицо — некого Диого Кабрала с острова Мадера. Но Мартин Афонсо де Соуза ^[97] отобрал у него эту должность в судебном порядке, так как узнал, что он

клеветал на него как на губернатора, и передал ее некому Жеронимо де Фигейредо, придворному герцога Браганского. Фигейредо отплыл в 1542 году из Гоа на двух фустах и одной каравелле, на которой было восемьдесят солдат и офицеров. Но экспедиция его ни к чему по привела, ибо, как выяснилось после, он, по-видимому, захотел обогатиться раньше, чем надеялся это сделать, отправившись туда, куда его посылали, и пошел к берегам Танаусарина, где захватил несколько судов, шедших из Меккского пролива, из Адена, из Алкосера {98} из Жуды и из разных мест на Персидском побережье. И так как он дурно обходился с солдатами и не отдавал им причитающуюся долю добычи, они взбунтовались и после многого такого, о чем, как мне кажется, лучше не писать, связали его по рукам и по ногам, отвезли на остров Цейлон и сбросили на берег в порту Гале, а каравеллу и фусты отвели к губернатору дону Жоану де Кастро {99}, который всех их помиловал за то, что они всей армадой пошли с ним в Диу на помощь дону Жоану Маскареньясу {100}, которого в это время окружили военачальники короля Камбайского. И с той поры и по сей день не было больше речи об этом открытии, которое сулит много благ нашим владениям, если только господу нашему будет угодно, чтобы остров этот был открыт.

Глава XXI

Как прибыл в Малаккскую крепость посол от короля Ару и о том, что произошло в ней

Не прошло и двадцати семи дней, как я вернулся в Малакку с упомянутым выше ответом короля батов, и дон Эстеван де Гама еще не успел сдать должность коменданта крепости, как явился посол короля Ару, королевство которого находится на острове Суматра. Дело, ради которого он прибыл, заключалось в просьбе помочь людьми, ядрами и порохом против большого флота, на котором король ашенцев готовился напасть на его королевство, захватить его и благодаря этому стать более близким нашим соседом, ибо, обосновавшись в Ару, он смог бы легче напасть на Малакку, тем более что незадолго до этого к нему из Меккского пролива прибыло подкрепление в триста турок.

Понимая, как важно это дело для нашего государя и безопасности крепости, Перо де Фариа доложил о просьбе короля дону Эстевану, которому еще оставалось комендантствовать полтора месяца, но последний уклонился от решения, сказав, что скоро сменится с должности и что этим делом надлежит заняться тому, кто будет комендантом после него, ибо тот останется на месте, и трудности, которых он, дон Эстеван, опасается, придется испытывать именно его преемнику. Тогда Перо де Фариа попросил дать ему разрешение распоряжаться на складах и сказал, что немедленно обеспечит помощь королю Ару, необходимость которой Фариа признавал. Чтобы не удлинять моего повествования, не буду рассказывать в подробности о всех переговорах, которые велись у них по этому поводу, скажу только, что посол получил отказ от обоих комендантов — один ссылаясь на то, что скоро сменится, а другой говорил, что не вступил еще в должность. Так посол и не добился ничего того, зачем он приехал.

Огорченный столь великой, как казалось ему, несправедливостью по отношению к его королю, он утром в день своего отъезда, увидя у входа в крепость обоих комендантов, чуть не плача, обратился к ним со следующей речью:

— Бога, благодаря своему могуществу и беспредельному величию вознесшегося до царствования на самом высшем небе, призываю я со вздохами, исторгнутыми из самых недр моей души, быть судьей в этой тяжбе во имя благоразумия и справедливости, которую мне приходится

вести против ваших милостей, о сеньоры коменданты, испрашивая для верного вассала короля, вашего и моего повелителя, ту помощь, которую, согласно клятвою подкрепленному договору, заключенному его предшественником на престоле Ару с древним Албукерке [{101}](#), львом, рычанье которого устрашало моря, представлявшим повелителя стран и народов Индии и великой Португалии, сей великий государь обязался нам оказывать, защищая нас от всех наших врагов, как то приличествует могущественному властелину и нашему покровителю, если только короли Ару, в нарушение сего договора, не перестанут оставаться его верными вассалами. А поскольку до настоящего дня мы еще ни разу не изменяли данной нами присяге, какова, скажите, государи мои, причина, по которой вы не соглашаетесь выполнять свои обязательства и соблюдать обещание вашего короля, когда вы знаете, что именно из-за нашей преданности ему злодей Ашенец отбирает у нас наши земли, выставляя причиной то, что король Ару сделался таким заядлым португальцем и христианином, словно бы он родился в самой Португалии? И теперь, когда он послал меня просить у вас этой помощи, как у истинных друзей, вы уклоняетесь от того, чтобы предоставить нам ее, на основании весьма неубедительных причин, между тем как вся-то помощь, которой бы вы удовлетворили наши желания и обеспечили безопасность нашего государства от врагов, составляет всего сорок или пятьдесят вооруженных мушкетами португальцев, которые бы обучали, а в трудное время и воодушевляли нас, и четыре бочки пороха вместе с двумястами ядер для полевого орудия. И за это малое, составляющее ничтожную часть того, что у вас запасено, мы были бы глубоко удовлетворены вашей дружбой, король наш был бы вам много обязан и смог бы в дальнейшем с великой преданностью служить как верный раб государю великой Португалии, вашему и нашему господину и королю. От имени его и от имени моего короля прошу вас, сеньоры коменданты, и не раз, и не два, а сто раз, — не уклоняться от выполнения своего долга, ибо дело, о котором я вас здесь открыто прошу, весьма важно: вы сохраните за собой королевство Ару и эту крепость Малакку, ибо тогда ею не завладеет злодей Ашенец, как он намеревается это сделать при помощи средств, которыми он уже обеспечил себя для этой цели, опираясь на многие чужеземные государства и непрерывно собирая у себя иностранцев для военных действий. А так как для его злонамеренной цели наша страна важнее ему всех прочих, он хочет теперь отобрать ее от нас, чтобы затем действовать со своим флотом в проливах, пока (как он открыто заявляет) не завладеет всей торговлей пряностями, которую вы

ведете с островами Банда и Молуккскими, и не перережет вам морские пути в Китай, Сунду ^[102], Борнео, Тимор и Японию, как это нам стало известно из договора, недавно заключенного им с Турком через посредство каирского паши, служившего полномочным представителем последнего, каковой обещает Ашенцу значительную помощь, что вы уже знаете, из письма моего повелителя. И ныне, от имени короля моего напоминаю вам эту просьбу, ибо исполнение ее пойдет вам же на пользу. И вновь от имени его заклинаю вас сделать то, о чем мы вас просим, ибо сейчас еще в ваших силах пресечь это зло, уже зачатое и готовое родиться, и не ссылаться — один на то, что уже кончает свой срок, а другой, что еще не вступил в должность, ибо каждому из вас надлежит понять, что выполнять свои обязательства следует одному не менее, чем другому.

Закончив свою речь, которая принесла ему весьма мало пользы, он поднял с земли два камня и, торжественно ударив обоими по находившейся поблизости бомбарде, воскликнул, почти плача:

— Бог, создавший нас, защитит нас.

С этими словами он отправился на свое судно и скоро отплыл, весьма опечаленный неудовлетворительным ответом, который получил.

С того времени, как он отбыл, прошло пять дней, и за этот срок нашлись многие, сообщившие Перо де Фарию, что в городе сильно ропщут на неуважение, проявленное как им, так и доном Эстеваном к королю Ару, нашему искреннему другу, столько раз оказывавшему услуги нашей крепости, за что теперь у него отбирают его королевство. И тогда Фария, поняв свою оплошность или, быть может, устыдившись ее, хотя и пытался оправдываться, решил прийти на помощь королю и собрал ему три кинтала пороха для бомбард и полкинтала — для мушкетов, сотню горшков с порохом, сотню ядер для полевых орудий и пятьдесят для фальконетов, двенадцать мушкетов, сорок зарядов картечи, шестьсот фитилей, присоединив к этому лично для короля позолоченную пластинчатую кирасу на подкладке из ярко-красного атласа, а также другую одежду, двадцать штук индийской бумажной материи и малайские покрывала для его жены и дочерей, какие обычно носят в этой стране. Погрузив боевые припасы и подарки в гребную ланчару, Фария попросил меня любезно доставить все это королю, объяснив, что я окажу важную услугу его величеству королю Португалии, а за это обещал вознаградить меня по возвращении деньгами и поездкой в любое место, куда я пожелаю, на что я, в наказание за грехи свои, охотно согласился (говорю так, имея в виду случившееся впоследствии).

И, сев на ланчару эту во вторник, октября пятого дня 1530 года, я

плыл до следующего воскресенья, когда добрался до реки Пунетикан [{103}](#),
на которой стоит город Ару.

Глава XXII

Как я имел свидание с королем Ару и передал ему послание Перо де Фарии и о том, что произошло там

Едва наша ланчара оказалась в реке Пунетикан, как я тотчас сошел на берег и направился к укреплениям, которые в это время король под своим личным наблюдением возводил в ее устье, дабы воспрепятствовать высадке неприятеля. Он принял меня очень радостно и приветливо. Я вручил ему письмо от Перо де Фарии, где тот не скупился на посулы, обещал позднее лично прийти ему на помощь, если в том встретится необходимость, и расточал всяческие любезности, которые пишущему такие письма ничего не стоят и которыми он постарался начинить свое послание. Королю они доставили большое удовольствие, ибо он поверил, что все это чистая правда, а увидев еще и то, что я привез — и порох, и прочие боеприпасы, — обнял меня и весело воскликнул:

— Представь себе, мой славный друг, всю эту ночь мне снилось, будто из крепости господина моего, короля Португалии, мне везут все это добро, которое ныне я вижу собственными глазами. Уповаю, что, благодаря всем этим припасам, я с помощью божьей защищу свою страну, дабы и впредь она могла оказывать вам те же услуги, что и в прошлом, свидетелями чего являются прежние коменданты Малакки.

После этого он расспросил меня о кое-каких интересовавших его индийских и португальских делах, наказал своим людям возможно старательней возводить вал у окопа, над которым они с великим жаром трудились, взял меня за руку, и мы в сопровождении всего лишь шести или семи состоявших при нем молодых дворян отправились пешком в город, отстоявший от укрепления на четверть легуа без малого. Там он истинно по-царски угостил меня в своем дворце и показал мне свою жену, что в этих местах крайне редко делается, а напоследок, пролив множество слез, сказал:

— Видишь ли, португалец, меня потому так огорчает это нашествие, что мне приходится обороняться и делать то, что требует честь, а не будь этого, клянусь тебе верой доброго мусульманина, я бы предвосхитил намерения коварного Ашенца и предпринял то же, что он теперь замышляет против меня, и обошелся только своими собственными силами и силами своих людей, ибо я уже давно знаю, что стоит этот дутый Ашенец

и на что простирается его власть. Но горе в том, что у него много золота, и этим золотом он возмещает свою слабость, нанимая себе в подмогу множество чужеземцев. И чтобы ты как следует понял, как горька и унижительна ненавистная бедность и сколько вреда она приносит несчастным королям вроде меня, пойдем со мной, и ты увидишь, сколь скудны мои средства.

С этими словами он провел меня к крытым соломой амбарам, служившим ему арсеналом, и стал показывать то, что у него там имелось; всего этого оказалось так мало, что можно было бы сказать — не было даже необходимого для того, чтобы защищаться от нашествия ста тридцати судов со столь воинственными людьми, как ашеницы, турки и малабарцы. И тут с великой печалью, как человек, желающий излить свою душу, поделиться своим горем и вызвать сочувствие к своему унижительному положению, он стал мне перечислять то, чем он располагает. Он сказал мне, что у него сейчас пять тысяч воинов ару, но ни одного иноземца, затем сорок мелких орудий, от фальконетов до полевых, в число которых входит бронзовая пушка, купленная им некогда у одного португальца по имени Антонио Гарсиа, королевского казначея из крепости Пасен, которого впоследствии Жорже де Албукерке [{104}](#) приказал четвертовать в Малакке за то, что тот переписывался с королем Бинтанским [{105}](#), замышляя какое-то предательство. Он мне также сказал, что у него сорок мушкетеров, двадцать шесть слонов и пятьдесят лошадей, чтобы охранять страну, и десять или двенадцать тысяч обожженных палок с отравленными остриями, которые они называют салиге [{106}](#), примерно пятьдесят пик, большое количество выкрашенных в красную глину щитов для защиты тех, которые будут сражаться в окопе, тысяча горшков с негашеной известью, чтобы при бое на небольшом расстоянии заменять горшки с порохом, примерно три или четыре ладьи, наполненные каменной дробью, и прочие жалкие и ничтожные средства, совершенно недостаточные, чтобы спасти их из тяжелого положения, в котором они оказались: один вид их говорил, как нетрудно будет врагу завладеть этим государством.

Король спросил меня, что я могу сказать об изобильных этих боевых припасах, которые он хранил в своем арсенале, и хватит ли их, чтобы встретить непрошенных гостей, и я ответил ему, что с избытком хватит, чтобы угостить их на славу. На что он, подумав немного, покачал головой и сказал:

— Не сомневаюсь, португалец, в том, что если бы ваш король только знал, что он выиграет, если я не потеряю своего королевства, и что

потеряет, если Ару отберут у меня ашенцы, он бы немедленно исправил давнюю оплошность своих, не видящих ничего, кроме собственной корысти, и погрязших в жажде наживы комендантов, кои дали этому злодею так окрепнуть и приобрести такое влияние, что, боюсь, когда ваш король спохватится и захочет обуздать его, как бы не оказалось слишком поздно и ему не пришлось расплатиться за это весьма дорогой ценой.

Когда я попытался оспаривать его слова, произнесенные с глубокой печалью, он разбил все мои возражения, приведя несколько столь ясных доводов, что с той поры я уже не дерзал больше с ним спорить, ибо понял, что жалобы его совершенно основательны. В частности, он указал мне на многие весьма безобразные и преступные дела, в которых были замешаны разные лица, но о которых я сейчас не собираюсь говорить, ибо это не входит в мою задачу и я не намерен обличать чужие грехи. В завершение нашей беседы король сказал, что у нас чрезвычайно мягко наказывают виновных в подобных преступлениях, а великие милости, коими осыпают некоторых, совершенно несоразмерны с их заслугами, и прибавил, что королю, желающему исправно выполнить все обязательства, налагаемые на него высоким его положением, и желающему оружием завоевать и удержать за собою народы, живущие в таком отдалении от его страны, карать злых столь же необходимо, как и награждать добрых. Но если беззаботность или слабость во взыскивании с преступников король почитает милосердием и его подданным это становится известно, они немедленно начинают беззастенчиво использовать эту его слабость, и тогда все заморские завоевания его доходят или могут быть доведены до состояния, в котором мы видим сейчас Малакку.

Высказав это, он удалился в одни из своих покоев, а меня приказал поместить в доме одного купца язычника, уроженца королевства Андрагире, который все пять дней, что я у него провел, великолепно угощал меня, однако я предпочел бы есть самую худую пищу, лишь бы находиться в каком-нибудь другом месте, где я бы чувствовал себя в большей безопасности, подальше от звуков набата и от тревог, которые там играли чуть ли не каждый час. Ибо уже на другой день после моего приезда короля уведомили, что ашенцы выступили в поход и что не пройдет и недели, как они будут здесь. Это известие побудило всех ускорить приготовления, наспех добыть недостающее и удалить из города всех женщин и небоеспособных, которым король приказал укрыться в зарослях, на расстоянии четырех или пяти легуа от города. Бедственное и беспомощное положение, в которое попали эти несчастные из-за беспорядочности и бестолковости, с которыми выполнялось это

распоряжение, было так мучительно видеть, что я все время ходил как помешанный и один бог знает, как раскаивался, что приехал сюда. Королева выехала из города на слонихе в сопровождении всего лишь сорока или пятидесяти перепуганных стариков, и тут я окончательно понял, что неприятель непременно заберет эту страну, и притом без всякого труда.

Уже пять дней я находился в Ару, когда велел познать меня и спросил, когда я собираюсь отбыть, на что я ответил, что жду приказа его величества, но предпочел бы уехать поскорее, так как комендант намерен отправить меня со своими товарами в Китай. На что он ответил:

— Ты совершенно прав. — И, снял с руки два золотых запястья филигранной работы, весившие оба восемьдесят крузато, дал мне их, прибавив: — Прощу, не считай меня скупым за то, что я даю тебе так мало. И сейчас и всегда я хотел бы иметь много, чтобы много давать. Письмо вот с этим алмазом передай коменданту и скажи ему, что остальные мои долги за его участие ко мне и помощь боевыми припасами я верну ему сам, когда успокоюсь, избавившись от врагов.

Глава XXIII

О том, что случилось со мной, после того как я уехал из королевства Ару

Итак, расставшись с королем, я немедленно сел в свою ланчару и уже на закате солнца снялся с якоря и спустился на веслах к деревне, расположенной неподалеку от бара и состоявшей из пятнадцати или двадцати соломенных хижин. Население там очень бедное — живут эти люди только тем, что бьют ящериц и из печени их извлекают яд, которым отравляют боевые стрелы. Яд, добываемый в королевстве Ару, особенно же в этой деревне, которая называется Покаусилин, особенно высоко ценится, так как нет зелья или противоядия, которое бы могло спасти раненого такой стрелой.

Снявшись с якоря рано утром, мы пошли под парусом вдоль берега, используя дующий с земли ветер, и шли так до позднего вечера, пока не обошли островов Аншепизан. Далее мы воспользовались зюйд-остовым ветром, хоть и не слишком благоприятным для нас по румбу, и прошли вдоль берега остаток дня и некоторую часть ночи. А когда прошло немного более половины первой ночной вахты, на нас с норд-оста налетел шквал с грозой (на острове Суматра такие шквалистые ветры дуют большую часть года), изорвавший нам паруса и переломивший мачту. У кия оказалось три пробоины, и мы пошли ко дну так быстро, что не успели ничего спасти, да и из нас избежали гибели очень немногие: двадцать три человека из двадцати восьми, бывших на нашей ланчаре, тут же утонули, а пять оставшихся в живых исключительно по милости божьей, израненные, провели остаток ночи на скалах, заливаясь горькими слезами и жалуясь на свою несчастную судьбу. И поскольку в то время мы ничего спокойно не могли обсудить и не в состоянии были решить, что нам предпринять и какой путь избрать, так берег был весь затоплен и покрыт зарослями, столь густыми, что и малая птица не смогла бы проникнуть сквозь колючки, которыми сплошь были усеяны кусты и ветви деревьев, мы на этих скалах просидели трое суток на корточках, и вся наша пища за это время состояла лишь из водорослей, которые мы вылавливали в морской пене.

Целых три дня провели мы в целиком горе и смятении, не зная, что предпринять, пока на четвертый не решили идти вдоль берега Суматры, погруженные по пояс в ил. Так мы прошли с утра почти до захода солнца и

наконец добрались до небольшой речки, немного шире, чем расстояние выстрела из арбалета, но она была очень глубока, а мы выбились из сил и переплыть через нее не отважились. Здесь мы провели ночь по шею в воде, в превеликих муках и страданиях из-за бесчисленных лесных оводов и москитов, которые жалили нас так жестоко, что все мы были залиты собственной кровью. Когда рассвело, я спросил у четверых матросов, которые шли за мной, не знакомы ли им эти места и нет ли там, за болотом, какого-нибудь селения, где мы могли бы найти пристанище, на что один из них, человек уже пожилой и имевший жену в Малакке, ответил мне со слезами:

— Пристанище, сеньор, которое нас скорее всего ожидает, если только господь чудесным образом нам не поможет, — это могила и отчет в наших грехах; нам предстоит дать его через весьма малое время, к нему и надлежит нам скорее подготовиться, как людям, которых ждет еще горшее, чем то, что мы до сих пор испытали, и принять со смирением дарованное нам рукою всевышнего. Не приходи в отчаяние от того, что ты видишь перед собою или что рисует тебе страх, ибо, если хорошо все взвесить, не так уж важно, случится это с тобой сегодня или завтра.

И, обняв меня весьма крепко и заливаясь слезами, он стал просить меня сейчас же обратить его в христианство, ибо, как он понял и ныне исповедует, нет спасенья в мрачной магометанской вере, в которой он доселе жил, о чем и молит у бога прощения, а чтобы спастись, надо стать христианином. Не успел он произнести эти слова, как испустил дух, ибо были очень слаб и череп у него был проломлен, а мозги разможены и начинали уже гнить, так как рану его никто не лечил, да и попала в нее соленая вода и впились в нее оводы и москиты, — потому-то, верно, он так быстро и кончился. А я, грешный человек, так и не смог ничего сделать для его души: во-первых, времени было очень мало, а во-вторых, я так ослаб, что падал в воду на каждом шагу от головокружения и потери крови из ран на спине.

И, несмотря на это, мы постарались похоронить его как можно лучше в прибрежном иле, а сами, трое моряков и я, решили переплыть через реку с намерением выспаться в ветвях высоких деревьев, которые видели на другом берегу, из страха перед тиграми и гадами, коими кишит вся эта страна, не говоря уже о многих других ядовитых животных, обитающих в ней: бесчисленных змеях с капюшоном и других, с черными и зелеными пятнышками, столь ядовитых, что они убивают одним дыханием.

Когда мы все четверо пришли к этому решению, я попросил двоих плыть вперед, а одного остаться позади и помочь мне, так как я был очень

слаб. Из этих двоих один сразу же бросился в реку, а за ним и другой; они крикнули мне, чтобы я не боялся и следовал за ними. Но когда они добрались примерно до середины реки, на них напали две очень большие ящерицы, в одно мгновение растерзали их на куски, так что вся вода была полна крови, а потом увлекли на дно.

Я пришел в такой ужас от этого зрелища, что даже крика не мог испустить, и не знаю даже, кто меня вытащил и как я спасен; помню только, что я стоял по грудь в воде и чернокожий матрос держал меня за руку, а сам почти потерял рассудок от ужаса.

Глава XXIV

О том, что я еще испытал, прежде чем меня увезли в город Сиак, и что в нем со мной случилось

Я был настолько ошеломлен (как я уже сказал) и потрясен, что более трех часов не мог ни говорить, ни плакать; потом мы оба, матрос и я, снова вернулись к устью и простояли так до утра, пока не увидели, что в реку собирается войти баркас. Как только он поравнялся с нами, мы вылезли нагишом на берег, бросились на колени и, подняв кверху руки, стали умолять, чтобы он нас забрал.

Плывшие на баркасе при виде нас, засушили весла и некоторое время не гребли. Увидя наше жалкое и беспомощное состояние и поняв, что мы потерпели кораблекрушение, они приблизились и спросили, чего нам нужно. Мы ответили, что мы христиане из Малакки и что девять дней назад на пути из Ару потерпели крушение, почему и умоляем их, ради бога, взять нас и отвезти куда-нибудь.

На что один, бывший у них, по-видимому, старшим, ответил:

— Насколько я вижу, вы сейчас не в силах оправдать пищу, которую у нас съедите. Хорошо было бы, если бы при вас оказались деньги, достаньте их оттуда, куда вы их запрятали, и передайте нам. И тогда мы удовлетворим вашу слезную мольбу и подойдем к вам, а иначе мы не согласны.

При этом они сделали вид, что собираются уйти, а мы стали умолять их взять нас хотя бы как рабов и продать нас, где им только вздумается, ибо за меня, португальца и близкого родственника коменданта Малакки, ему в любом месте дадут, сколько бы он ни запросил.

На это они ответили:

— Согласны, но с условием, что, если окажется не так, как вы говорите, мы изобьем вас до полусмерти, а потом, связав по рукам и по ногам, вышвырнем в море.

Мы согласились и на это.

Тогда четверо из них вышли на берег и перенесли нас на баркас, потому что мы едва шевелились. После того как мы оказались у них во власти, они решили, что, заковав нас и избив, они заставят нас признаться, где мы спрятали свои деньги, ибо все еще думали, что могут их от нас получить. Поэтому они привязали нас обоих к мачте и при помощи

сложенного вдвое троса раскровенили нам спины без всякой жалости. И так как я к этому времени был едва жив, они не заставили меня выпить смесь извести с мочой, которую дали моему спутнику, отчего у несчастного все внутренности вывернуло наружу и он через час помер. Но поскольку в рвоте его не оказалось золота, которое ожидали там найти, господу нашему было угодно, чтобы они не проделали со мною того же, а лишь обмазали раны этой смесью, и хотя я от этого не умер, но боль была такая, что я не знаю, как я уцелел.

Выйдя из этой реки, которая называлась Арисумье, мы на следующий день вечером отдали якорь перед большим селением из соломенных хижин под названием Сиак, принадлежащим королевству Жамбе, где мы оставались двадцать семь дней, за которые угодно было господу нашему, чтобы раны мои, полученные от побоев, излечились.

Семь человек, владевшие мною сообща, видя, что от меня в их промысле, заключавшемся в том, что они целыми днями ходили в воде и ловили рыбу, толку не будет, три раза выставляли меня на продажу с торгов, но не нашлось никого, кто бы предложил за меня хоть самую малость. Отчаявшись меня продать, они выгнали меня вон из дома, чтобы зря не кормить, так как я был им совершенно не нужен.

Прошло уже тридцать шесть дней, с тех пор как я вышел из-под их власти. Я был брошен на произвол судьбы, как старый осел без хозяина, и ходил от двери к двери просить скудную милостыню, которая перепадала мне очень редко, ибо жители этой страны были очень бедны. И вот угодно было господу нашему, чтобы как-то раз, когда я лежал на берегу моря на солнце, оплакивая свои несчастья, мимо проходил некий мусульманин с острова Палимба [\[107\]](#), уже несколько раз побывавший в Малакке и имевший дело с португальцами. Увидя меня совершенно голого на песке, он осведомился, не португалец ли я, и попросил не таиться и говорить всю правду. На это я ответил ему, что да, что родители мои очень богатые люди и что за меня ему заплатят, сколько он захочет, если только он отвезет меня в Малакку, так как я племянник коменданта крепости, сын одной из его сестер.

Тогда он спросил меня: — Если ты говоришь правду, то за какие грехи дошел ты до такого жалкого состояния, в котором я тебя вижу?

В ответ я подробно рассказал ему о кораблекрушении и о том, как семь рыбаков привезли меня сюда, а потом выгнали из дому, так как не могли найти на меня покупателя.

Он выразил на своем лице величайшее изумление и, подумав некоторое время, сказал мне:

— Я, да будет тебе известно, купец не из богатых и даже настолько бедный, что в один прием не могу заплатить за товары более ста пардао. Поэтому я решил торговать икрой рыбы бешенки, полагая, что таким образом мне легче будет заработать на жизнь, но моя злая судьба преследовала меня и здесь. Недавно я узнал, что в Малакке я мог бы поторговать с некоторой выгодой, и охотно бы отправился туда, если только комендант и таможенные чиновники не будут притеснять меня, на что мне жаловались многие купцы, торговавшие с этой крепостью, у коих, случалось, отбирали их товары. А если ты думаешь, что ради тебя мне не будут чинить притеснений и наносить ущерба, я постараюсь купить тебя у рыбаков, рабом которых, по твоим словам, ты являешься.

Я ответил ему, проливая множество слез, что вполне понимаю, что мой жалкий вид не внушает доверия и можно подумать, будто я преувеличиваю свое значение в Малакке ради того, чтобы избавиться от весьма тягостного рабства. Но если только он поверит моей клятве, поскольку ничем другим я убедить его сейчас не в силах, я клянусь ему и дам на то письменное обязательство, что, если он отвезет меня в Малакку, комендант крепости окажет ему за это всяческий почет и уважение, и что из его товаров у него ничего не отберут, и что затраченное на меня ему возвратят в двадцатикратном размере.

Мусульманин мне ответил:

— Я согласен купить тебя и отвезти в Малакку при условии, что ты никому не расскажешь о наших с тобой переговорах, иначе могут настолько поднять на тебя цену, что я при всем желании не смогу уже быть тебе полезным.

Я ему поклялся, что сохраню тайну, всеми клятвам, которые казались необходимыми, чтобы убедить его, и он весьма легко доверился мне.

Глава XXV

О том, что еще произошло со мной, после того как я познакомился с этим купцом-магометанином

Спустя четыре дня после того, как произошел наш сговор, купец через посредство подставного лица из туземцев сторговался с рыбаками о моей цене. Последним я изрядно надоел, так как все время болел, для работы не годился и был настолько бесполезен, что они уже с месяц выгнали меня из дому. К этому прибавилось и то, что они перестали работать сообща и рассорились, равно как и многие другие обстоятельства, которые по милости божьей способствовали тому, что они не стали дорожиться и все семеро договорились с посредником о цене в семь золотых маз ^{108}, что на наши деньги составляет тысячу четыреста рейсов, по полкрузадо за мазу. Деньги эти он тут же выплатил и отвел меня к себе в дом.

Прошло пять дней, как я перешел к моему новому хозяину, у которого я чувствовал себя несравненно лучше благодаря его хорошему обхождению со мной, не изменившемуся и впоследствии, когда он перебрался за пять легуа в другое место под названием Суробайя, где закончил погрузку товара, которым он торговал; как я уже говорил, это была икра рыбы бешенки. Рыб этих в здешних реках такое множество, что у них используют лишь икру, каковой ежегодно нагружают более двух тысяч лодок (от ста пятидесяти до двухсот кувшинов на каждую, причем в кувшине содержится икра тысячи рыб), так как ничего больше они использовать не могут.

Когда купец закончил погрузку своей ланচারы, ибо перевозил товар в судне этого вида, он отплыл в Малакку, куда прибыл через три дня, после чего немедленно отправился вместе со мной в крепость к коменданту и сообщил ему о заключенном между нами договоре.

Последний, увидев меня, оцепенел от ужаса и со слезами на глазах попросил меня говорить громче, чтобы он хоть по голосу мог узнать, кто я, так как и лицо мое и члены были в таком состоянии, что он не решался признать их за мои. Здесь уже больше трех месяцев не имели обо мне никаких известий и считали погибшим, поэтому, когда я появился, смотреть на меня пришло в крепость столько народу, что она не могла всех вместить. Люди со слезами на глазах расспрашивали, как дошел я до теперешнего моего бедственного положения. Я рассказал им во всех

подробностях о том, что произошло со мною во время моего путешествия, и о постигших меня несчастиях, и все были так удивлены, что не могли вымолвить и слова и молча расходились, крестясь, пораженные услышанным. Большая часть их подавала мне при этом милостыню, как было принято в те времена, так что в конце концов я оказался гораздо богаче, чем когда уходил в плавание.

Купцу, доставившему меня в Малакку, Перо де Фариа приказал выдать шестьдесят крузадо и две штуки китайского штофа, а также от имени короля освободить его от всех пошлин на его товар, что составило примерно такую же сумму, и ни в чем ему не было учинено ни малейшего утеснения. Этим он был очень доволен и обрадован и нашел, что сделка, которую он совершил, принесла ему весьма достаточный доход.

А меня комендант велел поселить в крепости в доме одного таможенного писца, женатого на местной жительнице, так как считал, что там за мной будут лучше ухаживать, чем где-либо в другом месте, как в действительности и оказалось. В доме у писца я пролежал в постели больше месяца, после чего, по милости господней, совершенно поправился.

Глава XXVI

Об армаде, которую король Ашена выслал против короля Ару, и о том, что случилось с ней по прибытии в реку Пунстикан

Когда болезнь моя окончательно прошла, Перо де Фариа велел мне явиться в крепость, долго расспрашивал меня о делах короля Ару и о том, как и где я потерпел крушение. Я рассказал ему во всех подробностях свое путешествие и обстоятельства гибели судна, чем он был глубоко потрясен.

Однако перед тем, как перейти к другим предметам, мне кажется необходимым изложить, чем кончилась эта война ашенцев и какие встретились в ней силы, чтобы было понятно, почему я столько раз, вздыхая и стеля, со страхом и опасением сокрушался о нашей Малакке, Индии, столь важной для государства и находившейся в столь неразумном пренебрежении, — так мне, по крайней мере, кажется, — у тех, кто должен был более всего о ней печься. Ибо, по-моему, все дело может окончиться либо тем, что мы покончим с этим Ашенцем, либо, пощадив его, лишимся всех наших южных владений, как-то: Малакки, Банды, Молуккских островов, Сунды, Борнео и Тимора, а кроме того, еще и Китая, Японии, Лекийских островов и многих других земель и портов, в которых португальская нация, благодаря своим торговым сношениям, приобрела более надежный источник доходов, чем во всех прочих странах, открытых от мыса Доброй Надежды и дальше. Земли эти столь велики, что береговая линия их составляет более трех тысяч легуа, как в этом можно убедиться на основании описаний и карт, до сего предмета относящихся, если только градусы на них нанесены правильно. Эта утрата (которую, надо уповать, господь по бесконечной милости своей никогда не допустит, несмотря на все наши упущения и грехи) повлекла бы за собой и потерю Мандовинской таможни в городе Гоа, самого ценного из наших владений в Индии, ибо от портов и островов, упомянутых нами выше, зависит большая часть ее доходов, не говоря уже о гвоздике, мускатном орехе и цвете [\[109\]](#), которые именно оттуда вывозятся в Португалию. Я еще многое мог бы сказать об этом предмете как очевидец, но не хочу больше распространяться; достаточно и того, чтобы понять великое значение этого предприятия, а если оно будет понято, нет сомнения, что постараются принять необходимые меры к исправлению нынешнего положения. Высказав это, обращусь к своему предмету.

Советники тирана Ашенца сказали ему, что если он хочет захватить Малакку, то не должен нападать на нее с моря, как это уже шесть раз пытались сделать по времена дона Эстевана да Гамы и других бывших после него комендантов, брать ее надо не иначе, как завладев предварительно королевством Ару и укрепившись в реке Пунетикане, откуда его флот сможет вести с более близкого расстояния замышлявшуюся им войну. Тогда будет нетрудно закрыть Сингапурский и Сабаонский [{110}](#) проливы и помешать нашим кораблям проходить в моря, омывающие Китай, Сунду, Банду и Молукки, после чего Ашенец сможет прибрать к рукам всю торговлю пряностями этих островов и выполнить новый договор, заключенный с Великим Турком через посредство каирского паши.

Совет этот показался королю Ашена очень хорошим и правильным; он велел снарядить флот в сто шестьдесят судов, по большей части ланчар и гребных галиотов, к которым были присоединены несколько явайских калалузов и пятнадцать высокобортных кораблей. Все они были снабжены запасами и боевым снаряжением, и на них было посажено семнадцать тысяч человек — двенадцать тысяч воинов, остальные же были саперы и гребцы. В число воинов входили четыре тысячи иноземцев — турок, абиссинцев, малабарцев, гузаратцев и лузонцев с острова Борнео, а в качестве командующего пошел с ними некий Хередин Магомет [{111}](#), зять этого самого короля, муж одной из его сестер и правитель королевства Баррос. Весь этот флот благополучно прибыл в устье реки Пунетикан, где в это время король Ару заканчивал укрепления, о которых я уже упоминал. В укреплении он поместил шесть тысяч человек исключительно из племени ару, иноземцев у него не было, потому что он не мог их нанять, да и в стране не было припасов, чтобы пропитать большее число воинов.

Ашенцы, как только прибыли, открыли пальбу по городу и обстреливали его в течение шести дней из многочисленных орудий. Но защитники его доблестно оборонялись, так что немало было пролито крови как с одной, так и с другой стороны. Встретив отпор, Хередин Магомет вынужден был высадить всех своих людей на берег, после чего с помощью двенадцати крупных мортир и осадных орудий, которым были приданы три больших батареи, ему удалось разрушить один из двух бастионов, защищавших устье реки. Оттуда ашенцы, неся перед собой для защиты тюки хлопка, на рассвете напали на город. Командовал приступом некий абиссинец по имени Мамедекан, который за месяц до этого прибыл из Жуды, чтобы ввести в действие и клятвенно подтвердить новый союз и

договор, который каирский паша от имени Великого Турка заключил с королем ашенцев и по которому последнему предоставлялась фактория в порту Пасен. Этот абиссинец вместе с шестьюдесятью турками, сорока янычарами и некоторыми другими малабарскими мусульманами захватили бастион и водрузили на нем пять знамен и много других значков.

Король Ару тем временем речами и подходящими к случаю обещаниями воодушевлял своих воинов, после чего они с решимостью напали на врага и отвоевали обратно бастион, причем абиссинский капитан и все его воины были перебиты. Желая воспользоваться выпавшей удачей, король Ару велел открыть со всей поспешностью ворота укреплений и, совершив вылазку с частью своих воинов, вступил в столь отчаянный бой с врагами, что обратил их всех в бегство и из двенадцати крупных орудий захватил восемь, после чего благополучно вернулся обратно и укрепился возможно лучше в ожидании дальнейших нападений.

Глава XXVII

О гибели короля Ару и о жестоком глумлении, которое было учинено над его телом

Когда король ашенцев увидел, какую неудачу принес ему этот день, он, сокрушаясь более о гибели абиссинского капитана и об утрате восьми орудий, чем о всех прочих своих потерях, собрал совет, дабы решить, что надлежит делать дальше. Общее мнение было, что осаду нужно продолжать, а на укрепление нападать со всех сторон, что и было выполнено незамедлительно. За семнадцать дней было сделано таких нападений девять, причем использовалось множество хитроумных военных изобретений, которые измышлял находившийся при них турецкий инженер. Все это привело к тому, что большая часть укреплений была снесена до основания; разрушены были два главных бастиона с южной стороны и часть земляной насыпи, преграждавшей, наподобие брони, доступ к реке.

Но защитники оборонялись с таким мужеством, что две тысячи пятисот неприятельских воинов погибло от огня и меча, не считая раненых и обожженных, которых было еще больше и которые впоследствии умерли от недостатка ухода. А из воинов ару погибло лишь четыреста человек. Но так как ару было мало, а ашенцев много и они были лучше вооружены, во время последнего приступа, который был дан на тринадцатые сутки лунного месяца, все было кончено.

В этот день король Ару по совету одного из своих касизов, которому он очень доверял, предпринял вылазку из города. Но касиз был подкуплен Ашенцем, который дал ему бар золота, что составляет на наши деньги сорок тысяч крузадо. Король Ару с такой яростью набросился на неприятеля и вступил с ним в столь ожесточенную схватку, что начал было одерживать верх. Но в это время собака-касиз, оставшийся за старшего в укреплении, якобы желая помочь королю окончательно разгромить врага, выступил сам с пятьюстами воинами. Видя это, один из ашенских военачальников, малабарский мусульманин по имени Кутиале Марка, имевший под своим началом шестьсот магометан — гузаратцев и малабарцев, — напал на ворота, которые подкупленный касиз не пожелал защищать, и вскоре без малейшего сопротивления завладел крепостью, перебив в ней всех больных и раненых, которых, как говорят, было более

полутора тысяч, и никого не пощадил. Несчастный король, видя, что в крепость ворвался неприятель, но еще ничего не подозревая о предательстве касиза, устремился к нему на помощь, так как это было в данное время самое важное, и поневоле отступил. Но когда он стал искать прикрытия за ближайшим валом у окопа, судьбе было угодно, чтобы некий турок сразил его в грудь выстрелом из аркебуза. Гибель короля вызвала величайшее смятение и беспорядок в рядах ару, что и привело к окончательному их разгрому.

Враги, подняв с поля боя труп несчастного короля, выпотрошили его, посыпали солью, положили в ларь и доставили владыке ашенцев, который приказал с великой торжественностью предать его казни: тело короля было распилено на части и брошено в котел, наполненный кипящей смолой и маслом, после чего над ним было сделано следующее устрашающее оглашение:

«Се приговор, который приказал привести в исполнение властитель земли обоих морей и благовонный ладан в золотых курильницах святилища пророка Ноби, султан Аларэдин [{112}](#), ибо угодно и отрадно ему было, чтобы душа сего мусульманина, таким же образом распиленная на части и сваренная в огне, как и его тело, предана была мучениям, уготованным отступникам от закона алькорана [{113}](#) и от чистого учения мусульман из святилища в Мекке. Приговор сей справедлив и согласен с Книгой цветов, ибо вероотступник сей во всех деяниях своих потерял страх божий и непрестанно доносил о тайнах государства нашего проклятым псам с края света, которые, воспользовавшись грубой силой своей и нашей преступной небрежностью, завладели Малаккой».

На что весь народ со страшным криком отвечал:

— Еще мало его наказали за такое преступление!

И таким вот образом, ибо так это в точности и произошло, пало государство Ару вместе с гибелью его несчастного короля, который был нам так предан и которому, как мне кажется, мы могли бы еще помочь, затратив малые средства, если бы с самого начала военных действий дали ему то, что он просил через своего посла. Но кто был тут повинен (если вообще были виновные), я не хочу разбирать. Пусть судит тот, кому по праву надлежит это ведать.

Глава XXVIII

О том, что произошло в королевстве Ару после смерти короля, и о том, как королева отправилась в Малакку

После того как несчастный король Ару погиб описанным образом, а все войска его были разгромлены, столицу и все королевство ашенцы захватили уже без малейшего труда. Хередин Магомет, главнокомандующий флотом ашенцев, восстановил укрепления и снабдил их всем необходимым для защиты завоеванных земель. Оставив в крепости восемьсот человек самых отборных воинов со своих судов, он назначил им в начальники некого лузонского мусульманина по имени Сапету де Ража, а сам с остальными воинами возвратился в Ашен, где, как говорят, тиран-король осыпал его почестями за воинские подвиги. Так, если раньше (как уже было сказано) его величали лишь губернатором и бендарой королевства Баррос, теперь ему присвоен был титул короля, и отныне он стал называться султаном Барроса, ибо у мусульман королей называют султанами.

В это время королева Ару, как мы уже говорили, скрывалась в лесах в семи легуа от города. Когда через несколько дней она узнала о смерти короля и о всех печальных событиях, последовавших за его гибелью, она тотчас же захотела сжечь себя на костре, ибо обещала это своему супругу, и подкрепила обещание свое клятвами. Но выполнить это намерение помешали ей приближенные, приведя множество доводов в пользу того, чтобы она не умерщвляла себя. На что королева, уступив их просьбам, сказала:

— Клянусь вам истинной верой, что ни доводы ваши, ни советы, ни участливые слова, в кои вы как добрые вассалы облачете свою преданность, не смогли бы отвратить меня от выполнения клятвы, данной мною супругу и повелителю, ибо выполнить ее — мой священный долг, но всевышний вселил в мою душу убеждение, что жизнь свою я должна употребить на отмщение за его смерть, а посему кровью его клянусь перед всеми вами, что, пока я жива, я буду непрестанно искать все возможные средства, чтобы выполнить это мое намерение, и ради этого готова дойти до последних крайностей и даже тысячу раз принять христианскую веру, если это понадобится, чтобы достигнуть столь вожаделенной мною цели.

Исполненная такого одушевления, королева немедля села на слона и в

сопровождении трехсот человек приближенных, которых она держала при себе в качестве телохранителей, а также многих других, которые впоследствии к ней присоединились, что в общей сложности составило отряд в семьсот человек, отправилась в город с намерением поджечь его, чтобы он не стал добычей врага. Там они обнаружили около четырехсот ашенцев, занятых грабежом еще оставшегося в городе скудного скарба, и тут королева, напомнив со слезами на глазах своим воинам об их обязанностях, довела их до неистовства, и они с такой отвагой набросились на ашенцев, что, как говорили потом в Малакке, ни один из них не остался в живых.

Тут, видя, что для выполнения дальнейших замыслов ей не хватает войска, королева возвратилась в лес, где в течение всего лишь двадцати дней, которые там провела, она так донимала ашенцев и так часто нападала на них, когда они отправлялись за водой, за дровами или еще по каким-либо иным своим надобностям, что они под конец уже не отваживались покидать укрепления и не могли снабжать себя необходимым. И если бы только она смогла продолжать эту войну еще двадцать дней, голод вынудил бы их сдаться в плен (если бы они и не хотели). Но в это время наступила обычная для этого климата пора дождей, а почва в лесах была болотистая и топкая, лесные плоды, которыми ее люди питались, погнили, и многие заболели, и их нечем было лечить, и потому королева вынуждена была переправиться через реку по названию Миньясумба, расположенную в пяти легуа от этих мест, где погрузилась вместе со своими людьми на шестнадцать гребных судов, которые ей удалось там собрать, в их числе несколько рыбацких парао, и оттуда отправилась в Малакку, полагая, что, если она лично явится к коменданту, ей не решатся отказать в помощи.

Глава XXIX

О приеме, оказанном в Малакке королеве Ару, и о том как вел себя комендант крепости Перо де Фариа

Когда Перо де Фарии сообщили о прибытии королевы, он приказал своему сыну Алваро де Фариа, командующему флотом, оказать ей подобающий прием. Командующий флотилией из одной галеры, пяти фуст, двух катуров и двадцати баланов, на которых находились триста человек, не считая многих сухопутных чинов, перевез ее и крепость, где ее приветствовали артиллерийскими залпами, продолжавшимися более часа. После того как она сошла на берег и ей было показано кое-что, с чем ее хотели познакомить, как-то: склады, набережная, войско, фактория, таможня, пороховой погреб и другие, нарочно подготовленные для ее посещения, ее поместили в прекрасный дом, а спутников ее, числом до шестисот, в лагере Ильер в хижинах и палатках, устроенных самым лучшим при тех обстоятельствах образом. Все время, пока она находилась в Малакке, что составило четыре или пять месяцев, она непрерывно добивалась одного — а именно, помощи в отмщении за смерть своего супруга, приводя законные и убедительные основания для того, чтобы ей не отказали. Под конец, поняв, сколь мало мы можем для нее сделать и что все наши посулы остаются лишь посулами, из которых не следует для нее никакой пользы, она решила окончательно объясниться с Перо де Фарией и узнать от него, что он собирается выполнить из своих обещаний. Поэтому, дождавшись его однажды в воскресенье у входа в крепость, когда вся площадь была полна народа, а сам Перо де Фариа направлялся слушать мессу в церковь, она подошла к нему и, после взаимных приветствий, сказала:

— Благородный и отважный сеньор комендант, заклиная вас детьми вашими, не огораждайте слуха своего в тот недолгий промежуток времени, что я намерена говорить с вами, и примите во внимание, что, хоть я и принадлежу к неверным и по греховности моей очи мои еще не раскрылись для ясного лицезрения вашей святой религии, я все же была королевой, а посему вы обязаны питать ко мне известное уважение и сострадательно взглянуть очами христианина на мое беспомощное положение.

При этих словах Перо де Фариа остановился и, сняв шапку, отвесил ей глубокий поклон. Оба некоторое время молчали, после чего королева,

низко склонившись перед порталом церкви, который находился против нее, продолжала, обращаясь к Перо де Фарии:

— Желанье отомстить за смерть короля, моего супруга, было у меня всегда столь велико, что я решила изыскивать для этого все доступные мне сродства, раз по женской моей слабости судьба лишила меня возможности носить оружие. И, будучи убежденной, что средство, к которому я в первую очередь решила прибегнуть, окажется и самым действительным, я возложила на него больше надежд, чем на все прочее. Рассчитывая на старинную дружбу с вами и на чувство благодарности, которое должны питать ко мне жители этой крепости, во многих отношениях мне немало обязанные, как это должно вам быть хорошо известно, я явилась сюда, чтобы со слезами на глазах просить вас во имя его королевского величества короля Португалии, властелина моего, верным подданным и вассалом коего всегда был мой супруг, не отказать мне в покровительстве и прийти на помощь в бедственном моем положении. На это вы собственными устами в присутствии дворян, находившихся при нашем свидании, публично заявили, что не преминете этого сделать. А ныне, обещание сие, порукой коего являлись все сокровища вашей правдивости, не выполняется вами, и вместо этого вы говорите мне или приводите в извинение, что написали обо всем деле сеньору вице-королю, между тем как я не нуждаюсь в той помощи, которая, по вашим словам, должна мне от него поступить. Дайте мне не более ста человек, и я, хоть и слабая женщина, берусь с их помощью и с помощью моих рассеявшихся по стране людей меньше чем за один месяц отвоевать все мои владения и отмстить за гибель короля, моего супруга, что является главной моей заботой, если только в моем предприятии мне будет споспешествовать всемогущий бог. Именем его умоляю и заклинаю вас, ради пользы и славы моего повелителя, его величества короля Португалии, опоры и защиты вдовства моего, если вы в состоянии что-либо сделать, оказать мне эту помощь, и притом без промедления, так как от этого зависит успех всего предприятия, ибо, совершив это, вы пресечете злокозненные замыслы злодея Ашенца, который только и помышляет о разрушении сей крепости, как это, полагаю, вам ясно по силам, которые он для этой цели собирает. Если вы решитесь оказать мне эту помощь, я согласна ждать, а если нет, объявите мне об этом открыто, ибо столь же великий вред приносите вы мне, заставляя меня тщетно терять драгоценное время, как и отказывая мне в содействии, которое я у вас прошу с полной уверенностью в благополучном исходе замышляемого мною похода и которое, вы по законам вашей религии, без сомнения, должны мне оказать, как это ведомо

всемогущему господу, властителю неба и земли, коего я призываю в судьи,
насколько справедлива моя просьба.

Глава XXX

О том, как королева Ару отбыла из Малакки в Бинтан и что произошло между ней и королем Жантаны

Когда доведенная до отчаяния королева публично высказала Перо де Фарию все эти истины и напомнила ему о его обязательствах, он понял свою оплошность, был смущен совершенной им ошибкой и тут же поклялся своей верой и дал слово честного человека, что уже дважды писал о ней вице-королю и что, едва только наступит пора муссонов, из Индии обязательно придут войска и флот, если только какие-либо чрезвычайные обстоятельства не воспрепятствуют их присылке, а поэтому он советует ей и покорно просит ее побыть еще некоторое время в Малакке, пока она не убедится в правдивости его слов. На это королева возразила, что весьма гадательно, прибудет ли из Индии помощь, и этим почти вывела из себя Перо де Фарию, который усмотрел в ее ответе недоверие к его словам; в раздражении он позволил себе произнести несколько слов, более сухих, нежели следовало говорить при подобных обстоятельствах, так что несчастная королева расплакалась. Устремив свой взор на находившийся неподалеку портал церкви, воздев руки к небу и задыхаясь от рыданий, поминутно прерывавших ее речь, она произнесла:

— Прозрачному источнику уподоблю я божество, коему поклоняются в этом храме, ибо из уст его проистекает вся правда и истина; но с мутными лужами можно сравнить людей на земле, ибо в них по самой их природе способны жить лишь безумие и грех. Поэтому проклятым следует почитать того, кто доверяется произнесенному человеческими устами. Истинно говорю вам, сеньор комендант, что вплоть до настоящей нашей встречи все, что я видела и слышала от вас, португальцев, сводилось к одному: чем больше злополучный мой супруг или я оказывали вам услуг, тем меньше вы делали для нас, и чем более вы перед нами обязывались, тем менее склонны были оплатить свой долг. Из чего можно сделать ясный вывод, что цените вы лишь красивые речи, а настоящие заслуги ни во что не ставите. О, если бы угодно было всевышнему, чтобы то, что я за грехи свои узнала теперь о вас, знал бы двадцать девять лет назад мой супруг! Не обманывался бы он все эти годы в вас и не погиб бы, как он погиб. Но раз уж все сложилось именно так, а не иначе, единственное утешение, остающееся у меня в моих горестях, — это видеть всех тех, кто

безрассудно доверился вашей дружбе, посрамленными так же, как посрамлена я, несчастная. А если вы не могли решиться или не желали оказать мне помощь, зачем расточали вы с такой щедростью посулы убитой горем женщине, заставляя ее заблуждаться в мнении о вас и обманывая ее в самых заветных ее надеждах?

С этими словами она отвернулась от коменданта и, не желая более его слушать, направилась к себе в дом. Там, приказав приготовить суда свои к походу, она на следующий день отплыла в Бинтан, где в это время находился король Жантаны ^{114}, который, как потом рассказывали в Малакке, оказал ей великие почести. Королева сообщила ему о том, что произошло у ней с Перо де Фарией и как обманулась она в надеждах на нашу дружбу, а также пересказала ему в подробностях весь ход и результат своих переговоров.

На это, как говорит, король сказал ей, что наше двуличие несколько его не удивляет и не должно удивлять ее, ибо мы уже не раз выказывали его, и в подтверждение своих слов привел ей в пример наши действия, которые с первого взгляда казались предпринятыми для его же пользы, но он как мусульманин постарался изобразить в таком свете, что они стали выглядеть совсем иначе, гораздо более неблагоприятно и преступно, чем были в действительности. Наговорив ей еще много о наших поступках, которые он называл не иначе, как «обманы», «грабежи» и «тиранства» и обзывал еще другими бранными словами, но не приводя причин, почему мы вынуждены были так поступить, или оправданий наших, если они и на самом деле нуждались и оправданиях, он в заключение пообещал ей словом доброго короля и мусульманина, что она в ближайшем будущем с его помощью получит обратно свое королевство до последней пяди земли. И чтобы она вполне уверилась в том, что он ей обещает, он готов взять ее себе в жены, если она на это согласится, ибо таким образом он приобретет законное право и основание выступить против короля ашенцев, с которым он из-за нее должен будет начать войну, если Ашенец добровольно не откажется от того, что у нее отобрал. На это королева ответила, что она высоко ценит оказанную ей честь, но не вступит с ним в брак, если в качестве выкупа за невесту он не пообещает ей отмстить за гибель короля, ее супруга, ибо в этом заключается единственное ее желание и без этого условия она не согласилась бы стать повелительницей всей вселенной.

Король, посоветовавшись со своими, решил дать ей это обещание и приложил голову к священной книге их религии в подтверждение своей торжественной клятвы.

Глава XXXI

Об уведомлении, послал король Жантаны королю Ашена относительно королевства Ару, и об ответе, который он получил

После того как в один из дней рамадана ^{115}он произнес эту клятву на книге, которую держал в руках его главный касиз по имени Ража Моулана, король направился на остров Кампар, где, отпраздновав свое бракосочетание, созвал совет, чтобы решить, как действовать дальше, ибо задача его была весьма трудной и он многим рисковал. Решение, к которому, с согласия всех участников, пришли на этом совете, заключалось в том, что прежде чем предпринимать что бы то ни было, надлежит послать королю Ашена уведомление о праве, которое, благодаря браку с королевой Ару приобрел на ее владения король Жантаны, и ждать ответа. Королю это решение показалось разумным, и он приказал немедленно отправить к владельцу Ашена посла, которому вместе с богатым подарком из шелков и золотых португальских монет он вручил следующее письмо.

«Я, Сириби Лайя Кеңдоу Пракама де Ража ^{116}, прямой и законный наследник престола моей взятой в плен Малакки, тиранически и несправедливо захваченной силой оружия неверных, король Жантаны, Бннтана и вассальных королевств Андрагире и Линга, тебе, Сири, султану Аларэдину, королю Ашена и прочих земель обоих морей, истинному моему брату по древней дружбе наших предков, удостоенному золотой печати святого храма в Мекке как истинный и правоверный дервиш или мулла, во славу пророка Ноби утомительно странствующий в бедности по нашей юдоли слез. Я, твой родич по плоти и крови, оповещаю тебя посредством сего моего посла, что в дни седьмой луны настоящего года явилась ко мне в великой обиде и печали благородная вдова Аншезини, королева Ару, и с печальным лицом и полными слез глазами, поверженная ниц, сообщила мне, раздирая лицо свое ногтями, что твои военачальники захватили ее королевство с обеими реками Лаве и Пунетиканом, убили Алибонкара, ее супруга, вместе с пятью тысячами амборражей и оуробалонов, знатных людей, коих он держал при себе, и увели в плен три тысячи ни в чем не повинных детей, коим связали руки, веревками обвязали пояса и непрерывно безжалостно били, как будто это были дети неверных матерей. Побуждаемый всем этим к сочувствию, которому нас учит и к которому обязывает священный Коран, твой брат, принял ее под

покровительство своей истины, дабы таким образом надежнее разузнать причину или основание, которые ты мог иметь для подобных действий. Но, узнав из ее клятвенных заверений, что никакого основания на это ты не имел, сделал ее своею женой, дабы таким образом свободно мог по праву защитить ее дело перед господом. А посему, будучи истинным братом твоим, прошу и умоляю тебя, чтобы ты как добрый магометанин приказал вернуть ей отобранное у нее и честно и справедливо возместил ей стоимость утраченного ею, ибо к этому тебя обязывает закон нашей истины. Относительно же способа, которым должен совершиться этот (испрашиваемый мной) возврат, то пусть он будет выполнен по форме, которую укажет тебе Сирибикан, мой посол. Коли же ты не поступишь так, как я заклинаю тебя во имя справедливости, считай меня открытым сторонником этой госпожи, ибо я торжественной клятвой обещался при бракосочетании защищать в несчастьи ее правое дело».

Когда посол прибыл к королю Ашена, тот оказал ему должные почести и принял от него привезенное им письмо. Однако стоило ему прочесть оное и узнать его содержание, как он готов был немедленно казнить посла и сделал бы это, если бы некоторые из его приближенных не убедили его отказаться от своего намерения, говоря, что это было бы величайшей низостью. Таким образом, не приняв в знак презрения подарков, он немедленно отослал Сирибикана со следующим посланием:

«Я, султан Аларэдин, король Ашена, Барроса, Педира, Пасена и княжеств Дайа и Батаса, властитель всех земель по побережью обоих морей, как средиземного, так и океана, копей Менанкабо и нового королевства Ару, ныне мною по праву приобретенного, тебе, королю, возликовавшему от надежды получить сомнительное наследство: видел я твое письмо, написанное на столе брачного пиршества, и по неразумным словам, заключенным в нем, уразумел, как хмельны были твои советники. Посему я не потрудился бы дать на него ответ, если бы меня не убедили поступить иначе. Итак, говорю тебе, что напрасно ты пытаешься, оправдать меня перед собой, ибо признаюсь, в такой чести я не нуждаюсь. А о королевстве Ару и не помышляй, если хочешь остаться жив; мне довольно было приказать захватить его, чтобы оно стало моим, как сгинет весьма скоро и твое. И если ты вступишь в брак с Аншезинею, женой твоей, в расчете на то, что этим приобретешь законное право на королевство, которое ей уже не принадлежит, ты останешься с ней, как остаются со своими женами другие мужья, кои, возделывая землю, рассчитывают лишь на собственные руки, чтобы добыть себе пропитание. Верни себе сначала Малакку, раз она принадлежала тебе, а тогда уже зарься на то, что никогда

не было твоим. И если решишь ее брать, я готов помочь тебе, но как вассалу, а не как брату, каким ты себя называешь. Совершено в моем большом дворце в богатом Ашене, в самый день прибытия твоего посла, которого я немедленно отправил обратно, не пожелав его долее ни видеть, ни слышать, о чем он сам тебе доложит».

Глава XXXII

О том, что еще произошло между королями Жантаны и Ашена из-за этого посольства

После того как жантанского посла отправили обратно в тот же день как его выслушали, что в этих краях считается знаком великого презрения, и он повез назад подарки, которые у него также не пожелали принять для сугубого его унижения и оскорбления, он прибыл в Кампар, где в это время находился король Жантаны. Последний, услышав обо всем этом, пришел, как говорят, в великую ярость; уверяют даже, что его несколько раз видели тайно плачущим от досады, что тиран Ашена его ни во что не ставит.

Был еще раз созван совет по поводу мер, которые следует принять в этом случае, и все пришли к выводу, что с королем Ашена необходимо начать войну как с величайшим врагом. Решено было в первую очередь захватить королевство Ару и крепость Пунетикан, прежде, чем неприятель успеет ее основательнее укрепить. Посему король подготовил к походу с возможной поспешностью большой флот из двухсот гребных судов, из коих большая часть были ланчары, джонки и калалузы, а на пятнадцать высокобортных джонок погрузили провиант и боевые припасы, необходимые для подобного предприятия. Командующим он поставил своего адмирала великого Лаке Шемену ^{117}, о котором неоднократно упоминается в летописях Индии, каковому дал десять тысяч воинов и четыре тысячи гребцов — все людей отборных и в боях испытанных.

Адмирал немедленно отбыл с этим флотом и вошел в реку Пунетикан, где находилась крепость неприятеля, после чего пытался пять раз взять ее штурмом с помощью трехсот приставных лестниц, а также всевозможных пиротехнических снарядов. Не будучи в состоянии захватить ее таким образом, он принялся обстреливать ее из сорока тяжелых орудий, паливших день и ночь, так что через неделю большая часть укреплений была сровнена с землей. Тогда жантанцы снова пошли на приступ и весьма доблестно проникли в крепость, перебив тысячу четыреста ашенцев, из коих большая часть за день до прихода флота прибыла в крепость во главе с племянником каирского паши турецким капитаном по имени Морадо Арраиз, который также погиб в бою вместе с двумя сотнями сопровождавших его турок, коих Лаке Шемена не захотел пощадить. После этого он с такой поспешностью принялся восстанавливать то, что было

разрушено, используя для работ большую часть своего войска, которое он заставил забить два ряда частокола и заполнить пространство между ними камнями, что в двенадцать дней не только восстановил крепость, но и добавил еще два бастиона.

Известие о флоте, который король Жантаны собирает в портах Бинтане и Кампаре, вскоре достигло короля Ашена. Опасаясь потерять завоеванное, он немедленно направил против него флот из ста восьмидесяти судов — фуст, ланчар, галиотов и пятнадцати галер в двадцать пять банок, на который посадил пятнадцать тысяч человек — двенадцать тысяч воинов, называемых там байлеу, а остальных — гребцов. Командующим флотом он поставил того же Хередина Магомета, который перед этим, как уже раньше говорилось, захватил королевство Ару, ибо Ашенец считал его весьма мужественным и удачливым воином.

Покинув королевство ашенцев, флот Хередина Магомета прибыл в некое место под названием Аспесумье, находящееся в четырех легуа от реки Пунетикан, где командующий узнал от нескольких рыбаков, которых там захватил, обо всем, что произошло в крепости и в королевстве, какими силами располагает Лаке Шемена на суше и на море и как он намерен встретить врагов. Известия эти, как говорят, привели Хередина Магомета в немалое замешательство, ибо он никак не ожидал, что неприятель успеет так много сделать за столь короткий срок.

Был созван совет, дабы решить, что следует предпринять при подобных обстоятельствах, и большинство присутствующих высказалось за то, что, поскольку крепость и страна захвачены противником, все ашенцы, находившиеся в ней, перебиты, а Шемена располагает весьма значительными силами на море и на суше, следует, безусловно, возвращаться, поскольку обстановка не соответствует той, которую они ожидали встретить. Хередин Магомет этому решительно воспротивился, сказав, что скорее погибнет, как мужчина, чем будет жить в позоре, как женщина; король избрал его для подвига, и сохрани боже, чтобы он, Хередин Магомет, согласился хоть сколько-нибудь упасть в глазах тех, кто был высокого о нем мнения. Он даже поклялся костями Магомета и всеми светильниками, горящими день и ночь в его храме, умертвить как предателя всякого, кто будет несогласен с ним, сварив его живьем в смоле, что он также не преминет сделать и с Лаке Шеменой. С этими горячими и гневными словами он приказал судам сняться с якоря и под громкие крики и звуки инструментов, барабанов и колоколов, как принято у них при выступлении в поход, на парусах и веслах направился к устью реки.

Едва он показался, как Лаке Шемена, успевший к этому времени уже

приготовиться к встрече с ним и пополнить свои силы отборными воинами, которые прибыли к нему из Перы ^{118}, Бинтана и Сиака, а также других соседних мест, снялся со своей стоянки и пошел к нему навстречу на середину реки. Обменявшись обычными артиллерийскими залпами, оба флота бросились друг на друга, гребя изо всех сил, и так как обе стороны шли на сближение и не избегали друг друга, бой продолжался примерно около часа без перевеса на чьей-либо стороне, пока военачальник ашенцев Хередин Магомет не был убит зажигательной бомбой, поразившей его в грудь и разорвавшей его на две части. С гибелью его ашенцы настолько пали духом, что решили отойти к мысу под названием Батокирин и укрепиться там до наступления ночи, пока не соберут свои силы. Однако они не смогли этого сделать, так как весьма быстрое течение в реке разбросало их суда в разные стороны. Таким образом флот ашенского тирана достался Лаке Шемене, за исключением четырнадцати судов; сто шестьдесят шесть судов было забрано в плен; тринадцать тысяч пятьсот ашенцев убито, не считая тех тысячи четырехсот, которые погибли в окопах.

Когда эти четырнадцать судов пришли и Ашен и королю было доложено обо всем случившемся, последний, как говорят, был так потрясен, что двадцать дней не хотел никого видеть, а по прошествии этого срока велел отрубить головы всем четырнадцати капитанам, а воинам, которые находились на спасшихся судах, велел под страхом быть перепиленными живьем сбрить бороды и носить впредь женскую одежду и бить в адуфы, где бы они ни находились. А если они захотят чем-либо поклясться, то пусть говорят: «Да сразит бог моего мужа» или «Не видеть мне радости от тех, кого я родила». И эти люди, видя себя присужденными к столь позорному наказанию, почти все ушли за пределы своей страны, а оставшиеся наложили на себя руки: одни отравились, другие повесились, а третьи зарезались.

И таким вот образом, как я описываю и как точно произошло в действительности, королевство Ару было избавлено от ашенского тирана и оставалось во власти жантанского короля вплоть до 1564 года, когда этот самый король Ашена с флотом в двести судов, притворившись, что идет в Патане, напал ночью на Жантану, где тогда находился король, и хитростью захватил его вместе с женами, детьми и прочими многими людьми и увез в свою землю, где расправился со всеми без исключения самым жестоким образом, а королю Жантаны велел выбить мозги толстой палкой. После этого он стал снова править королевством Ару, королем которого назначил своего старшего сына, того самого, которого потом убили при осаде

Малакки, в то время, когда комендантом крепости был дон Лионис Перейра, сын графа де Фейры, защищавший крепость с воистину чудесным мужеством, ибо силы супостата были тогда столь велики, а наших было по сравнению с ними так мало, что без преувеличения на каждого христианина приходилось двести мусульман.

Глава XXXIII

О том, как на пути из Малакки в Панское королевство [{119}](#) я нашел в море двадцать трех христиан, потерпевших кораблекрушение

Теперь я хочу вернуться к предмету, о котором говорил выше. После того как я оправился от болезни, вызванной моим пленением в Сиаке, Перо де Фариа, желая предоставить мне возможность поправить свои дела, отправил меня на гребной ланчаре в Панское королевство с десятью тысячами крузадо его собственных товаров для передачи их фактору по имени Томе Лобо, проживавшему там, после чего я должен был проплыть еще сто легуа до Патане, куда мне надлежало доставить письмо и подарки королю и переговорить с ним относительно пяти португальцев, которых в королевстве Сиаме держал в плену его свойственник Монтео из Банша.

На седьмой день после моего отбытия из Малакки, находясь ночью на траверзе острова Пуло-Тиман [{120}](#), примерно в девяносто легуа от Малакки и десяти или двенадцати от бара Пана, когда уже прошла половина утренней вахты, мы услышали два раза громкий крик в море, но ничего не могли разглядеть из-за еще не рассеявшейся темноты и не знали, что делать, ибо не могли понять, что означает этот крик. Управляясь парусами, мы отклонились от курса и пошли в ту сторону, откуда донеслись до нас крики; все мы вперили глаза и воду, стараясь обнаружить кричавших. В таком недоумении мы пребывали с час, пока не заметили на большом расстоянии какой-то низкий черный предмет. Не в состоянии определить, что это такое, мы снова стали обсуждать, как нам поступить в этом случае. Поскольку в ланчаре было четыре португальца, мнения о том, что следует делать, оказалось весьма и весьма различными; были такие, которые говорили, что это не мое дело и меня не касается, а идти нам надлежит по назначению, ибо потерять даже один час в пути значит подвергать риску все предприятие и доверенное мне имущество, и если приключится какое-нибудь несчастье, ответственность за него ляжет на меня. Тем не я ответил, что нам во что бы то ни стало необходимо выяснить, в чем дело, ведь даже если я теперь и не прав, как они уверяют, то держать ответ я буду только перед Перо де Фарией, которому принадлежат ланчара и товары, а не перед ними, у которых ничего на ладье нет, кроме них самих, а значат они для него столь же мало, сколь и я.

Пока продолжались эти пререкания, господу богу было угодно, чтобы рассвело, и тогда мы ясно увидели, что это люди, потерпевшие кораблекрушение и держащиеся за обломки корабля. После этого мы уже без опасений повернули в их сторону в их сторону и на веслах и на парусах направились к ним. Когда они убедились, что мы действительно держим курс на них, они всего только воскликнули шесть или семь раз очень громко: «Смилуйся над нами, господи боже!» Все это привело нас в крайнее смущение и изумление. И, приказав гребцам поскорее броситься в воду, мы их всех забрали на ланчару, а было их всего двадцать три человека: четырнадцать португальцев и девять рабов; они были так измождены, что лица их внушали ужас, и от слабости едва могли выговорить слово.

Приютив и разместив их как можно лучше, мы постарались узнать причину их злоключений. На что один из них ответил, заливаясь слезами:

— Сеньоры, зовут меня Фернан Жил Поркальо, и этот глаз, которого, как видите я лишился, мне выкололи ашэнцы у стен Малакки, когда они во второй раз напали на дона Эстевана да Гаму. Последний, желая оказать мне милость, ибо знал, как беден я был в это время, выдал мне грамоту на право торговли с Молуккскими островами. О, если бы всевышний не допустил этого! Ибо там меня ожидали одни невзгоды! Вышли мы из порта Талангаме, являющегося рейдом нашей крепости Тернате, и после двадцати трех дней благополучного плавания при попутном ветре, когда мы были очень довольны нашими приобретениями, ибо в нашей джонке было тысяча баров гвоздики, стоивших более ста тысяч крузадо, несчастной судьбе моей было угодно допустить за великое множество грехов моих, содеянных в нарушение заповедей господних, чтобы на нас, пока мы переходили от норд-веста к зюйд-осту по отношению к мысу Суробайя ^{121}на острове Ява, налетел столь бурный норд, что от высоты поднявшихся валов и великой бури на море джонка наша получила пробоину в носовой части, из-за чего нам пришлось сбросить некоторое количество груза с палубы. Продрейфовали мы всю эту ночь без парусов, ибо из-за частых и весьма сильных порывов ветра нельзя было поставить и пяди их, как вдруг во вторую половину утренней вахты наша джонка пошла ко дну, и из всего экипажа ее, насчитывавшего его сорок семь человек, спаслись только эти двадцать три, которых вы видите. На обломках мы продержались четырнадцать дней и за все это время ничего не ели, съели только одного моего кафра, когда он умер, и мясом его питались восемь дней; нынче ночью у нас умерло два португальца, но их мы не пожелали есть, хоть и чувствовали великую потребность в еде и нам

казалось, что мы не продержимся и дня и мучения, которые нам пришлось претерпеть, окончатся вместе с жизнью.

Глава XXXIV

О том, как я прибыл в Панское королевство с этими несчастными, и о том, что со мной там произошло

Все мы были потрясены и изумлены тем, что рассказал нам этот человек, равно как и печальным и измученным видом как его, так и его спутников. Поразило нас также, как милосердию господню угодно было спасти их столь чудесным образом. А посему мы воздали всевышнему всяческую хвалу, а неожиданных гостей наших укрепляли и подбадривали теми христианскими истинами, которые подсказало нам наше слабое разумение. Мы поделились с ними одеждой и несколько возместили в этом отношении понесенный ими ущерб. Мы уложили их на койки, на которых обычно спали сами, и постарались дать им те лекарства, которые, по нашему мнению, могли подействовать на них успокаивающе, ибо, по видимому, оттого, что они столько времени не спали, у них кружилась голова и они падали на палубу в судорогах, ни будучи в состоянии прийти в себя в течение доброго часа.

От этого места мы пошли в поисках гавани Пан, куда прибыли около полуночи и стали на якорь у входа в нее против небольшого селения под названием Кампаларау [{122}](#). Когда рассвело, мы поднялись по реке на веслах до города, отстоящего от входа в гавань примерно на легуа, где мы нашли Томе Лобо, который, как мы уже сказали, жил там в качестве фактора коменданта Малакки, и ему я передал привезенные мною товары.

И этот день у нас умерло трое португальцев из четырнадцати, которых мы нашли в море, в том числе капитан джонки Фернан Жил Поркальо и пять рабов-христиан. Всех их мы ночью бросили в море, привязав им к ногам и к шее камни, чтобы они остались на дне, потому что похоронить их в городе нам не разрешили, хотя Томе Лобо готов был заплатить за это право сорок крузадо, ибо мусульмане считали, что земля этим будет опоганена и станет бесплодной, раз эти покойники не очистились от той свинины, которую они поели при жизни, что, по их, магометан, мнению, является тягчайшим грехом, какой только можно вообразить. Остальных уцелевших Томе Лобо поместил в своем доме и снабжал их в изобилии всем потребным, пока они не поправились и не вернулись в Малакку.

Спустя несколько дней после их отъезда я пожелал продолжить свой путь и отправиться в Патане, место, куда я намеревался следовать, но Томе

Лобо не захотел меня отпустить, всячески отговаривая от этого путешествия. Он уверял, что здесь, в этих местах, небезопасно, так как слышал, что некий туан {123}Шеррафан, лицо, занимающее видное положение, поклялся подпалить его дом вместе со всем находящимся в нем товаром, из-за того что в Малакке какой-то фактор коменданта заплатил ему якобы за пять тысяч крузадо стиракса {124}, шелков и алоэ значительно ниже их стоимости, и притом прогнившей рухлядью по повышенной цене, почему с пяти тысяч крузадо, которые он вложил в товары и которые должны были принести ему в Малакке свыше пяти тысяч прибыли, не говоря уже о приобретении хорошего товара, который он мог оттуда вывезти и который принес бы ему примерно такой же доход, он выручил всего семьсот крузадо. Лобо добавил, что его уже два раза старались выманить из дома, подстраивая у его дверей мнимые беспорядки, чтобы прикончить его в свалке. Почему, в случае, если бы произошло что-либо такое, чего он опасался, неплохо было бы мне быть рядом, дабы спасти товары, которые он здесь хранит и которые иначе могли бы погибнуть.

На это я, не желая с ним соглашаться, привел, со своей стороны, несколько доводов, которые он не пожелал принять, всякий раз противопоставляя им свои соображения, после чего мне пришлось сказать ему, что, если, как он говорит, его в самом деле собираются убить и разграбить его имущество, каким образом могу я рассчитывать избежать той же участи? И далее, если он настолько упорен в действительности такой угрозы, с какой стати позволил он отплыть этим одиннадцати португальцам или почему сам не отправился с ними в Малакку?

На это он ответил:

— Видит бог, как я раскаиваюсь в этом, но раз я уже не поступил так, как вы говорите, сделайте сейчас так, как я вас прошу и умоляю от имени сеньора коменданта, которому я сейчас напишу и дам отчет во всех наших разговорах. Поверьте, он вас не поблагодарит за то, что вы меня оставите одного со всеми товарами, которых не так уж мало, ибо стоимость их превосходит тридцать тысяч крузадо, а тут еще есть и мои товары примерно на ту же сумму.

Я был смущен: бросив его, я пренебрег бы его просьбой, оставшись, я подвергал себя опасности, а поэтому и не знал, к какому из этих крайних решений склониться. Наконец, прикинув в уме все положительные и отрицательные стороны дела, я пошел с ним на следующее соглашение: если он в течение пятнадцати дней не отправится со мной на ланчаре в Патане, предварительно обратив все товары в золото и драгоценные

камни, — а того и другого было здесь в ту пору изрядное количество, — он отпустит меня, куда я пожелаю. На это он согласился, после чего каждый стал готовиться в дорогу.

Глава XXXV

О том, как погиб король Пана, кто его убил и почему, и что случилось с Томе Лобо и со мной

Томе Лобо распродал свои товары с большой поспешностью; видимо, он не сомневался в угрожавшей ему опасности. Товар он сбывал настолько дешево, что через восемь дней в доме уже ничего не осталось. Ни перцу, ни гвоздики, ни того, что могло его обременить, он не брал и производил обмен только на менанкабское золото и на алмазы, которые прибыли сюда на журупанге из Лаве [{125}](#) и Танжампура [{126}](#), а также на несколько жемчужин с Борнео и Солора [{127}](#).

Когда все уже было готово и нам оставалось только на следующий день погрузиться на судно, нечистый подстроил, чтобы как раз в эту ночь произошел весьма прискорбный случай. Дело в том, что некий Кожа Жейнал, посол короля Борнео [{128}](#), уже три или четыре года проживавший при дворе короля Пана, человек весьма богатый, застал короля со своей женой и убил его. Из-за этого события возмущение в городе и стране было столь велико, что люди уже не походили на людей. Видя все это, бродяги и бездельники, которые всегда рады подобным случаям, решили, что сейчас самое время совершить то, на что они раньше не решались из страха перед королем; собравшись в ватагу чуть ли не в пятьсот или шестьсот человек, они тремя шайками направились на факторию, где жил Томе Лобо, и, напав на дом сразу со всех сторон, ворвались в него, несмотря на наше сопротивление. При этом столкновении у нас погибло одиннадцать человек, в том числе три португальца, которых я взял с собой из Малакки. Томе Лобо убежал с шестью ножевыми ранами, из коих одна была во всю правую часть лица до шеи, отчего он едва не лишился жизни. Все это принудило нас обоих бросить факторию, оставив там все имущество, и бежать на ланчару, в которой угодно было господу спасти нас с пятью рабами и восемью матросами. Все наше имущество погибло, а было его в золоте и драгоценных камнях больше чем на пятьдесят тысяч крузадо.

Мы укрывались в ланчаре до утра, и хотя были весьма удручены, старались следить за событиями, чтобы разобраться в том, во что выльется единодушное возмущение народа. Наконец, видя, что обстановка с каждым часом ухудшается, мы предпочли перебраться из Пана в Патане и не подвергать себя риску быть убитыми, так как перебито здесь было более

четырёх тысяч человек.

Итак, мы снялись с якоря и через шесть дней прибыли в Патане, где были радушно приняты находившимися там португальцами, которым мы рассказали обо всех событиях в Панае и о плачевном состоянии, в котором находился злополучный город, что всех их немало огорчило. Все они, желая в какой-то мере прийти нам на помощь и движимые лишь усердием добрых португальцев, отправились во дворец к королю, пожаловались ему на несправедливость, учиненную коменданту Малакки, и попросили разрешения возместить утраченное в Панае имущество, которое у нас захватили. Это король разрешил, заявив им без колебания:

— Вполне правильно поступать с другими так, как они поступают с нами, и отнимать у них то, что они отняли у нас, тем более когда ограбленным является комендант Малакки, которому мы все так обязаны.

Португальцы сердечно поблагодарили его за эту милость и, вернувшись в свои дома, договорились о том, что следует конфисковывать все товары, прибывающие из этого королевства, пока полностью не будут возмещены убытки, причиненные грабежом. Узнав через девять дней, что на реке Калантане ^[129], на расстоянии восемнадцати легуа стоят три очень богатые китайские джонки, принадлежащие мусульманским купцам, уроженцам Пана, которые вынуждены были там укрыться от неблагоприятных ветров, было немедленно отдано распоряжение напасть на них.

Из трехсот португальцев, находившихся тогда в Патане в экспедиции приняло участие восемьдесят; разместились они на двух фустах и одном судне с прямым вооружением, хорошо оснащенном всем тем, что могло потребоваться для такого рода предприятия, и с великой поспешностью уже через три дня вышли в поход, так как опасались, как бы, узнав об их намерении, патанские мусульмане не дали знать тем мусульманам, навстречу которым мы отправлялись. Командовал этими тремя судами некий Жоан Фернандес де Абреу, уроженец острова Мадеры, сын мажордома короля дон Жуана; он был на судне с прямым вооружением и имел на нем сорок солдат: капитанами фуст были Лоренсо де Гоис, и его двоюродный брат Васко Сарменто, оба уроженцы города Брагансы, — все люди отважные и в морской службе весьма сведущие.

На третий день все наши суда зашли в реку Калантан и, видя, что там стоят на якоре три джонки, о которых им было сообщено, напали на них с большой отвагой. И хотя те, кто был на джонках, доблестно защищались, это ни к чему не привело. Не прошло и часу, как все они были взяты в плен и семьдесят четыре человека из них уложены, между тем как из наших

убито было только трое; правда, у нас было много раненых. Я не собираюсь вдаваться в подробности, так как мне это кажется излишним, и упомяну лишь о том, что мне в данном случае представляется наиболее существенным.

Когда все три джонки сдались и были захвачены, наши вышли из реки под парусом и забрали джонки с собой, так как в это время все местное население уже всполошилось. Проследовав оттуда с попутным ветром, мы прибыли в Патане на другой день к вечеру и, став на якорь, отсалютовали гавани с великим ликованием и грохотом артиллерии, что вывело из терпения местных мусульман. Хотя последние были с нами в мирных отношениях и выдавали себя за наших друзей, тем не менее они старались сделать все возможное, чтобы нам навредить. Подкупая сановников и любимцев короля, они старались внушить ему, что нас надо наказать за эту экспедицию и выгнать вон из страны; король, однако, не пожелал этого сделать, сказав, что ни под каким видом не нарушит мира, заключенного его предками с Малаккой. Все же он пожелал выступить посредником между нами и теми, кого мы забрали в плен, и попросил, чтобы после того как три капитана-судовладельца возместят ущерб, нанесенный в Пане коменданту Малакки, им были возвращены их суда, на что Жоан Фернандес де Абреу и прочие португальцы согласились, видя, что король этого очень желает. Этим последний остался очень доволен и отблагодарил их за добрую волю длинной речью.

Таким образом были возмещены пятьдесят тысяч крузадо, которые потеряли Перо де Фариа и Томе Лобо, а португальцы остались в Патане в почете и уважении, внушая великий страх мусульманам. А что касается трех джонок, которые тогда были захвачены, то те, кто был на них, утверждали, что одного лишь серебра там было на двести тысяч таэлей {130}, что в переводе на наши деньги составляет триста тысяч крузадо, а сколько там было нагружено других товаров, я уже и не говорю.

Глава XXXVI

О печальном случае, происшедшем с нами в гавани Лугор
[{131}](#)

Когда, пробыв двадцать шесть дней в Патане и распродав небольшое количество китайского товара, я собирался ехать назад, из Малакки прибыла фуста под командованием некого Антонио де Фариа де Соуза. Последний явился сюда по приказанию Перо де Фарии, чтобы заключить некоторые сделки с королем, получить от него подтверждение мирного договора, который у него был с Малаккой, отблагодарить его за доброе отношение к посещающим его страну португальцам, а также выполнить кое-какие поручения, выдержанные в том же духе доброй дружбы, особенно важной в ту пору для успешного ведения нашей торговли, ибо, по правде, это и являлось в данном случае главным. Цели эти преследовались, Впрочем, не явно: посещению Антонио де Фарии была придана видимость посольства — он вез послание королю и подарок из драгоценных камней, исходивший якобы от его величества короля Португалии и взятый комендантом из казны, как водится в тех местах.

Самым же главным для Антонио де Фарии было продать на десять или двенадцать тысяч крузадо индийских тканей, которые ему дали в Малакке, но сбыть их оказалось невозможно, так как на них не нашлось ни одного покупателя. Отчаявшись пристроить их в Патане, он решил перезимовать в этом порту, пока не найдет выхода из положения. Тут кое-кто из старожилов посоветовал ему отвезти свой товар примерно на сотню легуа севернее, в Лугор, город на побережье Сиамского королевства, большой и богатый порт, куда заходят на джонках множество купцов с острова Ява, а также из портов Лаве, Танжампура, Жапары, Демы, Панаруки, Сидайо, Пасарвана [{132}](#), Солора и Борнео, охотно обменивающих на такой товар золото и драгоценные камни.

Антонио де Фариа решил последовать этому совету. Он заказал в Патане судно для перевозки своего товара, ибо фуста, на которой он прибыл, не годилась для этого, и выбрал себе в факторы некого Крестована Борральо, человека в торговых делах весьма сведущего; вместе с ним отправилось еще шестнадцать солдат и купцов со своим добром, полагавших продать и то, что они туда везут, и то, что они оттуда вывезут, вшестеро, а то и всемеро дороже покупной цены; в числе этих шестнадцати

оказался и я, горемычный.

Отплыв из Патане в субботу утром и идя с попутным ветром все время вдоль берега, мы утром в четверг на следующей неделе прибыли в гавань Лугор. Там мы стали на якорь в устье реки и целый день потратили на то, чтобы самым подробным образом разузнать, как обстоит дело с торговлей и с личной безопасностью купцов. Известия, которые мы получили, оказались весьма отрадными, и мы решили, что сможем выручить за наши товары шестерную прибыль; кроме этого, мы узнали, что безопасность всех купцов обеспечена, ибо им согласно королевскому указу дано право беспошлинно торговать весь сентябрь месяц, так как месяц этот является месяцем, когда на поклон к королю Сиам являются вассальные короли.

Должен вам сообщить для ясности, что все это побережье Малайи и внутренние земли находятся под властью великого короля, который в знак того, что он властвует над всеми другими королями, зовется прешау салеу {133}, император всего Сорнау, то есть разделенной на тринадцать королевств области, которую мы в просторечии называем Сиамом. Королю этому подвластны и ежегодно платят дань четырнадцать меньших королей. Последние, согласно древнему обычаю, должны были лично являться в город Одиа, столицу этой империи Сорнау и королевства Сиам, привозить свою дань и совершать ритуал поклонения, заключающийся в том, что они целовали короткий и широкий меч, который висел у императора на поясе. Но так как город этот находится в пятидесяти легуа в глубь страны, этим четырнадцати королям приходилось нередко оставаться в столице всю зиму, что связано было для них с большими расходами, поэтому они составили королю Сиаму или прешау соответственное прошение, и последний почел за благо заменить эти вассальные обязанности другими менее обременительными. Он повелел, чтобы отныне в Лугоре находился вице-король, называемый на их языке пойо, которому эти четырнадцать королей и должны были лично свидетельствовать свою преданность, но всего лишь раз в три года, а дань выплачивать не раз в год, а сразу за три года, и что в тот месяц, когда они приезжают поклониться ему, они могут беспошлинно торговать, равно как и все прочие купцы, зашедшие в гавань, как местные жители, так и иностранцы. А поскольку время, когда мы пришли в Лугор, оказалось месяцем беспошлинной торговли, купцов со всех стран прибыло столько, что, как говорили, в гавани собралось более полутора тысяч судов с бесконечным количеством самых богатых товаров. Все это мы узнали, когда стали на якорь в устье реки, и известия эти нас исполнили радости и ликования; мы решили, что войдем в гавань, как только подыметесь бриз.

Но несчастной судьбе нашей угодно было, чтобы за прегрешения наши мы так и не воспользовались этими столь вожделенными благами, ибо: когда было уже около десяти часов и наступило время обедать, а якорный канат у нас уже стоял панер, так как сразу после обеда мы должны были сняться, на реке появилась очень большая джонка под одним фоком и бизанью. Поравнявшись с нами, она стала на якорь неподалеку от нас, перехватив у нас ветер. Пока она так стояла, оттуда успели разглядеть, что мы португальцы, что нас немного, а судно наше очень маленькое, — после чего они потравили свой якорный канат и направились в нашу сторону, а когда поравнялись правым бортом с нашим носом, бросили к нам на судно два абордажных крюка, прикрепленных к двум длинным железным цепям, и притянули к себе. И так как их судно было весьма тяжелое, а наше очень легкое, мы оказались под его носовыми клюзами.

В это мгновение из-под навеса, под которым они до поры до времени скрывались, выскочили от семидесяти до восьмидесяти мусульман, среди которых было несколько турок. Они издали оглушительный крик и начали засыпать нас таким количеством камней, копий и прочего метательного оружия, что можно было принять их за ливень небесный. Не успели мы оглянуться, как из шестнадцати португальцев четырнадцать вместе с тридцатью шестью гребцами и матросами было убито наповал. Мы четверо, оставшиеся в живых, бросились в море, где один из нас тут же утонул, а мы трое, все, покрытые ссадинами, доплыли до берега и, выбравшись из ила, в котором увязали по пояс, скрылись в зарослях кустарника.

Мусульмане с джонки, спустившись на наше судно, прикончили шесть или семь мосо ^{134}, лежавших на верхней палубе, не пощадив ни одного из них. Перебросив в джонку с величайшей поспешностью все товары, которые они обнаружили на нашем судне, пробили ему борт и отправили на дно. После чего, выбрав якорь и цепи с абордажными крюками, поспешили уйти под парусами, так как опасались быть опознанными.

Глава XXXVII

О том, что произошло с нами тремя, после того как мы выбрались на берег

Мы трое, пережившие это несчастье, увидев, как мы изранены и беспомощны, принялись горько плакать и бить себя по лицу, словно потерявшие рассудок и приведенные в совершенное отчаяние от всего того, чему нам пришлось стать свидетелями каких-нибудь полчаса назад; и таким вот образом мы провели остаток этого злополучного дня.

Убедившись, что почва на берегу тонкая и здесь много всяких ящеров и змей, мы решили, что самое мудрое переждать на месте эту ночь, каковую мы провели, погрузившись по шею в ил. На другой день, когда рассвело, мы пробрались вдоль реки до небольшой бухты, которую не решились переплыть, так как она была очень глубокой и в ней было большое количество ящеров; так мы провели в превеликих мучениях еще одну ночь, за которой последовало еще пять дней, причем мы не могли двинуться ни вперед, ни назад, так как были со всех сторон окружены болотами, заросшими высоким тростником. В это время погиб один из наших товарищей по имени Бастиан Анрикес, человек весьма почтенный и богатый, потерявший на ланчаре восемь тысяч крузадо. Уцелевшим, то есть Кристовану Борральо и мне, осталось только оплакивать на берегу реки дурно похороненного покойника; к этому времени мы уже так ослабели, что едва могли вымолвить слово, и решили, что и сами мы здесь кончимся через несколько часов.

На следующий день, седьмой после нашего несчастья, почти уже на закате мы увидели, что вверх по реке подымается на веслах баркас, груженный солью. Когда он поравнялся с нами, мы бросились на колени и стали умолять гребцов взять нас с собой. Они на мгновение остановились и с удивлением смотрели, как мы стоим на коленях и воздеваем руки к небу, словно произнося молитву; ничего нам не ответив, они снова было взялись за весла, но мы стали громко кричать и, обливаясь слезами, умолять, чтобы они не бросали нас здесь на погибель.

Услышав наши крики, из-под навеса вышла уже пожилая женщина, внешним видом и серьезностью своей внушившая нам большое к себе уважение; как выяснилось впоследствии, мы не обманулись. Увидев плачевное наше положение и сострадая нашим невзгодам и ранам, которые

мы ей показывали, она приказала баркасу пристать к берегу, взяла в руки палку и несколько раз ударила ею гребцов, которые не хотели ее слушать. Наконец баркас подошел, шесть матросов выскочили на берег и, взвалив нас себе на спины, доставили на ладью.

Эта почтенная женщина, видя, что мы изранены и на нас измазанные грязью и кровью рубашки и штаны, велела нас первым делом вымыть. На нас вылили множество ведер воды, после чего она приказала выдать нам по куску ткани, чтобы было чем прикрыть наготу, а потом, усадив рядом с собой, велела принести нам поесть и собственноручно поставила перед нами пищу, сказав при этом:

— Ешьте, несчастные чужестранцы, и не падайте духом из-за того, что оказались в столь плачевном положении. Перед собой вы видите женщину, и не такую уж старую, раз мне не больше пятидесяти лет; без малого шесть лет тому назад мне довелось попасть в плен, причем у меня было отобрано более чем на сто тысяч крузадо имущества и на глазах погибло трое детей и муж, которого я любила больше глаз своих, и два брата, и зять, — всех их хоботами разорвали на части слоны короля Сиамского. Но беды моей тяжкой и горестной жизни этими ужасами еще не исчерпываются: мне пришлось видеть, как трех моих юных дочерей и мать мою, и отца, и еще тридцать двух родственников моих — племянников и двоюродных братьев — бросили в раскаленные печи, где они раздирали небо своими криками, умоляя бога помочь им в столь нестерпимой муке. Но грехи мои были столь велики, что замкнули уши бесконечному милосердию владыки всех владык, и не услышал он мольбы, которая мне казалась справедливой. Но воистину, то, что он повелевает, является лучшим.

Мы ей ответили, что за грехи наши господь бог допустил, чтобы и мы попали в такую беду, на что она, не сдерживая слез, которые, мы вслед за ней щедро проливали, произнесла:

— Всегда хорошо в невзгодах полагать, что удары, нанесенные десницей всевышнего, справедливы, ибо в истине этой, исповедуемой сердцем и провозглашенной устами, и в светлой твердости духа и заключена зачастую награда за перенесенные нами муки.

Она еще кое-что рассказала о себе, а потом спросила, что послужило причиной наших бедствий и каким образом дошли мы до теперешнего жалкого состояния. Мы ей рассказали все, как было, добавив, что понятия не имеем, кто были наши противники и почему они с нами так обошлись. На это ее спутники сказали, что большая джонка принадлежит гузаратскому мусульманину по имени Кожа Асен, вышедшему в это утро в море и направлявшемуся к острову Айнану ^{135} с грузом сандалового

дерева.

Почтенная женщина, бия себя в грудь в знак великого волнения, воскликнула:

— Пусть меня убьют, если это неправда, ибо мусульманин, о котором вы говорите, публично похвалялся всякому, кто готов был его слушать, что ему не раз удавалось отправить на тот свет людей из Малакки и он питает к ним такую ненависть, что дал обет своему Магомету перебить их еще столько же.

В ужасе от столь неожиданного сообщения, мы стали умолять ее рассказать нам, что за человек этот Кожя Асен и почему он так нас ненавидит. На это она ответила, что о причинах его ненависти к нам она знает только с его собственных слов, а именно, что один из наших великих воителей по имени Эйтор да Силвейра убил его отца и двух братьев на корабле, который захватил в Меккском проливе, он шел из Жуды и Дабул.

За все время нашего пути она рассказала о великой ненависти к нам этого мусульманина и о том, как он нас поносил.

Глава XXXVIII

Кем оказалась наша спутница, как она доставила нас в Патане и что предпринял Антонио де Фариа, узнав о гибели нашего судна и его товаров

Покинув место, где она нас обнаружила, эта почтенная женщина продолжала свой путь на веслах и на парусах вверх по течению еще легуа на две, пока не достигла небольшой деревни, где переночевала. На другое утро, когда рассвело, она проследовала в город Лугор, куда прибыла примерно и полдень. Сойдя на берег, она направилась и свой дом, куда отвела и нас, и у нее мы прожили двадцать три дня, причем все это время за нами заботливо ухаживали и в изобилии снабжали всем потребным.

Женщина эта была вдова и принадлежала к знатному роду. Как мы впоследствии узнали, она была супруга превединского шабандара, которого король Куанжуана умертвил на острове Ява в городе Банша [{136}](#) в 1538 году, а нас она нашла, как я уже об этом рассказал, в то время, когда следовала на баркасе, приняв соль с джонки, которую из-за слишком большой осадки не могла разгрузить. Оставив джонку у бара, она понемногу перевозила свой товар на берег, пользуясь баркасом.

Когда прошли эти упомянутые мной двадцать три дня, за которые угодно было господу нашему полностью восстановить наши силы, так что мы оказались в состоянии продолжать путь, она перепоручила нас своему родственнику, некоему купцу, направлявшемуся в Патане, который отстоит от Лугора на восемьдесят пять легуа; купец поместил нас с собой в гребной калалуз, на котором сам шел. И, проплыв большой пресноводной рекой под названием Сумеитан семь суток, мы на восьмые прибыли в Патане [{137}](#).

Антонио де Фариа с великим нетерпением ожидал нашего прибытия или хотя бы известий о своих товарах, и когда увидел нас и узнал, что с нами произошло, был так потрясен, что в течение получаса ничего не мог выговорить. К этому времени вокруг нас собралось столько португальцев, что дом уже не мог их вместить; все они вложили какую-то толику своих денег в эту злополучную ланчару, везшую имущества не менее как на шестьдесят тысяч крузадо, по большей части в серебряных монетах, на которые должно было быть накуплено золото.

Антонио де Фариа оказался в чрезвычайно тяжелом положении: не

говоря уже о том, что он не получил никакой прибыли, он еще лишился товара на двенадцать тысяч крузадо, который ему одолжили малаккские купцы, и когда кто-то попробовал утешить его, он ответил, что не решится теперь вернуться в Малакку, ибо боится, что кредиторы заставят его платить по долговым распискам, а это для него в настоящее время совершенно невозможно, почему он считает, что несравненно разумнее начать розыски грабителей, нежели объявить себя несостоятельным должником.

И тут перед всеми он произнес торжественную клятву на святых Евангелиях с обещанием всевышнему немедленно отправиться на поиски того, кто отобрал у него имущество, и заставить его с лихвой возместить все убытки по-хорошему или по-худому; впрочем, по-хорошему это никак не могло бы быть, поскольку на совести злодея было шестнадцать португальцев и тридцать шесть крещеных мосо и матросов, и несправедливо было бы, если бы это дело прошло преступнику легко и он остался бы ненаказанным, ибо с португальцами перестали бы считаться и таких случаев было бы не один и не два, а сотни.

Все присутствующие весьма одобрили такое его намерение, и помочь ему вызвалось много молодых людей, хорошо обученных в военном деле, кроме этого, многие готовы были ссудить ему денег на оружие; и на необходимые припасы. Он принял эти предложения своих друзей и стал готовиться к отплытию. В течение восемнадцати дней он набрал пятьдесят восемь солдат.

В этом походе пришлось принять участие и мне, злополучному, так как у меня не было ни гроша за душой и никто мне ничего не хотел ни давать, ни ссужать, а в Малакке у меня осталось долгов на пятьсот крузадо, которые мне в свое время ссудили друзья. Все эти деньги и еще пятьсот крузадо сбережений забрали у меня, как и у других, о которых я говорил, за грехи мои, причем из всего моего достояния мне удалось спасти только собственную шкуру, да и ту попорченную тремя ранами, нанесенными копьем, и еще одной от камня, пробившего мне череп, из-за чего я чуть не отдал богу душу, и еще в Патане, чтобы рана на голове окончательно зарубцевалась, из нее пришлось извлечь обломок кости. Товарищ мой Кростован Борральо пострадал еще больше от множества ран, полученных им за те две тысячи с половиной крузадо, которые так же, как и у других, у него похитил Кожа Асен.

Глава XXXIX

Как Антонио де Фариа отправился на остров Айнан в поисках мусульманина Кожии Асена и о событиях, случившихся прежде, чем он настиг этого разбойника

Лишь только судно было готово к отплытию, Антонио де Фариа вышел в море и, покинув Патане в субботу девятого мая 1540 года, взял курс на норд-норд-ост, к королевству Шампа [{138}](#), с намерением обследовать все порты и бухты на его побережье и там разжиться кое-какими недостающими припасами. Объяснялось это тем, что выход его из Патане был несколько поспешным, и он не смог снабдить себя всем необходимым, причем больше всего недоставало ему провианта, боевых припасов и пороха.

Наше плавание продолжалось уже семь дней, когда мы завидели остров под названием Пуло-Кондор на восьмом с третьей градусе северной широты и расположенный почти к норд-весту и зюйд-осту по отношению к устью реки Камбоджи [{139}](#). Осмотрев его со всех сторон, мы обнаружили в восточной части хорошую стоянку под названием Бралапизан в шести с половиной легуа от материка; там стояла лекийская джонка, плывшая в Сиам с послом линдауского наутакина, князя острова Тоза, расположенного на тридцать шестом градусе северной широты. Джонка, завидев нас, немедленно подняла паруса и снялась с якоря. Антонио де Фариа приказал передать ей через китайского штурмана, которого он держал у себя на борту, всяческие добрые чувства; с джонки ответили, что они со временем надеются приобщиться к нам в исповедовании истинной религии безгранично милостивого бога, который смертью своею даровал жизнь всем людям, уготовав им навеки убежище в селении праведных, ибо так, они уверены, совершится, когда будет пройдена половина времен бытия. И вместе с этим ответом они послали ему короткий меч с богатой золотом рукоятью и ножнами, а кроме того, двадцать шесть жемчужин, заключенных в золотую коробочку, наподобие небольшой солонки. Антонио де Фариа был очень огорчен тем, что не может отплатить им приличествующим подарком, ибо, когда китаец вернулся с ответом, они уже опередили нас больше, чем на одну легуа.

Мы высадились на этом острове и оставались на нем три дня, пополняя запасы воды и ловя бесконечное количество саргов и сциен,

которые там были в изобилии, после чего мы подошли ближе к материку и стали разыскивать некую реку под названием Пуло-Камбин ^{140}, отделяющую княжество Камбоджи от королевства Шампа и расположенную на девятом градусе северной широты. Прибыли мы туда в последнее воскресенье месяца мая; лоцман стал на якорь в трех легуа выше устья против большого селения под названием Катимпару; там мы провели двенадцать дней в мире и согласии с местными жителями, за какое время полностью запаслись всем необходимым.

Так как Антонио де Фариа по природе своей был очень любознателен, он постарался получить у местных жителей сведения о том, какие народы обитают в глубине страны и откуда берет свое начало эта обширная река. Они сказали ему, что река вытекает из озера под названием Пинатор в королевстве Китирван ^{141}. Озеро это лежит к востоку от моря, и расстояние до него двести шестьдесят легуа; оно окружено высокими горами, у подножия которых вдоль озера расположено тридцать восемь селений, из них тринадцать больших, а все прочие незначительные, причем у одного из больших селений, называемого Шинкалеу, залегает золотая жила такой мощности, что, по словам местных жителей, из нее извлекают ежедневно по полторы бары золота, что в наших деньгах составило бы в год двадцать два миллиона золотом. Владеют этой жилой четверо принцев, столь алчных, что они непрерывно воюют друг с другом, ибо каждый из них мечтает завладеть копиями целиком. Один из них, по имени Ражаитау, держал во дворе своего дома в глиняных сосудах, зарытых в землю до горлышка, шестьсот бар золотого песка, подобного тому, который добывают в Менанкабо на острове Суматра, и что, если бы триста человек португальцев напало на него с сотней ружей, нет сомнения, что они овладели бы его сокровищем. А в другом из этих селений, по названию Буакирин, имеются алмазные россыпи, где из древней породы извлекают множество алмазов, гораздо более ценных, чем алмазы Лаве или Танжампура на острове Ява.

Антонио де Фариа задавал им еще много других вопросов о разных частностях и узнал, что край, лежащий вверх по течению этой реки, богат и плодороден. Все это возбудило в нем желание завладеть этими землями, что, по-видимому, было не так уж трудно и дорого.

Глава XL

Как мы отправились отсюда на остров Айнан, где, по полученным сведениям, находился пират Кожа Асен, и о том, что произошло с нами в пути

После того как мы вышли из этой реки Пуло-Камбин, мы следовали вдоль берега королевства Шампа до бухты по названию Салейжакау в семнадцати легуа к северу, в каковую бухту мы и вошли. И, не увидев там ничего, чем бы можно было поживиться, мы на закате вышли из нее и пошли дальше, ограничившись тем, что пересчитали находящиеся на берегу поселения, которых всего было шесть — пять небольших, а одно не менее тысячи домов, окруженное большой рощей; множество пресных ручьев стекало к нему с гор, окаймлявших его сзади с южной стороны наподобие стены. Но заходить туда мы не захотели, чтобы не поднимать тревоги среди населения.

На следующий день утром мы добрались до реки по названию Тобазой, где Антонио де Фариа стал на якорь по сю сторону бара, так как штурман не решался войти в устье, говоря, что никогда в этих местах не бывал и не знает, какая там глубина. Пока мы рассуждали о том, входить ли нам в реку или нет, мы вдруг увидели большое судно, шедшее с моря по направлению к гавани; событие это всех нас привело в волнение. Сделав все приготовления, необходимые для благой нашей цели, мы стали дожидаться его на месте стоянки.

Когда судно поравнялось с нами, мы салютовали ему на китайский лад, как здесь такое приветствие называют, нашим торговым флагом, что является признаком и выражением дружбы, принятым у этих людей при подобных обстоятельствах. Экипаж судна, догадавшись, по-видимому, что мы португальцы, к которым они приятели не питали, вместо того чтобы ответить нам подобным же образом, как следовало бы им сделать, показали нам с кормовой надстройки не более и не менее, как — простите за выражение — голую задницу какого-то кафра, а кроме того, заиграли в трубы, забили в барабаны и в колокола и издали громкий крик и свист, как бы в знак презрения и насмешки (что в действительности и было), чем жестоко оскорбили Антонио де Фарию. Он приказал в них выстрелить из полевой пушки, чтобы посмотреть, не одумаются ли они, но в ответ получил пять ядер, три из фальконета и два из мортиры, чем как он, так и

все прочие были приведены в большое замешательство. Созвали совет, чтобы решить, что делать дальше, и пришли к заключению, что самое лучшее пока что оставаться на той же стоянке, ибо неблагоприятно было бы что-либо предпринимать до утра, пока мы не узнаем, что это за люди и какой силой они располагают, и лишь тогда, сообразно с тем, что мы увидим, можно будет принять то или иное решение. Такое мнение показалось разумным как Антонио де Фарии, так и другим. Выставив надлежащим образом секреты дозорных, мы стали ожидать утра.

В два часа пополудни на горизонте было замечено три черных предмета на уровне воды; немедленно позвали капитана, который в это время лежал под открытым небом на клетке для куриц, и показали ему, что мы заметили. Как только он увидел эти предметы, он немедленно принял решение и крикнул три или четыре раза: «К оружию! К оружию!» Все повиновались очень быстро. Вскоре мы могли убедиться в справедливости наших догадок; это были три гребных судна, направлявшихся в нашу сторону.

Все сразу схватились за оружие, капитан расставил команду по самым важным местам, и так как нам показалось, потому что гребцы старались грести возможно тише, что это вероятнее всего наши вчерашние недруги, ибо опасаться кого-либо другого на берегу у нас не было оснований, он обратился к солдатам со следующей речью:

— Сеньоры и братья мои, этот разбойник собирается напасть на нас, так как воображает, что нас не более шести или семи человек, ибо таков обычный экипаж таких лорч, как наша. И дабы по воле божьей мы могли спасти себя и совершить славный подвиг, пусть все присядут на корточки, чтобы издали не было возможности нас разглядеть, а тем временем мы увидим, что они затевают. Пусть горшки с порохом будут наготове, ибо мне кажется, что с их помощью и ударами тесаков мы это выясним. И пусть каждый лучше спрячет свой запальный шнур, чтобы они не заметили огня и решили, что все мы спим.

Все было выполнено, как он приказал, весьма осторожно и в полном порядке.

Когда три судна приблизились к нам на расстояние арбалетного выстрела или немного ближе, они обошли нашу лорчу с носа и с кормы и, как следует разглядев ее со всех сторон, снова сошлись вместе как бы для совещания, на что у них ушло около четверти часа, после чего они разбились на две партии: две шлюпки поменьше направились к нашей корме, а сампан, который был побольше и на котором размещались почти все люди, с правого борта. Тут неприятель с большим проворством стал

карабкаться на наше судно каждый со своей стороны, и не успели мы оглянуться, как в нашей лорче их оказалось уже человек сорок.

В это мгновение Антонио де Фариа примерно с сорока солдатами выскочил из-под навеса, где он скрывался, и с криком: «Сант Яго!» ^{142} — бросился на них так стремительно, что за весьма короткое время перебил почти всех. Пособили делу и горшки с порохом: ими забросали тех, кто не покидал шлюпок, и всех выбросили за борт. Во время всего этого переполоха некоторые из наших солдат поскакали в шлюпки и забрали их, ибо было угодно господу нашему, чтобы они, на наше благо, достались нам.

Из врагов, бросившихся в воду, мы захватили пять еще живых, среди них был тот самый кафр, который показал нам задницу, а остальные — турок, два ашенца и капитан джонки по имени Симилау, великий пират и наш ненавистник. Всех их Антонио де Фариа немедленно приказал подвергнуть пытке, чтобы выведать у них, что это за люди, откуда родом и что им от нас нужно. Ашенцы и турок дали совершенно несуразные ответы, а когда захотели вздернуть на дыбу и кафра, который к этому времени был уже связан, он, заливаясь слезами и громко ревя, умолял, чтобы его не мучили, уверяя, что он христианин, как любой из нас, и что без всяких пыток расскажет всю правду.

Тогда Антонио де Фариа приказал его развязать, велел ему подойти поближе, и приказал дать ему кусок сухаря и глоток вина. Потом, ласково обратившись к нему, попросил его открыть всю правду, если он такой же христианин, как и мы. На что тот ответил:

— Если я не скажу правду вашей милости, да не буду я тем, кто я есть. Имя мое, сеньор, Бастиан, и был я пленником у Гаспара де Мело, коего этот пес, который здесь лежит связанный, убил два года тому назад в Лиампо с другими двадцатью девятью португальцами, которые были у Мело на корабле.

— Довольно! Хватит! Больше ничего я знать не желаю! Так это и есть собака Симилау, который убил твоего хозяина?

— Да, — ответил кафр, — и это же он хотел сделать и с вами, потому что ему показалось, что вас не больше шести или семи человек. И поэтому он поторопился сесть в шлюпки с намерением, как он сказал, захватить вас живьем, а потом выбить у всех у вас мозги железным прутком, как это он сделал с моим господином. Но дозволил господь, чтобы он поплатился за все, что совершил.

Антонио де Фариа, выслушав то, что сказал ему этот кафр-христианин, уверявший и повторявший свои уверения много раз, что всех

воинов эта собака забрала с собой и что на судне осталось не больше сорока китайских матросов, решил воспользоваться этим благоприятным обстоятельством. И, приказав умертвить Симилау и других его товарищей, выбив им мозги железным прутком, как Симилау сделал в Лиампо с Гаспаром де Мело и с остальными португальцами, он немедленно сел с тридцатью солдатами на шлюпку и две маншуа, на которых прибыли враги, и благодаря приливу и попутному ветру менее чем через час добрался до джонки, которая стояла на якоре в самой реке в одной легуа от нас. Бесшумно напав на нее, наши овладели кормовой надстройкой, откуда, пустив на палубу, где лежал этот сброд, всего четыре горшка с порохом, бросили их всех в море, где погибли десять или двенадцать человек, остальных же, кричавших из воды, что они тонут, Антонио де Фариа приказал спасти, так как без них было невозможно вести джонку, которая была очень больших размеров и с высоким бортом.

Таким вот образом — а все, что я рассказываю, истинная правда, — угодно было господу по праведному решению его божественного правосудия определить, чтобы гордыня этой собаки привела его к наказанию за злодеяния и чтобы от рук португальцев он обрел возмездие за то, что содеял.

Когда все было кончено, утро уже почти наступило. Был произведен учет всего захваченного имущества, причем были обнаружены тридцать шесть тысяч японских серебряных таэлей, что на наши деньги, если считать шесть тостанов на один таэль, составляет пятьдесят четыре тысячи крузадо. Кроме этого, на джонке оказалось еще много различных хороших товаров, которых мы не стали оценивать, так как время не позволяло задерживаться здесь дольше. Уже все окрестные жители пришли в волнение и переговаривались при помощи зажженных костров. Поэтому Антонио де Фарии пришлось немедленно сняться с якоря, поднять паруса и удалиться с возможной поспешностью.

Глава XLІ

Как Антонио де Фариа прибыл к реке Тинакореу, которую наши называют Варелла ^{143}, и о сведениях, которые дали ему об этих краях некоторые купцы

Из реки Тобазой Антонио де Фариа вышел в среду утром, накануне дня тела господня в 1540 году. Шел он вдоль побережья королевства Шампа, чтобы не быть сбитым с курса остовыми ветрами, которые в этих широтах обычно дуют с большей силой, особенно когда совпадают с новолуниями и полнолуниями. И вот в следующую пятницу, когда он дошел до реки, которую туземцы называют Тинакореу, а португальцы Варелла, он по совету некоторых почел за благо зайти в эту реку, чтобы там разузнать кое-что об иных вещах, в коих хотел быть осведомлен, а также для того, чтобы порасспросить, не слышали ли там о Коже Асене, которого он разыскивал, ибо все джонки из Сиама и со всего малайского побережья, направлявшиеся в Китай, имели обыкновение заходить в эту реку и при случае выгодно обменивали свои товары на золото, душистое дерево и слоновую кость, коих во всем этом государстве имеется великое изобилие.

После того как мы стали на якорь по ту сторону бара против небольшого селения под названием Танкилеу, к нам вскоре подошло много рыбацких парао с провизией; но, обнаружив, что мы люди необыкновенные, подобных которым здесь никогда не видели, они пришли в великое смятение, говоря друг другу:

— Невиданной новостью поразил нас господь! Дай боже, чтобы по его милосердию эти бородатые не оказались из того народа, который ради своей выгоды и корысти сначала все разнюхивает под видом купцов, а потом грабит, как разбойник. Спрячемтесь-ка поскорее в лес, прежде чем искры от этих головней с белыми от золы лицами не подожгут жилищ, в которых мы живем, и не спалят посевов, над которыми мы трудились, как они всегда поступают в чужих краях.

На что другие отвечали:

— Упаси боже. Раз они уже перешли наш порог, пусть не подумают, что мы опасаемся их, как врагов, ибо, если мы не подадим вида, что боимся их, они скорее откроются нам. Спросим их с веселыми лицами и любезными словами, что привело их сюда, а узнав истину, мы сможем

написать об этом Ойя Пакиру в Конграу, где он сейчас находится.

Антонио де Фариа, сделав вид, что он их не понимает, хотя на судне его было множество толмачей, принял их радушно и, купив у них провиант, расплатился по цене, которую они потребовали, чем они были весьма довольны.

На их вопрос, откуда он сам и с какой целью отправился в плавание, он сообщил, что прибыл из Сиама, где проживает в квартале Танаусарин, а совершает плавание с торговой целью, поскольку сам он купец, и идет на остров лекийцев, чтобы купить там товар, а зашел в эту гавань лишь с целью узнать, не побывал ли здесь один его приятель, купец Кожа Асен, также направлявшийся в эти края. Уйти он намеревается без промедления, чтобы не пропустить муссона, тем более что, как ему сказали, продать свои товары он здесь не сможет.

На это ему ответили:

— Правильно ты говоришь, ибо в этой деревне нет ничего, кроме сетей и рыбачьих парао, коими мы поддерживаем свое существование. Но если бы ты поднялся вверх по этой реке до города Пилаукасена, где находится король, то, уверяем тебя, за пять дней ты бы продал десять таких джонок, загруженных всеми товарами, какие ты мог бы привезти, сколь бы дороги они ни были, ибо там много крупных негоциантов, которые отправляют караваны слонов, быков и верблюдов во все концы Лаоса, Пафуаса и Геоса ^[144], кои являются очень богатыми странами.

Когда Антонио де Фариа убедился, что почва для расспросов подготовлена, он стал осведомляться в величайших подробностях обо всем, что ему желательно было узнать, на что иные, пользовавшиеся, по-видимому, большим весом, отвечали весьма толково:

— Река, на которой вы сейчас стоите на якоре, называется Тинакореу; в древние времена называли ее Тараудашит, что в переводе означает «сытное тесто», название, которое ей было дано вполне правильно, как и теперь утверждают старики. Река эта, сохраняя ту же ширину и глубину, какую ты видишь, доходит до Монкалора, горного хребта, расположенного в восьмидесяти легуа отсюда; дальше река значительно шире, но мельче. У берегов ее в некоторых местах имеются низкие топкие луга, на которых живет бесчисленное множество птиц, буквально покрывающих всю землю. Птиц этих так много, что из-за них сорок два года тому назад покинули свои жилища все жители королевства Шинталеоса, из конца в конец которого было восемь дней пути. Пройдя эту страну птиц, попадаешь и страну гораздо более суровую, с высокими горами, где водится много животных еще более вредных, чем птицы, как-то: слоны, носороги, львы,

кабаны, буйволы и крупный рогатый скот в таких количествах, что все возделанное людьми для своего пропитания они поедают, ничего не оставляя на корню, и защититься от них не представляется никакой возможности. И посреди этой земли, или королевства, каким она была с древних времен, имеется озеро, которое туземцы называют Кунебете, другие же называют его Шиаммай; из него-то и вытекает эта река вместе с другими, орошающими значительную часть нашей земли. Озеро это, как утверждают те, кто писал о нем, имеет в окружности шестьдесят жао ^{145}, причем каждое жао составляет три легуа; по берегам его расположено множество серебряных, медных, оловянных и свинцовых рудников, из которых непрерывно извлекают великое количество этих металлов, которые купцы развозят караванами слонов и носорогов по королевствам Сорнау, иначе говоря, в Сиам, Пасилоко, Савади, Тангу, Пром, Каламиньян ^{146} и прочие провинции, расположенные в глубине страны, пересечь которую нельзя меньше чем за два или три месяца. В княжествах этих и королевствах, как они нам сказали, живут люди светлокожие, смуглые и совсем темные. И за все товары они щедро платят золотом, алмазами и рубинами.

На вопрос, вооружены ли эти люди, ему было сказано, что никакого оружия у них нет, кроме отравленных палок и крисов с клинками в две пяди длиной. Они также сказали, что подняться по этой реке можно за два — два с половиной месяца из-за стремительного течения, весьма бурного большую часть года, но что обратный путь можно совершить за восемь — десять дней. После этих вопросов Антонио де Фариа задал еще множество других относительно этой земли, на которые они тоже дали ответы, способные внушить людям смелым желание заняться этими землями, ибо они, возможно, оказались бы много прибыльнее и стоили бы меньше крови и денег, чем вся Индия, в которую вложены по настоящую пору такие несметные средства.

Глава XLII

О путешествии, которое совершил Антонио де Фариа в поисках острова Айнана, и о том, что с ними в это время произошло

В следующую среду мы вышли из реки Вареллы, иначе называемой Тинакореу, и лоцман решил повести нас на Пуло-Шампейло ^{147}, пустынный остров, расположенный в Каушеншинском заливе ^{148} на четырнадцатом с третьей градусе северной широты. Прибыв туда, мы отдали якорь на надежном грунте; после чего, потратив три дня на приведение в порядок нашей артиллерии, мы взяли курс на остров Айнан, ибо Антонио де Фарии казалось, что именно там он найдет разыскиваемого им Кожу Асена.

Наконец мы увидели холм Пуло-Капас, расположенный на оконечности острова и первый видимый с моря; Антонио де Фариа приказал подойти вплотную к берегу и в этот день ограничился тем, что выяснил, какие с этой стороны впадают в море реки, какие имеются на побережье гавани и какой к ним доступ. Как только наступила ночь, он, по совету солдат, велел всем, находившимся с ним в лорче, прежде всего перейти на другое судно, потому что лорча, на которой они прибыли из Патане, сильно текла; исполнено это было немедленно.

После этого мы направились к реке, которую Антонио де Фариа еще засветло приметил на осте и где он приказал стать на якорь в одной легуа от устья, так как джонка, на которой он находился, была велика, имела большую осадку и легко могла сесть на одну из многочисленных мелей, которые то и дело попадались нам в течение дня. Крестовану Борралью он велел на лорче с четырнадцатью солдатами войти в реку и выяснить, что за огни виднеются перед нами. Последний отправился в путь без промедления и, пройдя свыше одной легуа вверх по течению, столкнулся с целым флотом из сорока восьми крупных высокобортных джонок с двумя и тремя марсами на каждой. И, побаиваясь, как бы они не оказались армадой мандарина, о котором до нас доходили кое-какие слухи, он стал на якорь несколько ближе к берегу, а когда к полуночи начался прилив, выбрал осторожно якорь и прошел дальше, к тому месту, где видел огни, по большей части уже к этому времени потушенные, причем осталось горсть их не больше двух или трех, которые по временам показывались и

служили ему маяком.

Так он и шел, пока не столкнулся с несметным количеством судов как больших, так и малых, которых, как показалось иным, было больше двух тысяч; тихо пройдя на веслах между ними, Кростован подошел к населенному месту, оказавшемуся городом в десять тысяч домов, окруженному кирпичной стеной с башнями и бастионами на наш лад, в которых были проделаны бойницы, и двумя рвами, наполненными водой.

Здесь из четырнадцати солдат, пошедших на лорче, высадилось пятеро, а с ними сошло и двое китайцев из экипажа, оставивших на джонке в качестве заложниц своих жен; они обошли весь город снаружи, на что ушло почти три часа, причем никто их не заметил. Когда они вернулись, шлюпка отвалила от берега и пошла на веслах и парусах, стараясь не шуметь, так как боялись, что, если их услышат, никто из них не останется в живых.

Выйдя из реки, они обнаружили, что на бере стоит джонка, которая, как им показалось, пришла из других мест и только что отдала якорь. Подойдя к месту, где стоял Антонио де Фариа, они сообщили ему, что видели, и о большом флоте, пошедшем в реку, и о той джонке, которую они увидели на якоре у бара, несколько раз повторив ему, что это весьма возможно, тот самый пес Кожа Асен, которого он ищет. Это последнее известие привело Антонио де Фариа в такое волнение, что, не медля ни минуты, он велел выбрать якорь и пошел на парусах в сторону джонки, повторяя, что, как говорит ему сердце, это несомненно должен быть Кожа Асен и он готов в том голову дать на отсечение. А раз это так, уверил нас Фариа, ему не жаль будет погибнуть, только бы удалось отомстить тому, кто натворил ему столько зла, и верой честного человека он клялся, что говорит это не из-за каких-то двенадцати тысяч крузадо, — он, мол, об этом уже давно позабыл, но из-за четырнадцати португальцев, которых эта собака перебила.

Подойдя к джонке, Антонио де Фариа приказал лорче зайти с другой стороны, чтобы произвести нападение с двух бортов одновременно, и чтобы никто не стрелял, иначе выстрелы могут услышать на флоте, стоящем в реке, и поспешить узнать, в чем дело.

Не успели наши шлюпки подойти к месту, где стояли джонки, как тотчас на нее набросились: двадцать солдат проникло в нее и завладело ею без малейшего сопротивления, причем большая часть экипажа кинулась в воду. Кое-кто из более мужественных противников, придя в себя от неожиданности, пожелал оказать сопротивление, но в это мгновение Антонио де Фариа вскочил на борт джонки с новым отрядом в двадцать

солдат и с возгласом: «Сант Яго!» — порубил более двадцати человек. А тех, кто бросился в воду, приказал выловить, так как они были нужны ему для команды. Четверых он велел подвергнуть пыткам, так как желал узнать, что это за люди и откуда они пришли. Двое из них так и умерли, упрямо не пожелав ничего сказать, но когда дело дошло до маленького мальчика, которого тоже хотели пытать, его отец, лежавший тут же, громко закричал, умоляя со слезами на глазах, чтобы, прежде чем мучить этого мальчика, выслушали его. Антонио де Фариа приказал тогда оставить мальчика в покое, а старику сказал, что он может говорить все, что думает, лишь бы это была правда, а если он солжет, пусть знает, что их обоих выбросят живыми в море, если же скажет правду, он велит их обоих высадить на берег и отпустит со всем имуществом, которое они под клятвой объявят своим. На это мусульманин ответил:

— Согласен, сеньор, поверить твоему слову, хоть то дело, которым ты сейчас занимаешься, не очень вяжется с христианской религией, которую ты принял при крещении.

Этимися словами Антонио де Фариа был так смущен, что не знал, что и ответить. И, приказав ему приблизиться, расспрашивал его ласково и приветливо и более ничем не угрожал.

Глава XLIII

О том, что этот человек ответил на вопросы Антонио де Фариин, и о том, что произошло в дальнейшем

Когда этот человек подошел к Антонио де Фариин, тот заметил, что кожа у него такая же белая, как и у любого из нас, и спросил: турок он или перс? Тот ответил, что нет, что он христианин, родился на горе Синае, там, где покоится тело блаженной святой Екатерины. На это Антонио де Фариин спросил, почему он не живет среди христиан, если сам христианин. Старик ответил ему, что он купец и человек из хорошей семьи, зовут его Томе Мостанге; однажды в 1538 году, когда судно его стояло на якоре в порту Жуда, Солейман-паша, вице-король Каира, приказал захватить этот корабль вместе с семью другими, чтобы доставлять на них провиант и боевые припасы для шестидесяти галер, на которых он шел по приказанию Великого Турка восстанавливать султана Бандура на престоле Камбайи, с которого сверг его в это время Великий Могол, и изгнать португальцев из Индии. Он остался на своем корабле, чтобы не лишиться его, получить за фрахт, а затем и распродать свои товары, в чем, как обещали турки, ему не будут чинить препятствий, но они не только нарушили свои обещания, как это им свойственно, но еще отобрали у него жену и малолетнюю дочку, которую он возил с собой, и изнасиловали их при всех у него на глазах. А когда одни из его сыновей стал плакать и сетовать на это злодеяние, его связали по рукам и по ногам и бросили в море. Самого же купца заковали в железа, ежедневно жестоко избивали и отобрали у него все имущество на сумму свыше шести тысяч крузадо под предлогом, что никому не разрешается владеть божьими дарами, кроме мусульман, столь справедливых и святых. В это время жена и дочь его умерли, и он с отчаяния бросился в море вместе с другим сыном у входа в гавань Диу, оттуда сухим путем добрался до Сурата, а затем перебрался в Малакку на корабле Гарсии де Са, коменданта Басаина; после этого по приказу донна Эстевана да Гамы он побывал в Китае вместе с Кривостаном Сардиньей, фактором на Молукках. В то время, когда судно последнего стояло на якоре в Сингапуре, Киай Тайжан, владелец этой джонки, убил Сардинью вместе с другими двадцатью шестью португальцами, а купца спасло лишь то, что он был бомбардиром, и Киай Тайжан забрал его в свой экипаж в качестве старшего пушкаря.

Услышав это, Антонио де Фариа издал громкий крик и, ударяя себя рукой по голове, воскликнул:

— Господи боже мой! Господи боже мой! Сном мне кажется все, что я слышу!

После чего, обратившись к окружавшим его солдатам, он объяснил им, что за злодей этот Киай Тайжан. Так, встречая иной раз сбившиеся с курса и слабо вооруженные суда, он перебил на них более ста португальцев и забрал товаров более чем на сто тысяч крузадо. И хотя его по-настоящему зовут именно так, как сказал этот армянин, а именно Киай Тайжан, он, убив в Сингапуре Кристована Сардинью, стал величать себя из похвальбы этим подвигом не иначе, как «капитан Сардинья». Антонио де Фариа спросил армянина, что с ним, Киаем Тайжаном, сейчас или где он находится, на что купец ответил, что, израненный, тот спрятался вместе с шестью или семью другими в канатной камере на носу джонки.

Антонио де Фариа мгновенно встал и с великой поспешностью, направился в то место, где находился этот пес, остальные солдаты последовали за начальником. Но когда он открыл люк камеры, пес вместе с шестью человеками, скрывавшимися в ней, выскочили на палубу из другого люка, расположенного дальше, и напали как безумные на наших, хотя португальцев было более тридцати, не считая сорока мосо. Этот новый бой обернулся таким образом, что за те недолгие мгновения, пока наши их не перебили, они успели убить двоих португальцев и семь мосо и ранили более двадцати человек, в том числе капитана Антонио де Фариа, который получил два ранения в голову и одно в руку, от которого очень страдал.

Когда с мусульманином покончили и всем раненым оказали помощь, было уже почти десять часов. Из опасения перед сорока джонками флота, стоящего на реке, было отдано приказание поставить паруса и отойти подальше от берега, после чего к наступлению ночи мы стали на якорь на другом берегу Каушеншины, где и был произведен осмотр имущества, находившегося на джонке этого разбойника. Оказалось, что он вез пятьсот баров перца, по пятидесяти кинталов бар; шестьдесят — сандалового дерева; сорок — мускатного ореха и цвета; восемьдесят — олова; тридцать — слоновой кости; двенадцать — воска; пять — лучшего дерева алоэ. По здешним ценам все это, взятое вместе, могло составить шестьдесят тысяч крузадо, не считая мортиры, четырех фальконетов и тринадцати полевых орудий из пушечного металла, причем большая часть этой артиллерии была португальской, забранной этим мусульманином с корабля Кристована Сардиньи, с джонки Жоана де Оливейры и с корабля Бартоломеу де

Матоса. Кроме этого было найдено три покрытых кожей ларя с большим количеством одеял и португальской одежды, далее большой серебряный позолоченный таз для мытья рук с таким же кувшином и солонкой, двадцать две ложки, три подсвечника, пять золоченых кубков, пятьдесят восемь ружей, шестьдесят два тюка бенгальских тканей, каковое имущество все принадлежало португальцам; затем восемнадцать кинталов пороха и, наконец, девять детей от шести до восьми лет, все с кандалами на ногах и наручниками на руках, доведенных до такого состояния, что больно было на них смотреть, так как это были один кости да кожа.

Глава XLIV

Как Антонио де Фариа прибыл в залив Камой, где добывается жемчуг для китайского императора

Антонио де Фариа покинул эту стоянку на следующий день пополудни и продолжил исследовать побережье Айнана. Идя вдоль берега весь этот день и следующую ночь и держась глубины от двадцати пяти до тридцати брас, он оказался на рассвете посередине большого залива, где ходило несколько баркасов, вылавливающих жемчужных устриц.

Не зная, какого курса держаться в дальнейшем, он потратил все утро на обсуждение этого вопроса, причем выслушал самые противоречивые мнения. Одним казалось наиболее правильным захватить эти баркасы, другие же говорили, что нет, лучше заняться с ними торговлей, так как в обмен на множество жемчужин, которые здесь имеются, можно было спустить большую часть товаров, бывших на корабле. В конце концов пришли к более правильному и верному решению, и, по китайскому обычаю, Антонио де Фариа приказал поднять торговый флаг.

После этого к нам немедленно прибыли с берега две лантеа, своего рода фусты, с большим количеством провианта, и прибывшие на них после обычных приветствий поднялись на большую джонку, на которой находился Антонио де Фариа.

Но, увидев в ней людей, каких до той поры они никогда еще здесь не видели, они крайне изумились и стали спрашивать нас, кто мы такие и что нам здесь нужно. На это им ответили, что мы купцы, уроженцы королевства Сиама, и прибыли сюда торговать, если на то будет от них разрешение. На это один старик, по-видимому пользовавшийся у них наибольшей властью, ответил, что торговать мы можем, но не здесь, а несколько дальше, в порту под названием Гуамбой, потому что в нем находится фактория для прибывающих туда иностранцев, так же как и в Кантоне, Шиншеу, Ламау, Конхае, Сумборе и Лиампо и других городах, расположенных на побережье, где производят выгрузку своих товаров прибывающие из-за границы коммерсанты. А посему они советуют ему как голове, отдающей распоряжения всем находящимся под ее властью членам, немедленно удалиться отсюда, ибо место это служит только для добычи жемчужин, идущих в сокровищницу Сына Солнца [{149}](#), и по приказу конхайского тутана, высшего правителя всей Каушеншины [{150}](#),

здесь могут находиться лишь предназначенные для этой цели баркасы; всякое же другое судно, оказавшееся здесь, должно быть по закону предано огню со всеми находящимися на нем людьми. Но так как он иностранец и не знает нравов и законов страны, они ставят его об этом в известность, чтобы он успел уйти до прибытия мандарина ^{151} флота, которого ожидают через три или четыре дня, а сейчас он грузит провиант в порту под названием Буакирин в семи легуа отсюда.

На вопрос Антонио де Фари, какие у этого мандарина корабли и сколько людей, старик ответил, что сорок больших джонок и двадцать пять гребных ванканов, на которых находится семь тысяч человек, из коих пять тысяч воинов и две тысячи матросов и гребцов. А на вопрос, сколько времени проводит тут мандарин, ответил, что шесть месяцев, в течение которых производится добыча, а именно, с начала марта и до конца августа. Затем Антонио де Фари осведомился, какие налоги взимают за промысел и сколько он приносит дохода за шесть месяцев, и услышал, что за жемчужины в пять каратов и выше взимают две трети, с более мелких — половину, а с мелких — одну треть; что же касается до дохода, приносимого промыслом, то точной цифры он назвать не может, так как год на год не приходится, но в среднем, как ему кажется, около четырехсот тысяч таэлей.

Антонио де Фари хотел разузнать у него возможно больше, а потому был с ним очень приветлив и приказал подарить ему два круга воска, мешок перца и слоновий клык, чем старик и его спутники остались весьма довольны.

Когда же Антонио де Фари, продолжал расспросы, осведомился, каковы размеры этого острова Айнана, о котором рассказывают столько чудес, они ответили:

— Открой нам сначала, кто ты таков и с какой целью прибыл, и тогда мы ответим на твои вопросы, потому что клянемся тебе истинной верой, мы за всю свою жизнь никогда еще не видели на торговых судах столько молодых людей, как у тебя, да еще столь чисто одетых и таких холеных. А потому нам кажется, что-либо в нашей стране китайский шелк ни во что не ценят, либо вы заплатили за него меньше, чем он стоит, ибо ваши молодые люди ради забавы беззаботно разыгрывают в три кости штуку шелкового штофа, словно она им досталась за весьма малую цену.

На это Антонио де Фари улыбнулся и довольно сухо, ибо понял, что эти люди догадались, что вещи краденые, ответил, что они поступают так легкомысленно лишь потому, что они дети богатых купцов и по молодости своей не знают цены деньгам. На что старик и его спутники, делая вид, что

им ничего не известно, ответили:

— Да, похоже, что это так, как ты говоришь.

Тем временем Антонио де Фариа дал знак солдатам прекратить игру и споры и припрятать куски материи, которые они разыгрывали, чтобы местные жители этого не видели и не приняли нас за разбойников. Приказание это было тотчас исполнено. Далее, чтобы усыпить подозрения китайцев и не дать им окончательно увериться в том, о чем они лишь догадывались, а именно, что мы люди недоброй славы, Антонио де Фариа приказал открыть люки груженной перцем джонки, которая за ночь до этого была захвачена у «капитана Сардиньи». Китайцы, увидев, что на судне действительно есть товар, несколько успокоились, сделались менее подозрительными и стали говорить друг другу:

— Раз мы уж знаем, что это купцы, мы можем отмечать на их вопросы; пусть не думают, что мы молчим по невоспитанности, будто только и умеем, что добывать устриц и ловить рыбу.

Глава XLV

О том, что тамошний купец рассказал Антонио де Фарио о чудесах острова Айнана

Купец этот, желая в какой-то мере удовлетворить любопытство Антонио де Фарио, рассказал ему следующее:

— Теперь, сеньор, когда я знаю, кто ты такой и что не для преступных целей хочешь знать то, о чем ты меня спрашиваешь, я скажу тебе все, что я знаю и что мне случалось слышать об этом острове от людей, управлявших в прежние времена этим краем. Они рассказывали, что Айнан был некогда самостоятельным государством и правил им самодержавный государь, весьма богатый и носивший, как самый главный среди прочих государей тех времен, титул прешау гамуу ^{152}. Но он умер, не оставив наследника, и в стране возникла великая смута, ибо не было единого мнения о том, кто должен наследовать престол. Междоусобица эта вызвала такое кровопролитие, что, как говорят летописи, только за четыре года с половиной погибло шестнадцать лакаса ^{153} человек, а в каждой лакаса сто тысяч. По этой причине страна настолько обеднела защитниками и пришла в такое неустройство, что король каушинов завладел ею с помощью всего лишь семи тысяч монголов ^{154}, которые Татарин прислал ему из тогдашней столицы своей империи Туймикана. Когда Айнан был завоеван, Каушин вернулся в свою страну, оставив правителям на острове одного из своих военачальников по имени Ойя Пагуарел, который отложился от него по каким-то своим основательным причинам и избрал себе покровителем китайского короля, сделавшись его данником и выплачивая ему четыреста тысяч таэлей в год, что в переводе на иностранные деньги составляет шестьсот тысяч крузадо; за это китайский король обязался защищать его от врагов, всякий раз когда в этом встретится нужда. Это соглашение продолжалось у них тринадцать лет, в течение которых король каушинов пять раз вступал с Пагуарелом в бой и пять раз терпел поражение. Когда же Ойя Пагуарел умер, не оставив преемника, он объявил китайского государя своим законным наследником за те блага, которые при жизни получил от него, отчего до сих пор, а именно, уже двести тридцать пять лет, этот остров находится под властью китайского владыки. А что касается сокровищ, доходов и жителей этого острова, о которых ты меня спрашивал, скажу тебе, что знаю о них лишь то, что слышал от некоторых

тутанов и шазнов [{155}](#), которые в былые времена управляли аннамским краем. Они говорили, что все доходы с серебряных копей и с таможенных пошлин в портовых городах составляют два с половиной миллиона таэлей.

Когда же Антонио де Фариа и остальные бывшие с ним португальцы выразили свое изумление такой огромной суммой, купец ответил им:

— Если вы удивляетесь такой малости, что бы вы сказали, если бы побывали в городе Пекине, где проживает со своим двором Сын Солнца и куда поступают доходы со всех тридцати двух королевств этой монархии, ибо только золота и серебра извлекается из восьмидесяти шести копей, как говорят, больше пятнадцати тысяч пико.

Антонио де Фариа, поблагодарив за толковые ответы, напоследок очень просил назвать порт, в котором, по мнению купца, он был бы в наибольшей безопасности, имел бы дело с надежными людьми и лучше всего мог бы продать свои товары, ибо сейчас нет муссона, чтобы совершить переход в Лиампо. На это старик ответил:

— Советую тебе как другу не заходить ни в один из портов острова Айнана и не полагаться на тамошних китайцев, ибо заверяю тебя, что никто из них никогда не скажет слова правды, верь мне, я человек весьма богатый и лгать тебе не стану, не то что бедняк. И поэтому советую тебе пройти внутрь этой бухты, но не выпуская из рук лота, так как здесь много мелей, и том числе весьма опасных; иди этим курсом, пока не достигнешь большой реки, называемой Танаукир; там ты найдешь хорошую якорную стоянку, где ты будешь в безопасности и за два дня сможешь распродать все свои товары и еще много других, если бы они у тебя оказались. Но не советую свозить их на берег, ибо весьма часто вид богатств вызывает алчность, а алчность отнимает разум, и это даже у людей смирных, что уж говорить о буйных и бессовестных, которые по самой природе своей более склонны брать чужое, нежели из любви к господу делиться своим с нуждающимися.

После этого он и прочие, бывшие с ним, распрощались с капитаном и с другими португальцами, произнеся множество любезностей на которые обычно они скупаются. В отплату за подарок Антонио де Фарии они преподнесли ему коробочку из черепахи величиной с солонку, наполненную мелким жемчугом, и двенадцать жемчужин приличной величины, прося извинить их за то, что не вступили с ним тотчас же в торговую сделку, — они боялись, что это могло бы стоить им жизни, согласно суровым законам этой страны, и умоляли его также поскорее удалиться, прежде чем явится мандарин флота, ибо, если он обнаружит здесь иностранного купца, то наверняка сожжет его судно.

Антонио де Фариа не захотел пренебречь советами этого человека, ибо слава его могли оказаться правдой, тотчас же поставил паруса и, перейдя на другой берег с южной стороны, после двухдневного перехода достиг реки Танаукир, в котором стал на якорь перед небольшой деревней под названием Нейтор.

Глава XLVI

О том, что произошло на этой реке у Антонио де Фариин с одним пиратом-ренегатом по имени Франсиско де Са

В устье Танаукира мы простояли на якоре всю ночь с намерением отправиться на рассвете в город, отстоявший в пяти легуа от этого места, и узнать там, не сможем ли мы договориться о продаже наших товаров.

Дело в том, что товаров этих у нас было очень много, суда были перегружены, и не проходило дня, чтобы мы по два, а то и по три раза не садились на мель, которая порой простиралась на четыре-пять легуа; а море местами было так мелко, что мы не отваживались идти иначе как днем и ни на мгновение не выпускали из рук лота. Поэтому решили, что надо избавиться от всех наших товаров, а посему у Антонио де Фариин была одна только мысль в голове, — где бы найти порт, в котором их можно было бы продать.

И поскольку господу нашему было угодно привести нас для нашей цели в эту реку, мы почти целую ночь протрудились, буксируя суда из устья на плес, потому что течение было настолько сильно, что, несмотря на попутный ветер и поставленные паруса, нас все время сносило в море. В то время как мы занимались этим делом и палубы наши были завалены тросами и канатами, среди которых едва можно было повернуться, к нам навстречу вышли две очень большие джонки, с надстройками на носу и на корме, марсами, покрытыми тентами из шелка, расцвеченные повсюду черными с красным вымпелами, придававшими им весьма воинственный облик. Связавшись цепями, чтобы действовать соединенными силами, они напали на нас с такой стремительностью, что у нас не было даже времени подготовиться к бою, и нам пришлось бросить за борт все буксиры и фалы на палубе, дабы нацелить на врага артиллерию, что для нас было тогда самым важным.

Обе джонки подошли к нам с превеликим криком и громом барабанов и колоколов, и первый залп из трех, которыми они угостили нас, был из двадцати шести орудий, из коих девять были фальконетами и мортирами, так что мы сразу поняли, что народ этот с другого берега Малайи [{156}](#), и это несколько смутило нас. Антонио де Фариин как человек проницательный, увидел, что они идут на нас, связавшись цепями, тотчас понял их намерения и стал спускаться по течению, чтобы выиграть время и

ввести их в заблуждение относительно того, кто мы такие. Они, в свою очередь, будучи опытными в своем деле разбойниками и не желая, чтобы добыча ушла у них из рук, отцепились друг от друга, дабы удобнее было нас нагнать, и, приблизившись к нам, тотчас же атаковали и забросали таким количеством копий, что устоять почти не было возможности.

Антонио де Фариа, укрывшись с двадцатью пятью солдатами, которые были у него на джонке, а также с десятью или двенадцатью рабами или матросами под навесом, обменивался с неприятелем выстрелами из аркебузов в течение примерно получаса, пока они не израсходовали всего своего боевого запаса. А было его так много, что всю палубу они нам засыпали пулями. Наконец сорок из них, по-видимому, самых смелых, решили покончить с нами и перескочили на нашу джонку с намерением захватить ее носовую часть, и нашему капитану пришлось оказать им надлежащим прием. Обе стороны набросились друг на друга с великим пылом, и между ними завязался бой настолько яростный, что не успели мы оглянуться, как из сорока нападавших двадцать шесть было уложено на месте, остальные же побросались в море.

Наши, видя, какой успех им дарован десницей господней, бросились в числе двадцати человек в джонку неприятеля и не встретили там особого сопротивления, так как начальники были уже все перебиты. Рубя направо и налево всех, кто попадался им под руку, наши добились того, что все матросы сдались, и им была дарована жизнь, так как для стольких кораблей наши не располагали достаточным экипажем.

Покончив с неприятельской джонкой, Антонио де Фариа поспешил на выручку Кристовану Борралью, на которого напало другое судно, причем исход боя был для наших весьма сомнителен, так как многие были ранены. Но господу нашему было угодно, чтобы враги, убедившись, что с этим подкреплением перевес уже не на их стороне, побросались в море, где значительная часть утонула, и обе джонки оказались таким образом в наших руках.

Когда мы подсчитали потери, выяснилось, что победа нам стоила одного португальца, пяти мосо и девяти матросов, не считая раненых; врагов же было убито восемьдесят человек и примерно столько же взято в плен.

После того как нашим перевязали раны и разместили их возможно лучше, насколько это позволяли обстоятельства, Антонио де Фариа приказал выловить бросившихся за борт матросов, которые кричали, что тонут, и умоляли им помочь. Всех их забрали на его большую джонку и связали. Антонио де Фариа принялся их допрашивать, что это за джонки,

как зовут их капитана и остался ли он в живых или убит, но никто ничего толком не пожелал ответить. В то время как они упрямо умирали под пытками, с другой джонки послышался голос Кристована Борральо, он кричал:

— Ах, сеньор, ах, сеньор! Пожалуйста-ка поскорее сюда. У нас, оказывается, больше дела, чем мы ожидали.

Антонио де Фариа немедленно перескочил в его джонку с пятнадцатью или шестнадцатью солдатами и спросил его, что случилось; на это Кристован Борральо ответил:

— Слышу под баком много голосов, видно, там спрятаны люди.

Когда все солдаты собрались вокруг него, Антонио де Фариа приказал открыть люк и услышал, как снизу поднялся великий крик: «Смилуйся над нами, господи боже!» Крики эти сопровождались таким воем и всхлипываниями, что все это казалось чем-то сверхъестественным. Изумленный Антонио де Фариа приблизился со своими людьми к люку и увидел, что в трюме лежит большое количество пленников. Капитан наш не мог еще понять, что это значит, и приказал кому-нибудь спуститься в люк. Туда прыгнули два мосо и вынесли на палубу семнадцать пленников-христиан, среди них было два взрослых португальца, пять детей, две девушки и восемь юношей. Все они были в таком состоянии, что великая жалость брала на них смотреть. С них немедленно сняли оковы — ошейники, наручники и цепи, все железные и тяжелые. Им сразу же дали одежду, так как почти все они были совершенно голыми, без единой тряпки на теле.

После этого стали расспрашивать одного из португальцев (другой был едва жив), чьи это дети, каким образом попали они в лапы этого разбойника и как его зовут, португалец ответил, что у него два имени — одно христианское, а другое мусульманское, которое он сейчас и носит, а именно, некогда [{157}](#) Шикаулен, а по-христиански Франсиско де Са. За пять лет до этого он принял крещение в Малакке, в то время как Гарсиа де Са был комендантом крепости. Последний стал его крестным отцом, передал ему свое имя и женил на сироте-метиске, очень красивой девушке, дочери весьма уважаемого португальца, чтобы сильнее привязать его к новой родине. Этот Франсиско де Са в 1534 году отправился на очень большой джонке в Китай, имея на борту двадцать португальцев из самых богатых и почитаемых в крепости, а также свою жену; прибыв к острову Пуло-Катану, он остановился там, чтобы пополнить запасы воды и зайти в порт Шиншеу [{158}](#). И вот однажды ночью, после того как судно простояло в

гавани двое суток, Франсиско де Са, воспользовавшись тем, что весь экипаж состоял из таких же китайцев, как и он, а португальцы безмятежно спали, вместе с подручными напал на них и порубил топорами до единого вместе с их мосо, не пощадив ни одного из христиан. К жене же своей он подступил с требованием, чтобы она обратилась в язычество и поклонилась идолу, которого его тукан, капитан джонки, вез с собой в ящике. Когда она таким образом разрешит узы, наложенные на нее христианской религией, он отдаст ее в жены этому тукану, а последний предоставит ему в жены свою сестру, которую вез с собой, язычницу и китаянку. Женщина не пожелала поклониться истукану и выполнить все прочие требования изверга, и тот ударом топорика раскроил ей череп. Покинув остров, Шикаулен проследовал в порт Лиампо, где в этом году собирался торговать, и, опасаясь зайти в Патане из-за португальцев, отправился зимовать в Сиам. На следующий год он снова зашел в порт Шиншеу, где захватил пришедшую из Сунды небольшую джонку с десятью португальцами, которых он перебил. А так как уже по всем краям разнеслась весть о его расправах с португальцами, он, опасаясь встретиться с нашими силами, решил укрыться в Каушеншинском заливе, где торговал как купец, а как пират нападал на тех, с кем мог справиться. Уже три года прошло с тех пор, как он свил свое разбойничье гнездо на этой реке, полагая, что не встретит здесь португальцев, ибо мы не имеем обыкновения торговать в портах этого залива или на острове Айнане.

Антонио де Фариа спросил его, не являются ли эти мальчики детьми тех португальцев, о которых он говорил, но он ответил, что нет, что это дети Нуно Престо, Жоана Диаса и Перо Боржеса, которому также принадлежали слуги и служанки, всех этих португальцев Шикаулен также убил в Момполлакоте в устье реки Сиам вместе с шестнадцатью другими португальцами, находившимися на джонке Жоана де Оливейры, причем единственными, кого пощадил, были они двое — только потому, что одни был плотник, а другой конопатчик. Уже около четырех лет возит злодей их с собой и морит голодом и побоями. А напал Шикаулен на нас только потому, что не признал в нас португальцев, ему показалось, что мы простые китайские купцы, каких он имел обыкновение грабить при всяком удобном случае. Как раз такая возможность, как он думал, представилась ему и на этот раз.

Когда португальца спросили, сможет ли он опознать этого разбойника среди убитых, он ответил, что да. Тогда Антонио де Фариа взял его за руку, перешел с ним на другую джонку, сцепленную с нашей крюками, и показал ему всех убитых, лежавших на палубе, но Шикаулена португалец среди

них не узнал. Тогда Антонио де Фариа приказал отправить шлюпки на поиски плававших вокруг трупов и сам сел в одну из них. Разбойника наконец нашли, — у него была большая ножевая рана в голове и колотая рана шпагой в середине груди.

Труп подняли на палубу, и Антонио де Фариа еще раз спросил португальца, точно ли это Шикаулен, и тот ответил, что в этом нет ни малейшего сомнения. Антонио де Фариа этому поверил, так как убитый был опоясан тяжелой золотой цепью, украшенной золотым идолом с двумя головами и телом наподобие ящерицы, с хвостом и лапами, покрытыми зеленой и черной финифтью. Антонио де Фариа приказал оттащить тело на нос джонки, где ему отрубили голову и разрубили его на части.

Глава XLVII

Как на стоянке у мыса Тилаумера к нам подшили четыре гребных лантеа, на которых был размещен свадебный поезд одной невесты

После того как мы одержали эту победу, оказали помощь раненым и позаботились о страже для пленных, было приступлено к переписи товаров, оказавшихся в обеих этих джонках; выяснилось, что захвачено их было на сорок тысяч таэлей с небольшим. Все их мы сложили на судно Антонио Боржеса, которому поручили надсмотр над всеми призами. После этого нам пришлось сжечь одну из джонок, хоть корпус у нее был совершенно новый, так как экипажа у нас не хватало. Теперь мы приобрели еще семнадцать бронзовых орудий, в число которых входило четыре фальконета и двенадцать мортир, причем почти все они носили королевский герб, потому что эта собака сняла их с трех кораблей, на которых перебила сорок два португальца.

Антонио де Фариа на следующий же день утром пожелал отправиться в устье Танаукира, но его предупредили рыбаки, которых захватили ночью, чтобы он никоим образом не становился на якорь у города, ибо там уже все знают, как он расправился с разбойником Шикауленом, а между тем Шилеу, военный начальник и губернатор этой провинции, находился с ним в сговоре, пират отдавал ему треть всего награбленного. Жители города были в величайшем возбуждении, так что, пожелай он даже отдать свой товар задаром, никто не согласился бы его взять, а уж о том, чтобы платить за него деньги, и речи быть не могло. У входа в порт стояли наготове два огромных плота, груженных большим количеством дров, бочек с дегтем и мешков со смолой, жители дожидались только, когда португалец станет на якорь, чтобы спустить на него плоты. Кроме этого, его в гавани ждали более двухсот рыбачьих парао с многочисленными лучниками и воинами. Получив это известие, Антонио де Фариа последовал наиболее разумным советам и отправился в другой порт, к востоку от того на расстоянии сорока легуа. Название этому порту было Мутипинан; в нем находилось много богатых купцов, как местных, так и приезжих, с целыми караванами груженных серебром судов из стран Лаоса ^{159}, Пафуаса и Геоса. Итак, мы снялись с якоря и в составе трех джонок и лорчи, на которой мы прибыли из Патане, пошли вдоль берега, лавируя при встречном ветре, пока не

дошли до холма под названием Тилаумер, где стали на якорь, так как нам трудно было идти против течения.

Мы простояли там тринадцать дней, изрядно досадуя на бурный противный ветер, ибо мы уже испытывали некоторый недостаток в продовольствии, но тут судьба решила нам поблагоприятствовать: когда уже близился вечер, к нам подошли четыре гребных лантеа (похожие на фусты), на которых ехала невеста, направлявшаяся к жениху из своей деревни в другую, под названием Пандуре, отстоявшую от первой на девять легуа. А так как поезд невесты был праздничный, гром от барабанов, тазов и колоколов стоял такой, что голоса человеческого нельзя было слышать из-за оглушительной музыки и криков. Мы сначала никак не могли понять, что это означает, и нам показалось, что это согладатаи командующего флотом в Танаукире, высланные на наши поиски.

Антонио де Фариа тотчас же приказал сняться с якоря и приготовился к любой неожиданности. Суда свои он приказал расцветить флагами в знак радости и стал ждать, чтобы плывшие на лантеа поднялись к нему на борт. Последние, увидев все наши суда, собранные вместе и принявшие такой же праздничный вид, как и они, решили, что это поезд жениха, пришедший встретить их на пути, и направились с великим удовольствием в нашу сторону. После того как мы обменялись залпами и приветствиями, какие, приняты в этих краях, они подошли к берегу и там стали на якорь.

Мы совершенно не понимали, что все это означает, и согласились все с капитаном, что это, видимо, разведчики оставшегося позади флота, который не замедлит появиться.

В этих подозрениях провели мы тот небольшой остаток времени, который отделял нас от темноты. Через два часа после захода солнца, когда невеста, прибывшая на одной из этих лантеа, увидела, что жених никого к ней не посылает, как это следовало бы сделать, она пожелала сама дать о себе знать и выказать этим любовь, которую, по-видимому, она к нему испытывала. Поэтому она направила к нам одну из четырех лантеа своего поезда, на которой находился ее дядя, и просила его передать письмо следующего содержания: [{160}](#)

«Если слабая девичья природа позволила бы мне, не запятнав своей чести, улететь оттуда, где я сейчас нахожусь, к тебе, господин мой, чтобы увидеть твое лицо, полагаю, что тело мое со всем неистовством изголодавшегося ястреба, обретшего наконец свободу, устремилось бы к тебе, чтобы прикоснуться губами к твоим медлительным стопам. И раз уж, господин мой, я отправилась из дома отца своего искать тебя сюда, приди

же и ты на это судно, на котором, собственно, меня уже нет, ибо только в созерцании твоём обретаю я свое бытие, и знай, что если ты не поспешишь увидеть меня в темноте этой ночи, едва ли ты застанешь меня завтра среди живых. Дядя мой Ликорпинау поведает тебе то, что хранит в тайниках своих мое сердце, ибо слова замирают на моих устах и душа моя не может стерпеть столь долгой разлуки, которая черствости твоей, видно, нипочем. А посему заклинаю тебя прийти ко мне или разрешить мне тебя покидать и не отказывать мне в этом чувстве, которое любовь моя и верность заслужили, дабы всевышний не отнял у тебя того многого, что ты унаследовал от своих древних предков, по справедливости осудив неблагодарность по отношению к твоей юной невесте, повелителем которой в силу брачного союза ты будешь до самой своей смерти, каковую господь наш и вседержитель да отдалит от тебя на столько лет, сколько раз солнце и луна обращались вокруг нашего мира с самого его зарождения».

Когда лантеа, на которой ехал с этим письмом дядюшка невесты, подходила к нам, Антонио де Фариа, чтобы тот не боялся взойти на судно, приказал всем португальцам спрятаться под палубу, дабы на виду не оставалось никого, кроме китайских матросов.

Лантеа доверчиво подошла к джонке, и трое поднялись к нам на борт с вопросом, где находится жених. В ответ их похватили и бросили в люк, а так как все прибывшие или большая часть их были пьяны, те, кто еще оставался в лантеа, не услышали шума и не успели отвалить, а с вершины надстройки им уже набросили канат на конец мачты, которым и пришвартовали лантеа к джонке так прочно, что распутаться людям с нее не удалось. Наши метнули в нее несколько горшков с порохом, после чего команда лантеа побросалась в море, а в нее прыгнули шесть или семь наших солдат и столько же матросов и завладели ею. А затем нам пришлось прийти на помощь несчастным, кинувшимся в воду и кричавшим, что они тонут.

После того как все они были выловлены и посажены в надежное место, Антонио де Фариа направился к трем остальным лантеа, стоявшим на якоре на расстоянии немного большем четверти легуа, и, напав на первую, в которой находилась невеста, взял ее на абордаж. Сопротивления ему не оказали никакого, так как воинов на ней не находилось, а были одни лишь гребцы и, если судить по одежде, еще шесть или семь почтенного вида людей, видимо, родственников, сопровождавших несчастную невесту, и двух маленьких мальчиков, ее братьев, очень белых с лица и весьма милостивых. Все прочие были пожилые женщины, игравшие на музыкальных инструментах, которых, по китайским обычаям, принято

приглашать на такие торжества за деньги.

Остальные две лантеа, услышав шум, оставили свои якоря и на веслах и под парусами обратились в бегство с такой скоростью, что можно было подумать, будто их подгоняет сам черт. Но тем не менее нам удалось захватить одну из них, так что из четырех нам достались три. Совершив это, мы вернулись на свою джонку.

Время близилось к полуночи, а поэтому мы ограничились тем, что все доставшееся нам забрали в джонку, а пленников отправили под палубу, где они и находились до утра. Утром Антонио де Фариа, увидев, что они удручены своим положением и что это по большей части ни для чего не пригодные старухи, высадил их всех на берег, удержав у себя только невесту и ее двух братишек, так как они были молоды, белолицы и пригожи собой, а также двадцать матросов, которые нам весьмагодились для экипажа джонки, где у нас не хватало людей.

Невеста, как выяснилось впоследствии, была дочкой коленского аншаси [{161}](#) (нечто вроде нашего коррежедора или судьи) и была обручена с молодым сыном шифу [{162}](#), или коменданта, Пандуре. Жених, как оказалось, написал невесте, что будет ожидать ее в том месте, где мы стали на якорь, вместе с тремя или четырьмя джонками, принадлежащими его отцу, человеку весьма богатому, поэтому-то нас и приняли за поезд жениха. На другой день к вечеру, после того как мы покинули это место, которому дали название «невестиного мыса», туда и в самом деле прибыла флотилия жениха, состоявшая из пяти покрытых флагами судов, которая, проходя мимо, приветствовала нас музыкой и всяческими проявлениями радости, ибо жениху и в голову не могло прийти его несчастье и то, что мы увозим его невесту. И так вот под флагами и шелковыми тентами он обошел мыс Тилаумер, где мы стояли накануне, и отдал якорь, поджидая невесту на том месте, где они условились.

Мы же продолжали намеченный нами путь, и через три дня угодно было господу, чтобы мы добрались до порта Мутипинана [{163}](#) — нашего места назначения, ибо Антонио де Фарии сообщили, что там он сможет продать свой товар.

Глава XLVIII

О сведениях, которые Антонио де Фариа получил об этих краях

Прибыв в этот порт, мы стали на якорь посреди бухты, образованной берегом и небольшим островком, лежащим к югу от устья реки. Салюта при входе в порт мы не произвели и вообще старались не шуметь, решив, пока не рассвело, сделать промеры реки и собрать все нужные нам сведения. Как только взошла луна, то есть примерно в одиннадцать часов, Антонио де Фариа отправил в разведку одну из лантеа с хорошими гребцами и двенадцатью солдатами, командиром которой назначил некого Валентина Мартинса Далпоэма, человека рассудительного и разносторонних способностей, зарекомендовавшего себя в подобных предприятиях.

Покинув нас, он стал производить промеры, пока не добрался до стоянки судов против города, где захватил двух горшечников, спавших в своей лодке. Никем не замеченный, он вернулся к своим и доложил Антонио де Фарии обо всем, что обнаружил, о размерах города и о малом количестве судов, стоявших в порту, почему, как ему казалось, можно было без малейшей опаски войти в порт, ибо если паче чаяния, вследствие каких-либо непредвиденных обстоятельств, Антонио де Фарии не удастся продать там свои товары, как он собирался сделать, то никто не помешает ему выходить из порта столько раз, сколько ему заблагорассудится, так как река всюду широкая и чистая и нигде в ней нет ни опасных подводных камней, ни мелей.

Посоветовавшись, как действовать в этом случае, решили большинством голосов, что двух захваченных мусульман [\[164\]](#) не следует пытаться, как первоначально предполагалось, как потому, чтобы не пугать их, так и потому, что в этом не было надобности. И вот, когда уже наступило утро, после того как все с большой набожностью произнесли литанию пресвятой деве, обещая прекрасные и дорогие подарки для храма Божьей Матери на Холме в Малакке, Антонио де Фариа, приободрив и приласкав двух мусульман и заверив их, что бояться им нечего, допросил их наедине с великой тщательностью относительно всего того, что его интересовало. Они заявили в один голос, что в отношении входа и выхода из реки ни малейших опасений быть не может, так как она самая

судоходная из всех впадающих в бухту, и в реку эту входят и выходят из нее суда гораздо большей вместимости, чем наши, ибо самое мелкое место в ней от пятнадцати до двадцати брас. Жителей нам также не следует опасаться, ибо они очень слабого сложения и не имеют оружия, что же касается иностранцев, находящихся в городе, то большинство из них — купцы, прибывшие девять дней назад из королевства Бенан двумя караванами по пятисот быков в каждом и доставившие много серебра, дерева алоэ, шелка, полотняных тканей, слоновой кости, воска, гуммилака, розного ладана, камфары и золотого песку, вроде того, который добывается на острове Суматре, а покупают перец, пряности и жемчуг с острова Айнана. На вопрос же, нет ли у этих берегов [{165}](#) чьего-либо военного флота, ответили, что нет, ибо большинство войн, которые по своей воле или вынужденно вел прешау, император каушинов [{166}](#), происходили на суше, а если воевали на реках, то только на небольших гребных ладьях, а не на таких крупных судах, как те, которые у него, так как реки для них слишком мелки. Когда же мусульман спросили, далеко ли находится их прешау, они ответили, что он сейчас в двенадцати днях пути, в городе Куангепару [{167}](#), где и пребывает большую часть времени, вместе со своим двором и придворными, управляя мирно и по справедливости своим народом. Далее, на вопрос, какие богатства и источники дохода у императора, они ответили, что рудники и месторождения металлов [{168}](#), составляющие собственность короны, приносят, по крайней мере, пятнадцать тысяч пико серебра, из которых половина по божественному закону творца, создавшего вселенную, принадлежит беднякам, возделывающим землю для пропитания своих семей, кои, с разрешения и согласия всего народа, добровольно передали императору право на эти доходы, дабы отныне и навеки он не отягощал их податями и никак их не притеснял, в чем древние императоры торжественно и принесли клятву, обещаясь соблюдать ее, пока солнце будет освещать землю.

Видя, что собеседники его расположены к ответам, Антонио де Фариа пожелал узнать у них, какое понятие они имеют о том, что видят собственными глазами как ночью на небесах, так и днем в ясном блеске солнца, ибо они часто касались этих предметов в своих речах. На это они ответили, что истина истин заключается в исповедании единого всемогущего бога и вере в него; бог этот создал все на земле и печется о своем творении, а если наш разум порой и не в силах разобраться в своих беспорядочных и противоречивых желаниях, то виною тому не создатель, в котором не может быть несовершенства, а грешник, который в нетерпении

своем берется судить о вещах так, как подсказывает ему его непостоянное и греховное сердце. Когда же Антонио де Фариа спросил у них, признают ли их религия, что господь явился на землю, приняв человеческую плоть, они ответили, что нет, ибо не могло быть причины, способной побудить божество к такой крайности, раз совершенство божественной сущности [{169}](#)освобождает его от наших человеческих невзгод и ему дела нет до земных сокровищ, поскольку пред лицом его славы все является ничтожным.

Путем таких вопросов и других, которые задал им Антонио де Фариа, мы поняли, что люди эти до сих пор не имеют ни малейшего понятия о нашей истине и что исповедуют они устами лишь то, что видят их глаза в образе неба и в красоте дня, почему, то и дело с превеликим усердием воздевая руки к небу, они и повторяют:

— При виде творений твоих, господи, исповедуем твое величие.

После этого Антонио де Фариа приказал отвезти их на берег, предварительно дав им по несколько монет, чему они были очень рады.

Ветер к этому времени стал менять румб, и мы с превеликой радостью и ликованием, покрыв марсы шелковыми навесами и подняв, по китайскому обычаю, торговый флаг, чтобы все видели, что мы купцы, а не кто-нибудь другой, двинулись в путь. Через час мы были уже у города, стали на якорь против причалов и дали залп из нашей артиллерии, но не очень громкий.

Тотчас же от берега отвалило десять или двенадцать алмадий с огромным количеством провизии. Но едва местные жители увидели наши лица и одежду, они пришли в замешательство, ибо поняли, что мы не сиамцы, не яванцы, не малайцы и вообще никто из тех, кого они раньше видели.

— Да принесет нам всем столько же благ заря свежего утра, сколь полным красот кажется нам этот день в присутствии тех, кого мы видим, — сказали они.

Но тем не менее из всего числа алмадий лишь одна отважилась подойти к нам. Люди ее прежде всего спросили, могут ли они, ничего не опасаясь, подняться на борт. На это им ответили, что им ничего решительно не угрожает, ибо мы им братья. Все же из девяти человек, составлявших команду алмадии, к нам на джонку поднялись лишь трое. Антонио де Фариа принял их весьма гостеприимно и, усадив их всех на тонкий ковер, сообщил, что сам он купец, родом из Сиама и что, возвращаясь с товарами с острова Айнана, услышал, будто в этом городе ему будет выгоднее и безопаснее заняться торговлей, чем в каком-либо

другом, так как и купцы и народ здесь более честные, чем китайцы этого побережья и острова Айнана.

— В этом ты не ошибся, — ответили ему, — если ты купец, а на купца ты похож, думаю, что во всех отношениях тебе будет оказан здесь великий почет, а поэтому можешь спать ночью безмятежным сном и ничего не опасаться.

Глава XLIX

О спорах, возникших у Антонио де Фарии в этом порту с наутарелом [{170}](#) города по поводу продажи товаров

Так как Антонио де Фариа опасался, что до города может дойти по сухопутью слух или вести о том, как он расправился с разбойником на реке Танаукир, и что слухи эти могут неблагоприятно повлиять на его дела, он не пожелал выгружать свои товары в таможне, как требовали чиновники, из-за чего ему пришлось испытать немало трудностей и огорчений.

Убедившись, наконец, что добрыми словами своего не добьешься, он велел передать им через купца, служившего посредником, что прекрасно понимает, почему они требуют, чтобы он выгрузил товары на берег, ибо так у них положено по правилам, но что сам он заверяет их, что правилам этим он никоим образом подчиниться не может, ибо пора муссонов уже на исходе, а ему необходимо пойти чинить свою большую джонку, которая дала такую течь, что семьдесят матросов непрерывно качают из нее воду тремя насосами и что он все время рискует отправиться на дно со всем своим добром. А что касается до пошлины, положенной королю, он с превеликой охотой ее уплатит, но только не из расчета тридцати процентов, как они требуют, а из десяти, как всюду принято, и что эти десять процентов он им с готовностью тут же вручит. На это они ничего не ответили и задержали посла, принесшего им это сообщение.

Увидев, что тот не возвращается, Антонио де Фариа поставил паруса на своей джонке и украсился флагами, как человек, которому безразлично, продаст ли он что-либо или не продаст и разрешат ли ему это делать или нет. Все иностранные купцы, прибывшие со своими караванами, видя это и понимая, что из-за упрямства паутарела у них из-под носа уходят товары, с которыми они собирались пуститься в обратный путь, собрались и потребовали, чтобы он вернул Антонио де Фарию, иначе, заявляли они, они отправятся жаловаться королю на учиненную им несправедливость, ибо из-за паутарела они лишатся товара, уже доставленного в порт и который они собирались купить. Паутарел вместе с остальными таможенными чиновниками, опасаясь, что за это его могут наказать и отстранить от должности, согласились уступить купцам, но с тем условием, что, поскольку мы не хотим платить более десяти процентов, они уплатили бы еще пять, чтобы король получил хотя бы половину

пошлины, на что они согласились.

Задержанного отпустили, вручив ему очень любезное письмо, в котором излагался весь ход дела и достигнутое соглашение. На это Антонио де Фариа ответил, что в порт он уже ни при каких обстоятельствах не вернется, так как муссон скоро кончится и у него нет возможности тратить время на всякие стоянки и проволочки, но если они готовы купить весь товар оптом, немедленно доставив требующиеся для этого деньги, он готов его продать, ни на какие же другие сделки не пойдет, так как весьма возмущен недостаточным уважением, проявленным к нему паутарелом, пренебрегшим его предложениями. И если с этими условиями согласны, пусть дадут ответ через час, ибо только такой срок он им дает, а если нет, он отправится в Айнан, где продаст свои товары много выгодней, чем здесь.

Купцы, видя такую решительность, поверив ей и боясь, как бы из их рук не ускользнула возможность купить товары и отправиться тотчас же в обратный путь, поспешили явиться на пяти очень больших баркасах, на которых было множество ящиков с серебром и огромное количество мешков, чтобы ссыпать в них перец.

Подойдя к джонке под флагом командующего Антонио де Фарии, они были им весьма ласково приняты, пересказали ему все то, что у них произошло с городским паутарелом, и горько жаловались на его неспособность и на многие несправедливости, которые им пришлось от него вытерпеть. Однако, поскольку купцы успокоили паутарела, договорившись с ним о пятнадцати процентах, из которых они должны были выплатить пять, купцы просили Антонио де Фарию быть настолько любезным и уплатить обещанные им десять процентов, ибо иначе они не смогут купить у него товары. На что Антонио де Фариа ответил, что согласен, но не столько ради себя, сколько ради них. Купцы были очень ему признательны и обо всем договорились в полном мире и согласии.

К разгрузке товаров приступили с возможной поспешностью, так что за трое суток удалось все взвесить, погрузить в мешки и вручить хозяевам, проверить счета и получить деньги, которых было выручено в общей сложности сто тридцать тысяч таэлей, из расчета шести тостанов на таэль, как я уже несколько раз говорил. Но как бы быстро ни совершалась эта перегрузка, все же известие о том, как мы поступили с разбойником на реке Танаукир, успело дойти до города и вызвать в нем большое возмущение, после чего никто уже больше не хотел приходить к нам на судно. Из-за этого Антонио де Фариа вынужден был поставить паруса и удалиться с поспешностью.

Глава L

О том, что случилось с Антонио де Фарией, когда он стал на якорь в порту Мадел на острове Айнане, где он встретился с пиратом, и что произошло между ними

Мы покинули этот порт и реку Мутипинан и взяли курс на север, так как Антонио де Фариа намерен был идти на остров Айнан, чтобы найти некую реку Мадел и там поставить на якорь сильно протекавшую большую джонку или раздобыть лучшую и более водонепроницаемую в обмен на любой товар.

На тринадцатый день плавания при противном ветре Антонио де Фариа подошел к холму Пуло-Хиньор на Кокосовом острове, но, не услышав там ничего о Коже Асене, которого разыскивал, отправился на южный берег, где захватил несколько хороших призов, и, как мы полагали, справедливо приобретенных.

Ибо в его намерения никогда не входило грабить первого встречного, а только пиратов, убивавших или грабивших многих христиан, посещавших этот залив и побережье Айнана. Пираты эти вступали в сделки с мандаринами соседних портов и давали им изрядные взятки, дабы те разрешали им продавать на суше то, что они награбили на море. Но так как господу нашему всегда было присуще из великих зол извлекать великие блага, он позволил по справедливости своего божественного правосудия, чтобы упомянутое мною разбойничье нападение, совершенное на нас Кожей Асеном в устье Лугора, послужило причиной тому, чтобы в Патане Антонио де Фариа принял решение отправиться на поиски злодея, а благодаря этому оказались наказанными и другие разбойники, которые с лихвой заслужили такое возмездие со стороны португальцев.

Мы уже несколько дней с великими трудами производили поиски в Каушеншинском заливе, когда восьмого сентября, в день рождества пресвятой богородицы, после того как мы зашли в гавань под названием Мадел из страха перед новолунием, которое в этих широтах зачастую сопровождается столь сильными бурями и дождями, что нет такого судна, которое могло бы против них устоять (эти бури китайцы называют тайфунами), и погода уже три или четыре дня стояла пасмурная и ничего доброго не предвещала, так что все джонки спешили укрыться в ближайшем безопасном месте, угодно было господу нашему, чтобы вслед

за многими судами, искавшими здесь прибежища, вошел в эту гавань один весьма знаменитый пират по имени Инимилау, китаец родом, но незадолго до этого сменивший язычество на мусульманство. Пират этот, как говорят, по наущению касизов магометанской веры, которую он недавно принял, стал самым лютым врагом христиан и во всеуслышание заявлял, что бог обязан дать ему место на небе за те великие услуги, которые он оказал ему на земле, избавляя ее понемногу от негодной породы португальцев, которая с молоком матери впитала любовь ко всякому злу, чем уподобилась жителям Обители Дыма. Таким вот образом и подобными речами поносил он нас столь постыдным и омерзительным образом, что и представить себе невозможно.

Пират этот вошел в реку на очень большой высокобортной джонке, весь экипаж которой был занят парусами, так как ветер и дождь были очень сильны. Проходя мимо нашей стоянки, он отсалютовал нам на китайский лад, на что мы ответили тем же, так что он не заподозрил в нас португальцев. Не догадывались и мы, что он пират, полагая, что имеем дело с такими же мирными китайцами, как те, что каждый час входили в эту гавань, спасаясь от бури. Но на борту у пирата находились пятеро христианских мосо, которых он взял в плен. Те нас узнали и все в один голос воскликнули три раза: «Смилуйся над нами, господи!»

Когда мы слышали этот крик, все поднялись па палубу, чтобы узнать, в чем дело, даже не предвидя того, что могло случиться дальше. Едва мы увидели, что это христианские мосо, мы строго приказали матросам проходившего судна лечь в дрейф, но они вместо этого в знак презрения к нам ударили и барабан и издевательски крикнули три раза очень громко, размахивая и угрожая нам обнаженными мечами.

Когда они стали на якорь примерно в четверти легуа от нас, Антонио де Фариа захотел узнать, что это за люди, и послал к ним хорошо вооруженную шлюпку; не успела она подойти к борту джонки, как ее забросали таким дождем камней, что находившиеся в ней чуть не лишились жизни. Когда она вернулась назад, все гребцы были в ссадинах, а португалец, находившийся в ней, получил две большие раны.

Увидев, что он возвращается весь в крови, Антонио де Фариа спросил, что случилось, на что тот ответил:

— Я, сеньор, не понимаю, в чем дело, но сами вы видите, как с нами обошлись.

И, показав ему раны на голове, объяснил, каким образом они были получены. Все это привело Антонио де Фарию в великое смущение, и он долго ничего не говорил. Наконец, взглянув на присутствующих, он

обратился к ним со следующими словами:

— Слушайте, сеньоры и братья мои! Пусть здесь не окажется никого, кто бы сейчас не приготовился к бою, ибо мы, с помощью Христа, должны узнать, в чем дело. Чует мое сердце, что это не кто иной, как собака Кожа Асен, и, возможно, он сегодня же заплатит за награбленные у нас товары.

С великой горячностью велел он тотчас же выбрать якоря и на трех джонках и лантеа отправился под парусами на неприятеля. Когда мы приблизились на расстояние ружейного выстрела, Антонио де Фариа приказал дать залп из тридцати шести орудий, из которых двенадцать были фальконеты и мортиры, а одно — бронзовая осадная пушка, стрелявшая чугунными ядрами. Неприятель был настолько поражен, что не придумал ничего лучшего, как оставить якоря и попробовать выброситься на берег. Но намерение или желание это ему выполнить не удалось, так как Антонио де Фариа разгадал его и успел перерезать ему путь, взяв его на абордаж соединенными силами всех джонок и лантеа, вместе взятых.

Завязался ожесточенный бой: те, кто был близко, вступили врукопашную, а те, кто подальше, метали друг в друга копьями и горшками с порохом; непрерывно стреляло более ста аркебузов; вся схватка продолжалась почти полчаса, причем никак нельзя было предвидеть, кто одержит верх. Но под конец боя угодно было господу нашему, чтобы неприятель, у которого было много раненых и обожженных, не выдержал, и все побросались в воду, что воодушевило наших, и они с громкими криками устремились занимать неприятельский корабль.

Антонио де Фариа, видя, что неприятель тонет из-за сильной волны и быстрого течения, сел на один из двух баланов, на который посадил гребцов и солдат, и с величайшей поспешностью бросился спасать утопавших, из которых выловил шестнадцать человек, не желая, чтобы они погибли, как остальные, так как ему были нужны гребцы на лантеа, ибо в предыдущих схватках большая часть их была перебита.

Глава LI

Как Антонио де Фариа захватил живьем пирата — капитана джонки и о том, какова была дальнейшая судьба последнего

После того как была одержана описанная мною победа, первым долгом оказали помощь раненым, ибо дело это было самое важное. Затем Антонио де Фариа, убедившись, что один из шестнадцати спасенных тот самый пират, приказал его привести к нему, и когда ему перевязали две его раны, спросил, где находятся христианские мосо португальцев, на что тот нагло ответил, что не знает. Стали ему угрожать, и тут он попросил, чтобы ему сначала дали выпить воды, так как иначе он говорить не может. Когда ему принесли ее, он набросился на воду с такою жадностью, что почти всю ее пролил. И так как он не утолил жажды, то снова попросил пить, сказав, что если он напьется, то клятвенно обещает законом Магомета и всем Алькораном сообщить все, что захотят от него узнать. Антонио де Фариа тотчас приказал принести ему воды вместе с банкой варенья, к которому тот не притронулся, воды же выпил большое количество. Когда после этого его вновь спросили, где находятся христианские рабы, он ответил, что их найдут в носовом трюме.

Антонио де Фариа немедленно отправил за ними трех солдат; те, открыв люк, чтобы вызвать пленников наверх, увидели, что они лежат внизу с отрубленными головами. Солдат это привело в такой ужас, что они страшно закричали:

— Иисусе, Иисусе, Иисусе! Ваша милость, идите сюда и вы увидите горестное зрелище!

Антонио де Фариа со всеми окружавшими его бросился на нос корабля и, увидев сваленные в кучу трупы, был так потрясен, что не мог сдержать слез и, обратив взор свой к небу и воздев руки, произнес громким и скорбным голосом:

— Благословен будь, господь мой Иисус Христос, что по милости и долготерпению своему терпишь столь тяжкие оскорбления!

Когда он приказал поднять их наверх, не было человека, кто способен был бы удержаться от слез или не проявить своего горя каким-нибудь другим еще более сильным образом, ибо среди убитых мы увидели женщину с двумя невинными и хорошенькими детьми от шести до семи лет — они были обезглавлены самым безжалостным образом, а пять мосо,

которые звали нас на помощь, лежали выпотрошенные, с выпущенными наружу кишками.

Антонио де Фариа снова сел на свое место и спросил пирата, почему он поступил так жестоко с этими невинными существами. На это он ответил, что наказал их за предательство, ибо они показали на глаза его злейшим врагам — португальцам и призвали на помощь своего бога; относительно же двух детей сказал, что вполне достаточно было того, что это дети португальцев, которых он никогда не любил. С такой же независимостью он отвечал и на другие вопросы и проявлял такое упорство, словно это был сам дьявол.

Антонио де Фариа спросил, христианин ли он, на что тот ответил, что нет, но был им в те времена, когда дон Пауло да Гама комендантовал в Малакке. А когда Антонио де Фариа пожелал узнать, какие причины заставили его отречься от христианства, которое обеспечивало ему спасение, и принять закон Магомета, неспособный принести ему ничего, кроме гибели его души, он ответил, что стоило ему обратиться в христианство, как сразу уважение, которое питали к нему португальцы, исчезло, и если раньше, когда он был язычником, все разговаривали с ним, сняв шапку, и величали его Киай некода, что значит «господин военачальник», то после того, как он стал христианином, с ним перестали считаться. Поэтому он отправился в Бинтан и принял магометанство, после чего король Жантаны, который там оказался, стал обходиться с ним с большой учтивостью, а все мандарины называли братом. Тогда-то он дал обещание, которое подкрепил клятвой на Книге цветов, что, пока будет жив, будет злейшим врагом португальского народа и всех прочих людей, исповедующих христианскую веру, и что король и главный касиз Моулана весьма его за это хвалили и уверяли, что, если он будет так поступать и дальше, душе его обеспечено блаженство.

Потом его спросили, сколько времени прошло с тех пор, как он восстал против португальцев, какие корабли он у них захватил, скольких человек убил и каких товаров нагребил. Он ответил, что случилось это семь лет назад и первое судно, которое он захватил, была джонка Луиса де Павии, на которую он напал на реке Лиампо, и было на ней четыреста баров перца, а других пряностей не было; убил он на ней восемнадцать португальцев, не говоря об их рабах, которым он счет не вел, так как убивать поклялся не их. После этого, благодаря счастливому стечению обстоятельств, ему удалось захватить еще четыре судна, на которых он перебил около трехсот человек, но португальцев среди них было не более семидесяти. А количество товаров, которое он захватил, могло составить

от тысячи пятисот до тысячи шестисот баров перца и прочего, из которых король Пана тут же отобрал у него больше половины за право укрыться в его стране и быть в безопасности от португальцев, а ему дал ту сотню человек, которые всюду следовали за ним и повиновались ему как своему властителю.

На вопрос, убивал ли он еще португальцев или разрешал другим их убивать, он ответил, что нет, но что два года назад, когда он находился на реке Шоабокек, в Китае, туда пришла большая джонка с множеством португальцев, капитаном которой был его большой друг, некий Руи Лобо, посланный комендантом Малакки Эстеваном да Гамой торговать. Накупив товаров и расцветив свою джонку множеством флагов на радостях, что плавание его обогатит, Лобо вышел из реки. Но на шестом дне пути очень большая волна образовала в его джонке пробоину, и так как справиться с течью ему не удалось, он вынужден был вернуться в порт, который он только что покинул. Дул свежий ветер, и Лобо шел под всеми парусами, так как хотел поскорее прийти, но джонка его внезапно пошла ко дну, и из всего экипажа спаслись только Руи Лобо с семнадцатью португальцами и несколькими рабами, которые на сампане добрались до скалистого островка Ламау, не имея ни паруса, ни воды, ни провианта. Рассчитывая на давнюю дружбу, Руи Лобо умолял его, стоя на коленях и обливаясь слезами, взять его на свою джонку, на которой мусульманин в это время направлялся в Патане, и обещал ему за это две тысячи крузадо. Пират согласился и взял его к себе на борт. Но мусульмане посоветовали ему не полагаться на дружбу христиан, если он не хочет лишиться жизни, так как стоит последним набраться сил, как они захватят его джонку со всеми находящимися в ней товарами, как они не раз это делали всюду, где только бывали. Боясь, что опасения мусульман могут оправдаться, он однажды ночью, когда португальцы спали, перебил их всех, о чем впоследствии не раз сожалел.

Антонио де Фариа вместе со всеми окружавшими его пришел по справедливости в такой ужас от столь чудовищного преступления, что, не желая задавать ему больше вопросов, приказал убить его вместе с оставшимися в живых четыремя пиратами и тела их выбросить в море.

Глава LII

О том, что еще произошло с Антонио де Фарией на этой реке Мадел, о столкновении его с местными жителями и о том, что было после того, как он вышел из реки

После того как пират и его сообщники получили по заслугам, была произведена опись товаров, находившихся на джонке; оказалось, что стоимость их доходит почти до сорока тысяч таэлей в шелках, атласах, штофных тканях, крученом шелке и мускусе, не говоря уже о множестве тонкого фарфора и тканей, которые пришлось сжечь вместе с джонкой, так как не было достаточного экипажа, чтобы управлять ею.

Этот славный подвиг привел китайцев в такой ужас, что они цепенели всякий раз, как слышали имя португальцев. Капитаны — владельцы джонок, находившихся в этом порту, полагая, что и с ними могут поступить таким же образом, решили поэтому собраться на совет, который они называют бишара, и на нем выбрали двух самых почтенных лиц, наиболее подходящих для возлагаемого на них поручения. Последних они направили в качестве послов к Антонио де Фарии, прося его, как повелителя морей, заверить их именем своей религии, что им не учинено будет никаких препятствий в отношении выхода из этого порта и совершения предположенных ими до конца муссонов плаваний и что за такое попечительство о них, его подданных и данниках, они, его рабы, обязуются немедленно выплатить ему, как их сюзерену, двадцать тысяч таэлей серебром.

Антонио де Фариа любезно принял послов и согласился выполнить их просьбу, подкрепив слова свои клятвой, что они могут быть спокойны под его покровительством и что ни один разбойник отныне не осмелится отнять у них что-либо из их товаров. Один из послов остался заложником, а другой отправился за серебром и вернулся через час, привезя с собой еще прекрасный подарок из драгоценных тканей, который Антонио де Фарии решили преподнести все капитаны.

Писать им охранные грамоты Антонио де Фариа посадил одного из своих мосо по имени Коста, назначив определенную цену за каждую бумагу: капитаны джонок должны были платить пять таэлей, а капитаны ванканов, лантеа и баркасов — по два.

И вышло так, что за тринадцать дней, что длилось писание этих

грамот, мосо этот, со слов его завистников, заработал более четырех тысяч таэлей только звонкой монетой, не говоря о многих весьма ценных вещах, которые он получал в подарок, чтобы он выдал им поскорее бумагу. А написаны были грамоты по следующему образцу: «Ручаюсь словом своим некое такому-то, что ему обеспечено безопасное плавание вдоль всего китайского побережья и что ему не будет учинено никаких притеснений со стороны моих соотечественников, если он, встречаясь с португальцами, будет обращаться с ними, как с братьями». Внизу он подписывался: Антонио де Фариа. Обязательства эти соблюдались всеми неукоснительно и с полной добросовестностью.

Отныне Антонио де Фариа так боялись по всему побережью, что даже сам шаэн острова Айнана, иначе говоря, вице-король острова, узнав об Антонио понаслышке, снарядил к нему посла с богатым подарком из жемчуга и золотых пес и написал ему письмо, в котором говорил, что был бы очень рад, если бы Фариа согласился поступить на службу к Сыну Солнца в качестве начальника его морских сил на побережье от Ламау ^{171} до Лиампо с жалованьем в десять тысяч таэлей в год, и если Антонио де Фариа будет ему верно служить, в чем шаэн не сомневается, по тем сведениям, которые дошли до него, то заверяет его, что через три года Антонио получит повышение и войдет в число сорока шаэнов империи и будет высшим судьей. Шаэн говорил ему также, что такие люди, как Фариа, если они верны своему правителю, становятся из шаэнов тутанами, которых всего двенадцать, и Сын Солнца, Венценосный Лев на Престоле Вселенной ^{172}, допускает их до своего ложа и стола, словно это члены, пришедшие к его, Сына Солнца, телу, дабы служить ему украшением и выполнять его волю, и что таким тутанам положено вознаграждение в сто тысяч таэлей.

Антонио де Фариа ответил, что весьма благодарен за предложение, но весьма учтиво, пользуясь принятыми у них оборотами речи, отклонил его, говоря, что не считает себя достойным почетных должностей, которые ему предлагают, однако готов, если только его об этом попросят тутаны Пекина, служить их императору безвозмездно.

После этого, выйдя из помянутого порта Мадел, где он простоял четырнадцать дней, Антонио де Фариа снова продолжал свой путь вдоль побережья залива, стараясь что-либо разузнать о Коже Асене, поскольку главной целью все время оставалось его найти, как об этом прежде уже было сказано, и ничего другого у него не было на уме, как искать его повсюду, и эта забота преследовала его денно и нощно.

Поэтому-то, полагая, что он может натолкнуться на него в этом заливе, он, испытывая множество трудов и не раз рискуя своей жизнью, задержался в нем больше, чем на шесть месяцев, к концу которых прибыл в некий весьма великолепный город под названием Куангепару, изобилующий множеством весьма богатых зданий и храмов, и простоял в его порту целый день и следующую ночь, всем видом своим стараясь не отличаться от купца и мирно приобретая товары, которые ему доставляли на судно. Город этот, по подсчетам некоторых, имел более пятнадцати тысяч очагов, а поэтому, как только наступило утро, Антонио де Фариа снялся с якоря, не обратив на себя ни малейшего внимания местных жителей, и, несмотря на противный ветер, продолжал свое плавание, так что за двенадцать дней завершил обход как южного, так и северного побережья этого залива, нигде не обнаружив ничего, чем мог бы поживиться.

На побережье этом встречались небольшие поселения от двухсот до пятисот домов; некоторые из них были обнесены кирпичными стенками, но с помощью каких-нибудь трех десятков добрых солдат ими можно было легко овладеть, так как народ здесь хилого сложения и не имеет иного оружия, кроме отравленных палок, порой коротких мечей, а также щитов из сосновых досок, выкрашенных в красный и черный цвета. Между тем климат здешних мест и плодородие их наилучшие, которые только можно себе представить, и такого достатка я еще нигде не видал: мы были поражены количеством крупного рогатого скота, столь великим, что не было возможности его сосчитать; обширными равнинами, покрытыми пшеницей, рисом, ячменем и просом, равно как и огородами с самыми разнообразными овощами. Местами виднелись огромные каштановые рощи, сосновые боры и заросли анжелиновых деревьев, как в Индии, из которых можно было бы построить бесчисленное количество кораблей. А по словам иных купцов, с которыми говорил Антонио де Фариа, в стране этой много меди, серебра, олова, селитры и серы, а также огромные пространства плодородной земли, не используемой слабосильными жителями. Если бы всем этим владели мы, то, верно, имели бы куда больший прибыль, чем ныне за грехи наши извлекаем из Индии.

Глава LIII

О том, как мы потерпели крушение у Разбойничьего острова

Прошло уже семь с половиной месяцев, как мы плавали в этом заливе, переходя от одного берега к другому и от одной реки к следующей, как на северном и южном побережьях залива, так и на острове Айнане и за все это время Антонио де Фарии ни разу не удалось что-либо разузнать о Коже Асене. Солдатам наконец наскучило терпеть столько времени лишения, они сговорились и потребовали от своего начальника, чтобы он выдал каждому ту часть призов, которая полагалась им согласно скрепленной его подписью грамоте, ибо с этим имуществом они хотели отправиться в Индию или куда им заблагорассудится.

По этому поводу было немало споров и недовольства, но под конец было решено, что суда отправятся на зимовку в Сиам, продадут там товары, находящиеся в джонках, и дележка добычи совершится уже золотой монетой, которая будет выручена от этой продажи. Все поклялись соблюдать это соглашение и приложили свои руки к составленной по этому случаю бумаге, после чего корабли стали на якорь у некоего острова, прозванного Разбойничьим. Последний выбрали потому, что лежал он ближе других к открытому морю и сняться с его рейда и пойти в дальнейший путь можно было с первым же дыханием муссона.

Мы уже двенадцать дней стояли на якоре, томясь желанием поскорее отплыть в Сиам, как наступило октябрьское новолуние, которого мы всегда опасаемся, а с ним судьбе угодно было наслать на нас такой ветер и дождь, что в буре этой было нечто сверхъестественное. К несчастью, нам не хватило канатов, так как запасные покрылись плесенью и наполовину прогнили, а между тем море становилось все беспокойнее, зюйд-остовый ветер захватил нас с незащищенной стороны и погнал к берегу. Волны поднялись такие, что, хотя мы приняли все необходимые меры к спасению, как-то: срубили мачты, скинули за борт надстройки на носу и на корме и все, что возвышалось над верхней палубой вместе с расположенными там грузами, пустили в ход насосы и к канатам на шпилях и тросам стали крепить вместо якорей крупные орудия, сняв их с лафетов, — ничто не помогало, и спастись нам не удалось. Темнота была глубокая, воздух — ледяной, море бурное, ветер необычайной силы, валы огромных размеров и высоты, и ярость стихий столь велика, что ни на что нам не оставалось

уповать, как на милосердие господя, к которому мы, заливаясь слезами, взывали из всех наших сил. Но так как по прегрешениям нашим мы были недостойны такой милости, господь по справедливости своей определил, чтобы в два часа пополудни на нас налетел такой шквал, что все четыре судна сорвало с места и разбило о берег, причем погибло пятьсот восемьдесят шесть человек и в их числе двадцать восемь португальцев.

Все те, кто по милости всевышнего оказался спасенным (а осталось нас в живых всего пятьдесят три человека, из коих двадцать два португальца, остальные же — рабы и матросы), укрылись, нагие и израненные, в прибрежной топи, где и оставались до рассвета. А когда наступило утро, мы выбрались на берег, который был весь усеян трупами. Зрелище это столь ошеломило и ужаснуло нас, что не было никого, кто не бросился бы на землю, горько оплакивая погибших, и не бил бы себя с отчаяния по лицу.

Так продолжалось почти до вечера, когда Антонио де Фариа (который по милости божьей остался в живых, что хоть немного нас утешило), подавляя в себе ту скорбь, которую мы не в силах были утаить, накрыв свои плечи красным китайским халатом, который он снял с одного из погибших, направился туда, где находились оставшиеся в живых, и с веселым лицом и сухими глазами произнес краткую речь, в которой, возвращаясь не раз к тому, сколь изменчивы и неверны все дела мирские, просил их, как братьев, постараться скорее забыть о случившемся, поскольку горестными воспоминаниями они лишь бередают друг другу раны. И если судьбе было угодно за грехи наши наслать на нас бурю и повергнуть нас в теперешнее жалкое состояние, единственное, что остается, — это проникнуться правотой того, что он нам проповедует и внушает, а именно, что господь и в этих безлюдных и непроходимых лесах найдет средство спасти нас: нам надлежит только твердо верить, что господь никогда не допускает зла без блага. Он же, Фариа, убежден в том, что, если при этом крушении мы потеряли пятьсот тысяч крузадо, в недалеком будущем мы приобретем их более шестисот тысяч.

Краткую эту речь люди слушали с превеликим плачем и отчаянием. Два с половиной дня ушло на то, чтобы похоронить трупы, лежавшие на берегу. За это время нам удалось спасти кое-какие поврежденные водой припасы. Хотя их и было порядочно, но воспользоваться ими мы могли лишь первые пять дней из пятнадцати, в течение которых мы оставались на острове, ибо они пропитались морской водой, стали быстро портиться, и их уже нельзя было употреблять в пищу.

После того как мы провели в великих испытаниях эти пятнадцать

дней, господу нашему, никогда не оставляющему тех, кто на него твердо уповает, угодно было чудесным образом даровать нам, нагим и нищим, средство спасения, о котором я сейчас расскажу.

Глава LIV

О дальнейших испытаниях, которые нам пришлось претерпеть на этом острове, и о том, как мы чудесным образом спаслись

Все уцелевшие от описанного мною плачевного кораблекрушения, нагие и босые, бродили по берегу и окрестным лесам; мы так исстрадались от голода и холода, что иные из нас внезапно падали мертвые. Впрочем, главной причиной был не столько недостаток пищи, сколько вред от заплесневевшей и прогнившей еды. Она не только невыносимо воняла, но еще и прогоркла, так что ее невозможно было взять в рот.

Но так как господь наш по самой природе своей является бесконечным благом, нет такого далекого и безлюдного угла, где бы остались скрытыми от него страдания грешников и где он не пришел бы им на помощь тем или иным проявлением своего безмерного милосердия, столь недоступного для нашего воображения, что, если бы мы вдумались, каким образом оно порой воплощается, мы ясно бы поняли, что все это скорее чудеса, сотворенные его божественными руками, нежели естественное стечение обстоятельств, которому наше слабое разумение зачастую ошибочно приписывает эти божественные дела.

Я говорю это потому, что как-то раз, в день святого архангела Михаила, когда мы все проливали в изобилии слезы, не надеясь уже, по слабости нашей жалкой природы и маловерию, на облегчение нашей участи, над нами показался коршун, летевший со стороны возвышенности, расположенной в южной части острова. Он парил над нами с распростертыми крыльями, и в это мгновение из его когтей выпала свежая кефаль длиной почти в пядь. Упала она почти на то самое место, где находился Антонио де Фариа, что повергло его в некоторое смятение и растерянность, пока он не понял, откуда она взялась.

Посмотрев некоторое время на рыбу, он стал на колени и, заливаясь слезами, которые стекали у него по щекам, между тем как из самых недр его груди вырвался глубокий вздох, произнес:

— Господи Иисусе Христе, вечный сыне божий, во имя твоих священных страстей смиренно молю тебя, не вменяй нам в вину уныние, в которое повергли нас муки нашей слабой плоти. Ибо твердо верю, что кем ты был древле для Даниила во рве львином, коему ты помог чрез пророка

твоего Аввакума, тем, по милости своей, будешь ныне и нам — и здесь и повсюду, где бы с непоколебимой верой и упованием ни воззвал к тебе грешник. А посему, господь и бог мой, умоляю тебя, но не ради себя, а ради тебя, по заступничеству твоего святого ангела, праздник которого справляет днесь твоя святая церковь, обрати свой взор не на то, каковы наши заслуги перед тобою, но каковы твои заслуги перед нами, да почтешь за благо даровать нам то средство спасения, кое мы от тебя единого чаем, и по милосердию своему пошли нам возможность достичь христианской земли, где, посвятив себя твоему святому служению, мы окончили бы жизнь верными твоими слугами.

И, взяв рыбу в руки, он испек ее на горячих угольях и накормил ею больных, более всех нуждавшихся в такой пище. И, взглянув в сторону холма, откуда прилетел коршун, он заметил, что там кружится много таких же птиц, то излетающих вверх, то опускающихся вниз, из чего можно было заключить, что там имеется какая-нибудь дичь или падаль, которой эти птицы питаются. И так как нее мы старались найти какое-нибудь сродство, чтобы помочь больным, которых у нас было немало, мы все, обливаясь слезами, еле волоча ноги, потянулись туда процессией и, поднявшись на вершину холма, обнаружили совершенно плоскую равнину, покрытую множеством различных плодовых деревьев, а посредине ее реку с пресной водой. На пути туда господь привел нас натолкнуться на только что обезглавленную тушу оленя, которую начал пожирать тигр. Мы все издали громкий крик, заставивший его бросить добычу и скрыться в лесной чаще.

В этом мы увидели доброе предзнаменование и поспешили спуститься к реке, на берегу которой славно насытились в эту ночь как мясом этого оленя, так и многими кефальями, которые мы раздобыли там, так как над рекой сновали коршуны, спускавшиеся к воде и вылавливавшие оттуда рыб; крики же наши заставляли их зачастую выпускать из когтей свою добычу.

У этой реки мы занимались подобной рыбной ловлей начиная с понедельника, когда мы добрались до нее, и до следующей субботы, когда ранним утром мы заметили, что к острову приближается какое-то судно. Мы не знали, зайдет ли оно в гавань или нет, но решили спуститься к тому берегу, где потерпели крушение. Примерно через полчаса мы увидели, что судно это небольшое, а потому вынуждены были снова скрыться в лесу, чтобы нас не испугались.

Оно зашло в гавань, и мы увидели, что это красивая гребная лантеа, экипаж пришвартовал ее концами с носу и с кормы к высокому берегу реки, впадавшей в бухту, чтобы воспользоваться сходнями. Когда все люди

сошли на берег, а было их человек тридцать, они немедленно начали набирать дров и воды, стирать платье и готовить пищу, другие же занялись борьбой или развлекались как-нибудь иначе, весьма далекие от мысли, что здесь может оказаться кто-либо способный им помешать.

Когда Антонио де Фариа заметил, как беспечно и неосторожно ведут себя эти люди и что в лантеа не осталось никого, кто мог бы оказать сопротивление, он обратился ко всем нам, собравшимся в кучу, со следующими словами:

— Вы ясно видите, сеньоры и братья мои, то печальное положение, в какое нас повергли наши прегрешения, причиной коих, полагаю и готов это открыто признать, были исключительно грехи вашего начальника. Но милосердие господя нашего бесконечно, и я верю, он не допустит, чтобы мы здесь столь бесславно погибли. И хоть знаю, вам не нужно объяснять, как важно для нас завладеть этим судном, которое господь чудом привел сюда, все же упоминаю об этом, дабы мы все, как один человек, с его святым именем на устах и в сердце, напали на судно и скрылись в нем, прежде чем кто-нибудь нас услышит. А когда вы окажетесь на лантеа, прошу вас, пусть единственной вашей целью будет захватить оружие, которое вы там обнаружите, ибо им мы сможем защищаться и сделаемся хозяевами судна, в котором, после господя, заключается вся наша надежда на спасение. Итак, как только я три раза произнесу: «Иисусе, именем твоим», — не упускайте меня из вида и делайте то же, что и я.

На это все ответили, что так и будет сделано.

И когда все сговорились, как лучшим образом выполнить эту прекрасную задачу, Антонио де Фариа подал условленный знак и бросился бежать к лантеа, а за ним последовали и мы. Судном мы завладели мгновенно, так как никто не оказывал нам сопротивления, отдали швартовы и отошли на расстояние выстрела из арбалета.

Китайцы, никак этого не ожидавшие, едва услышав шум, бросились на берег, но когда увидели, что лантеа их захвачена, застыли на месте, не зная, что предпринять; когда же мы дали по ним выстрел из небольшого чугунного полевого орудия, которым было вооружено их судно, они все скрылись за деревьями, где и оплакивали свою горькую долю, точно так же, как мы до этого оплакивали нашу.

Глава LV

Как мы покинули Разбойничий остров, направляясь в порт Лиампо, и что случилось с нами, пока мы не достигли реки под названием Шинграу

После того как все мы оказались на борту лантеа и уверились в том, что китайцы не могут причинить нам ни малейшего вреда, мы принялись неторопливо есть их ужин, который им приготовил старик повар. Заключался он в двух кастрюлях риса с уткой и свиными шкварками и пришелся нам весьма по вкусу, если судить по аппетиту, с которым его поедали.

Отужинав и воздав господу хвалу за милость, которую он нам оказал, мы принялись разыскивать товары, находившиеся на судне. Мы нашли шелковые и штофные ткани, крученую шелковую нить, атлас и три больших глиняных сосуда, наполненных мускусом, — всего на четыре тысячи крузадо, не считая изрядного запаса риса, сахара, окороков и двух клеток с курицами, которые показались нам наиболее ценными, так как пища эта могла спасти больных, которых было еще достаточно много. Мы принялись без зазрения совести кромсать штуки материи, дабы снабдить себя недостававшей одеждой.

В это время Антонио де Фариа заметил мальчика лет двенадцати или тринадцати, белолицего и миловидного, и спросил его, откуда следовала эта лантеа и по какой причине она зашла в эту гавань, чья она была и куда намеревалась идти.

На что тот ответил:

— Она принадлежала несчастному отцу моему, которому выпала печальная и горестная доля быть менее чем за час лишенным вами всего того, что он скопил более чем за тридцать лет. А плыл он из места, называемого Куоаманом [{173}](#), где приобрел все эти товары в обмен на серебро, и собирался продать их сиамским купцам, приходящим на своих джонках в порт Конхай. Несчастной судьбе было угодно завести его из-за недостатка пресной воды в этот порт, где вы забрали все его товары, нимало не боясь небесного правосудия.

Антонио де Фариа сказал ему, чтобы он не плакал, и приласкал его, как мог, обещая, что будет обращаться с ним, как с родным сыном, ибо таким он его считает и будет считать вечно.

В ответ на это мальчик посмотрел на него и сказал с недоверчивой улыбкой:

— Хотя я и мал, не думайте, что я, как дитя, поверю, будто человек, ограбивший моего отца, станет любить меня, как сына. Но если я ошибся и это действительно так, я очень, очень, очень прошу тебя ради твоего бога позволить мне броситься в воду и доплыть до той злополучной земли, где остался зачавший меня, ибо он настоящий мой отец, с которым я предпочитаю умереть в том лесу, где несчастный старик оплакивает меня, чем жить среди таких бессовестных людей, как вы.

Некоторые из присутствующих при этом стали корить мальчика за то, что он говорит такие вещи, что это нехорошо.

На что он ответил:

— Знаете, почему я вам это говорю? А потому, что я видел, как вы, наевшись, воздевали руки к небу и губами, лоснящимися от жира, возносили благодарения господу, как люди, которые считают, что небу достаточно, если перед ним осклабят зубы, и им дела нет, будет ли возмещен ущерб, нанесенный другому человеку. Но я-то знаю, что всемогущий не столько повелевает нам шевелить губами, как запрещает грабить и убивать — два греха, всю тяжесть которых вы познаете после смерти, когда его божественное правосудие жестоко вас покарает.

Пораженный этими словами, Антонио де Фариа спросил мальчика, не хочет ли он стать христианином. На что тот, пристально взглянув на него, ответил:

— Мне непонятно, что ты говоришь, и неизвестно, что ты мне предлагаешь. Объясни мне все сначала, и тогда я смогу тебе дать разумный ответ.

Тогда Антонио де Фариа очень осторожно, как он это умел, постарался просветить его, но мальчик ничего не ответил, а только поднял глаза к небу и, воздев руки, произнес сквозь слезы:

— Благословенно, господи, твое долготерпение, ибо ты терпишь на земле людей, которые так хорошо говорят о тебе и так дурно соблюдают твои законы, как эти вот слепые злодеи, полагающие, что их грабежи и молитвы так же угодны тебе, как угодны они земным тиранам.

И, не желая больше отвечать ни на какие расспросы, он забился в угол, заплакал и три дня не прикасался ни к какой пище, которую ему давали.

Между тем был собран совет, чтобы решить, каким курсом надлежит теперь следовать и идти ли на север или на юг. Мнения по этому вопросу высказывались самые различные, но наконец все согласились направиться в Лиампо, гавань, отстоявшую от нас на двести шестьдесят легуа к северу,

ибо могло случиться, что, следуя вдоль берега, нам удастся разжиться другим судном, большим по размерам и более подходящим для наших целей, ибо то, которым мы располагали, было слишком мало для столь длительного плавания и небезопасно в случае жестоких бурь, которые в новолуние на этом побережье Китая бывают причиной весьма частых кораблекрушений.

С этим намерением мы, когда уже почти стемнело, покинули Разбойничий остров, оставив на берегу вконец растерявшихся китайцев, и всю ночь шли по курсу ост-норд-ост. На рассвете мы увидели скалистый островок Гинто, где захватили рыбацкий баркас с большим количеством свежей рыбы. Забрав то, что нам было нужно, а также восемь человек из двенадцати, находившихся на баркасе, для того чтобы управлять лантеа, так как наши люди после всех перенесенных ими лишений ослабели и с ней не справлялись.

Мы спросили у этих восьми рыбаков, какие имеются порты на этом побережье до Шиншеу, где, как нам казалось, мы сможем встретить какое-нибудь судно из Малакки, и они нам ответили, что в восемнадцати легуа от нас находится очень хорошая река с хорошей якорной стоянкой под названием Шинграу, в которой постоянно встречается множество джонок, перевозящих соль, квасцы, растительное масло, горчицу и кунжут, и где мы сможем прекрасно оснаститься и снабдить себя всем, что нам необходимо. В устье этой реки находится небольшая деревня под названием Шамой, насоленная рыбаками и бедным людом, но в трех легуа от нее вверх по течению расположен город, где имеется много шелку, мускусу, фарфора и прочих товаров, которые отсюда развозят по различным краям.

Получив эти сведения, мы направились в эту реку, куда и прибыли на другой день к вечеру, и стали на якорь примерно в одной легуа от нее в открытом море, так как боялись, что грехи наши могут принести нам какую-нибудь неприятную неожиданность, вроде тех, которые мы уже испытали.

В следующую по нашем прибытии ночь мы захватили рыбачью лодку и спросили у рыбаков, какого рода джонки стоят на реке, сколько их числом, кто на них находится и прочие интересующие нас подробности. На это нам ответили, что выше по течению у города наберется самое большее двести джонок, так как остальные уже отправились в Айнан, Сумбор, Лайло ^{174} и другие порты Каушеншины, но что в селении Шамой нам никакая опасность не грозит и что нам продадут все припасы, которые могут потребоваться.

Антонио де Фариа понимал, что лантеа, на которой мы шли, не подходит для плавания до Лиампо, куда мы решили отправиться на зимовку, и принял решение с согласия большинства своих товарищей и солдат раздобыть где-нибудь лучшее судно; и хотя в то время мы были не подготовлены для нападения на кого бы то ни было, нужда заставила нас совершить нечто, превосходящее наши силы.

Как раз в это время у Шамоя стояла поодаль от прочих судов небольшая джонка; народу на ней было не так много, да и команда спала. Антонио де Фариа, видя, что ему представляется благоприятный случай осуществить свое намерение, приказал потравить якорный канат и поравнялся с ней, после чего, выбрав из двадцати семи имевшихся у него солдат пятнадцать и взяв еще восемь мосо в придачу, поднялся на палубу джонки так бесшумно, что никто его не услышал. На джонке оказалось шесть или семь спящих китайских матросов; он приказал связать их по рукам и по ногам и пригрозил, что всех их прикончит, если они только посмеют крикнуть, так что никто из страха не издал ни звука. После этого, перерубив оба якорных каната, на которых стояла джонка, он поставил с возможной поспешностью паруса, вышел из устья реки и, держа все время курс в открытое море, за остаток ночи прошел девять легуа и на рассвете подошел к острову под названием Пуло-Кирин.

Господь нам помог, и при свежем попутном ветре мы через трое суток стали на якорь у острова под названием Лушитай, где нам пришлось задержаться на пятнадцать дней, чтобы поправить здоровье наших больных, ибо остров этот отличался очень здоровым климатом и имел хорошую пресную воду, а кроме того, встреченные там рыбаки меняли нам на рис всевозможную провизию. Там мы обыскали всю нашу джонку, но не нашли на ней никаких товаров, кроме риса, который мы продавали в порту Шамой. Большую часть этого риса бросили за борт, чтобы увеличить плавучесть нашей джонки и не подвергать ее таким опасностям во время плавания. Перегрузив все наши пожитки на джонку, мы вытащили лантеа на берег, чтобы очистить ей корпус, так как она еще годилась возить с берега пресную воду во время стоянок.

В таких занятиях мы провели, как я уже сказал, пятнадцать дней, и за этот срок больные окончательно выздоровели. После этого мы отправились в королевство Лиампо [\[175\]](#), где, как мы слышали, находилось множество португальцев, прибывших туда из Малакки, с Сунды, из Сиама и из Патане и имевших обыкновение останавливаться там на зимовку.

Глава LVI

О том, как, следуя вдоль побережья Ламау, мы повстречались с китайским корсаром, большим другом португальцев, и о соглашении, которое заключил с ним Антонио де Фариа

Мы уже два дня при благоприятном ветре и малой волне шли вдоль берега Ламау, как господу нашему было угодно, чтобы джонка наша случайно повстречалась с джонкой из Патане, шедшей от Лекийского острова [\[176\]](#) под командой китайского корсара по имени Киаи Панжан, питавшего большую дружбу к португальцам и изрядную склонность к нашим обычаям и одежде, на судне которого находилось тридцать португальцев, все самый отборный народ, которым корсар не только выплачивал жалованье, но, кроме этого, то и дело оказывал те или иные милости, отчего все они приобрели уже порядочное состояние.

Джонка эта, едва завидев нас, решила на нас напасть, так как там не сразу поняли, кто мы такие. Сам корсар был старый и опытный моряк, поэтому, собираясь взять нас на abordаж, он под всеми парусами обошел нас бейдевинд и, перехватив у нас ветер, занял место примерно в трех румбах от нашей кильватерной струи, после чего, направив свой форштевень на нашу корму, стал спускаться под ветер, пока не подошел к нам на расстояние немногим большее, чем выстрел из трехфунтовой пушки, и тогда произвел залп из пятнадцати орудий, что привело нас в большое смущение, так как большинство их было фальконетами или пушками, стрелявшими каменными ядрами.

Тем временем Антонио де Фариа, вселив в своих воинов отважный дух добрых христиан, распределял их по самым ответственным местам, как-то: на верхней палубе, на носу и на корме, как указывала ему осмотрительность начальника. Так мы решили защищаться до конца, к чему бы это ни привело, но господу нашему угодно было, чтобы мы заметили на мачте большой флаг с крестом, а на палубе кормовой подстройки множество матросов в красных шапках, которые в то времена обычно носили португальцы, когда плавали на военных кораблях, почему мы и решили, что это, должно быть, португальцы, которые, возможно, идут из Лиампо в Малакку, как это принято было делать с этим муссоном.

Тогда мы тоже показали, кто мы такие, в надежде, что они распознают

своих. Едва они поняли, что мы португальцы, как издали громкий крик и, мгновенно приспустив фок и грот в знак уважения, немедленно же отправили шлюпку с большим количеством команды и двумя португальцами, чтобы выяснить, что мы за люди и откуда идем. Все они, как только опознали нас и убедились в том, что мы действительно те, за кого себя выдаем, подошли к нам уже без всяких опасений и, после взаимных приветствий, поднялись к нам на джонку.

Антонио де Фариа принял их с величайшим радушием, а так как многие из них имели знакомых среди наших солдат, они надолго задержались у нас, сообщая нам много полезных сведений. Антонио де Фариа направил Кристована Борралью и двух других нанести визит Киаю Панжану с очень любезным письмом, предлагая свою дружбу, чем так польстил тщеславию корсара, что он был вне себя от радости и гордости.

Подойдя на своей джонке к нашей, он зарифил паруса, сел на сампан, служивший ему шлюпкой, и в сопровождении двадцати португальцев направился навестить Антонио де Фариа, которому преподнес дорогой подарок, стоивший более двух тысяч крузадо и состоявший из амбры, жемчуга и золотых и серебряных драгоценностей. Антонио де Фариа встретил его и его португальских спутников с превеликой радостью и весельем и всем прибывшим оказал всякие почести и любезности.

Поговорив некоторое время о разных приятных предметах, подходящих для данного случая, все уселись, после чего Антонио де Фариа описал гостям во всех подробностях крушение корабля и все невзгоды своего плавания, а также сообщил им, что намеревается идти в Лиампо, дабы пополнить там свой экипаж и запастись гребными судами, чтобы опять плавать вдоль берегов Айнана, а потом через Каушеншинский залив проникнуть к копиям в Куангепару [{177}](#), где, по его сведениям, имелось шесть очень больших складов, наполненных серебром, не говоря о другом, еще большем количестве, которое обрабатывалось на плавильных заводах у самой воды, так что без всякого риска можно было там приобрести значительное богатство.

На это Панжан ответил:

— Я, сеньор капитан, не обладаю теми богатствами, которые иные мне приписывают, но было время, когда я ими действительно владел. И мне тоже пришлось испытать превратности судьбы, наподобие тех, которые ты только что описал. Превратности эти отняли у меня большую часть моих сокровищ, а посему я опасаясь идти в Патане, где у меня жена и дети, ибо уверен, что король отберет у меня все, что у меня есть, так как я ушел отсюда без его разрешения. Он сделает вид, что очень на меня разгневан,

преследуя единственную цель меня ограбить, как он это делал уже не раз с другими из-за несравненно менее тяжелых проступков, чем тот, который он может мне поставить в вину. А посему говорю тебе, что, если только тебе будет угодно и желательно, чтобы я сопровождал тебя в твоём путешествии вместе со ста человеками, пятнадцатью пушками и тридцатью мушкетерами, находящимися у меня на джонке, не считая сорока, которые на руках у сопровождающих меня португальцев, я это сделаю с превеликой охотой, если ты мне назначишь в награду одну треть всего того, что будет приобретено. Если условия мои тебе подходят, ты дашь мне в этом подписанное тобой обязательство и поклянешься своей верой в точности его выполнять.

Антонио де Фариа с готовностью согласился принять это предложение. После чего, отблагодарив китайца пространной речью и неоднократно обняв его, он поклялся на святых Евангелиях, что в точности выполнит свое обещание, и выдал ему без промедления обязательство, на котором расписались еще десять или двенадцать свидетелей из наиболее уважаемых лиц.

Покончив с этим договором, Антонио де Фариа и корсар пошли в реку под названием Анай, расположенную в пяти легуа от этого места, где за взятку в сотню крузадо, данную мандарину — коменданту города, смогли снабдить себя всем, что им было нужно.

Глава LVII

Как мы встретили в море небольшую рыбачью лодку, на которой находилось восемь израненных португальцев, и что те сообщили Антонио де Фарию о постигшем их несчастье

Успешно запасшись всем необходимым для нашего плавания, мы покинули реку Анай, и тут Антонио де Фария по совету Кияя Панжана, с которым он всегда очень считался, так как не хотел терять его дружбы, решил избрать местом ближайшей стоянки порт Шиншеу, где рассчитывал получить от португальцев, прибывающих с Сунды, Малакки, Тимора и Патане, некоторые необходимые ему сведения, а также узнать, нет ли у них известий из Лиампо, так как на берегу ходили слухи, будто туда по приказу китайского императора направлен флот в четыреста джонок с сотней тысяч человек, чтобы взять всех оседлых португальцев и сжечь их суда и поселки; ибо он не хотел их больше терпеть на своей земле, с тех пор как ему сообщили, что они вовсе не такой надежный и миролюбивый народ, как ему раньше их изображали.

Когда мы прибыли в порт Шиншеу, мы нашли там пять португальских судов, которые уже с месяц, как пришли из названных мною мест; все они были очень рады и оказали нам самый радушный прием. Они сообщили известия с берега и сведения о товарах, сказали о том, что в порту царит мир и спокойствие, но относительно Лиампо не знали ничего, кроме того, что говорили им китайцы, а именно, что там остается на зимовку много португальцев, а также что туда недавно прибыло много наших земляков из Малакки, с Сунды, из Сиамы и Патане, и все они там мирно занимаются торговлей. Что же касается большого флота, которого мы боялись, то его там не было; предполагалось, что он вышел к островам Гото на помощь понтирскому сукану [{178}](#), у которого, по слухам, один его свойственник насильственным образом отобрал власть. А так как этот сукан недавно пожелал стать вассалом китайского императора [{179}](#) и выплачивать ему дань в сто тысяч таэлей ежегодно, последний и послал ему этот флот в четыреста джонок, на которых, по слухам, было сто тысяч человек, чтобы вернуть ему ту королевскую или княжескую власть, которой его лишили. Все это очень нас успокоило, и мы воздали за это множество благодарностей господу нашему.

Проведя девять дней в Шиншеу и пополнив наш военный отряд еще

тридцатью пятью солдатами с этих пяти кораблей, которых Антонио де Фариа нанял на выгодных для них условиях, мы вышли в море и продолжили свой путь по направлению к королевству Лиампо.

Мы уже пять дней плыли против ветра, иной раз не в силах сколько-нибудь продвинуться вперед, несмотря на то что ложились то на тот, то на другой галс, как вдруг во время первой ночной вахты повстречались с небольшим рыбацким парао, на котором находилось восемь израненных португальцев, из которых двое звались Мен Таборда и Антонио Анрикес. Это были почтенные и богатые люди, пользовавшиеся большой известностью в этих местах (поэтому-то я и привел их имена); были они в таком же жалком виде, как и остальные, и больно было на них смотреть.

Когда парао подошел к джонке Антонио де Фарии, последний немедленно приказал приютить у себя всех восьмерых португальцев, которые, как только поднялись на борт и увидели его, бросились к его ногам; он же встретил их весьма сердечно и тепло, проливая много слез при виде этих оборванных, нагих и босых людей, залитых собственной кровью.

Увидя их в таком плачевном состоянии, он просил их сказать, что с ними приключилось, и они, всячески выказывая свое отчаяние, ответили, что семнадцать дней назад вышли из Лиампо в Малакку с намерением проследовать оттуда в Индию, если не кончатся к этому времени муссоны. Но когда они находились на траверзе скалистого островка Сумбор, гузаратский разбойник по имени Кожа Асен напал на них на трех джонках и четырех лантеа, на каковых семи судах у него было пятьсот человек, из которых сто пятьдесят были мусульманами — лузонцами, борнейцами, яванцами и шампа — все людьми с другого малайского берега. Бой с ними длился с часу и до четырех пополудни, пока наконец Кожа Асен не захватил португальское судно и не перебил на нем восемьдесят два человека, в том числе восемнадцать португальцев; примерно такое же число он забрал в плен. Имущества же в джонке, как и рассказывающего, так и тех, кто вошел с ним в пай, разбойник забрал больше, чем на сто тысяч таэлей. Португальцы одновременно сообщили Фарии еще и другие подробности такого жалостного свойства, что у некоторых окружавших их и слышавших их рассказ людей легко было прочесть в глазах ту боль и скорбь, которую подобная повесть способна была пробудить.

Долгое время Антонио де Фариа оставался в раздумии и нерешительности, взвешивая в уме все то, что сообщили ему эти люди, но наконец он обратился к ним и сказал:

— Прошу вас, сеньоры, объясните мне, как после боя, судя по вашим

словам, необыкновенно жестокого, вам все же удалось спастись?

На это они ответили:

— После, того как мы час или полтора стреляли друг в друга из орудий, три джонки неприятеля предприняли три попытки взять нас на abordаж; удары, которые они наносили корпусу нашего судна, открыли в нем большую течь в носовой части, и мы стали погружаться. В конце концов эта течь и оказалась главной причиной нашей гибели, так как, для того чтобы ее остановить, нужно было обнаружить, где она находится, а это, в свою очередь, требовало перетаскивания грузов на другое место. Воспользовавшись тем, что наши люди отвлечены этой работой, неприятель стал нажимать на нас, и, для того чтобы отразить их нападение, мы вынуждены были бросить начатое дело и подняться на палубу. Но когда мы оказались в затруднительном положении, большая часть нашего экипажа была уже изранена, некоторые убиты, на одной из нападавших джонок начался пожар, который перебросился на соседнюю джонку; желая избежать гибели, неприятель попытался было выбрать abordажную снасть, чтобы джонки могли отойти друг от друга. Сделать это им, однако, не удалось, как они ни старались, и одна из джонок успела выгореть до ватерлинии, причем экипаж ее вынужден был броситься за борт и большей частью погиб. В это время нашу джонку прибило к эстакаде тоней у рифа ниже устья реки, в том месте, где сейчас стоит пагода сиамцев. Как только собака Кожа Асен (ибо именно он напал на нашу джонку) увидел, в каком мы оказались положении, он сразу сцепился с нами abordажными крюками и бросил на нас большое количество мусульман, покрытых кожаными колетами и кольчугами. Больше пятидесяти человек наших, в том числе восемнадцать португальцев, сразу же пало. Мы же, в том виде, в каком мы сейчас предстали перед вашей милостью, израненные и обожженные, не находя иного выхода, устремились на маншуа, которую мы буксировали за собой. Господу нашему было угодно, чтобы из всего экипажа спаслось только пятнадцать человек, из которых вчера умерло двое, а тринадцать чудесно спасшихся — восемь португальцев и пять мосо — прибыли сюда в том состоянии, в котором вы нас видите. Убегая на этой маншуа между эстакадой и берегом, мы старались все время держаться возможно ближе к скалам, чтобы не дать врагам возможности к нам подойти. Тем временем мусульмане, покончив на своих лантеа со спасением утопающих, бросились с великими криками и ударами в колокола на нашу джонку. Господу нашему было угодно, чтобы из-за жадности, с какой они накинулись на добычу, они отказались от преследования. К этому времени солнце уже почти зашло, и они вошли в устье реки, выражая свое

торжество над нами, несчастными, криками и музыкой.

На это Антонио де Фариа сказал:

— Если они так потрепаны, как вы это описали, они непременно должны еще находиться на этой реке. И сдается мне, ни ваша джонка, ни та, которая не могла отцепиться от сгоревшей, сейчас ни на что не годны, а на третьей, большой, на которой он брал вас на abordаж, вы наверняка сколько-нибудь народа да поизранили и перебили.

На это они оба ответили, что у неприятеля было много раненых и убитых. При этих словах Антонио де Фариа снял шапку, бросился на колени, воздел руки, обратил глаза к небу и, заливаясь слезами, воскликнул:

— Господи Иисусе Христе, боже мой, ты истинная надежда всех уповающих на тебя, а потому я, из всех людей самый грешный, смиренно молю тебя во имя сих рабов твоих, душам коих ты принес спасение ценою драгоценной своей крови, даровать нам силы для победы над недругом нашим, жестоко умертвившим столькох португальцев, коего я, с соизволения твоего и с помощью твоей, намереваюсь, продолжая начатое мною предприятие, разыскать во славу твоего святого имени и заставить вернуть в руки рабов твоих и верных воинов то, что он столь долгое время был нам должен.

На это все присутствующие в один голос ответили:

— На врага, на врага, с именем Христовым! Пусть заплатит, собака, девятикрат за то, что он задолжал нам, равно как и этим несчастным!

И, издав в превеликом одушевлении громкий крик, они стали ставить кормовые паруса так, чтобы джонка наша могла пройти в порт Лайло, отстоявший от нас на восемь легуа, где, по принятому решению, Антонио де Фариа должен был готовиться к бою, в который собирался вступить с этим пиратом, на поиски коего, как я уже раньше говорил, он бесполезно потратил столько времени, не будучи в состоянии ни в одном порту хотя бы что-либо о нем услышать.

Глава LVIII

О том, что Антонио де Фариа сделал в Лайло, где он принял запасы перед походом на Кожу Асена

Когда на следующий день утром мы стали на якорь в порту Лайло, Киаи Панжан, коего Антонио де Фариа взял себе в спутники и который, как я уже говорил, по национальности был китаец, имел в этом краю много родственников, был хорошо известен и всеми любим, — попросил мандарина, бывшего в этом месте начальником, чтобы нам за наши деньги отпустили все, в чем мы нуждались. Мандарин на это согласился, с одной стороны, из опасения, что мы можем нанести ему какой-нибудь ущерб, с другой же, потому что поручил за это от Антонио де Фарии взятку в тысячу крузадо, чем остался весьма доволен.

Кое-кто из наших высадились поэтому на берег и с возможной поспешностью стали закупать все, в чем они нуждались, как-то: селитру и серу для пороха, свинец, ядра, провизию, канаты, масло, смолу, паклю, лес, доски, оружие, копья, заостренные палки, рей для прямых и треугольных парусов, щиты, стеньги, кремневую гальку, блоки, фалы, якоря. Они набрали пресной воды и снаряжения, ибо, хотя в местечке было от силы триста или четыреста душ, всякого добра в нем было столько, как в самом порту, так и в окрестных селениях, что, верно скажу, как ни расписывай эти запасы, равно никогда их не преувеличишь. Ибо китайская земля тем превосходит все другие, что во всем, что человек может пожелать, она обильнее, чем все другие страны, вместе взятые. А так как Антонио де Фариа на деньги не скупился, тратил, не считая, и платил за все эти товары, сколько спрашивали, то добро это прибывало к нему целыми горами. Так что через тринадцать дней он уже вышел из порта с двумя новыми, очень большими и высокобортными джонками, которые он купил, продав свои небольшие, и с двумя гребными лантеа, только что спущенными со стапеля, пополнив свои экипажи ста шестьюдесятью моряками, как гребцами, так и палубной командой.

Запасшись, таким образом, всем необходимым и подняв рей до места, чтобы с них мгновенно можно было отдать паруса, а якоря поставив панер, устроили смотр всем командам судов, и оказалось их пятьсот человек, как солдат, так и матросов, в том числе девяносто пять португальцев — все люди молодые и решительные, готовые пойти на всякое выгодное дело.

Прочие же, и мосо наши, и матросы, и люди с того берега, которых нанял Киаи Панжан, тоже были в боевых делах испытаны, поскольку были корсарами и занимались этим делом уже пять лет. На кораблях наших было сто шестьдесят мушкетов и сорок бронзовых пушек, в том числе двенадцать фальконетов и две мортиры, одно мелкое орудие и пять пушек, стрелявших каменными ядрами, а остальные — трехфунтовики и два пса (нечто вроде среднего недальнобойного орудия); далее, шестьдесят кинталов пороха, пятьдесят четыре для пушек и шесть для мушкетов, не считая того, который уже был выдан на руки стрелкам, и девятьсот горшков — четыреста с порохом, а остальные с негашеной известью в порошке, как это принято у китайцев, и много каменных ядер, и стрел, и копий, и зажигательных бомб, которые нам делал один левантинец за плату, и четыре тысячи копий с железными наконечниками, которые мечут при abordage, и шесть лодок камней, ибо с их помощью может принимать участие в бою любой член экипажа, и двенадцать abordажных крюков со своими баграми, соединенными с железными весьма длинными цепями, а также многие хитроумные штуки по пиротехнической части, придуманные для нас китайцами, весьма падкими до денег, которые мы платили им за эти изобретения в большом количестве.

Со всем этим мы покинули Лайло, украсив себя множеством флагов, покрыв марсы шелковыми тентами, а джонки и лорчи украсив двумя рядами флагов по борту. На корме и на носу было возведено по два помоста один над другим, чтобы поставить на них солдат, когда в этом представится нужда.

И было угодно господу нашему, чтобы через четыре дня мы прибыли на то место, где Кожа Асен захватил португальскую джонку. И пока совсем не стемнело, Антонио де Фариа приказал наблюдать за рекой, где, по его сведениям, пират должен был находиться.

Лазутчики подвели к кораблю рыбацью лодку, в которой захватили шесть человек туземцев, сообщивших, что пират стоит в двух легуа отсюда на реке под названием Тинлау, чиня джонку, отобранную у португальцев, чтобы потом на ней вместе с двумя другими, которые у него остались, отплыть в Сиам, откуда он был родом, и что уйти он собирается через десять дней. Получив эти сведения, Антонио де Фариа решил, посоветовавшись с другими, которых он для этого нарочно вызвал, что все же лучше будет убедиться в положении вещей воочию, ибо в столь ответственном деле вслепую поступать не следует, а действовать надо, лишь тщательно все взвесив и изучив, а потом уже, лично со всем ознакомившись, поступать так, как всем покажется наиболее разумным.

Итак, лодка, на которой захватили шесть рыбаков, была отправлена вверх по реке, но из самих рыбаков на ней было оставлено только двое, остальные были взяты заложниками. На место их пошли двое матросов с джонки Киая Панжана, так как это были люди верные и надежные, а также солдат по имени Висенте Мороза, человек отважный и весьма толковый, которого нарядили китайцем, чтобы не возбуждать подозрений. Последний, прибыв на место, где находился неприятель, сделал вид, что занимается, как и прочие, рыбной ловлей, а между тем все необходимое подглядел и разведal и, вернувшись, дал обо всем отчет, уверяя, что неприятель все равно что уже взят и никаких хлопот не доставит.

Когда получены были эти сведения, все собрались на джонке Киая Панжана, где Антонио де Фариа пожелал созвать военный совет для того, чтобы оказать честь хозяину, или для того, чтобы высказать ему свое расположение и вселить в него отвагу. На совете было решено, что все мы за ночь подойдем к устью реки и станем там на якорь, чтобы перед рассветом с именем Христа на устах напасть на противника. Когда все согласились с этим решением, Антонио де Фариа разъяснил, как и в каком порядке нужно будет держаться в устье реки и каким образом нападать на врага.

Распределяя людей, он пересадил на джонку Киая Панжана тринадцать португальцев, которых последний пожелал иметь у себя, ибо Антонио де Фариа во всем шел ему навстречу по необходимости, а на две лантеа посадил по шесть португальцев на каждую, на джонку же Крестована Борральо двадцать, остальные же тридцать три остались при Антонио де Фарии, не говоря уже о рабах и прочих многих крещеных, все людях храбрых и испытанной верности.

Договорившись таким образом о том, как будут выполняться все действия, которые предполагалось с господней помощью совершить, мы поднялись на парусах до реки Тинлау, куда прибыли почти в сумерки. На ночь были выставлены бдительные дозорные, а когда наступило три часа пополудни, поставили паруса и пошли на поиски врага, который стоял выше по реке на расстоянии немногим больше половины легуа.

Глава LIX

Как Антонио де Фариа сражался с пиратом Кожей Асеном и что при этом произошло

Поднимаясь вверх по реке с попутным ветром и приливом, которые угодно было господу нашему нам даровать, мы меньше чем через час оказались на месте, где стоял неприятель, доселе о нас не подозревавший. Но так как это все были разбойники, боявшиеся местного населения, которое они каждый день донимали насилиями и грабежами, они были начеку и держали добрых дозорных, так что, едва завидев нас, поспешили ударить в колокол, от звона которого поднялся такой переполох и крик как на кораблях, так и на берегу, что человеческий голос нельзя было расслышать.

Видя это, Антонио де Фариа крикнул:

— Эй, сеньоры и братья мои! Вперед во имя Христа, прежде чем их лорчи придут к ним на помощь! Сант Яго!

Тут мы выстрелили из всех наших пушек и, волею господней так метко, что большинство наиболее отчаянных пиратов, успевших уже забраться на надстройки, попадало вниз, разорванные на куски, что показалось нам добрым предзнаменованием в нашем предприятии.

Вслед за этим по сигналу Антонио де Фарии открыли огонь из всех аркебузов и наши стрелки, которых было человек сто шестьдесят, после чего из толпы, за мгновение до этого покрывавшей верхние палубы обоих судов, не осталось ни души, ибо неприятель уже не отваживался показаться наружу.

Между тем две наши джонки взяли на abordаж обе джонки противника, и между ними завязался такой бой, что, откровенно признаюсь, я не отваживаюсь дать подробное описание того, что там творилось, хоть я при нем и присутствовал. Ибо еще не вполне рассвело, наши и неприятель смешались в одну кучу, а грохот от барабанов, тазов и колоколов вместе с ударами ядер и пальбой ружей, умноженный эхом окрестных долин и холмов, стоял такой, что я дрожал всем телом от ужаса.

Бой длился уже с четверть часа, когда на помощь противнику стали подходить отвалившие от берега лорчи и лантеа со свежими подкреплениями. Видя это, некто Диого Мейрелес, находившийся на джонке Кияя Панжана и заметивший, что пушкарь при мортире так

обезумел от страха, что не попадает в цель уже ни одним выстрелом, пришел в крайнее негодование, и когда тот собирался еще раз выстрелить из своей пушки впустую, оттолкнул его с такой силой от орудия, что тот провалился в находившийся поблизости люк, между тем как Мейрелес кричал ему вдогонку:

— Чтоб духу твоего здесь не было, мерзавец! На что ты годен? В такое время из пушки этой стрелять надо настоящим мужчинам, как мы, а не таким, как ты!

И, нацелив мортиру с помощью клиньев, пользоваться которыми он умел, выстрелил из нее ядрами и картечью по первой лорче, шедшей впереди четырех других, попал ей в правый борт и снес на ней все от носа до кормы по самую ватерлинию, после чего она немедленно пошла ко дну, и никто с нее не спасся. Картечь же, пролетевшая над ней, ударила о палубу другой лорчи, шедшей сразу за ней, и убила на ней капитана и шесть или семь человек, стоявших рядом с ним. Это привело в такое смятение остальные две, что в попытке повернуть назад к берегу они запутались гордеными парусов так, что более не могли распутаться и так и остались на месте, не в силах идти ни вперед, ни назад.

Это увидели капитаны наших двух лорч (имена этих капитанов были Гаспар де Оливейра и Висенте Мороза), и, найдя мгновение подходящим, для того чтобы выполнить свои замыслы, они, горя доблестным духом соревнования, напали одновременно на лорчи противника и, засыпав горшками с порохом, подожгли их обе, и они, таким образом связанные, догорели до ватерлинии. Экипажи их побросались за борт, а наши прикончили их копьями, и никто из них не остался в живых.

Только на этих трех лорчах погибло более двухсот человек, а та, на которой был убит капитан, тоже не смогла спастись, так как Киай Панжан устремился за ней на сампане, служившем шлюпкой на его джонке, и захватил ее уже прибитую к берегу, но без единой души команды, так как вся она кинулась в воду, и из этих людей большая часть погибла, разбившись о береговые скалы. Видя все это, пираты, находившиеся еще в джонках, которых могло быть человек сто пятьдесят, все мусульмане — лузонцы и борнейцы с несколькими яванцами, начали робеть, и многие уже побросались за борт.

Между тем собака Кожа Асен, которого до этого времени не было заметно, видя разгром своих, устремился им на помощь, одетый в панцирь из железных пластинок на красном атласе с золотой бахромой, который он забрал у португальцев, и, возвысив голос, так чтобы все его слышали, прокричал три раза:

— La hilah hilah lah Muhamed ro?ol halah! ^{180}О мусульмане и праведные последователи святого закона Магомета! Как даете вы себя побеждать столь слабосильному народу, как эти собаки, в которых не больше смелости, чем в белых курицах и в бородатых бабах? Смелее бросайтесь на них, ибо в Книге цветов пророк Ноби дал твердое обещание насытить радостями дервишей его обители в Мекке. Так он поступит и сегодня с вами и со мной, если мы искупаемся в крови этих дикарей, не признающих нашей веры.

Своими проклятыми словами дьявол этот довел их до неистовства, и они так отчаянно ринулись на нас, что страшно было смотреть, как они кидаются на наши мечи.

Между тем Антонио де Фариа тоже кричал своим:

— О христиане и сеньоры! Если эти приверженцы дьявольского учения обрели такую отвагу, не посрамимся и мы во имя господа нашего Иисуса Христа, распятого за нас, который не оставит своих, какими бы грешниками они ни были, ибо мы все же его чада, не то что эти псы.

И, со святым рвением бросившись навстречу Коже Асену, словно он его лучший друг, нанес ему мечом, который держал обеими руками, такой удар по голове, что рассек ему наголовник из кольчуги и поверг его мгновенно на землю. После этого, обернув меч другой стороной, Фариа перерубил ему обе ноги, чтобы тот не мог больше подняться. Видя это, люди Асена громко вскрикнули, и пять или шесть из них напали на Антонио де Фарию с такой отчаянной отвагой, словно окружавшие его тридцать португальцев не шли ни в какой счет, и нанесли ему две раны, так что он едва устоял на ногах. Наши в ответ устремились на выручку, и господь наш вселил в их души такую смелость, что за несколько мгновений было сражено, кроме Кожи Асена, еще сорок восемь человек, между тем как мы потеряли всего четырнадцать, из которых только пять было португальцев, остальные же рабы — мосо, — всё прекрасные христиане и весьма нам преданные.

К этому времени те из мусульман, кто остался в живых, начали падать духом и отступать в беспорядке к кормовой надстройке с намереньем там обороняться. Но тут двадцать солдат из тридцати, находившихся на судне Кияя Панжана, атаковали их с фронта, прежде чем они успели завладеть ею, и потеснили их так, что всем им пришлось броситься в воду с такой поспешностью, что одни падали на других.

Наши, воодушевляемые именем господа нашего Иисуса Христа, которого они беспрерывно призывали, и сознанием одержанной победы и приобретенной таким образом славы, покончили со всеми, за исключением

пяти, которых они забрали живьем. Этим последним, перевязав им руки и ноги, бросили в трюм, чтобы потом допросить их под пыткой, но они перекусили друг другу горла из страха перед казнью, которой их могли подвергнуть.

Наши разрубили их на куски и выбросили за борт вместе собакой Кожей Асеном, их капитаном, главным касизом короля Бинтана, «проливателем и кровопийцей португальской крови», как он титуловал себя в начале своих посланий, внушая всем мусульманам желание стать такими же, как он, за что, по суеверию этой проклятой секты, он пользовался у них великим уважением.

Глава LX

О том, что еще сделал Антонио де Фариа, после того как одержал эту победу, и о щедрости, с какой он одарил португальцев из Лиампо

О ходе этой жестокой и кровопролитной битвы, увенчавшейся столь славной победой, я решил написать весьма кратко и немногословно, ибо, примись я повествовать о ней во всех подробностях, расписывая как подвиги, совершенные нашими, так и великую отвагу, с которой защищался противник, описание мое, не говоря уже о том, что для него у меня не хватило бы необходимого умения, заняло бы слишком много места и история моя получилась бы несравненно более растянутой. Между тем в намерения мои входит касаться этих вещей лишь бегло, и я старался быть сколько возможно кратким во многом том, в чем другие, превосходящие меня талантом, возможно, усмотрели бы значительно больше заслуживающего внимания и о чем рассказали бы гораздо более пространно, случись им быть свидетелями этих событий или писать о них. А посему я, касаясь лишь тех вещей, которых нельзя обойти молчанием, продолжу свой рассказ.

Первой заботой Антонио де Фариа после одержанной им победы было заняться ранеными, которых оказалось девяносто два, по большей части португальцев или наших мосо. Затем он подсчитал убитых и, узнав, что их сорок два, из коих восемь португальцев, выразил по этому поводу величайшее сожаление.

Противников убито было триста восемьдесят, из них лишь сто пятьдесят погибли от огня и меча, остальные же утонули. И хотя все немало ликовали по поводу этой победы, было пролито много слез, и явных и тайных, над павшими товарищами, которых предстояло похоронить, причем у большинства головы были разрублены тесаками, которыми орудовал неприятель.

Антонио де Фариа, хотя сам был трижды ранен, поспешил высадиться на берег со всеми теми, кто в состоянии был его сопровождать, и первым делом занялся похоронами убитых, на что ушла большая часть дня. После этого он обошел весь остров, чтобы узнать, нет ли на нем каких-либо людей, и нашел в весьма приятной долине деревню в сорок или пятьдесят одноэтажных домов, окруженную многочисленными огородами и

фруктовыми садами с великим разнообразием плодовых деревьев. Деревню эту разграбил Кожа Асен, убив некоторых жителей, которые не успели спастись бегством.

На расстоянии арбалетного выстрела от этой долины вниз по течению чистой реки с пресной водой, где было множество кефали, форели и морского окуня, находился большой и прекрасный дом, по-видимому, храм этой деревни, наполненный больными и ранеными, которых Кожа Асен отправил туда на излечение. Среди них было несколько мусульман, его родственников, а также несколько других мусульман из почетных лиц, которые состояли у него на службе, общим числом девяносто шесть. При виде Антонио де Фарии все они подняли великий крик, как бы прося у него пощады, но он не пожелал внять их мольбам, сказав в объяснение, что нельзя даровать жизнь тем, кто умертвил столько христиан, и приказал поджечь здание с шести или семи сторон; последнее, будучи сложено из просмоленных бревен и покрыто сухими листьями пальмы, вспыхнуло так, что смотреть было страшно, а отчасти и жалостно из-за ужасных криков, которые испускали несчастные, когда пламя стало подступать к ним. Кое-кто из них пытался выброситься из слуховых окон, которые были в этом здании, но наши, ожесточившись и не желая простить им наши потери, уже были наготове и принимали их на копья и пики.

Покончив с этим жестоким делом, Антонио де Фариа отправился на берег, где находилась джонка, которую Кожа Асен двадцать шесть дней назад отнял у португальцев из Лиампо, и распорядился, чтобы ее спустили на воду, ибо к этому времени она уже была полностью починена. Когда она оказалась на воде, он ее передал ее владельцам, то есть Мену Таборде и Антонио Анрикесу, о которых я уже раньше упоминал.

И, заставив их обоих положить руку на молитвенник, который он держал, он обратился к ним со следующими словами:

— От имени моих братьев и товарищей, как живых, так и погибших, которым ваша джонка стоила стольких жизней и столько пролитой крови, как вы сами в этом могли сегодня убедиться, я, как христианин, жертвую вам ее, дабы господь наш и вседержитель принял нас за это дело в царство свое небесное, в этой жизни даровал нам прощение грехов, а в грядущей — его славу, как, уповаю, дарует он ее нашим братьям, кои нынче пали как добрые и стойкие христиане за святую католическую веру. Но наказываю вам, прошу и предостерегаю вас не брать больше того, что составляет ваше имущество, иначе говоря, лишь то, что вы вывезли из Лиампо, как ваше собственное, так и принадлежащее тем, кто вошел с вами в пай, снаряжая эту джонку. Ибо ни я вам больше не даю, ни у вас нет права брать больше,

и если бы мы поступили иначе, то уклонились бы от долга, я — давая вам, а вы — принимая то, что вам не положено.

Мен Таборда и Антонио Анрикес, не ожидавшие, возможно, такой щедрости от Антонио де Фарии, бросились к его ногам и со слезами на глазах попытались отблагодарить его за оказанную им милость, но слезы мешали им говорить, и таким образом возобновился печальный и жалостный плач об убитых, которые здесь были погребены и засыпаны землей, еще залитой их свежей кровью.

Оба купца принялись тотчас же собирать свое имущество и отправились разыскивать его по всему острову в сопровождении пятидесяти или шестидесяти мосо, которых хозяева их дали им в помощники. Мокрый шелк их еще просушивался, и все деревья были им завешаны, кроме этого, уже высушенным или находившимся в лучшем состоянии товаром были наполнены два дома. На все это имущество, как они уже говорили, потрачено было более ста тысяч таэлей, взятых взаймы, в каковом предприятии участвовало более ста человек, как те, кто остались в Лиампо, так и другие, находившиеся в Малакке, которым шелк этот должны были привезти. Добра же, которое эти двое собрали, было на сто тысяч крузадо с лишним, ибо остальное, составлявшее примерно треть купленного, погнило, испортилось от воды, было побито или раскрадено, а кем, так и осталось неизвестно.

После этого Антонио де Фариа отправился к себе на судно и, так как уже стемнело, не стал больше ничем заниматься, только навестил раненых, позаботился об их нуждах и разместил на ночлег солдат. На другой день, едва рассвело, он пошел на захваченную им большую джонку, которая еще полна была телами убитых накануне. Он приказал всех их бросить за борт, как они были; только собаке Коже Асену оказано было больше внимания, так как лицо это было видное, и хоронили его с большими церемониями: он приказал взять его в одежде и броне, как он лежал, и четвертовать, а потом выбросить в воду, где могилой ему стали, как и он и дела его заслуживали, пасти ящеров, которые в великом множестве сновали вдоль бортов джонки в надежде ухватить брошенный за борт труп. При этом вместо молитвы за упокой его души Антонио де Фариа произнес следующее:

— Отправляйся-ка поскорее в ад, где твоя помраченная суеверием душа будет нынче вкушать все улады, обещанные Магометом, о которых ты вчера так громко кричал остальным своим собакам!

И, приказав привести к себе всех рабов и пленных, как здоровых, так и раненых, которые были в отряде, велел также позвать их хозяев и всем им

произнес речь истинного христианина (которым он на самом деле и был) и в ней просил последних, чтобы из любви к всевышнему они всем рабам даровали свободу, ибо это он обещал им перед началом боя, а он, со своей стороны, вознаградит хозяев за убытки, так что никто не останется в обиде. На это все ответили, что, если его милость почла это за благо, никто не собирается возражать, и объявляют рабов отныне вольными и свободными. Тут же была составлена грамота, которую все подписали, ибо пока что большего сделать было нельзя, а затем в Лиампо всем рабам были выданы вольные.

После этого приступили к описи имущества, которое можно было продать, за исключением того, которое были должны вернуть португальцам, и было оно оценено в сто тридцать тысяч таэлей как в японских деньгах, так и в красном товаре — атласе, штофе, шелке, тканях из крученого шелка, тафте, мускусе и упакованном в соломе очень тонком фарфоре, потому что пока еще не подсчитали остального, что этот разбойник наградил на Сумборском побережье [{181}](#) до Фушеу, где он орудовал уже более года.

Глава LXI

Как Антонио де Фариа вышел из реки Тинлау в Лиампо и о несчастном происшествии, случившемся с ним в пути

После того как Антонио де Фариа простоял на реке Тинлау двадцать четыре дня и за это время все раненые выздоровели, мы пошли в Лиампо, где он решил перезимовать, чтобы оттуда с наступлением лета предпринять поход к копиям Куангепару, как он договорился со своим спутником Киаем Панжаном.

Когда судно наше дошло до мыса Микуй, находящегося на широте двадцати шести градусов, с норд-оста налетел сильный противный ветер, и, чтобы не терять пройденного пути, по совету штурманов было решено лечь в дрейф. Погода к вечеру еще ухудшилась, полил дождь и волны стали такими, что две гребные лантеа, будучи не в состоянии с ними бороться, направились, когда стало уже почти темно, к берегу, намереваясь укрыться в реке Шилендау, находившейся от этого места в полутора легуа.

Антонио де Фариа также, опасаясь несчастья, пустился как можно быстрее за ними в кильватер, держа всего пять или шесть пядей парусов, чтобы их не обогнать, а также потому, что напор ветра был очень силен и вынести его не было возможности. А так как темнота ночью была очень велика, а от ветра все валы были покрыты пеной, он не заметил, что между островком и концом рифа имеется мель, и, проходя над ней, так ударился дном, что кильсон треснул у него в четырех местах вместе с кормовой частью кия.

Видя это, начальник его пушкарей решил выстрелить из фальконета, чтобы дать знать другим джонкам, что начальник их терпит бедствие, но Антонио де Фариа воспротивился этому, заявив, что, если уж господу нашему угодно, чтобы они тут погибли, он не хочет, да и нет никакого смысла, чтобы и другие гибли из-за него на этом месте, но что он обращается ко всем с просьбой и увещанием помочь ему явно — трудом своих рук и тайно — прося у господ прощения за все свои грехи и умоляя помочь им исправиться, ибо, если они помолятся так, от всего сердца, они выйдут целыми и невредимыми из этого испытания.

Тут он приказал срубить грот-мачту на уровне пяртнерсов второй палубы, благодаря чему судно немного успокоилось, но это стоило жизни трем матросам и одному мосо, ибо, падая, мачта раздавила их насмерть.

После нее Антонио де Фариа приказал рубить еще бизань и фок-мачту и сровнять все надстройки, чтобы ничто на судне не возвышалось над верхней палубой. Все это было сделано с величайшей быстротой, хотя погода этому препятствовала, ибо шторм был необыкновенно жестокий, море кипело, темнота была непроглядная, волнение свирепое, дождь лил как из ведра, а напор ветра был столь невыносим и порывы его столь бешены, что никто не мог устоять на ногах.

В это время четыре остальные джонки тоже подали сигнал о бедствии; тогда Антонио де Фариа, обратив глаза к небу и сложив вместе руки, произнес во весь голос, так что все его услышали:

— Господи Иисусе Христе, подобно тому как ты, мой боже, по великому милосердию своему, взял на себя грехи наши и искупил их на кресте, так и я прошу тебя по милости твоей разрешить, чтобы наказание, наложенное твоим божественным правосудием на этих людей за все, чем они оскорбили тебя, понес один я, ибо я был главной причиной того, что люди эти погрешили против твоей божественной доброты, и пусть не окажутся они в эту страшную ночь в том положении, в каком за грехи свои оказался я. А посему, господи, в скорби души своей прошу тебя во имя всех, хоть и недостойн я того, чтобы ты меня услышал, отвратить глаза свои от меня и обратить их на себя и на то, как много тебе пришлось претерпеть за нас по бесконечному твоему милосердию.

Едва прозвучали его слова, как все с великой силой воскликнули: «Господи, смилуйся над нами», — и не было человека, который не оцепенел бы от горести и печали. Но так как всякому человеку свойственно в подобном положении делать все возможное, чтобы сохранить жизнь, и ни о чем другом не думать, у всех было только желание спастись, и они помышляли лишь о том, как этому способствовать, а посему, забыв всякую жадность, решили как можно скорее облегчить судно, бросив все товары за борт. Человек сто, как португальцев, так рабов и матросов, бросилось немедленно в трюм, и меньше чем за час груз был выброшен в море, так что на судне ничего не осталось. Безумие этих людей дошло до такой степени, что даже двенадцать сундуков, наполненных слитками серебра, которые в недавнем бою были отобраны у Кожии Асена, они тоже выбросили в море, и никто и не подумал о том, что в них было, не говоря уже о других весьма ценных вещах, которые вместе со всем остальным отправились по этому печальному пути.

Глава LXII

Об остальных наших бедах и опасностях и о помощи, которая нам была оказана

После того как ночь мы провели нагие и босые, все в ссадинах и едва способные отдышаться после тяжелой работы, которую нам пришлось выполнить, ветер начал понемногу стихать и джонку стало бросать несколько меньше, хотя она и засела на самом гребне мели и в трюме у нас было тринадцать пядей воды. Все на корабле ухватились за снасти наветренного борта, чтобы огромные валы, разбивавшиеся о него, не увлекли нас с собой и не выбросили на скалы, как это уже случилось с теми, кто не сумел уберечься.

Когда совсем рассвело, господу нашему было угодно, чтобы нас увидела джонка Мена Таборды и Антонио Анрикеса, которые всю ночь пролежали в дрейфе, убрав паруса, держа на буксире большие деревянные плоты, на китайский лад, — средство, придуманное их корабельщиками, чтобы их не так сносило. Едва они нас заметили, как немедленно направились в нашу сторону и, сблизившись с нами, сбросили большое количество бревен на тросах, чтобы мы могли за них ухватиться, что мы не замедлили сделать. На все это ушло почти час и стоило больших жертв, из-за того что каждый, позабыв о достоинстве мужчины, старался спастись первым, не обращая внимания на других. По этой причине утонуло двадцать два человека, из которых пять было португальцев, о чем Антонио де Фариа сожалел больше, чем о потере джонки и всего груза, хотя ценность он представлял немалую, ибо только серебра там было свыше ста тысяч таэлей. Большая часть захваченного раньше и отобранного у Кожии Асена была погружена как раз в ту джонку, на которой находился Антонио де Фариа, ибо казалось, что на ней, как самой большой и прочной, груз подвергается меньшей опасности, чем на других судах, не столь хороших и надежных.

После того как мы с великим трудом и опасностью для наших жизней перебрались на джонку Мена Таборды, остаток дня ушел на слезы и жалобы по поводу столь несчастного и печального поворота судьбы. Об остальных наших судах мы ничего не знали. Но господу нашему было угодно, чтобы во вторую половину дня мы увидели два судна, делавшие столь короткие галсы, будто старались не сдвинуться с места, из чего мы

заклучили, что они из нашей армады. Но так как было уже почти темно, по некоторым соображениям решили, что идти к ним не следует, поэтому мы лишь посигналили им фонарем, на что они нам немедленно ответили. Едва прошла половина утренней вахты, как они подошли к нам и, весьма печально поприветствовав, осведомились о нашем начальнике и об остальных, на что мы пока ответили, что сообщим обо всем, когда наступит день, а теперь просим их отойти, пока окончательно не рассветет, ибо волнение еще настолько велико, что им грозит опасность потерпеть крушение.

Как только появилась утренняя звезда и начала заниматься заря, с джонки Кияя Панжана прибыли два португальца; увидев, что Антонио де Фариа находится на джонке Мена Таборды, ибо его судно уже погибло, и услышав от него о всех его несчастиях, они сообщили и о своих невзгодах, которые оказались почти столь же великими, что и наши. Так, они рассказали, что порывом ветра у них сбросило трех человек за борт, причем те отлетели на бросок камня — нечто доселе не виданное и не слыханное. Далее, они сообщили о гибели небольшой джонки с пятьюдесятью человеками экипажа, причем большая часть их, если не все, были христиане, а семеро из них португальцы, среди которых был Нуно Прето, ее командир, человек всеми чтимый и мужественный, как он это доказал во время прежних наших испытаний, и о гибели которого Антонио де Фариа очень сожалел.

В это время прибыла также одна из двух лантеа, о которой пока не было ничего известно, и тоже сообщила о своих злоключениях; с нее видели, как вторая лантеа сорвалась с якорей и разбилась в щепы о берег, с нее спаслись только тринадцать человек — пять португальцев и восемь мосо из крещеных, каковых местные жители взяли в плен и отвели в некое место под названием Ноудай. Таким образом, во время этой злополучной бури утонули две джонки и одна лорча, или лантеа, на которых погибло больше ста человек, в том числе одиннадцать португальцев, и это не считая пленных. А погибшее имущество — серебро, дорогие ткани, шляпки, пушки, оружие, провизия и боевые припасы — было оценено в двенадцать тысяч крузадо, так что командир и солдаты остались все при том лишь, что на них было надето.

К таким вот крушениям приводит плавание вдоль китайских берегов, которые намного опаснее всех других, и никому еще не удавалось проплыть вдоль них хотя бы год, не потерпев какого-нибудь несчастья из-за бурь, происходящих в полнолуние, если он своевременно не находит укрытия в многочисленных превосходных китайских портах, в которые

можно заходить без всякой опаски, ибо фарватер совершенно чист, за исключением только Ламау и Сумбора, в которых имеются отмели примерно в половине легуа к югу от бара.

Глава LXIII

Как Антонио де Фариа узнал о пяти взятых в плен португальцах и что он предпринял для их спасения

Едва эта свирепая буря окончательно успокоилась, Антонио де Фариа перешел на другую большую джонку, отобранную у Кожи Асена, которой теперь командовал Перо да Силва де Соуза, и, поставив паруса, отправился в путь вместе с остальным отрядом, состоявшим из трех джонок и одной лорчи, или лантеа (как их называют китайцы), и стал на якорь в бухте Ноудай, дабы получить там известия о тринадцати пленных. Для этой цели он отправил незадолго до наступления ночи две шлюпки с командой, чтобы понаблюдать за портом и произвести промеры в реке, осмотреть якорную стоянку, выяснить, что имеется на берегу и какие суда стоят в гавани, равно как и прочее, что ему надо было знать для выполнения своего замысла. Шлюпкам также было наказано забрать кого-нибудь из городских жителей, дабы узнать от них, действительно ли португальцы находятся в городе и какова их участь, ибо он опасался, что их уже увезли в глубь страны.

Шлюпки тотчас отвалили и в два часа пополудни прибыли в небольшую деревню, расположенную у бара в глубине небольшой бухты под названием Нипафау, где по милости господней они так хорошо справились со своей задачей, что еще до рассвета вернулись назад с лодкой, наполненной посудой и сахарным тростником, которую нашли на якоре посреди реки и на которой было восемь мужчин, две женщины и маленький мальчик шести или семи лет. Все они были переправлены на джонку Антонио де Фарии, который заверил их, что опасаться им нечего, так как пленники решили, что он их хочет убить.

Но когда их начали допрашивать, то, кроме слов: «Sugui hamidau nivanquao Iaparoa dagatur» (что значит: «Не убивай нас без причины, так как бог потребует от тебя отчета за нашу кровь — мы люди бедные»), — ничего не удалось добиться.

При этом они плакали и дрожали так, что слова выговорить не могли.

Видя их горе и бесхитростность, Антонио де Фариа не захотел их больше тревожить, но, скрывая до поры свои намерения, попросил крещеную китаянку, которую прихватил с собой штурман, поговорить с пленными приветливо и успокоить их, дабы они смогли дать разумные

ответы на вопросы, которые им будут задавать. Китайка обошлась с ними так ласково, что меньше чем через час они сказали, что, если капитан даст им беспрепятственно уйти на лодке, на которой их забрали, они, не кривя душой, расскажут ему все, что они видели собственными глазами и что слышали от других. Это Антонио де Фариа им пообещал и заверил многими красноречивыми выражениями. Тогда один из них, самый пожилой и, по-видимому, наиболее уважаемый, сказал:

— Не очень-то я верю твоим красивым словам, потому что ты столько нам наобещал, что, боюсь, не сможешь сдержать свое слово. Поэтому, поклянись этой вот морской водой, которая несет твой корабль, а если ты нарушишь свою клятву, то всемогущий господь вознегодует на тебя, и тогда горные ветры и морские течения вечно будут тебе врагами. Ибо клянусь красотой небесных светил, что ложь столь же презренна и ненавистна очам бога, как надменная пыха тех, что поставлены судить мирские дела, когда они грубо и надменно говорят с тяжёбщиками, пришедшими искать у них справедливого решения.

И когда Антонио де Фариа поклялся ему со всей торжественностью, потребной для его цели, что он слово свое сдержит, китаец объявил себя удовлетворенным и сказал:

— Я видел, как этих твоих людей, о которых ты спрашиваешь, позавчера засадили в ноудайскую шифангу [{182}](#) и заковали в кандалы, объявив при этом, что делают так потому, что они грабили суда в море.

Это привело Антонио де Фарию в замешательство и очень его раздосадовало, так как он поверил, что дело обстоит именно так. И дабы возможно быстрее найти средство спасти пленников, ибо всякое промедление, как он понимал, могло грозить большой опасностью, он послал им письмо с одним из захваченных китайцев, оставив остальных заложниками, и китаец отправился на берег, как только рассвело.

Так как китайцам очень хотелось поскорее вырваться из плена, посланец, который оказался мужем одной из женщин, захваченных в лодке с гончарным товаром и еще остававшихся на джонке, постарался выполнить свое поручение с возможной быстротой и уже к полудню вернулся с ответом, написанным на обратной стороне письма и подписанным всеми пятью португальцами, в котором кратко излагалось, что держат их в самом жестоком заключении и, без малейшего сомнения, приговорят к смертной казни, а посему они заклинаят его ранами господа нашего Иисуса Христа не бросать их, беззащитных, на погибель и помнить их верность и преданность, ибо, как он прекрасно знает, только из-за него попали они в эту беду. За этим следовали другие жалостные слова в том же

духе, только так и могли писать несчастные, попавшие во власть жестоких и трусливых людей, какими являются китайцы.

Антонио де Фариа прочел это письмо перед всеми и попросил совета, как поступить, и так как говорили многие, многообразными оказались и предложения, но ни одно его не удовлетворило. А посему, когда дело дошло до длительных пререканий и он увидел, что из-за разнообразия мнений ни к какому решению не прийти, он обратился к собравшимся с гневной речью:

— Сеньоры и братья мои, я торжественно поклялся господу нашему не уходить отсюда, не вызволив этих несчастных солдат и товарищей моих каким бы то ни было путем, даже если мне придется тысячу раз поставить жизнь свою под угрозу или потерять имущество, что мне представляется ничтожной малостью. А поэтому, сеньоры мои, очень, очень, очень вас прошу, ради бога, не препятствуйте выполнению моего замысла, ибо от этого зависит моя честь. Клянусь обителью назарейской божьей матери, что всякий, кто будет противоречить мне, станет злейшим моим врагом, как и всякий, кто будет несогласен со мною.

На это все в один голос ответили, что то, что сказала его милость, то и является самым правильным и верным и что он не должен никоим образом уклоняться от велений своей совести, ибо все они не оставят его и готовы пожертвовать ради него жизнью. Он выказал им свою живейшую благодарность и, сняв шапку и со слезами на глазах, обнял каждого по очереди, произнося при этом самые учтивые слова, и снова заверил их, что в будущем деле докажет им то, что пока он мог им только пообещать, чем все остались весьма удовлетворены и обрадованы.

Глава LXIV

Как Антонио де Фариа написал письмо мандарину Ноудая относительно пленников, какой ответ он получил и что он после этого предпринял

Приняв это решение, Антонио де Фариа созвал совет, чтобы найти наилучший способ добиться успеха в этом предприятии. Все согласились, что первым долгом нужно попытаться уладить дело мирно, попросив вернуть пленников и обещав за них мандарину разумный выкуп. В зависимости от того, что он ответит, можно будет решить, как дальше поступать. Итак, было составлено прошение по той форме, которая принята в суде, и отправлено с двумя китайцами из тех, которые были захвачены на лодке и которые казались наиболее почтенными. К письму Антонио де Фариа присовокупил одна стоимостью в двести крузадо, полагая, что между людьми воспитанными такого подарка достаточно и большего не потребуется, в чем жестоко ошибся, как вы вскоре узнаете.

Китайцы отвезли прошение и подарок и вернулись на следующий день с ответом, написанным на обороте. Сообщение было краткое и гласило:

«Пусть твой рот приблизится к моим стопам, и когда я тебя выслушаю, я решу, заслуживает ли твоя просьба удовлетворения».

Видя оскорбительный ответ мандарина, гордость и небрежность его слов, Антонио де Фариа несколько огорчился и опечалился, ибо понял по этому началу, что освободить пленников будет не так-то легко. Тайно обсудив ответ с несколькими лицами, которых он для этого созвал, причем и в этом случае мнения разошлись, Антонио де Фариа пришел к выводу вместе со своими советниками, что нужно отправить еще одно письмо и еще решительное просить об освобождении этих людей, предлагая за них две тысячи таэлей выкупа серебром и товарами, и весьма ясно дать понять мандарину, что португальцы никуда не уйдут, покуда им не вернут пленных, ибо, возможно, когда мандарин убедится в их решимости, он уступит из страха, хотя, вероятно, его можно было бы заставить сдаться, и пробудив в нем корысть.

С письмом отправили опять тех же китайцев; на этот раз оно было запечатано и написано так, как пишутся частные письма, без соблюдения всех церемонных обращений, принятых в прошениях, и прочих витиеватостей, которые китайцы любят употреблять между собой в

подобных случаях, дабы мандарин по голому слогу его почувствовал, что все, что в нем написано, не является пустыми словами.

Однако, прежде чем идти дальше, я хочу остановиться на двух местах в этом письме, повредивших переговорам. Во-первых, Антонио де Фариа сказал мандарину, что он иностранный купец, португалец по национальности и идет по торговым делам в порт Лиампо, где много купцов, живущих на берегу и держащих там свои склады, и что купцы эти всегда исправно платили положенные им налоги и никогда не были повинны ни в каких грабежах или злодеяниях, как мандарин это утверждает. Во-вторых, Антонио де Фариа писал, что, поскольку португальский король, его повелитель, по благорасположению к китайскому государю является истинным его братом, португальцы рассчитывают быть принятыми на китайской земле так же, как китайцы; прибывающие в Малакку, на португальской, где к ним относятся вполне искренне, доброжелательно и справедливо и никогда не чинят им ни малейших обид.

Хотя мандарину не понравились оба эти места, но мысль о том, что король Португалии является братом китайского государя ^[183], показалась ему особенно оскорбительной, — и, не обращая на прочее никакого внимания, он приказал наказать плетями обоих посланцев и отрезать им уши и в этом виде отправил обратно к Антонио де Фарии с ответом следующего содержания, написанном на обрывке бумаги.

«Жалкий червяк, рожденный мухой, завязшей в никогда не очищаемом нужнике подземной тюрьмы, кто позволил твоему дерзкому ничтожеству рассуждать о делах небесных? Когда я приказал прочесть твое прошение, в котором ты обратился ко мне как к господину и просил меня сжалиться над тобой, несчастным и бедным, я уже по великодушию своему склонялся к милости и был почти удовлетворен той малостью, что ты мне прислал, но тут ушей моих коснулось кощунство, произнесенное твоей гордыней, — ты сказал, что твой король — брат Сына Солнца, льва, возведенного неизреченной властью на престол вселенной, чьи стопы попирают венцы всех тех, кто правит землей королевскими державами своими и скипетрами, кои суть не более, чем гвозди в подошве его сандалий, расплющенные поступью его пят, о чем писатели золотого храма возвещают истинностью своих свидетельств во всех краях, обитаемых людьми. И вследствие этой чудовищной ереси я приказал сжечь твою бумагу, поступая в ее подлом лице с ней так, как должно было бы поступить с тобой по жестокому приговору правосудия, каковой казни я еще хочу тебя подвергнуть за столь великое прегрешение. Настоящим же

приказываю тебе сейчас же без малейшего промедления поставить паруса и покинуть сей порт, чтобы не были они прокляты морем, которое тебя поддерживает».

Когда толмач (который там называется «тансу») закончил чтение письма и сообщил его содержание, все слушавшие его почувствовали себя униженными, а Антонио де Фариа более, чем кто-либо другой. Долгое время все пребывали в некотором смятении, ибо совершенно потеряли надежду выкупить пленных.

Обсудив, как отнестись к оскорбительному письму и к озлобленному мандарину, решили наконец высадиться на берег и напасть на город, надеясь на помощь господ нашего, поскольку руководствовали нами добрые намерения. Для этого немедленно были приведены в боевой порядок четыре рыбачьих лодки, захваченные этой ночью.

Был произведен смотр всем, кто мог пойти в эту экспедицию, причем выяснилось, что подходят для этой цели триста человек, из коих семьдесят было португальцев, а остальные рабы и матросы, а также люди Кияя Панжана, из которых сто шестьдесят были вооружены аркебузами, а остальные копьями, пиками, зажигательными бомбами и многим другим оружием, необходимым для успеха этого дела.

Глава LXV

Как Антонио де Фариа напал на город Ноудай и что он при этом делал

На другой день, когда уже почти совсем рассвело, Антонио де Фариа поднялся под парусами вверх по реке, взяв с собой три джонки, лорчу и четыре захваченных им баркаса и стал на якорь в шести с половиной брасах выше прежней стоянки у самой городской стены. Убрав паруса, он не стал производить салюта или палить из пушек, а просто поднял торговый флаг, как это делают китайцы, чтобы этим изъяснением мирных намерений избавиться от всех дальнейших церемоний, хотя знал, что в глазах мандарина все равно он человек погибший и всякие любезности бесполезны.

С места своей новой стоянки он послал мандарину еще одно письмо. В нем он обещал еще больший выкуп за пленников и выражал всяческие дружественные чувства. Письмо это, однако, лишь ожесточило этого пса, который велел распять несчастного китайца-посланца и показать его с городской стены кораблям. Тут Антонио де Фариа убедился, что все надежды, которые пытались еще внушить ему некоторые его спутники, окончательно утрачены. Тем временем солдаты Антонио де Фарии пришли в большое возбуждение и сказали ему, что раз уж решено делать высадку, то нечего мешкать, иначе враг сможет подтянуть к городу много людей.

Антонио де Фариа с этим согласился, сел немедленно в баркас с отобранными для высадки людьми, ожидавшими лишь его приказаний, и велел джонкам стрелять по неприятелю и по городу, едва увидят большое скопление народа, но делать это только тогда, когда не будет рукопашных стычек между ними и противником. И, высадившись ниже якорной стоянки примерно на расстоянии арбалетного выстрела, направился, не встречая ни малейшего сопротивления, вдоль берега к городу, на стену которого высыпало к тому времени довольно много народу. Все они размахивали шелковыми знаменами, били в колокола и издавали громкие крики — видно было, что эти люди рассчитывают запугать нас показной воинственностью и больше возлагают на нее надежд, чем на самые дела.

Когда наши приблизились на мушкетный выстрел ко рвам, окружавшим город, из двух ворот его вышло, по подсчету иных очевидцев, от тысячи до тысячи двухсот человек, из которых от ста до ста двадцати

были на конях, а вернее сказать, на тощих одрах. Всадники стали палить и вольтижировать, причем проделывали это так хорошо и ловко, что нередко сталкивались, причем несколько человек валилось на землю. По всему было видно, что это люди, пришедшие сюда не по доброй воле, а согнанные из окрестностей.

Антонио де Фариа в веселых выражениях старался воодушевить своих на бой и, подав сигнал джонкам, стал дожидаться, когда неприятель выйдет в открытое поле, где, как можно было заключить из его хвастливого поведения, он намеревался померяться силами с Фарией. Но, очевидно, полагая, что показной воинственности будет достаточно, чтобы заставить нас отказаться от своего намерения, они снова принялись гарцевать, да еще поехали по кругу, словно лошади, молотящие пшеницу катком. Когда им стало ясно, что мы не обращаемся вспять, как они предполагали и, возможно, надеялись, они собрались все вместе и так, сбитые в кучу, задержались на мгновение, не двигаясь с места.

Тогда наш капитан, видя их нерешительность, скомандовал всем стрелкам, которые до сих пор не произвели ни единого выстрела, дать по ним залп. И господу нашему было угодно, чтобы он был метким, и половина всадников, находившихся в первых рядах, повалилась наземь. Видя успешность наших действий, мы набросились на них, громко произнося имя Христа, и угодно было ему по милости его, чтобы неприятель обратился в бегство, столь беспорядочное, что одни падали на других, а когда дело дошло до того, чтобы перебраться через мост, перекинутый через ров, все смешалось так, что ни назад ни вперед податься не было возможности.

В это мгновение их настигли наши и расправились с ними; больше трехсот врагов полегло тут же на месте, и трупы их лежали в несколько рядов, — зрелище поистине жалостное, — ибо никто из них даже не вынул меча из ножен.

Воодушевленные этой победой, мы немедленно бросились к воротам и там увидели мандарина с примерно шестьюстами людьми. Мандарин сидел на добром коне и одет был в старинный золоченый панцирь на фиолетовом бархате, принадлежавший, как мы впоследствии узнали, некоему Томе Пиресу, которого король Мануэл отправил послом в Китай на каравелле Фернана Переса де Андрадо во времена, когда владения нашими в Индии правил Лопо Соарес де Албергариа.

Мандарин и те, кто был с ним, попытались дать нам отпор и не пропустить в ворота, из-за чего между нами и ими завязался жестокий бой, и через несколько мгновений они уже стали сражаться с нами несравненно

более смело, чем то, на кого мы напали на мосту, но в этот миг один из наших мосо выстрелом из мушкета попал мандарину в грудь, и тот свалился с коня. Китайцы были так этим потрясены, что все разом повернули назад ^{184} и начали беспорядочно отступать через ворота в город, а мы все, бросившись за ними вслед, поражали их пиками, и никто из них не догадался запереть ворота. Мы прогнали их таким образом, точно стадо, по очень длинной улице, пока они не вырвались через другие ворота, выходявшие в заросли, в которых все и попрятались, так что в стенах города не осталось ни одного.

Антонио де Фариа, собрав вокруг себя всех своих людей, велел им, во избежание беспорядка, построиться, после чего они проследовали к шифанге — то есть к тюрьме, где были заключены наши, и те, завидев нас, так громко закричали: «Господи боже, смилуйся над нами!» — что можно было содрогнуться всем существом. Капитан наш приказал немедленно высадить двери и решетки топорами, а так как желание и рвение у всех было большое, в один миг все разлетелось на куски; оковы, в которых находились узники, были сбиты, так что за очень непродолжительное время товарищи наши оказались совершенно свободными.

Всем солдатам нашим и остальному бывшему с нами народу было сказано, чтобы каждый брал себе то, что он сможет захватить, так как дележа никакого не будет. Что каждый с собой заберет, то и будет его собственностью, так как более получаса Антонио де Фариа на это предоставить им не может. На что все ответили, что они вполне довольны.

Все разбежались по окрестным домам, Антонио де Фариа же отправился во дворец мандарина, который он определил себе на долю, где только одного серебра он нашел на восемь тысяч таэлей и пять больших кувшинов мускуса, которые он приказал забрать. Остальное же отдал сопровождавшим его мосо, а было там множество тканей из простого и крученого шелка, атласа, штофа и плетенок с тонким фарфором, которыми все нагрозились так, что едва могли нести, и четыре баркаса и три сампана, на которых наши высаживались, должны были четыре раза нагружаться и разгружаться в джонки, так что не было мосо или матроса, который не мог бы похвастаться сундуком или сундуками пес, не говоря уже о том, что он припрятал от других.

Антонио де Фариа, видя, что уже прошло более полутора часов, приказал всем быстро собратся, но людей никак нельзя было оторвать от грабежа, причем чем выше был начальник, тем сильнее в нем проявлялась алчность. Поэтому, опасаясь, как бы с ними не произошло какого-нибудь несчастья, так как ночь уже была близка, Антонио де Фариа приказал

поджечь город с десяти или двенадцати концов, а так как большая часть домов была построена из сосновых и других досок, через четверть часа он так страшно пылал, что казался геенной огненной.

Тут все отошли к берегу и сели в шлюпки уже безропотно, очень довольные тем, что разбогатели, а кроме того, тем, что уводили с собой много весьма красивых девушек. Больно было смотреть, как они идут, перевязанные аркебузными фитилями по четыре, по пять, и все плачут, а наши смеются и распевают песни.

Глава LXVI

В этой главе повествуется о том, как, запасшись продовольствием в заброшенной деревне, Антонио де Фариа решает перезимовать на необитаемом острове вблизи Лиампо, но на пути туда встречается с пиратом Прематой Гунделом и одерживает над ним блестящую победу, принесшую ему богатую добычу и одну джонку, после чего португальцы направляются в Лиампо.

Глава LXVII

О том, что сделал Антонио де Фариа по прибытии в Ворота Лиампо и что он там узнал о событиях в Китайском государстве

Между двумя островами, которые местные жители и все, кто плавает вдоль этих берегов, называют Воротами Лиампо, пролегает канал шириной немногим более двух выстрелов из мушкета и глубиной в двадцать или двадцать пять морских сажен. На материке имеются бухты с хорошими якорными стоянками и реки с питьевой водой, спускающиеся с вершин хребтов и протекающие между весьма густыми зарослями кедров, дубов и сосен, как сажених, так и диких, откуда многие суда берут себе лес на рей, мачты, доски и другие предметы, причем совершенно бесплатно.

Когда Антонио де Фариа прибыл утром в среду на эти острова и стал на якорь, Мен Таборда и Антонио Анрикес попросили у него разрешения отправиться в город первыми, чтобы сообщить о его прибытии, а также узнать новости на берегу и выяснить, известно ли там и болтают ли о том, что Фариа сделал в Ноудае, ибо, если его пребывание в Лиампо могло в каких-либо отношениях повредить спокойствию и безопасности португальцев, Антонио де Фариа предпочитал, как раньше было решено, зимовать на острове Пуло-Хиньор, мандарина же поставить в известность обо всем в самых общих выражениях. Антонио де Фариа ответил, что все это кажется ему вполне разумным, и разрешил им действовать так, как они предлагали. Кроме этого, он написал для них несколько писем, обращенных к наиболее уважаемым тогдашним правителям города, в которых сообщал обо всем происшедшем во время его похода и просил их милостиво согласиться посоветовать ему, как лучше поступить, ибо он готов повиноваться им во всем, что они потребуют; к этому он присовокупил еще всякие любезности в том же духе, которые пишущему ничего не стоят, но иногда приносят весьма ощутимые выгоды. Антонио Анрикес и Мен Таборда отправились в город во вторую половину дня, а Антонио де Фариа стал дожидаться известий, стоя на якоре.

Прибыли они в город в два часа ночи, и когда их увидели и узнали от них новости и все приключения, которые им пришлось испытать, жители, как и можно было ожидать, пришли в величайшее изумление. Ударили в колокол собора Богоматери Святого Зачатия, являвшегося главным храмом из шести или семи, которые были в городе, и, собравшись в нем, обсудили

сообщение, привезенное этими двумя людьми. Приняв во внимание щедрость, которую Антонио де Фариа проявил к ним, а также ко всем тем, кто был с ним в доле, они согласились хотя бы частично отплатить ему проявлениями любви и благодарности, поскольку отблагодарить в полной мере им не позволяли их малые возможности.

И, написав ему один общий ответ, под которым все расписались, что превращало его в постановление палаты, отослали его вместе с двумя лантеа, груженными свежей провизией, наказав Жеронимо де Рего, седовласому дворянину, весьма ученому и пользующемуся большим весом, вручить послание Фарии. В этом ответе они выражали ему свою величайшую благодарность за ту огромную услугу, которую он им оказал, милостиво вернув им товары, отобранные у неприятеля, равно как и за любовь, проявившуюся в его щедрости. За все это — выражали они надежду — господь вседержитель во славе своей воздаст ему изобильнейшими благами. А что до опасений оставаться на зимовку в Лиампо из-за того, что он совершил в Ноуде, он может быть совершенно спокоен, ибо в Китае происходят сейчас междоусобицы, и китайцам не до него, — умер китайский государь [{185}](#), и во всей стране распря из-за того, кому из тринадцати соискателей занять престол. Все они вооружились и вместе с войсками своими вышли в поход, дабы завоевать силой то, чего они не могли получить по праву. Далее, они сообщали, что тутан Най, являющийся высшим сановником в государстве после короля и обладающий настоящей божественной властью царского величества, окружен в городе Куанси войсками Прешау Муана, императора каушинов [{186}](#), на помощь которому, как утверждают, двинулся король Татарии с войском в девятьсот тысяч человек. Так что у них теперь творится такая неразбериха и неурядица, что, разори его милость даже город Кантон, они и на это не обратили бы внимания, что же говорить о Ноуде, который в Китайской империи по сравнению с многими другими городами представляет собой нечто несравненно меньшее, чем в Португалии Оэйрас по сравнению с Лиссабоном. И ввиду полной достоверности этих сведений они все просят его милость пожаловать им подарок за добрую весть, но пока остаться еще дней на шесть на месте своей стоянки, чтобы дать им время подготовить ему и его экипажу жилье, поскольку большего они сейчас сделать не могут, равно как и более красноречиво показать, как они ему обязаны, хотя это и было бы всеобщим их желанием. К этому было прибавлено еще много любезных слов, на которые он ответил так, как ему казалось наиболее подходящим, и во всем последовал их пожеланиям.

На двух лантеа, которые ему были присланы с провизией, он отправил больных и раненых, имевшихся на судах, и жители Лиампо приняли их с великим состраданием и распределили по наиболее состоятельным семьям, где за ними ухаживали и снабжали всем необходимым, так что ни в чем недостатка они не испытывали.

За все шесть дней, что Антонио де Фариа провел в этой бухте, не осталось сколько-нибудь именитого жителя этого селения, или города, как он там назывался, который бы не пришел его навестить и не принес бы с собой подарков, а именно, самых затейливых блюд, самой лучшей провизии и фруктов, и притом в таких количествах, что все мы только диву давались, особливо же великому единодушию и торжественности, которую мы видели в этих действиях.

Глава LVIII

О приеме, оказанном Антонио де Фарии португальцами в селении Лиампо

Все те шесть дней, которые Антонио де Фариа задержался здесь по просьбе жителей Лиампо, он простоял на якоре у островов. К концу этого срока, в воскресенье, перед рассветом — в то самое время, которое ему было назначено для того, чтобы войти в порт, ему спели прекрасную албораду. Голоса были превосходные, и сопровождали их сладкозвучные инструменты, так что всякий, кто ее услышал, получил большое наслаждение. А в заключение, чтобы перещеголять португальцев, под гром барабанов, бубнов и систров была сыграна фолia, которая тоже очень понравилась, так как это был все же наш напев.

Было немногим больше двух часов пополудни, когда тихой ночью при ярком свете луны все суда, украшенные многочисленными шелковыми флагами и навесами, снялись с якоря. Даже марсы и салинги на них были покрыты тонкой серебряной парчой, и с них спешивались парчовые же длинные знамена. Отряд сопровождало большое число гребных баркасов, в которых сидели музыканты, игравшие на трубах, свирелях, флейтах, дудках, барабанах и прочих инструментах как португальских, так и китайских, на каждой из шлюпок играли свое, стараясь превзойти собственными затеями все остальные. Когда уже был ясный день и оставалось пройти половину легуа до гавани, заштилело. Немедленно появились десятка два лантеа с прекрасными гребцами и, взяв на буксир весь отряд, меньше чем за полчаса доставили его на якорную стоянку.

Но прежде чем он стал на якорь, к судну Антонио де Фарии подошло больше шестидесяти шлюпок, баланов и маншуа с шелковыми тентами, флагами и богатыми коврами, и оттуда сошло свыше трехсот человек. Все они были в праздничной одежде, с золотыми ожерельями и цепями на груди; мечи свои, также украшенные золотом, они носили через плечо на африканский лад. И все это делалось с таким благолепием и совершенством, что вызывало не меньше изумления, чем восхищения у каждого, кто это видел.

Таким вот образом Антонио де Фариа прибыл в гавань, в которой стояло на якоре в полном порядке двадцать шесть больших кораблей, восемьдесят джонок и еще значительно большее количество ванканов и

баркасов, пришвартованных друг к другу, так что образовалось нечто вроде длинной улицы, украшенной сосновыми и лавровыми ветвями и зелеными стеблями тростника. Над этим проходом возвышались арки, покрытые ветвями черешен, груш, лимонами и апельсинами и всякой разнообразной зеленью и душистыми травами, которыми были также оббиты мачты и корабельные снасти.

Став на якорь у берега в назначенном ему месте, Антонио де Фариа дал приветственный залп из своих многочисленных отличных пушек, на что все корабли, джонки и большая часть шлюпок, о которых я только что упоминал, ответили в свою очередь. Все это представляло нечто весьма внушительное, сильно изумившее китайских купцов. Они спрашивали, не является ли этот человек, которому оказывается такой прием, братом или родственником нашего короля и какое отношение к нему имеет чествуемый. На что некоторые придворные отвечали, что нет, родственником короля он не является, но что действительно его отец ковал коней, на которых ездил его величество, поэтому-то и воздаются ему такие почести, и все те, которые живут здесь, могли бы быть его слугами и выполнить его волю, как рабы. Китайцы, считая, что так действительно могло быть, переглядывались с изумлением и говорили:

— Должно быть, много великих государей имеется ни свете, о которых не слыхали наши древние писатели! И один из этих государей, с которым следовало бы больше всего считаться, надо думать, повелитель этих людей, ибо по тому, что мы о нем слышали, он богаче, могущественней и властвует над большими землями, чем Татарин или Каушин, и можно было бы сказать, не будь это грехом, что он равен Сыну Солнца, Венценосному Льву на Престоле Вселенной.

Все стоявшие вокруг них подтвердили это, говоря:

— Это и так вполне очевидно и явствует из многих богатств, коими эти бородатые люди, на позор всем народам, овладели повсюду силой своего оружия.

После того как залпы и с той и с другой стороны прекратились, к джонке Антонио де Фарии подошла лантеа с прекрасными гребцами, украшенная лесом каштановых деревьев, покрытых колючими плодами так, как их создала природа, с огромным количеством роз и гвоздик, смешанных с другой зеленью, которую туземцы называют лешиа, еще гораздо более свежей и благоуханной. Все эти зеленые украшения были настолько густы, что гребцы под их покровом оставались незаметны. Поверх навеса лодки на шести шестах был воздвигнут богатый, обитый парчой помост, на котором стояло серебряное кресло. Окружало помост

шесть весьма красивых девочек от двенадцати до пятнадцати лет, которые играли на музыкальных инструментах и пели очень приятными голосами. Их за деньги пригласили из города Лиампо, находившегося в семи легуа от португальского поселка. Ибо это и многое другое можно найти за деньги всякий раз, когда в этом встречается надобность, так что многие купцы составляют себе состояние, только сдавая внаймы то, что там в большом ходу для развлечения и приятного времяпрепровождения.

На эту лантеа перешел Антонио де Фариа, и по прибытии его на пристань под великий гром труб, свирелей, литавр, дудок, барабанов и прочих инструментов, принятых у китайцев, малайцев, шампа, сиамцев, борнейцев и лекийцев, равно как и представителей других народов, искавших в этом португальском порту защиты от пиратов, которыми кишело море, пересадили его на богатые парадные носилки, словно он был одним из двадцати четырех шаэнов, которые имеются в этой империи. Носилки эти подняли восемь человек, одетых в парчу, рядом с ними шли двенадцать португальцев с серебряными булавами и шестьдесят алебардщиков с протазанами и алебардами, отделанными золотом, которые также были взяты напрокат в городе, затем восемь всадников со знаменами из белого штофа и столько же в шляпах из зеленого и красного атласа, которые время от времени кричали на китайский лад, чтобы люди посторонились.

После того как Антонио де Фариа высадился на берег и выслушал приветствия по случаю его прибытия, к нему на поклон явились все самые именитые и богатые жители города, которые, желая оказать ему честь, падали перед ним ниц, каковая церемония заняла довольно много времени. Когда с этим было покончено, к нему подошли двое из старейших дворян, живущих в поселке, Тристан де Га и Жеронимо до Рего и от имени всех жителей произнесли речь, где восхваляли его самым красноречивым и изысканным образом, говоря, что великодушием он превзошел Александра Македонского, что и подтвердили весьма убедительными и вескими доводами, мужеством же — Сципиона, Ганнибала, Помпея и Юлия Цезаря, но этим они не ограничились и наговорили ему еще много лестного в том же духе.

От пристани шествие направилось в собор по очень длинной улице, украшенной сосновыми и лавровыми ветвями и усыпанной цветами. От дома к дому были протянуты полотнища атласа и штофа. Кое-где стояли столы, на которых поместили серебряные курильницы со всякими ароматами и благовониями. В других местах давали свои представления певцы и танцовщики. Почти в самом конце этой улицы была установлена

башня из соснового дерева, расписанная под камень, на вершине которой было три шпиля и на каждом из них золотая флюгарка со знаменем из белого штофа с золотым изображением королевского герба. В одном из окон этой башни стояли двое детей и плачущая пожилая женщина, а внизу у ног ее лежало весьма натурально выполненное изображение человека, изрубленного на куски десятью или двенадцатью кастильцами. Все они держали в руках покрытые кровью копья и алебарды. По блеску и пышности работы фигуры эти были весьма приятны для глаза. Как говорят, они напоминали о том, как некий муж, от которого происходят настоящие Фарины, получил свое дворянство во время войн, которые в давние времена велись между Португалией и Кастилией.

В этот момент колокол, подвешенный к самой вершине башни и как бы стоявший на страже, прозвонил три раза, и по этому сигналу толпа, до того сильно шумевшая, сразу притихла. Когда все смолкло, из башни вышел старик, одетый в мантию из фиолетового штофа, в сопровождении четырех привратников с серебряными булавами. Отвесив низкий поклон Антонио де Фарине, он в очень почтительных выражениях высказал ему, как все ему благодарны за его великую щедрость и огромную милость, ибо он вернул им имущество, за что все они отныне считают себя его подданными и вассалами и обязуются приносить ему дань, пока будут живы. Пусть он взглянет на фигуру, которая перед ним, и в ней, как в ясном зеркале, он увидит, какой преданностью сюзерену те, от кого он ведет свой род, заслужили славное имя, которое носит их потомок, как это известно всем народам Испании. По этой сцене он также увидит, как приличествовало ему сделать то, что он сделал, как в том, что он проявил столько мужества, так и в том, как он обошелся с ними. А посему от имени всех он просит принять в качестве первой дани, которую ему надлежит получить от своих вассалов, некую скромную лепту на фитили солдатам, ибо остальной долг они обязуются уплатить в свое время. С этими словами он передал ему пять ящиков с серебряными слитками: стоимостью в десять тысяч таэлей.

Антонио де Фарина отблагодарил их в длинной речи за оказанные ему почести и за драгоценный подарок, но никоим образом не соглашался его принять, как его ни упрашивали.

Глава LXIX

Как Антонио де Фарию отвели в церковь и о том, что произошло там во время мессы

Когда Антонио де Фариа собирался покинуть это место, его захотели провести под богатым балдахином, который должны были нести шесть самых видных жителей города. Но Антонио де Фариа не согласился на это, говоря, что он не рожден для почестей, которые ему хотят оказать, и проследовал дальше самостоятельно: причем единственное, что придавало торжественность этому шествию, было большое число людей, как португальцев, так и местных жителей, равно как и других многих наций, которые ради торговли собрались в этом порту, считающемся лучшим и самым богатым из всех известных в этих краях. Те, кто шел перед ним, приплясывали, били в бубен, подбрасывали мячи, пели песни и разыгрывали всякие сценки, ибо местных жителей, которые имели с нами сношения, кого уговорили, а кого и принудили под страхом наказания делать то же, что и португальцы; и все это сопровождалось игрой на музыкальных инструментах: трубах, свирелях, гобоях, флейтах прямых и поперечных, арфах вместе с дудками, барабанами и хором голосов.

У врат храма навстречу Антонио де Фарии вышло восемь одетых в богатые парчовые облачения священников, возглавлявших процессию, певшую «Te Deum laudamus» ^[5], на что другой хор пел свои ответы под сопровождение органа так стройно, как можно бывает услышать в капелле какого-нибудь могущественного князя.

Под эти звуки Антонио де Фариа медленно прошествовал в главный неф храма, где был установлен балдахин из белого штофа и под ним кресло красного бархата с подушкой для ног из той же ткани. Усевшись в это кресло, он прослушал мессу, во время которой певцы пели, а музыканты играли весьма согласно. Проповедь произнес некий Эстеван Ногейра, местный викарный священник, человек уже пожилой и всеми почитаемый. Говорить с кафедры ему давно не приходилось, да и вообще он был не речист, и к тому же полуграмотен или даже совсем неграмотен, но зато тщеславен и кичлив, словно какой-нибудь дворянин. Так как случай был исключительный, он решил показать свою ученость и красноречие и всю свою проповедь посвятил похвалам одному только Антонио де Фарии, причем говорил так бессвязно и употреблял такие неуместные выражения,

что некоторые его друзья, заметив, что Антонио де Фариа крайне смущен, дернули его три или четыре раза за стихарь, чтобы он замолчал. Он было смутился, но, быстро придя в себя, продолжал громким голосом, как человек, уверенный в своей правоте, свою речь, словно отвечая друзьям:

— Клянусь святыми Евангелиями, я говорю сущую правду! Не мешайте мне, я даю обет господу богу, что готов расшибиться в лепешку ради того, кто спас мои семь тысяч крузадо, которые я отправил с этой джонкой на покупку товаров, а эта собака Кожа Асен прикарманил. Да ниспошлет господь бог душе его всякие муки в аду, куда она теперь угодила. А вы все повторите за мной: «Амен» ^[6].

Заключение это вызвало такой хохот в соборе, что голоса человеческого нельзя было слышать.

Наконец шум стих, народ успокоился, и из ризницы вышли шесть детей, одетых ангелами, держа в руках позолоченные музыкальные инструменты; священник опустился на колени перед алтарем Богоматери Святого Зачатия и, впевнив взор в ее изображение и воздев руки, произнес со слезами на глазах голосом напевным и прочувствованным, словно обращаясь к ней: «Вы роза, сеньора». И шесть мальчиков подхватили: «Сеньора, вы роза», и заиграли так нежно на своих инструментах, что все присутствующие были вне себя от умиления и не смогли сдержать слез, порожденных благочестивым чувством.

После этого викарный священник взял в руки большую старинную виолу и, подыгрывая себе на ней, произнес тем же напевным голосом несколько весьма набожных и подходящих к случаю строф на голос этого вилансете. В конце каждой из них дети запевали: «Сеньора, вы роза», — что всем присутствующим очень понравилось как из-за стройности голосов и инструментов, так и из-за набожных чувств, которые песнь эта у всех вызвала, заставив пролить множество слез.

Главы LXX–LXXI

В этих главах повествуется о пире, который был задан в этот день Антонио де Фарии и его товарищам, как было украшено место пира, кто подавал к столу, какие по окончании пира были устроены Антонио де Фарии и его товарищам развлечения. Как отправляясь после смерти Кияя Панжана на копи в Куангепару, Фария берет в провожатые корсара Симилау. Последний рассказывает ему о сокровищах святилища Калемплуй [\[187\]](#). Фария решает завладеть ими и отбывает из Лиампо в поисках острова Калемплуя.

Здесь описываются суда и экипаж, с каким отправился в поход Антонио де Фария, что встретилось им по пути, опасения Фарии и то, как он вместе с Симилау решает идти более долгим, но более безопасным путем.

Глава LXXII

Обо всем, что приключилось с Антонио де Фарией, прежде чем он дошел до реки Патебенан, и о решении, которое он там принял относительно своего путешествия

Покинув бухту, мы продолжали наш путь ^{188}вдоль берега еще тринадцать дней, все время не теряя его из виду, и прибыли наконец в залив под названном Бушипален ^{189}, расположенный на широте сорока девяти градусов, климат которого мы нашли уже несколько более холодным. В бухте этой было такое разнообразие рыб и гадов самых различных видов, что, право, я очень боюсь говорить о них, равно как и о тех совершенно невероятных вещах, которые корсар Симилау рассказывал Антонио де Фарии про то, что нам приходилось видеть и слышать по ночам, особенно же ноябрьскими, декабрьскими и январскими новолуниями, когда погода была ненастная и шли проливные дожди. Кое в чем он дал ему убедиться тут же воочию, откуда можно было заключить, что и остальное, рассказанное им, соответствует действительности.

Мы здесь увидели рыб наподобие скатов, которых наши называли «рыбами-одеялами», более четырех морских сажен в окружности и с мордой тупой, как у быка. Видели и других, напоминавших больших ящериц, раскрашенных в зеленый и черный цвет, с тремя рядами игл на спине, иглы эти были толщиной со стрелу, а длиной в три пяди, причем очень острые; усеяно ими было и все остальное туловище, но только там они были не такие толстые и длинные. Рыбы эти время от времени поднимают свои колючки, как дикобраз, что придает им весьма грозный вид, рыло у них очень тонкое и черное, а зубы, которые выступают у них из нижних челюстей, как у кабанов, имеют две пяди длины. Этих рыб, по словам Симилау, китайцы называют пушиссуконами. Нам пришлось видеть и других очень черных рыб, напоминавших бычков, но столь чудовищной величины, что только одна голова имела более шести пядей в длину, а когда они плавали и расправляли плавники, они оказывались больше сажени в окружности, так, по крайней мере, утверждали те, кто их видел.

Я уж ничего не говорю о прочих разновидностях рыб, которые нам попадались, ибо мне кажется излишним особенно задерживаться на том, что не является предметом моего повествования. Скажу только, что за две

ночи, что мы стояли там на якоре, мы ни на миг не чувствовали себя в безопасности от ящериц, китов, рыб и гадов, которых мы видели днем, потому что отовсюду раздавалось завывание, храп, сопение, а на берегу еще и ржание моржей, и я не нахожу слов, чтобы описать это как следует.

После того как мы вышли из этого залива Бушипалена, который наши называли рекой змей, Симилау продолжал идти под парусами еще пятнадцать легуа и стал на якорь в бухте гораздо более красивой и глубокой, называвшейся Калиндан, по длине береговой черты равной более шести легуа. Бухта рта окружена со всех сторон очень высокими горами, покрытыми густым лесом, с вершин которых стекают многочисленные реки. В эту бухту впадало четыре весьма больших реки, прорывавшиеся к морю через расселины между горами. Симилау объяснил нам, что реки эти при разливе несут множество трупов животных, и этим и объясняется количество тварей, которых мы видели в этом и соседнем заливе, ибо все они питаются падалью, чего мы ни в одном другом заливе посещенного нами побережья не наблюдали.

Когда Антонио де Фариа задал Симилау вопрос, откуда текут эти реки, тот ответил ему, что не знает, но по описаниям две из них текут из большого озера, называемого Москумбрия ^{190}, а остальные две — из горной местности, круглый год покрытой снегами, под названием Алимания. А поскольку потом часть снега тает, реки эти сильно разбухают и напор воды в них становится большим, чем в остальное время года, и, как мы имели возможность в этом убедиться, весьма значительным. И по одной из этих рек, называвшейся Патебенан, в устье которой мы стояли на якоре, и предстояло нам с именем господним на устах идти курсом на ост и на ост-зюйд-ост, чтобы добраться до Нанкинского залива, от которого мы ушли на двести шестьдесят легуа, ибо путь наш мы сильно умножили, поднявшись севернее того места, где находился остров, к которому мы направлялись. И хотя этот путь и потребует от нас много сил, Симилау говорил, что он просит Антонио де Фарию считать их не зря потраченными, поскольку этим достигалась безопасность наших людей. На вопрос Антонио де Фарии, сколько дней потребуются, чтобы пройти реку, к которой он нас подвел, Симилау ответил, что всего четырнадцать или пятнадцать и что через пять дней после того, как они выйдут из этой реки, он обещает высадить его с его солдатами на остров Калемплуй, где они смогут щедро вознаградить себя и убедиться, что усилия, которые вызывают теперь ропот, не потрачены были напрасно.

Антонио де Фариа обнял его, обещал не забыть его своею дружбой и примирил его с солдатами, на которых он жаловался, и все остались

совершенно удовлетворенными.

Получив эти приятные сведения от Симилау и увидев, какой новой дорогой ему придется идти по этой огромной и могущественной стране, Антонио де Фариа подбодрил своих и принялся за подготовку своего предприятия как в отношении пушек, которые до поры до времени были припрятаны, так и в отношении ручного оружия, приводя его в готовность. Были также назначены начальники вахт и приняты все меры предосторожности на всякий непредвиденный случай. После чего падре Диого Лобато, который, как я раньше уже сказал, отправился вместе с нами и был нашим духовником и помощником капитана, произнес небольшую проповедь экипажу, чтобы вселить в него мужество и силы на то, что нас ожидало впереди. В ней он коснулся некоторых предметов, весьма важных для успеха нашего дела, причем так ласково, разумно и уместно, что все те, кто упал духом и был полон опасений, вновь преисполнились мужества и отваги и уже больше не сомневались, что все с успехом выполнят то, что решили совершить.

И с новым пылом они благоговейно дали обет перед статуей пресвятой девы и поклялись, что бесстрашно доведут до конца затеянное предприятие. При всеобщем воодушевлении были поставлены паруса, и мы вошли в реку, куда нас направил Симилау, держа направление на восток. От всего сердца и заливаясь слезами мы призывали покровительство и помощь того, кто сидит одесную предвечного отца, чтобы он охранил нас могучею своею рукою.

Глава LXXIII

О том, что произошло с Антонио де Фарией до того, как мы подошли к хребту Ганжитану, и о крайне высоких людях, с которыми он там вступил в общение

Продолжая наш путь то на веслах, то под парусами и держась то одного, то другого румба в зависимости от извилин реки, мы на следующий день подошли к очень высоким горам, называвшимся Ботинафау, с которых устремлялось множество рек. Здесь изобиловали тигры, носороги, львы, рыси, ягуары, зебры и прочие разные звери, которые, движимые своей могучей и свирепой природой, набрасываются на других, более слабых животных — оленей, кабанов, обезьян, шакалов, мартышек, лисиц и волков — и ведут с ними жестокую войну. Все это мы с большим удовольствием наблюдали в течение долгого времени, причем как бы громко мы ни свистели и ни кричали на них, они нас особенно не пугались, потому что на них никогда не охотились.

На путешествие по этим землям, простирающимся на сорок пять или пятьдесят легуа вдоль реки, мы потратили шесть дней, после чего вошли в горную местность, не менее дикую, чем пройденная нами, и называвшуюся Ганжитану. Отсюда и далее вся страна покрыта горами, сурова и почти недоступна для человека, так как леса в ней столь густы, что даже лучи солнца не способны проникнуть до почвы и сообщить ей свое тепло. Про эту землю Симилау говорил, что на девяносто легуа в окружности она не заселена из-за отсутствия почв, пригодных для земледелия, и что лишь у подножия гор здесь обитают очень высокие люди, называемые жигаухо; живут они как дикари и питаются плодами охоты в лесу и небольшим количеством риса, который им доставляют из различных частей Китая купцы, меняющие его на меха. Причем на основании пошлин, выплаченных на таможнях Покасера и Лантау, утверждали, что количество шкур составляло ежегодно двадцать тысяч кате, а в каждом кате, или тюке, заключено было шестьдесят штук. Отсюда следует, если только Симилау говорил правду, что этих шкур поступало ежегодно миллион двести тысяч штук. В зимнее время местное население этими шкурами подбивало одежду, покрывало стены домов и делало из них одеяла. Из-за больших морозов пользовались ими все.

Антонио де Фариа, пораженный этим и многими другими рассказами

Симилау, особенно же сведениями о жигаухо и их необычном росте, стал умолять корсара, чтобы он приложил все возможные старания и показал бы ему хоть одного из них, ибо, как утверждал Фариа, это доставит ему больше удовольствия, чем все сокровища Китая. На что Симилау ответил:

— Я прекрасно понимаю, сеньор, насколько важно для меня, чтобы ты верил моим словам, и как хорошо было бы заткнуть глотки всем маловеерам, которые подталкивают друг друга локтями, едва я раскрываю рот. Но для того, чтобы, удостоверившись в правильности одного, они прониклись ко мне доверием, необходимо, чтобы ты, когда будешь говорить с жигаухо (а это произойдет еще до захода солнца), не сходил на берег, как ты прежде делал, иначе с тобою может приключиться несчастье, какие бывали со многими купцами, сошедшими в заросли пострелять птиц. Говорю тебе, что добра ждать от этих жигаухо не приходится, ибо не впитали они его с молоком матери и по своей силе и зверской природе привыкли питаться кровью и мясом, как лесные звери.

Итак, мы продолжали идти то на веслах, то под парусами вдоль этой земли, дивясь толщине деревьев, суровости скал и густоте леса, а также бесконечному количеству обезьян, мартышек, шакалов, волков, оленей, кабанов и прочих лесных тварей, которые гонялись за своими жертвами, нападали друг на друга, сплетались в клубок и поднимали при этом такой визг, что иной раз из-за них нельзя было слышать человеческого голоса. Все эти зрелища нас развлекали в немалой степени. Но вот за одним из мысов мы увидели безбородого юнца, гнавшего перед собой шесть или семь коров, которых, видимо, он пас. Симилау помахал ему платком, и парень остановился, покуда мы не подошли возможно ближе к тому месту, где он стоял. Симилау показал ему кусок зеленой тафты (которая, как говорят, им особенно нравится) и знаками спросил, не хочет ли он ее купить. На что тот, подойдя близко к нам, ответил на очень неблагозвучном языке: «*guiteu parao fau fau*» [{191}](#), но что он хотел этим сказать, так никто и не понял, ибо ни один из тех, кто находился на наших судах, не понимал этого языка и не говорил на нем. И лишь знаками стал Симилау договариваться о цене товаров, которые показывал пастуху.

Антонио де Фариа приказал дать ему примерно три или четыре локтя тафты, которую ему показали, и шесть фарфоровых чашек. Все это парень принял с шумной радостью и произнес: «*pur pasam rochu pilasa hunanque doreu*», — смысл каковых слов также никто понять не мог. Парень остался очень доволен тем, что ему дали, показал рукой в ту сторону, откуда шел, и, бросив коров, бегом устремился в лес.

Одет он был в тигровую шкуру мехом наружу, руки у него были

обнажены, он был бос и головы ничем не прикрывал. В руках он держал грубую палку. Он был хорошо сложен, волосы имел рыжие и курчавые, и доходили они ему почти до плеч, рост его составлял, по мнению некоторых, больше десяти пядей.

Через четверть часа с небольшим он вернулся, неся на себе живого оленя. Сопровождало его тринадцать человек, восемь мужчин и пять женщин, которые держали трех коров на привязи. Все они приплясывали под звуки атабаке, в которые время от времени ударяли по пять раз, а потом, ударив еще пять раз в ладоши, восклицали громко и нестройно: «*Cur cur hinau falem*». Антонио де Фариа велел показать им пять или шесть штук материи и много разных фарфоровых изделий, чтобы они подумали, что мы на самом деле купцы, и эти товары доставили туземцам большое удовольствие.

Все эти люди, как мужчины, так и женщины, одевались совершенно одинаково, и разницы между полами в одежде никакой не было, разве только та, что женщины носили на запястьях тяжелые оловянные браслеты, волосы у них были много длиннее, чем у мужчин, и они вплетали в них цветы вроде шпажника, которые здесь называют лилиями; на шее у них висела большая связка красных раковин размером с устричные. Мужчины же держали в руках толстые дубинки, скрытые до половины теми же шкурами, в какие они были одеты; лица у всех были здоровые и грубые, губы толстые, носы с большими ноздрями, широкие и приплюснутые. Некоторые из них были действительно весьма большого роста, но уж не такого, какой им приписывали. Антонио де Фариа велел их всех перемерить, и среди них не оказалось никого ниже десяти пядей с половиной, а один старик чуть-чуть не дорос до одиннадцати; женщины, правда, у них все были ниже десяти пядей. Впрочем, доля истины в том, что нам рассказывали о них, была: народ этот совершенно дикий и темный, главным образом потому, что никакие завоеватели до сих пор его не открыли, ни наши, ни какие-либо иные.

Антонио де Фариа приказал выдать им шестьдесят фарфоровых чашек, одну штуку зеленой тафты и корзинку перца, после чего они бросились все на землю и, воздев руки и сжав кулаки, воскликнули: «*Vumguahileu oromguarau lapaо lapaо*», — каковые слова, очевидно, должны были означать выражение благодарности, если судить по движениям, которыми они сопровождались, ибо кидались на землю они три раза. Передав нам трех коров и оленя, равно как и большое количество кормовой свеклы, они снова громкими и нестройными голосами произнесли вместе несколько слов на свой лад, которые я не запомнил и

которые тоже остались не поняты. После того как мы проговорили с ними жестами более трех часов, причем мы очень удивлялись их виду, а они нашему, они вернулись к себе в лес, заывая под звуки пятикратных ударов в барабан и приплясывая время от времени, видно радуясь тому, что они несут с собой.

Оттуда мы продолжали свой путь вверх по реке еще в течение пяти дней, во время которых мы постоянно видели жигаухо на берегу реки, порой даже нагими, но мы уже не вступали с ними ни в какие сношения.

Пройдя эти земли, которые занимали легуа сорок, а может быть, немного больше или меньше, мы продолжали дальнейший наш путь то под парусами, то на веслах еще шестнадцать дней, и за все это время не видели ни души, словно там вообще никто не обитал; лишь два раза ночью мы заметили огонь далеко от берега. Вскоре угодно было господу нашему, чтобы мы прибыли в Нанкинский залив, как Симилау нам и предсказывал; тут уже мы могли надеяться, что через пять или шесть дней достигнем возжеленной нами цели.

Глава LXXIV

Об испытаниях, которые нам пришлось претерпеть в Нанкинском заливе, и о том, как с нами поступил Симилау

Когда мы прибыли в Нанкинский залив, Симилау сказал Антонио де Фарии, что португальцы ни под каким видом не должны попадаться на глаза китайцам, потому что наш вид может вызвать у них большой переполох, так как здесь еще никто не видел иностранцев, а его люди и сами могут отвечать на все вопросы, какие бы ни задавали местные жители. Самым разумным, по его мнению, было идти посередине бухты, а не вдоль берега из-за большого количества лорч и лантеа, которые непрерывно переходили там из одного места в другое. Все это показалось убедительным, и совету его последовали.

Когда мы уже шли шесть дней по румбу ост-норд-ост, мы увидели большой город под названием Силеупамор и взяли курс на него. В два часа ночи мы вошли в гавань, представлявшую весьма красивую бухту почти в две легуа в окружности, где стояло на якоре огромное количество судов; по мнению тех, которые их подсчитывали, судов этих должно было быть не менее трех тысяч. Это повергло нас в такой ужас, что, не решаясь что-либо предпринять, мы постарались поскорее тихонько удалиться, пересекли реку в ширину, что составляло шесть или семь легуа, и весь следующий день шли вдоль большой равнины, прикидывая, где бы нам наиболее легким способом раздобыть себе пропитание. Дело в том, что провианта у нас оставалось уже очень мало и выдавался он нам в весьма ограниченном количестве, так что последние тринадцать дней мы очень страдали от дурной и недостаточной пищи, ибо каждому человеку полагалось на день всего лишь три ложки варенного в воде риса и больше ничего. В таком жалком состоянии мы добрались до каких-то древних построек, называемых Танамадел. Там мы и высадились на берег перед рассветом и натолкнулись на дом, стоявший несколько на отлете, где господу нашему было угодно, чтобы мы нашли в изобилии рис и фасоль, горшки с медом, соленых уток, репчатый лук, головки чесноку и сахарный тростник — всего этого мы набрали, сколько могли. Дом этот, как сказали нам китайцы, которых мы в нем захватили, служил кладовой странноприимного дома [\[192\]](#), находившегося в двух милях отсюда, где набирали провианту паломники, шедшие поклониться усыпальницам

китайских государей.

Вернувшись на суда с добытой нами обильной провизией, мы продолжали свой путь еще семь дней, что с отплытия нашего из Лиампо составляло уже два месяца с половиной. К этому времени Антонио де Фариа уже не верил в рассказы Симилау и жестоко раскаивался, что пустился в такой путь, о чем и на людях признался. Но поскольку не было другого выхода, как отдаться на волю божью и принять необходимые меры против возможных неожиданностей, он так с великой мужественностью и поступил.

Однажды утром он спросил у Симилау, где мысейчас находимся, и последний ответил ему очень несуразно, как человек, потерявшийся в своих расчетах и не знающий, куда идет. Это привело Антонио де Фарию в такой гнев, что он выхватил из-за пояса короткую шпагу и убил бы Симилау, если бы между ними не стали люди и не принялись уговаривать Фарию, что так поступать не следует, ибо это привело бы ко всеобщей гибели. Вняв увещаниям друзей, он постарался сдержать гнев, но не настолько, чтобы не поклясться, взявшись за бороду, что, если через три дня Симилау не докажет ему правдивость своих слов, он заколот его этой самой шпагой. Словами этими последний был приведен в такой ужас, что в следующую же ночь, когда суда стояли возле берега на якоре, спустился неслышно в реку, причем, отсутствие его было замечено вахтенными лишь при смене вахт, когда об этом и доложили Антонио де Фарии; последний, получив это известие, настолько вышел из себя, что почти полностью утратил самообладание, но, опасаясь, как бы не произошло какого бунта, который уже назревал, не стал убивать двух вахтенных, повинных в этом упущении.

Сойдя немедленно на берег вместе со всеми людьми, Фариа отправился на розыски Симилау и искал его почти до утра, но так и не нашел, и ни одна живая душа не смогла сказать ему, где он находится.

Когда же Фариа вернулся на свои суда, то обнаружил, что из сорока шести китайских матросов, отправившихся с ним в плавание, тридцать два человека бежало. Опасаясь за свою жизнь, они решили спастись тем же способом, что и наш штурман. Антонио де Фариа и все находившиеся вместе с ним были так потрясены этим событием, что не могли выговорить ни слова. Они сложили молитвенно руки, обратили глаза к небу, и лишь слезы их свидетельствовали о чувствах, которыми были полны их сердца. И в самом деле, если должным образом оценить случившееся, всеобщую растерянность и великую опасность, которая нам угрожала, можно было потерять не то что дар речи, но и присутствие духа, здравый смысл и даже

рассудок.

Созван был совет, чтобы договориться, как действовать в дальнейшем, но долгое время ни к какому решению прийти не могли, ибо присутствовавшие на нем высказали множество противоположных мнений. Наконец постановлено было продолжать путь, взяв на берегу, возможно незаметнее, чтобы не возбуждать тревоги, кого-нибудь, кто мог бы нам сказать, какое расстояние отделяет нас от острова Калемплуя. И если сведения, которые мы получим от языка, подтвердят, что захватить Калемплуй действительно так легко, как уверял нас Симилау, мы пойдем дальше, если же нет, то, повернув и выйдя на середину течения, дадим реке увлечь нас в море, куда она впадала. Придя большинством голосов к этому решению, мы продолжали наш путь в великом страхе и смятении духа, ибо сознавали смертельную опасность, в которую нас ввергала наша беспомощность.

На следующий день к концу второй ночной вахты мы увидели по носу баркас, стоящий на якоре посредине реки, и, поскольку нам спешно нужно было что-то предпринять, не осталось другого выхода, как забраться на него, не произведя ни малейшего шума. В нем мы захватили всех спящих мужчин. Антонио де Фариа допросил их каждого в отдельности, чтобы проверить, будут ли сходиться их показания. Все они ответили, что край, в котором мы находимся, носит название Танкилеу и что расстояние до острова Калемплуя составляет всего десять легуа. Антонио де Фариа расспросил их во всех подробностях о многих других вещах, необходимых для нашей безопасности и спасения, на что каждый из них в отдельности давал вполне разумные ответы, вполне удовлетворившие как Антонио де Фарию, так и всех прочих. Все только очень сожалели о наших неурядицах, ибо прекрасно понимали, что без Симилау, который был путеводной звездой в походе, мы не сможем как следует справиться с задуманным.

Этих китайцев Антонио де Фариа приковал к банкам и продолжал свой путь еще двое суток с половиной, после чего господу нашему было угодно, чтобы, обогнув мыс под названием Гинайторан, мы оказались в виду этого самого острова Калемплуя, который мы с великими трудами и в великой тревоге разыскивали восемьдесят три дня, как я об этом уже говорил.

Глава LXXV

Как мы прибыли на остров Калемплуй, о том, что он собою представляет, как расположен и какие на нем были постройки

Когда мы обогнули, как я уже говорил, мыс Гинайторан, перед нами на расстоянии примерно двух легуа открылась посредине реки низкая земля, наподобие поймы, которая, судя по ее внешнему виду, могла быть немного более одной легуа в окружности.

Исполненный смешанными чувствами радости и страха, Антонио де Фариа, ибо он лишь сейчас вполне осознал великую опасность, которой подвергал как себя, так и других, подошел к этому острову и в четвертом часу утра отдал якорь у берега на расстоянии выстрела из трехфунтовой пушки. Когда рассвело, все, кого Антонио де Фариа вызвал для этого на совет, решили, что, поскольку такой значительный, пышный и величественный памятник, как усыпальница, которую они увидели, обязательно должен охраняться, следует в первую очередь возможно незаметней обойти его со всех сторон, дабы выяснить, где расположены в нем входы, а также какие препятствия могут встретиться при высадке, ибо лишь после этого станет ясно, как следует поступить.

С этим намерением Антонио де Фариа приказал насколько можно тише и неслышней подвезти его к берегу. Он обошел остров и имел возможность неторопливо осмотреть его и запомнить все то, что мог охватить взор.

Остров был окружен со всех сторон насыпью двадцати шести пядей высотой, покрытой яшмовыми плитами {193} столь прекрасной отделки и столь хорошо пригнанными, что их можно было принять за один сплошной камень. Всем это показалось в высшей степени удивительным, ибо до сих пор ни в Индии, ни в других местах никому не случалось видеть ничего подобного. Стена эта поднималась со дна реки и от основания до поверхности воды имела тоже двадцать шесть пядей, так что общая высота ее составляла пятьдесят две пяди. На вершине стены был устроен круговой ход, огражденный балюстрадой из того же камня. Толщиной она была с бочку в четыре алмуда {194}, округлена сверху и украшена рисунком, что придавало ей вид шнура, каким опоясываются монахи. Ее венчала латунная решетка из прутьев, причем каждое звено из шести прутьев соединялось с балясиной из того же металла, поддерживающей женский

идол с шаром в руках, — что означали эти фигуры, пока оставалось непонятным.

Внутри этой решетки шла нескончаемая вереница чугунных чудовищ, подававших друг другу руки, словно в хороводе, и ограждавших всю окружность острова, равную почти одной легуа. Внутри этой ограды расположена была другая, из арок богатейшей отделки. Тут было на что посмотреть и чем усладить свой взгляд. Все обнесенное оградами пространство представляло собою густую рощу карликовых апельсиновых деревьев, без примеси какой-либо иной древесной породы, среди рощи было построено триста шестьдесят маленьких храмов, посвященных различным божествам года, о которых эти язычники в оправдание своей слепоты рассказывают превеликие небылицы в своих историях.

Немного дальше, примерно в четверти легуа, на холме, возвышавшемся в восточной части острова, виднелось несколько зданий, у семи из которых, видимо, храмов, фасады были сверху донизу, насколько мог охватить взгляд, обшиты золотом; здания эти украшали башни, видимо, колокольни. Все строения были окружены двумя галереями из арок. Последние отделкой своей напоминали фасады храмов и также с самой вершины щипца до низу были обшиты золотом, почему мы и решили, что здания эти представляют собою какой-нибудь роскошный храм, содержащий бесчисленные сокровища.

Осмотрев и обследовав эту пойму, или остров, находившийся, как я уже сказал, посредине реки, Антонио де Фариа решил, хоть было уже довольно поздно, сойти на землю и посмотреть, не удастся ли добыть в одном из храмов какого-нибудь языка, от которого можно было бы получить необходимые сведения, ибо в зависимости от того, что выяснится, можно было решить, следует ли упорствовать в затеянном предприятии или возвратиться вспять.

Оставив на обоих судах необходимую охрану, Антонио де Фариа, взяв с собой в качестве проводников и переводчиков четырех китайцев, которым места эти были знакомы (они не раз тут бывали), а также сорок солдат и двадцать рабов, вооруженных как пиками, так и аркебузами, высадился на берег, передав командование паноурами ^[195] падре Диого Лобато — человеку благоразумному и рассудительному. Отряд высадился на берег и, не встретив на своем пути ни одной души и не услышав ни малейшего шума или шороха, прошел в огражденное пространство через один из восьми входов, которые имелись в стене. Через апельсиновую рощу он направился к ближайшему маленькому храму, расположенному в двух ружейных выстрелах от места нашей высадки, и в храме этом увидел

то, о чем вы сейчас узнаете.

Глава LXXVI

Как Антонио де Фариа дошел до этого храма и что там произошло

Стараясь как можно меньше шуметь, Антонио де Фариа не без опаски шел к стоявшей перед ним обители, ибо до сих пор не знал, что его там ждет. С именем Иисуса в сердце и на устах все мы дошли до небольшой площадки перед дверью храма, так никого и не увидев.

Антонио де Фариа, все время шедший впереди всех с мечом в руке, ощупал дверь и обнаружил, что она закрыта изнутри. Тогда он приказал одному из бывших с ним китайцев постучаться, что последний сделал два раза, после чего ему ответили:

— Слава создателю, украсившему лазурью небеса! Обойди храм, и я выслушаю твою просьбу.

Китаец обошел храм и вошел в него через боковую дверь. Открыв ту, перед которой стоял Антонио де Фариа, он впустил его и всех его спутников внутрь. Они увидели старца, которому по виду можно было дать больше ста лет, на нем была очень длинная одежда из фиолетового штофа, внешность он имел человека благородного, что в дальнейшем и подтвердилось.

Старик, оказавшись неожиданно перед целой толпой народа, был настолько поражен, что упал ничком, у него задрожали руки и ноги и он не смог выговорить ни слова. Долгое время он не приходил в себя, но когда потрясение прошло, живо оглядел всех и строго спросил, кто мы такие и чего нам нужно.

Антонио де Фариа велел толмачу ответить, что сам он предводитель этих чужестранцев и уроженец Сиамского королевства; что, направляясь с большим грузом товаров в порт Лиампо, потерпел на своей джонке крушение и спасся лишь чудом со всеми людьми, которых привел с собой. А прибыл он сюда во исполнение обета совершить паломничество в эту святую землю, дабы возблагодарить всевышнего за спасенье от столь великой опасности; вместе с тем он пришел просить у него помощи, ибо хочет выйти из теперешней своей бедности; все, что ему будет дано, он обязуется вернуть раньше чем через три года в удвоенном размере.

Итикоу (так звался отшельник), подумав некоторое время и взглянув на Антонио де Фариа, ответил ему:

— Я прекрасно понял твои слова и не менее успешно разгадал твои злокозненные намерения, кормчий злого духа, увлекающий во тьме своего ослепления как себя, так и этих людей в бездонную бездну Озера Ночи, ибо, вместо того чтобы воздать хвалу господу за великую милость спасения, которую он, как ты уверяешь, тебе оказал, ты пришел сюда его грабить. Задам тебе вопрос: если ты совершишь это, как по-твоему, должно поступить с тобою небесное правосудие, когда ты будешь испускать последнее свое дыхание? Откажись от своего кощунственного предприятия, изгони из мыслей своих греховный замысел, и бог смягчит тебе наказание. Поверь, что я говорю тебе истину, да будет она руководством моим, пока я жив.

Антонио де Фариа, притворившись, что принимает данный ему совет, стал умолять его не гневаться, ибо, как он говорил, у него не остается иных возможностей поддержать существование, как те средства, в поисках которых он сюда прибыл. На что отшельник, обратив глаза к небу и воздев руки, воскликнул со слезами на глазах:

— Благословен будь, господи, что терпишь на земле людей, черпающих средства к жизни в поругании твоём и не согласных послужить тебе и дня, даже если бы они обрели за то славу вечную!

Сказав это, он некоторое время оставался в смятении и задумчивости, глядя на стоявшего перед ним, но потом обратил внимание на то, как с шумом и грохотом мы вскрываем и переворачиваем стоящие в храме лари. Увидев, что Антонио де Фариа стоит, опершись на меч, он попросил его присесть рядом с ним, что последний и сделал с многими поклонами и выражениями благодарности. Это не помешало ему знаком показать солдатам, чтобы они продолжали свое дело, а именно, отделять серебро, находившееся в ларях, от костей покойников, с которыми оно было перемешано. Это зрелище было столь тягостно для отшельника, что он два раза лишался чувств и падал на землю со скамьи, как человек, присутствующий при величайшем кощунстве.

И, с глубокой печалью снова обратившись к Антонио де Фарии, он сказал ему:

— Хочу объяснить тебе, как человеку, который кажется мне разумным, что обеспечит тебе прощение греха, который ты, как я понимаю, уже несколько раз совершал. Иначе с последним вздохом, испущенным устами твоими, ты погибнешь навеки. Поскольку ты говоришь мне, что лишь нужда вынудила тебя содеять столь тяжкое преступление и что ты намереваешься вернуть до своей смерти все, что ты взял, если тебе представится в этом возможность, я скажу тебе, что ты

должен сделать три вещи: первая — это вернуть то, что ты взял, прежде чем ты умрешь, дабы не лишиться милосердия всевышнего; вторая — это просить у него в слезах прощения за содеянное тобою, ибо безобразно оно пред лицом его, и умерщвлять ради этого денно и нощно плоть свою; а третья — наделить богатствами своими бедных так же щедро, как ты наделяешь себя, но и в самой щедрости соблюдать благоразумие и умеренность, дабы Слуга Ночи {196} не смог бы осудить тебя в день расплаты. А посему советую тебе и прошу тебя приказать своим людям собрать и водворить на место кости святых, да не останутся они лежащими на земле как нечто презренное.

Антонио де Фариа обещал отшельнику, что непременно так и сделает, уснадив свою речь многими любезными словами, чем несколько успокоил, хотя полностью и не удовлетворил его. Тогда, подсев еще ближе к отшельнику, Антонио де Фариа принялся подбадривать его и утешать всякими ласковыми, нежными и учтивыми словами, уверяя его, что после того, как он выслушал его речь, он весьма раскаивается в том, что пустился в это плавание, но вернуться с пустыми руками уже не может, так как слышал от своих людей, что они убьют его, если он это сделает. На это старец сказал:

— Дай боже, чтобы так это и было, ибо, по крайней мере, ты не заслужишь такого наказания, как прочие Слуги Ночи, эти голодные псы, которых, как мне кажется, не могло бы насытить все серебро мира.

Глава LXXVII

Что еще произошло с Антонио де Фарией в этом храме до того, как он погрузился на суда

После того как вся добыча, которую можно было захватить в храме, была собрана и отправлена на суда, все решили, что самым разумным будет ничего больше не трогать, как потому, что мы плохо разбирались в окружающей местности, так и потому, что уже почти стемнело и выполнить наше намерение было бы много удобнее на следующий день.

Перед тем как садиться на суда, Антонио де Фариа пожелал проститься с отшельником и постарался утешить его добрыми словами, сказав, что умоляет его ради любви к всевышнему не возмущаться его поступками, ибо лишь крайняя нужда, в которую он впал, понудила его так действовать, что, по его положению, было ему совершенно не к лицу. Далее, он уверил отшельника, что, едва поговорив с ним, раскаялся в своем намерении и хотел тут же все бросить и вернуться, но его люди воспротивились этому и поклялись, что убьют его, если он это сделает, и поэтому-то, боясь их, он промолчал и дал свое согласие на то, что, как он теперь видит, является тем страшным грехом, о котором говорил отшельник. Сейчас же он принял решение, как только избавится от них, пойти по миру паломником и странствовать столько времени, сколько потребуется для того, чтобы искупить столь великий грех. На это отшельник ответил:

— Моли господа, царящего над красотой светил своих ^{197}, чтобы ясное сознание своего преступления, какое ты проявляешь в этих словах, не погубило тебя, ибо говорю тебе, что куда большей опасности подвергает себя тот, кто продолжает идти по несправедному пути, сознавая его греховность, нежели несведущий преступник, для которого извинением перед богом и людьми служит неведение.

Тут в разговор пожелал вмешаться один из наших по имени Нуно Коэльо и сказал отшельнику, что не следует ему сердиться из-за таких пустяков. На что последний ответил:

— Мало, видно, ты боишься смерти, если тратишь жизнь на дела столь же грязные, сколь грязна, как мне кажется, должна быть твоя душа, начиная от ворот ее — плоти твоей, подобной навозной куче, и кончая самой ее сердцевинкой. Если по безмерной жадности твоей тебе мало этого

серебра и ты хочешь до краев наполнить им мешок своей ненасытной алчности, что ж, иди в соседние храмы, там ты сможешь набить свою утробу так, что лопнешь. Возможно, так будет и лучше, ибо, если и того, что ты набрал, достаточно, чтобы отправиться тебе в преисподнюю, то чем больше груза ты наберешь, тем быстрее пойдешь на дно, что, надо полагать, неминуемо произойдет с тобою, если судить о тебе по твоим делам.

Тут Нуно Коэльо снова стал уверять его, что ему нужно все сносить с терпением, ибо так учит нас господь в своем Священном писании. Услышав это, отшельник сначала схватился за голову, как человек, охваченный ужасом, а потом, покачав пять или шесть раз головой, промолвил с усмешкой:

— Вот и довелось мне воочию увидеть то, чего дотоле я никогда не видел и не слышал: природную низость с притворной добродетелью — грабителя с молитвой на устах!

Велико должно быть твое ослепление, если, опираясь на добрые слова, ты губишь свою душу дурными деяниями! Сомневаюсь, что бог помилует тебя в день расплаты.

И, не желая больше его слушать, он повернулся к Антонио де Фарии, который уже успел подняться с места. Воздев руки к небу, отшельник стал горячо умолять его не давать португальцам оплевывать алтарь; для монаха это было страшнее, чем если бы его тысячу раз лишили жизни. На это Антонио де Фариа ответил, что все, что ему угодно будет приказать, будет исполнено. Это несколько утешило Итикоу.

Было уже очень поздно, и Антонио де Фариа решил больше не задерживаться. Однако, перед тем как удалиться, видя, что ему следует получить сведения о некоторых важных обстоятельствах, внушавших ему тревогу, он спросил отшельника, кто находится в остальных храмах. На это последний ответил, что там живет всего триста шестьдесят талагрепо, по одному на каждый храм; кроме этого, к ним приходят сорок менигрепо {198}, которые служат им, приносят еду и ухаживают за больными.

На вопрос же, посещают ли когда-либо святое место китайские государи, и если посещают, то когда, он получил ответ, что нет, ибо государь, будучи Сыном Солнца, может отпускать грехи всем {199}, а его самого никто осудить не вправе. Тогда Антонио де Фариа спросил, есть ли у этих отшельников какое-либо оружие, на что отшельник ответил, что нет, ибо тот, кто собирается идти на небо, нуждается не в оружии, чтобы посягать на кого-либо, а лишь в терпении, чтобы выносить превратности.

На вопрос же, почему в этих ящиках серебро было перемешано с костями, он ответил, что это то, что усопшие брали с собой, чтобы там, в Небе Луны, использовать для своих потребностей. После этого Антонио де Фариа задал ему еще много вопросов и напоследок спросил, имеют ли они женщин. Отшельник ответил, что для тех, кто желает иметь душу живу, особенно важно не знать плотских наслаждений, ибо ясно, что в сладостных медвяных сотах зарождается пчела, жалящая и язвящая тех, кто этот мед вкушает.

Наконец Антонио де Фариа обнял старика и, рассыпавшись перед ним в тысяче извинений на здешний лад, отправился, когда уже почти стемнело, к себе на суда с намерением на другой день напасть на остальные храмы, где, как ему сказали, было большое количество серебра и несколько золотых истуканов. Но, как будет сейчас рассказано, грехи наши помешали нам воспользоваться этой возможностью, которой мы за два с половиной месяца пути добились ценою стольких трудов и смертельных опасностей.

Глава LXXVIII

Как и по какой причине мы были обнаружены в первую же ночь и о том, что за этим последовало

После того как Антонио де Фариа и все мы вместе с ним уже в сумерки погрузились на суда, мы обошли на веслах остров и бросили якорь на расстоянии выстрела из фальконета от берега. Тут мы оставались почти до полуночи, намереваясь, как я уже сказал, едва настанет утро, снова сойти на берег, напасть на усыпальницы королей, находившиеся от нас менее чем в четверти легуа, и полученной добычей загрузить оба наших судна. Все это можно было бы вполне осуществить, если бы мы умели вести переговоры и если бы Антонио де Фариа пожелал воспользоваться данным ему советом, а именно, раз никто нас еще не видел и не слышал, забрать с собой отшельника, чтобы он не сообщил о святотатстве в дом бонз. Последнего Антонио де Фариа не захотел делать, говоря, что беспокоиться об этом не стоит, поскольку отшельник очень стар, как мы все видели, да еще подагрик, и ноги у него так опухли, что он едва на них может держаться. Между тем все получилось не так, как он думал, ибо отшельник, едва убедился, что мы сели на суда, несмотря на свою немощь, дополз на четвереньках — это мы потом узнали — до соседнего храма, отстоявшего от его собственного несколько больше, чем на расстояние выстрела из арбалета, и сообщил жившему в ней отшельнику о том, что мы с ним сделали, умоляя того, поскольку сам он из-за своей водянки не в силах это сделать, немедленно пойти в дом бонз и обсудить с ними, что лучше предпринять. Второй отшельник тотчас же это выполнил.

И вот, стоя на якоре, мы поняли, что обнаружены, так как в час ночи увидели на вершине ограды, окружавшей большую пагоду с усыпальницей государей, длинную вереницу огней, зажженных для сигнала. Когда мы спросили наших китайцев, что, по их мнению, это должно означать, они ответили, что, несомненно, нас заметили, и поэтому они советуют нам убираться отсюда на парусах без малейшего промедления. Об этом было немедленно доложено Антонио де Фарии, который в это время спал. Известие мгновенно его разбудило. Потрясенный им, он приказал немедленно оставить якорь, взяться за весла и сам отправился на остров узнать, не подняли ли там тревогу. Когда мы прибыли к стенке, то услышали великий звон колоколов, в которые били во всех храмах, и время

от времени человеческие голоса. На это китайцы заметили:

— Сеньор, нечего тебе больше высматривать и визнавать. Скрывайся, ради бога, иначе по твоей вине нас всех здесь перебьют.

Но Антонио де Фариа, не обращая внимания на то, что ему говорили, выскочил на остров с шестью людьми, вооруженными мечами и круглыми щитами, поднялся по лестницам набережной вверх, словно человек, обезумевший от оскорбления. Безрассудно забравшись на самую вершину решетки, которой был окружен, как я уже говорил, весь остров, он начал метаться, как сумасшедший, из одного конца в другой, ничего не желая слушать. Наконец он обратился к судам и с большим жаром стал говорить со своими людьми о том, что нужно теперь делать.

После того как ему было предъявлено множество возражений, к которым он не захотел прислушаться, большинство солдат потребовало от него, чтобы в любом случае мы немедленно покинули эти места. Антонио де Фариа, опасаясь бунта, ответил, что так и будет сделано, но честь его требует, чтобы он предварительно узнал, от чего он должен бежать, а поэтому он просит их, как милости, немного подождать, ибо хочет попытаться раздобыть языка, который утвердил бы его в истинности его подозрений. И для этого он просит у них не более получаса, что не так уж много, ибо до рассвета еще далеко и на все остается достаточно времени. Когда иные попробовали ему возразить, Антонио де Фариа не только не стал их слушать, а велел посадить под арест, после чего, предварительно поклявшись на святом Евангелии, что не бросит нас, удалился с шестью человеками в глубину апельсиновой рощи. Там он, отойдя на расстояние примерно четырех выстрелов из мушкета, услышал впереди звон колокола и, определив по звуку свое местонахождение, направился к храму, гораздо более пышному и богатому, чем тот, в который мы проникли накануне. В храме было двое мужчин почти одинакового возраста, одетых в священнические одежды, с четками на шее, из чего он заключил, что это, вероятно, отшельники. Набросившись на них, он захватил их обоих, чем привел одного из них в такое состояние, что он долгое время не мог произнести разумного слова. Из шести человек, сопровождавших Антонио де Фария, четверо вошли в храм и забрали с алтаря серебряного истукана порядочного размера с золотой митрой на голове и колесом в руке ^{200} — смысл этих знаков остался для нас непонятным. Кроме этого, наши забрали еще три серебряных светильника с весьма длинными цепями.

Антонио де Фариа постарался вернуться к месту стоянки с возможной поспешностью, чуть не волоча за собой двух отшельников, которым всунули по кляпу в рот. Оказавшись на борту, он приказал поскорее

поставить паруса, и мы стали спускаться вниз по течению. Затем он допросил одного из двух пленников, который казался более в своем уме, пригрозив ему страшной карой, если он не скажет правды, и узнал, что действительно некий святой человек по имени Пилау Аргиро прибыл глубокой ночью в усыпальницу королей и, стуча с великим нетерпением в дверь, воскликнул громким голосом: «О предавшиеся хмелю плотского сна жалкие люди, обещавшиеся торжественной клятвой чтить богиню Амиду {201}, богатую награду наших трудов, внимлите, внимлите, внимлите несчастному, которому лучше было бы не родиться! Да будет вам ведомо, что в святилище о двадцати семи столпах проникли люди с того края света, носящие длинные бороды и окованные в железа. Об этом сообщил мне святой человек, подметавший там пол, он сказал, что в святилище этом ограблена сокровищница святых и кости их презрительно разметаны по земле и осквернены гнилыми и вонючими плевками. Грабители долго насмехались над их праведным прахом, как упрямые демоны, закоренелые в первом грехе. А посему заклинаю вас укрыться в надежном месте, ибо, говорят, эти люди поклялись перебить нас всех, едва наступит утро. Так что либо бегите, либо призовите себе кого-нибудь на помощь, ибо, как священнослужителям, вам не разрешено брать в руки оружие и проливать чужую кровь!»

— От этих криков все проснулись и поспешили к двери, где нашли Пилау Аргиро лежащего на земле и полумертвого от горя и усталости, так как был он уже очень стар. Поэтому-то все грепо и менигрепо зажгли те огни, которые вы видели, и с великой поспешностью послали гонцов в города Кропилен и Фумбану с просьбой выслать оттуда наибольшее количество людей, которое удастся собрать, и призвать весь край последовать примеру этих городов. Поэтому утверждаю без колебания, что они явятся сюда, едва успеют собраться, и, подобно изголодавшимся ястребам, когда с них сняли путы, принеслись бы сюда по воздуху, если бы только это было возможно. Будьте уверены, что все это правдивый пересказ событий, а посему, прошу вас, отпустите нас с миром и не убивайте нас, ибо это было бы еще большим грехом, чем тот, который вы вчера совершили. И помните, что господь так дорожит нами и ни на час не забывает о нас, из-за того что мы умерщвляем свою плоть. А вы приложите все усилия, чтобы спастись, ибо говорю вам, что земля, воздух, ветер, вода, люди, скоты, рыбы, птицы, травы, растения и все, что рождается на земле, будет вредить вам и терзать вас так безжалостно, что лишь сущий на небесах сможет вам помочь.

Антонио де Фариа, убедившись из слов отшельника в основательности

своих опасений, поспешил спуститься вниз по реке; он рвал на себе бороду и бил себя по лицу от досады, что по своей беспечности и незнанию погубил предприятие, которое столько бы принесло ему, если бы было успешно доведено до конца.

Глава LXXIX

Как мы потерпели крушение в Нанкинском заливе и о том, что с нами затем приключилось

Мы уже семь суток плыли по самой середине Нанкинского залива, дабы использовать силу течения, как люди, лишь в этом видящие свое спасение, но никто из нас не мог забыть испытанной нами неудачи, все были угнетены и безутешны. Каждый был вне себя и утратил способность сказать разумное слово. Наконец мы подошли к селению под названием Сусокерин. И так как туда еще не дошли вести о нас и никто не знал, откуда мы идем, мы стали там на якорь. Набрав кое-какой провизии и осведомившись обиняком, каким путем нам надлежит следовать дальше, мы снялись с якоря в два часа и как можно быстрее вышли в рукав, менее людный, чем залив, по которому мы раньше следовали. Рукав этот назывался Шалингау, и по нему мы шли еще девять дней, пройдя всего сто сорок легуа.

И, войдя вновь в этот Нанкинский залив, который был здесь более десяти или двенадцати легуа ширины, мы продолжали свой путь под парусами; ветер дул с веста, и нам приходилось лавировать от одного берега к другому. Так продолжалось еще тринадцать дней. Все мы устали от тяжелой работы и вечного страха, а кроме того, провизия у нас подходила к концу. И вот, когда уже видны были рудники Коншинакау, расположенные на сорок первом градусе с двумя третями, на нас налетел огромной силы южный ветер, который китайцы называют тайфуном, сопровождаемый таким ливнем и потерей видимости, что он казался чем-то сверхъестественным; а так как суда были у нас гребные и не слишком больших размеров, с невысоким бортом и хрупкие, да и матросов не хватало, мы оказались в столь отчаянном положении, что, почти потеряв надежду на спасение, предпочли быть снесенными на берег, полагая меньшим злом разбиться о скалы, чем утонуть в море.

Мы продолжали свой путь, тщетно пытаясь осуществить это наше отчаянное намерение, избранное нами как наименьшее зло и наименее мучительный конец, когда ветер на исходе дня неожиданно перескочил с зюйда на норд-норд-ост. Волны при этом оказались взбитыми на такую высоту, что ужасно было на них смотреть. Охваченные страхом, мы стали выбрасывать за борт лишний груз, но при этом дошли до такого безумия,

что бросили в воду провиант и ящики с серебром. Напоследок мы срубили и обе мачты, потому что к этому времени в судах уже объявилась течь, и так мы продрейфовали до наступления сумерек.

Когда была без малого полночь, вдруг с паноуры Антонио де Фарии раздался громкий крик: «Господи боже, смилуйся над нами!» — отчего мы решили, что она гибнет. Мы на нашем судне тоже крикнули им, но ответа не последовало, и мы решили, что их поглотили волны. Мы оцепенели от ужаса, и добрый час никто не мог выговорить разумного слова.

В этом тягостном состоянии мы провели остаток ночи. За час до рассвета у нас образовалась течь над кильсоном, и уровень воды мгновенно повысился на восемь пядей, теперь спастись уже не было ни малейшей возможности, судно шло ко дну, и мы решили, что госпoду нашему угодно положить конец нашей жизни и нашим мучениям.

Когда совершенно рассвело и все море открылось перед нами, судна Антонио де Фарии нигде не оказалось. Это повергло нас в такое отчаяние, что никто уже не был в состоянии здраво рассуждать или действовать. Так мы пребывали без малого до десяти часов. Страх и горе наши были столь велики, что у меня не хватает слов их описать. Но вот полузатопленная паноура наша ударилась о дно, волны подхватили ее и понесли на скалистый мыс, где под их напором она разлетелась в щепы. Цепляясь друг за друга с громкими криками: «Господи боже, смилуйся над нами!» — мы спаслись, но из двадцати пяти португальцев уцелело лишь четырнадцать, одиннадцать утонуло вместе с восемнадцатью христианскими мосо и семью китайскими матросами. А случилось это несчастное событие в понедельник августа пятого дня 1542 года, за что госпoду нашему вечная хвала.

Глава LXXX

О том, что с нами произошло после этого горестного кораблекрушения

Все мы, четырнадцать португальцев, спасшихся по милосердию господа нашего Иисуса Христа, весь этот день и следующую ночь оплакивали горестную гибель наших судов и свое жалкое положение, из которого не могли придумать выхода, ибо место, куда нас выбросило, было каменистым и бесплодным, а кроме того, нигде не было живой души, у которой мы могли бы что-либо спросить. Наконец мы решили, что все же в нашем положении самое разумное — это попытаться пройти в глубь материка, потому что, несомненно, рано или поздно мы набредем на людей, которые заберут нас, как рабов, и будут кормить, пока господу нашему не будет угодно покончить либо с нашей жизнью, либо с нашими муками.

С этим намерением мы пошли вдоль возвышавшегося у берега горного хребта и, пройдя шесть или семь легуа, обнаружили с другой стороны огромное болото, простиравшееся насколько хватал глаз, — и ни малейшего признака земли по другую его сторону. Таким образом, нам пришлось обратиться вспять и вернуться к месту нашего крушения, куда мы прибыли на следующий день, когда солнце уже почти зашло. На берегу мы обнаружили тела всех наших товарищей, выброшенные волнами, и мы снова горько расплакались. На другой день утром мы похоронили их в песке, чтобы тигры, которые изобилуют в этих местах, их не пожрали. За этим делом мы провели большую часть дня весьма печально и тягостно, ибо трупов было тридцать шесть, и, так как они начали уже гнить и разлагаться, смрад от них шел нестерпимый, а копать землю приходилось собственными руками, и на каждую могилу мы тратили почти полчаса.

После того как мы похоронили покойников, мы, опасаясь тигров, спрятались на ночь в болото, в котором и просидели до утра. После этого мы пошли на север сквозь густые леса и заросли кустарника, через которые лишь кое-где можно было пройти с большим трудом. Так мы шли трое суток, пока не дошли до широкого устья какой-то реки, так никого и не встретив. При попытке переплыть ее, первые четверо, бросившиеся в воду, а именно — трое португальцев и один мосо, утонули, так как к этому времени изрядно ослабли, а река была широкая и быстрая, и сил у них

хватило лишь на одну ее треть.

Эти трое португальцев все пользовались большим уважением, двое из них были родные братья — один звался Белшиор Барбоза, а другой Гаспар Барбоза, третий же приходился им двоюродным братом и звался Франсиско Боржес Каейро. Все они происходили из Понте-де-Лима и отличались большим мужеством, равно как и другими отличными свойствами.

Осталось нас одиннадцать человек, да еще трое мосо. Видя несчастье, постигшее наших спутников, и чувствуя, что силы наши с каждым часом иссякают, мы, горестно вздыхая, стали оплакивать как несчастную судьбу наших товарищей, так и свою собственную. Всю эту темную ночь мы провели под дождем, на ветру, дрожа от холода, вздыхая и заливаясь слезами, пока перед рассветом не угодно было господу нашему показать нам на востоке пламя. Основываясь на шатких оценках расстояния, сделанных кое-кем из нас, способных еще что-то подсчитать, мы, когда рассвело, потянулись в сторону огня, вверив себя всемогущему господу, единственно способному избавить нас от наших бед и страданий.

Так вдоль этой реки мы и шли почти весь этот день, пока к заходу солнца не подошли к вырубленному участку леса, где пятеро мужчин занимались выжиганьем угля. Подойдя к ним, мы бросились перед ними на колени; умоляя их, ради бога, направить нас в какое-нибудь место, где бы нам могли оказать помощь. На это один из них ответил:

— Эх, была бы у вас только та беда, что вы помираете от голода! Но вижу, что с вами приключилось их великое множество. Боюсь, для того чтобы прикрыть наготу ваших израненных и покрытых язвами тел, не хватит тех мешков, которые у нас припасены. Но дабы и нас не миновало милосердие божье, из любви к нему мы дадим вам на ужин немного рису, а запьете вы его горячей водой, которая послужит вам вместо вина, и здесь вы сможете провести ночь, если вам будет угодно. Но самое лучшее было бы, хоть это и будет стоить вам некоторых усилий, пройти вон в то селение, которое вы отсюда видите. Там вы найдете странноприимный дом для паломников, непрерывно проходящих по этой земле.

Мы отблагодарили угольщика за его заботливость и милосердное отношение и приняли от него подаяние рисом, которого на каждого пришлось ложки две, так как было его очень мало. Не желая дольше задерживаться, мы распрощались с угольщиками и с той поспешностью, которую позволяли нам наши слабые силы, направились в странноприимный дом.

Глава LXXXI

Как мы прибыли в селение, где находился этот странноприимный дом, и что там с нами произошло

Было, верно, уже час ночи, когда мы прибыли в небольшую деревушку, где находился этот дом. Мы немедленно направились туда и нашли там четырех мужчин, содержавших его, которые встретили нас весьма гостеприимно.

Утром, когда мы встали, они спросили, кто мы такие и каким образом оказались в таком положении. На это мы ответили, что мы чужестранцы, уроженцы королевства Сиам, а шли из Лиампо на рыбные промыслы под Нанкином, но две недели назад попали в бурю, судно наше потерпело крушение, и из всех людей спаслись только эти голые и покрытые язвами несчастные, которых они видят перед собой. Тогда они спросили нас, что мы собираемся делать и куда думаем направиться. Мы ответили, что хотим идти в Нанкин, чтобы наняться гребцами на лантеа и спуститься оттуда в Кантон или Конхай, где наши соплеменники с разрешения пекинского айтау [\[202\]](#) занимаются торговлей под верховным покровительством Сына Солнца, Венценосного Льва, Восседающего на Престоле Вселенной. А посему мы умоляем их, из любви к всевышнему, разрешить нам пробить в этом доме еще некоторое время, покуда мы не поправимся и не наберемся сил, чтобы выдержать предстоящий нам путь, а также просим дать нам какую-нибудь одежду, чтобы прикрыть свою наготу. Все четверо ответили нам:

— Милосердие требовало бы дать вам то, что вы так жалостливо просите, — одежду для вашей наготы. Но дом наш сейчас так беден, что выполнить это у нас нет возможности. Однако мы с большой охотой сделаем все то, что в наших силах.

С этими словами они провели нас нагими, как мы были, по всей деревне, в которой было не более сорока или пятидесяти дворов, и, поскольку мы могли судить, всё очень бедных людей, живших своих трудом. Милостыней нам собрали два таэля деньгами, полмешка рису, немного муки, бобов и луку, а также немного старого платья, которым мы кое-как прикрылись. Из денег, отпускаемых на питание паломников, они выдали нам, кроме этого, два таэля серебром, но жить у себя дольше не дали, сказав, что бедным положено здесь оставаться от трех до пяти суток

и исключение допускается лишь для больных мужчин и беременных женщин, поскольку невозможность передвигаться всегда принималась у них во внимание; нарушить же это правило они ни под каким видом не могут, ибо установлено оно было еще в древние времена мужами учеными и набожными. Но что в трех легуа от них, в большом селении под названием Салейжакау, имеется весьма богатый дом, где призывают всякого рода неимущих и где нас будут лечить много лучше, чем в этом доме, который невелик и беден, как и деревушка, в которой он находится, а в тот дом они дадут нам подписанное членами братства [\[203\]](#) рекомендательное письмо, благодаря которому мы будем немедленно приняты.

За это мы их очень поблагодарили, сказав, чтобы они сделали это из любви к всевышнему. На что один из четверых, старик, ответил:

— Лишь ради любви к всевышнему делаем мы это, а не ради чего-либо мирского, ибо божеское и мирское — вещи весьма различные, это явствует и из самих дел, и из тех побуждений, ради которых они совершаются. Мир никогда не дает человеку чего-либо ценного, ибо мир сей беден и скуден, а бог весьма богат и дружит с бедняками, которые смиренно и терпеливо возносят ему хвалу среди тягот своей нужды; мир мстителен, а бог — долготерпелив; мир испорчен, а бог весьма хорош; мир прожорлив, а бог воздержан; мир бунтует и готов роптать, бог миролюбив и терпеливо выносит страдания; мир лжив и обманчив с теми, кто предан ему; бог правдив и чист, ласков и благостен ко всем, кто сосредоточен в своей молитве; мир предан чувственности и скуп, бог щедр и ясным светом своим превосходит солнце, звезды и другие светила, которые вечно присутствуют перед его лучезарным ликом и намного превосходят те, что мы видим здесь. Мир исполнен изменчивых мнений и опьянен лживым фимиамом тщеславия; бог безгрешен и никогда не отступает от истины, для того чтобы все смиренные и чистые сердца обрели через него славу вечную; мир безумен и невежествен, бог являет собою чистое познание истины во всей ее полноте. А посему, друзья мои, хоть вы и очутились сегодня в теперешнем вашем состоянии, верьте обещаниям всевышнего и не отчаивайтесь, ибо говорю вам, что, если только вы не заслужите его гнева, он не обманет вас, ибо он всегда остается верен себе, хотя есть в этом мире люди слепые, не верящие в это, ибо горести, в которые непрерывно ввергает их жалкая нужда, сломили их дух, а мир окружил их своим презрением.

После этого он вручил нам рекомендательное письмо в странноприимный дом, и мы пустились в путь незадолго до полудня и

добрались до селения за час или за два до захода солнца. Мы сразу же направились в дом отдохновения для бедных — таково название, которое дают такому учреждению китайцы, хотя я, чтобы быть понятым, и предпочитаю называть этот дом странноприимным, как это заведено у нас. Мы вручили данное нам письмо танигорам ^{204}братства, которые как раз собрались все вместе за столом, разбирая нужды бедняков; они приняли его с новыми проявлениями учтивости и велели писцу прочесть его вслух. Последний встал и звучным голосом прочел всем собравшимся нижеследующее:

«Мы, беднейшие из бедных, недостойные служить господу нашему, творения которого столь же чудесны, сколь и светила небесные, свидетельствующие о славе его в самой глубокой ночи, избранные предшественниками нашими управлять домом Буатендо, расположенным в селении Катишорау, обращаемся со всей почтительностью и благоговением к вашим смиренным личностям, допущенным до служения господу, поелику милосердные заботы ваши направлены на неимущих, и просим приютить и оказать возможное содействие сим четырнадцати чужеземцам, трем смуглым и одиннадцати более светлым, обнаженная плоть и великая бедность которых дадут вам возможность воочию убедиться, сколь основательна настоящая наша просьба в отношении этих лиц, потерпевших кораблекрушение и потерявших свое достояние в свирепых волнах морских, каковые с присущей им неистовостью осуществили на них веление всемогущего, справедливая десница которого часто является грозной, чтобы каждый воочию мог убедиться, как велик должен быть страх перед его судом, от коего да избавит он нас всех в смертный час, дабы не довелось нам видеть разгневанный лик его».

Когда письмо это было прочитано, нас велено было тотчас поместить в очень чистый дом, и котором стояло четырнадцать хорошо постланных кроватей и большой стол, окруженный стульями, на который нам поставили отличную еду.

На другое утро к нам явился писец и, по приказанию танигоров, спросил нас, кто мы такие, какого племени, где потерпели крушение, равно как и все остальное. На все эти вопросы мы ответили то же, что говорили и раньше, дабы нельзя было нас уличить во лжи. Затем он спросил нас, что мы собираемся делать, и мы сказали, что хотели бы остаться в этом доме, если нам это разрешат, пока не излечимся, ибо все мы сейчас очень больны и не в силах передвигаться. Нам ответили, что нам охотно разрешат это, ибо их странноприимный дом и служит богу тем, что дает приют таким людям, как мы. Мы поблагодарили его со слезами на глазах, и внешние

проявления нашей признательности оказались столь убедительными, что и у писца навернулись слезы.

Он велел немедленно прислать к нам врача и наказал ему лечить нас как можно лучше, ибо мы настолько бедны, что у нас нет ничего, кроме того, что даст нам дом. Тем временем он занес наши имена в книгу, в которой мы все расписались, и сказал нам, что это необходимо для того, чтобы отчитываться в потраченных на нас средствах.

Глава LXXXII

Как мы покинули селение Салейжакау и о том, что с нами случилось после ухода оттуда

После того как мы провели восемнадцать дней в этом странноприимном доме, получая в большом количестве все то, что нам было необходимо, угодно было господу нашему, чтобы мы совершенно выздоровели. Почувствовав в себе силы для продолжения нашего пути, мы отправились в селение под названном Сузоагане, находившееся в пяти легуа от Салейжакау, куда и прибыли после захода солнца.

Так как мы очень устали, мы присели у источника, расположенного у входа в деревню, и просидели там некоторое время в смущении и нерешительности, не зная, каким путем нам следовать дальше. Те, кто приходил за водой, увидев нас, останавливались, не решаясь подойти к нам ближе; многие так и ушли с пустыми кувшинами и подняли тревогу среди местных жителей.

Чуть ли не вся деревня вышла с великой поспешностью посмотреть на нас. Весьма удивленные нашей наружностью, ибо никогда еще им не приходилось видеть похожих на нас людей, крестьяне собрались в кучу и стали совещаться. Потом, после долгих пререканий, так как мнения их разделились, они послали очень ветхую старуху спросить у нас, кто мы такие и что мы делаем, сидя у источника, воду из которого они пьют.

Мы ответили, что мы бедные чужестранцы, уроженцы королевства Сиам, что потерпели крушение в море во время жестокой бури и господь спас нас от гибели, но оставил в том положении, в котором они нас теперь видят. На это она сказала:

— Что же вы от нас хотите и что намереваетесь делать? Ведь здесь нет странноприимного дома для бедных, где мы смогли бы вас приютить.

На что один из наших со слезами на глазах и всеми внешними признаками смирения, долженствовавшими послужить нам на пользу, ответил, что всевышний, по великой милости, не лишит нас своей защиты, размягчит их сердца и побудит их пожалеть нашу бедность, а что намерены мы идти в город Нанкин, чтобы там, нанявшись гребцами на купеческие лантеа, следующие в Кантон, добраться до порта Конхай, где было множество джонок из нашей земли, на которых мы сможем вернуться на родину.

На это она ответила:

— Теперь, когда я знаю, кто вы такие, я пойду поговорю со своими людьми и узнаю, что они решат.

И, вернувшись к своим, которых к этому времени набралось уже больше сотни, долго спорила с ними, после чего снова подошла к нам с каким-то их священником, облаченным в очень длинную накидку из фиолетового штофа, каковая, говорят, является у них признаком самого высокого сана; у человека этого в руках был пучок пшеничных колосьев. Приблизившись к источнику, он подозвал нас к себе, и мы немедленно подчинились со всеми должными выражениями почтительности, на которые он обратил мало внимания, ибо видел в нас только бедных.

Тут он бросил в воду колосья, которые держал в руке, и велел нам прикоснуться к ним рукой, что мы и сделали, ибо нам показалось, что так именно надо поступить, если мы желаем показать, что хотим установить между ими и нами мир и согласие. Когда мы положили руки на колосья, священнослужитель сказал нам:

— Поклянитесь передо мной святой клятвой на двух священных веществах — воде и хлебе, кои небесный создатель всего сущего сотворил для питания земнородных в их житейских странствиях, и подтвердите, что все, сказанное вами этой женщине, истинная правда. Ибо, если это действительно так, мы окажем вам гостеприимство, как повелевает милосердие, которое, по законам разума, надлежит проявлять к божьим нищим. Но если вы сказали ей неправду, предупреждаю вас и объявляю вам, что вы должны немедленно покинуть эти места, иначе вы будете покусаны и растерзаны в пасти прожорливой змеи бездонной бездны Обитатели Дыма.

На это мы ответили ему, что все сказанное нами сущая правда и мы ни в чем не отступили от истины. Ответ наш удовлетворил его, и он сказал:

— Теперь, когда я знаю, что вы не исказили истины, идите со мной и не бойтесь, ибо порукой вам будет моя правда.

И, направившись к своим, сказал, что они могут подать нам милостыню, ибо он это им разрешает. Они же взяли нас с собой в селение и поместили под навесом своей пагоды, куда вскоре доставили еду и две циновки, на которых мы улеглись.

Когда наступило утро, мы пошли от дома к дому просить милостыню и собрали таким образом четыре таэля серебром, каковые деньги были потрачены на удовлетворение некоторых насущнейших наших нужд.

Отсюда мы пошли в другое селение, под названием Шиангуле, находившееся в двух милях, с намерением, перебираясь таким образом,

добраться до города Нанкина, от которого нас отделяло еще сто сорок легуа. Нам казалось, что оттуда мы сможем отправиться в Кантон, где в это время наши суда занимались торговлей, если обстоятельства им в этом не препятствовали.

В Шиангуле мы прибыли, когда уже смеркалось, и решили отдохнуть под сенью дерева, находившегося на некотором расстоянии от деревни. Там мы увидели трех пастушков, стерегших стадо. При виде нас они тотчас бросились наутек, вопя:

— Разбойники! Разбойники!

На крики немедленно высыпали жители села, вооруженные самострелами и пиками, и начали кричать:

— Navacarangee! Navacarangee! — что значит: «Держи вора! Держи вора!»

Они погнались за нами, так как мы бросились бежать, и отделали нас камнями и палками так, что поранили всех, а одного из трех наших, мосо настолько тяжело, что он умер. Они забрали нас и, связав руки за спиной, отвели пленными в село. Там, угостив нас оплеухами и затрещинами, они бросили нас в водоем, где было по пояс воды и где кишели бесчисленные пиявки. Там нас продержали двое суток, показавшихся нам целой сотней лет адских мук. За все это время у нас не было ни минуты покоя от пиявок и нас ни разу не покормили.

Через два дня в село прибыл человек из Сузоагане, откуда мы пришли, и тот, узнав, что они с нами сделали, поклялся им великими клятвами, что мы отнюдь не разбойники, за которых они нас приняли, а чужеземцы, потерпевшие крушение в море, и они совершили великий грех, схватив нас и подвергнув такому наказанию. И угодно было господу нашему, чтобы, поверив словам этого человека, они вытащили нас из водоема, мы вышли, обливаясь кровью, словно водой, из-за пиявок, высосавших из нас ее столько, что, пробудь мы там еще сутки, мы, без малейшего сомнения, испустили бы дух.

Из этого села мы вышли уже на закате и в тяжелой обиде оплакивали в пути наши злоключения.

Глава LXXXIII

Как мы прибыли в поместье к одному знатному человеку, страдавшему тяжелой болезнью, и какое у нас было с ним свидание

По дороге из селения Шиангуле мы встретили несколько бедных лачуг, где трое мужчин трепали лен. Увидев нас, они побросали все, кинулись в сосновый бор, находившийся рядом на пригорке, и оттуда стали кричать прохожим, чтобы они держались от нас подальше, так как мы разбойники.

Опасаясь, как бы с нами не повторилось то же, что мы уже испытали (ибо дела принимали, по-видимому, угрожающий оборот), мы постарались возможно скорее выйти из деревушки, хотя ночь почти наступила, и пошли дальше, не зная в точности, куда мы идем. И так вот в великом огорчении, ибо не были уверены в дороге, прибыли мы в глубокой тьме под проливным дождем к каким-то хлевам, где расположились на нескольких кучках навоза, пока не рассвело, после чего отправились разыскивать оставленную нами дорогу.

Когда солнце уже взошло, с вершины холма мы увидели долину, покрытую высокими деревьями, и посреди нее, на берегу реки, несколько великолепных домов с множеством башен, на которых были шпили с золотыми флюгерами. Дойдя до них с именем Иисуса на устах, мы уселись на закраине водоема, расположенного у входа в усадьбу, ибо до сих пор не встретили еще живой души.

Так провели мы часть дня в великой нерешительности, ибо не знали, как нам поступить, пока внимание наше не привлек юноша семнадцати — восемнадцати лет. Он ехал на лошади, а за ним следовало четверо пеших, один из которых нес двух зайцев, а другие — пять птиц, похожих на фазанов, и ястреба на руке. Позади их бежала свора из шести или семи собак.

Подъехав к нам, юноша придержал своего коня и спросил, кто мы такие и чего желаем, и мы довольно пространно рассказали ему о нашем крушении. Он, насколько можно было судить по его выражению лица, почувствовал к нам сострадание и, входя во двор, сказал:

— Подождите, сейчас я пришлю вам кое-кого, в ком вы нуждаетесь, а сделано это будет из любви к тому, кто в славе великого богатства

царствует на высочайшем из всех небес.

Вскоре он выслал к нам старуху в длинной одежде, с четками на шее, такого вида, как у нас бывают святоши, и она сказала:

— Сын того, кто здесь хозяин и поддерживает жизнь нашу рисом, велел вас позвать. Идите за мной смиренно, да не покажется тем, кто вас увидит, что вы предпочитаете жить подаянием, а не трудом.

С ней вместе мы прошли во второй двор, много более роскошный, чем первый, окруженный со всех сторон двухъярусными галереями вроде тех, что бывают у нас в монастырях; были они изукрашены картинами охот, в которых участвовали женщины на конях, держащие на руке ястребов. В передней части этого двора, где находилась лестница, по которой поднимались в покои, была весьма богато изукрашенная большая каменная арка, с середины которой свешивался наподобие хоругви щит с гербом на серебряной цепи ^[205]. На нем посредине круга был изображен человек, похожий на черепаху, ногами вверх и головой вниз. На щите была надпись: «Inguales finguaupotim aguarau», что значило: «Все то, что во мне, таково».

Чудовище это, как мне объяснили, должно было означать наш мир, который китайцы изображают вверх ногами, дабы показать, что все в нем обманчиво, и разубедить тех, кто выше всего ценит мирские блага, и этот мир говорит им: «Все то, что во мне, таково», — как если бы он этим хотел сказать — всё вверх тормашками — ноги наверху, а голова внизу.

Оттуда мы поднялись по очень широкой лестнице из хорошо обработанного камня и вошли в большой дом, где находилась женщина по виду лет пятидесяти; она сидела на возвышении, а по обе стороны от нее сидели две красивые девушки и богатых одеяниях и с ожерельями из жемчуга на шее. Между ними находилось ложе, на котором покоился мужчина преклонных лет. Одна из девушек обмахивала его веером, юноша, который велел нас позвать, стоял подле него. Рядом с возвышением сидели девять девушек, одетых в красный и белый штоф, и вышивали на пальцах.

Как только мы подошли к возвышению, где лежал старик, мы опустились на колени и приготовились просить подаяния. Перед тем как начать говорить, мы пустили слезу, и едва успели произнести два или три слова, наиболее подходящие к данному случаю и нашему положению, как старуха прервала нас движением руки:

— Хватит, хватит, мне больно видеть, как вы плачете, и я уже догадываюсь, что вы попросите милостыни.

После этого с нами заговорил лежавший на ложе старик и спросил, нет ли среди нас человека, способного излечивать лихорадку. На что

опахивавшая его девушка, которая оказалась его дочерью, улыбнувшись матери, сказала отцу:

— Поистине, государь мой, более срочное дело велеть излечить этих людей от голода, который они испытывают, нежели расспрашивать их о том, сведущи ли они во врачевании, коему, весьма возможно, их никогда не обучали. А посему не лучше ли удовлетворить их самые насущные нужды и лишь потом говорить о менее важном?

Слова эти вызвали неудовольствие матери:

— Вот сорока! И всегда-то готова вмешаться в разговор, когда ее не просят! Уж я как-нибудь заставлю тебя бросить эту привычку!

Девушка возразила с улыбкой:

— Пусть ваша милость заставит их лучше забыть о голоде. Ибо свои дурные привычки я бросаю всякий, раз, как это бывает вам угодно.

Но старик, как человек, которому наскучила его болезнь, не хотел уняться и стал расспрашивать нас, кто мы такие, из какой страны, куда держим путь и тому подобное. Мы отвечали ему так, как это нам было нужно, объяснили ему, как и где потерпели крушение, сколько народу при этом утонуло и что мы бредем теперь, словно потерянные, не в состоянии ни в чем разобраться.

На это он, подумав немного, сказал своему сыну:

— Каково твое мнение о том, что ты услышал сейчас из уст этих чужестранцев? Прошу тебя, запечатли это в своей памяти, чтобы ты мог познать и оценить милость божью и возблагодарить его за отца, которого он тебе дал и который, чтобы избавить тебя от подобных бед и многих других, коими изобилует мир, своею жизнью и знанием приобрел для тебя три самых драгоценных сокровища, которые имеются в этом крае, из коих наименее дорогое стоит более ста тысяч таэлей. Но ты из тех, кто предпочтет всему этому подстрелить зайца!

На это молодой человек ничего не ответил, а только улыбнулся сестрам.

Между тем хозяин приказал принести еду и велел нам есть в своем присутствии, что мы и сделали с величайшей готовностью, а он, как человек больной и потерявший вкус к пище, выражал своим видом, как радостно ему видеть у нас такую охоту к еде. Но наибольшее удовольствие от этого зрелища получили обе сестры, ибо все время, пока мы ели, они обменивались шутками и остротами с братом, видя, что мы едим руками. Дело в том, что во всей Китайской империи не существует обычая есть руками, как у нас, а с помощью двух палочек, напоминающих веретена.

После еды мы произнесли благодарственную молитву, на что старик

обратил особенное внимание и, воздев руки к небу и с глазами, полными слез, сказал:

— Тебе, господи, живущему в покое своей великой мудрости, воздаю я хвалу в смирении сердца моего за то, что позволяешь, чтобы чужеземцы, рожденные на краю света и незнакомые с твоим учением, по мере своих слабых сил воздавали тебе благодарность и хвалу, которые ты, по великой милости своей, воспримешь как богатое музыкальное приношение, сладостно звучащее в твоих ушах.

После этого он велел выдать нам три штуки льняной ткани и четыре таэля серебром и пригласил провести эту ночь под его кровом, ибо было уже слишком поздно, чтобы пускаться в путь. Все это мы приняли с благодарностью, выразив ее на китайский лад, что доставило ему видимое удовлетворение и чему были очень рады его жена и дочери.

Глава LXXXIV

Как мы отправились оттуда в поселок Тайпор и как нас там посадили в тюрьму

На следующий день, когда наступило утро, мы распрощались с нашим хозяином и тронулись в путь. Мы дошли до селения Финжинилау {206}, в четырех легуа от его имения, и остановились там на три дня. Затем, переходя из селения в селение и из деревни в деревню, мы продолжали наши странствия, стараясь неизменно обходить города и крупные поселки из боязни попасть за бродяжничество в руки полиции. Так шли мы два месяца, и никто не останавливал нас. За это время мы, без сомнения, могли бы дойти и до Нанкина, будь у нас проводник. Но дороги мы не знали и часто уклонялись в сторону, тратили понапрасну силы и подвергали себя всяческим опасностям.

Наконец мы прибыли в небольшое селение под названием Наутир, где в то время происходили пышные и дорогие похороны по местному обряду для упокоения души одной весьма богатой женщины, которая, лишив всех своих родичей наследства, завещала его пагоде {207} того селения, где ее должны были похоронить. Так как мы были бедняками, нас пригласили принять участие в поминальной трапезе на ее могиле, как это принято в здешних краях. После того как мы пробыли там три дня — все время, пока длились похороны, нам дали на дорогу шесть таэлей и наказали; чтобы, обращаясь к богу, мы всякий раз молились за упокой души усопшей.

Из этого селения мы перешли в другое, под названием, Гинапалир, и, продолжая блуждать из края в край еще без малого два месяца, прибыли наконец в поселок под названием Тайпор, где, за грехи наши, предстояло нам встретиться с шумбином {208}, судебным инспектором, который каждые три года объезжает судебные округа страны и инспектирует судей и судебных исполнителей. Последний, видя, как мы собираем подаяние, позвал нас из окна, из которого смотрел на улицу, и в присутствии всех писцов и множества другого люда, собравшегося по этому поводу, стал допрашивать нас, кто мы такие, из какой страны и как мы оказались в подобном положении.

На это мы ответили, что мы чужеземцы, уроженцы королевства Сиам и, потерпев крушение во время бури, вынуждены теперь ходить от дома к дому, прося милостыню, чтобы на подаяние добрых людей поддержать

свою жизнь, пока мы не доберемся до Нанкина, куда мы держим путь с намерением сесть на лантеа купцов, направляющихся в Кантон, где мы сможем пересечь на идущее на родину судно.

Получив этот ответ, он велел нас отпустить, но в дело вмешался один из писцов, заявил, что мы лодыри и бродяги, всю жизнь шатающиеся от двери к двери и питающиеся незаслуженным подаянием, а посему на основании закона, изданного на этот предмет и содержащегося в седьмой из двенадцати книг свода законов, подлежим заключению. Поэтому отпускать нас ни в коем случае не следует, ибо несоблюдение этого вполне ясно выраженного закона грозит суровым наказанием инспектору по возвращении его на место службы. А посему он советует ему как добрый слуга посадить нас в надежное место, чтобы мы куда-нибудь не скрылись, что шумбин и велел немедленно привести в исполнение с бесчеловечной жестокостью, которую только и можно было ожидать от такого безбожного язычника.

И, составив тут же с великим пристрастием протоколы допросов лжесвидетелей, обвинявших нас в самых низких и преступных деяниях, как это обычно делается, велел посадить нас в тюрьму, где почти не кормили, и заковать в кандалы, наручники и ошейники. Так, страдая от побоев и голода, промучились мы двадцать шесть дней, после чего на основании его доклада были переданы в ведение нанкинского шаэна, ибо шумбину не дано было права выносить кому-либо смертный приговор.

Глава LXXXV

Как из поселка Тайпор мы были доставлены в город Нанкин и что с нами там произошло

В этой жестокой и голодной тюрьме мы, как было уже сказано, провели двадцать шесть дней, которые показались нам двадцатью шестью тысячами лет, ибо мы ясно видели, что нас ожидает неминуемая смерть, каковая и постигла одного из наших товарищей, Жоана Родригеса Браво, который умер, съеденный вшами, причем мы ничем не могли ему помочь, ибо и мы подобной казни избежали только чудом.

Из тюрьмы нас вывели однажды утром и, не сняв с нас кандалов, наручников и ошейников, несмотря на то что к этому времени мы так ослабели, что едва были в состоянии говорить, связали нас общей цепью и посадили на судно вместе с другими тридцатью или сорока заключенными, совершившими серьезные преступления и по апелляции пересылавшимися в Нанкин.

Последний, как я уже говорил, — второй по значению город Китая. В нем постоянно пребывает один из верховных судей — шаэн; это высшее должностное лицо в государстве, своего рода вице-король; там же находится верховный суд из ста двадцати жероземо и ферукуа, иначе говоря, высших судейских чиновников, судей и докладчиков по всем гражданским и уголовным делам, причем ни пересмотры дел, ни апелляции, ни опротестование не могут совершаться через другой трибунал, кроме того, который имеет власть даже над самим государем {209} и взывать к которому все равно что взывать к небу.

И чтобы все это стало ясней, следует знать, что как этот трибунал, так и другие подобные, имеющиеся в государстве в наиболее крупных городах, получили от короля власть окончательного решения как в гражданских, так и в уголовных делах, но в особо тяжелых или важных случаях существует апелляция на имя государя, что, по здешним обычаям, называется «обращаться в суд создателя всего сущего». В этом суде заседает двадцать четыре менигрепо, называемых «мужами строгой жизни», в некоторой степени сходных с монахами ордена капуцинов, от которых, будь они христианами, по суровости жизни, которую они ведут, и по тому, как они умерщвляют свою плоть, можно было бы многое ожидать. Последние становятся судьями лишь по достижении семидесяти лет, а то и старше,

притом только с разрешения своих прелатов, от которых зависит их распределение. Обо всех делах, поступающих к менигрепо по апелляции, они судят с такой честностью и прямоотой, что бо́льшей беспристрастности не бывает, ибо, даже тогда, когда им приходится выступать против самого государя или лиц, пользующихся самым высоким покровительством, которое только можно себе представить, ничто на свете не может заставить их хоть в малейшей степени изменить решение [{210}](#), которое они считают справедливым.

Ближайшую ночь, после того как мы описанным выше образом были посажены на судно, мы провели в бо́льшом поселке под названием Потинлеу, куда мы прибыли, когда уже смеркалось. В тюрьме мы провели следующие девять дней, так как из-за новолуния все время шли проливные дожди. В этой тюрьме угодно было господа нашему свести нас с одним заключенным немцем, который проявил к нам великую доброжелательность. На наши вопросы по-китайски (ибо объяснялись мы с ним на этом языке), откуда он родом и как попал сюда, он ответил, что он уроженец города Хикеженс в Московии [{211}](#) и находится в тюрьме уже пять лет за убийство одного человека, осужден же на бессрочное заключение. Но, будучи иностранцем, он подал жалобу в трибунал батанпинского айтау [{212}](#) в городе Пекине, который является главным адмиралом над тридцатью двумя адмиралами тридцати двух королевств, входящих в эту империю, каковому адмиралу в частном порядке подсудны все иностранцы и иноземные купцы; от него он надеется добиться освобождения, дабы умереть христианином среди христиан.

После того как мы провели девять дней в этой тюрьме, нас снова посадили на судно, и мы пошли вверх по течению очень бо́льшой реки. Через неделю мы оказались в Нанкине, который, кроме того что является вторым по значению городом в этом государстве, еще и столица трех королевств: Лиампо, Фанжуса и Сумбора [{213}](#). В тамошней тюрьме мы оставались полтора месяца в превеликих муках и нужде. А дошли мы до такой крайности, что прямо угасали на глазах друг у друга из-за отсутствия какой-либо помощи, и ничего не оставалось нам иного, как обливаться слезами и взиpать на небо, ибо в первую же ночь нас начисто обобрали, не оставив на нас даже рубашки. Дело в том, что тюрьма эта была очень бо́льшая и в ней было так много народу (как нам сказали — бо́льше четырех тысяч), что человеку буквально не было куда голову приклонить, не ставши тотчас жертвой воров и добычей вшей.

По прошествии полутора месяцев аншаси, один из двух судей по

нашему делу, ведению которого подлежали подобные дела, вынес по требованию обвинителя постановление, гласившее, что он, рассмотрев направленное ему тайпорским шумбином дело по обвинению нас в различных преступных деяниях, подтвержденных уличающими нас показаниями свидетелей, поскольку опровержения, представленные нами в собственное оправдание, не заслуживают веры, а посему, согласно закону, не могут быть приняты во внимание, присуждает нас к публичному наказанию плетьюми по ягодицам, дабы последнее послужило нам для исправления наших нравов, а кроме того, к отсечению больших пальцев обеих рук, с помощью коих по явным подозрениям мы совершали кражи и другие тяжкие злодеяния, за которые верховный судья, царящий на небе, покарает властью своего справедливого суда в последний день нашей жизни. А для вынесения нам более сурового приговора, который мы заслужили, он обращается в трибунал батанпинского айтау, верховному ведению которого наше дело подлежит.

Приговор этот был нам прочитан в тюрьме, где мы умерли бы и без ужасной и жестокой порки, которой нас подвергли и после которой мы обливались кровью так, что залили ею весь пол. Из подвергнутых этой казни чудом спаслось девять человек из одиннадцати, двое же других и еще один мосо умерли, не протянув после нее и трех дней.

Глава LXXXVI

О милосердии, с которым нас вылечили в этой тюрьме, и о том, что с нами далее случилось

После того как нас выпороли так, как я уже сказал, нас перевели в дом, находившийся за тюремной оградой и служивший лазаретом. В нем лежало много больных и раненых, кто на койках, а кто на полу. Там нас сразу стали лечить всяческими составами и жидкостями, которые выжимали нам на раны и прикладывали к ним, чем несколько смягчена была боль, причиненная ударами. Лечили нас уважаемые люди, похожие на наших братьев милосердия, которые из любви к всевышнему работают здесь месяц-другой, проявляют большое сострадание к больным и снабжают их всем, что им нужно, причем весьма чистым и в более чем достаточном количестве.

Когда шел двенадцатый день нашего пребывания здесь и мы чувствовали себя уже несколько лучше, хотя нас угнетала жестокость вынесенного нам приговора, по которому нам предстояло еще лишиться пальцев, угодно было богу, чтобы в это утро посетили нашу тюрьму два человека, державших в руках белые жезлы наподобие скипетров и одетых в весьма длинные одежды из фиолетового атласа. Едва они вошли, все больные воскликнули громким голосом:

— Pitau hinacur macuto chendoo! — что значит: «Во имя господа да входят исполнители воли его!»

На что последние, воздев свои жезлы, ответили:

— А вам всем да дарует господь терпение в ваших муках и невзгодах.

Посетители, раздавая деньги и одежду тем, кто был ближе к ним, дошли и до нас и, вежливо поприветствовав нас и выказав явное сострадание к нашим слезам, осведомились, кто мы такие, из каких мест или какого народа и за что попали в тюрьму.

На это мы ответили, заливаясь слезами, что мы чужеземцы, уроженцы королевства Сиам и происходим из края, называемого Малаккой; что сами мы купцы, и притом состоятельные, прибывшие со своими товарами в порт Лиампо; что мы потерпели кораблекрушение у островов Ламау и в этом крушении потеряли все, что имели, за исключением собственной жалкой плоти, которая у них теперь перед глазами; что, прибыв в селение под названном Тайпор, возбудили подозрение шумбина, который велел ни за

что ни про что взять нас под стражу как бродяг и воров, ходящих от дома к дому, попрошайничающих, чтобы не работать, и незаконно питающихся подаваемой милостыней. Шумбин, состряпав на нас дело, заковал нас в железа и отправил в эту тюрьму, где мы томимся уже сорок два дня, терзаемые болезнью и голодом, причем никто не хочет нас выслушать, так как мы никому не можем дать взятки и не в состоянии как следует объясниться; ведь нас, несмотря на нашу безвинность, присудили как воров к наказанию плетью и к отсечению пальцев: первое наказание мы уже понесли, причем били нас так жестоко и с таким мучительством, что и сейчас видны на наших жалких телах следы, которые легко можно разглядеть. А посему мы умоляем их, поскольку они служат богу, не оставить нас своею милостью, ибо все презирают нас по бедности нашей и беспрестанно нас оскорбляют.

Оба эти человека внимательно выслушали нас и после нескольких мгновений раздумья, преклонив колени и обратив к небу влажные от слез глаза, произнесли:

— Великий и долготерпеливый царь небесный, согласившийся на то, чтобы вопли тех, кто бессилен, громом звучали в ушах твоих, дабы не остались без кары тяжкие оскорбления, кои творящие у нас правосудие непрестанно тебе наносят, за что, верим, ибо вере этой научил нас твой святой закон, ты покараешь их рано или поздно.

И, расспросив окружающих о том, что мы им сказали, велели немедленно же призвать писца, у которого находилось наше дело, дабы он, под страхом тяжкого наказания, изложил им все, что было в нем записано. Последний явился незамедлительно и доложил им обо всех обстоятельствах и о том, каким образом могла совершиться такая несправедливость. Последние, видя, что от полученных нами ударов избавить нас уже было поздно, постарались, по крайней мере, не дать отрубить нам пальцы, о чем написали прошение о помиловании шаэну, на которое им было отвечено через соответственную инстанцию.

«Не может быть помилования там, где правосудие теряет свое имя, а посему в просимом отказать».

Под этим постановлением расписались шаэн и восемь коншаси [{214}](#), иначе говоря, судей по уголовным делам.

Когда эти двое защитников бедных во славу божью (ибо таково их служебное наименование) увидели неудачу своих хлопот, они, желая избавить нас от этого позорного наказания, тут же составили новое прошение, которое направили в трибунал под названием Шинфау никор питау, иначе говоря — «Покровительство создателя всего сущего», где мы,

признавая себя повинными в преступлении, которое было нам приписано, просили о помиловании. Прощение это было спешно доставлено в приказ, в котором заседают двадцать четыре талагрепо, представляющих собою духовных лиц, как наши капуцины, и пользующихся большим весом и уважением как у народа, так и у государя. Люди эти в целях проверки знакомятся со всеми делами неимущих и тех, которые вступают в тяжбу со слишком могущественными для них противниками.

Талагрепо, едва им подано было прошение, собрались по удару колокола вместе, ознакомились со всем ходом нашего дела с начала и до конца, прочли прошения и все прочее, что к нему относилось, и им стало ясно, что ни о каком правосудии в нашем случае не могло быть и речи, а пострадали мы из-за собственной беззащитности. Они тут же отправили двух своих помощников, снабженных грамотой за печатями на лентах, дабы объявить недействительным решение шаэна, поскольку дело переходило в их руки как в высшую инстанцию. Решение же объявлялось недействительным следующим постановлением:

«Суд силы Льва, Венчанного на Престоле Вселенной, по прошению двадцати четырех мужей строгой жизни разрешает передать по апелляции дело девятерых чужестранцев на суд трибунала айтау всех айтау в городе Пекине, дабы милосердно было смягчено присужденное им наказание. Дано четвертой луны в седьмой день двадцать четвертого года правления Сына Солнца».

Под этим постановлением расписались шаэн и восемь коншалинов [{215}](#)уголовного суда, являющихся как бы высшими судебскими чиновниками.

Постановление это нам было доставлено немедленно двумя защитниками неимущих, которые взялись за наше дело, сказав, что за все это их вознаградит всевышний. Нам они сказали:

— А вы, с помощью божьей, углубитесь в познание его дел, дабы терпеливо собирать плоды своих трудов, как те, кто страшится его имени.

Главы LXXXVII–СХХVIII

В этих главах повествуется, как по апелляции португальцы были переправлены в город Пекин и как перед отъездом двое защитников неимущих приходят к заключенным и по их просьбе дают им письмо к танигорам святого братства, где просят последних оказать португальцам помощь. Как португальцы отправляются в город Нанкин. Где расположен Нанкин, о пяти реках, текущих из Татарии; о населении Нанкина, его домах, пагодах, тюрьмах, укреплениях. О том, что еще увидели португальцы и что случилось с ними, пока не прибыли они в город Покасер, а также о размерах пагоды, которую они там осмотрели.

О городе Шинлигау; башнях с сокровищами; о гробнице дяди короля Малакки; о гигантских изображениях мужчины и женщины — раздувателя адского пламени и привратницы ада. О том, как наказывают португальцев, которые смеются над истуканами.

Как португальцы прибыли в город под названием Сампитай и как встретили там христианскую женщину, у которой на руке был наколот крест. Об истории женщины — дочери португальского посла, впавшего в немилость у китайских властей. О христианской общине в Китае.

Откуда пошла Китайская империя. Легенда о ее происхождении и первых королях Китая. Об основании первых городов Китая и о некоторых достопримечательностях города Пекина, о строительстве Великой китайской стены. Об обычаях, торговле и ремеслах Китая.

Как португальцы прибыли в город Пекин, о тюрьме, в которую их поместили, и о судебном процессе. О прощении об отмене приговора португальцам и о штрафе, наложенном на прокурора и об отстранении его от должности за клевету. О важном и торжественном виде судей, и о церемониях, соблюдаемых в суде, и о «милосердии и справедливости» приговора (восьмимесячная ссылка на рудники).

Краткие сведения о городе Пекине. О том порядке, которого придерживаются на пирах в больших гостиницах. О пагодах и сектах Китая. Улицы, каналы, мосты, площади, ярмарки, магазины. О тюрьме в Шинангибалеу и о сроках заключения, о досрочном освобождении, о доступе вольных граждан в тюрьму. О доходах, на которые содержится пересыльная тюрьма.

О монастырях и монахах, о пирах, устраиваемых в новолуния, для которых простонародье приносит в дар огромное количество снеди,

забираемой жрецами.

О том, как обеспечиваются все увечные и беспомощные (дома обучения бедных; кормилицы для подкидышей; обеспечение работой слепых и увечных; призрение неработоспособных; приюты для публичных женщин; дома для девочек-сирот, которых, когда они подрастают, город выдает замуж; содержание бедных, но порядочных людей за счет недобросовестных защитников и несправедливых судей).

Каким образом во всем государстве устроены житницы для бедных и о государе, который приказал их создать.

О количестве лиц, проживающих во дворцах богдыхана, а также о титулах высших сановников, управляющих государством, и о трех главенствующих в нем религиях.

Как португальцев отвезли в ссылку в Куанси и о несчастьи, которое постигло их там вскоре после прибытия.

О том, как Пинто случайно встретил в этом городе португальца Калво и об истории его злоключений.

Как в Куанси проник татарский генерал со своим войском, о взятии Куанси, о неудачном приступе крепости Нишианко.

О хитрости, которую предложил Жорже Мендес, чтобы захватить крепость Нишианко, о приступе, который был предпринят, и об успехе последнего.

О пути до лагеря, который татарский хан разбил под Пекином, и о прибытии португальцев в ханскую ставку. (Прием у хана. Последний расспрашивает португальцев об их стране и приходит к выводу, что только алчность или нужда могут заставить людей искать счастья в столь удаленных от их родины краях.) Как татарский хан снял осаду с города Пекина и отправился в свои земли.

О предложении португальцам поступить на службу к хану, об их отказе и отъезде вместе с послом, направляемым в Каушеншину.

Глава СХХІХ

О том, что с нами произошло, после того как мы отбыли из Шолора и пока не прибыли в то место, где находился король Каушеншины

Из города Шолора мы продолжали спускаться по большой реке {216} еще пять суток, любуясь все время многочисленными прекрасными селениями, расположившимися на ее берегах, ибо в этих местах почва уже много плодородней, а потому и страна более заселена и богата. По рекам все время снуют гребные суда, на полях растет пшеница и рис, встречаются различные весьма обширные плантации сахарного тростника, которым особенно изобилует эта страна. Люди благородные одеваются здесь в шелк и разъезжают на конях с красной сбруей; женщины отличаются светлой кожей и красотой. Два канала и реку Вентинау мы прошли с большим трудом, подвергая себя большой опасности из-за обилия пиратов, и прибыли наконец в город Манакилеу {217}, расположенный у подножья Конхайских гор {218} на границе Китая и Каушеншины, где послы были отлично приняты комендантом. Манакилеу они покинули на другой же день рано утром и остановились на ночевку в другом городе под названием Тинанкуаши, где решили навестить тетку короля, которая хорошо их приняла и сообщила, что король, ее племянник, уже вернулся с войны с тинокоухами {219}, весьма доволен победами, которые он там одержал, и добавила еще много всяких подробностей, которые им доставили большое удовольствие, особенно же когда она сообщила, что король, распустив свое войско, отправился почти без свиты в Фанаугрен {220}, где уже месяц развлекается охотой и рыбной ловлей, а на зиму собирается вернуться в Узанге {221}, столицу Каушинской империи. Оба посла посоветовались и решили отправить все четыре судна в Узанге, а самим с небольшой свитой проследовать сушей в Фанаугрен, где, по их сведениям, находился король. Всё с одобрения принцессы, приказавшей дать каждому столько коней, сколько им понадобится для себя и для их людей, а также восемь носорогов для перевозки багажа, было немедленно приведено в исполнение. Покинув через три дня Тинанкуаши и потратив на переход в восемьдесят шесть легуа тринадцать дней, за которые они испытали немало трудностей, ибо им пришлось преодолевать

неприступные горы и проходить через обширные леса, они прибыли наконец в расположенную на берегу реки большую усадьбу под названием Тараудашит, где они и остановились на ночевку. На следующий день, когда рассвело, они отправились в городок Линдау-Пано и были хорошо приняты комендантом, родственником каушеншинского посла, который всего только пять дней, как прибыл из находившегося в пятнадцати легуа Фанаугрена, где пребывал король. Комендант этот, сообщив своему родственнику кое-какие придворные новости и сведения о войне, сказал ему также, что один из его зятьев умер, а жена покойного, дочь посла, немедленно сожгла себя ^{222}, чем очень утешила своих родственников, поскольку таким поступком доказала благородство своих чувств. Сам посол, отец покойной, был также в высшей степени этим доволен и сказал:

— Теперь, о дочь моя, когда я знаю, что ты святая и на небе служишь своему супругу, обещаю и клянусь тебе, что за этот благородный поступок, которым ты доказала свое царственное происхождение, я прикажу в память твоей доблести воздвигнуть дворец столь славный, что ты пожелаешь спуститься в него из той обители, где ты ныне пребываешь, и поразвлекся в нем, подобно тем душам, которые, по преданию, делали то же в древние времена.

И с этими словами он рухнул ниц и пролежал, прижавшись лицом к земле, до следующего дня, когда к нему пришли монахи этой земли и, всячески утешая его, говорили, что дочь его — святая, а посему он может заказать ее серебряное изваяние ^{223}, они дают ему на это разрешение. Посла это весьма утешило, он горячо поблагодарил их, дал им денег и наделил последними всех тамошних бедных.

В этом месте мы задержались на девять дней, справляя поминки по его дочери, а потом двинулись дальше; в конце первого дня пути мы остановились в монастыре под названием Латипарау, что означает «Помощь бедным», в котором оба посла прожили три дня, ожидая известий от короля, которого они уже уведомили о своем приезде. Последний велел им явиться в селение, расположенное в трех легуа от монастыря и одной от Фанаугрена и называвшегося Ажимпур, куда он обещал послать за ними, когда понадобится.

Глава СXXX

О приеме, оказанном в Фанаугрене татарскому послу [{224}](#)
королем Каушеншины

Получив от своего посла уведомление о том, что он везет с собой посла татарского хана, король на следующий же день отправил к нему в поселок Ажимпур, где тот остановился, своего шурина, брата супруги, принца весьма доблестного и богатого, по имени Пасилау Вакан. Последний прибыл в шестиколесной колеснице, обитой серебром, в которую было запряжено четыре белых коня в золотых сбруях; по обе стороны этой фиамбры — так ее называют в этой стране — шло шестьдесят человек пеших, построенных в две колонны. Одеты они были в зеленую кожу и держали на плечах мечи, ножны которых были покрыты золотом. Рядом с ними следовали двенадцать булавоносцев.

Вдоль этого строя пеших телохранителей справа и слева от него шествовало в таком же порядке множество других, с алебардами, украшенными серебром, в халатах и шароварах из зеленого с черным шелка и с мечами на портупеях почти на наш лад. Все они были здоровые воины с гордым и суровым выражением лиц и как внешностью своей, так и гордой осанкой и движениями, находившимися в полнейшем соответствии с их природной надменностью, вызывали немалый трепет. Впереди охраны, примерно в тридцати шагах, шло около восьмидесяти слонов с великолепными сбруями, креслами и башенками, отделанными серебром, боевыми мечами на клыках и большого размера колокольцами на шеях. Перед этими слонами, которые, как нам объяснили, принадлежали к гвардии короля, ехали в прекрасных одеждах всадники с богатыми сбруями на конях. А в голове всего шествия двигалось двенадцать повозок под шелковыми наметами, где сидели музыканты с серебряными литаврами.

Когда принц таким образом торжественно прибыл к татарскому послу, который уже ожидал его, они обменялись принятыми здесь приветствиями и любезностями, что заняло примерно четверть часа, после чего принц уступил послу фиамбру, в которой приехал, а сам сел на коня по правую руку от него, а другой посол, приехавший с нами, — по левую. Прошестввав таким же порядком под грохот и звуки разнообразных музыкальных инструментов, они оказались у первого двора королевского

дворца, где брокен, или начальник дворцовой охраны, ожидал их в обществе представителей знати. Конная стража, выстроенная в две шеренги, занимала двор во всю длину. После того как произошел новый обмен приветствиями и любезностями, все направились пешком ко дворцу, где встретил их пожилой мужчина, который, как нам сказали, был дядей короля, звался Вумисерау и имел свыше восьмидесяти лет от роду. Окружали старца вельможи и представители знати. После того как, выполняя новую церемонию, оба посла поцеловали меч, висевший на поясе у старца, на что последний, когда они простерлись перед ним в знак особой чести, возложил им руки на головы.

Дядя короля, обращаясь с татарским послом почти как с равным, поднял татарина с земли и провел его по очень длинному залу до двери, находившейся в противоположном конце. В ответ на троекратный стук послышался вопрос: кто пришедший и чего он хочет, — на что последовал ответ, что, по обычаю давнишней дружбы, к ним прибыл посол великого татарского Шинарау, дабы посетить Прешау Гимиана {225}, коего все татары почитают хозяином голов их. После этого ответа обе створки дверей распахнулись, и шествие двинулось в следующий зал. Впереди всех выступал принц, держа за руку татарского посла, немного позади них другой посол с начальником дворцовой охраны, а за ними уже вся их свита, по трое в ряд. Пройдя этот покой, в котором никого, кроме стоящих на коленях телохранителей с алебардами, не было, мы вошли в гораздо больший и более роскошный зал, называемый нагантилей, где увидели шестьдесят четыре бронзовых и девятнадцать серебряных статуй с железными цепями на шеях. Последнее вызвало наше удивление, и мы спросили, что это должно означать, тогда один из орепо, или священнослужитель, присутствовавший при этом, сказал нам, что поразившие нас изваяния суть восемьдесят три божества тинокоухов, которые были отобраны у последних в их большом храме королем Каушеншины, ибо то, что принесло королю всего больше славы и чем он особенно гордился, было торжество над божествами неприятеля, которых он взял в плен и привез сюда для вящего уничтожения. А когда мы спросили, почему на них цепи, нам ответили, что, когда король прибудет в столицу свою Узанге, куда он сейчас направляется, он прикажет волочить их на этих цепях по улицам в знак своей победы над ними.

Пройдя этот зал с истуканами, мы вошли в следующий, где увидели множество весьма красивых женщин, сидевших вдоль стен; одни из них были заняты рукодельем, другие играли на музыкальных инструментах и пели, зрелище это было очень приятно. В следующем зале, у входа в

который стояли вместо привратников шесть женщин с серебряными булавами, находился сам король в окружении пожилых мужчин; их было немного, кроме них здесь были девушки, певшие под сопровождение музыкальных инструментов, на которых играли молодые женщины. Король восседал на возвышении, к которому вели восемь ступеней и которое напоминало алтарь, покрытый шатром, опирающимся на балясины. И шатер и балясины были все покрыты золотыми пластинками.

Вокруг шатра стояли на коленях шесть мальчиков, держащих в руках скипетры, а немного поодаль стояла женщина уже в летах, на шее у которой висели четки из крупных зерен, время от времени опахивавшая короля опахалом; последнему могло быть лет тридцать пять, он был красив, глаза имел большие, холеную русую бороду, лицо суровое, черты значительные и внушающие нам мысль о величии государства и всего прочего, что он представлял.

Когда послы вошли в этот зал, они трижды простерлись перед королем; после третьего раза каушеншинский посол так и не поднялся с земли, а татарский подошел к возвышению и, взойдя на первую его ступень, произнес громким голосом, так что все его слышали:

— O otinao cor valirate, prechan compano — силы земные и дыхание всевышнего, создавшего все, да процветет естество твоего величия, дабы в течение тысячи лет сандалии твои являлись волосами всех королей и ты костями и плотью своею уподобился великому властелину серебряных гор, по повелению и от имени которого прибыл я посетить тебя, как ты можешь удостовериться, взглянув на его ханскую печать.

Король с радостным выражением лица посмотрел на посла и ответил:

— Да принесет солнце сладостным теплом своих лучей согласие желаний повелителя твоего и моих, дабы дружба наша продолжалась до последнего всплеска моря и господь, даровавший мир нашим двум народам, был восславлен вовеки.

На что все вельможи, находившиеся в зале, ответили:

— Да дарует нам это тот, кто порождает и день и ночь.

После чего женщины снова взялись за инструменты, а король, поднявшись со своего места и собираясь удалиться в свои покои, произнес:

— Я прочту письмо брата своего Шинарау и отвечу на него так, чтобы ты был доволен и радостным от меня уехал.

Посол, ничего не говоря, снова простерся перед королем и трижды положил голову на ступень, на которой он перед этим стоял. Между тем начальник дворцовой охраны взял его за руку и отвел в дом, где он прожил тринадцать дней, вплоть до того времени, когда король уехал в Узанге.

Глава СXXXI

Как король переехал из Фанаугрена в столицу Узанге и о торжественном въезде его в последнюю

За те три дня, что прошли после нашего прибытия в Фанаугрен, татарский посол был принят королем всего лишь два раза, так как последний готовился к отбытию в Узанге.

Как-то во время этих свиданий посол коснулся одного из пунктов данного ему относительно нас наказа, на это король, по словам посла, ответил с веселым лицом:

— Так и будет сделано, но ты не забудь напомнить мне об этом деле, когда увидишь, что ветры благоприятны; было бы плохо, если бы муссон изменил им в пути, которым они пожелают следовать.

Это очень обрадовало посла, и, принеся нам эту добрую весть, он в награду за нее попросил, чтобы мы записали ему в книгу несколько молитв нашему богу, так как он захотел стать его рабом, услышав, как мы его превозносим. За известие, которое он принес нам от короля, мы его весьма благодарили, ибо этого мы единственно и добивались и желали гораздо больше, чем великих милостей, которые сулил нам татарский хан, если бы мы остались у него на службе.

Наконец в одну из суббот, покинув утром Фанаугрен, король направился в Узанге переходами всего лишь в шесть легуа в день, так как вместе с ним следовало туда большое количество народа. В первый день он остановился на обед в небольшом селении под названием Бенау, оставался в нем допоздна и отправился на ночлег в монастырь под названием Понгатур. На следующий день рано утром он выехал в Микуй, откуда в сопровождении трех тысяч всадников проделал путь в течение девяти дней, причем проехал мимо многих весьма знатных селений, если судить по их внешнему виду, не желая, чтобы ему устраивали там прием или какую-либо торжественную встречу. Объяснял он это тем, что все эти народные празднества дают лишь возможность тиранам-чиновникам грабить бедняков, а это оскорбляет всевышнего. Таким образом король достиг города Лингатора, расположенного на берегу очень широкой и глубокой пресноводной реки, по которой сновало множество гребных судов, и остановился там на пять дней, так как в пути почувствовал недомогание. Отсюда он выехал до рассвета с тридцатью всадниками, не

желая иных провожатых. Отделавшись от многолюдной свиты, он занялся соколиной охотой, которой, как говорят, был великий любитель, равно как и другими развлечениями, между прочим, травлей и разными другими видами охоты, устроенными ему местными жителями, и провел в этих занятиях большую часть пути, ночуя обычно по-походному, в палатке, которую ему ставили в самой чаще леса. Достигнув реки Багетор [{226}](#), одной из трех, вытекающих из озера Фанстир в Татарском ханстве, он перебрался на тот берег в лауло и жанга, которые ему дали местные жители, и на них продолжал свой путь вниз по течению до большого поселка под названием Натибасой, высадился там на берег без всякой торжественности после захода солнца, а оттуда уже следовал сухим путем и через трое суток прибыл в Узанге, где ему устроена была пышная встреча. Впереди он вез добычу, которую захватил на войне с тинокоухами, основной гордостью его, тем, чем он больше всего похвалялся, были двенадцать повозок с идолами, о которых я уже раньше говорил. Последние, как заведено в здешних пагодах, были самые разнообразные, среди них было шестьдесят бронзовых и девятнадцать серебряных гигантов. Как я уже не раз говорил, больше всего льстит самолюбию этих людей триумфальное шествие с чужими идолами и утверждение, что, несмотря на сопротивление врага, боги его были захвачены.

Вокруг этих повозок шло большое, количество пленных жрецов, скованных по трое железными цепями, — все они плакали. За ними на небольшом расстоянии ехало еще сорок повозок, в которые были впряжены по паре носорогов; на повозках громоздились горы оружия и знамен противника, волочившихся в пыли. За ними следовали новые двадцать повозок, нагруженных огромными, окованными железом сундуками, в которых, как говорили, перевозилась казна тинокоухов; таким же порядком следовало и все остальное, что обычно выставляют напоказ в триумфальном шествии: двести слонов с башенками на спинах и мечами на клыках; огромное количество коней с мешками черепов и костей убитых. Таким образом король показал народу все, что он отвоевал в бою у неприятеля силой своего оружия.

После того как мы провели почти месяц в Узанге, присутствуя на всевозможных развлечениях, празднествах и прочих времяпрепровождениях, которые устраивались как вельможами, так и простым народом, не говоря уже о ежедневных роскошных пирах, привезший нас татарский посол поговорил еще раз с королем по поводу нашего отъезда, и последний разрешил его без малейших колебаний,

приказав тут же доставить нас к берегам Китая, где мы надеялись найти португальское судно, на котором можно было бы добраться до Малакки, а оттуда и до Индии; приказание короля было немедленно выполнено, а мы стали готовиться в путь.

Глава СXXXII

Как мы покинули город Узанге и что с нами случилось, пока мы не достигли острова Танишума [{227}](#), первой японской земли

В большом волнении и радости, которые легко можно себе представить, если вспомнить все невзгоды, что нам пришлось претерпеть и от которых, как нам казалось, мы теперь уже навсегда избавились, покинули мы 12 января Узанге и стали спускаться по очень широкой пресноводной реке более легуа в ширину, меняя курс в зависимости от ее поворотов; за семь дней пути мы видели большое количество прибрежных селений и городов, которые, судя по их внешнему виду, казались богатыми, ибо строения их отличались роскошью, — как частные дома, так и храмы с золотыми шпилями, — да и по реке сновало множество гребных судов, груженных всевозможными товарами в чрезвычайном изобилии.

Когда мы прибыли в прекрасный город под названием Куангепару в пятнадцать или двадцать тысяч жителей, Науделун [{228}](#), который вез нас по приказу короля, остановился в нем на двенадцать дней и занялся торговлей на серебро и жемчуг, причем признался нам, что выручает при этом четырнадцатикратную прибыль, и добавил, что если бы он привез соль, то прибыль получилась бы уже тридцатикратная. Этот город, как нас уверяли, одной добычей серебра ежегодно приносит королю две тысячи пятьсот пико, что составляет четыре тысячи кинталов, а кроме этой статьи у него есть еще и другие источники дохода. Защищен город всего лишь кирпичной стеной толщиной в восемь моих ладоней и рвом пятидесяти брас в ширину и семи пядей в глубину. Жители его люди слабосильные и безоружные, артиллерии или чего-либо еще, что могло бы противостоять врагу, у них нет, и пятьсот добрых солдат быстро бы с ним справились. Оттуда во вторник утром мы отбыли и плыли тринадцать дней, после чего прибыли в порт Саншан [{229}](#) в Китайском государстве, расположенный на том самом острове, на котором потом преставился блаженный святой Франциск Ксаверий, как об этом я расскажу позже. Не найдя там судна из Малакки, так как все они отплыли девять дней назад, мы прошли на семь миль дальше, в другой порт, под названием Лампакау, где оказались две джонки с Малайского побережья, одна из Патане, а другая из Лугора. Но так как нашей португальской нации свойственно с чрезвычайным упрямством держаться своих мнений, даже в деле, требующем прежде

всего трезвости и согласия, между нами восьмью возникли по поводу отъезда такие споры и пререкания, что мы чуть-чуть не перебили друг друга. Ввиду того что рассказывать об этом мне весьма стыдно, я ничего больше не скажу, кроме того, что некогда лорчи, который довез нас до Лампакау, был так поражен нашей грубостью, что расстался с нами в величайшем негодовании, не пожелав принять ни от кого из нас ни письма, ни записки, и заявил, что готов поплатиться головой, лишь бы не гневить бога тем, что возьмет вещь, принадлежащую нам.

Таким вот образом, рассорившись и так и не помирившись, застряли мы на этом островке еще на девять дней, за это время обе джонки ушли, не пожелав нас взять, и мы остались одни в пустынных зарослях, подвергая себя величайшим опасностям, от которых нам почти наверное не удалось бы спастись, если бы господь бог не вспомнил о нас: ибо на восемнадцатый день пребывания нашего в великой нужде и голоде к острову пристал пират по имени Самипошека, разгромленный армадой шиншейского айтау {230} и искавший здесь укрытия. Из двадцати восьми судов, которые у Самипошеки были, айтау забрал двадцать шесть, и только двум удалось спастись, причем большая часть его команд была жестоко изранена, так что пирату пришлось задержаться двадцать дней на острове, чтобы дать им поправиться. Необходимость заставила нас восьмерых проситься к нему в команду, надеясь, что он доставит нас куда-нибудь, где господу нашему будет угодно дать нам возможность перебраться на более надежное судно, которое отвезло бы нас в Малакку.

Прошло двадцать дней, раненые выздоровели, и мы, так за это время и не помирившиеся после ссоры, сели на суда пирата, трое — на то, где находился он сам, а пятеро остальных — на другое, где капитаном был его племянник, и отправились в некий порт под названием Лайло на девять легуа дальше Шиншеу, а от нашего острова отстоявший на восемьдесят. Мы следовали избранным курсом при слабом попутном ветре вдоль берега Ламау в течение девяти суток. Как-то утром, когда мы находились к норд-весту от Соленой реки, впадающей в море в пяти легуа ниже Шабакке, на нас напал разбойник на семи высокобортных джонках и вступил с нами в бой, продолжавшийся с семи часов утра до десяти. Бой этот был весьма жестоким, и с той и с другой стороны метались и копыя и огонь; в конечном счете три судна было уничтожено пламенем, две джонки противника и наше судно, как раз то, где находились пять португальцев, которым мы так и не смогли ничем помочь, ибо к этому времени большая часть нашего экипажа была уже изранена. К вечеру задул свежий ветер с моря, и господу нашему было угодно дать нам возможность убежать,

вырвавшись из рук противника. В таком потрепанном виде мы продолжали наш путь еще трое суток, пока с берега на нас не налетел ураган, сбивший нас с курса, причем настолько сильный, что в ту же ночь мы потеряли из виду землю, и так как вернуться уже не было возможности, нам осталось только идти фордевинд к острову лекийцев, где пират этот был прекрасно известен и королю и жителям. С этим намерением мы стали пробиваться дальше между островами архипелага, но так как штурмана, убитого в недавнем бою, у нас уже не было, а норд-остовый ветер и течение были нам противны, мы с величайшим трудом пролавировали с одного румба на другой в течение двадцати трех суток, пока господу нашему не стало угодно, чтобы мы завидели берег. Мы приблизились к нему, чтобы выяснить, имеется ли там бухта или порт, где можно было бы безопасно стать на якорь, и вдруг увидели на зюйде почти на самом горизонте большой огонь. Мы вообразили, что здесь должны быть люди, которые за наши деньги снабдят нас пресной водой, в которой мы очень нуждались. Итак, мы отдали якорь у этого острова на глубине семидесяти брас, но в это время к нам с берега направились две небольшие алмадии, на которых было шесть человек, и, прибыв на судно и обменявшись приветствиями и любезностями, спросили нас, откуда идет наша джонка. Мы ответили, что из Китая и везем товары, чтобы заняться здесь торговлей, если нам дадут на это разрешение. На что один из прибывших сказал, что разрешение наутакин [12311](#), сюзерен этого острова Танишума, безусловно, нам даст, если мы заплатим ему пошлины, которые платятся в Японии, ибо Япония и есть та большая земля, которую мы перед собой видим. Он ответил на наши вопросы и указал, где находится порт, в котором нам надлежало стать на якорь. Мы с возможной поспешностью выбрали якорь и направились в бухту на южной стороне острова, где находился большой поселок под названием Миайжима, откуда к нам вышло множество парао, на которых мы закупили провизию.

Глава СXXXIII

Как мы высадились на острове Танишума и что произошло между его владельцем и нами

Не прошло и двух часов, как мы стали на якорь в бухте Миайжима и к нашей джонке подошел наутакин, князь острова Танишума, вместе с купцами и представителями знати, привезшими большое количество ящиков серебра, чтобы заняться торговлей. После того как обе стороны обменялись обычными любезностями и князь убедился, что ничто ему не угрожает, он подошел к нашей джонке. Тут, увидев нас, троих португальцев, он спросил, кто мы такие, ибо по чертам лица и нашим бородам сразу увидел, что мы не китайцы. Капитан пиратского судна ответил, что мы прибыли с земли, именуемой Малакка, куда мы еще много раньше пришли из другой, называемой Португалией, король которой, как он много раз от нас слышал, обитает на самом краю света. Наутакин был этим крайне удивлен и, обратившись к присутствующим, сказал:

— Пусть меня убьют, если это не шеншикожины [\[232\]](#), о которых написано в наших книгах и которые, скользя по поверхности вод, покорили все прибрежные народы краев, где создаются сокровища. Поэтому нам, видно, посчастливилось, если они прибыли на наш остров с дружественными намерениями.

И, обратившись к лекийской женщине, служившей толмачом между ним и капитаном джонки, он сказал ей:

— Спроси у некоды, где он нашел этих людей или с какой целью он привел их с собой к нам в Японию.

На что капитан ответил, что мы купцы и, безусловно, порядочные люди, что он нашел нас в тяжелом положении в Лампакау и приютил у себя из милосердия, как это у него в обычае делать со всеми, кого он находит в затрудненных обстоятельствах, чтобы господь избавил его от неистовства штормов, носящихся по морям и губящих мореходцев.

Наутакину эти объяснения пирата показались настолько убедительными, что он тут же перебрался в джонку и сказал любопытным, которых было очень много, чтобы они не все следовали за ним, а только те, которым он это позволит. Внимательно осмотрев от кормы до носа нашу джонку, он уселся в кресло у навеса и стал нас расспрашивать о разных частностях, которые хотел узнать и на которые мы отвечали так, чтобы,

насколько можно, ответы наши пришлись ему по вкусу и он остался доволен. На разговоры эти он потратил довольно много времени и проявил себя человеком любознательным и питающим пристрастие к новизне. Распрощался он с нами и с китайским капитаном, ибо на других он не обратил никакого внимания, со словами:

— Приходите завтра ко мне, а вместо подарка принесите побольше сведений о том великом мире, по которому вы странствовали, и о землях, которые видели, и как они называются, ибо истинно говорю вам, этот товар мне больше по вкусу, чем все прочие, — и с этим отправился на берег.

На другой день, едва наступило утро, он прислал к нашей джонке большое парао со всякой провизией: виноградом, грушами, дынями и всевозможными овощами, которые родит эта земля. Увидев все это, мы возблагодарили господа нашего. Некогда послал наутакину в ответ несколько кусков дорогой материи и китайских безделушек и велел сказать, что как только джонка станет на якорь в защищенном месте, он немедленно явится к нему и принесет с собой образчики товаров, которые привез продавать. И действительно, едва наступило следующее утро, он сошел на берег вместе с нами троими и еще десятью наиболее степенными и внушающими доверие китайцами, которые были ему необходимы, чтобы придать известную пышность первому своему посещению, ибо китайцы в этом отношении тщеславны.

Наутакин принял нас в своем дворце радушно. Некогда принес ему хороший подарок и показал образчики своих товаров, они установили цену и договорились, что на следующий день товары будут перенесены в дом, который наутакин велел предоставить некоде и его людям на время до их отбытия в Китай. Покончив с этим, наутакин опять заговорил с нами и стал обстоятельно расспрашивать нас о многих вещах. Поняв, чем ему можно угодить, мы сообразно с этим и строили свои ответы, не слишком точно придерживаясь истины. Впрочем, это относилось лишь к известным вопросам, отвечая на которые нам пришлось прибегнуть к некоторому вымыслу, чтобы не уронить в его глазах достоинство нашей родины.

Первый вопрос был таков: правда ли, что Португалия, как говорили ему китайцы и лекийцы, и величиной своей, и богатствами превосходит Китайскую империю? Это мы подтвердили. Второй — правда ли то, в чем его уверяли, а именно, что король наш силой оружия покорил большую часть света? На это мы тоже ответили, что это соответствует действительности. А третий — правда ли, что король наш владеет большим количеством золота и серебра и у него якобы две тысячи кладовых наполнены ими до потолка? На последний мы ответили, что точно сказать

не можем, две ли их тысячи, ибо земля и королевство столь велики и в нем такое количество сокровищ и народов, что трудно ответить что-либо определенное. Этими и подобными вопросами он задержал нас на два часа с лишним и в заключение сказал своим:

— Без сомнения, не может почитать себя счастливым ни один царь, имеющийся сейчас на земле, если он уже не является или не собирается стать вассалом столь великого монарха, каков император этих людей.

И, отправив на джонку некую с его людьми, он попросил нас провести этот вечер с ним, ибо никак не мог насытиться рассказами о многих вещах этого мира, узнать о которых ему не терпелось, и добавил, что наутро прикажет отвести нам помещение поблизости с собой, ибо здесь лучшее место в городе. Мы охотно согласились, а он отправил нас к одному купцу, который оказал нам самое широкое гостеприимство, приютив нас как на эту ночь, так еще на двенадцать суток, что мы провели в городе.

Глава СXXXIV

О чести, оказанной наутакином нашему хорошему стрелку из мушкета, и о том, к каким последствиям это привело

На следующий день китайский некода выгрузил на берег все свои товары, как приказал ему наутакин, и сложил их в помещения, которые для этого ему отвели. Весь товар был распродан за три дня, как потому, что его было немного, так и потому, что люди здесь в нем очень нуждались. На нем пират нажился столько, что возместил потерю двадцати шести судов, которые забрали у него китайцы; товары у него брали немедленно и за любую цену, какую бы он ни назначил. Нам он признался, что, имея товаров всего на две тысячи пятьсот таэлей, выручил за них больше тридцати тысяч. Мы, трое португальцев, поскольку торговать нам было нечем, проводили время, ловя рыбу, охотясь и осматривая пагоды, которые отличались большой величественностью и богатством; бонзы их (так они называют своих священников) принимали нас хорошо, потому что все японцы по природе своей доброжелательны и общительны. От безделья один из наших, по имени Диого Зеймото, развлекался стрельбой из сохранившегося у него мушкета, так как питал к ней большую склонность и изрядно натерел в этом деле. Как-то раз он отправился охотиться на болото, где в изобилии водилась всевозможная дичь, и настрелял там двадцать шесть уток. Японцы, увидев новый и доселе неведомый им вид стрельбы [{233}](#), немедленно донесли наутакину, который в это время смотрел, как гоняют приведенных из-за моря коней. Последний, весьма изумленный сообщением, тут же отправил человека на болото за португальцем, и когда тот появился с ружьем на плече и с сопровождавшими его двумя китайцами, которые несли настрелянных уток, пришел в величайшее восхищение, ибо ко всему необычному у него был чрезвычайный вкус. Дело в том, что в этих краях еще никогда не видели огнестрельного оружия и не могли понять, что оно собою представляет, равно как и не знали секрета пороха, а потому все в один голос решили, что это колдовство. Зеймото, видя всеобщее изумление и восторг наутакина, сделал в его присутствии три выстрела, убив одного коршуна и двух горлиц. Не буду тратить лишних слов на то, чтобы заверять читателя в правдивости того, что я повествую, и расписывать во всех подробностях невероятные последствия, к которым привела охота

Зеймото. Скажу только, что наутакин тут же посадил последнего на круп своего коня и в сопровождении огромной толпы и четырех стражей, вооруженных дубинками с железными набалдашниками, отправился во дворец, причем велел стражам возглашать: «Наутакин, князь всего острова Танишума и хозяин наших голов, приказывает и желает, чтобы все до единого, населяющие эту расположенную между двумя морями землю, чтили и почитали шеншикожина с края света; ибо отныне он объявляет его своим родичем и равным фашаранам, восседающим с ним рядом, а кто не захочет подчиниться этому приказу его по доброй воле, потеряет голову». На что весь народ громко и нестройно ответил: «Да будет так вовеки». Когда Зеймото, торжественно сопровождаемый, доехал до первого двора княжеских хоромов, наутакин соскочил с коня и, взяв его за руку и не отпуская от себя, повел во дворец, в то время как мы оставались позади. Во дворце он отвел его в собственные покои и усадил за свой стол; а в знак особого почета предложил ему переночевать в одном с ним покое. И впредь он оказывал ему больше внимания, чем кому бы то ни было; нам тоже благодаря ему перепали кое-какие милости.

Зеймото, видя, что ничем иным он не может доставить большее удовольствие наутакину и достойно отплатить за оказанные милости, преподнес ему свое оружие. Сделал он это, вернувшись как-то раз с охоты, на которой настрелял большое количество голубей и горлиц. Наутакин принял подарок как величайшую драгоценность, заверил Зеймото, что мушкет дороже ему всех сокровищ Китая, и в благодарность велел выдать ему тысячу таэлей серебром, настоятельно прося его показать, как делают порох, ибо без него мушкет окажется бесполезным куском железа. Зеймото обещал выполнить его просьбу и обещание свое сдержал. И так как отныне главной радостью и развлечением наутакина было стрелять из мушкета, приближенные его, видя, что ничто иное не может так его порадовать, как это развлечение, приказали по образцу подаренного мушкета изготовить другие, такие же, что и было вскорости выполнено. Увлечение этим оружием и любопытство к нему росло не по дням, а по часам, и когда мы через пять месяцев с половиной покинули этот остров, там уже было свыше шестисот мушкетов. А когда меня в последний раз послал туда вице-король дон Афонсо де Норонья с подарком королю Бунго ^{234}, что произошло в 1556 году, японцы уверяли меня, что в городе Фушеу ^{235}, столице этого государства, мушкетов уже имеется тридцать тысяч ^{236}. Я очень удивился тому, что их стали столь быстро производить, на что некоторые купцы, люди благородные и почтенные, сказали мне, что на

всем японском острове мушкетов уже более трехсот тысяч и что они сами купили их двадцать пять тысяч у лекийцев за шесть поездок, совершенных на их остров. Итак, благодаря одному-единственному мушкету, который Зеймото с самыми лучшими намерениями, из дружбы подарил наутакину, чтобы как-то отплатить ему хотя бы отчасти за оказанные ему почести и милости, как я уже раньше говорил, огнестрельное оружие настолько размножилось в этой стране, что нет деревни, ни местечка, какими бы незначительными они ни были, где бы не оказалось свыше сотни мушкетов, а уж в крупных и значительных городах иначе их не считают, как на многие тысячи. Из этого явствует, какого рода люди эти японцы и какую приверженность они имеют к военному делу, которое доставляет им больше удовольствия, чем всем прочим доселе известным народам.

Глава CXXXV

Как наутакин велел показать меня королю Бунго, что я увидел и что со мной приключилось, прежде чем я прибыл туда, где он находился

Мы уже двадцать три дня жили в свое удовольствие на острове Танишума, отдыхая и занимаясь рыбной ловлей и охотой, к которым японцы имеют большую склонность, когда в порт к нам зашел корабль из королевства Бунго, на котором прибыло большое количество купцов. Как только они сошли на берег, они явились с подарками к наутакину, как это у них принято. Вместе с ними прибыл с сопровождавшей его челядью и один пожилой человек, которому все оказывали большое почтение. Опустившись на колени перед наутакином, он передал ему письмо короля Бунго и богато отделанный золотом меч, а также коробку с веерами, которую наутакин принял с превеликими церемониями. Последний, подробно расспросив посла о разных делах, прочел письмо короля и, уразумев содержание его, некоторое время пребывал в задумчивости, после чего, отпустив посла и приказав принять его с должными почестями, велел нам явиться к нему и, подав знак толмачу, находившемуся немного поодаль, сказал нам:

— Очень прошу вас, друзья мои, выслушать это только что переданное мне письмо короля Бунго, повелителя моего и дяди, после чего я скажу вам то, чего я от вас желаю.

И, передав послание короля своему казначею, велел прочесть его вслух. Гласило оно следующее:

«Правый глаз лица моего, восседающий в одинаковом почете со мной, как и все любимые мною, Хиаскаран Гошо, наутакин острова Танишума, я, Орежендо, отец твой по истинной любви, как и тот, имя которого ты восприял, король Бунго и Факаты, повелитель великих домов Фиансимы, и Тозы, и Бандоу [{237}](#), верховный глава малых властителей островов Гото [{238}](#) и Шаманашке, извещаю тебя, сын мой, словами, изреченными устами моими, что в недавнем прошлом люди, прибывшие из твоей земли, сообщили мне, что в твоём городе пребывают три шеншикожина с конца света, люди, очень сходные с японцами, одевающиеся в шелка и препоясывающие мечи, но не как купцы, занимающиеся торговлей, а как люди, коим дорога честь и которые ею одной стремятся позлатить свои

имена. Люди эти сообщили тебе ценные сведения о том, что творится во внешнем мире и, в частности, поручились своей честью, что существует некая земля, значительно превосходящая размерами нашу, в которой обитают черные и коричневые люди, — известие, для нашего ума непостижимое.

А посему очень прошу тебя, как сына, равного единокровным сыновьям моим, быть настолько любезным и прислать мне с Финжиандоно, направленного мною навестить мою дочь, одного из этих трех, которые, как меня уверяют, проживают у тебя, тем более что, как тебе известно, этого требует и моя длительная болезнь, и недуги, терзающие меня, и тяжелая грусть моя, и великая скука. Если же в состоянии моем наступит какое-либо ухудшение, пусть не тревожится шеншикожин, — честью своей и моей заверь его, что он немедленно и беспрерывно отправлен будет назад. Подобно сыну, желающему угодить своему отцу, сделай так, чтобы я увеселился созерцанием этого чужеземца, и выполни мою просьбу. Остальное же, что я в настоящем письме оставил недосказанным, передаст тебе Финжиандоно, через которого прошу тебя поделиться добрыми вестями о себе и о дочери моей, ибо ты знаешь, что она бровь правого глаза моего, созерцание коей веселит мое лицо. Совершенно во дворце Фушеу, седьмого мамоко луны». Прочитав это письмо, наутакин обратился к нам:

— Король Бунго, мой повелитель и дядя мой, брат моей матери, но прежде всего он мой добрый отец. Называю его так, ибо он отец жены моей; по этой-то причине и любит он меня столь же крепко, как если бы я был одним из собственных сыновей; уверяю вас, мне так хочется выполнить его желание, вследствие великого чувства благодарности, которую я к нему испытываю, что охотно подарил бы значительную часть земель своих, только бы господь помог мне доставить ему удовольствие и дал мне возможность направить одного из вас к нему, ибо посещение ваше было бы для него драгоценнее всех сокровищ Китая. А теперь, когда вы услышали от меня изъявление моего желания, очень прошу вас согласовать и ваше с моим: пусть один из вас двоих выразит готовность поехать к королю Буунго, которого я почитаю отцом своим и повелителем, ибо того третьего, коего я поименовал родичем, я не могу отпустить от себя, пока он окончательно не научит меня стрелять из мушкета.

На это мы, Крестован Барральо и я, ответили, что мы целуем руки его величества в благодарность за намерение воспользоваться нами и просим, раз это его величеству угодно, указать, кого он избирает, ибо тогда тот немедленно начнет собираться в путь.

Князь на мгновение задумался, кого выбрать, а потом, указав на меня, произнес:

— Пусть поедет кто повеселее и не такой серьезный. Он более придется по вкусу японцам и отгонит от больного печаль. Рассудительная важность для недужного не годится: она нагнала бы на него грусть и тоску и заставила бы его лишь больше томиться.

Последняя мысль привела наутакина в веселое расположение духа, и он обменялся с окружающими несколькими шутками и остротами. Пока он вспоминал всякие поговорки и изречения, до которых японцы большие охотники, вернулся Финжиандоно, которому он меня немедленно порекомендовал, настойчиво прося его позаботиться о полнейшей моей безопасности, что меня чрезвычайно обрадовало и окончательно рассеяло опасения, которые у меня раньше были из-за недостаточного знакомства с этими людьми. Наутакин велел выдать мне двести таэлей на дорогу, после чего я собрался как можно быстрее, и мы отправились в путь, Финжиандоно и я, на гребной лодке, которую они называют фунсе.

Переход с острова Танишума на другой остров занял всего одну ночь, и утром мы оказались в бухте под названием Хиаманго, откуда отправились в красивый город Куангешума. Продолжая свой путь с сильным попутным муссоном, мы на другой день прибыли в славное местечко Тонора, откуда за дневной переход добрались до Минато, где переночевали, а затем прошли в Фиунга. Делая, таким образом, каждый день, остановки и пополняя на берегу свои запасы провианта, мы дошли до крепости короля Бунго под названием Оски, в десяти легуа от столицы. В этой крепости Финжиандоно задержался на два дня, ибо комендант ее, его свойственник, был очень болен. Там мы оставили лодку, на которой прибыли, и проследовали уже сухим путем в столицу, куда прибыли в полдень. Так как было не время являться во дворец, мы с Финжиандоно отправились к нему домой, где его жена и двое его сыновей приняли меня очень любезно. Пообедав и отдохнув с дороги, хозяин переоделся в придворную одежду и в обществе нескольких родичей поехал со мной верхами во дворец. Король, узнав о его приезде, велел одному из своих сыновей встретить нас на площадке перед дворцом. Юноше было девятнадцать — двадцать лет; сопровождали его знатные люди; одет он был богато, и перед ним шло несколько человек — стражи с булавами. Взяв Финжиандоно за руку, он обратился к нему с улыбкой, озарившей его красивое лицо:

— Твой приезд во дворец государя моего принесет тебе великую честь и радость. Отныне дети твои за то лишь, что они твои дети, будут в

большие праздники есть за моим столом.

На это Финжиандоно, простершись ниц, ответил:

— Небожители, от которых ты перенял, государь мой, свою доброту, да ответят за меня или да наделят уста мои подобным солнечному лучу языком, способным ликующей музыкой возблагодарить тебя за честь, которую ты мне по великодушию своему, оказываешь. Ибо не обладай я таким языком, всякая речь моя звучала бы неблагодарностью, караемой в самой глубине бездонного мрака Обители Дыма.

С этими словами он попытался было приложиться к мечу, который был у юноши за поясом, но юноша помешал ему, взял его за руку и в сопровождении свиты провел в покои, в которых находился государь. Последний, хотя и лежал на кровати больной, принял его с новыми церемониями, описывать которые я воздержусь, чтобы история моя не потерялась в многословии. Прочитав письмо наутакина, он сначала осведомился о своей дочери, а потом попросил позвать меня, так как я держался на некотором расстоянии от посла. Последний это немедленно выполнил и представил меня королю. Тот принял меня очень ласково и сказал:

— Прибытие твое в эту землю, коей я повелеваю, столь же радостно мне, сколь дождь небесный для наших рисовых полей.

Я, несколько смущенный неожиданностью такого приветствия и словами, которыми оно было выражено, не нашелся сначала, как ответить. Король меж тем, окинув взглядом вельмож, сказал:

— Вижу смущение этого чужеземца, вызванное, по-видимому, стольким скоплением людей, от которого он отвык, и посему лучше будет отложить нашу встречу до следующего дня, когда он освоится и не станет чувствовать себя непривычным в обстановке, в которой он оказался.

На это я ответил с помощью толмача, который был у нас превосходный:

— Что до смущения, о котором упомянул его величество, то, признаюсь, я его испытываю, но вызвано оно не присутствием большого количества людей, окружающих меня, ибо мне случалось видеть их и много больше, — нет, одного сознания, что я нахожусь у ног его величества, было достаточно, чтобы онеметь на тысячу веков, если бы только человеку было отпущено столько лет жизни. Ведь те, кто окружает меня — такие же смертные, как и я, между тем как его величество всевышний наделил такими преимуществами перед всеми, что сразу же возжелал сделать его повелителем, а всех прочих его рабами, я же по сравнению с его величием столь ничтожный муравей, что по

незначительности своей не достоин быть замеченным им, ни отвечать ему на вопросы.

Этот ответ был груб и неискусен, но тем не менее понравился присутствующим, которые выразили свое удивление рукоплесканиями и, обратившись к государю, сказали:

— Ваше величество видит, как впопад он отвечает? Нет, этот человек не может быть купцом, поглощенным низменными заботами о купле и продаже, это либо проповедник — бонза, совершающий богослужение на благо народа, либо человек, обученный ремеслу морского корсара.

Король на это ответил:

— Вы совершенно правы, мне так тоже кажется. Но раз уж он ослабил путы робости, продолжим вопросы, но пусть никто не размыкает уст, задавать вопросы буду я один. Мне так хочется говорить с ним, что боль прошла, и я чувствую, что скоро готов буду чего-нибудь поесть.

Услышав это, королева и принцесса, окружавшие его, от великой радости опустились на колени и, воздев руки к небу, возблагодарили господ за ту милость, которую он им оказал.

Глава СXXXVI

О несчастии, случившемся в этом городе с одним из сыновей короля, и об опасности которой я в связи с этим подвергся

Король заставил меня сейчас же подойти к ложу, на котором он лежал больной и терзаемый подагрой, и произнес:

— Прошу тебя, не сердись, что тебе приходится быть подле меня, ибо мне очень радостно тебя видеть и разговаривать с тобой. Мне хочется знать, не известно ли тебе какое-либо средство, которое у вас на краю света применялось бы для лечения болезни, превратившей меня в калеку, а также средства, возвращающего вкус к еде, ибо вот уже два месяца, как я ничего не ем.

На это я ответил, что я не медик и лекарской науке обучен не был, но что в той джонке, на которой я прибыл из Китая, было дерево, настойка из которого вылечивала многие более тяжкие болезни, чем та, на которую он жалуется, и что, если он станет ее пить, он, без сомнения, скоро поправится. Услышать это было ему очень приятно. И, пожелав излечиться этим средством, он послал за ним в Танишума, где стояла джонка, и действительно вылечился через месяц от своего недуга, которым страдал уже двенадцать лет, будучи прикованным к постели и не в состоянии передвигаться и шевелить руками.

Все двадцать дней я провел в городе Фушеу в свое удовольствие, то отвечая на вопросы, которые задавали мне король, королева, принц или вельможи, не представлявшие себе, что существует что-либо на свете, кроме Японии (я не буду задерживаться на том, что они спрашивали и что я отвечал, ибо, поскольку все это были вопросы несущественные, пересказывая их, я лишь исписал бы бумагу сведениями, способными нагнать скуку, а не доставить удовольствие), то смотря, как они справляют свои праздники, молятся в храмах, упражняются в военном искусстве, управляют на своих судах занимаются рыбной ловлей и охотой, к которой у них большая склонность. Особенно любят они соколиную охоту, а также ястребиную — на наш лад. Порой я развлекался стрельбой из своего мушкета [{239}](#) и настреливал множество горлиц, голубей и коростелей, которых здесь превеликое множество. Для здешних жителей, коим огнестрельное оружие было внове, так же как и жителям Танишума, знакомство с ним стало событием, о котором трудно дать даже слабое

представление. Второй сын короля, юноша шестнадцати или семнадцати лет по имени Аришандоно, которого король очень любил, несколько раз просил меня научить его стрелять, от чего я всякий раз отказывался, ссылаясь на то, что для этого требуется много времени, но принц, не желая меня слушать, пожаловался отцу, и тот, чтобы успокоить его, попросил меня дать ему раз или два выстрелить, если ему так уж хочется. Я ответил, что готов дать ему выстрелить два, четыре, сто и вообще столько раз, сколько будет угодно его величеству. В этот день принц обедал со своим отцом, и охота была отложена на время после сиесты, но и после сиесты поохотиться не удалось, так как вечером принц должен был идти с матерью своей, королевой, в пагоду, где была торжественная служба по случаю выздоровления короля, на которую должно было сойтись множество паломников. На следующий день, в субботу, канун праздника Снежной божьей матери, он пришел ко мне во время сиесты в обществе двух дворянских детей и застал меня спящим на циновке. Увидя, что мушкет мой висит на стене, и не желая меня будить, он взял его с намерением раза два выстрелить самостоятельно, полагая, как он потом объяснил, что выстрелы эти не войдут в счет тех, которые ему были обещаны. Приказав одному из юношей украдкой раздобыть огня для фитиля, он принялся тут же заряжать ружье, стараясь делать все так, как и я, но, не зная потребного количества пороха, насыпал его в дуло на две добрые пяди, забил пулю, приложил мушкет к щеке и прицелился в висевший на дереве апельсин. Но принцу не посчастливилось: едва приложили фитиль, раздался взрыв, мушкет разлетелся на три части, а у принца чуть не оторвало большой палец правой руки, отчего юноша замертво рухнул на пол. Видя это, двое его товарищей бросились с воплями во дворец:

— Сын короля убит! Его убил мушкет чужестранца!

От этих возгласов в городе поднялся всеобщий переполох: народ схватился за оружие и с громкими криками устремился к моему дому, а сам я меж тем был ни жив ни мертв. Разбуженный взрывом, я вскочил на ноги и увидел рядом юношу, лежащего в луже крови. Не помня себя, я бросился к нему и заключил его в свои объятия. Я настолько потерял рассудок, что не знал, что и делать. Тем временем появился убитый горем король; его несли на кресле четверо слуг; он был так бледен, что лица на нем не было. За ним последовала королева, которую поддерживали под руки две женщины, далее две принцессы с распущенными волосами, а вместе с ними знать и толпа женщин. Все были потрясены. Когда они вошли в дом и увидели, что принц лежит без движения на полу, а я

обнимаю его и мы оба в крови, все решили, что я его убил, и, выхватив мечи, хотели тут же меня зарубить.

— Остановитесь! — повелительным голосом закричал король. — Допросим его сначала, ибо подозреваю, что дело тут не так-то просто. Весьма возможно, этого человека подкупили родственники предателей, которых я велел недавно казнить.

Призвав меж тем двух дворянских детей, которые были с его сыном, король стал допрашивать их с великим пристрастием — оба они ответили, что сына его убил мой мушкет волшебной силой, заключенной в его дуле. На что все присутствующие громко воскликнули:

— Чего еще слушать, государь? Предадим его мучительной смерти!

После чего спешно послали за Журубакой, толмачом, с помощью которого я объяснялся с ними, ибо последний, увидев, что произошло, так перепугался, что убежал, но его отыскали и привели к королю. В присутствии последнего и всех чинов суда ему стали угрожать страшными муками, если он не откроет правды. На это, дрожа всем телом и заливаясь слезами, толмач сказал, что ничего не утаит. Немедленно вызнали трех писцов и пять палачей с обнаженными мечами в обеих руках. На меня меж тем надели наручники и поставили перед ними на колени, а бонза Аскеран Тейше, председатель суда, с засученными рукавами и держа в руке кривой меч, обогранный кровью принца, произнес:

— Заклинаю тебя как отродье дьявола, коим ты и являешься, избличенное в том же тяжком преступлении, что и те, кто в средоточии земли погружены в бездонную пропасть Обители Дыма, произнести здесь во всеуслышанье, почему ты пожелал, чтобы мушкет твой умертвил сего невинного юношу, которого все мы почитаем как власы и украшение глав наших.

На это я сразу не смог ничего ответить, ибо был настолько вне себя, что, если бы даже мне нанесли смертельный удар, думаю, я ничего бы не почувствовал. Бонза со свирепым и гневным лицом продолжал:

— Если ты не будешь отвечать на мои вопросы, считай себя осужденным на кровь, огонь, воду и ветер, ибо по ветру будешь ты развеян, подобно перьям убитой птицы, разносимым во многие стороны.

С этими словами он сильно пнул меня ногой, чтобы я пришел в себя, и заключил:

— Говори, признавайся, кто тебя подкупил, когда тебе дали деньги, кто они и где сейчас находятся.

На что, придя наконец в себя, я воскликнул, что богу ведома моя невинность и его я призываю в свидетели.

Бонза же, считая недостаточными угрозы, продолжал пугать меня всяческими ужасами, на что ушло еще три часа, но тут угодно было господу нашему привести юношу в себя, и тот, увидев перед собой заливающихся слезами родителей, сказал им, чтобы они не плакали и не пытались найти виновника его смерти, ибо он один в ней повинен, а я тут ни при чем, посему он снова закликает их той кровью, которой он обливается, немедленно расковать меня, иначе он умрет. Король приказал снять наручники, которые надели на меня палачи.

Тем временем прибыло четверо бонз и, видя тяжелое состояние принца и то, что большой палец висит у него на липочке, так переполошились, что словами не выразишь. Слыша переполох, принц воскликнул:

— Уберите прочь этих чертей и пришлите мне других врачей, которые бы не несли такой вздор, ибо привести меня в это состояние угодно было одному богу.

После того как эти четверо удалились, пришли другие, также не решившиеся лечить раны принца, что они и сказали отцу. Последний, в великом горе и отчаянии, решил посоветоваться с окружающими, которые сказали, что надлежит вызвать некоего бонзу по имени Тейшеандоно, пользующегося среди них большой славой; беда была в том, что он находился в это время в городе Факата, в семидесяти легуа от столицы. Принц, услышав такое, возмутился:

— Не знаю, право, как и назвать совет, который вы даете моему отцу, видя меня в таком положении, ибо вместо того, чтобы перевязать мне раны и остановить кровь, вы советуете дожидаться какого-то дряхлого старика, которого отделили от нас сто сорок легуа пути, семьдесят, которые надлежит проехать, чтобы добрести до него, и семьдесят — чтобы доставить его сюда, так что до его прибытия пройдет добрый месяц. Освободите этого чужеземца и дайте ему прийти в себя от страха, который вы нагнали на него. Пусть все поскорее уберутся из этого дома, тогда он сможет приняться как умеет за мое лечение, ибо, право, лучше быть уморенным человеком, пролившим из-за меня столько слез, чем этим несчастным бонзой из Факата, которому уже девяносто два года и который и видеть-то как следует не видит.

Глава СXXXVII

О том, что еще произошло с принцем и как я отправился в Танишума, а оттуда в Лиампо, а также о том, что приключилось со мной после прибытия туда

Убитый горем король, едва понимавший, что он делает, обратился теперь ко мне и сказал очень ласково:

— Прошу тебя, посмотри, не можешь ли ты помочь тому опасному положению, в коем оказался мой сын; ибо говорю тебе, что, если ты спасешь его, я буду почитать тебя за сына и дам тебе все, что ты попросишь.

Я ответил ему, что прошу его величество удалить всех этих людей, ибо крики их вселяют в меня ужас и не дают сосредоточиться. После этого я осмотрю раны принца, и если окажется, что я в состоянии ему помочь, я с великой охотой возьмусь за лечение. Король выполнил мою просьбу, после чего, подсев к юноше, я осмотрел его раны и увидел, что их всего две: одна на лбу, хоть и большая, но не опасная, а другая на правой руке, где большой палец был почти оторван. Тут господь бог вселил в меня новые силы, и я сказал королю, чтобы он не сокрушался и что, с божьей помощью, я вылечу его сына меньше чем за месяц. Я уже собрался было перевязать ему раны, но бонзы стали жестоко упрекать короля, что он согласился на это, говоря, что теперь сын его умрет уже наверняка, и не позже, как в эту же ночь. Самое лучшее, по их мнению, было отрубить мне голову и не давать мне возможности dokonать его сына, ибо, если сын его умрет, а иначе и быть не может при таком лекаре, смерть его бросит тень на всю королевскую династию и сам король низко падет в глазах народа. Король ответил им, что прекрасно понимает резонность их речей, а посему умоляет их посоветовать, что же ему предпринять. Они ответили, что надо ждать бонзу Тейшеандоно и никого другого не слушаться, ибо он святой человек и одним наложением руки сможет исцелить его сына, как он не раз исцелял других, чему они были очевидцами. Король уже готов был последовать роковому совету этих слуг сатаны, но принц стал жаловаться на сильную боль от ран и потребовал, чтобы каким угодно образом пришли ему на помощь, так как больше терпеть он не может. Король снова стал советоваться с окружающими, как ему лучше поступить, Ибо, с одной стороны, бонзы предостерегают его, а с другой — сын его находится в

великой опасности и испытывает сильнейшие муки. На это все сказали, что лучше приняться за лечение сейчас, чем дожидаться приезда бонзы. Король согласился с этим советом, как с наиболее разумным и правильным. Он снова обратился ко мне, приласкал меня и обещал сделать из меня очень богатого человека, если только я верну здоровье его сыну. Со слезами на глазах я ответил, что приложу все старания, в чем его величество сможет сам удостовериться.

Тут, собравшись с духом и вручив судьбу свою господу, так как другого выхода у меня не оставалось и, если бы я за это дело не взялся, мне непременно отрубили бы голову, я приготовил все то, что нужно было для врачевания. В первую очередь я приступил к ране на руке, поскольку она казалась наиболее опасной, и наложил на нее семь швов; конечно, если бы принц попал в руки настоящего хирурга, последний удовлетворился бы меньшим числом; что же касается лба, так как рана там была менее значительна, я ограничился пятью и наложил сверху пакли с яйцом, ибо такие перевязки мне не раз приходилось видеть в Индии. Через пять дней я снял швы, но продолжал ухаживать за раненым, и угодно было господу нашему, чтобы через двадцать дней он выздоровел и никаких последствий от ран у него не осталось, кроме некоторой неподвижности в суставе большого пальца. После этого и король, и все вельможи обходились со мной с отменной любезностью и уважением; не менее приветлива была королева и дочери ее. Они преподнесли мне шелковые одежды, а мужчины дарили мне мечи и веера; король же велел выдать мне шестьсот таэлей, так что одно лечение принца принесло мне более полутора тысяч крузадо.

В это время я получил письма от двух португальцев, оставшихся в Танишума; они писали, что китайский пират, с которым мы прибыли в Японию, собирается вернуться в Китай; я известил об этом короля и попросил разрешения отбыть, каковое было мне дано без малейших колебаний и со всяческими благодарностями за излечение сына. Король немедленно велел снарядить мне гребную фунсе, снабдив ее всем необходимым, и дал мне двадцать слуг в качество гребцов, а капитаном ее назначил одного дворянина. Из Фушеу я отбыл в субботу утром, и в следующую пятницу после захода солнца мы прибыли в Танишума, где я встретил своих спутников, оказавших мне радостный прием. Здесь мы задержались еще на пятнадцать дней, пока шли последние приготовления к отплытию, а затем отправились в Лиампо, порт на Китайском море, уже ранее упоминавшийся мной, где португальцы в те времена занимались торговлей. Господу нашему было угодно, чтобы, следуя своим путем, мы благополучно добрались до места назначения, где были прекрасно приняты

местными португальцами. Им показалось весьма необычным, что мы доверились вероломным китайцам, и они принялись расспрашивать, из каких мест мы идем и как нам пришло в голову сесть на китайское судно. Мы объяснили, как обстояло дело, и пересказали все наше путешествие, упомянув и о новой открытой нами земле — Японии ^{240}, о великих количествах серебра, имеющегося там, а также об огромных прибылях, которые можно было бы получить, если продавать там китайские товары. Все так обрадовались этим известиям и, не зная, как выразить свой восторг, поспешили вознести благодарность всевышнему за такую милость и процессией прошли из собора Святого Зачатия до окраины поселка, где была расположена церковь св. Якова. Там была отслужена месса, которую завершила проповедь. Но едва покончили с этим святым и благочестивым делом, как сердцами большей части жителей поселка овладело любопытство. Все настолько возжелали попасть в Японию первыми, что разбились на группы и с оружием в руках бросились спорить из-за товаров, вырывая их друг у друга. Китайцы, видя такую непривычную и непомерную алчность, стали взвинчивать цены, отчего пико шелка, стоившее раньше тридцать таэлей, поднялось за какие-нибудь восемь дней до ста шестидесяти, да и по этой цене за товар дрались, будь он даже самого дурного качества. Скупив весь шелк, купцы, обуреваемые жадной наживой, за пятнадцать дней снарядили в путь девять джонок, стоявших тогда в порту, однако подготовились к плаванью так дурно, что на многих не было даже штурманов, место их занимали судовладельцы, ничего не понимавшие в этом деле. Джонки отплыли в одно прекрасное воскресенье все вместе, не задумываясь о направлении ветра и приливах и не считаясь ни с муссоном, ни со здравым смыслом, — они совершенно позабыли об опасностях, которые таит в себе море. Они были так упрямы и ослеплены, что не думали ни о каких препятствиях, — на одной из этих джонок отправился и я.

Таким вот образом мы вслепую проплавали между островами и материком весь этот день, пока в полночь не разразился сильнейший ливень, совершенно уничтоживший видимость. А налетевший шквал погнал нас на отмели у Готома, лежащего на тридцать восьмом градусе. Из девяти джонок чудом уцелели только две, а семь пошли на дно, причем ни с одной не спасся ни один человек; потери при этом были оценены в триста тысяч крузадо, не говоря уже о шестистах утонувших, в число которых входило сто сорок богатых и уважаемых португальцев. Две джонки, спасшиеся от гибели, продолжали идти своим курсом и обе вместе дошли до острова лекийцев. Наступило новолуние, и на нас налетел столь

сильный норд-ост, что мы потеряли друг друга из виду. Под вечер ветер перескочил на вест-норд-вест, отчего волны взбились чрезвычайно высоко и покрылись пеной, так что ужас брал на них смотреть. Наш капитан Гаспар де Мело, человек благородного происхождения и весьма мужественный, видя, что у джонки разошлась корма и вода поднялась на девять пядей выше нижней палубы, согласился по совету старших корабельников срубить обе мачты, ибо они вызывали расхождение обшивки. И хотя рубили мы мачты с возможной осторожностью и осмотрительностью, тем не менее грот-мачта обрушилась на четырнадцать человек, среди которых было пятеро португальцев, им переломало все кости, — зрелище, столь потрясшее нас, что мы некоторое время были вне себя от ужаса. Тем временем шторм все усиливался; наше жалкое суденышко проносило на волнах почти до заката солнца, когда корпус джонки начал окончательно расходиться. Тогда капитан и весь прочий экипаж, видя печальное положение, к которому привели нас наши грехи, бросились на колени перед изваянием божьей матери и со слезами и криками стали вымаливать у нее, чтобы она добилась у своего святого сына прощения наших грехов, ибо о спасении жизни не могло быть и речи. Таким вот образом в полузатопленной джонке мы провели большую часть ночи вплоть до конца второй ночной вахты, когда мы налетели на риф, от первых же ударов о который джонка наша разлетелась на куски. Погибло при этом шестьдесят два человека — одни утонули, а другие были расплющены килем. Всякий разумный читатель поймет, как горько нам было и как жалко погибших товарищей.

Глава СXXXVIII

О том, что произошло на берегу со спасшимися после кораблекрушения

Те из нас, кто спасся после этого печального кораблекрушения, — а нас было двадцать четыре человека, не считая женщин, — как только стало светло, поняли, что мы находимся на большом Лекио [{241}](#), так как видели вдали Огненный остров и хребет Тайдакан. Собравшись все вместе, мы, израненные устричными раковинами и острыми камнями рифа, препоручили себя со многими слезами господу нашему и пошли по грудь в воде; кое-где нам приходилось пускаться вплавь; так вот мы прошли пять суток, непрерывно мучаясь, что легко себе представить, причем единственной нашей пищей были водоросли. Наконец угодно было господу, чтобы мы добрались до земли и там еще трое суток странствовали по лесу, питаясь травами, которые у нас называются кислицей, пока не были замечены каким-то пасшим стадо мальчиком. Увидев нас, он бросился бегом к себе в деревню, стоявшую на горе в четверти легуа от того места, где мы находились, чтобы дать знать о нашем появлении жителям. Последние, трубя в раковины и колотя в барабаны, созвали всю округу, так что за три или четыре часа собралось более двухсот человек, среди них четырнадцать всадников. Едва завидев нас, они разделились на две группы и направились к нам с намерением окружить. Капитан наш, видя печальное и жалкое положение, в которое мы попали, опустил на колени и стал многими прочувственными словами внушать нам мужество, напоминая, что ничто на свете не совершается без божественной воли, а посему, как христиане, мы должны понять, что господу нашему угодно, чтобы ныне наступил наш последний час. А раз это так, мы должны подчиниться его воле, безропотно принять из его десницы печальный конец и лишь просить от всего сердца и с великой настоятельностью прощения за все совершенные нами грехи. Сам он верит в божественное милосердие и убежден, что, если мы со стенаниями, как предписывают нам святые заповеди, взовем к господу, он в этот час не станет вспоминать наших прегрешений. С этими словами он воздел руки к небу и трижды повторил, заливаясь слезами: «Господи боже, смилуйся над нами!» В ответ из всех наших уст вырвался такой вопль благочестивого христианского сокрушения, что истинно могу сказать: в это мгновение мы менее всего

думали о том, чего, естественно, должны были более всего бояться. И вот, когда мы находились в этом исступлении, к нам приблизилось шестеро всадников и, видя нас нагими, безоружными и коленопреклоненными, а рядом трупы двух женщин, прониклись к нам таким состраданием, что четверо из них тут же повернули и поскакали назад, чтобы унять народ и запретить нас трогать. Вскоре они вернулись и привели с собой шесть человек, по-видимому, судейских, или, по крайней мере, исполнителей того приговора, который, как нам казалось, вынес нам всевышний. По приказанию всадников они связали нас по трое и с видимым сочувствием сказали, что бояться нам нечего, так как король лекийцев — человек богобоязненный, питающий по природе своей любовь к неимущим, которых всегда наделял щедрой милостыней, а посему, утверждали они и клялись своей верой, зла нам никакого не причинит. Утешения эти, возможно и искренние, не успокоили нас, ибо к этому времени мы почти отчаялись, и если бы такие добрые слова сказали нам даже люди, к которым мы питали полное доверие, мы бы не поверили им, а уж что говорить о жестоких и тиранических язычниках, не исповедующих нашу религию и не знающих истинного бога.

Как только нас связали, пешие обступили нас, а всадники поскакали вперед, а потом то и дело объезжали кругом наше шествие, как бы охраняя нас. Когда мы двинулись в путь, выяснилось, что три женщины, которые остались еще в живых или, точнее, были полумертвыми, не в состоянии передвигаться: от слабости и страха они то и дело лишались чувств, так что пришлось нести их на руках. И прежде чем мы дошли до деревни, две из них испустили дух, и их так и бросили нагими в лесу на растерзание хищным зверям, которых мы тут видели огромное количество.

Почти на закате солнца прибыли мы в деревню Сипаутор, где было, по-видимому, человек пятьсот с лишним жителей и где нас немедленно заперли в пагоду, обнесенную очень высокой стеной, под охраной более ста человек, которые с криками и под грохот барабанов караулили нас всю ночь, в течение которой каждый из нас вкусил тот отдых, который ему удалось найти в том положении и условиях, в которых мы оказались.

Глава СXXXIX

Как нас отвезли в город Понгор и представили брокену правосудия [{242}](#), правителю королевства

На следующий день нас пришли навестить жены видных жителей местечка и принесли нам много рису, вареной рыбы и немного местных плодов, словами и слезами выражая нам свое сочувствие. Увидев, что мы остались без всякой одежды, ибо мы были в том, в чем нас мать родила, эти женщины выбрали шесть из своего числа, и те пошли по деревне, громко восклицая:

— О люди, исповедующие веру во всевышнего, высшей целью которого является наделять земными благами людей (даже расточать их, если так можно сказать), выходите из домов ваших, дабы узреть человеческую плоть, пораженную гневом всемогущего, и придите ей на помощь пожертвованиями вашими, чтобы милость его величия не покинула бы и вас.

Услышав возгласы этих женщин, народ пришел к нам на помощь, и меньше чем за полчаса нас уже с избытком снабдили всем тем, в чем мы нуждались. Когда пробило три часа пополудни, в деревню прискакал гонец с письмом к шивалену, или военному начальнику этого селения. Последний, едва успев дочитать его, велел бить в два барабана, после чего весь народ собрался в большой пагоде, где начальник произнес речь, сообщив приказ брокена, правителя королевства, перевести нас в город Понгор, находившийся отсюда в семи легуа, против чего большинство восстало, шесть или семь раз отказываясь выполнить это приказание. По этому поводу поднялся большой шум, и ни к какому решению за этот день никто не пришел, отослали лишь гонца к брокену с сообщением о том, что произошло. Здесь мы переночевали еще одну ночь. Наутро, в восемь часов, в Сипаутор явилось двое перетанда (нечто вроде наших судей) с большим количеством жителей Понгора и двадцатью всадниками. У местных писцов они составили длинную грамоту вроде расписки и забрали нас. Когда уже почти стемнело, мы остановились в селении под названием Гундемилау, где нас бросили в подземную тюрьму, напоминавшую колодец, наполненную стоячей водой, в которой мы провели ночь в жестоких мучениях из-за бесчисленного количества пиявок, вытянувших из нас немалое количество крови. На следующий день нас повезли в Понгор, куда

мы прибыли в четыре часа пополудни. Так как было уже поздно, брокен допроса нам не учинил; допросил он нас лишь на третий день. Нас доставили к нему в оковах, проводя по четырем главным улицам города сопровождаемых огромной толпой, взиравшей на нас, если судить по выражению лиц, особенно женщин, с сочувствием и состраданием к нашей бедности и несчастному положению. Таким образом дошли мы до здания суда и прождали долгое время в помещении охраны, ибо мы пришли слишком рано. Когда час разбора дел наступил, раздались три удара в колокол, и перед нами открылась дверь, через которую мы прошли в большой зал, где на убранном шелком возвышении под балдахинном восседал брокен. Вокруг него сидели, поджав под себя ноги, шесть булавоносцев, а внизу, вдоль стен, стояли люди, вооруженные отделанными золотом и серебром алебардами. Помещение было заполнено людьми из самых различных стран; мы доселе в этих краях таковых не видели. Когда толпа уgomонилась, мы простерлись ниц перед возвышением, где находился брокен, и со слезами на глазах обратились к нему со следующими словами:

— Умоляем тебя, господин наш, во имя того, кто сотворил небо и землю и под чьей властью мы все находимся, проявить сострадание к нашей горестной участи. Если волны морские повергли нас в такую бездну отчаяния, прояви хоть ты милосердие и заступись за нас перед своим королем, да сжалится он над нами. Мы несчастные чужеземцы, лишившиеся всякой помощи и поддержки, ибо так порешил господь наказать нас за наши прегрешения.

На что брокен, окинув взглядом окружающих и покачав головой, произнес:

— Что можете вы сказать об этих людях? Они говорят о боге так, словно они постигли его истину; видно, мир огромен, и мы о нем еще очень мало знаем. Возможно, им известен источник всех благ, и, может быть, есть основание поступить с ними так, как они просят, заливаясь слезами.

И, обратившись к нам, которые все еще лежали на полу с воздетыми руками, словно поклонялись божеству, продолжал:

— Мне очень жалко вас, и я так скорблю, видя ваши страдания и бедность, что истинно говорю вам, если бы на это было согласие короля, я охотнее занял бы место любого из вас, сколь бы несчастен он ни был, чем исправлять ту должность, на которую я назначен за грехи свои. Ибо, боюсь, мне придется оскорбить вас, чего я не хотел бы делать, но раз мне приходится выполнять свой долг и я обязан вершить суд, прошу вас не

удивляться, что я задам вам некоторые вопросы, необходимые для ведения вашего дела, а что касается вашего освобождения, если только господь дарует мне прожить еще некоторое время, то вам оно даровано будет. И уверьтесь в твердости моего обещания, ибо знаю, что король, мой государь, по-царски милостив к таким беднякам, как вы.

Мы поблагодарили его за эти обещания, пролив избыточное количество слез, ибо находились в таком состоянии, что ответить словами уже были не в силах.

Глава CXL

О вопросах, которые были нам заданы, о том, как мы на них отвечали и что после этого произошло

Брокен немедленно велел четырем писцам и двум перетанда (нашим судьям, как я уже говорил) приблизиться к нему и, поднявшись с места с гневным лицом и держа в руке обнаженный меч, произнес внятно и достаточно громко, чтобы все его слышали:

— Я, Пинашилау, брокен сего города Понгора, по приказу того, кого мы почитаем власами и украшением глав наших, повелителя страны лекийцев и всех земель, омываемых обоими морями, где пресные и соленые воды разделяют рудники его сокровищ, всей силой своей власти строго предостерегаю вас и приказываю вам не кривить душой, а чистосердечно и ясно поведать нам, кто вы такие, из какой земли, какова эта земля и как она называется.

На это мы ответили всю правду, а именно, что мы португальцы, а проживали в Малакке.

Он продолжал:

— Что же привело вас сюда, или куда направлялись вы, когда потерпели крушение?

Мы ответили ему, что, будучи купцами, торгующими своими товарами, мы сели на корабли в Китайском государстве, в порту Лиампо, дабы отправиться в Танишума, куда уже несколько раз заходили, но, дойдя до Огненного острова, были настигнуты грозой и не смогли удержаться в дрейфе; нас носило ветром три дня и три ночи, после чего мы сели на скалы у Тайдакана, где из девяноста двух человек нашего экипажа тут же утонуло шестьдесят восемь, а нас, двадцать четыре, которые сейчас перед ним, чудом спас всевышний, лишь оставив на нас раны, которые брокен видит на наших телах.

В ответ на это он спросил:

— А как добыли вы деньги на столь великие богатства и драгоценные шелка, которые волны выбросили с вашей джонки и которые достались нашим людям? Как мне было сказано, ценность их велика: около ста тысяч таэлей. А посему невероятным кажется мне, чтобы люди честным путем могли получить все это, не будучи участниками в грабежах, каковые, по великому оскорблению, которое они наносят божеству, скорее дело рабов

змеи из Обители Дыма, чем слуг Обители Солнца, где праведные и чистые сердцем купаются среди сладостных благовоний в прозрачных прудах всевышнего.

Мы сказали, что мы купцы и только купцы, а не разбойники, как он нас уже несколько раз назвал, ибо бог, в которого мы верим, запрещает нам в святых своих заповедях и убийство и кражу.

Брокен, оглядев присутствующих, промолвил:

— Если они не лгут, то они такие же, как и мы, а бог их много лучше, чем все другие боги, если все, что они говорят, — правда.

И, обратившись к нам, продолжал свои вопросы, не изменяя сурового и гневного выражения лица, как верный своему долгу судья. Допрашивал он нас около часа и напоследок задал такой вопрос:

— Почему в прошлые годы, когда ваши люди, польстившись на богатство Малакки, брали ее [\[243\]](#), они так безжалостно убивали наших, чему свидетельницами являются еще некоторые вдовы, проживающие на этой земле?

Мы ответили, что это, верно, было следствием войны, а отнюдь не стремлением к грабежу, ибо грабежом мы нигде не занимаемся.

Он возразил:

— А как же назвать то, чем вы славитесь? Станете ли вы утверждать, что завоеватель не грабит, что прибегающий к насилию не убивает, что поработитель не вызывает возмущения, что удовлетворяющий свою алчность не крадет, что принуждающий других не является тираном? Ибо все это говорят о вас и истинность слов своих подтверждают клятвой. А посему то, что господь покинул вас и дозволил волнам морским поглотить и утопить некоторых из вас, сдастся мне, свидетельствует лишь о беспристрастии его правосудия, и считать это учиненной вам несправедливостью невозможно.

И, поднявшись со своего седалища, перетанда приказал отвести нас в тюрьму, где должны были объявить нашу участь, а зависела она от сострадания, которое угодно будет государю проявить к нам. Все это повергло нас в великое уныние и отчаяние, ибо мы потеряли надежду спасти свою жизнь.

На следующий же день король был поставлен в известность, что мы содержимся в тюрьме и что нам учинен был допрос. К сказанному брокен добавил кое-какие соображения в нашу пользу, и лишь благодаря ему король отказался от своего первоначального намерения казнить нас, что всячески внушали ему китайцы. В этой тюрьме мы просидели почти два месяца в большой тревоге, ибо все это время мы не знали, чем все это

кончится. Между тем король, пожелай узнать о нас нечто большее, чем то, что сообщил ему брокен, подослал к нам человека по имени Раудива, который должен был тайно прийти в тюрьму, где мы содержались, и под видом иностранного купца разузнать от нас во всех подробностях, почему мы прибыли в эту страну, чтобы потом, на основании полученных от него сведений, король мог принять наиболее справедливое, на его взгляд, решение. И хотя подослан был к нам этот человек тайно, однако нашлись люди, предупредившие нас о том накануне. По этому случаю мы приняли самый скорбный и жалостный вид, ибо, как ни тягостны были условия, в которых нам приходилось существовать, притворствоваться мы не разучились, — после господа бога чаще всего мы прибегали к лицемерию, и в этом деле оно сослужило нам лучшую службу, чем все прочие средства.

Человек этот пришел к нам в тюрьму в сопровождении надзирателей и, внимательно осмотрев нас каждого по очереди, позвал журубаку — толмача и сказал ему:

— Спроси у этих людей, почему господь лишил их защиты своей десницы и его божественная справедливость допустила, чтобы о жизни и смерти их решало разумение человеков, для которых угрызения совести, живописующие ужас души в последний час ее земного бытия, ничего не значат. Сдается мне, за грехи досталась этим людям их теперешняя доля!

Мы ответили ему, что он совершенно прав, ибо всякому ясно, что грехи человеческие суть главная причина его несчастий; но что и это не препятствует богу, отцу нашему и милостивцу, жалеть тех, кто со слезами и стенаниями непрерывно взывает к нему. На божескую доброту мы и возлагаем все наши надежды, уповая, что он побудит короля проникнуться правдой нашей и судить нас по справедливости, ибо мы злополучные чужеземцы, не имеющие покровительства, что для людей является главным, на что в этой жизни они обращают больше внимания.

На это он ответил:

— Вы правы, если только слова ваши выражают то, что у вас на сердце, и, если дело обстоит действительно так, как вы уверяете, не печальтесь. Тот, кто создал все, что явлено очам нашим в благолепии ночи, и кто, как мы видим при свете дня, заботится о пропитании малейшей твари, не откажет вам в вожденной вами свободе, ибо с тяжкими стопами вы непрестанно молитесь о ней, а посему очень прошу вас, не посетуйте на меня, если я попрошу вас без всякой утайки посвятить меня во все то, что я хотел бы узнать от вас, а именно: что вы за люди, из какой страны и в какой части света обитаете, как называется земля, или владения, вашего короля, если у вас таковой есть, равно как и причину, побудившую вас

прибыть в здешние края, а также куда вы шли с таким множеством драгоценных товаров, которые море выбросило на берег Тайдакана, от чего здешний народ пришел в великое изумление и, верно, про себя думает; вы не кто иные, как вельможи с Китайской земли, наибольшей из всех стран мира.

На эти вопросы, равно как и на многие другие, мы отвечали так, как считали необходимым при данных обстоятельствах; ответами он был настолько удовлетворен, что вызвался даже похлопотать перед королем о нашем освобождении, ни разу ни словом одним не намекая, кем он послан. В течение всего нашего разговора он не переставал изображать иностранца и такого же купца, как и мы. Прощаясь, он горячо рекомендовал нас тюремщику, прося его снабжать нас всем необходимым, ибо он заплатит ему за это столько, сколько тот пожелает. За все мы его поблагодарили, проливая в изобилии слезы, которые, в свою очередь, побудили его к сочувствию, так что он оставил нам даже золотое запястье, весившее тридцать крузадо, и шесть мешков риса, да еще принес извинения за то, что одарил нас так скудно.

Вернувшись к королю, человек этот дал ему отчет о наших разговорах и уверил, что мы отнюдь не те злодеи, коими рисовали нас китайцы, и что он готов тысячу раз дать в том голову на отсечение. Говорят, что после этого некоторые подозрения, которые внушили королю наши недоброжелатели, несколько рассеялись, и, основываясь на донесении этого человека и на благоприятном отзыве о нас брокена, он уже готов был нас выпустить, как, на нашу беду, в порт на четырех джонках прибыл некий китайский пират, которому король предоставлял у себя приют за то, что тот делился с ним половиной добычи, награбленной в китайских морях. Пират этот пользовался большим уважением у короля и у всех вельмож, и надо же было, чтобы за грехи наши он оказался самым злейшим врагом португальцев из всех, что были в то время на земле. Вражда та началась из-за столкновения, которое произошло год назад между нашими соотечественниками и этим пиратом в порту Ламау, где комендантом был некий Лансароте Перейра из Понте-де-Лима. У китайца спалили три джонки и перебили двести человек. Эта собака, узнав, что мы в тюрьме и король собирается нас выпустить, так запутал все дело и возвел на нас столько клепов, что едва не внушил королю, что тот из-за нас может весьма скоро лишиться престола, ибо сначала мы под видом торговли обследуем облюбованную нами страну, а потом, как разбойники, врываемся в нее, грабя, убивая и опустошая все, что мы там находили. Сведения эти так подействовали на короля, что заставили его коренным

образом изменить свое решение и ввиду этого предать нас четвертованию, а члены наши выставить напоказ на главных улицах, дабы все знали, что мы по справедливости заслужили такую казнь.

Глава CXLI

Как король послал этот приговор брокену Понгора, где мы находились в заключении, дабы он привел его в исполнение, и что при этом произошло

Вынеся этот жестокий приговор, король немедленно отослал его с перетандой к брокену Понгора, где мы находились в заключении, дабы он был в течение четырех суток приведен в исполнение. Перетанда сразу отправился в путь и прибыл в Понгор, но там господу нашему угодно было, чтобы он остановился у своей сестры, весьма почтенной вдовы, от которой мы не раз получали пожертвования. Этой-то своей сестре он под большим секретом сообщил, по какой причине он приехал и что не уедет из города, пока не получит свидетельства по всей форме, что казнь над нами была приведена в исполнение, ибо так приказал ему король.

Благородная женщина немедленно сообщила об этом своей племяннице, дочери брокена — правителя города, в доме которой находилась под надзором португалка, жена штурмана, который также был заключен с нами в тюрьму вместе с двумя своими сыновьями. Племянница брокена, желая подготовить женщину к участи, которая ожидает ее близких, сообщила ей все, что она услышала. Когда несчастная поняла, что ей говорят, она упала замертво на пол и лежала в бесчувственном состоянии довольно долго, а придя в себя, начала раздирать себе лицо ногтями так жестоко, что со щек ее потекла кровь. Столь необычное для лекийцев проявление горя стало известно всему городу и вызвало у местных женщин такое изумление, что большинство их с детьми на руках выбежали полураздетые из своих домов, не желая ни слушать упреки своих мужей, ни обращать внимание на язвительные замечания праздных и злоречивых людей, которые, под влиянием порочных склонностей и низменной природы, обычно дурно отзываются о том, что совершается по простодушию и доброму намерению и зачастую бывает весьма угодно господу.

Когда все они прибыли к дому дочери брокена, где несчастная, полумертвая от горя женщина едва ли была в состоянии отвечать на вопросы, они почувствовали веление того, кто является первой и главной причиной всего сущего, — господа бога нашего, создателя всех земных благ, который проявляет свою бесконечную доброту и милосердие

преимущественно там, где горше всего мучения и невзгоды, и находит самое верное средство для тех, кто более всего удручен и отчаялся в земной помощи, а посему, хоть и были они язычницы, почувствовав великую жалость и боль при виде слез и безграничного горя этой женщины и ни с кем не советуясь, решили написать письмо матери короля и просить о нашем помиловании. Они тут же его составили, сообщив всю правду о нас и то, что они слышали от народа. Они писали, что приговор, вынесенный нам, незаконен, рассказали, что сделала с собой португалка, описали боль и скорбь, с которыми, обливаясь кровью, громким голосом причитала она над мужем и детьми своими, и заключили письмо тем, что господь не преминет отомстить за несправедливость преступного приговора. Письмо это было написано в следующих выражениях:

«Священная жемчужина, застывшая в величайшей устричной раковине недр морских; звезда, сверкающая огненными лучами; прядь золотых волос, свитая с гирляндой роз; величие, стопы которого покоятся на нашем челе, подобно бесценному рубину, мы, ничтожные муравьи твоей кладовой, ютящиеся среди забытых там крошек, дочери и родственницы супруги брокена, а также все твои рабыни, к сему приложившие руку, жалостно взываем к тебе о помощи в деле, свидетелями которого нынче были наши глаза. Несчастливая чужеземная женщина, с лицом, утратившим сходство с живою плотью, и грудью, израненной с удивительной жестокостью, изумлявшей даже зверей лесных и внушавшей великий ужас всем людям, жаловалась так громко, что, клянемся тебе истинной верою, если господь склонит слух свой к ее сетованиям, как, думается, он не преминет сделать, ибо женщина эта бедна и призрена людьми, он, несомненно, найдет на нас великую напасть огня и голода. А посему, опасаясь сей кары, приводящей всех нас в великий трепет, криком умоляем тебя, подобно изголодавшимся детям, плачем своим призывающим мать, чтобы, вспомянув короля, покойного супруга твоего, во имя которого мы просим у тебя этой милости, ты пожелала приобщиться к природе святых и, отложив всякие мирские попечения, — ибо чем более ты будешь радеть всевышнему, тем более возвеличит он тебя в небесной обители, где, как мы твердо верим, узришь ты супруга своего, поющего под звуки арф безгрешных младенцев песнь о той угодной всевышнему милости, которую ради бога и ради него мы испрашиваем у тебя, — умолить сына твоего, короля, памятуя всевышнего, и тебя, и слезы и стенания наши, сжалиться над этими чужеземцами и великодушно простить им все, в чем их обвиняют, ибо, как тебе известно, предъявили им обвинение не святые, сошедшие с неба, а люди бесчестные

и дурной жизни, прислушиваться к речам коих не след. Команилау, прекрасная и благонамеренная девица, а главное, наиболее почитаемая в этом городе потому, что была воспитана матерью в услужении твоём, от имени господина и покойного супруга твоего — короля, из любви к которому мы обращаемся к тебе с этой просьбой, удостоверит тебя в этом и поведаёт о прочих подробностях настоящего дела, о неиссякающих слезах и непрерывных жалобах, исторгаемых этими несчастными, а также о великом страхе и печали, в коем пребывает наш город, жители которого, постясь и раздавая милостыню, умоляют повергнуть слезную просьбу их перед стопами короля, твоего превыше всех любимого сына, коего да осыплет хозяин всех благ земных такими благополучиями, что только не привлекая внимания его, хватило бы на тех, кто живёт на суше и на островах морских».

Письмо это подписали свыше ста видных женщин города. Повезла его одна девица, дочь мандарина Команилау, губернатора острова Банша ^{244}, расположенного к югу от Лекийских островов. Девушка эта отбыла из Понгора в два часа ночи тех же суток, что был получен приговор, ибо крайняя поспешность была необходима; сопровождали ее два брата, а также десять или двенадцать родственников — всё люди весьма знатные, из числа самых видных в этом городе.

Глава CXLII

Как эта девушка передала письмо королю и об ответе, который она на него получила

Когда девица эта прибыла в селение Бинтор, где в семи легуа от Понгора пребывали в это время король и вдовствующая королева, она остановилась в доме своей тетки, главной придворной дамы королевы и очень ей близкой, каковой она рассказала о цели своего приезда и объяснила ей, как важно и для чести ее, и ради уважения тех, кто избрал ее своей посланницей, добиться от его величества помилования осужденных, которое все у него просили. Тетка, приняв племянницу со всей ласковостью, которую подсказывала ей искренняя любовь, сказала, что, раз Команилау утверждает, что дело идет о ее чести, она приложит все возможные усилия, чтобы племянница не уехала из Бинтора недовольной и не добившись испрашиваемого, особенно ввиду того, что дело само по себе, как она уверяет, правое, не говоря уже о том, что просят об осужденных столько важных дам, поставивших свои имена под этим письмом.

Говорят, что девушка, должным образом поблагодарив ее, попросила, чтобы делом этим занялись с возможной поспешностью, ибо срок, установленный этим столь несправедливым приговором, истекал через два дня, а казнены мы могли быть и раньше. Тетка на это ей ответила, что прекрасно понимает необходимость спешить, ибо король и без того проявил поспешность, принимая это решение, а посему, едва королева проснется, что может случиться через час, она найдет ее у своих ног, дабы неожиданностью столь раннего посещения вызвать у королевы вопрос о причине его, поскольку по дурному состоянию здоровья тетка никогда не приходила к ней в это время.

Итак, оставив племянницу в своих покоях, тетка открыла дверь в коридор, ключ от которого был только у нее, и направилась в комнату, где почивала королева. Как говорят, когда прошла уже половина второй ночной вахты, королева проснулась и, увидев главную придворную даму у своих ног, спросила:

— Что случилось, Ньяй ^{245}Мейкамур? Быть не может, чтобы вы забылись здесь сном еще с вечера. Верно, произошло что-нибудь необычайное?

На это последняя ответила:

— Истинно так, госпожа моя, и, полагаю, то, что я вам сообщу, будет столь же неожиданно для слуха вашего величества, как было для меня увидеть племянницу, только что прибывшую из города в столь великой печали, что я слов не найду выразить ее.

Королева сказала:

— Если она прибыла ради какого-нибудь дела, позови ее.

Тетка немедленно привела племянницу, которая, едва увидев королеву, которая еще лежала на кровати, простерлась перед ней ниц и, произнеся положенное приветствие, рассказала ей, в слезах, зачем она приехала, и передала ей привезенное ею письмо, которое королева велела ей прочесть вслух. Девушка поцеловала ей руку, прочла письмо с необходимым подчеркнутым выражением и столь глубоко растрогала королеву, что та не могла удержаться от слез и прерывала ее чтение словами:

— Довольно, довольно! С меня хватит и того, что я слышала. А раз все дело обстоит в точности так, как ты мне сказала, да не возжелает господь, а также душа короля, покойного супруга моего, именем которого побуждают меня на милость, столь беспричинной гибели этих несчастных, ибо они вполне уже наказаны тем, что сказали про них китайцы, и той жестокой расправой, которую учинило над ними море. Предоставь это дело мне, поручение я беру на себя, а теперь идите и отдохните немного до утра, и тогда мы все трое пойдем к королю, сыну моему, прежде чем успеет он подняться, и вы прочтете ему это письмо так же, как вы его читали, чтобы он проникся состраданием и без труда даровал португальцам помилование, которое не без основания мы у него просим.

Когда наступило утро, королева немедленно встала и, взяв с собой свою старшую придворную даму и ее племянницу, прошла по коридору в покои, где находился ее сын. Сообщив ему, о чем она просит, королева велела девушке прочесть письмо, а также изустно изложить, что произошло. Все это девушка в точности исполнила, проливая, как нам стало известно, множество слез, так же как и ее тетка. Говорят, король, взглянув на свою мать, сказал:

— И в самом деле, сударыня, всю эту ночь мне снилось, что я предстал перед разгневанным судьей, который трижды повторил, угрожающе прикладывая руку к лицу: «Обещаю тебе, что, если я узнаю, что кровь этих чужеземцев была пролита, ты и все твои поплатитесь за них». И я не сомневаюсь, что сон этот был навеян мне богом, из любви и во славу которого я соглашаюсь даровать им всем жизнь и свободу, дабы они

беспрепятственно могли следовать туда, куда пожелают; за счет моей казны я прикажу выдать им лодки и все прочее, в чем у них встретится нужда.

После этого король велел немедленно позвать шумбина и приказал ему не приводить в исполнение приговор, рассказав ему обо всем, что произошло, — как то, что ему привиделось во сне, так и то, о чем его просила мать и что он ей обещал. Все поцеловали ему руки и весьма хвалили за решение. Затем король, отменив свой приговор и заменив его другим, в котором он миловал нас, написал письмо брокену Понгора, гласившее следующее:

«Брокен города моего Понгора, я, повелитель семя поколений и власы главы твоей, посылаю тебе улыбку уст моих, дабы приумножить тем твою честь. Вследствие сообщений, поступивших ко мне от китайцев и подкрепленных ими торжественной клятвой всем богам, их веры о преступных деяниях этих чужеземцев, что на море — пираты, а на суше — грабители чужого имущества, обагряющие руки свои в крови тех, кто пытается оказать им законное сопротивление, как это известно повсюду на земле, все воды которой они, подстрекаемые алчностью, избороздили, не оставив ни острова, ни берега, ни порта, ни реки, которых бы не изничтожили действиями столь постыдными, что я страшусь повторять их из боязни оскорбить всевышнего. Сведения эти показали мне достаточным основанием для того, чтобы предать чужеземцев положенной законами государства каре, а посему я представил это дело на суд правительственных шумбинов, которые поклялись мне, что чужестранцы эти заслуживают тысячи смертей. Я согласился с их мнением и приказал перетанде известить тебя, что в четырехдневный срок надлежит привести в исполнение вынесенный мною приговор. Однако, ввиду того что сегодня все высокородные женщины твоего города, коих я почитаю своими родственницами, просили меня, взывая к имени короля — усопшего отца моего и повелителя, чтобы я помиловал этих чужестранцев, приводя в письме своем доводы, побудившие меня не отказать в их просьбе, я почел за благо пощадить чужеземцев, ибо побоялся, если я отвечу отказом, как бы крики женщины не были услышаны на самых высших небесах, где царствует тот государь, коему по природе его свойственно соболезнавать слезам, пролитым с добрыми намерениями людьми праведными, ревниво блюдушими его закон. И ныне, освободившись от слепых страстей, порожденных плотью, я пожелал, чтобы гнев мой не повлек за собой пролитие крови этих несчастных. А посему приказываю тебе, как только эта родственница моя, прекрасная девица благородного происхождения,

передаст тебе настоящее подписанное мною письмо, которое я начертал с великим удовольствием, ибо мне приятно было выполнить просьбу тех, кто ко мне обратился, отправиться в тюрьму, куда ты заключил этих чужестранцев, и без малейшего промедления приказать их освободить, снабдив их за счет моей казны судном, а также всем необходимым, чем заповеди господни повелевают тебе наделить их, следя за тем, чтобы скупость не сжимала твоей руки. А что до того, чтобы представить их мне до их отъезда, то от этого уволь. И для них это будет тягостно, да и мне как королю не приличествует видеть людей, кои, так много зная о боге, так мало блюдут его законы, ибо обычным для них является присваивать чужое.

Совершено в Бинторе в три шавеки первого мамоко Луны {246}, в присутствии брови моего правого зрака, матери моей и госпожи всего моего государства.

Хирапитау Шинанкор Амбулек, твердая опора всякого правосудия».

Получив в руки письмо короля, девушка немедленно отправилась в путь, едва успев распрощаться с теткой, и так спешно, что в скором времени оказалась в Понгоре и передала письмо брокену, который, прочитал его, собрал всех перетанда и шумбинов правосудия и отправился в тюрьму, где к этому времени мы находились уже под усиленной охраной. Увидев брокена, мы все в один голос три или четыре раза вскричали: «Господи боже, смилуйся над нами!» — от чего он и все те, кто пришел с ним, почувствовали такую к нам жалость, что иные расплакались. Брокен между тем утешил нас прекрасными и прочувственными словами и приказал тут же снять с нас кандалы и наручники и, выведя на двор перед тюрьмой, рассказал нам все, как было и какие обороты принимало наше дело, о чем мы до сих пор не имели ни малейшего понятия, так как приставленная к нам многочисленная стража не давала проникать к нам никаким вестям извне. После того как он велел прочесть письмо, которое прислал ему король, он сказал нам:

— Очень прошу вас ради меня, раз господь уже оказал вам такую милость, сумейте совершить угодное ему, воздав должную хвалу и славословия, ибо, если он увидит, что вы благодарны, он ниспошлет вам оттуда, откуда происходит все на свете, радость и упокоение вплоть до скончания века, что для нас несравненно лучше, чем жить несколько дней среди мирских невзгод, в которых не обретишь покоя, а лишь величайшие труды, страдания и скорби, и прежде всего нищету, вершину всех бед, из-за которой души наши совершенно уничтожаются в бездонной пропасти Обители Дыма.

Глава CXLIИ

О том, что с нами еще произошло, прежде чем мы прибыли в Лиампо, а также некоторые сведения об острове лекийцев

Брокен немедленно приказал принести две корзины готового платья и каждому то, чего у него не хватало. После этого он отвел нас в свой дом, куда пришли посмотреть на нас его жена и прочие лекийские дамы. Они выражали не только великое удовлетворение по поводу нашего освобождения, но еще и утешали нас самым сердечным образом. Все это происходит оттого, что женщины этой страны от природы доброжелательны. Не удовлетворившись этим, они решили взять нас в свои дома, пока шли приготовления к нашему отъезду, то есть на сорок шесть дней. Все это время они в изобилии снабжали нас всем тем, в чем мы нуждались, и среди нас не оказалось ни одного человека, у кого бы не было в кармане сотни крузадо. Что же касается португалки, то в деньгах и шелках она получила не менее тысячи, при наличии которых муж ее меньше чем за год восстановил все то, что он утратил. Брокен во исполнение приказа короля посадил нас на китайскую джонку, направлявшуюся в Лиампо, а с капитана джонки взяли большой залог, дабы он нас доставил в целости и сохранности до места назначения и не предал в пути. Таким вот образом мы отбыли из Понгора, столицы Лекийского острова, о котором я хочу дать здесь краткие сведения, как я уже привык делать относительно других земель, о которых я говорил раньше, дабы, если когда-нибудь наступит время, когда господу нашему будет угодно вдохновить португальский народ на завоевание этого острова, первым долгом ради того, чтобы возвеличить и распространить святую католическую веру, а затем ради великой выгоды, которую из земли этой можно извлечь, люди знали, с чего начать, равно как и то многое, что можно будет получить, открыв его, и как легче будет его завоевать.

Остров лекийцев находится на двадцать девятом градусе ^{247} и имеет двести легуа в окружности, семьдесят в длину и тридцать в ширину. По размерам он почти равен Японии, местами покрыт довольно высокими горами, но внутренняя часть возвышенности относительно ровна, плодородна и покрыта богатой растительностью. Там много полей, орошаемых пресноводными реками, где растет очень много пшеницы и

риса, не говоря о прочих злаковых, дающих нам пищу. В горах много рудников, где добывают большое количество меди, стоящей там весьма недорого, так как в стране ее изобилие. Ею грузят джонки, направляющиеся во все порты Китая — Ламау, Сумбор, Шабак, Тоза, Миоко в Японии вместо со всеми ее южными островами, Сезирау, Гото, Факанши и Полен [\[248\]](#). Кроме этого, в Лекийской земле много железа, стали, свинца, олова, квасцов, селитры, серы; там есть также мед, воск, сахар, огромное количество имбиря, много лучшего и более душистого, чем индийский. Леса изобилуют анжелиной, жатемарой, пойтаном, пизу, сосной, каштаном, пробковым деревом, дубом и кедром, из которых можно было бы построить многие тысячи судов. С запада к главному острову примыкает пять очень больших островов, богатых серебром, жемчугом, амброй, ладаном, шелком, черным бразильским деревом, алоэ и битумом. Шелка, правда, здесь несколько меньше, чем в Китае. Жители этой земли во всем походят на китайцев, одеваются в льняные, хлопчатые и шелковые ткани, иногда носят платье из штофа, который им привозят из Нанкина. Они большие лакомки и любят угождать плоти, оружие не любят, и его у них очень немного: почему, как мне кажется, будет очень легко завоевать их. Так, в 1556 году прибыл в Малакку один португалец по имени Перо Гомес де Алмейда, слуга магистра ордена святого Якова, везший от наутакина, князя острова Танишума, большой подарок и письмо королю дону Жоану III, в котором он просил предоставить ему пятьсот солдат, с которыми он хотел завоевать Лекийский остров, а потом поставлять португальцам пять тысяч кинталов меди и тысячу латуни ежегодно. Однако из этого плана ничего не вышло, так как письмо это из Малакки было отправлено на галионе, на котором погиб везший его Мануэл де Соуза Сепулведа. К северо-западу от Лекийской земли находится большой архипелаг мелких островов, где добывается огромное количество серебра [\[249\]](#). Острова эти, насколько мне кажется и я всегда подозревал, после того как мне довелось видеть в Малуко одно прошение, которое испанский генерал Руи Лопес де Вильялобос направил дону Жорже де Кастро, тогдашнему коменданту [\[250\]](#) нашей крепости Тернате, должно быть, те самые, о которых испанцы имели уже некоторые сведения, ибо называли их Серебряными островами, хотя мне не вполне ясно, на основании чего, ибо, насколько мне известно из сочинений Птолемея и остальных географов, никто из них не доходил до королевства Сиам и не был на острове Суматре, за исключением португальских космографов, которые со времени Афонсо де Албукерке и до наших дней проникали несколько дальше и уже

касались в своих описаниях Целебеса, Папуа, Минданао [{251}](#), Шампа, Китая и Японии, но нигде не говорили еще ни о лекийцах, ни об архипелагах, которые предстоит открыть в необъятных просторах этих морей.

Из краткого сообщения, которое я даю о Лекийских островах, явствует, к чему я пришел на основании собственных наблюдений, а именно, что каких-нибудь двух тысяч человек хватило бы, чтобы захватить и удержать этот остров вместе с другими островами архипелага, и это оказалось бы несравненно более выгодным, чем иметь владения в Индии, и потребовало бы гораздо меньше людей, равно как и всего прочего, ибо купцы уверяли нас, что только три таможни дают в год полтора миллиона золотом, не говоря уже о прочих статьях дохода, которые получает королевство от добычи и выплавки серебра, меди, латуни, железа, стали, свинца, олова, приносящих несравненно больше денег, чем таможни. О прочих достопримечательностях острова я сейчас говорить не буду, потому что, надо думать, и этого достаточно, чтобы вызвать у португальцев желание пуститься в предприятие, которое окажется весьма угодным господу нашему, а им принесет великую славу и выгоду.

Глава CXLIV

Как из Лиампо я отправился в Малакку, откуда комендант крепости послал меня к Шаубайнье, королю Мартавана [{252}](#)

В Лиампо мы прибыли благополучно и были все хорошо приняты и обласканы португальцами, которые еще там находились. Из Лиампо я отправился в Малакку на корабле некоего португальца по имени Тристан де Га с намерением снова попытать счастье, которое уже столько раз от меня ускользало, как это видно из моего повествования. Корабль этот благополучно прибыл в Малакку, где я еще застал коменданта Перо де Фарию. Последний, желая мне чем-нибудь помочь, прежде чем окончится срок его службы, отправил меня в Мартаван, где тогда можно было разжиться, на джонке одного мусульманина, некоды Мамуде, у которого в Малакке оставались жена и дети. Целью моего путешествия было, во-первых, заключить мирный договор с Шаубайньей, королем Мартавана, и побудить его отправлять свои суда торговать с крепостью, которая в это время очень нуждалась в товарах, так как война на Яве нарушила торговлю с другими странами [{253}](#). Вторая цель моей поездки, не менее важная, чем первая, заключалась в том, чтобы вернуть в крепость некоего Лансароте Геррейро, который на четырех фустах с командой в сто человек, перестав подчиняться властям, хозяйничал вдоль берегов Танаусарина, ибо ходили слухи, что король ашенцев собирается на нас напасть [{254}](#). Видя это, Перо де Фариа, терпевший большую нужду в людях, а также в самом необходимом для того, чтобы выдержать осаду, решил воспользоваться этим человеком, как потому, что он был неподалеку и мог быстро прийти на помощь, так и потому, что, как всякий занимающийся его ремеслом, он имел весьма большое количество боевых припасов, необходимых при осаде, которую, как думал Перо де Фариа, ему предстоит вынести. Третьей, также весьма существенной, целью моей посылки было предупредить, идущие к нам из Бенгалии суда, чтобы все они шли вместе и под надежной охраной, готовые ко всяким неожиданностям в пути, дабы недостаток бдительности не послужил причиной какого-либо несчастья.

Охотно согласившись совершить это путешествие, в среду девятого января 1545 года я вышел из Малакки и со слабым попутным ветром прошел до Пуло-Праселара, где лоцман задержался на некоторое время из-за мелей, которые пересекают этот пролив между материком и островом

Суматрой. Преодолев их не без труда, мы продолжали свой путь до островов Пуло-Самбилан, где я перебрался на хорошо снаряженную маншуа, которая была на джонке, и, согласно инструкции, полученной от Перо де Фарии, обследовал на ней в течение двенадцати суток все Малайское побережье вплоть до Жунсалана, заходя во все реки Барруаса, Салангора, Панажина-Кеды, Парлеса, Пендана и Самбилан-Сиама, но нигде не мог найти достоверных признаков неприятеля. Мы продолжали идти в том же направлении еще девять дней, что составило уже двадцать три дня нашего пути, пока не стали на якорь у небольшого острова под названием Пизандуре, так как мусульманскому капитану нашей джонки понадобилось изготовить себе трос, а также пополнить запасы воды и дров. Команде было приказано набрать все необходимое с возможной поспешностью, причем каждого направили особенно на какую-нибудь необходимую работу, на что ушел почти весь этот день. Пока на судно доставляли воду и дрова, сын капитана пригласил меня пострелять оленей, которых на острове было великое множество. Я с готовностью согласился и, забрав свой мушкет, сошел с ним на берег, где мы углубились в лес. Не успели мы пройти и сотни шагов, как увидели на лесной прогалине огромное стадо кабанов, которые разрывали землю рядом с лужей воды. Обрадованные видом столь обильной дичи, мы постарались подойти как можно ближе к животным и, выстрелив в самую гущу, убили двух. От радости мы, издав громкий крик, побежали к прогалине, где рылись кабаны, и увидели, что на ней лежат девять вырытых из земли, нетронутых и еще десять или двенадцать полусъеденных трупов. Пораженные и смущенные этим зрелищем, мы отступили из-за жестокой вони, которая от них исходила. Тогда мой спутник, магометанин по имени Сапету, сказал мне:

— Мне кажется, что нам следовало бы пойти и сообщить об этом отцу, который на берегу изготавливает трос, — пусть он прикажет обойти на шлюпке остров и проверить, не укрылась ли где-нибудь ланчара разбойников, которые могут оказаться за этим мысом. Боюсь, как бы не случилось с нами здесь какого-нибудь несчастья, как это не раз бывало с судами, на которых гибло немало людей из-за неосторожности их капитанов.

Совет мне показался правильным, и мы немедленно вернулись на берег, где я сообщил капитану, что мы видели. Так как последний был человек рассудительный и по собственному опыту знал, что сулят такие встречи с разбойниками, он немедленно послал шлюпку вокруг острова, а малых детей и женщин с наполовину выстиранным бельем отправил на

джонку, сам же во главе сорока вооруженных мушкетами и копьями людей пошел к месту, где рылись кабаны, и осмотрел трупы, зажав нос, так как вонь от них шла нестерпимая.

Исполненный сострадания, он приказал матросам вырыть большую яму, чтобы предать их земле. Пока их переворачивали, чтобы положить в могилу, у некоторых из них были обнаружены отделанные золотом крисы и золотые запястья. Некогда, догадавшись о том, что произошло, сказал мне, чтобы я немедленно послал гребную шлюпку в Малакку с сообщением о том, что мы обнаружили, ибо он положительно утверждал, что найденные трупы принадлежат ашенцам, разбитым под Танаусарином, где все еще находились их войска, сражавшиеся с сиамским королем [{255}](#), ибо золотые запястья, которые он нашел, говорили, о том, что это ашенские военачальники, а их, как правило, он голову даст на отсечение, хоронят с запястьями. Для вящего доказательства он захотел показать мне еще нескольких начальников, что и сделал, велел вырыть еще тридцать семь трупов. У них было найдено еще шестнадцать запястий, двенадцать крисов и много перстней, так что добычи было получено более чем на тысячу крузадо, которые некогда забрал себе, и это не считая того, что он утаил. Но на благо наше это приключение не послужило, так как большая часть нашей команды заболела от отравленного зловонием воздуха, который пришлось вдыхать.

Я немедленно отправил в Малакку гребной балан, который у нас был, описав Перо де Фарии все обстоятельства нашего плавания, путь, которым мы следовали, порты, реки и бухты, в которые я заходил, нигде не обнаружив никаких сведений о неприятеле, и добавил, что, насколько я могу судить, он находится сейчас в Танаусарине, где, судя по найденным нами трупам, он разгромлен. В заключение я заверил его, что, едва получу об этом более точные сведения, я немедленно ему напишу.

Глава CXLV

Как мы прибыли на остров, называемый Пуло-Хиньор, и что у меня произошло там с местным королем

После того как балан был отправлен в Малакку с письмом к Перо де Фариин, а джонка пополнила свои запасы, мы пошли под парусом в Танаусарин, куда (как я уже говорил), согласно полученной мною инструкции, я должен был зайти для переговоров с Лансароте Геррейро. Его и остальных бывших с ним португальцев я должен был призвать на помощь Малакке, так как на нее ожидалось нападение ашенцев. По пути мы зашли на небольшой остров менее легуа в окружности под названием Пуло-Хиньор, откуда навстречу нам вышел парао, на котором было шесть очень бедно одетых человек коричневого цвета в красных беретах. Подойдя к борту нашей джонки, которая продолжала идти под парусами, они приветствовали нас, выражая жестами свое миролюбие, на что мы ответили тем же. Затем они спросили, нет ли у нас на борту португальцев. Им было отвечено, что да, есть, но люди со шлюпки, не доверяя словам мусульман, попросили показать хотя бы одного или двух, так как это им очень важно. Некогда спустился в каюту, где я лежал больной, и очень просил меня подняться наверх, что я тотчас и сделал, чтобы доставить ему удовольствие. Оказавшись на палубе, я окликнул находившихся в парао, и те, тотчас же узнав во мне португальца, испустили радостный крик, захлопали в ладоши и поспешили подняться на джонку. Один из них, по видимости, наиболее уважаемый, сказал мне:

— Прежде чем попросить разрешения говорить, сеньор, прошу тебя, ознакомься с этим письмом, ибо тогда ты согласишься тому, что я тебе скажу, и узнаешь, кто к тебе обратился. — С этими словами он сунул мне в руки бумагу, завернутую в очень грязную тряпку. Бумагу эту я взял и прочел следующее:

«Сеньоры португальцы и истинные христиане, уважаемый человек, который предъявит настоящее письмо вашим милостям, является королем этого острова и недавно обратился в христианство. Имя ему дон Лансароте. От него мы, нижеподписавшиеся, равно как и многие другие, плавающие вдоль этих берегов получали весьма ценные сведения о ловушках и кознях, которые замыслили и подстраивали нам ашенцы и турки, ибо благодаря этому славному человеку все их замыслы становились нам известны. С его

помощью угодно было господу нашему даровать нам сейчас весьма крупную победу над ашенцами, и мы захватили у них галеру, четыре галиота и пять фуст, на которых мы перебили более тысячи мусульман. А посему мы просим ваши милости во имя ран господа нашего Иисуса Христа и священных его страстей не чинить Лансароте никакого зла и ущерба, но, как приличествует истинным португальцам, оказывать ему всяческое покровительство, дабы он служил примером другим. Целуем тысячу раз руки ваших милостей. Сегодня, ноября третьего дня, 1544 года».

Под письмом стояло более пятидесяти подписей португальцев, в том числе четырех капитанов, которых я разыскивал, а именно, Лансароте Геррейро, Антонио Гомеса, Перо Феррейры и Косме Бернардеса. Прочитав его и оценив заключенную в нем рекомендацию, я сказал бедному царьку, что я всецело к его услугам, хотя возможности мои были крайне ограничены, и все, что я мог ему предложить, сводилось к довольно скудному обеду и моей красной шапке, которая, хоть и поношенная, выглядела все же лучше той, которая была у него на голове. Он стал было рассказывать мне о себе и своих злоключениях, как вдруг залился слезами, воздел руки к небу и произнес:

— Господу нашему Иисусу Христу и пресвятой его матери деве Марии, рабом коих я являюсь, известно, как настоятельно нужны мне сейчас покровительство и помощь христиан, ибо из-за того, что я стал христианином, четыре месяца тому назад один из моих мусульманских рабов довел меня до того состояния, в котором я сейчас нахожусь, будучи не в силах сделать ничего иного, как взывать к господу на небесах и с великой болью и малыми надеждами оплакивать мое несчастье. Клянусь тебе истинностью той новой святой веры, которую я сейчас исповедую, что меня преследуют самым безжалостным образом только за то, что я стал христианином и другом португальцев. Но так как ты здесь один и не можешь оказать мне поддержки, прошу тебя, сеньор, заведи меня с собой, чтобы не погибла душа, которую вдохнул в меня господь, а я обещаю тебе, что всю жизнь буду тебе рабом.

Все речи свои несчастный сопровождал непрерывными слезами, так что больно было на него смотреть.

Наш некода, который по природе своей был человек мягкий и доброжелательный, очень разжалобился и дал ему немного рису и кусок ткани, чтобы прикрыть его наготу, ибо на царьке не было и тряпки. Порасспросив его кое о чем, что некоде было важно выяснить, последний захотел узнать, где находится враг Лансароте и какими силами он

располагает. На это царек ответил, что он в соломенной хижине примерно в четверти легуа от этого берега и при нем тридцать рыбаков, из коих большая часть, если не все, безоружны. Некогда посмотрел на меня и, видя мое грустное выражение, причиной которого было то, что я один и не могу ничего сделать для этого несчастного христианина, спросил меня:

— Если бы ты, сеньор, оказался капитаном такой вот джонки, как моя, как отнесся бы ты к слезам этого несчастного, которому, судя по твоим глазам, ты сочувствуешь?

Я ничего не ответил, ибо испытывал великую тоску и печаль, — иного в присутствии этого христианина я испытывать не мог. Сын некоды, который, как я говорил, был юноша храбрый и воспитанный среди португальцев, видя печальное и унижительное положение, в которое, поставила меня моя беспомощность, попросил отца дать ему двадцать матросов, чтобы выгнать разбойника с острова. На что капитан ответил, что, если об этом попрошу его я, он сделает это с великой охотой. Бросившись перед ним на колени, чтобы поцеловать ему ноги, что является у них самым униженным выражением благодарности, я воскликнул, обливаясь слезами, что, если только он согласится на это ради меня, я всю жизнь буду его рабом и буду питать как к нему, так и к его сыновьям такую любовь, какую только можно иметь, и в этом даю ему клятву. Он без всякого труда согласился.

После этого некода приказал стать на якорь у острова, спустил на воду три гребные шлюпки с одним фальконетом и пятью каморными трехфунтовыми пушками, а в команду отобрал шестьдесят яванцев и лузонцев с отличным оружием: тридцать человек имело мушкеты, а остальные — копья, стрелы и большое количество горшков с порохом и прочих пиротехнических штук, пригодных для нашей цели.

Глава CXLVI

О том, как сражались наши с врагами этого царька, и об одной большой победе, которую на этом побережье одержали португальцы над турками

Было уже около двух часов пополудни, когда мы высадились на берег и отправились к острову, в котором засел неприятель. Впереди всех шел сын капитана с сорока матросами, из коих двадцать было вооружено мушкетами, а остальные копьями и стрелами. Сам некогда шел в арьергарде вместе с тридцатью людьми, неся знамя с крестом, которое, когда он уходил из Малакки, дал ему Перо де Фариа, чтобы все знали, что некогда находится под защитой государя нашего короля Португалии, если в море ему случится встретить какое-либо наше судно.

Таким вот строем мы направились в глубь острова, используя злополучного царька в качестве проводника, и вскоре прибыли туда, где находился повстанец со своими людьми. Народ этот оглушительно кричал и вызывающим видом хотел показать, что он нас несколько не боится. Их могло быть человек пятьдесят, и все, по внешности судя, были слабосильны, да и оружия для обороны, кроме палок, десяти или двенадцати копий и одного мушкета, у них не было.

Наши, увидев их, дали залп из фальконета, трехфунтовиков и двадцати мушкетов и бросились в атаку. Противники, к этому времени уже по большей части раненные, стали разбегаться, мы преследовали их по пятам и нагнали на вершине небольшого холма, где меньше чем за минуту все они были уложены, за исключением трех, которым была дарована жизнь, потому что они крикнули, что они христиане. Наши дошли до маленькой деревушки в двадцать хижин, крытых соломой, в которых оказалось: только шестьдесят четыре женщины и малые дети. Все они, плача, кричали: «Христианка, христианка, Иисус, Иисус, Иисус, святая Мария!» А другие восклицали: «Отче наш, иже еси на небесах, да святится имя твое», — и ничего больше. И так как мне показалось, что они и в самом деле могут оказаться христианами, за которых они себя выдавали, я попросил некого, чтобы он приказал своему сыну отступить, и не разрешил кого бы то ни было убивать, что он и выполнил. Но бедные лачуги все же были разграблены, хоть в них вместе взятых не было и на пять крузадо добра, ибо народ этот настолько беден, что и на реал

имущества у него не найдется, а питается он одной рыбой, которую ловит на удочку, печет на углях и ест без соли. Несмотря на это, они так надменны и самонадеянны и столь высокого о себе мнения, что нет среди них ни одного, который бы не именовал себя королем какого-либо клочка земли, где стоит всего-навсего его соломенная лачуга, и ни у женщин, ни у мужчин нет ничего, чем бы прикрыть свою наготу.

После того как с бунтовщиком-мусульманином и его товарищами было покончено, а бедному христианскому царьку были возвращены жена и дети, которых бунтовщик обратил в рабство вместе с шестьюдесятью тремя христианскими душами, и ему было наказано построить церковь, для того чтобы просвещать новообращенных христиан, мы вернулись на джонку, отдали паруса и продолжали наш путь на Танаусарин, где надеялись застать Лансароте Геррейро и его товарищей, чтобы переговорить с ними об уже упоминавшемся мною деле. Но так как в письме, которое написали этому царьку португальцы, упоминается об одной победе, которую угодно было господу нашему даровать им над турками и ашенцами, живущими на этом берегу [\[256\]](#), я решил рассказать, как она была одержана, как потому, что, по-моему, рассказ этот доставит удовольствие читателю, так и для того, чтобы все знали, что нет таких препятствий, которых бы не преодолел хороший солдат, оказавшись в безвыходном положении, — вот почему ласкали и баловали этих доблестных людей. Наши уже восемь с половиной месяцев действовали у Танаусаринского побережья на четырех фустах с хорошей командой и за это время захватили двадцать три очень богатых корабля и множество более мелких судов. Народ, имевший обыкновение плавать вдоль этих берегов, был так напуган португальцами, что перестал совершенно вывозить свои товары и вытянул суда на берег. Вследствие этого таможни таких портов, как Танаусарин, Жунсалан, Мергин, Вагару и Тавай [\[257\]](#), лишились значительной части своих доходов, и поселки эти вынуждены были сообщить об этом императору Сорнау, королю сиамскому, являющемуся верховным властелином этих земель, дабы он положил конец злу, на которое все единодушно жаловались. Император немедленно принял соответственные меры: находясь в городе Одиа, он вытребовал с границы Лаоса одного своего турецкого военачальника по имени Хередин Магомет, который еще в 1538 году прибыл из Суэца на армаде Солеймана-паши, вице-короля Каира, когда Великий Турок послал последнего в Индию. Хередин Магомет по пути туда сбился с курса, отстал от армады и оказался у побережья Танаусарина, где согласился служить у Сорнау,

короля Сиама, и стал у него верховным начальником пограничной охраны на границе Лаоса, причем жалованья ему было положено двенадцать тысяч крузадо в год.

Император Сорнау считал турецких военачальников непобедимыми и превосходящими всех местных военачальников, а так как Хередин Магомет был турок, император был уверен и в его непобедимости. Вот почему он избрал именно его, отозвал с границы, где он находился с тремястами янычар, щедро одарил, произвел в генералы, отдал в его ведение все танаусаринское побережье с полномочиями самодержавного властителя над всеми ояя [{258}](#), являющимися чем-то вроде наших герцогов, дабы избавить прибрежные поселения от притеснений, которые чинили им португальцы, и посулил ему целую провинцию, если только он принесет ему головы четырех португальских капитанов.

Надменный турок, от этих милостей и данного ему обещания совершенно возгордившийся и возомнивший о себе сверх всякой меры, поспешил отплыть в Танаусарин и, прибыв туда, снарядил армаду в десять судов, чтобы сразиться с нами. Он был настолько уверен в своей победе, что на письмо, которое послал ему Сорнау из Одиа, ответил следующим письмом:

«С мгновения, как голова моя поднялась от стоп Вашего Величества, чтобы выполнить то небольшое поручение, которое Вашему Величеству угодно было мне доверить, я на десятый день прибыл в Танаусарин, где без промедления постарался пополнить незначительное количество судов, которые я там нашел, из коих больше двух взять не пожелал, ибо у меня не вызывает сомнения, что и их довольно, чтобы выгнать прочь этих муравьев; но для того чтобы во всем следовать наказу за королевской печатью, переданному мне комбракаланом [{259}](#), правителем сей империи, я подготавливаю в настоящее время к походу одну большую и четыре малых галеры, а также пять фуст, с которыми намереваюсь немедленно отплыть, ибо опасаюсь, как бы эти собаки не прослышали о моем приходе и господь в наказание за мои грехи не возблагодарил их бегству, что для меня будет величайшим несчастьем, одна мысль о котором, боюсь, способна пресечь мою жизнь или уподобить меня им по избытку отчаяния. Но верю, что пророк Магомет, закон которого исповедую с детства, не окажется мне таким недругом и не допустит, чтобы грехи мои повлекли такое возмездие».

После того как Хередин Магомет прибыл в Танаусарин, он собрал армаду из пяти фуст, четырех галиотов и большой галеры и посадил на эти

суда восемьсот солдат-мусульман, не говоря уже о гребцах, в число которых входило триста язычников; остальные были турки, греки, малабарцы и монголы — всё самый отборный народ, испытанный в военном деле, так что победа казалась несомненной. С этой армадой Хередин Магомет вышел из Танаусарина и отправился на поиски наших, находившихся в то время на острове Пуло-Хиньоре, королем которого был этот христианин Лансароте. Как раз в то время, когда собиралась эта армада, последнему случилось оказаться в Танаусарине, где он продавал сушеную рыбу. Услышав, что замышляется против португальцев, он бросил свой товар и поспешил к себе на остров, где нашел наших в совершенной безмятежности, — так далеки они были от грозящей им опасности, — даже четыре фусты были вытянуты на берег.

Лансароте рассказал им о готовящемся на них нападении, чем привел их в немалое смущение, ибо противник значительно превосходил их силами. За эту ночь и за следующий день они очистили корпуса своих фуст, спустили их обратно на воду, погрузили на них провизию, воду, артиллерию и, как мне потом рассказали, собрались уже было уходить в Бенгалу или в Ракан [\[260\]](#), ибо встречаться с такой крупной армадой они не решались, как вдруг, в то время когда они спорили, куда идти, появились сразу все десять судов, а в арьергарде еще и пять больших гузаратских кораблей, владельцы которых дали Хередину Магомету тридцать тысяч крузадо, лишь бы он защитил их от португальцев.

Вид этих пятнадцати судов поверг наших в большое смятение, ибо выходить в море при противном ветре было уже поздно. Решили поэтому укрыться в небольшой бухточке с южной стороны острова, защищенной от волн натасканными туда камнями, — другого выхода не оставалось. Там и ожидали, как обернутся события. Пять гузаратских кораблей повернули в открытое море, а десять судов Хередина Магомета направились напрямик к острову; турок немедленно отправил людей разведать порт, где, по полученным сведениям, должны были находиться наши. Сам он стал у входа в бухту, чтобы добыча досталась ему в руки, намереваясь, едва наступит утро, забрать всех португальцев в плен и, перевязав их по двое, как он выразился, представить сиамскому государю. За это тот пообещал ему провинцию Банша, как я уже сказал об этом выше. Отправленная в разведку маншуа вернулась через два часа после захода солнца, не обнаружив наших. Хередин Магомет пришел от этого в такое отчаяние, что стал себя бить по лицу и вырывать бороду клоками. Проливая обильные слезы, он наконец вымолвил:

— Я всегда боялся, что грехи мои слишком тяжки и бог окажется

более христианином, нежели мусульманином, а Магомет — таким же псом, как любой из тех, за которыми я сюда пришел. — С этими словами он рухнул на палубу замертво и пролежал без чувств добрый час, но, когда пришел в себя, стал действовать как распорядительный военачальник, отправив четыре галиота на поиски к острову Тобазой, расположенному на семь легуа мористее Пуло-Хиньора, считая, что мы должны были укрыться именно там, где стоянка была надежнее, чем здесь, а пять фуст разделил на три партии: две фусты отправил на остров Самбилан, другие две — на другой, лежащий ближе к материку, ибо на том и на другом были удобные бухты, а последнюю, наиболее легкую фусту послал вдогонку четверем галиотам, чтобы она доложила ему до рассвета о положении вещей, обещая команде в награду пять тысяч крузадо.

Наши тем временем непрестанно следили за врагом и, заметив, что турок лишился своих главных сил и при нем осталась лишь галера, на которой он находился, решили ее атаковать. Выйдя из бухточки на веслах, они неслышно подкрались к ней, а так как неприятель считал себя в безопасности и был далек от мысли, что кто-нибудь может на него напасть, было уже за полночь и бдительность вахтенных ослабла, наши четыре фусты смогли с величайшей решительностью и отвагой разом накинуться на галеру и высадить на нее семь-десять человек. Последние, прежде чем враги успели опомниться и схватиться за оружие, иначе говоря в один миг, перерубили больше восьмидесяти турок, после чего все прочие бросились за борт, так что на галере не осталось живой души, какую можно было бы пощадить; погиб при этом и Хередин Магомет. Господь бог был настолько милостив, что дозволил нам добиться этой победы весьма недорогой ценой, ибо нашим она стоила всего лишь одного мосо, да девять португальцев получили ранения. А на галере, как мне потом рассказывали, погибло от меча и утонуло свыше трехсот магометан, из коих большая часть была янычарами золотого обруча, являющегося у турок признаком знатности.

Галера была захвачена около двух часов пополуночи; довольные исходом боя, остаток ночи наши спокойно отдыхали, расставив, впрочем, бдительных дозорных. И угодно было господу нашему по великой милости его, чтобы, когда наступило утро, к галере подошли две фусты, посланные на остров. Не подозревая о происшедшем, они шли, ничего не опасаясь, и, когда обходили мыс, защищающий вход в бухту, были атакованы нашими и в весьма короткий срок захвачены, причем потери с португальской стороны были также очень невелики. Почитая успех этот великой милостью всевышнего, все наши соединились в горячей молитве, вознося

благодарения и славословия, и, заливаясь слезами, просили не оставлять их, ибо все они полагают свою жизнь на алтарь его святого имени, дабы во всем, что предстоит им совершить, жертвовать собой ради святой католической веры. Затем, занявшись с величайшей поспешностью вооружением захваченных двух фуст и галеры, пришвартовали их к крутому южному берегу бухты и установили на них пять крупных орудий, способных замкнуть вход в гавань. Под вечер столь же беззаботно подошли еще две фусты, посланные разведать берег материка, и хотя на этот раз так легко взять их на abordаж не удалось, однако обе они были захвачены, причем в бою погибло двое португальцев, из коих один был Лопо Сардинья, начальник цейлонской таможни {261}. После этой победы наши снова принялись укрепляться, используя обе захваченные фусты, и стали поджидать прихода четырех галиотов, посланных на наиболее удаленный от суши остров. Но на последних господь бог наслал на следующий день такой норд, что два из них были выброшены на берег, и никто с них не спасся, два же других, на которых не осталось весел, пришли назад — один, когда уже смеркалось, — его постигла судьба двух предыдущих, причем никто не уцелел, а другой, отставший от него на три легуа, — за час до рассвета, но войти в гавань не мог, так как ветер спал, а все весла ради облегчения судна были выброшены за борт. Под вечер поднялся вест, и судно готово было войти в бухту, но мы вышли к нему навстречу, сблизились и дали по нему два залпа из всех орудий, скосивших большую часть команды, взяли на abordаж и захватили без малейшего труда, ибо враги были почти все перебиты или ранены, после чего отвели его на буксире в бухту, где стояли уже прочие суда.

Таким образом, из десяти судов армады у нас в руках остались галера, два галиота и четыре фусты; из остальных — два галиота разбились о берег острова Тобазой, как я уже об этом говорил, а третий пропал без вести, но предполагают, что он налетел на какой-нибудь остров и его поглотило море. Эта славная победа, которую даровал нам господь, была одержана в сентябре 1544 года накануне праздника архангела Михаила. Она необычайно прославила имя португальцев и сделала его настолько грозным, что еще три года только об этом и говорили. Узнав о ней, король Мартавана Шаубайнья отправил в Малакку посла, обещая нам всякие блага, если мы поможем ему в войне против короля Бирмы {262}, который в это время в городе Пегу готовился выступить против него с семьями тысячами войска {263}.

Глава CXLVII

О том, что еще произошло, прежде чем мы прибыли к мартаванскому бару

Покинув, как я уже сказал, остров Пуло-Хиньор, мы продолжали свой путь, держа курс на порт Танаусарин, куда я направлялся для переговоров, о которых я несколько раз упоминал. Когда наступила ночь, лоцман, опасаясь многочисленных мелей, которые встречались ему на пути, повернул в открытое море с намерением, едва наступит утро, снова приблизиться к берегу, используя вестовый ветер, ибо к этому времени со стороны Индии дул уже сильный муссон. После того как в постоянных переменах курса прошло пять весьма утомительных дней, господь позволил нам как-то утром увидеть небольшую лодку, которую мы приняли за рыбацкую. Мы пошли на нее, собираясь спросить у рыбаков, в каком месте мы находимся и сколько легуа еще до Танаусарина. Поравнявшись с ней, мы ее окликнули, но никто нам не ответил, из-за чего пришлось спустить хорошо вооруженную шлюпку, чтобы понудить тех, кто окажется на лодке, явиться на джонку. Шлюпка наша весьма быстро добралась до лодки и без малейшего труда взяла ее на буксир. Когда ее доставили к нашему судну, вид ее поверг меня в немалое смятение, ибо в ней оказалось пять португальцев, двое из которых были уже трупы, а трое — полуживые. На лодке стоял сундук, где было три мешка танг и ларинов {264}, а также большой узел, в котором оказалось много серебряных кубков и кувшинов и два очень больших блюда. Все это я приказал спрятать в надежное место, а трех португальцев перевел на джонку и стал со всевозможной заботой за ними ухаживать. Два дня они не могли вымолвить ни слова, но после того как я стал кормить их яичными желтками и куриным бульоном, который вливал им в рот, они пришли в себя и через неделю уже могли рассказать о себе. Выяснилось, что один из них Кростован Дориа, который впоследствии был назначен комендантом острова Сан-Томе, а двое других — Луис Таборда и Симан де Брито — все люди почтенные и богатые негоцианты. Они рассказали мне, что, следуя из Индии в бенгальский порт Шатиган {265} на корабле женившегося в Гоа Жорже Маньоса, они по небрежности вахтенных налетели на раканскую мель {266}, причем судно их погибло, и из восьмидесяти трех человек спаслось на шлюпке только семнадцать. Пять дней они продолжали идти

вдоль берега, рассчитывая войти в устье роки Козмин ^{267} в королевстве Пегу, чтобы оттуда сесть на судно, доставляющее королю гуммилак, или на какое-либо иное купеческое судно, которое они встретят в порту, но в это время с материка подул столь сильный ост, что они за сутки потеряли берег из вида. Так они носились по воле волн, без паруса, без весел, не зная, на каком румбе находится земля, целых шестнадцать суток. За это время была выпита вся вода, и из семнадцати спасшихся осталось в живых только трое, которых мы и нашли.

После этой встречи мы продолжали наше плавание еще четверо суток, когда угодно было господу нашему, чтобы мы повстречались с пятью португальскими судами, шедшими из Бенгалии в Малакку. Всем им я показал полученный от Перо де Фарии наказ и велел им держаться всем вместе, чтобы по беззаботности не попасть в беду из-за угрозы флота ашенцев, который мог им повстречаться у этих берегов. И в том, что я сообщил им об этом, я просил дать мне расписку, каковую все они мне выдали. Кроме этого, они снабдили меня всем необходимым в весьма значительном количестве.

Покончив с этим делом, мы продолжали свой путь и через девять дней в пятницу, 27 марта 1545 года, день святого Лазаря, подошли к бару Мартавана, посетив Танаусарин, Тавай, Мергин, Жунсай, Пуло-Камуде ^{268} и Вагару, не найдя в этих портах той сотни португальцев, которых мы разыскивали, ибо к этому времени они нанялись уже к Шаубайнье, королю Мартавана, каковой (как мне довелось слышать) пригласил их помогать ему против короля Бирмы, который окружил Мартаван войском в семьсот тысяч человек; однако на службе у него они больше не состояли, а почему, мне так и осталось неизвестным.

Глава CXLVIII

Кое о чем, что произошло здесь, в Мартаване

Было уже, верно, часа два ночи, когда мы приблизились к устью реки и стали на якорь, намереваясь утром подойти к городу. Когда все на джонке улеглись, мы услышали артиллерийскую стрельбу. Это привело нас в некоторое смущение, ибо мы не знали, что нам надлежит делать. На рассвете некогда созвал всех на совет, как это было у него в обычае в подобных случаях, и сказал, что, поскольку всем предстоит подвергнуть себя опасности, пусть каждый выскажет свое мнение, после чего он обратился ко всем присутствующим с речью, в которой сообщил о пушечной стрельбе, услышанной ночью, и опасениях, которые вызывает стоянка у города. По этому поводу были высказаны самые различные мнения, но в конце концов все сошлись на том, что нужно воочию убедиться, в чем заключается предполагаемая опасность. А посему, пользуясь попутным ветром и приливом, мы обошли мыс под названием Моунай и вошли в реку, откуда увидели, что город, насколько охватывает взгляд, окружен со всех сторон большим количеством людей, а вся река запружена гребными судами. И хотя мы догадывались, в чем дело, по доносившемуся до нас издали гулу, мы все же вошли в порт, где осторожно стали на якорь. После того как мы произвели обычный салют в знак наших мирных намерений, от берега отделилась шлюпка с хорошими гребцами, в которой оказалось шесть португальцев, что нас несказанно обрадовало. Последние поднялись на борт и были весьма радушно приняты всем экипажем, после чего объяснили, что нам не следует делать, если мы хотим обезопасить себя. Первым долгом они сказали, что мы никоим образом не должны уходить отсюда в Бенгалу [\[269\]](#), как первоначально предполагали, потому что этим только себя погубим, так как нас захватит флот, состоящий из тысячи семисот гребных судов, в том числе ста галер с иностранным экипажем, который держит бирманский король, далее — что мне необходимо немедленно сойти с ними на берег, чтобы повидаться с Жоаном Казйро, бывшим у здешних португальцев за военачальника, и доложить ему о цели своего приезда, а затем, если я не хочу совершить ошибку, поступить так, как он мне посоветует, ибо человек этот доброжелательный и высоко ценящий Перо де Фарию, о котором ему много рассказывали, и расхваливающий все время благородство его

происхождения и поведения. Они добавили, что у них в лагере я найду Лансароте Геррейру, а также всех прочих капитанов, к которым у меня были письма, и что тем или иным способом будет сделано то, что всего более будет способствовать делу всевышнего и государя нашего, короля Португалии. Совет этот показался мне хорошим, я последовал за ними к Жоану Каэйро и был как им, так и всеми, кто был с ним в укреплении, прекрасно принят. При начальнике находилось до семисот португальцев — всё это были люди богатые и благовоспитанные. Я показал Жоану Каэйро свои письма и наказ, который дал мне Перо де Фариа, и переговорил с ним по своему делу. Жоан Каэйро обратился с письменным прошением к четырём капитанам, к которым я был направлен, на что последние ответили, что все они готовы служить своему королю везде, где представится случай, но, ввиду того что письмо Перо де Фарии основано на опасении, что ашенцы нападут на Малакку, между тем как сто тридцать судов под командой генерала Бижайя Фора, короля Педира и адмирала Ашена были разгромлены под Танаусарином, где погибло семьдесят ланчар и пять тысяч ашенцев, они, капитаны, считают, что прибытие их в настоящее время не имеет смысла, потому что, насколько они могут судить, силы ашенцев настолько подорваны, что и за десять лет они не смогут восстановить то, что они потеряли. Кроме этого довода, они привели еще много других, после чего было решено, что идти им в Малакку нечего, и я попросил Жоана Каэйро составить по этому поводу грамоту, чтобы я мог отчитаться перед Перо де Фарией, ибо, едва получив ее, я собираюсь отправиться в обратный путь, не имея здесь больше никакого дела. Ожидая ее, я остался у Жоана Каэйро и рассчитывал отбыть в Малакку, как только представится возможность. Однако мне пришлось пережить все тяготы осады в течение сорока шести дней, — все то время, пока бирманский король оставался у стен города. Об этих событиях я кое-что расскажу, ибо, как мне кажется, любознательные с удовольствием узнают, чем кончилась эта война для Шаубайньи, короля Мартавана.

Город выдерживал осаду уже шесть месяцев и тринадцать дней; за это время с помощью более трех тысяч лестниц было сделано пять попыток взять его приступом, но осажденные всякий раз их отражали, выказывая при этом незаурядную доблесть, однако силы их с каждым днем слабели, подмога ниоткуда не приходила, а врагов становилось все больше. Говорят, Шаубайнья оказался доведенным до такой крайности, что из ста тридцати тысяч человек, бывших в городе, у него под конец осталось всего пять тысяч, — все погибли от голода или от ран. Был созван совет, на котором было решено попытаться повлиять на алчность неприятельского короля,

что немедленно и было приведено в действие: Шаубайнья написал ему, что, если только тот снимет осаду с города, он даст ему тридцать тысяч бис {270} серебра (что составляет миллион золотом) и будет его данником в размере шестидесяти тысяч крузадо в год. На это бирманский король ответил, что ни о каких сделках не может быть и речи, пока Шаубайнья не сдастся ему на милость. Последний тогда обратился к нему вторично, прося, чтобы тот выпустил его на двух кораблях с его сокровищами, женой и детьми и разрешил отправиться к Сорнау, королю Сиама, за что он отдаст ему город со всем, что в нем находится; на это также последовал отказ. В третий раз Шаубайнья предложил ему отступить со своим войском в Тагалу, находившуюся в шести легуа от Мартавана, чтобы сам он мог свободно покинуть город со своими, за что он отдаст ему и город, и королевство, и все сокровища или три миллиона золотом, — в чем также ему было отказано. Шаубайнья, отчаявшись добиться мира или какого-либо соглашения с жестоким врагом и перебирая в уме все способы, с помощью которых он мог бы вырваться из вражеских рук, решил как последнее средство обратиться к португальцам, ибо ему показалось, что при их содействии он сможет избежать грозившей ему опасности, и дал знать Жоану Каэйро, что, если он на своих четырех судах выйдет ночью из гавани, забрав с собой его вместе с женой и детьми, он даст ему половину своего сокровища. Вести в великой тайне эти переговоры он поручил некому Пауло де Сейшасу из города Обидоса, которого держал при себе в городе. Последний, переодевшись в жителя Пегу, чтобы не быть узнанным, явился однажды ночью в палатку, в которой находился Жоан Каэйро, и передал ему письмо следующего содержания:

«Доблестный и верный вождь португальцев, милостию Великого короля с края земли, могучего льва с устрашающим рыком, осененного венцом величия в Обители Солнца, я, злосчастный Шаубайнья, некогда король этого злополучного и печального города, ныне лишенный власти, сим извещаю тебя речами, исходящими из уст моих с неколебимой верностью и искренностью, что отныне и навсегда я признаю себя вассалом и подданным великого короля Португалии, верховного властителя и сыновей моих, и меня, обязуясь быть его нижайшим слугой и платить ему ту дань, которую ты пожелаешь назначить. За это я прошу тебя, как только Пауло де Сейшас передаст тебе это мое письмо, отправиться со своими судами без малейшего промедления к бастиону у набережной, где я буду ожидать тебя, дабы немедленно, без всяких переговоров, передать себя под охрану твоей чести вместо с сокровищем моим, состоящим из драгоценных камней и золота, которое будет у меня

при себе. Половину этого сокровища я свободно передаю королю Португалии с тем, чтобы он разрешил мне за счет средств, которые у меня останутся, набрать в его государстве или в крепостях Индии две тысячи португальцев, коим обещаю платить щедрое жалованье, и с помощью их вернуть себе то, что я в настоящее время по немилости судьбы вынужден был оставить. Что же касается тебя и остальных, кто вместе с тобой будут способствовать моему спасению, то верою своей клянусь тебе так щедро поделиться с ними, что они будут совершенно удовлетворены. Но поскольку время не дает мне написать тебе более пространное письмо, Пауло де Сейшас, через которого я тебе его пересылаю, в точности передаст тебе то, что он видел, и то, что я, кроме этого, сообщил ему».

Ознакомившись с этим письмом, Жоан Каэйро приказал в великой тайне собрать на совет самых знатных и почтенных людей из своего отряда и, показав им письмо, добавил затем от себя, как важно и выгодно для дела господ бога и нашего государя было бы принять предложение, с которым обращался к ним Шаубайнья. После чего, потребовав от Пауло де Сейшаса присяги, что он будет говорить правду, он предложил ему рассказать все, что он знает про это дело, и правда ли, что сокровище Шаубайнья так уж велико, как о нем толкуют. На это Пауло де Сейшас сказал, что как человек, поклявшийся говорить только правду, он не может с уверенностью сказать, сколь велико сокровище короля; но сам он пять раз видел собственными глазами большой покой, размерами с небольшую церковь, наполненный до потолка слитками золота в виде караваев и брусков, — как ему кажется, ими можно было бы нагрузить два больших корабля. Кроме этого, он видел двадцать шесть больших закрытых и перевязанных веревками ящиков, в которых, как сказал ему Шаубайнья, лежало сокровище Брезагусана [{271}](#), прежнего короля Пегу, а что всего золота, по словам короля, сто тридцать тысяч бис, что, по пятьсот крузадо за бису, составляет шестьдесят пять миллионов, а что до караваев серебра, которые он тоже видел в храме Киая Адока, бога грома, то точно, сколько его, он не знает, но собственными глазами видел их такое количество, что и на четырех добрых кораблях их не увезти. Он добавил, что ему также показывали захваченное в Дагуне [{272}](#) золотое изваяние Киая Фригау [{273}](#), все покрытое драгоценными камнями, столь крупными, прекрасными и сверкающими, что во всем свете нет ничего подобного.

Всем рассказанным Пауло де Сейшасом под присягой все присутствующие были так поражены, что большинству из них все это показалось невероятным. Пауло де Сейшасу предложили выйти из палатки

и приступили к обсуждению того, что нужно предпринять. Но, за грехи наши, ни к какому решению не пришли, в мнениях на этом собрании разошлись настолько, что даже при вавилонском столпотворении не говорили люди на столь различных языках, как здесь. Главной причиной, как потом объясняли, была зависть шести или семи человек, приглашённых на этот совет, которые, воображая себя невесть какими знатными дворянами и полагая, что, если милостью божьей дело это увенчается успехом, как все надеялись, Жоан Каэйро (а его большинство недолюбливало) получит от этого такую славу и честь, что мало будет пожаловать ему титул маркиза или назначить губернатором Индии. Из-за этих-то слуг дьявола, ссылавшихся на различные трудности, которыми они старались прикрыть свое малодушие, дурной нрав и боязнь потерять свое добро, а также и головы, если бирманский король победит, решили начисто отказаться от предприятия, тем более что они пригрозили донести обо всем бирманскому королю, если Жоан Каэйро примет предложение Шаубайньи и приступит к осуществлению плана. Жоан Каэйро вынужден был скрыть свои чувства, ибо боялся, что португальцы, потеряв страх божий и совесть человеческую, и впрямь раскроют тайну заговора.

Глава CXLIX

О решении, которое принял Шаубайнья после того, как узнал, что не может рассчитывать на помощь португальцев

Когда Жоан Казейро понял, что все его старания ни к чему и что нет никакой возможности осуществить то, чего он так желал, он написал ответ Шаубайнье, в котором отказывался от его предложения, приводя весьма неубедительные доводы. Письмо это он передал Пауло де Сейшасу, чтобы он доставил его по назначению. Последний немедленно отправился в путь и, выйдя из португальского лагеря в три часа пополудни, прибыл в город, где нашел Шаубайню в условленном месте, и вручил ему ответ. Прочитав его и узнав, что на помощь наших он рассчитывать не может, король, который твердо на нее надеялся, как говорят, был так поражен, что от великой скорби и печали потерял сознание и некоторое время лежал без движения. Потом, очнувшись, он стал бить себя по лицу, оплакивая свою горестную участь, и, прерывая речь свою рыданиями и вздохами, сказал:

— Эх, португальцы, португальцы, сколь дурно отплатили вы мне, несчастному, за все те услуги, которые я не раз вам оказывал! Мне казалось, что, поступая так, я умножаю сокровищницу вашей благодарности и что вы, как верные друзья, поможете мне, если для меня наступят такие вот трудные времена, как эти. Ведь я ничего иного не добивался и ничего большего не желал, как спасти моих детей, обогатить вашего короля и принять вас на своей земле, на которой отныне вы стали бы хозяевами. О, если тому, кто царствует на небесах и обитает среди светил своих, угодно было признать вас достойными совершить это доброе дело! Но, видно, грехи мои послужили тому непреодолимым препятствием. Ибо вы могли бы таким путем приобщить меня к вашей вере, а я смог бы спастись, уверовав в истину того, что она сулит.

И, отпустив от себя Пауло де Сейшаса и девушку, от которой Пауло прижил двух детей, он отдал последнему, чтобы ему легче было перенести тяготы осады, два запястья, добавив:

— Прошу тебя, не вспоминай про то малое, что я тебе дал, но про ту большую любовь, которую я к тебе всегда питал, и не забудь передать португальцам, с какой великой скорбью я оплакиваю их неблагодарность, в которой я обвиню их перед лицом всевышнего в день Страшного суда.

Пауло де Сейшас вернулся на следующую ночь с двумя сынишками и

матерью их, молодой, благородной и очень красивой особой, на которой он потом женился в Шароманделе, где продал запястья, которые подарил ему Шаубайнья, за тридцать шесть тысяч крузадо Мигелю Феррейре Симану де Брито и Перо де Бружесу, торговавшим драгоценными камнями, у которых губернатор Нарсинги Тримила купил их уже за восемьдесят тысяч.

На шестые сутки после того, как Пауло де Сейшас пришел из города в лагерь и пересказал нам все то, что я сейчас изложил, Шаубайнья, осознав, что выхода у него больше не осталось, решил обсудить со своими все несчастья и неудачи, которые непрерывно обрушивались на него; советники его пришли к выводу, что необходимо умертвить всех, кто не в состоянии сражаться, кровь их принести в жертву Киаю Ниванделу, богу сражений на поле Витау, бросить в море все сокровища, чтобы они не достались врагам, и напоследок поджечь город. Все же способные взять в руки оружие должны были довести себя до неистовства ^[274] и погибнуть на поле брани, сражаясь с бирманцами. Шаубайнья признал этот совет за лучший и пожелал, чтобы только ему и следовали. Приняв это решение, он велел ломать дома и собирать дрова, чтобы выполнить свой замысел. Но тут один из трех главных военачальников города, опасаясь того, что должно было произойти на следующий день, перекинулся ночью с четырьмя тысячами людей в лагерь бирманцев. Бегство это и измена так сломили дух у оставшихся, что никто уже больше не хотел собираться по тревоге или стеречь склады, как раньше, и все в один голос заявили, что, если Шаубайнья не договорится каким-нибудь образом с Бирманцем, они раскроют ворота, ибо им во сто раз любезнее погибнуть с оружием в руках, чем постепенно вымирать, как скот, пораженный поветрием. На это Шаубайнья, чтобы успокоить мятеж, который уже начинал разгораться, ответил, что так и поступит, а посему велел еще раз произвести пересчет способных владеть оружием, но их набралось всего две тысячи человек, да и они были уже в таком состоянии и дух у них был настолько сломен, что они вряд ли устояли бы против слабой женщины. Придя от этого в крайнее отчаяние, он обсудил положение со своей женой, ибо к этому времени он ни с кем иным уже не мог посоветоваться, так как никто не говорил ему правды. И как последнее средство он решил сдаться на милость победителя, предоставив ему поступить с ним, как тому заблагорассудится.

На другой день в шесть часов утра на стене города появился белый флаг в знак перемирия, на что в лагере врага немедленно ответили тем же. Шемимбрун, являвшийся главнокомандующим осаждавших войск, послал верхового к бастиону, с которого свесили флаг, и осажденные сообщили, что Шаубайнья хочет передать письмо бирманскому королю и просит,

чтобы посланцу был выдан пропуск. Шемимбрун немедленно выслал последний с двумя верховыми, людьми весьма знатными, которые и остались заложниками в городе. Пропуск был начертан на листе кованого золота, на котором стояла печать короля; с ним отправился один из грепо Шаубайньи, монах восьмидесяти лет, почитавшийся святым человеком. Письмо, которое он нес, гласило следующее:

«Любовь к детям в этой плотской обители нашей слабости так сильна, что не найдется ни одного из нас, отцов, кто не согласился бы ради них тысячу раз спуститься в глубокое Озеро Дома Змеи, а тем паче вручить свою жизнь тому, кто проявляет ко всем милосердие. А посему нынче ночью я решил вместе с женой своей и детьми, вразрез с мнением тех, кто хотел отговорить меня от этого шага, который я считаю наилучшим, предать себя в руки Вашего Величества, для того чтобы Ваше Величество поступили со мной и с ними так, как ему будет угодно. Предпочитаю не повергать к стопам Вашего Величества оправданий, почему это не сделано было раньше, дабы Ваше Величество не считалось с ними и тем ярче пред лицом всевышнего засияла заслуга Вашего ко мне милосердия. Ваше Величество может сейчас же завладеть как мной, так и женой моей и детьми, равно как городом, сокровищем и всем королевством, ибо с настоящего часа я все это передаю и собственность Вашего Величества как истинного государя и законного сюзерена моего, коленопреклоненно и униженно умоляя его даровать моей семье и мне в бедности окончить жизнь в монастыре, где я обещаю вечно проливать слезы глубокого раскаянья за совершенные мною преступления; ибо от почестей и мирских богатств, которыми Ваше Величество как повелитель большей части суши и морских островов могло бы наделить меня, я навсегда отказываюсь, повергая их к стопам Вашего Величества и принося вновь и вновь обещание и торжественную клятву перед величайшим из всех богов, манием своей всеильной руки движущим тучами небесными, никуда не выходить из обители, которую, государь мой, Вы назначите мне по своему усмотрению. И да будет она в краях, где господу угодно будет лишить меня всего необходимого, дабы покаянная жизнь моя, чуждая всех земных благ, стала более угодной тому, кто прощает все. Святой грепо, старший талапой ^[275] золотого дома священного Кияя, благодаря достоинству своему и строгой жизни имеющий власть надо мной, повергнет к стопам Вашим все прочее, что касается моей передачи себя Вашему Величеству, дабы уверенность в незыблемости Вашего слова успокоила тревоги, непрерывно осаждающие душу мою».

Бирманский король, прочитав это письмо, велел написать на него

ответ, полный клятв и обещаний, что прошлое отныне предается забвению и что сверженному государю он пожалует земли, приносящие такой доход, что тот останется доволен; однако из клятв этих он ни одной не выполнил, как будет сказано дальше.

Весь этот день прошел в великом возбуждении, ибо все хотели видеть, как произойдет сдача, но ждать пришлось до следующего дня. На другой день с утра прибыл король со своим доном, или лагерем, состоявшим из восьмидесяти шести весьма богатых шатров, каждый из которых окружали тридцать слонов, расположенных в боевом порядке двумя рядами. На них установлены были расцвеченные флагами башни, а к хоботам прикреплены мечи; всего их было тысяча пятьсот восемьдесят. Замыкали шествие двенадцать тысяч бирманцев, ехавших в четыре ряда на конях, украшенных великолепными сбруями и чепраками. Все воины были в нашитых на кожу кольчугах и нагрудных латах, а вооружены были копьями, короткими мечами и позолоченными щитами. Ехали они в окружении бирманских пехотинцев числом свыше двадцати тысяч. Все же прочие бесчисленные воины лагеря были по приказу короля разбиты по их частям и выстроены во главе со своими начальниками. Над каждой частью развевались их бесчисленные богатые знамена и штандарты, у каждой были свои музыканты, игравшие на различных инструментах; шум был такой грозный и оглушительный, что расслышать человеческий голос было невозможно. А вокруг этих войск из конца в конец носились всадники с пиками, криком и свистом устанавливавшие порядок.

Бирманский король, пожелав отпраздновать сдачу Шаубайньи с особой пышностью, приказал всем иностранным военачальникам выстроиться со своими вооруженными людьми так, чтобы образовать нечто вроде улицы, по которой должен был пройти Шаубайнья. Все это было немедленно выполнено, и улица эта, шедшая от ворот города до королевской ставки, вытянулась на две трети легуа. Образовывали ее тридцать шесть тысяч иностранцев из сорока двух стран, в число которых входили португальцы, греки, венецианцы, турки, янычары, иудеи, армяне, татары, монголы, абиссинцы, раизбуты, нобины, корасоны, персы, тупара, жизары, танюки из Счастливой Аравии, малабарцы, яванцы, ашенцы, сиамцы, лузонцы с острова Борнео, шакома, арраконы, предины, папуасы, целебесцы, минданаосцы, пегу, бирманцы, шалоны, жакесалоны, савади, тангу, каламиньяны, шалеу, андаманцы, бенгалыцы, гузараты [{276}](#), андрагирцы, менанкады и еще многие другие, названия которых мне остались неизвестны. Все эти чужеземцы выстроились по порядку, который был им указан Шемимбруном, главнокомандующим, отведшим

португальцам первое место у самых ворот города, через которые должен был пройти Шаубайнья. Непосредственно за ними следовали армяне, затем янычары, а остальные были расставлены, как ему заблагорассудилось; и таким вот образом ряды этих иностранцев тянулись до самого доно короля, где стояла бирманская охрана.

Глава CL

Как Шаубайнья передал себя в руки бирманского короля и великое оскорбление, которое довелось вынести при сем португальцам

Примерно в час дня был дан выстрел из бомбарды, по каковому сигналу ворота города распахнулись. Первой оттуда вышла охрана из четырех тысяч сиамцев и бирманцев, вооруженных мушкетами, алебардами и копьями, которую накануне король велел внести в город; затем последовало более трехсот вооруженных слонов, коими командовал дядя короля, бирманец по имени Монпокасер, байнья города Мелейтай в королевстве Шалеу. Отступая шагов на десять — двенадцать от этой охраны слонов, шло множество феодалов, которых король отрядил принимать Шаубайню, среди которых были нижеследующие: ширка Малакоу с другим владетельным князем, имя которого мне не удалось узнать, — каждый из них ехал на своем слоне, украшенном позолоченной сбруей, сиденьем и серебряным ошейником. Непосредственно за ним таким же образом ехали байнья Кендоу, владетель Козмина, знаменитого города в королевстве Пегу, и монжибрай Дакозена. За этими двумя следовали бражский байнья, Шамалакур, Ньяй Вагару, шемин Анседы, катанский шемин, шемин — сын Монканикау, короля Жангомы, байнья Ла, раджа Савади, шакский байнья — правитель государства, Дамбамбу — повелитель Мергина, раджа Савади — брат бердийского короля; байнья Базой, Конталаньямейдо, неграйский монтео и коуланский ширка. После этих и многих других князей [{277}](#), имена которых я не узнал, на расстоянии восьми или десяти шагов следовал талапой, ролин Моуная, высший представитель жрецов королевства [{278}](#) и почитаемый королем за святого; он один следовал вместе с Шаубайней как посредник и представитель короля. Непосредственно за ними на трех паланкинах несли супругу Шаубайни Ньяй Канато, дочь бывшего короля Пегу, у которого бирманский король отобрал королевство, вместе с ее четырьмя малолетними детьми, двумя мальчиками и двумя девочками от четырех до семи лет; а позади этих паланкинов шли, обливаясь в глубокой печали слезами, тридцать или сорок благородных женщин, молодых и прекрасных, — все они опирались на других женщин, которые их поддерживали. Последних со всех сторон окружали пожилые талагрепо,

которые у них являются чем-то вроде наших капуцинов, — шли они босиком, с обнаженными головами и держали в руках четки. Они пытались поддержать дух этих женщин и опрыскивали их водой, когда они лишались чувств, что случалось с ними часто. Зрелище это было столь жалостно, что не было человека, у кого не сжималось бы сердце от боли и страдания. За этими безутешными женщинами шла опять пешая охрана, и все шествие замыкало около пятисот бирманцев на конях.

Сам Шаубайнья ехал на низкорослом слоне в знак бедности и презрения к мирской суете, как приличествует монаху, которым он намеревался стать, без какой-либо пышности, со свежесбрившейся головой, бородой и бровями, одетый в траурный и очень длинный халат из черного бархата, с петлей из ветхой кокосовой веревки на шее, чтобы в таком виде отдаться в руки королю. На лице его была написана такая печаль, что всякий, кто его видел, не мог удержаться от слез. Ему было шестьдесят два года, был он высок и хорошо сложен, глаза имел усталые и грустные, выражение значительное и суровое — словом, вид великого монарха. Когда он приблизился к площади, примыкавшей к воротам города, где его ожидало бесчисленное количество женщин, детей и стариков, и прежде чем он успел мимо них проехать, народ, увидев, в каком плачевном он состоянии, издал шесть или семь раз столь раздирающий крик, что можно было подумать, будто разверзается земля. После этого все стали громко причитать, плакать, бить себя по лицу и разбивать камнями себе головы, буквально купаясь в крови. Это жестокое и ужасное зрелище так разжалобило всех присутствующих, что даже бирманские стражники, враги, да и по природе своей люди крепкие, плакали, как дети.

Тут Ньяй Канато и окружавшие ее женщины дважды лишались чувств. Король был вынужден сойти со слона, чтобы помочь привести в чувство и утешить королеву. Увидев ее лежащую без сознания на земле в объятиях четверых своих детей, Шаубайнья стал перед ней на оба колена, поднял глаза к небу и, обливаясь слезами, произнес:

— О великий и всемогущий господь, кто способен оценить справедливость решения твоего божественного правосудия, которое, не считаясь с невинностью сих безгрешных младенцев, гневу своему дает перешагнуть за пределы, где уже не может настигнуть его наш разум! Но, господи боже мой, вспомни, кто ты, а не кто я.

И с этими словами король рухнул рядом с королевой, что вызвало новый взрыв криков и причитаний толпы столь громких, что прямо не знаю, как передать их словами. Когда же Шаубайнья пришел в себя, он попросил воды и опрыскал ею жену, чем привел ее в чувство. Взяв ее на

руки, он довольно долгое время утешал ее речами, под стать скорее доброму католику, нежели язычнику. После того как на все эти проволочки ушло почти полчаса, короля снова посадили на слона, и печальное шествие продолжало свой путь в прежнем порядке. Когда Шаубайнья прошел городские ворота и вышел на улицу, составленную из двойного ряда чужестранных воинов, он, хоть и ехал все время, опустив печально глаза, поднял их на какое-то мгновение и заметил семьсот парадно одетых португальцев в коротких кожаных куртках, шапках, украшенных перьями, и с мушкетами на плечах, и среди них Жоана Каэйро в ярко-красной одежде, который позолоченным мечом своим расчищал дорогу. Взглянув на него и узнав его, Шаубайнья упал лицом на шею слона и, не желая ехать дальше, сказал сквозь слезы окружавшим его:

— Истинно, братья и друзья мои, меньше муки и униженья для меня в той жертве, которую господь по справедливости своей позволил мне принести, чем созерцать столь неблагодарных и бессовестных людей, как эти. Или убейте меня тут же, или уберите их отсюда, ибо дальше я не поеду.

С этими словами он отвернулся, чтобы не видеть нас и показать этим, как глубоко мы его обидели, что, как явствует из предыдущего, не лишено было известного основания. Начальник стражи, видя, что Шаубайнья остановился и причина остановки — мы, но не зная, из-за чего он на нас в обиде, подъехал на своем слоне к Жоану Каэйро и гневно сказал ему:

— Убирайся отсюда, ибо нельзя таким скверным людям, как вы, попираť землю, которая плодоносит. Да простит господь тому, кто внушил королю нашему мысль, что вы на что-нибудь годитесь. Сбрейте себе бороды, чтобы не вводить людей в заблуждение, что вы мужчины, женщинами будете служить нам за деньги.

И так как бирманская стража начала уже роптать на нас и грозиться, нас выбросили из строя с превеликим для нас позором и посрамлением. Истинно говорю вам, это было величайшее унижение, которое мне пришлось испытать за всю свою жизнь как португальцу. После этого Шаубайнья продолжал свой путь к шатру короля, который ожидал его во всем своем царском величии. В свите его было много вельмож и сановников, в том числе пятнадцать байнья, что-то вроде наших герцогов, и пять или шесть представителей знати с еще более высокими и почитаемыми титулами. Приблизившись к королю, Шаубайнья бросился к его ногам и простерся на земле, не в состоянии произнести ни слова. Тут на помощь пришел ему моунайский ролин, который за него обратился к королю со следующими словами:.

— Зрелище это, государь мой, должно было бы побудить твое сердце к жалости, какова бы ни была вина преступника. Вспомни, что господу нашему в людях угодно смирение, пример которого ты видишь ныне перед собой, и что к смиренным он выказывает больше всего снисхождения. Возьми пример с него и прояви то милосердие, которое все от тебя ожидают, хотя и не раскрывают уст своих; пойми и поверь, что этим ты так угодишь богу, что когда в твой смертный час он взглянет на тебя, то прострет над главою твоей могучую свою десницу, дабы ты был очищен от всех грехов.

К этим словам он прибавил еще многие, побудившие короля даровать Шаубайнье полное прощение и принести в этом обещание, чем и ролин, и прочие присутствующие при этом сановники остались очень довольны и всячески хвалили его, полагая, что он так действительно и поступит. И так как уже наступила ночь, король велел всем разойтись, несчастного же Шаубайню передали бирманскому военачальнику по имени шемин Коумидау, а жену Шаубайньи, детей и всех женщин — шемину Анседы, так как при нем состояла жена, да и сам он был пожилой и всеми уважаемый человек, которого бирманский король очень ценил.

Глава CLI

Как город Мартаван был отдан на разграбление и уничтожен и о том, как шли на казнь королева и прочие женщины

Так как ко времени, когда окончилась церемония сдачи, наступила ночь, король, опасаясь, как бы солдаты не ворвались в город и не стали грабить его по собственному почину, велел во всех его двадцати четырех воротах поставить бирманских военачальников, с тем чтобы они под страхом сурового наказания не впускали туда никого, пока король не даст на то разрешения, обещанного наемникам, которым он посулил полную свободу действия. Распоряжение это было вызвано, впрочем, не столько открыто выставленной причиной, сколько желанием в первую очередь забрать сокровища Шаубайньи. Поэтому в течение двух суток король не принимал никаких мер в отношении находившихся в его власти пленников и за это время постарался перевезти к себе все сокровища, которых было столько, что на эту работу пришлось послать тысячу человек. На третьи сутки утром король перебрался на холм Бейдан, находившийся от Мартавана на расстоянии двух выстрелов из фальконета, и приказал военачальникам открыть ворота, предоставив несчастный город на разграбление. По последнему сигналу, данному выстрелом из бомбарды, солдаты с таким неистовством бросились в город, что в воротах, как говорят, задавлено было более трехсот человек, ибо солдат было бесчисленное множество, принадлежали они к самым различным народам и большинство их было людьми разнузданными, без совести и страха божьего, которым ничего не стоило убить сто человек из-за какого-нибудь крузадо. Слепая кровожадность грабителей была такова, что король шесть или семь раз самолично умирал происходившие то и дело волнения и стычки. Грабеж с неистовой алчностью и жестокостью продолжался трое с половиной суток, и город был так обобран дикими и жадными солдатами, что под конец в нем не осталось ничего, представляющего хоть какую-нибудь ценность. После этого король велел под звуки труб торжественно объявить о разрушении пышного и прекрасного дворца Шаубайньи и еще тридцати дворцов главных военачальников, а также маленьких храмов и пагод, находившихся в городе, причем уничтожено было этих великолепных зданий на десять миллионов золотом. Не удовлетворившись этим, он велел поджечь со ста сторон еще не разрушенные дома, и, так как

пожару способствовал сильный ветер, за одну ночь город выгорел полностью и даже стены, башни и бастионы кое-где сгорели до основания. В конечном счете эта безжалостная месть, как говорят, стоила жизни ста шестидесяти тысячам людей, погибшим либо от меча, либо от голода, кроме того, примерно такое же количество было взято в плен. Сожжено было сто сорок тысяч домов и семнадцать тысяч храмов [\[279\]](#), в которых было уничтожено огнем шестьдесят тысяч изваяний идолов, большинство которых было покрыто золотом; три тысячи слонов было съедено во время осады, уничтожено шесть тысяч орудий, железных и бронзовых, сто тысяч кинталов перца и почти такое же количество пряностей, сандала, росного ладана, гуммилака, стиракса, дерева алоэ, камфоры, шелка, а также множество других драгоценных товаров, особенно же индийских, прибывших сюда на сотне с лишним камбайских, ашенских, мелиндских и цейлонских судах [\[280\]](#), равно как и товаров из Меккского пролива, Лекийских островов и Китая. А что касается серебра, золота и драгоценных камней, то точного здесь ничего не скажешь, так как ценности эти прячут и обладание ими отрицают. То же, что забрал себе бирманский король из сокровища Шаубайньи, составляло, как уверяют, более ста миллионов, из которых государь наш потерял половину из-за грехов наших, а быть может, из-за робости и зависти злонамеренных людей. На следующий же день утром, после того как был разграблен, разрушен, спален и сровнен с землей город, на том самом холме, где находился до этого король, появилась двадцать одна виселица — все они были одинакового размера, за исключением одной, несколько меньшей. Были они возведены на каменных столбах и окружены со всех сторон решетками из черного дерева с балдахинами и позолоченными флюгерами. Место казни охраняли сто верховых бирманцев, кроме того, оно было обнесено очень широкими валами, над которыми развевались черные знамена, обрызганные каплями крови.

Так как цель сооружения не совсем была понятна, мы, шесть португальцев, решили пойти и все выяснить. Осматривая эти орудия смерти, мы слышали великий шум и смутные голоса, доносившиеся из лагеря. Все еще не понимая, что происходит, мы увидели, что из королевской ставки потянулось великое множество всадников, которые пиками пролагали в толпе широкий проход и громким голосом объявляли, что под страхом смерти запрещается кому бы то ни было появляться с оружием или громко высказывать устами то, что у него на сердце.

На довольно большом расстоянии от этих глашатаев следовал

главнокомандующий Шемимбрун со слонами и большим количеством пеших. За ними ехало полторы тысячи расположенных четырьмя рядами бирманских всадников, которыми командовал Таланьяживрай, вице-король Тангу. Далее шли три тысячи вооруженных мушкетами и пиками сиамцев под командой Шаусеро Сиаммона, окружавших большое количество женщин, которых, как здесь говорили, было сто сорок; все они были связаны по четверо, сопровождали их талагрепо суровой жизни, нечто вроде наших капуцинов, которые поддерживали их на смертном пути. Позади, в сопровождении двенадцати стражей с серебряными булавами, шла жена Шаубайньи Ньяй Канато, дочь короля Пегу, у которого бирманский тиран отнял государство, вместо со своими четырьмя детьми, которых несли на руках четверо всадников. Все сто сорок осужденных на казнь женщин были жены и дочери главных военачальников в осажденном городе, на которых тиран захотел выместить свою злобу и ненависть, которую он всегда питал к женщинам. Всем им или большинству из них было от шестнадцати до двадцати пяти лет, были они белолицые и красивые, с волосами, как пряди золотых нитей, но настолько ослабевшие и подавленные, что от всякой громкой команды способны были лишиться чувств; шедшие рядом женщины поднимали их и ставили на ноги, предлагая им сладости, на которые несчастные не обращали почти никакого внимания. Ибо были они так убиты горем, что почти не слушали того, что говорили им талагрепо, разве что иная из них воздевала руки к небу. За королевой, опустив глаза и проливая обильные слезы, шли шестьдесят грепо, по тридцать в ряд, читавшие молитвы по молитвенникам. Время от времени они произносили нараспев:

— Ты, что бытием своим обязан себе, послужи основой дел наших, дабы угодны они были суду твоей справедливости. На что другие отвечали со слезами:

— Сподоби нас сего, господи, да не станем мы по своей вине недостойны богатых даров, кои ты нам обещаешь.

За этими грепо следовали процессией более трехсот детей с кокосовыми веревками на шеях. Они были раздеты ниже пояса и, держа в руках свечи из белого воска, произносили на очень печальный лад:

— Милосердный боже, внемли гласу нашему и даруй прощение сим рабам своим, да возрадуются они богатым дарам из сокровищницы твоей.

Так они шли, все время молясь за осужденных, а за ними двигался отряд пеших охранников, тоже из бирманцев, с копьями, стрелами или с аркебузами. Шествие замыкалось еще одной сотней слонов, как те, что шли впереди, так что всех — исполнителей этого приговора, охраны и

войск, придававших торжественность этому шествию, было десять тысяч пеших, две тысячи конных, не говоря уже о простом народе, которого было бесчисленное множество, как местных жителей, так и иностранцев.

Глава CLII

Как была приведена в исполнение казнь над ста сорока осужденными женщинами, над Шаубайньей, его женой и его четырьмя малыми детьми

В этом порядке печальное шествие прошло по всему лагерю до места, где должна была совершиться казнь. Осужденные дошли туда с великим трудом, ибо это были слабые духом и телом женщины, а вдобавок еще молодые и нежные: на каждом шагу они падали в обморок. Когда все наконец взобрались на холм, шесть верховых стражников слова громким голосом возвестили:

— Слушайте и смотрите, люди всего света, как по приказу бога живого и господина истины, имеющего неограниченную власть над головами нашими, будет свершен приговор над сими преступницами. Ибо угодно и приятно было ему, чтобы, ввергнутые в стихию воздуха, погибли сии сто сорок женщин, по чьему наущению мужа и отцы их восстали вместе с этим городом и умертвили в нем в разные времена двенадцать тысяч бирманцев из королевства Тангу.

Затем они ударили в колокол, и вся огромная толпа палачей и стражников издала столь громкий крик, что слышать его было страшно. Когда безжалостные палачи приготовились приступить к выполнению этого жестокого приговора, несчастные женщины, заливаясь слезами, бросились в объятия друг другу, а затем, обратив свои взоры к Ньяй Канато, которая в полуобморочном состоянии склонила голову на грудь пожилой женщины, попрощались с ней, и одна из их, говоря как бы от имени более слабых, бессильных что-либо вымолвить, произнесла:

— О государыня, венок из роз на головах наших, раз уже рабами твоими мы отправляемся с тобой в печальную обитель смерти, утешь нас присутствием своим, чтобы с меньшей скорбью покидали мы страждущую плоть нашу, дабы предстать перед праведным судьей о могучей деснице, у которого со слезами на глазах мы будем просить вечного отмщения за несправедливость сего приговора.

Ньяй Канато, обратив к ней свое мертвенное лицо, ответила столь слабым голосом, что его едва можно было расслышать:

— *Niche bocaو finarato guiry vanzilau motarem hotapir*, — что значит: «Не уходите, сестры мои, помогите мне поддержать этих малых детей».

И опять замолчала, упав головой на грудь старухи.

Тут служители десницы гнева приступили к казни; несчастные женщины были подведены к своим виселицам, по семи на каждую, и повешены за ноги головами вниз. Они долго кричали в страшной тоске, так как смерть приходила к ним не легко, но через час все задохлись от собственной крови. Тем временем всадники осаживали людей, которых набралось столько, что пробиться сквозь эту толпу не было возможности. К виселице, на которой Ньяй Канато должна была быть повешена вместе с четырьмя своими малыми детьми, ее несли на руках четыре женщины, ранее ее поддерживавшие. Когда моунайский ролин, считавшийся там святым, сказал ей несколько подбодривших ее слов, она попросила воды и опрыскала ею лица детей, которых держала на руках, и, покрывая их поцелуями, сказала сквозь слезы:

— О детки, детки мои, рожденные ныне вновь в душе моей, о, если бы мне было дано тысячью смертей выкупить вашу жизнь! Клянусь вам страхом и ужасом, который я вижу на лицах ваших и который все видят на моем, что со столь же великой радостью почла бы я принять смерть от руки этого ничтожного врага, как узреть всевышнего в безмятежности его небесной обители. — И, взглянув на палача, набросившего уже веревку на двух детей, воскликнула: — Прошу тебя, друг мой, не будь безжалостным и не заставляй меня быть свидетельницей смерти детей моих, ибо этим совершишь ты великий грех, но лиши меня жизни первой, и я буду тебе всей душой обязана за эту милость, которую я испрашиваю у тебя ради бога.

Тут она снова принялась обнимать и целовать детей, прощаясь с ними, но вдруг испустила дух на груди поддерживавшей ее старухи. Увидев это, палач поспешил повесить ее так же, как и других, что он проделал и с четырьмя детками, поместив несчастную мать посередине, а деток по бокам, по двое с каждой стороны. Это печальное и жестокое зрелище вызвало в народе возмущение, крики и вопли сотрясали землю, а лагерь пришел в такое волнение, что король поспешил укрепиться в нем, окружив себя шестью тысячами бирманцев на конях и тридцатью тысячами пехотинцев, но и при всем этом он был исполнен страха, ибо всегда боялся мятежа, который и произошел бы, если бы не наступила ночь. Дело в том, что успокоить мятеж было нечем, так как из семисот тысяч человек, находившихся в лагере, шестьсот тысяч были жители Пегу ^{281}, соотечественники казненной королевы, но Бирманец довел их до такой степени покорности и страха, что они и слова вымолвить не смели.

Такой вот унижительной и позорной казни была предана Ньяй Канато,

дочь короля Пегу, императора девяти королевств и супруга Шаубайньи, короля Мартавана, принцесса, имевшая в год три миллиона золотом дохода. А ее несчастный муж был в ту же ночь брошен с камнем на шее в море ^{282} вместе с пятьюдесятью или шестьюдесятью своими вассалами, среди которых были владетельные князья, имевшие по тридцать и сорок тысяч крузадо в год, — отцы, мужья и братья ста сорока женщин, безвинно приговоренных к жестокой и позорной казни, как и три фрейлины королевы, которых бирманский король, будучи еще графом, сватал, но получил отказ, так как ни они сами, ни отцы их не захотели снизойти до него. Однако все это дело рук фортуны, которая всегда играет человеческими судьбами.

Глава CLIII

О несчастьи, происшедшем со мной в Мартаване, и о том, что совершил бирманский король, после того как прибыл в Пегу

После этой жестокой казни тиран Бирманец задержался еще девять дней в городе, каждый день осуждая на смерть кого-нибудь из жителей, а затем отправился в Пегу, оставив своим заместителем байнью Шаке, своего главного мажордома, который должен был принять необходимые меры для успокоения страны, а также начать возводить заново сожженный город. Для этой цели бирманский король дал ему достаточный гарнизон, а с собою забрал остаток войска вместе с семьями португальцами Жоана Каэйро, из коих в Мартаване было оставлено трое или четверо ничем не примечательных людей. Кроме них, там задержался еще некий Гонсало Фалкан, дворянин из хорошей семьи, известный среди язычников под именем Кришна Пакау, что означает «Цветок цветов» — почетное прозвище, которое король Бирмы дал ему в награду за заслуги. Так как Перо де Фариа, когда я уезжал из Малакки, передал мне к нему письмо, в котором просил Гонсало Фалкана, если в делах моего посольства понадобится его помощь, не отказать мне в содействии как ради короля, так и из личного ему, Перо де Фарии, одолжения, я не преминул, прибыв в Мартаван, где Фалкан проживал, передать ему письмо и объяснил, что целью моего посещения является подтверждение прежних мирных договоров, которые Шаубайнья через своих послов заключил с Малаккой еще при первом комендантстве Перо де Фарии, когда состоялось знакомство. Письмо, которое я вез ему, было полно дружественных изъявлений и сопровождалось богатым подарком из китайских безделушек.

Этот Гонсало Фалкан, желая утвердиться в благорасположении короля Бирмы, на сторону которого он перекинулся во время осады, бросив своего прежнего покровителя Шаубайнья, явился через три дня после отъезда короля к назначенному им губернатору и сообщил, что я прибыл в качестве посла коменданта Малакки к Шаубайнье, для того чтобы предложить ему значительную помощь людьми против бирманского короля, вторгшегося в его земли. Он сказал, что португальцы решили укрепить Мартаван и изгнать бирманцев из королевства, добавив еще многое другое в том же духе, после чего губернатор приказал немедленно меня задержать и заключить под надежную стражу, а сам отправился на джонку, на которой

я прибыл из Малакки, арестовал некого — капитана и хозяина джонки и захватил товаров на сумму более ста тысяч крузадо и людей общим числом сто шестьдесят четыре человека. Среди них было сорок богатых малайских и менанкабских купцов, как язычников, так и мусульман, проживавших в Малакке, у которых без долгих слов было конфисковано имущество, а они сами, как я, объявлены пленными, за то что пособничеством и укрывательством содействовали направленным против короля Бирмы преступным переговорам между Шаубайней и комендантом Малакки.

Нас велено было бросить в подземную тюрьму, причем губернатор приказал еще дать нам порядочное количество плетей, так что спустя месяц сто девятнадцать человек, из ста шестидесяти четырех измученных и беззащитных, умерло от летаргических приступов, голода и жажды, сорок же пять оставшихся в живых посадили в сампан без парусов и без весел и пустили вниз по течению реки. Несчастные, брошенные на произвол судьбы, пристали наконец к необитаемому острову под названием Пуло-Камуде в двадцати легуа от устья реки, где им удалось раздобыть кое-какую пищу: марисков и лесные плоды. Из одежды своей они ухитрились смастерить парус, и, вооружившись парой весел, которую там нашли или изготовили, прошли вдоль берега сначала до Жунсала, потом до другого места, а оттуда за два месяца добрались до реки Парлеса в королевстве Кеда, где большая часть их погибла от опухолей в горле, напоминающих чумные бубоны, так что живыми до Малакки добралось всего два человека, сообщивших Перо де Фарию все обстоятельства этого несчастного путешествия и то, что меня ожидает смертная казнь, которая бы меня и не миновала, если бы не всевышний. Ибо после того как некогда и купцы были высланы из государства описанным мною образом, меня перевели в другую, еще более строгую тюрьму, где я провел тридцать шесть дней самым жестоким образом закованный в железа.

Между тем этот пес губернатор измышлял все новые и новые обвинения, приписывая мне то, что и в голову-то мне никогда не приходило, с единственной целью со мной разделаться, а потом ограбить, как он сделал со всеми, кто находился в джонке. На суде он трижды допрашивал меня в присутствии многих людей, но всякий раз я отвечал не то, что им было нужно, отчего он и все прочие пришли в величайшее бешенство и стали утверждать, что я говорю так из гордости и презрения к суду, за что тут же при всем народе наказали меня плетями и пытали меня расплавленным сургучом, отчего я чуть не умер. В полумертвом состоянии я провел двадцать дней; и никто уже не думал, что я смогу поправиться. Много раз доведенный до совершенного отчаяния и не зная толком, что я

говоря, я повторял, что меня преследуют лжесвидетельствами только для того, чтоб украсть мой товар, но что капитан Жоан Каэйро, который сейчас в Пегу, не преминет доложить об этом королю, и эти-то слова и помогли господу нашему спасти меня от смерти. Ибо когда пес этот уже готов был привести в исполнение смертный приговор, который он мне вынес, в дело вмешалось несколько его друзей, посовествовавших ему воздержаться, ибо, если он меня убьет, все португальцы в Пегу скажут королю, что он осудил меня на смерть и казнил лишь для того, чтобы отнять у меня на сто тысяч крузадо товаров, принадлежащих коменданту Малакки. Нет сомнения, что король потребует у него отчета в конфискованном имуществе, и если даже он на самом деле предъявит ему все, что он взял, король этим не удовлетворится и будет думать, что отобрано было гораздо больше. От этого он неизбежно впадет у государя в немилость, и ему никогда больше не удастся восстановить королевское расположение, а сыновей его такая немилость покроет бесчестьем и погубит. Собака губернатор байнья Шаке, опасаясь, как бы дело не сложилось именно так, решил не упорствовать и пересмотреть вынесенный мне приговор; он заменил смертную казнь конфискацией имущества и сделал меня пленником короля. Едва у меня зарубцевались раны после плетей и сургуча, как меня, закованного в кандалы, отправили в Пегу, где я как пленник был передан главному королевскому казначею — бирманцу по имени Диосорай, в ведении которого были еще восемь португальцев, которых, так же как и меня, различные беды, обрушивавшиеся за грехи наши, привели в неволю шесть месяцев тому назад. Все они находились на корабле Анрике де Эсы де Кананоры, разбившемся о берег во время бури.

Поскольку до сих пор я говорил лишь о результатах моего путешествия в Мартаван и о выгодах, которые принесла мне моя служба королю, а именно, что в итоге бесконечных трудов и невзгод у меня отобрали мое имущество, а самого меня обратили в пленника, теперь, прежде чем вести свое повествование дальше, я хочу остановиться на том, что мне пришлось испытать в тех государствах, куда закидывала меня судьба за два с половиной года неволи, и о землях, где по горестной доле моей мне пришлось странствовать, ибо это мне кажется необходимым для дальнейшего повествования.

После своего отбытия из Мартавана бирманский король, как я уже говорил, направился сухим путем в Пегу, где, прежде чем отпустить военачальников, он пересчитал свое войско. Оказалось, что из семисот тысяч людей, с которыми он начинал осаду, он недосчитывает восемьдесят шесть тысяч. А так как к этому промели он узнал, что король Авы [\[283\]](#),

заклучив союз с савади и шалеу, пускает к себе Сиаммона ^{284}(земля которого в глубине материка граничит с запада и с северо-запада с Каламиньяном), Повелителя Грубой Силы Слонов Всей Земли, о котором я расскажу подробнее, когда речь пойдет о нем, чтобы Сиаммон отобрал у бирманского короля крепости королевства Тангу. Бирманец, как опытный, хитрый и натеревший в военных делах начальник, начал первым долгом набирать людей и запасаться всем необходимым для четырех главных крепостей, нападения на которые он больше всего опасался. Решив идти на город Пром, он, сохранив прежнее войско, пополнил его за пять месяцев и довел до девятисот тысяч человек, с которыми он и выступил из города Багоу, в просторечии называемом Пегу, усадив людей на двенадцать тысяч судов, из которых две тысячи были серо, лауле, катуры и фусты. Флот этот 9 марта 1545 года двинулся в путь вверх по течению реки Анседы, на некоторое время остановился в Данаплу ^{285}, где дополнительно грузил кое-какие недостающие припасы, а затем, продолжая свой путь по большой пресноводной реке под названием Нишау-Малакоу, 13 апреля стал на якорь в виду города Прома. От языков, которые были взяты в эту ночь, узнали, что король Прома умер ^{286}и на престол вступил его тринадцатилетний сын, какового отец перед смертью женил на свояченице своей и тетке юноши, дочери короля Авы. Последняя, узнав о походе короля Бирмы на город Пром, немедленно обратилась за помощью к своему отцу ^{287}, который, как говорили, послал королеве армию в шестьдесят тысяч моэнов ^{288}таре и шалеу, состоящую из отборных и решительных воинов, во главе которых шел его сын, он же и брат королевы. Услышав об этом, король Бирмы стал принимать все меры, чтобы успеть захватить город, прежде чем придет подкрепление. Поэтому, высадившись в двух легуа ниже города в месте под названием Мейгавотау, он за пять дней сделал все необходимое, а потом, снявшись с лагеря до рассвета, под звуки бесчисленного количества барабанов и военных дудок подошел к городу к одиннадцати часам дня, не встретив никакого сопротивления, после чего, как обычно, разбил лагерь, так что с наступлением ночи Пром был со всех сторон окружен валами, очень широкими рвами и шестью артиллерийскими позициями.

Глава CLIV

О переговорах между королевой Прома и королем Бирмы, о первом штурме города и об успехах Бирманца

Спустя пять дней со времени прибытия короля Бирмы к стенам города Прома, королева, правившая им от имени своего мужа, послала для переговоров с королем Бирмы одного талагрепо — монаха, которому было уже более ста лет, почитаемого здесь святым, с богатым подарком, состоящим из золота и драгоценных камней, и письмом нижеследующего содержания:

«Могучий и великий повелитель, более обласканный в обители счастья, нежели кто-либо из монархов, существующих на земле; незыблемая твердыня мощи; источник наполняющий моря, где все малые реки, подобные мне, находят свой покой; крепкий щит с гордой эмблемой; владетель великих царств, на тропах которых стопы твои покоятся с несравненным величием, я, Ньяй Ниволау, несчастная женщина, воспитательница и раба юного сироты, простершись в слезах перед тобой, умоляю тебя со всем почтением, приличествующим тебе как государю, не подымай меча на слабость мою, ибо я женщина, не умеющая защищаться, а лишь способная за учиненную мне несправедливость проливать слезы перед господом, божественной природе которого свойственно как милостиво помогать, так и сурово наказывать. И, как бы велики ни были государства мира, он топчет их с такой устрашающей силой, что даже обитатели бездонной пропасти Обители Дыма исполняются страха и трепета перед его могуществом. Любовью к нему тебя прошу и заклинаю, не посягай на мое достояние, ибо, как тебе известно, владею я столь малым, что обладание им могущества тебе не прибавит и отказ не уменьшит твоих достоинств, напротив, если, государь, ты меня пожалеешь, ты приумножишь величие свое, младенцы перестанут сосать белизну материнской груди, чтобы вознести тебе хвалу чистыми устами своей невинности, и все, как местные жители, так и иностранцы, сохраняют в памяти эту милость, которую ты мне окажешь. Благоую весть о ней велю начертать в месте погребения мертвых, дабы и они, наравне с живыми, превозносили тебя за то, что ты не отказал мне в испрашиваемом мною всеми силами нутра моего. Святому мужу Авенлашину, который доставит тебе, господин, это собственноручно написанное мною письмо, я даю все

полномочия заключить с тобою от имени малого сироты и от моего собственного любой справедливый договор и определить ту дань и подать, каковой тебе угодно будет нас обложить, с тем, однако, чтобы ты сохранил за нами дома наши, дабы, уверенные в твоей справедливости, мы могли воспитывать детей наших, пожинать плоды своих трудов, поддерживая существование бедных жителей сего жалкого и нищенского селения, кои все, и я вместе с ними, смиренно готовы служить тебе во всем, чем тебе угодно будет нас занять».

И письмо и посол были приняты королем Бирмы с глубоким уважением из-за преклонного возраста талагрепо и славы его как святого; с самого начала король согласился на кое-какие уступки, которые тот у него испрашивал, как-то: перемирие на все то время, пока будет вырабатываться соглашение; свобода общения осажденных с осаждающими и другие столь же несущественные вещи. Однако, видя условия, которые предлагает ему несчастная королева, равно как и униженные выражения ее письма, и приписывая все это страху и слабости, он не пожелал отвечать по существу посланцу, мало того, тайно приказал совершать нападения на слабых и безоружных окрестных жителей, которые, полагая, что защитой им послужит их бедность, не покинули своих хижин; на них-то жестокие и бесчеловечные враги совершали столь безжалостные набеги, не встречая отпора и сопротивления, что за пять дней, как говорят, перебили четырнадцать тысяч человек, из коих большая часть, если не все, были женщины, дети и старики, неспособные взяться за оружие.

Ролин, привезший письмо, видя, что все обещания этого тирана лживы, и весьма недовольный малым уважением, с которым к нему относятся, попросил у бирманского короля разрешения вернуться в город, в чем ему отказано не было. Устно король передал королеве через посла следующее: если королева отдастся на милость победителя со своими людьми, сокровищем и государством, он сделает так, что она останется довольна; но на предложение его она должна ответить в тот же день, потому что ждать он не намерен, а что он дальше предпримет, будет зависеть от ее ответа.

Ролин немедленно распрощался с королем и отправился в город, где дал королеве отчет в переговорах, объяснил ей злостные намерения и ненадежность обещаний тирана, сославшись на то, как он поступил с Шаубайнней в Мартаване, который сдался ему и которого он приказал умертвить вместе с женой и детьми его и всей знатью королевства. Королева и совет ее решили, что город нужно защищать, пока не придут подкрепления, высланные королем Авы, что должно было произойти не

позднее, как через пятнадцать дней. В верности этому решению она заставила их всех принести присягу, после чего, не медля ни минуты, исполненная смелости и воодушевления, занялась всем тем, что было необходимо для защиты города, вселяя в своих отвагу собственным мужеством и благоразумием, щедро делясь со всеми королевскими сокровищами и обещая в дальнейшем вознаградить усердие защитников и подарками и почестями, чем воодушевила всех чрезвычайно.

Король Бирмы, видя, что ролин не приносит ответа в положенный срок, на следующий день постарался удвоить количество орудий на каждой позиции, чтобы обстрелять город со всех сторон, и приказал изготовить большое количество штурмовых лестниц, намереваясь взять город приступом. Он также приказал всему своему войску в трехдневный срок под страхом смерти приготовиться к бою.

Когда наступил назначенный для приступа день, 3 мая 1545 года, король за час до рассвета покинул место, где судно его стояло на якоре, и, подав условный знак сухопутным начальникам, которые к этому времени уже были готовы к бою, вместе с двумя тысячами серо, на которые была посажена отборная команда, устремился соединенными силами к стенам города с такими криками и воплями, что можно было подумать, будто небо соединилось с землей. Когда противники встретились, между ними завязался такой свирепый и ожесточенный бой, что воздух запылал огнем, а земля залилась кровью. Если к этому прибавить сверканье наконечников копий и мечей, то и дело высекавших огонь, ударяясь друг о друга, то зрелище получилось столь страшное, что мы, португальцы, были потрясены. Бой продолжался уже больше пяти часов, когда тиран Бирманец, видя, что осажденные защищаются весьма мужественно, а что его воины кое-где уже гнутся, высадился на берег вместе с двенадцатью тысячами самых отборных солдат и бросился на помощь своим, после чего бой возобновился с такой силой и воодушевлением с обеих сторон, словно он только что начался. Эта вторая схватка продолжалась до глубокой ночи, но и это не заставило короля прекратить сражение, хотя его приближенные и советовали ему отступить. Он поклялся, что эту ночь либо будет спать в городе, либо прикажет отрубить головы всем военачальникам, если они не окажутся ранеными, что привело к большому расстройству его войска: в два часа ночи, когда зашла луна, король вынужден был прекратить штурм, и в результате своего хвастливого упрямства потерял, согласно переключке, произведенной на следующий день, двадцать четыре тысячи убитыми и тридцать тысяч ранеными, значительная часть которых от недостатка ухода умерла, отчего в лагере объявилось великое поветрие, вызванное

дурным воздухом и тем, что вода в реке была полна крови. Так вот под этим городом, как нам потом говорили, погибло более восьмидесяти тысяч человек, в том числе пятьсот португальцев, которые не нашли для себя иной могилы, как чрево стервятников и ворон, терзавших трупы их на полях и песчаных берегах реки.

Глава CLV

О прочем, что произошло во время этой осады, и о жестоких наказаниях, которым подверг тиран тех, кого взял в плен

Когда король Бирмы увидел, чего стоил ему этот первый штурм, он больше не пожелал подвергать людей своих опасности, а приказал соорудить из земли и стволов более десяти тысяч пальм, которые он велел срубить, кавальер настолько высокий, чтобы он почти на две сажени возвышался над стенами города. На этом кавальере установили восемьдесят тяжелых орудий, обстреливавших город в течение девяти дней, после чего от Прома или, во всяком случае, от большей его части, не осталось камня на камне, а убито было четырнадцать тысяч человек, в результате королева была разбита, так как к этому времени у нее осталось всего лишь пять тысяч боеспособных людей, ибо остальные были женщины, дети и горожане, к военному делу непригодные. Поэтому был созван совет, чтобы решить, что надлежит предпринять в столь затруднительном положении; после того как самые влиятельные из собравшихся высказали свои мнения, было постановлено, что все умастятся маслом из светильников храма Кияя Нивандела, бога войны с поля Витау, и, жертвуя собой, бросятся на кавальер и либо победят, либо, став амоками, погибнут, защищая своего малолетнего короля, ибо приносили присягу служить ему верой и правдой. Все единодушно согласились с этим решением, которое и совету и королеве показалось наилучшим и наиболее правильным при данных обстоятельствах. Чтобы придать ему большую силу, все торжественно поклялись выполнить его, после чего было решено, каким образом осуществить эту вылазку, и назначен начальником отряда дядя королевы по имени Маника Вотау, который, собрав имевшиеся пять тысяч человек, в ту же ночь, в час смены второй ночной вахты, выступил из ближайших к кавальеру ворот города и бросился в атаку так решительно, что меньше чем за час лагерь был приведен в полнейшее замешательство, кавальер взят приступом, восемьдесят пушек захвачены, король ранен, укрепления сожжены, рвы засыпаны, главнокомандующий Шемимбрун и пятнадцать тысяч солдат, включая шестьсот турок, убиты, сорок слонов захвачено, столько же убито и в плен взято восемьсот бирманцев. Так пять тысяч амоков сделали то, чего не достигли бы и сто тысяч других воинов, сколь бы мужественны они

ни были. За час до рассвета они вернулись в город и обнаружили, что из пяти тысяч человек погибло только семьсот.

Победой противника король Бирмы был чрезвычайно уязвлен. Обвинив своих военачальников в недостатке бдительности и в небрежной охране вала, он в тот же день приказал отрубить головы более чем двум тысячам пегу, стоявшим часовыми на кавальере. После происшедшего наступило затишье на двенадцать дней, в течение которых осаждающие ничего не предпринимали. Тем временем шемин крепости Мелейтай, опасаясь того же, что и все, а именно, что осажденным спастись не удастся, снесся тайно с королем Бирмы и при условии, что тот оставит ему его владения и сделает его в королевстве Пегу шеминном Анседы [\[289\]](#) с соответствующими доходами, каковые имел байнья Малакоу, а именно, тридцатью тысячами крузадо, обязался сдать ему город, впустив в него бирманцев через охраняемые им ворота. Король Бирмы пошел на все условия и в счет будущих благ послал шемину крепости Мелейтай драгоценный перстень, который сам носил на пальце. В назначенный день, который пришелся на канун праздника святого Варфоломея 1545 года [\[290\]](#), в три часа пополудни замысел этот был осуществлен, причем бирманский тиран проявил при этом обычное зверство и ужасающую бесчеловечность. Но так как было бы слишком долго пересказывать в подробностях совершившееся, скажу только, что ворота были открыты, неприятель ворвался в город и перерубил всех жителей, не пощадив ни единого, король и королева были взяты в плен, сокровища разграблены, здания и храмы сровнены с землей, и все так невыносимо и невообразимо жестоко, что истинно говорю вам, всякий раз, когда случается мне вспомнить все то, чего я оказался очевидцем, я не могу прийти в себя от ужаса. Ибо тиран, будучи глубоко обижен и оскорблен своей неудачей, постарался умертвить этих несчастных самым бесчеловечным образом, чтобы отомстить за безуспешное начало осады. Однако истинной причиной его жестокости были слабость духа и подлое происхождение, поскольку такие люди зачастую мстительнее людей благородных и мужественных, но, главное, король был отменно лжив, от природы изнежен и великий ненавистник женщин — несмотря на то что в этом королевстве, как и во всех прочих, которыми он повелевал, они отличаются такой красотой и белизной кожи, что не все смогут с ними соперничать.

Покончив с жестоким и кровопролитным разгромом несчастного города, тиран для вящего торжества прошествовал в него через брешь, нарочито сделанную в стене по его приказанию, и, войдя во дворец,

принадлежавший злополучному малолетнему королю, венчался там королем Прома, заставив настоящего короля выстоять весь чин венчания на коленях с воздетыми руками, словно поклоняясь божеству, и то и дело отбивать земные поклоны и целовать ноги тирана, который делал вид, что этого не замечает. По окончании церемонии Бирманец подошел к окну, выходившему на одну из площадей, куда были снесены тысячи две детей, убитых на улицах. Он велел их мелко изрубить, смешать с травами и рисовыми отрубями и скормить слонам. Затем под звуки музыкальных инструментов и крики солдат к нему подвели более ста лошадей, груженных кусками порубленных мужчин и женщин, которые он также велел искрошить, а потом поджечь.

Последней была приведена к нему королева, жена короля, которому, как я уже сказал, было тринадцать лет, между тем как ей — тридцать шесть; была она очень бела и красива, являлась теткой своего мужа, сестрой его матери и дочерью короля страны Ава, той самой земли, откуда рубины, сапфиры и изумруды привозятся в Пегу. Королеву эту три года назад, как тогда говорили, этот самый бирманский король попросил себе в жены у ее отца, но тот ему отказал, передав через посла, что дочь его устремляет свои помыслы значительно выше и что ее не прельщает стать супругой шемина Тангу, того дома, откуда родом этот жестокий и трусливый тиран. Теперь, чтобы выказать свое презрение к ней и к ее отцу, а также чтобы отомстить за понесенное от нее оскорбление, он велел раздеть ее донага перед всем народом и бить плетьюми, а потом водить по городу под свист и улюлюканье черни и сволочи, а напоследок подвергнуть новой пытке, от которой несчастная королева тут же умерла. В объятия мертвой королевы бросили еще живого царька, ее мужа, связали их вместе и с камнем на шее бросили в реку, — жестокость, приведшая в ужас всех присутствовавших. Кроме всего этого, он совершил еще много зверств в том же роде, которые трудно себе вообразить. А под конец, завершая свои кровавые дела, он велел посадить на кол всех дворян, которые остались в живых, иначе говоря, триста человек, и так вот, насаженные на вертел, как поросята, они были брошены в реку и спущены вниз по течению. Вот какую невиданную расправу учинил здесь этот тиран [\[291\]](#), от которой мы, португальцы, никак не могли опомниться.

Глава CLVI

Как бирманский король осадил крепость Мелейтай [{292}](#), где находился принц страны Ава с тридцатью тысячами войска, и что произошло при этом

Прошло четырнадцать дней после описанных событий; все это время тиран был поглощен тщательным укреплением города, но тут от своих соглядатаев из города Авы он узнал, что по реке Кейтор [{293}](#) спускается вышедшая из Авы армада в четыреста гребных судов, на которых идут люди Сиаммона — тридцать тысяч человек, не считая гребцов и матросов, под командой сына короля страны Ава и брата несчастной королевы. Узнав о потере Прома и о гибели своей сестры и свояка, он засел в крепости Мелейтай, находившейся в восемнадцати легуа от Прома вверх по течению. Известие это вызвало у тирана немедленное желание самолично пойти на этот город, прежде чем к последнему подоспеют подкрепления, ибо до Бирманца дошли сведения, что они уже готовы выступить и что сюда направляется сам король Авы с восьмьюдесятью тысячами моэнов.

С этим намерением тиран немедленно снялся с лагеря и пошел на Мелейтай с войском в триста тысяч человек, из коих двести тысяч под началом молочного брата Бирманца Шаумигрена шли сушей вдоль берега реки, а сто тысяч, возглавляемых им самим, поднимались вверх по течению на двух тысячах серо. И то и другое войско было самое отборное. Когда бирманцы подошли к Мелейтаю, ава, чтобы показать насколько сильнее их решимость, приведшая их сюда, нежели испытываемый ими страх, и опасаясь, как бы неприятель не отобрал у них суда, что было бы для них настоящим позором, подожгли их и, не думая о смерти, которой больше всего боится человеческая плоть, в жажде отомстить за оскорбление, нанесенное их королю, с вызывающим высокомерием вышли в поле и разбились на четыре батальона, примерно из десяти тысяч человек каждый. Три состояли исключительно из моэнов, в состав четвертого, несколько большего, входили все гребцы четырехсот судов, которые они сожгли. Их они выпустили вперед с намерением утомить ими неприятеля, на коего они мгновенно напали, после чего между ними завязалась яростная схватка, продолжавшаяся с полчаса, во время которой была уничтожена большая часть гребцов. Вслед за гребцами тридцать тысяч моэнов, разбитых еще в начале боя на три батальона, с чрезвычайной яростью напали на

противника, и так как последний был утомлен боем и потерял в нем много убитых и раненых, схватка эта оказалась чрезвычайно жестокой и кровопролитной. Дабы не задерживаться на подробностях, кои, возможно, оказались бы неточными, скажу только, что из тридцати тысяч мюзов осталось в живых только восемьсот, и они, израненные и разбитые, скрылись в Мелейтае. Из двухсоттысячного войска короля Бирмы полегло сто пятнадцать тысяч, остальные же почти все были ранены. В это время к месту боя подошел на своих судах тиран Бирманец и, увидев чудовищный урон, нанесенный его войску мюзами, был поражен словно громом. Сойдя на берег, он немедленно окружил крепость с намерением, как он выразился, взять голыми руками восемьсот уцелевших. Осада эта длилась семь дней, в течение которых было сделано пять попыток взять крепость приступом, но всякий раз осажденные давали мужественно отпор неприятелю. Однако, понимая, что их последний час недалеко и что они не в силах удержать, как надеялись, эту крепость из-за подкреплений, которые привел с собой на судах король Бирмы, они, как люди отважные, решили выйти на поле боя и уничтоженьем врагов отомстить за смерть друзей, погибнув, как и их товарищи, поскольку за стенами крепости они ничего уже поделать не могли, как бы ни хотели, а бирманская артиллерия постепенно опустошала их ряды.

С этим намерением однажды ночью, когда шел дождь и видимость была очень плоха, они сделали вылазку и, напав на первые две позиции, расположенные ближе всего к воротам, через которые авы вышли, уничтожили всех имевшихся там воинов. Устремившись дальше, как люди, ослепленные отчаянием или жаждущие чести и славы за пожертвованную ими жизнь, для которых все уже нипочем, они так разгромили лагерь, что неприятель потерял двенадцать тысяч человек, в число которых входило тысяча пятьсот бирманцев и две тысячи различных иностранцев, между тем как остальные были пегу, а самому королю пришлось перебираться вплавь через реку. Битва эта продолжалась немногим более четверти часа и кончилась со смертью последнего мюза, так как ни один из них не захотел сдаться.

Видя, что бой окончен и все стихло, бирманский тиран вернулся к себе в лагерь и, снова собрав своих людей, вошел в крепость Мелейтай, где немедленно приказал отрубить голову шемину, говоря, что повинен во всем он, ибо тот, кто изменил своему королю, не сможет быть верен никому. Такова была награда, которую пожаловал Бирманец за то, что шемин в свое время выдал ему город Пром, но лучшего и не заслуживал изменник, предавший своего короля и отдавший во вражеские руки свою

родину.

После всего этого единственной заботой осаждавших было лечение раненых, которых было также большое количество.

Глава CLVII

Что произошло с бирманским королем, прежде чем он прибыл в город Ава, и что он там сделал

Ночь прошла тревожная и бессонная, а как только рассвело, первой заботой было убрать убитых с поля боя. Когда подсчитали, сколько их было с той и с другой стороны, оказалось, что бирманцам город Мелейтай обошелся в сто двадцать восемь тысяч, принцу же, сыну короля Авы, он стоил сорок две тысячи, в число это вошли и тридцать тысяч моэнов, пришедших на подмогу. Окончив счета и укрепив город Пром и крепость Мелейтай, тиран Бирманец возвел на берегу реки в местах, наиболее важных для безопасности Бирманского королевства, еще две крепости, а потом поднялся вверх по реке Кейтор на тысяче легких гребных серо, кои везли семьсот тысяч человек, к королевству Ава с намерением ознакомиться с положением и побывать у этого города, для того чтобы собственными глазами убедиться, какими силами он располагает и сколько войска потребуется, чтобы его взять.

На двадцать восьмой день пути, миновав известные королевства Шалеу и Жакусалан, раскинувшиеся по берегам реки, и ни одного не тронув, бирманский король 13 октября 1545 года подошел к городу Ава, в порту которого оставался тринадцать дней, спалив два или три портовых судна и несколько окрестных деревень, что, впрочем, даром ему не прошло, так как при этом он потерял восемь тысяч человек, в том числе шестьдесят два португальца. К тому времени, когда мы прибыли в государство Ава, там уже приготовились нас встречать, а в городе, и без того надежно защищенном как положением своим, так и стенами, находилось двадцать тысяч моэнов. По слухам, лишь пять дней назад они прибыли с гор Пондалеу, где король Авы с разрешения императора Сиаммона набирал еще восемьдесят тысяч человек, чтобы отвоевать обратно Пром, ибо, узнав о надругательствах над своей дочерью и казни ее и зная и понимая, что ему одному не справиться с Бирманцем, не отомстить за оскорбления и злодеяния и не предотвратить их повторения, чего он имел все основания опасаться, в частности, завоевания его королевства, что Бирманец уже не раз грозился сделать, он сам с женой и детьми бросился к ногам Сиаммона и, пересказав ему все свои несчастья и нанесенные оскорбления, а также сообщив о поползновении тирана завладеть

государством Ава, убедил Сиаммона принять его своим данником, обязуясь платить ему ежегодно шестьсот тысяч бис, что на наши деньги составляет триста тысяч крузадо, и, кроме этого, по гуанте (примерно нашей канаде) рубинов для украшений его супруги, причем подать эту он выплатил на десять лет вперед, присовокупив ко всему перечисленному еще много прекрасных драгоценных камней, посуды и прочих подарков на общую сумму в два миллиона золотом. За это Сиаммон обязался взять его под свое покровительство, лично защищать его, всякий раз как в этом встретится необходимость, и вернуть ему королевство Пром не позднее, чем через год. А посему он немедленно дал ему сто тридцать тысяч человек — тридцать тысяч, посланных на подмогу и перебитых под Мелейтаем, двадцать тысяч, составлявших гарнизон Авы, и восемьдесят тысяч, приход которых ожидался и во главе которых должен был стать сам король Авы.

Тиран Бирманец, услышав обо всем изложенном и опасаясь, как бы этот поход, не в пример другим, не привел его к верной гибели, вернулся и с большим упорством принялся укреплять Пром, но прежде чем покинуть реку, где он стоял в одной легуа от города Ава, он послал своего бирманца-казначея по имени Диосорай (под присмотром которого, как я уже говорил, находились восемь пленных португальцев) послом к королю Каламиньяна, весьма могущественному монарху, жившему очень далеко, во внутренних районах, о каковом монархе я кое-что скажу в дальнейшем, когда это будет необходимо. Посол должен был заключить договор о дружбе и помощи, так чтобы король Каламиньяна стал собратом Бирманца по оружию, за что последний обязался выплатить известное количество золота и драгоценных камней, а также предоставить в его пользование доходы с пограничных с его государством земель. А Каламиньянец, в свою очередь, должен был следующим летом начать войну с Сиаммоном, дабы тот не смог прийти на помощь королю Авы, и таким образом облегчил бы Бирманцу покорение столицы последнего, не страшась помощи Сиаммона.

Посол отправился из Авы на лауле и двенадцати серо, на которых с ним пошло триста человек слуг и охраны, не говоря уже о гребцах, которых, вероятно, было столько же. Вез он большое количество дорогих золотых изделий и драгоценных камней, а также сбрую слона, стоявшую, как уверяли, шестьсот тысяч крузадо, так что весь подарок в целом составлял свыше одного миллиона золотом. Отправляя своего посла в путь, бирманский король одарил и его, причем пожаловал ему в числе прочего и нас, восемь португальцев, ставших отныне собственностью этого казначея, который одевал и снабжал нас всем необходимым достаточно щедро, был

очень доволен, что имеет нас при себе, и всегда считался с нами гораздо больше, чем со всеми прочими, входившими в его свиту.

Глава CLVIII

О нашем путешествии до прибытия в пагоду Тинагого

А теперь мне кажется разумным и сообразным с тем, что я излагаю, отвлечься немного от бирманского тирана, к рассказу о котором я вернусь в свое время, и сообщить о пути, который мы совершили от Авы до города Тимплана, столицы империи Каламиньян, название которого в переводе означает «Государь всего мира», потому что на местном языке «кала» значит «государь», а «миньян» — «мир». Другим названием здешнего императора является Неограниченный Властелин Грубой Силы Слонов Земли, ибо и на самом деле он является таковым в гораздо большей мере, чем кто-либо другой во всей вселенной, но об этом речь будет дальше.

Итак, посольство отбыло из Авы в октябре 1545 года и стало подниматься вверх по течению Кейтора, следуя курсом то вест-зюйд-вест, то ост из-за излучин реки. Меняя таким образом румбы, мы шли семь дней и дошли наконец до рукава под названием Гуампано, по которому Робан, наш лоцман, провел нас, оставляя в стороне государство Сиаммона, как ему и было велено королем, пока мы не прибыли в большое селение, называвшееся Гуателда, где посол задержался на три дня, пополняя свои запасы всем необходимым для путешествия. Отбыв оттуда, мы подымались по этому рукаву еще одиннадцать дней, за все это время мы не встретили ни одного примечательного поселения — лишь маленькие деревушки с соломенными хижинами, населенными весьма бедным людом. На лугах пасся крупный рогатый скот, не имевший, по-видимому, хозяев, ибо в присутствии туземцев мы убивали его по двадцать и по тридцать голов зараз и никто нам не препятствовал, даже в иных местах его к нам нарочно приводили, как будто местным жителям доставляло удовольствие то, что мы его убиваем. Выбравшись из рукава Гуампано, мы вошли в очень большую реку под названием Анжегума, имевшую более трех легуа в ширину и местами двадцать шесть брас в глубину, со столь бурным течением, что оно порой уносило нас довольно далеко в обратном направлении. Пройдя вдоль берега этой реки вверх по течению еще семь дней, мы достигли королевства Жангома и прибыли в небольшой, но хорошо укрепленный городок под названием Гумбин. Со всех сторон, кроме берега реки, он был на расстоянии пяти или шести легуа обсажен стираксом и растениями, с которых снимают гуммилак, отправляемый

отсюда в Мартаван, где этим товаром грузятся многие суда, следующие в различные порты Индии, в Меккский пролив, Алкосер и Жуду. В этом городе продают еще много мускуса, значительно превосходящего китайский, и также вывозят его в Мартаван и в Пегу, где его покупают наши, чтобы перепродать в Нарсинге, Орише и Масилинатане. Женщины в этих местах, как правило, отличаются светлой кожей и красивы; одеваются в шелка и хлопчатые ткани; носят серебряные и золотые кольца на ногах и ожерелья из крупных звеньев на шее. Земля здесь производит в изобилии пшеницу и рис, скота здесь много, но особенно много здесь меда, сахара и воска. Королью Жангомы этот город со своими окрестностями, имеющими десять легуа в окружности, приносит шестьдесят тысяч золотых алка, что на наши деньги составляет семьсот двадцать тысяч крузадо. Отсюда мы шли вдоль берега реки на юг еще семь дней, пока не прибыли в большой город под названием Катамас, что на нашем языке означает «Золотой рак». Город этот принадлежит каламиньянскому сеньору, который был бы во Франции чем-то вроде герцога Орлеанского. Наугатор этого города хорошо принял бирманского посла, послал много провизии его свите и сообщил, что сам государь находится сейчас в городе Тимплане. Из Катамаса мы отбыли в воскресенье утром и на следующий день под вечер остановились у крепости под названием Кампалатор, расположенной на скалистом острове посредине реки. Окружена она хорошими каменными стенами, имеет три бастиона и две высокие башни в семь этажей, в которых, как сообщил нам посол, государь хранит одно из двадцати четырех больших сокровищ, которые распределены по всему королевству. Сокровище это состоит главным образом из серебра, и весу в нем шесть тысяч кандинов, что на наши меры составит двадцать четыре тысячи кинталов. Все оно спрятано в колодцах под землей. После этого мы плыли еще тринадцать дней, причем по обе стороны реки нам попадались населенные места, которые, судя по внешнему виду, должны были быть богатыми городами; их окружали рощи, огороды, декоративные и фруктовые сады, обширные поля пшеницы, где под присмотром всадников паслось множество коров; попадались там стада оленей, тапиры и носороги. На реке было бесчисленное количество гребных судов, которые торговали тем, что в великом изобилии родит эта земля и чем господу нашему было угодно наделить жителей этих краев значительно щедрее, чем прочих, а почему — ему одному ведомо.

Как раз в это время у посла на груди появился нарыв, и ему посоветовали не ехать дальше, пока он не вылечится, почему он согласился вместе с несколькими людьми из своей свиты отправиться в знаменитую

больницу, расположенную на двенадцать легуа выше по течению в пагоде под названием Тинагого, что означает «Бог тысячи богов», куда он прибыл в субботу поздно вечером.

Главы CLIX–CLXIV

В этих главах повествуется о расположении и строении пагоды Тинагого и великом множестве народа, который туда стекается. Как паломники отгоняют Прожорливую Змею из Обители Дыма, якобы пытающуюся похитить прах тех, кто принес себя в жертву. Праздник по случаю мнимого умерщвления змеи. Посещение храма Тинагого. Весы для кающихся грешников, на другую чашу которых они кладут те или иные предметы в зависимости от характера их греха. Жертва волос, приносимая бедняками. Как торгуют изделиями из этих волос жрецы.

Каким образом посол бирманского короля был принят в день своего въезда в столицу и о великой пышности и величии Каламиньянского дворца. Каким образом посол разговаривал с королем, об ответе, который он получил, и о том, как в этом городе исповедовалось раньше христианство.

Глава CLXV

В которой сообщается много сведений о Каламиньянской империи, а также говорится кое-что о королевствах Пегу и Бирма

Когда истек месяц нашего пребывания в Тимплане, где находился тогда двор, посол выразил желание получить ответ на просьбу своего короля, и ему было разрешено посетить государя. Король принял его любезно и милостиво и, кратко переговорив с ним о целях посольства, направил его к Монвагару, который является главным военачальником государства. Последний вручил ему послание государя вместе с большим и драгоценным подарком, в ответ на тот, который ему прислал бирманский король. Вот что писал король Каламиньяна:

«О только что приобщенная господом к телу моему десница из ясного рубина, плоть которой воссоединилась с моей и стала для меня, благодаря недавним дружбе и союзу, который я соглашаюсь заключить с тобой, плотью родного брата, я, Прешау Гимиан [{294}](#), повелитель двадцати семи корон гор земных, законно унаследованных мною от того, кто вот уже двадцать два месяца не возлагает стоны свои на голову мою, ибо столько времени прошло с тех пор, как он удалился от меня, чтобы больше меня не видеть, поелику душа его стала святой и вкушает сладостное тепло солнечных лучей, прочел твое письмо от пятой шавеки восьмой луны сего года, на которое отвечаю как твой истинный брат, и как брат принимаю соглашение, которое ты мне предлагаешь, а посему обязуюсь очистить тебе оба подступа к Савади, чтобы без малейшего опасения людей Сиаммона ты смог стать королем Авы, как ты просишь у меня в своем письме. Что же касается других условий, которые передал мне твой посол устно, то я отвечу на них через своего посла, каковой немедленно отправится к тебе, чтобы от имени моего завершить переговоры в смысле, ласкающем твое пристрастие сражаться с недругами своими».

Получив это письмо, посол короля Бирмы немедленно покинул Тимплан и 3 ноября 1546 года тронулся в путь, сопровождаемый по приказу короля несколькими вельможами до места Бидор, где ему на прощание был дан великолепный пир и были преподнесены подарки.

Однако прежде чем рассказывать о том, что произошло с нами на пути следования в Пегу, где продолжал прибывать бирманский король, мне кажется уместным и необходимым сообщить некоторые сведения о стране,

которую мы видели. Сделаю я это со всей возможной краткостью, как я уже делал, рассказывая о других странах, ибо, если бы я стал излагать все подробности, а именно: что я видел и испытал как в этой империи, так и в других королевствах, в которых я побывал за время моих горестных и тяжких странствий, мне понадобился бы второй том, значительно большего размера, а главное, другие знания, другие способности и ум, намного превосходящий мой, который, как я знаю, груб и низок, как я уже неоднократно говорил и признавал. Но для того, чтобы высокопримечательные явления не остались неизвестными, я расскажу о них так, как позволит мне грубое мое искусство. Королевство Пегу с юга на шестнадцатом градусе омывается морем и имеет сто сорок легуа береговой линии. Восточная его граница проходит по материку и имеет сто тридцать легуа протяженности. На севере оно соприкасается с большой полосой земли и восемьдесят легуа ширины и двести легуа длины, носящей название Пангисирау, населенной бирманцами. Ранее это было единое королевство, но теперь оно разбито на тридцать провинций, каждая из которых имеет своего правителя. Произошло это после того, как сюзерены провинций, поднявшись против власти короля, отравили последнего во время пира, который они ему задали в городе Шалеу [\[295\]](#), как об этом сообщается в их летописи. Из этих тридцати провинций одиннадцать уже захвачены другими народами, обитающими земли к северу от Пангисирау, за горной цепью. На этой обширной территории властвуют два императора: Сиаммон и Каламиньян. Сейчас я хочу говорить только о последнем.

Как утверждают, империя, или государство [\[296\]](#) этого монарха имеет триста легуа как в длину, так и в ширину. На этой земле было некогда двадцать семь королевств, но язык повсюду был один и тот же, как и теперь. В этой империи мы видели много городов с большим населением и очень богатых мясом, речной рыбой, пшеницей, овощами, рисом, зеленью, винами и плодами, притом в таких количествах, что слов не хватает выразить их изобилие. Главным среди этих городов является город Тимплан, в котором большую часть времени и пребывает король Каламиньяна со своим двором. Столица расположена на большой реке под названием Питуй, по которой снует бесчисленное множество гребных судов. Со всех сторон Тимплан окружен двумя одетыми камнем насыпями, снаружи которых вырыты широкие рвы. Все городские ворота проходят через крепости с очень высокими башнями. В городе, по словам купцов, которых мы об этом спрашивали, имеется четыреста тысяч домов; большая

часть их в два и три этажа, кое-какие из них весьма богаты и стоили больших денег, особенно принадлежащие купцам и дворянам. Я не говорю уже о домах феодалов, которые выделяются своими высокими оградами и воротами в китайском вкусе, которые окружают цветниками, плодовыми садами и прудами с прекрасной водой, созданными для того, чтобы услаждать жизнь, ибо к подобному роду удовольствий народ этот питает большую склонность. Нас уверяли, что в черте города и за его пределами имеется две тысячи шестьсот пагод; кое-какие из них мы посетили. Они представляют собой весьма роскошные храмы с очень изящной и богатой отделкой, но большая часть их не что иное, как небольшие храмы. Народ этот исповедует двадцать четыре религии, очень отличающиеся одна от другой. У них такая сумятица ложных представлений и дьявольских предписаний, в особенности что касается кровавых жертв и приношений, которые у них приняты, что в ужас приходишь, когда слышишь о них, а тем паче когда являешься их свидетелем, как это не раз случалось с нами во время торжественных празднеств. Самая многочисленная из этих сект, храмы которой больше всего посещаются, — уже упоминавшаяся мною секта, поклоняющаяся идолу по имени Киай Фригау, богу солнечных пылинок, ибо в него верит и ему поклоняется король и главные сановники империи. Грепо, менигрепо и талагрепо, являющиеся ее жрецами, пользуются гораздо большим уважением, чем прочие, и в народе считаются святыми. Жрецы высшего сана носят у них название кабизондо, предполагается, что они не знают женщин; но для удовлетворения своей постыдной похоти они измышляют всякие дьявольские ухищрения, о которых можно только скорбеть, но говорить о которых не следует, а посему я считаю своим долгом обойти их молчанием как нечто совершенно недостойное языка и ушей христианина.

На обычных ярмарках в Тимплане, которые они называют шандеухо, мы видели все, что производит земля, как-то: железо, сталь, свинец, олово, медь, латунь, селитру, серу, ртуть, киноварь, мед, воск, сахар, гуммилак, росный ладан, шелк, всевозможнейшую одежду, перец, имбирь, корицу, полотно, хлопок, квасцы, буру, индиго, корналин [{297}](#), горный хрусталь, камфору, мускус, слоновую кость, дивий мед, ревень, стаммоний, алоэ, вайду [{298}](#), ладан, пучук-корень, кошениль, ликвиданбер [{299}](#), шафран, катеху [{300}](#), мирру, богатейший фарфор, золото, серебро, рубины, алмазы, смарагды, сапфиры и все прочее, имеющее на свете название, в таких невероятных количествах, что выразить их словами нет возможности — это надо видеть, тогда, по крайней мере, не возникло бы сомнений.

Женщины по большей части белолицы и весьма красивы, но еще большую прелесть придает им их добродетель, целомудрие, сострадательность и ласковый нрав. Жрецы всех двадцати четырех сект, которых в этой империи великое множество, ходят в желтом, как и ролины в Пегу, с алтирнами, повязанными, как у нас столы. Денег ни серебряных, ни золотых у них нет, торгуют они на вес кате, таэлей, мазе и кондерингов. Двор императора Каламиньяна очень богат и состоит из очень воспитанных людей. Среди них много принцев и феодалов, владеющих обширными землями, приносящими им большой доход. Перед императором испытывают великий трепет и очень его уважают; при дворе числится большое количество иностранных военачальников, которым он платит большое жалованье. Нашему послу говорили, что в Тимплане, где пребывает двор, постоянно имеется свыше шестидесяти тысяч конного войска и десять тысяч слонов. Стол у знатных лиц очень опрятный, и едят они на серебряной, а иногда и на золотой посуде, простой же народ ест на фарфоре и на латуни. Одеваются они в атлас, штоф и в персидскую полосатую тафту, зимой же носят платье, подбитое куньим мехом. Правосудие их не знает ни истцов, ни ответчиков и никого не понуждают являться в суд по жалобе, но в каждом квартале есть судья, решающий все споры мелкого порядка. Если же тяжба происходит между людьми более значительными, обращаются к монахам, нарочито для таких дел отряженным и принимающим в особых домах. Если решением последнего не удовлетворены, обращаются к кейтору, верховному судье, приговоры которого обжалованию не подлежат, как бы серьезно ни было дело. Это государство двадцати семи королевств имеет семьсот округов из расчета двадцать шесть на королевство, в каждом округе есть свой начальник, живущий в самом крупном городе или селении данного округа. Власть у них у всех одинаковая, и ни один в своем округе не проявляет ее в больших пределах, чем другой. Каждый из этих начальников обязан ежемесячно производить генеральный смотр воинам, число которых определяет ему вагару. Обычно в каждом округе числится две тысячи пеших, пятьсот конных и восемьдесят боевых слонов. Одни из этих последних получают название главного города или селения данного округа. Таким образом, если сложить вместе всех людей и слонов в семистах округах, получится, что их в общей сложности миллион семьсот пятьдесят тысяч конных, а пятьдесят шесть тысяч — слонов. Именно потому, что в этой стране столько слонов, и стали называть императора Каламиньяна Повелителем Грубой Силы Слонов Вселенной.

Доходы от королевских пошлин, которые на их языке называются

«цена скипетра», равно как и от всех копей и россыпей, доходит до двадцати миллионов золотом. Сюда не входит то, что император получает от принцев, феодалов и начальников и что составляет также весьма значительную сумму; деньги эти распределяются среди лиц, в чем-либо отличившихся, в зависимости от заслуг каждого. В этой стране особо ценятся жемчуг, амбра и соль, ибо все это порождается морем, которое весьма удалено от Тимплана. Но всего прочего в нем великое изобилие. Страна сама по себе очень здоровая, с хорошим воздухом и водой. Когда местные жители чихают, то крестятся, как и мы, и говорят: «Quiaŷ do sam gorі», — что значит: «Бог истинный триедин», — и это заставляет думать, как я уже раньше говорил, что люди эти имели какое-то понятие о нашем евангельском, единственно правильном учении.

Глава CLXVI

О нашем пути до города Павела и о разнообразии людей и народов, которое мы там встретили

Отбыв на следующий день из селения Бидор, мы продолжали свой путь вниз по течению великой реки Питуй и остановились на ночевку в монастыре Кияя Жарема, бога заключивших брак, который состоял из многих весьма роскошных зданий и был расположен на берегу реки среди равнины, усаженной высокими деревьями. Здесь наш посол был очень радушно принят кабизондо и талагрепо. Оттуда после семидневного пути мы прибыли в город под названием Павел, где и остановились на три дня, чтобы пополнить наши суда запасами. Тут посол приобрел много драгоценных товаров и китайских безделушек, продававшихся очень дешево. Куплено было большое количество мускуса, тонкого фарфора, шелков, крученого шелка, горностаевых шкурок, а также других мехов, которые носят здесь зимой, ибо это время года у них холодное. Все эти товары, как нам сообщили купцы, доставляются из очень далеких мест материка караванами слонов и носорогов. Купцы эти сказали, что сами они из некой провинции, носящей название Фриукаранжа, за которой живут народы, находящиеся с ними в непрерывной вражде и называющиеся каложенами и фунгау, смуглые люди, умеющие прекрасно стрелять из лука. Ступни у них круглые, как копыта у быков, но с пальцами и ногтями; все прочее у них, как у остальных людей, за исключением кистей рук, покрытых волосами. По природе своей они жестоки и недоброжелательны. В нижней части спины, на пояснице, у них имеется нарост размером в два кулака. Живут они в очень высоких, покрытых лесом горах и обитают в глубоких пещерах, откуда в зимние ночи доносятся устрашающие вопли и стоны. Рассказали нам о других народах, называющих себя колоухо, тимпатами и буженами, а также о жителях еще более дальних земель, именуемых океу и монголами, питающихся дикими животными, которых они убивают и поедают сырыми, а также всяческой мерзостью, вроде ящериц, червяков и змей, которые у них обитают. На зверей они охотятся верхом на животных размером с лошадь, но с рогами или боднями посреди головы; передние и задние ноги у них короткие и толстые, а посреди поясницы растет ряд шипов, которыми они ранят противника, когда приходят в ярость. Все тело их покрыто чешуей и цветом напоминает

шкуру зеленой ящерицы. На шее вместо гривы у них тоже колючки, но более длинные и толстые, чем те, что на пояснице. На уровне плечевого сустава они имеют короткие крылья, напоминающие плавники рыб, и, говорят, с их помощью они совершают короткие перелеты, или прыжки, на двадцать пять и тридцать шагов. Животные эти называются баназами, и на них жители этой страны совершают налеты на земли соседей, с которыми они непрестанно воюют. Кое-кто из них платил им дань солью, которую они ценят превыше всего, так как привозить ее приходится весьма издалека.

Нам довелось говорить и с так называемыми бумианами, живущими в очень высоких горах, откуда доставляют квасцы, гуммилак и вайду для крашения тканей. У этих людей мы видели целый караван волов. Вооружены бумианы алебардами, очень напоминающими наши. Они высокого роста, борода и глаза у них, как у китайцев. Далее, мы видели еще один народ — жинафогау. Они весьма рыжие, и некоторые в веснушках; у них густая борода; в ушах и в носу они делают себе отверстия, в которые продевают нечто вроде золотых застёжек. Живут они в провинции, называемой Суробасой; эта последняя по ту сторону Лаосских гор [\[301\]](#) граничит с озером Шиаммай; одни из них одеваются в шкуры, другие облачаются в замшу; ни на голову, ни на ноги они ничего не надевают. Купцы говорили нам, что эти последние, как правило, изрядно богаты и что единственный их товар — серебро, но серебра этого у них очень много.

Разговаривали мы и с другими, называемыми тупаранами; народ этот смуглый и незловредный, но чрезвычайно прожорливый и сластолюбивый. Эти люди оказывали нам гораздо более радушный прием, чем представители других народов, и каждый день угощали. Однажды на пиру, где присутствовал посол и девять португальцев, один из наших, по имени Франсиско Темудо, выпил значительно больше всех присутствующих. Тупараны, весьма уязвленные этим обстоятельством и сочтя его великим для себя посрамлением, всячески растягивали пир, пытаясь восстановить свою честь, но португалец принялся за дело так ретиво, что все двадцать, которые еще оставались за столом, полегли, а он остался совершенно трезв. Когда они пришли в себя, сапитуу, их начальник, в доме которого происходил пир, велел позвать всех своих, а было их более трехсот человек, и, как португалец ни противился, усадил его на слона и под грохот барабанов и звуки труб и других инструментов провез его по городу в сопровождении бесчисленной толпы, а посол, мы и все бирманцы шли сзади него с зелеными ветками в руках, между тем как двенадцать

всадников возглашали во весь голос:

— Люди, восхваляйте с великой радостью лучи, исходящие из середины солнца, бога, возвращающего наш рис, за то, что сподобил он вас увидеть мужа великой святости, который, выпив больше всех рожденных на земле, победил двадцать самых крепких голов из всех наших соплеменников, да умножится с каждым днем слава его!

На что многочисленная толпа, сопровождавшая Франсиско Темудо, издала такой крик, что страшно стало. Когда процессия подошла к дому посла, все опустились на колени, португальца со всяческими церемониями сняли со слона и передали послу, настоятельно советуя почитать отныне нашего товарища за святого или за сына какого-либо великого монарха, ибо только бог мог сообщить ему такую способность, иначе быть не могло. После этого все присутствующие устроили сбор в его пользу и набрали ему тут же более двухсот таэлей серебром, которые они ему и вручили, поскольку у этого народа именно так принято поступать в подобных случаях, и все то время, что мы оставались здесь, ему непрерывно приносили куски шелка и прочие дары, словно пожертвования святому в день его праздника.

Пришлось нам здесь беседовать и с белыми людьми, называвшими себя павилеу, искусными стрелками из лука и прекрасными наездниками. Одеваются они в шелковые кимоно, как японцы, а едят с помощью палочек, как китайцы. Они сказали, что страна их называется Бинагорен и что от Павела до нее двести легуа вверх по реке. Привезли они в качестве товаров много золотого песка, наподобие того, который добывается в Менамбабо и на Суматре, алоэ, гуммилак, мускус, олово, медь, шелка и воск, которые меняли на перец, имбирь, соль и вино из риса. Женщины их, которых мы здесь видели, имеют светлую кожу и ухаживают за собой лучше, чем все прочие местные жительницы, они по большей части отличаются хорошим нравом и сострадательны. Когда мы спросили этих людей, какой веры они держатся и каким богам поклоняются, они ответили, что божества их солнце, небо и звезды, ибо от них священной передачей получают они те блага, которыми владеют на земле, и что душа человеческая — это дыхание, которое прекращается вместе с жизнью, в воздухе смешивается с облаками, а затем проливается дождем и умирает окончательно в земле, следуя за ранее умершим телом. Подобных бредней они порассказали нам много, и только остается удивляться слепоте этих несчастных и воздавать непрестанные благодарения всевышнему за то, что он не дал нам впасть в подобные заблуждения. Таким образом, по великому разнообразию неизвестных народов, которых мы здесь

встретили, можно заключить, что есть еще много неоткрытых стран, о которых мы ничего не знаем.

Глава CLXVII

Об остальной части нашего пути до Пегу, где находился бирманский король, и о смерти моунайского ролина

Продолжая путь из города Павела, мы на следующий день остановились в деревне под названием Лунсор, вокруг которой на три легуа с лишним раскинулись стираксовые рощи, откуда смола этих деревьев доставляется водным путем в королевства Пегу и Сиам. Из Лунсора мы плыли вниз по течению большой реки еще девять дней, наблюдая на берегах множество прекрасных городов и селений самого разнообразного вида. Дойдя до другой реки под названием Вентрау, мы проследовали по ней до Пенаушина, первого населенного места в королевстве Жангома, где послу пришлось составить роспись своим судам со всеми находившимися в них людьми, ибо таковы обычаи этой страны. Выйдя оттуда, мы остановились на ночевку в Раудитенах — двух крепостях князя Панканорского. Через пять суток мы добрались до большого города под названием Магадалеу, откуда гуммилак вывозится в Мартаван, и здесь местный князь произвел перед послом общий смотр своих войск, готовившихся в поход против короля Лаоса [\[302\]](#), с которым он рассорился из-за того, что тот отверг его дочь, на которой был женат уже три года, и женился на молодой девице, принесшей ему сына, которого он усыновил и объявил своим наследником в ущерб интересам княжеского внука, сына этой отвергнутой им жены. После этого мы продолжали путь по рукаву, носящему название Мадур, еще пять дней и прибыли в деревню Моушел, первое населенное место королевства Пегу, где однажды ночью на нас напал знаменитый разбойник по имени Шалагонин, пиратствовавший здесь с отважной командой на тридцати прекрасно снаряженных серо. Разбойник сражался с нами почти до самого утра и отделал нас так, что мы бога должны были благодарить за то, что остались в живых, хотя потеряли пять судов и сто восемьдесят человек убитыми, в том числе двух португальцев. Послу отрубили руку и нанесли две раны стрелами, от которых он едва не умер, все прочие были также жестоко изранены. Драгоценный подарок, который король Каламиньяна послал бирманскому королю и стоивший более ста тысяч крузадо, был захвачен вместе с другими богатыми товарами, находившимися на этих пяти судах. И так-то, разгромленные и ограбленные, прибыли мы через три дня в

Мартаван, потеряв большую и лучшую часть наших людей.

Посол дал немедленно знать королю о том, чем увенчалось его посольство, а также какой ему пришлось выдержать бой. Король немедля принял меры и выслал на поиски пирата армаду в сто двадцать серо с самой отборной командой, в числе которой было сто португальцев. Когда пирата настигли, он уже вытащил свои тридцать серо на берег, а сам спрятался в крепости, которую набил добычей, награбленной в окрестных местах. Наши немедленно окружили крепость и с первого же приступа взяли ее, причем погибло несколько бирманцев и один португалец, правда, многие были ранены стрелами, но раны оказались неопасными, за несколько дней зажили, и никто не остался калекой. После взятия крепости все находившиеся в ней были безжалостно преданы мечу, кроме разбойника и еще ста двадцати человек его шайки, их доставили живыми бирманскому королю, который велел их казнить в городе Пегу, бросив под ноги своим слонам ^{303}, и те за несколько мгновений разодрали их на куски и растоптали. В этом походе португальцам привалило счастье, ибо все вернулись богатыми, причем, как говорят, пятерым или шестерым из них выпало на долю от двадцати пяти до тридцати тысяч крузадо, а остальным по две, по три тысячи.

После того как посол вылечился в Мартаване от полученных ран, он отправился в Пегу, где в это время находился, как я говорил, бирманский король со своим двором. Узнав о прибытии посла с письмом короля Каламиньяна, в котором последний принимал его предложение о дружбе и союзе, король приказал Шаумигрену ^{304}, своему молочному брату и шурина, и всем сановникам государства встретить посла. При этом в караул были выстроены иноземные войска, в том числе тысяча португальцев под началом некого Антонио Феррейры из Брагансы, человека очень мужественного, которому король положил оклад в двенадцать тысяч крузадо в год, не говоря о разных подарках, составлявших не меньшую сумму.

Бирманский король, видя, что в этом союзе бог пошел навстречу его желаниям, решил возблагодарить его за такую милость и объявить по этому случаю всенародный праздник с жертвоприношениями во всех капищах их языческих сект. Были возжены курильницы с благовониями и зарезано более тысячи оленей, свиней и коров, мясо которых было роздано неимущим; кроме этого, было одето пять тысяч бедняков, выпущено на свободу более тысячи узников и прощено много долгов.

На седьмой день торжеств, праздновавшихся с неослабевающим

усердием и с огромной затратой средств как со стороны короля и сановников, так и народа, в город пришло достоверное известие о том, что скончался Айшекендо, моунайский ролин, высшее духовное лицо среди жрецов; увеселения немедленно прекратились, и все погрузилось в великую печаль. Король уединился, продавцы разъехались с базаров, окна и двери закрылись, и во всем городе не стало видно живой души. Пагоды переполнились кающимися грешниками, которые, обливаясь потоками слез, так принялись умерщвлять свою плоть, что некоторые после этого не выжили.

Король в тот же вечер отправился в Моунай, находящийся в двадцати легуа от Пегу, ибо по издревле заведенному обычаю государь должен был присутствовать на подобных похоронах, и прибыл туда на следующий день. Он приказал ускорить погребение, и все было закончено в тот же день. Перед самым закатом солнца тело покойного было вынесено из дома, где он скончался, и перенесено на помост, установленный посреди большой площади. Он был весь отделан белым бархатом и накрыт сверху тремя парчовыми балдахинами. Посредине помоста было устроено возвышение, к которому вело двенадцать ступенек, а на нем стоял украшенный золотом и драгоценными камнями катафалк, несколько напоминающий наши. Окружало его большое количество серебряных подсвечников, а кроме того, курильницы, распространявшие сладчайшие ароматы, что было необходимо, так как тело уже начало разлагаться и дурно пахло. Всю эту ночь покойник пролежал таким образом, и стражам его пришлось изрядно потрудиться; на площади царила необычайная сутолока, плач и вопли раздавались повсюду, — и слов не хватает, чтобы дать об этом понятие, ибо только одних бико [13051](#), грепо, менигрепо, талагрепо, гимианов и ролинов, представляющих собой все ранги их жречества, как меня уверяли, собралось более тридцати тысяч, не считая ежечасно прибывающих. После того как некоторыми обрядами была весьма уместно выражена печаль по поводу этой кончины, в два часа пополудни из храма Киая Фригау, бога солнечных пылинок, вышла процессия, в которой участвовало более пятисот обнаженных мальчиков, обвитых вокруг пояса и вокруг груди железными цепями и ремнями и несших на головах связки с дровами, а в руках резак. Разделенные на два полухора, они пели с таким чувством и такой печалью, что слышавшие их не могли удержаться от слез. Один из полухоров начинал нечто вроде стиха:

— Ты, что приобщись к небесному блаженству, не оставляй нас, пленников, на чужбине.

На что второй полухор отвечал:

— Да возрадуемся с тобой среди благ господних, — продолжая на один и тот же голос свою жалобную молитву наподобие литании. После этого все стали на колени у помоста, где лежало тело ролина, а один грепо, которому было более ста лет, простертый на земле с воздетыми руками, обратился к покойному от имени этих детей, на что другой, находившийся у самого катафалка, ответил за покойного:

— Господь, святой воле которого было угодно создать меня из праха, ныне разрешил мне вернуться во прах, а посему, сыночки мои, запомните мои слова: бойтесь того часа, когда десница всевышнего положит вас на весы своего правосудия!

На что все с рыданиями в голосе ответили:

— Да будет угодно всевышнему, царящему на солнце, не взирая со строгостью на дела наши, дабы не были мы осуждены на погибель.

За детьми появились подростки — восемь мальчиков лет десяти в длинных одеждах из белого атласа, с золотыми цепями на ногах; на груди у них было много драгоценных камней и жемчужин. Они начали с того, что низко поклонились покойнику, а потом принялись размахивать обнаженными мечами, как бы отгоняя дьявола. При этом они восклицали:

— Сгинь, проклятый, в бездонную пропасть Обители Дыма, где в вечных муках ты умираешь, не умирая, и, искупая, не искупишь вину, за которую ты осужден суровым приговором всевышнего.

С этими словами они удалились, как если бы тело ролина стало уже недостижимо для дьяволов, которых они от него отогнали.

Им на смену пришли шесть талагрепо из самых важных — это все были старики свыше восьмидесяти лет, одетые в фиолетовый штоф; поверх плеч у них были надеты алтирны, перевязанные под мышками наподобие наших стол. В руках они держали серебряные кадила, а впереди них для придачи большой торжественности шествовало двенадцать булавоносцев с серебряными булавами. Эти шесть священнослужителей с многочисленными церемониями сначала четыре раза окурили ладаном катафалк, затем простерлись ниц и начали горько плакать. Потом один из них как бы обратился к покойному и произнес:

— Если бы тучи небесные были способны объяснить нашу скорбь пасущимся скотам, они бросили бы свои луга и присоединили бы слезы свои к нашим, оплакивая кончину твою и великое сиротство, в котором отныне мы пребываем, или попросили бы тебя забрать и нас с собой в обитель смерти, где все мы тебя видим, между тем как ты нас не видишь, ибо недостойны мы такой милости. Но для того чтобы народ сей обрел

утешение, прежде чем могила скроет от нас твое тело, яви нам в земных образах спокойную радость и сладостное удовлетворение, кои ты ныне вкушаешь, дабы восстали все от тяжкого сна, в который погрузила их томная плоть, и нас, несчастных, побуди подражать тебе и встать на твою стезю, дабы при последнем вздохе, который мы испустим, удостоились мы увидеть исполненный веселием лик твой в Обители Солнца.

На что народ единым страшным криком ответил:

— Miday talamba, — что значит: «Даруй нам, господи».

Тут булавоносцы принялись с большим трудом очищать дорогу новой процессии, но народ ни за что не хотел расступиться. Наконец из дома, расположенного по правую руку от помоста, вышло двадцать четыре маленьких мальчика со множеством драгоценностей и золотыми цепями на шее, облаченные в весьма богатые одежды. Все они держали в руках необычные для нас музыкальные инструменты. Встав на колени в два ряда по обе стороны катафалка, они заиграли. Затем двое из них запели, время от времени им вторили еще пять голосов. Пение их было столь умирительно, что народ обильно проливал слезы, а некоторые почтенные и степенные люди разжалобились до того, что в сокрушении своем наносили себе удары по лицу, а другие бились головой о ступени катафалка. Пока продолжалась эта церемония и еще десять или двенадцать, которые последовали за ней, шесть молодых и благородного происхождения грепо принесли себя в жертву, испив из золотой чаши, стоявшей на особом столе, некую желтую жидкость, столь ядовитую, что едва успевали они ее допить, как уже падали мертвыми. Все они за свой поступок были сочтены святыми и стали предметом всеобщей зависти и почитания. С того места, где они падали, их немедленно поднимали и торжественно относили на костер из сандала, стиракса и алоэ и предавали сожжению. Когда наступило утро, с помоста сняли наиболее драгоценные вещи. Но балдахины, бархат, флаги, хоругви и другие ценные украшения не стали трогать. Все это со множеством церемоний, громкими воплями и рыданиями, под страшный шум и грохот музыкальных инструментов было подожжено вместе с помостом, и костер, политый драгоценными благовониями, превратил в короткое время тело покойного в пепел. Пока пылал огонь, король и вельможи, присутствовавшие при сожжении, бросали в него золотые вещи, кольца с рубинами и драгоценные жемчужные ожерелья. И все эти богатые изделия, столь бессмысленно загубленные, вместе с костями и плотью бедного ролина пожрал огонь. Как говорили здесь, на похороны эти было потрачено более ста тысяч крузадо, причем в эту сумму не вошли одежды, пожертвованные королем и

вельможами тридцати тысячам священнослужителей, на которые ушло огромное количество ткани. На этом деле изрядно разжились португальцы, ибо продали все привезенные из Бенгалии запасы по той цене, которую им пришлось в голову назначить, причем расплачивались с ними серебряными слитками и золотыми караваями.

Глава CLXVIII

Каким образом был избран новый моунайский ролин, высший талагрепо язычников Бирманского королевства

На другой день между семью и восемью часами утра, когда пепел окончательно остыл, король собственной персоной в сопровождении высших сановников государства направился к месту, где было сожжено тело, а за ним пышной процессией последовали все грепо этой секты, в том числе сто тридцать с серебряными кадилами и четырнадцать с золотыми подносами на головах. Все они были облачены в желтый атлас и алтирны из зеленого бархата, подвязанные под мышками, шедшие за ними шесть или семь тысяч были тоже одеты во все желтое, но в тафту и индийские ткани, что тоже производило впечатление роскоши, так как участников процессии было очень много. Когда она дошла до места, где было сожжено тело ролина, после нескольких языческих церемоний и молитв, выполненных и произнесенных по принятому у них чину в соответствии с обстановкой и чувствами, которые испытывали все, на агрен, или кафедру, взошел бирманский талагрепо, дядя короля, брат его отца, почитавшийся среди народа наиболее умным из всех и поэтому избранный для этой проповеди, и, обзрев во вводной части жизнь и заслуги усопшего, которому он воздал хвалу в подходящих для этого предмета выражениях, он пришел в такое возбуждение, что, обратившись со слезами на глазах к королю и несколько возвысив голос, чтобы все могли его расслышать, произнес:

— Если бы цари, управляющие ныне землей или, вернее, тиранящие ее, подумали, как скоро наступит для них этот час и с какой суровостью будут они наказаны десницей всевышнего за все преступления и обиды, учиненные ими за время, когда они угнетали людей, они, быть может, предпочли бы щипать траву на пастбищах, подобно бессловесным скотам, а не использовать самовластно и безрассудно свое могущество, проявляя жестокость по отношению к кротким овцам и мягкость в наказании тех, которых угодно им было возвеличить. Истинно говорю вам, великое сострадание можно испытывать к тем, кого судьба вознесла до вершин, на которых пребывают современные цари, ибо в любодениях и распутстве проводят они дни свои, не оставляя себе и часа для угрызений совести и раскаяния, но знайте, слепцы, не видящие окружающий вас мир, что

господь возносит людей до царского достоинства лишь для того, чтобы они человечно обходились с ближними своими, выслушивали их жалобы, удовлетворяли их нужды, наказывали их преступления, но не для того, чтобы, как безжалостные тираны, умерщвляли их. А между тем вы, несчастные люди, сделавшись царями, начинаете отвергать самую природу, из которой создал вас господь, и превращаете ее в другую, зело отличную от нее, всечасно принимая те обличия, которые вам больше всего с руки, ибо для одних вы пиявки, высасывающие их достояние и жизнь, не отлепляясь от них, доколе не извлечете последнюю каплю крови из жил; для других — грозно рычащие львы, издающие жестокие указы, карающие смертью малейшее крамольное слово или дело, с единой целью — под личиной законности завладеть чужим имуществом и удовлетворить ненасытную свою алчность; к третьим же, которые вам угодны и которым вы, или свет, или не знаю еще кто, присвоил наименование великих, вы проявляете такую преступную мягкость в осуждении их гордыни и такую расточительность в оказываемых им милостях, обирая бедных, которых вы оставляете в чем мать родила, что у всех малых и угнетенных вами накапливается вдоволь обид, чтобы предъявить вам великий иск пред лицом небесного судии, когда уже бесполезны будут ваши оправдания и у вас, несчастных, в немом смятении закоснеет язык.

С таким жаром талагрепо защищал угнетенных, так бушевал против сильных и так сокрушался об их грехах, что король стоял, словно сраженный громом. Проповедь произвела на него столь сильное впечатление, что он немедленно призвал к себе Бразагорана, губернатора Пегу, и приказал ему распустить всех уполномоченных от народов своего королевства, которым велел собраться в городе Козмине, чтобы истребовать с них большую сумму денег для расходов по затеваемой им войне с королевством Савади, и публично поклялся на прахе покойного, что, пока он будет править, он не будет ни подкупать правителей, ни понуждать народы служить ему против воли, как он это делал раньше, и что ныне он с особым вниманием будет выслушивать малых и поступать с великими в зависимости от заслуг каждого, и вообще наобещал много добрых и справедливых вещей, которые из уст язычника мы никак не рассчитывали услышать.

После окончания проповеди прах покойного, который к этому времени уже был собран, распределили как святыню по четырнадцати золотым подносам, из которых один взял король, возглавивший шествие, а за ним с остальными последовали грепо, занимающие самые высокие должности. Процессия в том же порядке, в котором она пришла на

площадь покинула ее и направилась в богатый храм Кияя Доко, бога всех скорбящих, находившийся на расстоянии выстрела из мелкого орудия от этого места, и там прах был положен в неглубокую могилу без всякой пышности и мирской суеты, ибо так приказал Айшекендо, который, как я уже говорил, был высшим ролином над всеми гробо, кем-то вроде нашего папы. Могилу сразу же обнесли тремя рядами решеток — два ряда были сделаны из серебра, а один из латуни. На трех балках, пересекавших усыпальницу во всю ширину, висело семьдесят два серебряных светильника, по двадцать четыре на каждой, все очень ценные и дорогие, и в каждом светильнике было десять или двенадцать свечей. Подвешены они были на очень толстых серебряных цепях. Между могилой и решеткой стояло тридцать шесть курительниц для сжигания благовоний алоэ, цветов стиракса и других, смешанных с амброй. Похороны закончились лишь под вечер из-за бесконечного количества разнообразных, связанных с ними церемоний. Так, были выпущены на волю птички, которых принесли сюда в трехстах клетках, ибо считалось, что это души умерших, переселившиеся в этих птичек, в ожидании дня, когда их освободит, чтобы сопровождать душу усопшего. С той же набожной целью освободили и великое множество рыбок, доставленных в лоханях с водой; они с особой церемонией были выпущены в реку, чтобы служить душе покойного. Сюда же было свезено множество всякой лесной дичи, которая привлекла наше любопытство более, чем что-либо другое, но мясо ее было роздано бесчисленным беднякам. Покончив с этими и прочими церемониями, король, так как наступила уже ночь, отправился в свое доно, или лагерь, где, в знак печали по усопшему, он ночевал в палатке, и его примеру последовали вельможи и все прочие. На следующий день, когда наступило утро, король велел объявить во всеуслышание, чтобы все, независимо от их положения, под страхом смерти немедленно покинули остров, а священники под страхом лишения сана разошлись по своим монастырям, что немедленно было исполнено. Когда остров опустел, священники, выбранные, чтобы, в свою очередь, избрать того, кто должен был занять место покойного, сошлись в доме Гуанжипарау, но так как в течение первых двух дней, из-за разделения голосов, ни к чему не пришли, по предложению короля постановлено было избрать из девяноста депутатов девять избирателей, которые и осуществят окончательный выбор. Эти девять человек намечены были быстро, но когда они собрались, то заседали пять дней. Все это время бонзы днем и ночью произносили молитвы и раздавали пожертвования бедным — их одевали, а желающих кормили за столами, нарочно для этого поставленными. Наконец все

девять сошлись на выборе некоего Маники Моушана, который был кабизондо в пагоде Кияя Фригау, бога солнечных пылинок, в городе Дагуне и о котором я уже упоминал много раз; ему было шестьдесят восемь лет, почитался он человеком благоразумным, праведной жизни, весьма хорошо знакомым с учениями и обрядами их языческих религий, а главное, очень милосердным по отношению к бедным. Выбором этим и король и вельможи остались очень довольны, и как только с этим было покончено, последний велел немедленно отправить людей за новым ролином. Во главе поехал молочный брат короля Шаумигрен, который для большей чести получил титул Коуталаньи, или брата короля. Шаумигрен отправился в путь на ста гребных лауле, в которых следовал весь цвет Бирмы с девятью избирателями. Из Дагуна его вывезли с большим почетом и уважением, и через девять дней он добрался до места под названием Тагала, в пяти легуа от острова Моуная, куда король самолично отправился к нему навстречу на тысяче с лишним гребных судов в сопровождении всех придворных вельмож, не считая прочего люда. Когда вся эта флотилия торжественно прибыла на место, где находился новый ролин, король простерся перед ним, трижды поцеловал землю и произнес:

— Святая жемчужина из фиолетовой финифти посередине солнца, дохни угодным господу несозданного могущества дыханием на голову мою, да не устрась на земле тяжелого ярма врагов моих!

На что ролин, желая поднять его, протянул ему руку и сказал:

— *Faxihinapo varite ramor darou sampano dasorem farixaorau*, — что означает: «Старайся, сын мой, угодить трудами своими господу, и я буду непрерывно молиться за тебя».

И, подняв его с земли, на которой он все еще лежал, усадил его рядом с собой и трижды возложил ему руку на голову, что король почел за высокую честь. После чего, сказав ему несколько слов, которые мы не расслышали, так как находились недостаточно близко, дал ему встать на колени идохнул три раза ему на голову, между тем как все присутствующие пали ниц.

По окончании этой церемонии под громкие крики, перезвон колоколов и звуки музыкальных инструментов новый ролин взошел на королевскую лауле и сел на украшенное драгоценными камнями золотое кресло; король, которому ролин оказал великую честь пригласить его сесть поблизости, разместился у его ног, а вокруг них, на известном расстоянии, сели двенадцать мальчиков в желтых одеждах с парчовыми алтирнами и золотыми булавами наподобие скипетров в руках. По бортам судна, вместо гребцов, стали, держа, на плечах позолоченные весла, все вельможи

королевства. На носу и на корме расположилось два хора юношей в ярко-красных одеждах, они прекрасными голосами пели под сопровождение разнообразных инструментов всякие славословия всевышнему, из коих одно песнопение, записанное нашими, звучало так:

— Воздайте, отроки с чистыми сердцами, восхищенную хвалу божественному властителю нашему, поелику я не достоин возвысить голос свой по греховности своей, а если не последует вам на сие разрешение, пролейте слезы пред стопами его, дабы стать ему сим угодными.

Так пропели они еще много других песнопений, которые, будь они христианскими, могли бы вызвать набожные чувства у слушателей. Когда ролин торжественно прибыл в Мартаван, было уже темно, и поэтому он не сошел на берег, как первоначально предполагалось, а подождал утра. Но так как ему нельзя было никоим образом прикоснуться ногами земли из-за высокого занимаемого им положения, на берег король перенес его на плечах, а там передал принцам и вельможам, и так вот, переходя с рук на руки, он был доставлен в пагоду Кияя Понведе, самую большую и роскошную в городе. Посредине храма была сооружена богатейшая сцена, отделанная желтым атласом, ибо желтый цвет является цветом их жреческих одеяний. Там ролин после новой церемонии возлег на небольшое золотое ложе и принял вид мертвого. Ударили три раза в колокол, и все ролины простерлись ниц и пролежали так с полчаса, а народ между тем в знак печали прикрывал руками глаза и громко повторял:

— Воскреси, господи, к новой жизни этого святого раба твоего, дабы было кому молиться за нас.

В это время ролина, покрытого вместо савана желтой атласной одеждой, подняли с ложа, поместили на носилки, отделанные тем же цветом, и с печальными песнопениями и множеством слез трижды обнесли вокруг храма, уложили в заранее приготовленную могилу, вокруг которой лежали человеческие черепа, и прикрыли куском бархата. Над ним было прочтено несколько молитв, причем все плакали, и король выказывал немалую скорбь. Потом водворилось молчание и три раза ударили в колокол, на что немедленно все городские колокола откликнулись таким ужасным и устрашающим звоном, что затряслась земля. После того как гул их стих, двое талагрепо, людей весьма знаменитых и искушенных в своих науках, поднялись на два убранных шелком и богатыми коврами агрена, похожих, как я уже не раз говорил, на наши кафедры, и объяснили присутствующим смысл происходящей церемонии, останавливаясь на каждой подробности, а затем, пересказав шаг за шагом всю жизнь и кончину усопшего ролина, изложили, как произошли выборы последнего и

какими заслугами он обладает, чтобы занимать столь высокий сан, на который он призван был самым богом, равно как и многие другие вещи, исполнившие народ глубоким удовлетворением. Раздались снова три удара в тот же колокол, в который звонили и в первый раз, после чего кафедры со всеми украшениями были сожжены с новой церемонией, описывать которую я воздержусь, ибо мне кажется праздным тратить время на все эти языческие выдумки, и хватит того, что я о них сказал. Когда с этим было покончено, на некоторое время воцарилось молчание, между тем из соседнего храма, отстоявшего от этого на расстояние выстрела из арбалета, вышла процессия мальчиков со множеством золотых украшений на шее и золотыми цепями на ногах, очень роскошно и богато одетых в белую тафту, означавшую их непорочность и невинность. Они держали в руках восковые свечи, а на головах у них были венчики из разноцветной крученой шелковой ткани, вышитые серебряной и золотой нитью и украшенные многочисленными жемчужинами, рубинами и сапфирами. Посреди этой процессии двенадцать мальчиков несли на плечах богатые носилки, покрытые золотой парчой, а вокруг них шествовали дети с серебряными булавами и курильницами, распространявшими сладостное благоухание. Дети эти все играли на разнообразных инструментах, пели хвалу всевышнему и просили его воскресить к новой жизни усопшего. Когда носилки приблизились к тому месту, где лежал ролин, дети опустили их на землю и отдернули прикрывавшую их парчу, и из них вышел мальчик по виду лет трех. Хотя он был совершенно наг, тела его видно не было из-за золота и драгоценных камней, которыми он был покрыт. Выглядел он так, как у нас изображают ангелочков, — с золотыми крыльями, скипетром в руке и драгоценнейшим венком на голове. Когда он вышел из носилок, все присутствующие пали перед ним ниц и возопили столь громкими голосами, что страшно становилось:

— Ангел божий, присланный с небес для нашего спасения, когда ты вернешься на небо, помолись за нас.

К мальчику тотчас подошел король, взял его на руки со всеми знаками почтения и с диковинной церемонией, долженствовавшей изобразить, что он недостойн прикоснуться к нему рукой, словно это и впрямь сошедший с небес и богом посланный ангел, поставил его у края могилы и совлек с нее бархатный покров. Все тем временем стали на колени, обратили глаза к небу, и воздели руки, а к мальчику подошли шесть священников и окурили его пять раз ладаном, после чего он громким голосом произнес, как бы обращаясь к мертвому:

— Тебе, грешник, греховно зачатый в низкой и постыдной плоти,

приказывает ныне господь через меня, незначительнейшего муравья его кладовой, восстать для новой, угодной ему жизни, чтобы, пребывая в страхе перед могучей его десницей, при последнем дыхании своем ты был чист совестью и не уподобился суетным чадам мирским, и из гроба, в котором ты покоишься бездыханный, подняться с великой поспешностью, ибо он говорит тебе: «Я утвердил тебя высшим из высших служителей храмов моих. Иди за мной, иди за мной, иди за мной!»

В это время король снова взял мальчика на руки, а ролин, находившийся в могиле, словно пораженный этим видением, поднялся из нее и стал на колени перед мальчиком, которого держал король, и воскликнул:

— Принимаю эту новую милость из рук господних, изъясненную мне твоими устами, и обязуюсь до смерти являть собою пример смирения и быть самым низким из рабов его, дабы жабы земли не погибли от пресыщения благами мирскими.

Мальчика тем временем опустили на землю, он подошел к могиле и протянул руку ролину, как бы помогая ему окончательно из нее выбраться. В этот миг пять раз ударили в колокол, и при этом знаке народ опять простерся ниц, восклицая:

— Благословен будь господь за столь великую милость!

Все колокола в городе снова забили с таким гулом, что голоса человеческого нельзя было услышать, но гул и грохот стали особенно оглушительны и невыносимы, когда к ним присоединились бесчисленные пушки, стрелявшие как с берега, так и с реки, на которой стояло две тысячи судов.

Глава CLXIX

Как ролин был доставлен на остров Моунай и введен в исправление своей должности

Новый ролин был отнесен из того храма в роскошнейшем, золотом с драгоценными камнями отделанном паланкине, который покоился на плечах восьми самых высоких сановников государства. Перед ними шествовал король, держа на плече богатый меч, и таким образом ролин был доставлен в королевский дворец, отделанный богатым образом для его приема, где оставался трое суток, пока заканчивались некоторые приготовления на острове Моунай. За время его пребывания принцами, вельможами и местными жителями было устроено в Мартаване для народа много дорогостоящих увеселений. Два из них посетил с большой торжественностью сам король. О них я рассказывать не буду, так как, по правде сказать, не знаю, что там было. Когда наступил день, в который ролин должен был отправиться к себе на остров Моунай (который они, как я уже говорил, считают чем-то вроде нашего Рима, то есть престолом своего дьявольского папы), вся армада серо, жанга, лауле и всяких прочих судов более двух тысяч числом, находившихся на реке, была выстроена в две кильватерных колонны на всем протяжении от города до острова, что составляет примерно одну легуа, и таким путем образовалась наипрекраснейшая улица, которую только можно себе представить, ибо все эти суда были украшены ветками с плодами, множеством роз, маргариток и прочих цветов, а также шелковыми навесами, штандартами и флагами, причем все с таким радостным увлечением соревновались, кто наряднее украсит свое судно, будто им за это будет даровано полное отпущение грехов, прощение всех грабежей, которые они совершили, без малейшего обязательства вернуть похищенное, или великодушно преданы забвению их гнусные противоестественные пороки, о которых я предпочитаю умолчать, ибо это предмет, недостойный благочестивых ушей, хоть он и прекрасно вяжется с их дьявольскими культами и с учениями омерзительных основоположников их религии, ибо в любоддеяниях и плотских излишествах они проявляют такой же разврат и распутство, как и прочие неверные и еретики.

Вместе с ролином отправилось тридцать легких гребных лауле, гребцами на которых должна была быть знать. Самому ролину был отведен

богатеиший серо, где он восседал на серебряном возвышении с балдахином из золотой парчи. У ног его сидел король, ибо другого места он не был достоин, а вокруг них на коленях разместились тридцать мальчиков в ярко-красной одежде со своими серебряными булавами на плечах, а двенадцать других мальчиков, одетых в белый штоф, стояли за ними, держа в руках курильницы с благовониями. Кроме них, на судне было примерно двести талагрепо самых высоких санов (как наши архиепископы), в их число входило шесть или семь королевских сыновей [{306}](#). Так как судно было переполнено и усадить гребцов не было возможности, его вели на буксире пятнадцать лауле, гребцами на которых были высшие священнослужители девяти религий этого королевства.

В этом порядке флотилия вышла из Мартавана за два часа до восхода и пошла по дороге, образованной двумя рядами судов, на которых зажгли всевозможные фонари, висевшие среди зеленых веток, украшавших эти лады. В мгновение, когда ролин отчаливал от берега, был дан залп из трех орудий, и вслед за ним со всех сторон раздались столь громкие колокольный звон, пальба из пушек, звуки варварских музыкальных инструментов, шум и крики толпы, что казалось, море и земля сливаются воедино.

Когда суда прибыли к набережной, где надо было сойти на берег, встречать ролина вышла процессия ролинов-отшельников, которых они называют менигрепо (некто вроде наших капуцинов) и к которым все эти язычники питают огромное почтение за их строгий образ жизни, ибо устав их предписывает большее воздержание, чем всем прочим духовным лицам. Отшельники, которых должно было быть от шести до семи тысяч, шли босые и покрытые черной рогожей, чтобы показать свое презрение к мирским благам; на головах у них были укреплены человеческие черепа и кости, а на шее висели толстые веревки из кокосовых волокон, лоб их был измазан грязью, и на нем была надпись: «Грязь, грязь, не взирай, не взирай на свое ничтожество, но воззришь на награду, которую господь определяет тем, кто унижает себя во имя его». Когда ролин приблизился к ним и ласково их приветствовал, они бросились перед ним ниц, потом, пролежав так некоторое время, один из них, по-видимому, старший, взглянув на ролина, произнес:

— Да будет угодно тому, из рук которого ты принял главенство над всеми людьми, сообщить тебе ту праведность и святость, которые сделают дела твои столь же приятными ему, как невинность младенцев, чей плач смолкает, когда мать дает им грудь.

На что все прочие громко и нестройно ответили:

— Да позволит свершиться этому всевышний о могучей деснице.

С набережной процессия двинулась к месту погребения усопшего ролина. Для большей торжественности ее возглавлял король с несколькими из самых именитых вельмож, которых он для этого пригласил. Когда дошли до гробницы, новый ролин простерся перед ней ниц и, пролив множество слез, печальным и прочувственным голосом произнес, как бы беседуя с покойным:

— Да будет угодно тому, кто царит среди великолепия светил своих, воздать мне за труды, сделав меня рабом твоим, дабы в Обители Солнца, где ныне ты пребываешь, я послужил тебе веником, о который ты утрешь ноги свои, ибо таким образом я буду созерцать твое совершенство, ценность коего превосходит все богатства мира.

На что грепо отвечали хором:

— Massirao fatirau, — что означает: «Да дарует сие господь».

Взяв в руки четки, лежавшие на могиле, он надел их себе на шею как величайшую реликвию и возложил на надгробие свой дар: шесть серебряных лампад, две курильницы и шесть или семь кусков фиолетового штофа. Затем он удалился в сопровождении короля, принцев, высших сановников королевства и толпы собравшихся здесь священнослужителей и, дойдя до своих покоев, распрощался со всеми, а потом из окна бросал им на головы зерна риса, что у них значит то же, что у нас окропление святой водой, причем все опустились на колени и воздели руки к небу. По окончании этой церемонии, продолжавшейся почти три часа, ударили три раза в колокол. По этому знаку ролин скрылся в своих покоях, а люди направились к судам. Весь этот день суда покидали остров. Король расстался с ролином уже под вечер и ночевать отправился в город. На другое утро он отбыл в Пегу, в восемнадцати легуа от Мартавана, куда прибыл на следующий день через два часа после захода солнца. Возвращение его не было отмечено никакими торжествами и празднествами, ибо король хотел выказать этим свое горе по поводу смерти старого ролина, которого, как говорят, он высоко чтит.

Глава CLXX

О том, что сделал бирманский король после своего возвращения в Пегу; как он пошел походом на город Савади и что приключилось с нами, девятью португальцами

Бирманский король двадцать дней спустя после своего возвращения в Пегу, видя из письма, которое доставил ему его посол, что император Каламиньяна собирается заключить с ним союз против короля Сиаммона лишь через своего посла, а поэтому поход на Сиаммон в это лето уже не удастся совершить, так как для этого еще многое нужно было сделать, равно как и намечавшийся им поход на королевство Ава, решил послать своего молочного брата (которого, как я раньше говорил, он пожаловал титулом брата) на город Савади, находившийся в ста тридцати легуа к северо-востоку от Пегу. Для этого он собрал войско в сто пятьдесят тысяч человек, в которое входило тридцать тысяч чужеземцев из разных стран и пять тысяч слонов (две тысячи боевых и три тысячи для перевозки грузов и провианта). Воины были посажены на тысячу триста гребных судов, которые 5 марта и отбыли из Пегу и 14 марта прибыли на поле Гуампалаор в виду Савади. Высадившись там, Шаумигрен ждал еще пять дней прихода пяти тысяч слонов, следовавших сушей. Едва они прибыли, он немедленно двинулся на город, окружил его и попытался взять приступом с помощью лестниц, но вынужден был трижды отступить со значительными потерями как из-за сопротивления осаждаемых, так и потому, что грунт оказался неподходящим для установки лестниц, ибо стены были возведены на сланце. Ввиду этого был собран совет, чтобы решить, как действовать дальше, и военачальники высказались за то, чтобы пробить стену с двух артиллерийских позиций в тех двух местах, где, как казалось, она наиболее уязвима, ибо, если снести два участка стены, можно было гораздо легче и с меньшими потерями проникнуть в город. Решение это стали немедленно осуществлять. С этой целью инженеры, используя балки, щебень и фашины, возвели два обращенных к городу бастиона и за пять дней подняли их на такую высоту, что они возвышались над стенами более чем на две брасы. На каждом бастионе установили по двадцати крупных осадных орудий и мортир, заряжающихся с казенной части, и, обстреляв из них стены, пробили там две бреши. Кроме этих орудий, у бирманцев было более трехсот фальконетов, непрерывно стрелявших по городу с

единственной целью убивать народ, ходивший по улицам, что привело к большим потерям среди осажденных. Последние, видя гибель стольких сограждан, будучи весьма отважными, решили дорого продать свою жизнь, и однажды перед рассветом, сделав вылазку через бреши в стене, с таким бесстрашием набросились на лагерь, что меньше чем за час почти полностью разгромили бирманское войско. Вернулись в город они лишь тогда, когда стало светло, оставив на поле боя восемь тысяч убитых врагов. После этого савади очень быстро починили разбитые участки стены при помощи подстенка, сделанного из балок, земли и фашинов, который уже не могли пробить никакие ядра. Шаумигрен, видя, как неудачно обернулось все это дело, решил напасть теперь на окрестные населенные места и, назначив главного королевского казначея Диосорая, у которого мы, девять португальцев, были пленниками, полковником отряда в пять тысяч человек, приказал ему идти на селение, называемое Валеутай, откуда савади много раз получали провиант. Поход этот оказался весьма неудачным, ибо, прежде чем Диосорай дошел до Валеутая, на него напало примерно две тысячи савади, и меньше чем за полчаса из пяти тысяч его войска в живых не осталось ни одного. Однако господу нашему было угодно, чтобы восемь наших, воспользовавшись темнотой, спаслись бегством. Куда идти, мы не знали, но решили забраться на ближайшие скалистые горы, по которым с большим трудом продвигались в течение трех с половиной суток. Наконец мы вышли на болотистую равнину, где, кроме тигров, змей и всяких других лесных животных, приведших нас в немалое смущение, мы не встретили ни единого живого существа. Но поскольку господь наш, к которому мы, заливаясь слезами, непрестанно взывали, всегда направлял нас, сбившихся с дороги, на путь истинный, он дал нам к вечеру этого дня увидеть огонь на востоке. Мы пошли в эту сторону и под утро оказались у большого озера, вокруг которого раскинулось несколько довольно бедных деревень, как нам показалось по внешнему их виду. Не решаясь обнаружить себя, мы углубились в покрытые касатиками болотные заросли, где жестоко намучились из-за бесчисленных пиявок, которые высосали из нас огромные количества крови. Едва стемнело, мы продолжили свой путь и к утру оказались у большой реки, вдоль которой мы пошли, и после пяти дней пути вышли к еще большому озеру, на берегу которого стояла небольшая часовня, наподобие скита, где жил старый отшельник, оказавший нам гостеприимство. Он разрешил нам пожить у него двое суток, за которые мы постарались расспросить его о всем том, что могло представить для нас интерес. На все наши вопросы он отвечал с полной откровенностью и

рассказал, что земля, на которой мы находимся, принадлежит королевству Савади, а озеро называется Орегантор, что означает «Зевок ночи», часовня же посвящена Киаю Вогарену, богу помощи. Когда мы спросили его о происхождении этого названия, он поклялся нам, возложив руку на медного идола в образе коня, стоявшего на алтаре, что он неоднократно читал в одной книге, толковавшей об основании этого государства, что двести тридцать семь лет назад на месте озера стоял большой город, называвшийся Окумшалеу, который захватил некий аванский король. Чтобы отблагодарить достойным образом небо за такую победу, священнослужители, под влиянием которых находился король, посоветовали ему принести в жертву Киаю Гуатору, богу войны, всех взятых в плен детей мужеского пола, ибо, как говорили они, если он этого не сделает, дети, когда станут мужчинами, отберут у него завоеванное государство. Опасаясь этого, король велел собрать всех детей города в день, почитавшийся у них большим праздником, и все восемьдесят пять тысяч мальчиков предал мечу с величайшей жестокостью и кровопролитием, для того чтобы на другой день предать их жертвенному сожжению. Но в ту же ночь, как старался нас уверить отшельник, земля содрогнулась и на город посыпалось такое количество искр и молний, что за какие-нибудь полчаса весь он был спален. Эта кара божья постигла короля и всех его людей, причем никому не удалось спастись, в том числе и тридцати тысячам жрецов, голоса которых с той поры и поныне в каждое новолуние доносятся из озера. Они испускают такие страшные вопли и так пугают народ, что никто больше не хочет здесь жить, земля обезлюдела, и единственными ее обитателями являются восемьдесят пять тысяч отшельников в память восьмидесяти пяти тысяч младенцев, беспричинно умерщвленных здесь по наущению жрецов.

Глава CLXXI

Что с нами еще случилось во время нашего пути и об удаче, которая выпала нам на долю

После того как мы в течение двух суток пользовались щедрым гостеприимством отшельника, о чем я уже говорил, на третий день рано утром мы распрощались с ним, весьма пораженные и напуганные тем, что от него услышали, и продолжали идти вдоль реки весь этот день и следующую ночь. Когда начало рассветать, мы оказались у больших зарослей сахарного тростника, где мы запаслись несколькими тростинами, ибо никакой другой пищи у нас не было. Держась той же реки, от которой мы решили не удаляться, поскольку нам казалось, что рано или поздно, пусть даже поздно, она обязательно выведет нас к морю, где господь бог, на которого мы уповали, предоставит нам возможность спастись, мы на следующий день дошли до деревни под названием Поммизерай, где углубились в густые заросли, чтобы не быть замеченными людьми, ходившими по этой дороге. Спустя два часа после захода солнца мы уже снова были в пути, осуществляя наш замысел, который, как я уже говорил, заключался в том, чтобы идти вслепую вниз по течению этой реки туда, куда поведет нас судьба, пока мы не добьемся спасения или господу нашему не будет угодно смертью положить конец дню и ночью осаждающим нас мукам, ибо мысль о ней не покидала нас ни на мгновение и заставляла страдать даже больше, чем если бы мы и впрямь умирали.

Но на шестнадцатый день этого печального и мучительного пути угодно было господу нашему в очень темную ночь, когда лил дождь, показать нам огонь на расстоянии выстрела из трехфунтового орудия. Боясь, что мы опять придем к населенному месту, мы долгое время пребывали в смятении и нерешительности, не зная, что предпринять, пока не заметили, что огонь этот движется. Не прошло и получаса, как мы заметили гребную лодку с девятью людьми. Они подошли к крутому берегу неподалеку от нас, зашли в небольшую бухточку, образованную в этом месте рекой, разложили костер, на котором вскоре начали готовить еду, а потом, шутя и смеясь, принялись за ужин, за которым просидели достаточно долго. Напившись и наевшись до отвала, все девять, среди которых было три женщины, улеглись спать и вскоре погрузились в беспробудный сон. Видя, что наступило самое подходящее время

воспользоваться великой милостью, которую оказал нам господь, все мы восемь тихонько подошли к лодке, которая была привязана к какой-то ветке и наполовину увязла в иле, налегли на нее плечами и вытащили, и, едва она оказалась на плаву, мы вскочили в нее с возможной поспешностью, разобрали весла, отвалили от берега и стали спускаться вниз по течению, стараясь не шуметь и не плескать водой. Поскольку течение и попутный ветер нам помогали, за ночь мы успели пройти десять легуа и утром оказались возле пагоды Кияя Хинарела, бога риса, в которой мы нашли одного мужчину и тридцать семь женщин, в большинстве своем старух, которые состояли монахинями при этом храме. Они проявили милосердие и оказали нам гостеприимство, впрочем, нам показалось, не столько из добрых побуждений, сколько из страха перед нами. Когда же мы стали расспрашивать их о том, что нас интересовало, они ничего не могли ответить и только сказали, что их уже не трогают мирские дела и у них нет другой жизни, кроме той, в которой они непрестанно молятся Кияю Понведе, движущему небесными тучами, чтобы он даровал влагу возделанным ими полям и им не было недостатка в рисе. В этом монастыре мы провели целый день, приводя в порядок лодку. Запасы свои мы пополнили рисом монахинь, а также сахаром, бобами, луком и солониной, которых накоплено здесь было большое количество. Отвалив от берега через час после захода солнца, мы продолжали свой путь попеременно то на веслах, то под парусами в течение семи суток, причем за это время никто из нас не отважился сойти на берег, так как все мы опасались беды, которая легко могла с нами приключиться в любом селении, стоявшем на берегу. Однако никто не может уйти от того, что определено ему свыше, и злосчастной судьбе нашей было угодно, когда, полные страха и смущения, трепеща от того, что мы видели, и содрогаясь при мысли о том, что может с нами случиться, мы продолжали свой путь и перед рассветом столкнулись у входа в рукав реки с тринадцатью парао пирата, напавшего на нас так стремительно, что в одно мгновение ока были убиты трое наших товарищей, а мы пятеро, оставшиеся в живых, обливаясь кровью из ран, от которых двое потом погибли, бросились в реку.

Доплыв до берега, мы спрятались в зарослях, где провели весь этот день, оплакивая горестное происшествие, увенчавшее все пережитые нами невзгоды. Выбравшись из зарослей, мы, израненные, с большим трудом продолжали путь уже по суше, ожидая скорее гибели, нежели спасения. Мы были настолько перепуганы и так дурно представляли себе, что нам надо делать, что порой принимались все вместе плакать от отчаяния, полагая, что уже ничто не может нас спасти. И вот, когда мы находились в

этом безнадежном положении и двое из нас пятерых уже были при смерти, угодно было господу нашему (который всегда приходит на помощь тогда, когда человек уже ни на что не способен), чтобы как раз мимо того места, где мы находились, проходила ладья, на которой оказалась некая христианская женщина по имени Виоланте, вышедшая замуж за язычника. Этому язычнику принадлежала и ладья, направлявшаяся с грузом хлопка в город Козмин [{307}](#). Увидев нас, она воскликнула:

— Господи Иисусе! Да, никак, это христиане?

И тотчас приказала убрать паруса. Они поспешили на веслах к берегу и вместе с мужем, который хоть и был язычником, но жалостлив сердцем, подбежали к нам и обняли нас, проливая множество слез. Усадив нас в ладью, они тотчас занялись перевязкой наших ран, а также постарались, как только могли, снабдить нас одеждой, проявив при этом истинное христианское милосердие. Поплыли мы отсюда, позабыв прежний страх, и с помощью божьей через пять дней оказалось в Козмине, портовом городе королевства Пегу, где остановились в доме этой христианки [{308}](#), пользуясь щедрым ее гостеприимством, и окончательно излечились от наших ран. И так как милостями господь наш всегда богат, он определил, чтобы как раз в это время в порту оказалось отправлявшееся в Бенгалию судно, принадлежащее некоему Луису де Монтарройо. Распрощавшись с нашей хозяйкой и выразив ей должную благодарность за все, что она для нас сделала, мы сели на корабль к этому Луису де Монтарройо, который также весьма сердечно нас принял и, проявив необыкновенную тороватость, в изобилии снабдил нас всем, в чем мы нуждались. Когда мы прибыли в порт Шатиган в Бенгальском королевстве, где в то время было много португальцев, я перебрался на фусту некоего Фернана Калдейры, отправлявшуюся в Гоа, куда угодно было господу нашему благополучно меня доставить. Там я встретил бывшего коменданта Малакки Перо де Фарию, которым я и был отправлен в Мартаван с посольством к Шаубайнье, как я об этом уже сообщал. Ему я во всех подробностях пересказал все, что со мной случилось, и очень его этим огорчил; после чего он постарался хоть в какой-то мере возместить мне то, что я из-за него утратил, как он полагал по благородству и щепетильности своего характера. С этими средствами я решил воспользоваться муссоном и отправиться на юг, чтобы затем снова попытать счастья в Китае и Японии. Мне любопытно было узнать, не смогу ли я в этих странах, где я столько раз лишался последнего плаща, обзавестись наконец не столь потертым, как тот, который был у меня на плечах.

Глава CLXXII

Как из Индии я отправился на Сунду и что произошло со мной за зиму, что я там провел

Сев в Гоа на джонку, принадлежавшую Перо де Фарии и направлявшуюся с товаром в Сунду, я прибыл в Малакку как раз в тот день, когда скончался комендант крепости Руи Ваз Перейра Маррамаке. Отправившись оттуда на Сунду, я через семнадцать дней прибыл в порт Банту [{309}](#), где португальцы обычно занимаются своей торговлей. Но так как в это время года в продаже оказалось очень мало перца, за которым мы приехали, мы вынуждены были там перезимовать, решив весной отправиться в Китай.

Мы уже почти два месяца находились в этом порту, мирно торгуя своими товарами, как в город по приказанию короля Демы императора островов Явы, Анжениии, Бале, Мадур [{310}](#) и других этого архипелага прибыла некая семидесятилетняя вдова по имени Ньяй Помбайя. Привезла она письмо от императора к королю Сунды Тагарилу [{311}](#), который являлся его вассалом так же, как и остальные короли этой монархии. В письме короля Тагарилу предлагалось в полуторамесячный срок явиться в город Жапару, где в это время готовился поход на королевство Пасарван [{312}](#). Женщину эту, когда она прибыла в порт, самолично вышел встречать король на калалuze [{313}](#) и с большой торжественностью проводил ее в свой дворец и поселил вместе с королевой, своей женой, а сам перешел в удаленные покои, ибо таким образом он хотел оказать ей величайшую честь, на какую был способен. А для того чтобы было ясно, почему письмо это было доставлено женщиной, а не мужчиной, следует знать, что с самых давних времен у королей этих стран заведено договариваться по самым важным вопросам, где требуется мир и согласие, при посредстве женщин, и это не только касается личных отношений между сюзереном и вассалом, как в данном случае, но и в сношениях между отдельными государями, когда они направляют друг к другу посольства. Объясняют они это тем, что господь бог наделил женщин большей мягкостью, учтивостью, способностью убеждать и другими качествами, вызывающими к ним больше уважения, чем к мужчинам, ибо последние сухи, а поэтому менее приятны тому лицу, к которому их посылают.

Что же касается женщины, которую каждый из этих королей имеет

обыкновение отправлять для переговоров по важным вопросам, то она, по их мнению, должна обладать качествами, обеспечивающими наиболее успешное решение дела, по которому ее посылают. Так, например, она не должна быть девицей, ибо, если она девица, ей грозит опасность утратить это состояние, а если к тому же красота ее привлекает всех, а девичество свое она может подарить только одному, то это может стать причиной раздоров там, где как раз необходимы мир и согласие. Она должна состоять в законном браке или хотя бы быть вдовой законного супруга, и, если она имела от него детей, должна документально доказать, что вскормила грудью все свое потомство, ибо та, говорят они, которая родила, но не вскормила чад своих, будучи в состоянии это сделать, скорее женщина для наслаждения, как любая продажная и распутная тварь.

Обычай этот весьма строго соблюдается среди дворян этой страны, и, ежели какая-нибудь дворянка родит ребенка и по той или иной причине не может его вскормить грудью, она ради своей чести обязательно выправляет в том свидетельство, как если бы речь шла о деле первостепенной важности. А если она теряет мужа еще в молодые годы, ей необходимо, чтобы проявить в полной мере свою добродетель, пойти в монастырь, ибо этим она доказывает, что вышла замуж не для того, чтобы получать от брака чувственные наслаждения, а чтобы иметь детей с той чистотой и целомудрием, которые являли наши прародители, соединенные господом в земном раю. И чтобы брак ее был совершенно чист и не нарушал заповедей господних, жена, едва почувствовав беременность, должна, как они говорят, прервать сношения с мужем, ибо тогда брак становится уже не чистым и честным союзом, а чем-то чувственным и грязным. К этим условиям они присовокупляют еще и другие, излагать которые я воздержусь, ибо считаю, что погрешу многословием, если буду останавливаться на предметах, не заслуживающих внимания.

Ньяй Помбайя, привезшая послание, как я уже об этом говорил, к королю Сунды, по окончании переговоров немедленно оставила город Банту, король же деятельно принялся за приготовление к походу и вскоре двинулся из города с армией в тридцать калалуз и десять журупангов, взяв с собой достаточное количество провианта и боевых запасов. На этих сорока судах шло семь тысяч воинов, не говоря о гребцах и сорока португальцах из сорока шести, которые здесь находились. За участие в походе король обещал нам всяческие льготы в торговле и открыто изъявил свое удовольствие, что мы идем с ним, так что оснований уклониться от похода у нас не было.

Глава CLXXIII

Как Пангейран Пате [{314}](#), император Явы, пошел с большим войском на короля Пасарвана и о том, что произошло, когда он подошел к Пасарвану

Король Сунды отбыл из порта Банты января пятого дня 1546 года и прибыл девятнадцатого числа в город Жапару, где король Демы, император Явы, готовил к походу войско в восемьсот тысяч человек. Узнав о прибытии короля Сунды, бывшего одновременно и шурином его и вассалом, он выслал навстречу ему короля Панаруки, адмирала флота. Судно последнего сопровождала флотилия лузонцев с Борнео из ста шестидесяти гребных калалуз и девяноста ланчар. Вся эта свита проследовала с королем Сунды до того места, где находился император, который принял его весьма сердечно и с большим почетом. На пятнадцатые сутки со дня нашего прибытия в Жапару король Демы вышел с флотом в две тысячи семьсот судов, среди которых была тысяча высокобортных джонок, прочие же — гребные суда, и взял курс на Пасарван. 11 февраля он подошел к реке Хикандуре [{315}](#) и остановился у бара. Король Панаруки, адмирал флота, убедившись, что крупные корабли не смогут подойти к городу из-за подводных скал и отмелей, приказал их командам сойти на берег, а гребным судам подняться вверх, стать на якорь против города и сжечь суда противника в порту, что и было выполнено. С этой флотилией пошел лично и сам император в сопровождении всех вельмож королевства. Король сундский, который был назначен командующим сухопутными силами, двинулся к городу, с большей частью войска. Когда они подошли к месту, где надлежало разбить лагерь, а именно, к городским стенам, то первым делом занялись возведением укреплений и расположением артиллерийских позиций, чтобы огнем пушек поражать наиболее важные районы города. На эти приготовления ушла большая часть дня. Ночь же была проведена в пирах и увеселениях, но за осажденными было установлено надежное наблюдение. Когда наступило утро, каждый военачальник занялся своим делом, а все войско продолжало возводить укрепления согласно указаниям инженеров. В этот же день город окружили очень высокими валами с насыпями, укрепленными при помощи толстых балок. На насыпь были втянуты весьма тяжелые орудия, среди которых было несколько орлов и львов из

пушечного металла, отлитых в свое время турками и ашенцами под руководством одного ренегата из Алгарвы [\[316\]](#), называвшего себя после своего вероотступничества Кожа Жейналом, какое же имя он носил, будучи христианином, он скрывал, чтобы не бросить тень на свой род, так как был он отнюдь не низкого происхождения.

Осажденные, отметив беспечность своих военачальников, допустивших, чтобы враг целых два дня спокойно трудился над укреплением лагеря, и не попытавшихся помешать ему в этом деле, сочли это за великое себе оскорбление и попросили своего короля разрешить им в ближайшую ночь испытать силы противника, ибо весьма вероятно, что люди, утомленные тяжелой работой, будут хуже владеть оружием и не выдержат первого решительного натиска.

Король Пасарвана был молод и отличался качествами, за которые подданные его ценили и любили, ибо, как нам рассказывали, он был очень великодушен, не был тираном, сочувственно относился к мелкому люду, был великим другом бедняков и вдовиц и проявлял к ним такую щедрость, что, едва узнав об их нуждах, немедленно приходил к ним на помощь, давая им даже больше того, что они просили. Кроме этих прекрасных качеств, были у него еще и другие, столь соответствовавшие чаяньям народным, что в государстве его не нашлось бы человека, который не отдал бы охотно за него жизнь. Следует добавить, что при нем находился весь цвет его королевства, люди молодые и отважные, не говоря уже об иностранцах, которых он также щедро одаривал и оказывал им всяческие милости и почести, сопровождая все ласковыми словами, — наилучший способ завоевать расположение как малых, так и великих и сделать из кротких овец неустрашимых львов, между тем как иное обращение угнетает души, а порой из неустрашимых львов делает кротких и робких овечек.

Король поставил вопрос, разрешить или нет эту вылазку, на совет старейших и осмотнительнейших, и после того как изрядное время prospорили о том, к чему может привести такой шаг, пришли к единодушному выводу, что даже если счастье совершенно не будет благоприятствовать этому предприятию, все же лучше и менее позорно будет потерпеть поражение в честном бою, чем отсиживаться и безучастно взирать, как их короля будут окружать войска низкого и подлого народа, против всякого здравого смысла и справедливости желающего силой понудить его отречься от веры, в которой воспитались их отцы, и перейти в другую, которую их противники недавно приняли по совету и наущению

фаразов [\[317\]](#), единственный путь к спасению видящих в омовении зада, в воздержании от свинины и в браке с семьей женами, из чего всякому разумному человеку ясно и очевидно, что бог не может не быть врагом таких людей и вряд ли будет помогать осуществлению их замысла насильно обратить короля в магометанина и вассала, если, прибегая к самым нескладным доводам, они такой срам объявляют религией. К этому совет присовокупил еще много других соображений, которые показались настолько убедительными как королю, так и всем присутствующим, что все в один голос воскликнули:

— Доброму и верному вассалу так же следует и приличествует отдать жизнь за своего короля, как добродетельной супруге сохранять верность своему мужу, данному ей богом, а посему негоже откладывать столь важное предприятие, напротив, всем вместе и каждому в отдельности необходимо успешно проведенной вылазкой показать, какую любовь мы питаем к нашему доброму королю, который, безусловно, высоко оценит кровь, пролитую за него лучшими бойцами, ибо память о нашей преданности мы хотели бы оставить в наследие своим потомкам.

Глава CLXXIV

Как из города вырвалось двенадцать тысяч амоков и какой урон они нанесли неприятелю

Так как возбуждение в городе в связи с предстоящей вылазкой было чрезвычайно велико, народ не стал дожидаться назначенного королем часа и уже в два часа пополуночи собрался на дворцовой площади, где местные жители имели обыкновение устраивать ярмарки и празднества по случаю храмовых праздников их пагод. Король, весьма обрадованный таким пылом и решимостью, из семидесяти тысяч мужчин, бывших тогда в городе, отобрал для вылазки двенадцать тысяч человек и разбил их на четыре отряда по три тысячи каждый. Во главе в качестве генерала он поставил своего дядю, брата матери, по имени Киай Панарикан, человека на деле показавшего свою приверженность этому плану. Под начало Панарикана же был поставлен и первый отряд. Капитаном второго был назначен другой важный мандарин, по имени Киай Анседа; третьим стал некий иностранец, шампа с острова Борнео [\[318\]](#), по имени некода Солор, а последнего — другой некода, называвший себя Памбакальюжо. Все они были прекрасные военачальники, весьма храбрые и сведущие в военном деле.

Когда все были готовы, король произнес речь, в которой кратко напомнил воинам, как надеется он на них, и заверил, что сердцем он с ними и что внутри его сердца заключены сердца четырех капитанов, а также сердца всех братьев его — верных вассалов, идущих с ними в бой. После этого, чтобы вселить в них еще более мужества и еще сильнее убедить их в его любви, он взял золотой кубок и собственноручно дал всем из него испить, а у тех, кому он не смог оказать этой милости, он попросил прощения. Подобными речами и проявлением любви все были так воодушевлены, что значительная часть воинов тут же пошла и умастила себя душистым маслом, называемым миньямунди, которым они натираются, обрекая себя на смерть. И этих людей, умащающих себя подобным образом, народ называет амоками.

Когда наступил назначенный для вылазки час, из двенадцати ворот, имевшихся в городе, распахнулось четыре, и из каждой вышло по отряду во главе со своим капитаном. Впереди шли шесть разведчиков из самых смелых воинов, которые были у короля и которым он по этому случаю

пожаловал новые титулы и осыпал множеством милостей и подарков, что всегда придает мужество робким, а смелых доводит до дерзости. Четыре капитана, следуя за шестью разведчиками, собрались в определенном месте, откуда должны были напасть на врага. Движимые непреклонной решимостью, они набросились на противника так яростно, что меньше чем за час двенадцать тысяч пасарванов уложили более тридцати, тысяч врагов, не говоря уж о раненых, число которых было много больше и значительная часть которых не выжила. Во время этой схватки взяли в плен трех королей, восемь пате — титул, соответствующий нашим герцогам, — а король Сунды, которого сопровождали мы, сорок португальцев, спасся лишь ценою жизни четырнадцати из наших и тяжелых ранений у остальных, получив три раны копьем. Лагерь был приведен в полнейшее замешательство, и битва была почти проиграна. Сам Пангейран Пате, король Демы, был пронзен копьем и едва не утонул в реке, так как никто не приходил ему на помощь. Вот чего можно добиться внезапным нападением на беспечных людей, ибо прежде чем последние успели собраться с силами, а их начальники построить своих воинов, они дважды были обращены в бегство. Когда наступило утро, стало ясным истинное положение вещей; пасарваны вернулись в город, потеряв всего девятьсот человек и имея две или три тысячи раненых. Удачный исход боя придал осаждаемым столько самонадеянности и надменности, что из-за этого они в дальнейшем потерпели несколько неудач.

Глава CLXXV

Как король Пасарвана сделал новую вылазку во главе десятитысячного войска, о схватке между ним и неприятелем и чем она кончилась

От этого разгрома король Демы испытал величайшее огорчение и досаду, ведь осаждаемые не только осрамили его и лишили значительного числа воинов, но с самого начала осады, подорвали в войске уверенность в победе. Нашему сундскому королю пришлось выслушать от императора немало язвительных намеков, да и прямых обвинений в том, что он, будучи начальником сухопутных войск, так дурно обеспечил наблюдение за неприятелем; его же он считал виновным в сумятице, охватившей весь лагерь.

После того как раненым была оказана помощь, а поле боя очищено от трупов, император велел собрать всех королей, герцогов и военачальников, как морских, так и сухопутных, и объявил, что торжественно поклялся Магометом на Коране, их священной книге, не прекращать осады до тех пор, пока не сровняет город с землей, даже если ему самому при этом придется потерять все свое государство, а всякого, кто станет даже по искреннему убеждению возражать против этого, он велит казнить.

Слова эти внушили такой ужас присутствующим, что никто из них не только не посмел противоречить ему, но все в один голос принялись хвалить императора за мудрое решение. После этого он велел спешно построить вокруг лагеря дополнительные укрепления, прорыть рвы, возвести из бревен и щебня валы и бастионы, снабженные насыпями, на которые он приказал втащить много бронзовых орудий, отчего лагерь оказался лучше защищенным, чем город. Все это вызывало насмешки осаждаемых, которые дразнили ночью часовых противника, крича им, что крепость их лагеря говорит лишь о слабости их духа, ибо, вместо того чтобы напасть на город как отважные люди, они сами окружили себя стенами, как слабые женщины, а потому пусть они лучше возвращаются и прядут кудель, раз они ни на что не способны. Такими и подобными шутками они осыпали осаждающих, которые были этим очень уязвлены.

Во время этой осады, продолжавшейся почти три месяца, Пасарван подвергался пять раз штурмовому обстрелу и трем приступам, но осажденные защищались с неизменным мужеством и на месте пробитых

стен возводили подстенки, используя балки, извлеченные из домов, так что всему огромному войску Пангейрана, состоявшему, как я уже говорил, из восьмиста тысяч человек (количество это, правда, несколько уменьшилось после понесенных потерь), оказалось не под силу захватить город. Главный инженер осаждающих, ренегат с острова Майорка, видя, что осада не идет так успешно, как он обещал императору, решил взять город иным способом. Он принялся возводить новый кавальер из щебня, земли и фашинов, укрепив его шестью рядами бревен, и за девять дней поднял его почти на брасу выше верхней кромки городской стены. На этот кавальер поставили сорок тяжелых орудий, а также множество фальконетов и каморных пушек и стали обстреливать город ураганным огнем, что наносило осаждаемым весьма чувствительный урон. Король Пасарвана, видя, что такие обстрелы могут перебить все население, согласился с предложением десяти тысяч заговорщиков, получивших за это от короля почетное звание тигров мира, совершить нападение на кавальер. План свой заговорщики хотели привести в исполнение немедленно; король, желая вселить в них еще более мужества, вызвался пойти с ними за начальника, хотя операцией этой заправляло уже четверо панариканов, участвовавших в первой вылазке.

Однажды утром, незадолго до восхода солнца, они с таким бесстрашием набросились на укрепления, защищавшие батареи противника, что за несколько мгновений большая часть пасарванов оказалась наверху и, бросившись на неприятелей, которых, верно, было тысяч тридцать, менее чем за четверть часа обратила их в бегство. Пангейран Пате, видя разгром своих войск, лично с двадцатью тысячами амоков устремился к ним на выручку и попытался взойти на кавальер, который занимали уже пасарваны, но те обороняли его так отчаянно, что слова бессильны описать этот кровопролитный бой, продолжавшийся почти до вечера, когда король Пасарвана, поняв, что большая часть его людей полегла, отступил в город через ближайшие к кавальеру ворота, предварительно приказав поджечь кавальер в пяти или шести местах. Огонь перекинулся на бочки с порохом, которых было здесь великое множество, и они начали взрываться, так что подступить к ним ближе, чем на выстрел из арбалета, представляло опасность. Этого было достаточно, чтобы разъединить враждующих, и город еще раз избавился от угрожавшей ему опасности. Успех этот, впрочем, обошелся пасарванам не так уж дешево: из десяти тысяч заговорщиков шесть тысяч осталось на кавальере. Что же касается неприятеля, то, как говорят, в этом бою погибло более сорока тысяч человек, в том числе три тысячи чужеземцев,

принадлежащих к различным народам, по большей части ашенцев, турок и малабарцев, далее, двенадцать герцогов, пять королей и множество военачальников и знати.

Глава CLXXVI

Как случайно был захвачен в плен португалец-язычник и о том, что он нам о себе рассказал

Всю эту печальную ночь обе стороны провели в жестоком плаче, криках и причитаниях, ибо им обеим было кого оплакивать. Отдохнуть никто не смог, так как и осаждающие и осажденные заняты были перевязкой раненых и стаскиванием трупов в реку. На следующий день Пангейран Пате, видя, как плохо удастся ему выполнение его замысла, но тем не менее упрямо не желая от него отказаться, в чем его пробовал убедить кое-кто из приближенных, приказал снова собрать все свое войско на приступ города, полагая, что у осажденных неостанет сил защищаться, ибо большая часть стен города была сровнена с землей, боевые припасы израсходованы, большое количество защитников перебито, а король, по слухам, опасно ранен. Для того чтобы убедиться в этом, он приказал поместить своих людей в засады у дорог, по которым, как ему сказали окрестные жители, доставляли яйца, кур и другую провизию раненым. В ту же ночь, еще до рассвета, ему привели в лагерь девять пленников, среди которых оказался один португалец. После того как первые восемь были замучены до смерти пытками, дошла очередь и до португальца. Последний, надеясь, что, если он признается, кто он такой, его отпустят, при первой же пытке закричал, что он португалец. До сих пор ни он не знал о присутствии в лагере соотечественников, ни мы о нем ничего не слышали. Наш сундский король, узнав, что пленный объявил себя португальцем, велел прекратить пытку и немедленно нас позвать, желая выяснить, правду ли говорит этот человек. Шестеро из нас, наименее тяжело раненных, через силу отправились к нему в палатку, куда добрались с великим трудом. Стоило нам взглянуть на пленного, как мы сразу признали в нем соотечественника и, бросившись ниц перед королем, попросили выдать нам его, ибо человек этот был такой же португалец, как и мы. Король без труда дал нам свое согласие, и мы в благодарность еще раз простерлись перед ним ниц.

Из королевской палатки мы увели пленника туда, где лежали наши раненые товарищи, и стали его спрашивать, на самом ли деле он португалец. Он, окончательно придя в себя, рассказал нам, заливаясь слезами, следующее:

— Я, сеньоры и братья мои, христианин, хотя по одежде моей вы этого не скажете, и португалец по отцу и по матери, родина моя Пенамакор, и зовут меня Нуно Родригес Таборда. Прибыл я из Португалии с армадой маршала в 1513 году ^{319}на корабле «Святой Иоанн», капитаном которого был Руи Диас Перейра. Так как я пользовался уважением и вел себя всегда порядочно, Афонсо де Албукерке, да прославит его господь, сделал меня капитаном одной из четырех бригантин, которые тогда были в Индии. На ней я принимал участие во взятии Гоа и Малакки и помогал Афонсо де Албукерке основывать Каликут и Ормуз. Присутствовал я при всех славных делах, совершавшихся как в его время, так и позднее, при Лопо Соаресе, Диого Лопесе де Секейре, равно как и при прочих губернаторах вплоть до дона Энрике де Менезеса, который сделался вице-королем после смерти дона Васко да Гамы. Энрике де Менезес в самом начале своего правления назначил Франсиско де Са командующим армадой из двенадцати судов с тремястами человеками экипажа, которых он должен был использовать для постройки крепости в Сунде, так как опасались столкновения с испанцами, ходившими на Молуккские острова новым путем, который открыл им Магеллан. В этой армаде я командовал бригантиной «Святой Георгий» с двадцатью одним человеком экипажа, народом чрезвычайно храбрым. На этом судне я вместе с другими, снявшись с якоря у бара Бинтана в тот день, когда Педро Маскареньяс его разрушил, последовал на юг. На траверзе острова Лингуа на нас налетел такой шторм, что мы не смогли удержаться в дрейфе, и нас понесло к берегу острова Явы, причем из семи гребных судов наших погибло шесть, в том числе, за грехи мои, и то, на котором я находился. Разбилось оно о берег как раз здесь, в этой стране, в которой я нахожусь уже двадцать три года. Из всего экипажа бригантины спаслось только три человека, из которых я один остался в живых, хотя лучше было бы, если бы господь бог даровал мне смерть. Дело в том, что эти язычники уже давно досаждали мне уговорами перейти в их веру, я до поры до времени уклонялся, но так как плоть наша немощна, голод терзал меня жестоко, а бедность еще пуще и надежда на освобождение была потеряна, грехи мои заставили меня уступить требованиям, за что отец теперешнего короля вознаградил меня многими милостями. Но вот вчера меня вызвали из деревни, где я жил, лечить раны двух здешних самых знатных дворян, и господу нашему было угодно предать меня в руки собак мусульман, дабы таким образом я сам перестал быть собакой, за что да будет благословен всевышний.

Мы были крайне поражены рассказом португальца, что, принимая во внимание невероятность истории, было вполне естественно.

Наудивлявшись вдоволь, мы принялись, как умели, утешать рассказчика, подбирая слова, которые нам показались наиболее подходящими к случаю, и предложили ему, если он не возражает, отправиться с нами в Сунду, ибо оттуда ему нетрудно будет добраться до Малакки, где, как мы надеялись, господу нашему будет угодно дать ему закончить жизнь как христианину, на что он ответил, что это самое его заветное желание. Мы немедленно позаботились о том, чтобы снабдить его одеждой, более напоминающей христианскую, нежели та, что на нем была, и все время, пока длилась осада, держали его при себе.

Глава CLXXVII

Как по странной причине погиб король Демы и о том, что произошло после его смерти

Но вернемся к нашему повествованию. Когда Пангейран Пате, король Демы, узнал от врагов, захваченных его людьми, о тяжелом положении, в котором находится город, о большом количестве убитых, недостатке боевых припасов и о том, что король опасно ранен, у него возросло желание начать уже давно задуманный им штурм. На приступ он решил пойти, приставив к стенам лестницы, но на этот раз с гораздо большими силами, чем раньше, почему в лагере стали серьезно готовиться к этому предприятию. Верховые глашатаи с серебряными булавами объезжали войска и, привлекая всеобщее внимание трубными звуками, громогласно объявляли.

— Пангейран Пате и, волею того, кто создал вселенную, повелитель земель, окруженных морями, открывая всем имеющим уши тайну сердца своего, велит объявить им, чтобы, проникшись отвагою тигра и удвоив свои силы, они были готовы через девять дней пойти на приступ, на который он решил их послать, обещая пяти первым, что водрузят знамена на неприятельских стенах или совершат угодные ему поступки, богатые милости как деньгами, так и почетными званиями. А тех, кто не оправдает его надежд, он предаст суду и казнит, кем бы тот ни являлся.

Объявление это и заключенные в нем угрозы вызвали в лагере такое волнение, что все начальники принялись немедленно готовиться к приступу, не покладая рук ни днем, ни ночью, и все это с таким барабанным боем, криками и свистом, что только оставалось удивляться. За два дня до намеченного срока Пангейран утром созвал совет, на котором вместе с главным военачальником обсудил, каким порядком надлежит повести этот приступ, — как, когда и где, — и прочие существенные вопросы. Как уверяют, на совете было много споров, ибо мнения его участников были весьма различны, поэтому Пангейран пожелал получить мнение каждого в письменном виде. В это время он попросил мальчика, служившего ему пажом и находившегося рядом с ним, подать ему бетеля. Бетель этот представляет собой листья, похожие на листья нашего подорожника, которые едят, ибо он освежает дыхание и вызывает удаление желудочных гуморов. По-видимому, когда король обратился к мальчику,

тот его не расслышал, а мальчику этому, вероятно, было двенадцать или тринадцать лет. Я нарочно привожу его возраст, ибо, как мне кажется, это существенно для дальнейшего. Пангейран продолжал обсуждение приступа, но тут почувствовал, что у него от долгих споров и раздражения пересох рот, и снова потребовал бетеля, хранившегося в золотой коробке, которую держал мальчик. Но и на этот раз тот его не услышал, так как внимание его было поглощено тем, что говорили старшие. Тогда король потребовал бетеля в третий раз; тут один из вельмож, находившийся рядом с мальчиком, знаком показал ему, что королю нужно подать бетель, что мальчик тотчас и выполнил, встав на колени и поднеся королю коробку, которую держал в руке. Король взял два или три листа, как он обычно делал, и, щелкнув мальчика легонько и без всякого гнева по голове, сказал:

— Оглох ты, что ли, что ничего не слышишь? — И продолжал прерванный разговор.

Следует сказать, что яванцы более высокого мнения о собственном достоинстве, чем какой-либо другой народ, но, главное, они в высшей степени чувствительны к обидам и коварны. Чтобы нанести высшее оскорбление яванцу и обесчестить его, достаточно дотронуться до его головы. Мальчик, после того как король щелкнул его описанным образом, хотя никто из присутствующих не заметил этого щелчка и не придавал ему никакого значения, решил, что король хотел выразить ему величайшее презрение и он теперь навсегда обесчещен. Он отошел в сторону и некоторое время плакал, потом, решив, что ему необходимо отомстить за обиду, выхватил игрушечный кинжальчик, который носил за поясом, и вонзил его прямо в левый сосок короля, отчего тот немедленно упал замертво, успев только произнести:

— Quita mate! (Ой, он меня убил!)

Суматоха среди присутствующих вельмож поднялась такая, что я не берусь ее описывать. Когда все немного успокоились, то бросились на помощь королю, но ничего поделать уже было нельзя, так как кинжал угодил прямо в сердце, и король прожил еще только два часа. Мальчика немедленно задержали и подвергли пыткам, ибо возникли подозрения, не действовал ли он по чьему-либо наущению, но он ни в чем не признался и сказал только, что сделал это потому, что так ему захотелось, ведь король презрительно щелкнул его по голове, как какую-нибудь собаку, лающую по ночам на улицах, между тем как он сын Пате Пандора, властителя Суробайи. Тем не менее мальчик был посажен на кол подходящей толщины, который ему вставили в задний проход и который вышел у него из затылка. То же проделали с его отцом, тремя братьями и шестьюдесятью

двумя родственниками, так что из всего его рода не осталось ни одного, кого бы пощадили. Эта чудовищная жестокость вызвала восстание во всей Яве, на островах Бале, Тиморе и Мадуре, провинциях весьма значительных и имеющих вице-королей, обладающих неограниченной властью во всех гражданских и уголовных делах, согласно издавна заведенным в этих языческих странах порядкам. Покончив с казнями, занялись вопросом, что надлежит предпринять с останками короля. Это снова привело к великим спорам. Одни говорили, что похоронить его здесь то же самое, что оставить на поругание пасарванов, другие — что, если везти его в Дему, где находилась царская усыпальница, тело неизбежно разложится по дороге, а в таком случае душа его, согласно закону Магомета, чью веру он принял, не сможет войти в рай. Выискивая какой-нибудь выход из этого положения, решили наконец поступить так, как посоветовал один португалец. Совет этот оказался для португальца весьма прибыльным, ибо принес ему свыше десяти тысяч крузадо, которые ему тут же собрали как пожертвование за услугу, оказанную покойному. А португалец сказал всего-навсего, что короля нужно положить в ящик с камфорой и известью и похоронить в земле, насыпанной в большую джонку. Но как бы прост ни был этот совет, португальцу посчастливилось, что он пришелся по вкусу. Таким-то образом тело короля было доставлено в Дему, причем ни труп не разложился, ни дурного запаха от него не было.

Глава CLXXVIII

Что еще произошло до посадки войск на суда, о большой распре, возникшей в Деме между двумя влиятельными в этом городе лицами, и о несчастных последствиях последней

Как только тело короля было перенесено в джонку, где его похоронили, наш сундский король, командующий сухопутными силами, велел погрузить на суда артиллерию и отдать под надежную охрану весь багаж короля, равно как и все сокровища, находившиеся в палатках. И хотя все это делалось надлежащим образом, быстро и бесшумно, все же неприятель пронюхал, что происходит. Три тысячи амоков, оставшихся от прежних заговорщиков, умастившись миньямунди и обрекши себя торжественно на смерть, бросились под предводительством самого короля на врагов, занятых сборами в обратный путь, и задали им такую трепку, что за полчаса самого горячего боя порубили двенадцать тысяч войска, а два короля, пять герцогов, более трехсот турок, абиссинцев и ашенцев и сам их касиз Моулана (высший сан среди магометанских священнослужителей) были забраны в плен. Кроме этого, было сожжено четыреста судов с ранеными, стоявшие на швартовах у берега, так что весь лагерь был почти уничтожен. После этого пасарваны укрылись в своем городе, потеряв всего четыреста убитыми, и предоставили неприятелю беспрепятственно садиться на суда, что они и сделали с возможной поспешностью в тот же день 9 марта, и, увозя с собой останки Пангейрана, взяли курс на Дему.

Тело покойного короля было встречено в столице громкими криками и рыданиями всего народа, как это здесь принято. На следующий день была произведена перекличка всех воинов, чтобы выяснить, сколько их погибло, и оказалось, что недосчитываются ста тридцати тысяч, между тем как пасарваны потеряли двадцать пять тысяч, ибо ничего даром не достается, как бы дешево ни торговала судьба. Поля битв всегда будут орошены не только кровью побежденных, которые за все расплачиваются куда более дорогой ценой, но и победителей.

В этот же день заговорили о том, что необходимо возвести на престол нового Пангейрана, каковое слово, как я уже не раз говорил, обозначает императора, обладающего верховной властью над всеми герцогами и королями этого великого архипелага, именуемого китайскими, татарскими,

японскими и лекийскими писателями Ratem naquem dau, что значит «Бахрома мира», как ясно видно на географической карте, если только в ней выдержаны градусы широт. А так как у покойного короля не осталось законного наследника престола, решено было нового императора избрать. Это со всеобщего согласия предложено было сделать шестнадцати мужам, долженствовавшим представлять все народы империи. Они собрались в одном доме и, приняв меры для успокоения города, заседали семь дней, но даже и за этот срок не смогли прийти к решению, кого следует избрать, ибо, поскольку соревнующихся было восемь и все они принадлежали к высшим сановникам, среди избирателей возникло много разногласий. Дело в том, что каждый из них приходился родственником или родственником родственника одного из этих восьми и всеми силами старался сделать Пангейраном того, кто мог ему более всего оказаться полезным. Народ и солдаты с армады, видя эти проволочки и полагая, что избиратели не скоро придут к решению и, за отсутствием власти в государстве, им ничего не грозит, начали понемногу смелеть и вскоре, потеряв всякий стыд и совесть, принялись грабить находившихся в порту купцов, как местных, так и заморских, так что за каких-нибудь четыре дня они, по слухам захватили сто джонок, на которых перебили более пяти тысяч человек. Король Панаруки, принц Баламбуан, бывший адмиралом этой империи, видя эти безобразия, решил принять немедленные меры и в одно прекрасное утро велел повесить вдоль берега моря для устрашения всех прочих восемьдесят человек пойманных с поличным. Киай Анседа, Пате Шербонский [{320}](#), губернатор города, обладавший огромной властью, при виде того, что сделал король Панаруки, пришел в чрезвычайное негодование, ибо усмотрел в этом личное оскорбление и посягательство на его привилегии, поскольку в этом деле адмирал не посчитался с ним как с губернатором. Собрав шесть или семь тысяч человек, он двинулся на дворец, где жил король Панаруки, и захотел взять его под стражу, но адмирал оказал ему сопротивление вместе с теми, кто был тогда при нем, и, как говорят, рассыпавшись перед губернатором в любезностях, пытался перед ним оправдаться, но Киай Анседа ничего не пожелал слушать и, ворвавшись во дворец, перебил тридцать или сорок человек. На шум собралось устрашающее количество народа. Так как оба были в родстве с многими знатными лицами, да и сами являлись весьма важными персонами — один адмиралом, а другой губернатором, дьяволу удалось, используя разгоревшиеся страсти, заварить такую кашу, что, не наступи темнота, заставившая обе стороны разойтись, никто бы в живых не остался. Но этим

беспорядки, однако, не кончились: когда солдаты с армады (которых к этому времени должно было быть шестьсот тысяч) услышали, что короля Панаруки, их адмирала, тяжело оскорбил губернатор Кияй Анседа, они пожелали отомстить тому, в эту же ночь сошли на берег и, несмотря на все попытки Панаруки удержать их, набросились на дворец Кияя Анседы и тут же прикончили его, а вместе с ним десять с лишним тысяч состоявших при нем воинов. Не удовлетворившись этим, они разбрелись по городу и принялись убивать население и грабить все, что попадалось им под руку, так что в конце концов в городе не на что было посмотреть. Весь этот погром сопровождался такими ужасающими воплями и рыданиями, что можно было подумать, будто разверзается земля. А кончилось все это пожаром, уничтожившим город до основания. Как говорят, сгорело при этом более ста тысяч домов, погибло от меча триста тысяч человек и в плен было взято почти столько же. Драгоценного имущества награбили чрезвычайно много, в том числе одного золота и серебра более чем на сорок миллионов. Все потери в целом составили сто миллионов золотом, а в людях — пятьсот тысяч, которых забрали в плен.

Вот к чему привела неразумность молодого короля, Панаруки, воспитанного среди таких же юнцов, ничего не признававшего, кроме своих прихотей, и не слышавшего ни от кого возражений.

Глава CLXXIX

Обо всех остальных событиях, вплоть до нашего отъезда в Сунду, а оттуда в Китай, и о несчастьи, случившемся с нами в пути

Жестокий и устрашающий этот мятеж длился трое суток, после чего все внезапно успокоилось и наступила тишина. Тем временем зачинщики бунта, испугавшись, что, как только будет избран Пангейран, их постигнет кара, заслуженная ими за столь тяжкое преступление, поспешили поставить паруса и отплыть на той самой армаде, на которой они прибыли, причем адмирал их, король Панаруки, так и не смог воспрепятствовать их уходу, мало того, сам он и горстка людей, сохранившая ему верность, чуть дважды не лишились жизни. Так вот за два дня порт покинули две тысячи стоявших там судов и только несколько торговых журупангов продолжало стоять на якоре невдалеке от разрушенного и сгоревшего города.

Все это заставило уцелевших вельмож поскорее перебраться в город Жапару, находившийся в пяти легуа от Демы в сторону Внутреннего моря. Выждав, пока успокоится чернь, которой было еще очень много, они наконец сошлись на том, кого избрать Пангейраном, каковое слово означает, собственно, «император». Выбор их остановился на Пате Сидайо, принце Суробайском, ранее не входившем в число восьми кандидатов, ибо так им показалось лучше для всеобщего блага и успокоения страны, и выбором этим народ остался очень доволен. За принцем из селения под названием Пизаманес, расположенного в двенадцати легуа от Жапары, отправился король Панаруки. Через девять дней будущий император прибыл с двухсоттысячным войском на тысяче пятистах калалузах и журупангов и был немедленно коронован по местному чину Пангейраном всей Явы, Бале и Мадур, каковые в совокупности своей представляют собой весьма большую, могущественную и богатую монархию. После этого император немедленно направился в Дему с намерением восстановить столицу и вернуть ей прежний ее вид. Первым долгом он поспешил наказать виновных в разрушении города. Однако ему удалось обнаружить лишь пять тысяч человек, ибо остальные скрылись. Несчастливым уготовлены были два вида казни: одних живьем сажали на кол, а других сжигали на тех самых судах, на которых они были захвачены. Казни эти длились четыре дня, и каждый день умерщвлялось огромное

количество преступников, чем мы, португальцы, были потрясены. Но так как страна еще продолжала бурлить и успокоения в ней не наступало, мы попросили разрешения у сундского короля перебраться в порт Банту, где находилась наша джонка, ибо время муссонов уже наступило и можно было отправиться в Китай. Он охотно согласился и не потребовал даже пошлины за наши товары, более того — дал нам по сто крузадо каждому, а на тех четырнадцать, которые пали в бою, велел отпустить по триста крузадо для передачи их наследникам. Мы сочли это весьма хорошей наградой и были чрезвычайно благодарны королю за его благожелательность и щедрость. Из Демы мы немедленно отправились в Банту, где задержались на двенадцать дней, готовясь к нашему плаванию.

В Китай мы ушли вместе с четырьмя другими кораблями, направлявшимися туда, и забрали с собой Жоана Родригеса, португальца-язычника, о котором я уже упоминал. В Пасарване он был брамином одной из пагод, посвященных Киаю Накорелу, а сам принял имя Гуашитау Факален, что означает: «Совет святого». Этот Жоан Родригес по прибытии своем в Китай сел на судно, отправлявшееся в Малакку, и там снова был принят в лоно нашей святой католической церкви. На него наложили епитимью: один год прослужить в больнице для неизлечимых, что он и сделал. По окончании этого срока он умер как добрый и истинный христианин. По всей вероятности, всевышний смилостивился над ним, ибо, несмотря на столько лет отступничества, бедный грешник сберег душу живую и перед смертью успел сотворить угодные богу дела, за что господу нашему хвала во веки веков.

Все наши суда благополучно прибыли в порт Шиншеу, где в те времена торговали португальцы, и там нам пришлось задержаться на три с половиной месяца. Все это время мы рисковали жизнью, ибо страна была охвачена войнами и мятежами, и вдоль берега непрерывно ходили большие армады из-за великих грабежей, которые учиняли японские пираты. Таким образом время для закупки товаров оказалось неподходящим: в городе было неспокойно, и купцы не решались выходить из своих домов. Вследствие этого нам пришлось перейти в порт Шабакке, где у бара стояло на якоре сто двадцать джонок. Последние, затеяв с нами ссору, отобрали у нас три судна из пяти, причем в бою погибло четыреста христиан, в том числе восемьдесят два португальца. Остальные два спасшихся чудом корабля, на одном из которых оказался я, вышли в открытое море и, не будучи уже в состоянии приблизиться к берегу из-за восточных ветров, которые дули весь этот месяц, были вынуждены уйти, хоть и весьма неохотно, к берегам Явы.

Мы уже двадцать шесть дней шли не без труда по взятому нами курсу, когда увидели остров под названием Пуло-Кондор, лежащий на восьмом с третью градусе широты и расположенный к зюйд-осту от камбоджийского бара. Когда мы почти поравнялись с островом, на нас с зюйда налетел такой неистовый шквал, что мы уже готовы были считать себя погибшими. Убрав все паруса, мы предоставили ветру гнать нас, но около острова Лингуа ветер внезапно перескочил на вест-зюйд-вест, причем дул он с такой силой и толчая на море взбивала валы столь высоко, что мы не могли поставить ни единого паруса. Опасаясь подводных скал и рифов, которые лежали у нас по носу, мы стали бортом к волнам и попробовали дрейфовать, пока через довольно продолжительное время у нас в корме на уровне кильсона не разошлась обшивка и воды над нижней палубой не набралось девять пядей. Поняв, что мы вот-вот должны пойти ко дну, мы вынуждены были срубить обе мачты и сбросить все товары за борт, что несколько облегчило джонку. Так мы носились по воле волн остаток дня и часть ночного времени, пока господь бог по беспристрастной своей справедливости не допустил, чтобы, не зная как и ничего не видя, мы были выброшены на скалы, отчего джонка наша раскололась на четыре части, причем погибло шестьдесят два человека. Это несчастное событие настолько лишило нас сил и сообразительности, что никому не пришло в голову подумать о каком-нибудь спасательном средстве, о чем позаботились, в отличие от нас, китайцы, бывшие у нас на джонке. Они были настолько предприимчивы, что уже до наступления утра смастерили себе плот из обломков судна и досок, которые им попались под руку, связав их с помощью такелажных снастей. Плот получился такой, что на нем свободно могло поместиться сорок человек. Но обстоятельства у нас были по пословице: «Ни отец сыну, ни сын отцу» — каждый, будь то китайский матрос или наш собственный раб, заботился только о себе и ни о ком другом не думал. Так что когда Мартин Эстевес, хозяин джонки, спросил своих собственных мосо, не угодно ли им будет пустить его на свой плот, они ответили ему, что не угодно. Ответ их услышал один из наших, по имени Руи де Моура, и, не в силах вынести неблагодарности и неучтивости, с которой они теперь обходились со своими хозяевами, поднялся с места, где он лежал, жестоко израненный, и обратился к нам с небольшой речью. Он сказал, что следует помнить, как позорна и отвратительна трусость, и что мы должны понять, как необходимо для нашего спасения постараться отобрать этот плот, и всякое другое в том же духе. Слова его воодушевили нас, и, сосредоточив все помыслы на единой цели, мы, двадцать восемь португальцев, с новой отвагой, вселенной в нас

сознанием чести и необходимостью, ринулись как один человек на сорок китайцев, которые уже были на плоту, и, смешавшись с ними, так яростно орудовали мечами против их топориков, что за несколько мгновений уложили всех, потеряв при этом шестнадцать человек убитыми, между тем как остальные двенадцать отделались тяжелыми ранениями, впрочем, двое из них на другой же день умерли.

Неслыханное, невероятное дело, свидетельствующее о ничтожестве человеческой природы! Еще два часа назад мы обнимали друг друга и готовы были из любви к ближнему пойти за него на смерть. Но грехи наши довели нас до такой крайности, что из-за каких-то четырех кусков дерева, перевязанных двумя веревками, мы бросились убивать друг друга так безжалостно, словно были смертельными врагами. Правда, до этого безумия довела нас крайняя необходимость, и это отчасти служит нам извинением.

Глава CLXXX

О том, что с нами произошло, после того как мы покинули эти скалы

После того как ценою такого кровопролития мы овладели злополучным плотом, тридцать восемь человек, из коих двенадцать было португальцев, а остальные наши мосо и еще несколько португальских детей, сели на него, но большая часть нас была так изранена, что почти все впоследствии умерли. Поскольку плот наш был небольшой, а нас было много, мы плыли по шею в воде. Тем не менее мы оторвались от скал в субботу, в день рождества господня 1547 года и с одним лишь куском коечного покрывала пустились по воле волн, не имея иного компаса и кормчего, кроме надежды на господа нашего, к которому мы непрерывно взывали вздохами и криками нашими, обливаясь изобильным потоком слез. Таким образом, проплавали мы четверо суток, ничего не евши. Когда наступили пятые, голод заставил нас съесть умершего у нас кафра, и им мы поддерживали свои силы еще пять дней, что с теми четырьмя составило уже девять. Следующие четверо суток наших мучений мы пробавлялись одними водорослями, которые вылавливали в морской пене, ибо мы решили скорее умереть, чем съесть кого-нибудь из четырех португальцев, умерших за это время.

Наконец в праздник крещения господь наш по милости своей позволил нам увидеть землю. Радость и волнение, вызванные этим событием, оказались для кое-кого из нас роковыми, ибо из пятнадцати остававшихся в живых, тут же умерло четверо, так что напоследок осталось всего лишь одиннадцать человек из тридцати восьми — семь португальцев и четыре мосо. Приблизившись к земле, мы вошли в небольшую бухту с песчаным берегом; там, воздав бесконечные благодарения господу нашему за то, что он избавил нас от опасностей морских, и в надежде, что он избавит нас и от тех, которые могла таить для нас земля, мы подкрепились ракушками, найденными среди скал. Людей мы на этой земле не нашли, но слоны и тигры были здесь в изобилии, отчего все предпочли забраться на деревья в лесу, чтобы до поры до времени уберечься от них, равно как и от многих других животных, которых мы там увидели. Когда же наконец нам показалось, что мы можем двинуться в путь, не подвергая себя опасности, мы снова собрались все

вместе и углубились в лес. Мы блуждали по лесу, плача, стеля и не зная, что предпринять для своего спасения, однако божественное милосердие, никогда не отвращающее взоров своих от страждущих и обремененных, привело нас к рукаву пресноводной реки, протекавшей к морю, здесь мы обнаружили груженный лесом и дровами баркас, на котором находилось девять чернокожих яванцев и папуасов. Увидев нас, они решили, что мы черти (как они потом нам признались), и в страхе побросались в воду, предоставив судну плыть по течению, но, поняв, что мы всего лишь потерпевшие крушение люди, успокоились и оправились от пережитого ими страха. Поэтому они подплыли к нам и принялись нас весьма придирчиво расспрашивать, что этот народ вообще весьма любит делать, а мы отвечали им то, что было на самом деле. Их мы просили бога ради согласиться взять нас с собой на баркас, доставить в какое-нибудь населенное место и продать как пленников людям, направляющимся в Малакку, ибо мы купцы и там за нас дадут большие деньги или сколько угодно товаров. Так как яванцы народ в высшей степени алчный, да и дело мы им предлагали выгодное, а кроме того, они убедились, что мы действительно в жалком и отчаянном положении, они сделали несколько более сговорчивы и даже обнадежили нас, почти согласившись выполнить нашу просьбу. Однако это были только слова; едва они поймали свой баркас и взобрались на него, как стали от нас удаляться, делая вид, что брать нас не собираются. На наши крики они отвечали, что, если мы хотим, чтобы они нам поверили, мы должны сдать свое оружие, ибо иначе они нас не возьмут, хотя бы на их глазах нас сожрали львы. Побуждаемые крайней необходимостью и не видя иного способа спастись, мы вынуждены были выполнить все то, что они потребовали. Немного приблизившись к берегу, они сказали, чтобы мы подплывали к ним по одному так, как им нечего за нами выслать — маншуа у них нет. Мы пошли и на это, один португалец и два китайских мосо сразу бросились в воду, чтобы ухватиться за конец, который яванцы бросили нам с кормы. Но прежде чем наши успели добраться до баркаса, их пожрали три очень больших ящерицы, и от несчастных ничего не осталось, лишь кровь окрасила реку. Все это нас восьмерых, оставшихся на берегу, так перепугало, что в течение долгого времени мы не могли опомниться от ужаса. У этих собак гибель наших не вызвала ни малейшего сочувствия, напротив того, хлопая в ладоши и покатываясь со смеху, они кричали:

— Подвезло этим трем, без страданий померли!

И, видя, что мы, наполовину увязшие в иле, уже не в силах из него выбраться, пятеро из них подплыли к берегу, привязали нас за запястья,

дотащили волоком до баркаса, который в это время подошел к берегу, и бросили нас на него, осыпая ругательствами, оскорблениями и побоями. Отвалив от берега, они под парусами доставили нас за двенадцать легуа в деревню под названием Шербон, где продали нас всех, шесть португальцев и двух мосо, одного китайца и одного кафра, за тринадцать пардао, что составляет на наши деньги три тысячи девятьсот рейсов, одному язычнику-купцу с острова Целебес, во власти которого мы оставались двадцать шесть дней. Обходился он с нами вполне хорошо, кормил и одевал и напоследок продал королю Калапы за восемнадцать тысяч рейсов. Король этот проявил по отношению к нам необычайное великодушие — даровал всем свободу и отправил нас в Сунду, где мы нашли три португальских корабля. Командовал ими некий Жеронимо Гомес Сарmento, очень ласково нас всех принявший и снабжавший нас в избытке всем необходимым, пока не вынужден был отправиться в Китай.

Глава CLXXXI

Как из порта Сунды я отправился в Сиам, где присоединился к остальным португальцам и пошел вместе с королем в поход на Шиаммай [{321}](#), и чем окончилось это предприятие

Мы уже десять дней пребывали в Сунде на попечении португальцев, которые о нас заботились, когда наступила пора муссонов и три корабля должны были отбыть в Шиншеу. С их уходом в Сунде осталось всего два португальца, направлявшихся со своими товарами на патанской джонке в Сиам. За ними я вынужден был последовать, потому что они готовы были оплатить мой проезд и, кроме того, обещали дать мне займы кое-какие деньги, с которыми я снова мог бы попытаться счастье и настойчивостью своей добиться его.

Из Сунды через двадцать шесть дней мы добрались до города Одиа, столицы империи Сорнау, называемой в народе Сиам. Оказавшиеся там португальцы приняли нас очень радушно. Имея сто крузадо, которые дали мне привезшие меня с Сунды купцы, я более месяца дожидался в этом городе муссона, чтобы отправиться в Японию в обществе шести или семи соотечественников, тоже державших туда свой путь, когда король Сиама, находившийся в это время в Одиа со всем своим двором, получил достоверные сведения, что король Шиаммая, заключив союз с тинокоухами, лаосцами и гейцами (все эти четыре государства занимают на северо-востоке большую часть внутренних земель по ту сторону Капимпера [{322}](#) и Пасилоко; это весьма обширные, очень богатые и могущественные независимые монархии, не платящие никому дани), окружил город Китирван [{323}](#) и убил оя, главного пограничного капимпера на этом рубеже, и тридцать тысяч человек войска. Известие это так потрясло короля Сиама, что, ничего уже не дожидаясь, он в тот же день перебрался на другую сторону реки и, не пожелав остановиться в каком-либо доме, расположился в палатке, подавая тем пример остальным. Всему городу он велел объявить, что все мужчины, за исключением тех, кто по старости или увечью не может носить оружие, обязаны последовать за ним на войну, для чего на приготовления им дастся всего двенадцать дней. Всякий же не выполнивший этот указ будет сожжен живым, все его потомство покрыто позором, а имущество конфисковано в пользу короны. Кроме этих наказаний, он грозился применить и другие, настолько

жестокие, что об одной мысли о них бросало в дрожь. Указ этот распространялся и на иностранцев, к какому бы народу они ни принадлежали, если только последние не покинут государства в течение трех дней. Все были вне себя от ужаса и не знали, что предпринять. В отношении португальцев, которые в этой стране пользовались значительно большим уважением ^{324}, чем прочие иностранцы, было сделано исключение: король через своего комбракалана, правителя государством, предложил им добровольно сопровождать его в этом походе в качестве его личной охраны, ибо он считал их наиболее подходящими для этой цели. Убедительность этого предложения, подкрепленного обещанием высокого жалования, подарков и отличий, а главное, обещанием разрешить возведение в стране христианских храмов, так подействовала на нас, что из ста тридцати португальцев, находившихся тогда в Сиаме, сто двадцать человек согласились его принять. По прошествии двенадцатидневного срока король выступил в поход с четырехсоттысячным войском, в которое входило семьдесят тысяч иноземцев различного происхождения. Все это войско было усажено на три тысячи серо, лауле и жанга и за девять дней пути добралось до пограничного городка под названием Сурописен, находящегося в двенадцати легуа от города Китирвана, который осадил неприятель. В Сурописене король задержался семь дней, поджидая прихода четырех тысяч слонов, следовавших на соединение с ним по сухопутью. За это время он узнал, что Китирван находится в очень тяжелом положении как со стороны реки, где на двух тысячах судов хозяйничал неприятель, так и со стороны суши, где собралось огромное войско, число которого в точности не было известно, но, по видимости, не должно было уступать тремстам тысячам ^{325}. Из этого числа, как утверждали, сорок тысяч было конных. Слонов, однако, у неприятеля не было. Получив это известие, король поспешил произвести подсчет своим силам, причем выяснилось, что воинов у него пятьсот тысяч, так как многие присоединились к нему по дороге. К этому следовало прибавить четыре тысячи слонов и двести повозок полевой артиллерии. С этим войском король снялся из Сурописена и направился в Китирван и, совершая в день переходы всего лишь в четыре легуа, через три дня пришел в долину под названием Сипутай, в полутора легуа от расположения неприятеля. После того как все это полчище было приведено в порядок командующими — двумя турками и одним португальцем по имени Домингос де Сейшас, — он двинулся на Китирван, куда прибыл до восхода солнца. Так как к этому времени неприятель через своих

лазутчиков уже был осведомлен о силах и намерениях сиамского короля, он приготовился его встретить в открытом поле, надеясь на сорок тысяч своей конницы. Едва завидев сиамцев, он блестящими и стройными рядами своих войск, разделенных на двенадцать батальонов, по пятнадцати тысяч человек каждый, двинулся авангардом, в котором шло сорок тысяч конных, на авангард сиамского короля, состоявший из шестидесяти тысяч пехоты, и за каких-нибудь четверть часа, а то и меньше совершенно разбил его, причем погибло три сиамских принца. Сиамский король, видя разгром своих сил, вынужден был отказаться от первоначально задуманного построения войска. Собрав четыре тысячи слонов и семьдесят тысяч иностранцев, он так неудержимо ринулся на неприятеля, что сразу же разбил его, обратив в бегство и перебив огромное количество людей; однако главная сила врага заключалась в коннице, но когда на нее напали слоны и иностранцы с аркебузами, они скосили ее менее, чем за полчаса, а с того мгновения, как конница оказалась разбита, отступать начали и все остальные. Сиамский король, преследуя неприятеля по пятам, оттеснил его к реке, и там последний, собрав воедино всех уцелевших, причем невредимых и раненых оказалось свыше ста тысяч человек, продержал их весь этот день у реки под прикрытием своего флота. Сиамский король не решился на них напасть, ибо их защищало две тысячи судов, на которых тоже было великое множество народа. Когда наступила ночь, неприятель маршевым шагом начал отступление вдоль реки; арьергард для большей безопасности охраняла армада. Сиамского короля это не огорчило, ибо большая часть его солдат была ранена, и необходимо было оказать им помощь, к которой немедленно и приступили, — на это была потрачена почти вся ночь.

Глава CLXXXII

О прочем, что совершил сиамский король до возвращения в свое королевство, где королева, его супруга, отравила его ядом {326}

Одержав эту славную победу, сиамский король занялся спешным укреплением города и всем прочим, необходимым для его защиты. Приказав сделать переключку войск, чтобы знать, сколько он потерял в бою, он выяснил, что у него погибло всего лишь пятьдесят тысяч, из которых большая часть была тот сброд, что попал в войско из страха перед жестоким наказанием и не имевший оружия враг же, как узнали на следующий день, потерял убитыми сто тридцать тысяч.

Пока выздоравливали раненые, а король распоряжался поставить под охрану свои границы, приближенные подали ему мысль пойти походом на королевство Гибен {327}, находившееся в пятнадцати легуа на север от Китирвана, ибо королева Гибена пропустила через свои владения короля Шиаммая и, согласившись на проход его армии, была причиной гибели капимпера оя и тридцати тысяч бывшего с ним войска. Сиамский король, одоббив этот совет, выступил из Китирвана с войском в четыреста тысяч человек и пошел на один из гибенских городов под названием Фумбакор, который захватил без всякого труда и сровнял с землей, предав мечу всех его жителей и не пощадив никого. Оттуда он шел несколько суток до Гитора, столицы королевства Гибен, где в то время находилась королева. Последняя после смерти короля правила государством {328} от имени своего девятилетнего сына. Когда Гитор был окружен, королева, видя, что она не в силах сопротивляться сиамскому королю, пошла на то, чтобы стать его вассалом и выплачивать ему пять тысяч турм серебром в год, что составляет шестьсот тысяч крузадо на наши деньги, немедленно же выплатила ему дань за пять лет вперед, а кроме того, передала ему царька, своего сына, в качестве вассала, какового король и увез с собой в Сиам. Вслед за этим осада была снята, и король проследовал на северо-восток в город Тайсиран, где узнал, что король Шиаммая уже вышел из союза. После шестидневного похода по земле неприятеля, во время которого войска грабили все, что встречалось им на пути, не оставляя в живых ни мужчин, ни детей мужеского пола, сиамский король дошел до озера Сингуапамор, которое в народе обычно называется Шиаммай, и

остановился там на двадцать шесть дней, захватив за это время десять весьма знатных и богатых городов, окруженных стенами, рвами и бастионами на наш лад, с той разницей, что вместо каменных, на растворе, стены там глинобитные или кирпичные, ибо так принято в этих краях. Артиллерии там не было, за исключением камерных трехфунтовых пушек и бронзовых мушкетов. Но так как время подходило уже к зиме, начались дожди и люди начали страдать от болезней, король решил вернуться в Китирван, где пробыл еще двадцать три дня, употребив это время на окончательное укрепление стен и прорытие очень широких и глубоких рвов. Когда все работы были завершены и крепость могла с успехом защищаться, король на трех тысячах судов отплыл в Сиам и через девять дней прибыл в свою столицу Одиа, где проводил с двором большую часть времени. Город устроил ему весьма пышную и дорого обошедшуюся народу встречу со всякими хитроумными изобретениями, продолжавшуюся четырнадцать дней. Тем временем супруга сиамского короля, совершившая за время его пятимесячного отсутствия прелюбодеяние с одним из его торговых агентов по имени Укуншенират {329}, от которого она уже пятый месяц была беременна, опасаясь того, чего ей не без основания следовало опасаться, и желая избавиться от угрожавшей ей опасности, решила известить короля и, не откладывая дела, дала ему испить чашу отравленного молока, от которого он через пять дней умер. За это время он, впрочем, успел составить завещание, позаботиться об упорядочении некоторых государственных дел и выполнить свои обещания по отношению к иностранцам, служившим ему в шиаммайском походе, с момента возвращения из которого не прошло и двадцати дней. Португальцев, ходивших с ним на войну, он упомянул в своем завещании в первую очередь, отведя им следующий пункт: «А ста двадцати португальцам, верно охранявшим мою особу, пусть отпустят половину годовой дани с королевства Гибен и освободят их от пошлин в течение трех лет, не отбирая у них ничего из их товаров, а священникам их разрешат открыто проповедовать в городах и селах моего королевства веру в бога, очеловечившегося для спасения земнородных, об истинности которого они мне много раз говорили».

Кроме этого, он отметил и многое другое, безусловно, заслуживающее упоминания, что приводить я пока воздержусь, ибо надеюсь сделать это позднее. Всех сановников, стоявших у его смертного одра, он просил утешить его, объявив немедленно его старшего сына королем {330}, что и было тотчас исполнено. После того как все оия, коншали и монтео, высшие

сановники королевства, принесли новому королю присягу, последнего показали собравшейся внизу толпе из окна королевского дворца и всенародно венчали богатой короной, напоминающей митру, а также вложили ему в правую и левую руки меч и весы, как этого требует их чин. После этого перед ним стал ояя Пасилоко, высшее должностное лицо в государстве, и, почти плача, громко произнес, так что все его слышали, следующее:

— Тебе, святой младенец нежного возраста, высокая и счастливая звезда судила быть избранным на небе в правители Сорнау, и империю эту ныне господь через меня, твоего вассала, велит передать тебе под клятвой, что ты будешь править ею, во всем соблюдая его святую волю и справедливость ко всем населяющим ее народам, не различая среди подданных своих ни великих, ни малых, иначе ты нарушишь данную ныне святую присягу. Ибо если ты из суетных мирских побуждений извратишь то, что является справедливым пред лицом господя, то будешь тяжко наказан в бездонной пропасти Обители Дыма и низвергнут в кипящее озеро устрашающего смрада, где злые и осужденные в черной горести, охватившей все их нутро, предаются вечному плачу. А для того, чтобы наложить на себя это обязательство, вместе с приятием тобою царского венца, повтори за мной: «Хатхаіпром», — что на нашем языке значит: «Аминь», на что мальчик, расплакавшись, ответил:

— «Хатхаіпром».

Слезы его вызвали в пароде неудержимый, ужасающий плач. Наконец ояя, водворив тишину, продолжал свою речь:

— А сей обнаженный меч, который я влагаю в твою десницу как скипетр, дающий тебе власть на земле усмирять мятежников, также налагает на тебя обязательство поддерживать всею правдою малых и слабых, дабы чванящиеся могуществом не повергали их наземь дыханием своей надменности, столь ненавистной господу, сколь и уста того, кто поносит невинного и никогда еще не согрешившего младенца. И дабы ты во всем удовлетворил прекрасную небесную финифть, каковая есть и совершенное божество, и право, и добро, простирающее изумительную власть свою над всем творением, повтори за мной: «Хатхаіпром», — на что мальчик дважды ответил:

— Махіпау, махіпау, — что значит: «Обещаю, обещаю».

Ояя Пасилоко долго еще говорил таким же образом, и мальчик семь раз повторял за ним: «Хатхаіпром». На этом чин венчания его окончился. Напоследок, однако, к нему приблизилось высшее духовное лицо среди их жрецов, по имени Киай Понведе, которому, как говорят, было более ста

лет. Он простерся ниц перед мальчиком и принес ему присягу на золотой чаше, наполненной рисом, после чего молодого короля поспешили увести, так как отец его уже отходил, а народ так расчувствовался, что ничего, кроме вздохов и рыданий, не было слышно.

Глава CLXXXIII

О печальной кончине короля Сиама и о некоторых великих деяниях его

Так прошли и день этот, и ночь, но на другие сутки в восемь часов утра несчастный король в присутствии большей части высших сановников государства испустил дух, отчего весь народ стал причитать и плакать без всякого разума, не считаясь с принятыми обычаями. Так как умерший король слыл добрым, щедрым на подаяния, великодушным, сострадательным, мягким со всеми, а главное, справедливым и не боящимся наказывать преступных, подданные так расхваливали его в своих причитаниях, что, если только все, что они о нем говорили, было правдой, нужно признать, что лучшего короля в этой языческой стране не бывало, да и не было в то время на всей земле. Соглашаться с ними я не осмелюсь, ибо не был непосредственным свидетелем его благодеяний, а поэтому воздержусь от оценки их. Но если судить о нем по некоторым его поступкам, совершенным на моей памяти, я готов этому поверить. Из множества мне известных я приведу здесь три или четыре, относящихся ко времени между 1540 и 1545 годами, когда мне приходилось по торговым делам приезжать в эту страну.

Первый из них относится к 1540 году, когда правил Малаккой комендант Перо де Фариа; он получил от славной памяти дона Жоана III письмо, в котором король наказывал ему, прося приложить всевозможные к тому старания, выкупить некоего Домингоса де Сейшаса из сиамского плена, в котором тот находился уже двадцать три года, ибо это было крайне необходимо как для дела божья, так и для короля, ввиду того что этот Домингос де Сейшас, столь долго проживший в Сиаме, мог сообщить королю достоверные сведения об этой стране, о которой рассказывали всякие чудеса. По возвращении из плена его немедленно надлежало направить в Индию к вице-королю дону Гарсии, которому король уже писал, прося переправить Домингоса в Португалию с судами, отходившими туда в этот год. Перо де Фариа, почувствовав настойчивость, с которой король предлагал ему заняться этим делом, отправил в Сиам посольство во главе с неким Франсиско де Кастро, человеком родовитым и богатым, чтобы договориться о выкупе Домингоса де Сейшаса и других шестнадцати португальцев, также находившихся там в плену. Франсиско

де Кастро прибыл в Одиа как раз в то время, когда я там находился. Он был прекрасно принят сиамским королем и передал ему письмо, которое привез с собой. Прочитав его и порасспросив о некоторых событиях и занимавших его вещах, король тут же дал ему ответ (что обычно никогда не делается) в следующих выражениях: «А что касается Домингоса де Сейшаса, которого малаккский комендант у меня просит, говоря, что, отпустив его, я доставлю большое удовольствие королю Португалии, то дело это могу решить я сам, а посему считайте, что он вам возвращен вместе со всеми остальными состоящими при нем португальцами».

За это Франсиско де Кастро изъявил ему благодарность, трижды простершись перед ним, как это принято у них делать перед величайшим, по их мнению, владыкой всего мира. А когда пришло время Франсиско де Кастро возвращаться в Малакку, король приказал вызвать Домингоса де Сейшаса из города Гунталеу, где он занимал должность начальника всей пограничной охраны этого рубежа, имея в своем распоряжении тридцать тысяч человек пехоты и пять тысяч конных, и получал ежегодно восемнадцать тысяч крузадо жалованья. С ним прибыли и шестнадцать остальных португальцев, которых король передал всех Франсиско де Кастро, и тот снова выразил ему свою благодарность за его милость. Прощаясь с Домингосом де Сейшасом и его товарищами, король велел выдать им тысячу турм серебра, что составляет двенадцать тысяч крузадо на наши деньги, и еще очень извинялся перед ним, что дает так мало.

Второй случай относится к 1545 году, когда комендантом той же Малакки был уже Симан де Мело. Некий Луис де Монтарройо, следуя из Китая в Патане, случайно, из-за сильного шквала, внезапно ударившего одно из судов в борт и погнавшего его к берегу, потерпел крушение у Шатира, порта в пяти легуа ниже Лугора, где по распоряжению местного шабандара у него были отобраны все выброшенные морем товары, а сам он был взят в плен со всеми спасшимися от крушения. Уцелело их двадцать четыре португальца, пятьдесят мосо и еще малые дети, в общем семьдесят четыре человека христиан, а товара, спасенного с корабля, было на пятнадцать тысяч крузадо. Основание, которое выставил шабандар для конфискации имущества, заключалось в том, что таков издревле принятый в этой стране обычай. Некоторые португальцы, находившиеся в то время в столице, узнав об этом из письма, которое прислал им Монтарройо, послали ему первым долгом кое-какую одежду, в которой он крайне нуждался, а затем решили сложиться между собой на одиа (что значит подарок) из драгоценных вещей стоимостью в тысячу крузадо и преподнести его королю в день белого слона, который должны были

справлять через десять дней, обратившись к нему с прошением, ибо в этот высокоторжественный день принято было оказывать всякие милости просителям и дарить подарки близким. Когда настал праздник, носящий у них название Ондай Пилеу, что значит «Радость добрых», все португальцы, которых было шестьдесят или семьдесят, собрались в условленном месте на одной из девяти улиц, по которым с великой пышностью и торжественностью должен был проехать король, и, как только он поравнялся с ними, простерлись перед ним ниц, как это принято в Сиаме, после чего один из них, нарочно для этого выбранный, рассказал королю о Луисе де Монтарройо и его товарищах и попросил у короля как милости освободить этих потерпевших крушение. Возврата забранных шабандаром товаров он не просил, ибо считал такую просьбу чрезмерной и нецелесообразной. Король, услышав, о чем просят португальцы, и видя их слезы, велел задержать белого слона, на котором он ехал, а после того как он заметил, что они держат в руках предназначенные ему подарки, сказал:

— Считайте, что я принял ваши дары и благодарю вас за них. Но в такой день, как сегодня, мне более приличествует раздавать подарки, нежели принимать их, а поэтому очень прошу вас из любви к вашему богу, верным слугой которого я являюсь и впредь буду являться, распределите их между наиболее нуждающимися среди вас, ибо награда, которую вы получите за доброе дело, совершенное во имя господа, будет неизмеримо ценнее той, что я смог бы вам дать за них, поскольку в сравнении с господом я всего лишь жалкий червь.

Что же касается пленников, о которых вы меня просите, то я с удовольствием разрешу им вернуться в Малакку, не потребовав даже выкупа. Я также прикажу возвратить им товары, которые, по вашим словам, были у них отобраны, ибо тот, кто просит со слезами на глазах, должен быть удовлетворен с особенной щедростью и получить больше, чем он просил.

Услышав милостивые слова короля, португальцы простерлись перед ним ниц. На следующий день он приказал вручить им свой указ, согласно которому в обязанность шабандару вменялось доставить пленников со всем принадлежащим им имуществом в столицу, что и было в точности выполнено. Товаров, спасенных от крушения, было, как я уже раньше говорил, на сумму свыше пятнадцати тысяч крузадо, и все это король милостиво вернул португальцам, все же прочее, что было на корабле, погибло во время бури.

В том же 1545 году, спустя два или три месяца, королю Сиамы потребовалось дать отпор королю Тупарахо [\[331\]](#), вторгшемуся в его земли

со стороны Пасилоко. Разрушая и грабя наименее защищенные селения на сиамской границе, неприятель подходил уже к крепостям Шивау и Лантор, от которых зависела безопасность государства, с намерением их осадить, когда король самолично решил спасти свое государство. С этой целью он разослал по всему королевству двадцать полковников, наказав им в двадцатидневный срок набрать солдат и явиться с ними в столицу, откуда король собирался выступить. Набиравшим велено было под страхом тяжчайших наказаний не освобождать ни одного способного сражаться мужчину, за исключением больных, бедных и стариков свыше шестидесяти лет, при этом каждому вербуящему была отведена определенная провинция. Одному из полковников, по имени Киаи Раудива, человеку знатному и храброму, выпало на долю ехать в провинцию Банша, где живут весьма состоятельные люди, обладающие большим количеством денег и имущества. Народ этот весьма любит жить в свое удовольствие и большую часть времени тратит на пиры, игры и прочие времяпрепровождения. Когда Киаи Раудива попытался, как ему было приказано, заставить их идти на войну, они выразили свое недовольство, ибо считали военную службу слишком непосильным ярмом для людей, привыкших к привольному укладу жизни. Самые богатые из них посоветовались и решили взяткой избавиться от этого похода. Они тотчас же сложились, и собранную сумму отнесли полковнику. А так как деньги повсюду могучая сила, способная все победить и против которой никто не может устоять, полковник Раудива внял просьбе богачей, и все они остались у себя дома. Однако взамен ему пришлось набрать всяких стариков, больных, калек и бедняков, пренебрегая данным ему наказом. Когда Раудива прибыл со своими рекрутами в Одиа, ему пришлось привести их на смотр королю, как это делали все прочие полковники. Едва король из окна своего дворца увидел бедно одетых стариков, среди которых были и больные, причем ни один не привлек его внимания, он велел привести к себе четверых, шедших в одной шеренге, — все они были люди старые и, по-видимому, нездоровые. Король спросил, сколько им лет, чем они болеют и почему так дурно одеты, и все они в один голос рассказали ему, как производился в Банша набор; услышанное привело короля в крайнее негодование. Он немедленно призвал к себе Киаи Раудиву и после очной ставки приказал связать его по рукам и ногам, а затем расплавить пять турм серебра и в своем присутствии влить их ему в рот, отчего тот немедленно умер. Увидев, что он мертв, король сказал:

— Если пяти турм серебра было достаточно, чтобы уморить тебя, как мог ты думать, что пять тысяч, которые ты получил взятками, чтобы

освободить всяких трусов из Банша, не убьют тебя? Да простит тебе бог твою алчность, а мне — мягкость наказания, которому я тебя подверг.

И тут же приказал обыскать дом полковника, откуда королю принесли найденные там пять тысяч турм (на наши деньги шестьдесят тысяч крузадо), которые король велел у себя на глазах распределить между старыми, больными и бедными рекрутами Раудивы, коих было более трех тысяч и коих он распустил по домам, наказав им молить бога за здоровье его, короля; тех же, кто дал полковнику пять тысяч турм взятки, велел переодеть женщинами и сослать на остров Пуло-Катан, отобрав у этих трусов имущество и распределив его между теми, кто лучше всего сражался с врагом.

Был и такой случай: как-то раз король заметил, что один из ста шестидесяти португальцев, которых он взял с собой в поход, несколько отстает от своих товарищей во время удачного нападения, когда наши отбили захваченный неприятелями главный форт города Лантора. Он приказал ему вернуться в Сиам, так как он был не такой, как те португальцы, что были с ним, и запретил ему, пока он будет находиться в Сиаме, выходить из дому и называть себя португальцем под страхом, что ему сбреют бороду, как уклонившимся от службы франтам из Банша, ибо он такой же трус, как и они. А остальным, которых, как я говорил, было сто шестьдесят человек, за доблестный их поступок велел увеличить жалованье втрое, не взимать никаких пошлин с их товаров и дать им право в любых местах его королевства возводить церкви, в которых будут поклоняться португальскому богу, ибо ясно было, что он много лучше всех прочих божеств. Эти примеры и многие другие в том же роде, которые я мог бы привести, говорят, как великодушен и добр был по природе своей этот монарх, хотя и был язычником.

Глава CLXXXIV

Как сожжено было тело короля и как пепел его был перенесен в пагоду, а также о других событиях, происшедших в королевстве

Безмерны были скорбь и печаль всех сановников по поводу смерти их доброго короля, и бесчисленны слезы, которые они при этом пролили. Но так как всему есть срок, пришлось подумать и о похоронах государя. Собрались все священнослужители города, которых, по слухам, было двадцать тысяч, и, посоветовавшись с сановниками, решили, с какими церемониями нужно приступить к сожжению тела. Постановили, что сделать это надлежит немедленно, прежде чем яд, от которого умер король, успеет вызвать в теле дурной запах, ибо тогда душа короля никоим образом не сможет спастись, как об этом написано в священных книгах. Поэтому с великой поспешностью был сложен огромный костер из сандала, орлиного дерева, алоэ и стиракса, который подожгли с соответственными церемониями. Тело короля было предано огню под жалобный плач всего народа, а пепел его заключен в серебряную раку, которую поставили на богатый лауле, называемый «кабизонда», буксируемый сорока серо, на которых сидели талагрепо — представители высшего духовного сана из жреческого сословия. Кроме них, прах короля сопровождало великое множество судов с бесчисленным количеством людей, и всю эту флотилию замыкали сто больших баркасов, наполненных фигурами идолов самых разнообразных обличей — кобр, ящериц, львов, тигров, обезьян, змей, летучих мышей, уток, коршунов, воронов и многих других животных. Изображения их были выполнены так искусно, что казались живыми. На все эти фигуры были наброшены в знак траура куски шелка под цвет шкуры или оперения каждой твари, а их было столько, что и шелка этого было потрачено, по подсчету очевидцев, не менее пяти тысяч штук — и все, чтобы прикрыть этих бесчисленных чертей. На другом, очень большом судно плыл царь всех этих идолов, которого они называют Прожорливой Змеей Бездонной Пропasti Обители Дыма, в виде завернутой в девять колец огромнейшей кобры с поднятой головой толщиной с бочку. Если бы ее растянуть во всю длину, в ней, верно, оказалось бы более ста пядей. Из глаз, из пасти и из груди этой кобры вырывались огромные языки искусственного пламени, придававшие ей

столь страшный и безобразный вид, что при одном взгляде на нее охватывала дрожь. А на сцене высотой, по-видимому, брасы в три, сплошь покрытой позолотой и богатыми украшениями, стоял очень хорошенький мальчик лет четырех или пяти, с крыльями и волосами из золотых нитей, почти как у статуй наших ангелов, весь увешанный жемчужными ожерельями, цепочками и запястьями в драгоценных камнях. В руках у него был богато отделанный меч, чем давалось понять, что он ангел небесный, посланный захватить все это множество дьяволов, для того чтобы они не завладели душой короля, прежде чем она достигнет светлой обители, уготованной душе этой за добрые дела, которые сотворил на земле король. В этом порядке все суда дошли до берега и пристали у пагоды Киая Понтара, где после того, как похоронили серебряную раку с пеплом короля и сняли с судна мальчика, все бесчисленное племя идолов на баркасах было предано огню под оглушительные крики, вопли, свист, трескотню мушкетов, грохот орудий, колокольный гул, звон тазов, звуки труб и букцинов, сливавшихся в такой невообразимый шум, что дрожь принимала. Вся эта церемония заняла не более часа, так как все эти фигуры были набиты соломой, а баркасы нагружены большим количеством смолы и вара, отчего за очень короткое время поднялся такой огромный и устрашающий столб пламени, что все это казалось чем-то вроде ада, и баркасы, со всем, что в них находилось, были вскоре дотла уничтожены пламенем. Когда покончили с этим и с разными другими хитроумными изображениями, сделанными в подражание природе и обошедшимися весьма дорого, о которых я не пишу, ибо считаю это излишним и ненужным, вся толпа народа направилась в город, и каждый укрылся у себя дома, заперев на десять дней окна и двери, отчего площади и улицы совершенно опустели и на них нельзя было увидеть живой души, разве что нищих, ходивших по ночам и с великими жалобами просивших подать им милостыню. Когда для жителей миновал срок их затворничества, храмы, капища, пагоды, словом, все их молитвенные дома снова открылись. Проснувшись в этот день, народ увидел, что все они украшены шелковыми, праздничными навесами, хоругвями и знаменами, а на столах установлены курильницы с благовониями. На всех улицах появились всадники, одетые в белый штоф, которые под звуки сладкозвучных инструментов произносили со слезами умиления на глазах очень громким голосом:

— Внимайте, внимайте, удрученные жители Сиамского королевства, тому, что объявляется вам от имени господа. С сердцем смиренным и чистым воздайте все хвалу его святому имени, ибо справедливы решения

его божественного разума. С веселыми лицами изойдите из домов ваших, где вы были заточены, и воспойте доброту создателя, ибо угодно было ему даровать вам нового короля, живущего в страхе божьем и приверженного бедным.

После этих слов всадники в одежде из белого атласа, следующие за глашатаем, заиграли весьма стройно и сладостно на инструментах. При этих звуках все присутствующие падали ниц, воздевали руки к небу в благодарение богу и, в свою очередь, проливая слезы, восклицали очень громко:

— Ангелам небесным поручим всечасно восхвалять за нас всевышнего!

Затем все вышли из своих домов и, ликуя, с плясками пошли приносить жертвы Киаю Фанарелу, богу радостных, богачи — благовониями, а бедняки — курами, плодами и рисом на пищу священникам. В этот же день новый король был представлен своим подданным. Он проехал по всему городу, что вызвало у народа великую радость. Но так как король был мал и ему было всего лишь девять лет, двадцать четыре бракалана постановили, чтобы от имени его, главенствуя над всеми прочими правителями, правила вдовствующая королева, вскормившая и воспитавшая его. Так мирно и спокойно, без всяких изменений, прошло четыре с половиной месяца, пока королева не родила сына от своего агента. Уязвленная подозрениями, она решила выйти замуж за отца своего второго ребенка, человека, в которого была без памяти влюблена, и избавиться от законного своего отпрыска, чтобы передать королевскую власть приبلудному. Измыслив для этого всевозможные невиданные и неслыханные козни, о которых я умолчу, ибо страшусь их пересказывать, она наконец решила притвориться, будто горячая любовь, которую она питает к царьку, своему сыну, заставляет ее все время трепетать за его жизнь. Как-то на совете она объявила присутствующим, что, поскольку король является единственной жемчужиной, заключенной в оправе ее сердца, она не желает, чтобы какое-нибудь несчастье вырвало эту жемчужину из ее груди, куда она ее схоронила, а посему ей кажется необходимым для того, чтобы избавиться от опасений и избежать всяких бед, которые может повлечь за собой недостаточная осторожность, поставить дворец и молодого короля под охрану особой стражи.

Вопрос этот обсудили в совете, и, так как ничего плохого в этом предложении не нашли, просьба королевы была удовлетворена. Последняя, видя, что план ее успешно осуществляется, постаралась подобрать в охрану людей, наиболее подходящих для ее дьявольского замысла и на

которых она более всего могла положиться. Всего в охрану было назначено две тысячи человек пехоты и полторы тысячи конных, в каковое число не вошла обычная дворцовая стража, состоящая из семисот каушин и лекийцев. Над всеми этими людьми она поставила начальником двоюродного брата того человека, от которого она родила, по имени Тилеубакус, чтобы с его помощью быть полной хозяйкой положения и успешнее осуществить свои замыслы. Имея на своей стороне сильное войско, она постепенно стала расправляться с некоторыми из вельмож, ибо знала, что они относятся к ней не так, как ей это было желательно. Первыми, на которых она посягнула, оказались два члена ее совета Пинамонтеу и Компримуан, которых она обвинила в тайных переговорах с королем Шиаммая на предмет пропуска его войск в Сиам через их феодальные владения. В наказание за мнимую измену она приказала их казнить и, забрав их земли, поделила их между своим любовником и одним из его свояков, бывшим, по слухам, простым кузнецом. Казнь эта была совершена с величайшей поспешностью и без предъявления каких бы то ни было улик и поэтому встретила неодобрение со стороны большей части королевских сановников, напомнивших королеве заслуги казненных, личные качества их и знатность и древность их царственного рода, ведшего свое начало от сиамских королей, но она на все это не обратила ни малейшего внимания и, притворившись на другой день нездоровой, отказалась от председательства в совете, передав свой голос своему любовнику Укуншенирату, для того чтобы он мог отныне главенствовать над всеми, распределять милости между теми, кто готов был принять его сторону, и таким образом с меньшим риском захватить власть в королевстве и стать самодержавным властителем империи Сорнау, приносившей двенадцать миллионов золотом в год и способной дать еще столько же. Она приложила невероятные усилия, чтобы сделать своего сожителя королем, а их ублюдка наследником престола, для чего в течение восьми месяцев, пока судьба ей благоприятствовала, предала смерти всю высшую знать королевства и конфисковала их земли, имущество и сокровища, которые потом раздавала другим вместо с почетными титулами, дабы привлечь этих людей на свою сторону. А так как царек, ее сын, был самым главным препятствием на ее пути, она отравила и его, принеся его в жертву своей безудержной страсти. Покончив с ним, королева вышла замуж за Укуншенирата, своего агента, и 11 ноября 1545 года заставила провозгласить его в Одиа королем Сиама, но уже 2 января 1546 года и узурпатор и королева были отравлены оя Пасилоко и королем Камбоджи [\[332\]](#) во время пира, который те задали им в день храмового

праздника пагоды Киая Фригау, бога солнечных пылинок. Со смертью этой пары и всех их приверженцев, которых убили вместе с ними, в стране снова воцарились тишина и порядок, и никто уже не мешал мирному существованию народов королевства, только вот знати в нем больше не осталось, так как к этому времени она вся уже была истреблена описанным выше образом.

Главы CLXXXV–CLXXXVIII

В этих главах повествуется о том, как бирманский король попытался захватить королевство Сиам, и о том, что произошло вплоть до того, как он подошел к городу Одиа. (Вельможи Сиама провозглашают королем монаха — брата покойного короля. Бирманский король полагает обстановку благоприятной, чтобы напасть на Сиам. Взятие крепости Тапурау и города Журипилана.)

Как бирманский король пошел на первый приступ города Одиа и чем этот приступ окончился. Как был предпринят последний приступ и чем он увенчался. Последующие неудачные для бирманцев приступы. Восьмой приступ, во время которого к стенам города подкатили двадцать пять деревянных крепостей, которые затем подожгли. Как бирманский король снял осаду с Одиа, после того как получил известие о восстании в королевстве Пегу, поднятом Шеминдо, и о том, как бирманский король направился в Мартаван, где пегу из его войска перешли к Шеминдо, и как бой на поле Машан окончился победой бирманцев.

Глава CLXXXIX

Об исключительном плодородии королевства Сиам и о прочих его особенностях

Поскольку речь все время шла о походе бирманского короля на Сиам и о восстании в королевстве Пегу [\[333\]](#), мне кажется, будет уместным сообщить хотя бы кратко о расположении и размерах королевства Сиам и империи Сорнау, а также о состоятельности его жителей, его природных богатствах и плодородии его почвы, в чем я мог убедиться воочию. Насколько выгоднее было бы для нас владеть этим королевством, нежели всем тем, что у нас есть в Индии, и насколько дешевле эти владения бы нам обошлись!

Королевство это, как можно увидеть на картах, имеет, если переводить градусы на легуа, почти семьсот легуа береговой линии, ширина же внутренних земель не превосходит ста шестидесяти. Большая часть его представляет собой низменность, орошаемую пресноводными реками и покрытую обработанной землей. Благодаря рекам почва отличается плодородием, и в стране ни в полезных растениях, ни в мясе недостатка нет. Возвышенности покрыты густыми зарослями ангелины, из которой можно было бы построить многие тысячи судов. Страна производит большое количество серебра, железа, стали, свинца, олова, селитры и серы. Здесь много шелка, алоэ, розного ладана, гуммилака, индиго, хлопчатобумажных тканей, рубинов, сапфиров, слоновой кости и золота — всего этого в очень больших количествах. В прибрежных лесах много пернамбукового и эбенового дерева, большое количество которого ежегодно отправляется на джонках в Китай, Айнан, на Лекийские острова, в Камбоджу и Шампа. Здесь также много меда, воска и сахара. Королевские налоги приносили обычно в этой стране двенадцать миллионов золота ежегодно; кроме этого, феодалы постоянно преподносят своему государю подарки, также составляющие весьма значительную сумму. Под юрисдикцией феодалов находятся две тысячи шестьсот населенных мест, которые у них называются «продун» и соответствуют нашим городам и селениям. Небольшие деревни в этот счет не входят, и им феодалы не придают значения. Большая часть этих городов не имеет никакой защиты, за исключением деревянных укреплений, благодаря чему завладеть ими не стоило бы большого труда даже небольшому

вооруженному отряду. Жители всех этих населенных мест по сложению своему очень слабосильны и не имеют обыкновения держать у себя оборонительное оружие. Сиам имеет выход как на Северное, так и на Южное море [{334}](#). К Индийскому океану обращены Жунсалан и Танаусарин, к Китайскому морю — Мополокота, Куи, Лугор, Шинтабу [{335}](#) и Бердио. Столицей всей этой империи является Одиа, о которой я уже говорил. Это единственный город, окруженный глинобитными, кирпичными и сырцовыми стенами. Утверждают, что в нем четыреста тысяч домов, из которых сто тысяч принадлежат чужеземцам самых различных национальностей, так как королевство это богато и ведет огромную торговлю со всеми провинциями и островами Явы, Бале, Мадур, Анжени, Борнео и Сорол. Не проходит года, чтобы из его портов не выходило в плавание свыше тысячи джонок, не говоря уже о более мелких судах, которыми кишат все реки и заполнены все порты. Король по складу своему не тиран. Доходы с таможен идут на содержание некоторых пагод, поэтому пошлины, которые приходится платить, очень низки, взимающие их монахи не имеют права держать деньги и берут с купцов лишь то, что те жертвуют им по доброй воле. В стране имеется двенадцать языческих сект, как и в Пегу. Самый почетный титул короля — Прешау Салеу, что на нашем языке означает «Часть тела господня». Народу государь показывается всего два раза в году, но всякий раз с торжественностью и великой пышностью. Несмотря на все вышесказанное, король Сиам имеет монарха, которому он подчинен и вассалом которого является, в лице китайского богдыхана [{336}](#). Он платит ему дань, за что имеет право отправлять свои джонки в порт Конхай, где сиамцы закупают свои товары. В этом государстве имеется также много перца, имбиря, корицы, камфоры, квасцов, дивьего меда, тамаринда и кардамона, так что можно с уверенностью сказать то, что я уже не раз слышал об этом крае, а именно, что это одно из лучших государств, которые только есть на земле и которое было бы много легче захватить и сохранить, нежели любую другую страну, как бы мала она ни была. И утверждаю, что об одном том, что я видел в этом городе Одиа, я мог бы рассказать еще много больше того, что я сообщил обо всем королевстве, но я не буду этого делать, чтобы не доставлять моим читателям огорчение, которое испытываю я при мысли, сколько из-за наших грехов теряем мы в этих местах и какую пользу мы могли бы из них извлечь.

Глава СХС

О том, что еще произошло в королевстве Пегу, о смерти бирманского короля и о том, что было после

Но вернемся к прерванному мною повествованию. После того как бирманский король одержал под Пегу великую победу над Шеминдо [\[337\]](#), благодаря которой он сделался мирным властителем всей страны, он первым делом занялся наказанием виновных в минувшем мятеже и велел отрубить головы многим знатным людям, военачальникам и феодалам, а имущество их отобрал в казну. Одного золота и серебра бирманский король при этом получил на десять миллионов золотом, не говоря уже о драгоценных камнях и богатой посуде, словом, как говорили тогда, за грехи одного пришлось расплатиться многим. Король продолжал творить эти жестокости и беззакония до тех пор, пока через два с половиной месяца до него не дошло известие, что восстал Мартаван и в нем перебито две тысячи бирманцев, а комендант Шалагонин перешел на сторону Шеминдо.

Однако для того, чтобы причина этого восстания была понятна любознательным, прежде чем идти дальше, я вкратце сообщу читателю кое-какие сведения. Шеминдо этот, по национальности пегу, был монах, человек благородного происхождения и, как уверяли некоторые, близкий родственник покойного государя, умерщвленного бирманским королем двенадцать лет назад, как я уже об этом говорил. Шеминдо звали раньше Шорипансай, это был видный мужчина сорока пяти лет, человек большого ума, почитавшийся всеми людьми за святого мужа, весьма сведущий в уставах и предписаниях их языческих сект, а кроме того, отменно красноречивый. Проповеди его так увлекали слушателей, что стоило ему подняться па кафедру, как они простирались ниц и при каждом произнесенном им слове повторяли: «Pitarul aximan davoco Quiay atraleu», — что значит: «Ясно, что господь глаголет твоими устами». Шеминдо, видя, каким доверием он пользуется у народа, побуждаемый как природной своей решительностью, так и представившимся ему благоприятным случаем, захотел испытать фортуны и посмотреть, до каких высот он может подняться. Однажды, когда бирманский король пошел на Сиама и осадил город Одиа, как я уже раньше говорил, Шеминдо в храме Копкая, являющемся в Пегу главным храмом или собором, произнес проповедь перед большим количеством народа. В речи своей он подробно

изложил собравшимся историю гибели государства Пегу, умерщвления его законного государя, перечислил великие оскорбления, жестокие казни и прочие бесчисленные злодеяния, которые пришлось вынести народу пегу от бирманцев, попиравших все божеские законы, так что даже богатые храмы, воздвигнутые на жертвоприношения добрых людей, для того чтобы возносить хвалу божеству, были разорены и сровнены с землей, а те, которые остались целы, превращены в конюшни или места для свалки мусора и всяких нечистот. Продолжая в этом духе, он наговорил столько всего, так вздыхал, пролил столько слез и произвел такое потрясающее впечатление на народ, что все слышавшие его тут же избрали его своим королем и присвоили ему высшее по почетности наименование Шеминдо, между тем как раньше он назывался Шорипансай. Последний, возведенный в королевское достоинство, первым делом решил использовать народный пыл для нападения на дворец бирманского короля, где было пять тысяч бирманцев. Все они были преданы мечу, и никто из них не избег этой участи. То же потом проделали и с другими бирманцами, размещенными по главным городам королевства. Шеминдо поспешил также захватить сокровище короля, которое было значительным. Таким образом, все бирманцы, проживавшие в королевстве Пегу, были уничтожены, а вместе с ними и их жены. Те из крепостей, которые сохраняли верность бирманскому королю, были захвачены и сровнены с землей, и в течение всего лишь двадцати трех дней все королевство оказалось в руках Шеминдо. Последний собрал пятисоттысячное войско, чтобы противостоять бирманскому королю, когда тот придет подавлять мятеж, после чего произошли уже описанные мною события. А так как мне кажется, что этого вполне достаточно, чтобы сделать дальнейшее изложение понятным, я возвращаюсь к своему предмету.

Итак, когда король Бирмы получил известие о восстании в городе Мартаване и о гибели двух тысяч бирманцев, он позаботился вызвать всех феодалов вместе с людьми, которых они по вассальной своей повинности должны были поставить, и дал им на сборы всего пятнадцать суток срока, так как больше медлить было нельзя, а сам на другой же день спешно покинул Пегу, чтобы и его сторонники последовали его примеру. Остановился он в небольшом городке под названием Моушан с намерением задержаться там на пятнадцать дней, пока не придут его вассалы. Он уже находился там неделю, когда узнал, что шемин, комендант города Сатана [\[338\]](#), находящегося в пяти легуа от Моушана, тайно послал большое количество золота Шеминдо и собирается передать тому этот город. Известие повергло короля на некоторое время в

замешательство, но, обдумав, как лучше пресечь эту новую крамолу, он решил вызвать к себе шемина, который все еще не покидал города, в котором был комендантом, и, как только он прибудет, отрубить ему голову. Но последний лег в постель, сказался больным и ответил, что явится к королю, как только выздоровеет. Однако, чувствуя за собой вину и догадываясь, с какой целью его вызывают, он сообщил об этом десяти или двенадцати братьям и родичам, которые жили с ним вместе. Все они пришли к выводу, что, поскольку другого способа спастись нет, самым правильным будет убить короля, и без лишних промедлений принялись за дело. Тайно созвав своих сторонников, но не объявляя им цели созыва, они собрали еще кое-какой народ, который они соблазнили всяческими посулами, и весьма быстро сколотили отряд в шестьсот человек. Узнав, что король остановился в монастыре при пагоде, они напали на это здание и, к счастью для себя, застали короля в отхожем месте, где и убили его, не подвергая себя ни малейшей опасности, после чего выбежали все вместе на наружный двор, где им пришлось выдержать почти получасовую схватку со стражей, ибо к этому времени измена была обнаружена и среди охраны поднялась тревога. Погибло при этом восемьсот человек, по большей части бирманцев. Сатанский шемин с четырьмястами своих сторонников отправился после этого в большое село под названием Поутел, куда собрались люди со всей округи. Узнав о смерти ненавистного бирманского короля, они тут же составили большой отряд, который отправился на поиски трех тысяч бирманцев, приведенных бирманским королем, но те, потрясенные известием о его гибели, разбежались кто куда. Все же в тот же день они были перебиты, причем пощады не было никому, а вместе с ними погибли и восемьдесят португальцев из трехсот, которых привел с собой сюда Диого Соарес. Последний и уцелевшие португальцы вынуждены были сдаться, так как иного выхода не было, и им была дарована жизнь при условии, что они впредь так же верно будут служить сатанскому шемину, как если бы это был их собственный король.

На десятый день после этого мятежа шемин, видя, что фортуна ему благоприятствует и что из людей, собравшихся со всей округи, получилось порядочное войско в тридцать с лишним тысяч человек, объявил себя королем Пегу [13391](#), обещая богатые милости всем тем, кто встанет на его сторону и последует за ним, пока он целиком не завладеет королевством и не выбросит оттуда бирманцев. С этим он удалился в крепость под названием Тагала, намереваясь укрепиться в ней, ибо опасался войска, по слухам уже успевшего выйти из Пегу, которое ожидал убитый бирманский король. Однако один из бирманцев, перебитых сатанским шеминем, уцелел

и, хоть и был тяжело ранен, бросился в реку и переплыл на другой берег, а оттуда из страха перед пегу шел, не останавливаясь, целые две ночи, пока на третьи сутки не прибыл на поле под названием Коутасарен, расположенное в легуа от города, где нашел Шаумигрена, молочного брата бирманского короля, стоящего там лагерем во главе стовосьмидесятитысячного войска, из которого лишь тридцать тысяч составляли бирманцы, а все остальные были пегу. Шаумигрен уже готов был выступить через два часа и пережидал лишь самое жаркое время дня. Бирманец сообщил ему о смерти короля и о всех прочих событиях. Шаумигрен, как ни был потрясен услышанным, постарался до времени сохранить все в тайне с такой выдержкой и осторожностью, что никто не заметил в нем ни малейшего волнения. Он облачился в богатую атласную одежду ярко-красного цвета с золотым шитьем, надел на себя ожерелье из драгоценных камней, велел созвать всех военачальников и феодалов своего войска и с веселым выражением лица сказал им следующее:

— Вы, верно, видели сегодня, как ко мне спешил человек. Он принес мне от короля, моего и вашего государя, вот это письмо, которое я держу в руке. В нем он упрекает меня в медлительности и нерадении, однако уповаю на бога, что он даст мне возможность оправдаться перед его величеством, и государь выразит нам еще благодарность за услугу, которую мы ему оказываем. Он также сообщает на основании достоверных сведений, что Шеминдо вновь собирает войско с намерением идти на Козмин и Далу ^{340}и по рекам Дагун ^{341}и Мейдо овладеть всей местностью от Данаплу до Анседы. А потому он приказывает мне с возможной поспешностью снабдить эти наиболее важные города гарнизоном, достаточным, чтобы дать надлежащий отпор врагу, и предупреждает меня не допустить ни малейшего упущения, чтобы по вине моей не пал ни один из этих городов, ибо никаких оправданий он от меня выслушивать не намерен. В силу этого мне кажется разумным и необходимым для верной службы государю нашему, чтобы вы, государь мой Шемимбрун, отправились немедленно, не теряя ни мгновения, и заняли с вашими людьми Далу, а свояк ваш, байнья Кен со своими пятнадцатью тысячами занял Дагун. Полковник Жибрай и Монпокасер должны пойти с тридцатью тысячами войска в Анседу и Данаплу, Сигуанкану с двадцатью тысячами надлежит пройти в Шару, а оттуда в Малакку, что же до Кияя Бразагарана, то он со своими братьями, свояками и родичами пусть отправляется с пятьюдесятью тысячами человек на границу в качестве начальника всей пограничной охраны и пополнит гарнизоны тех мест, которые испытывают в этом необходимость. А о том,

что я вам сейчас от имени короля объявил, надлежит тут же составить грамоту, под которой мы все распишемся, ибо я не желаю один поплатиться головой за ваши упущения или небрежность.

Все военачальники немедленно выполнили его приказ и без малейшего промедления отбыли к месту своего назначения. Таким вот хитроумным образом он менее чем за три часа избавился от ста пятидесяти тысяч пегу, ибо опасался, что, стоит им услышать о смерти бирманского короля, как они нападут на тридцать тысяч бывших при Шаумигрене бирманцев и, без малейшего сомнения, ни одного из них не оставят в живых. Как только наступила ночь, Шаумигрен направился в город, находившийся оттуда в легуа с небольшим, собрал с великой поспешностью все сокровище убитого короля, составлявшее, как уверяют, более тридцати миллионов золотом, не считая драгоценных камней, не подлежащих оценке, забрал жен и детей бирманцев, а также оружие и боеприпасы, которые мог с собой увезти. Все же прочее, находившееся на складах, он велел поджечь, мелкие орудия расколоть, а крупные, с которыми проделать это было невозможно, заклепать; далее, он велел перебить семь тысяч слонов, оставив в живых лишь две тысячи для перевозки своего груза, боевых припасов, и сокровища, а все прочее приказал поджечь, так что ни от дворца, в котором были обшитые золотом палаты, ни от складов у реки, ни от сараев, в которых было укрыто до двух тысяч вытащенных на берег гребных судов, не осталось ничего, кроме пепла.

Покончив со всем этим, Шаумигрен с величайшей поспешностью оставил город за час до рассвета и направился в Тангу, к себе на родину, которую покинул четырнадцать лет назад, для того чтобы завоевать это самое королевство Пегу. А Тангу находилось в глубине материка на расстоянии ста шестидесяти легуа. От страха, говорят, на ногах вырастают крылья, так вот, страх этот заставил Шаумигрена так спешить, что уже через пятнадцать дней он добрался до места. Два дня спустя после описанных мною событий весть о смерти бирманского короля дошла и до ста пятидесяти тысяч пегу, а так как последние жестоко ненавидели бирманцев, они как можно быстрее устремились в город в поисках тридцати тысяч бирманцев, но узнали, что враги уже три дня, как его покинули. Пустившись за ними вдогонку, они дошли до селения, называемого Гинакоутел, в сорока легуа от Пегу, но там им сообщили, что еще пять дней назад бирманцы его прошли. Поэтому, отчаявшись осуществить свое заветное желание изрубить их на куски, они повернули вспять и, собрав совет по поводу того, что надлежит делать, решили, что,

поскольку короля по праву крови в Пегу сейчас нет, а страна очищена от бирманцев, перейти на сторону сатанского шемина, что тут же и сделали. Последний принял их с великим волнением и радостью, наобещал им множество наград и почестей, а также повышения по службе, едва только страна немного успокоится. С этим все вернулись в город Пегу, где новый король был восторженно принят населением и коронован в пагоде Копкиая, являющейся как бы собором среди прочих пагод.

Глава СХСІ

О том, что произошло со времени коронации сатанского шемина, и об одном отвратительном случае, виною которому был Диого Соарес

Три месяца и девять дней сатанский шемин мирно правил городом и королевством Пегу, но вдруг он стал, не стесняясь и не боясь чьего-либо противодействия, раздавать из казны подарки своим любимцам, нимало не соображаясь с их заслугами, чем вызвал большое возмущение, ссоры и раздоры среди феодалов, которые из-за несправедливостей, творимых шеминном, предпочли разъехаться по чужим землям и королевствам, а кое-кто перешел на сторону Шеминдо, имя которого стало снова приобретать известность, ибо после бегства с поля битвы вместе с шестью всадниками он перебрался в королевство Анседа, где благодаря внушаемому им уважению и могуществу снова приобрел уже немалое количество сторонников, и с помощью последних, а также перешедших на его сторону феодалов собрал войско в шестьдесят тысяч человек, с которым и двинулся в Мейдо, где местные жители приняли его с распростертыми объятиями.

Однако я пока воздержусь говорить о том, что за четыре месяца своего пребывания Шеминдо успел совершить в этой стране, и обращусь к событию, происшедшему за эти немногие дни в Пегу, дабы стало известно, чем окончилось блестящее поприще великого Диого Соареса, бывшего наместника в королевстве Пегу, и какую награду сулит суетный мир всем, кто ему служит и доверяется, неосторожно полагая, что удача, сопутствовавшая счастливцу на первых порах, не покинет его и впредь. А дело заключалось в следующем.

В этом городе Пегу проживал богатый и уважаемый всеми купец по имени Мамбогоа, который еще во времена бирманского короля [\[342\]](#), когда Диого Соарес находился в блеске своей славы и носил титул брата короля, повелевая всеми принцами и феодалами в стране, решил выдать свою дочь за некоего юношу, отцом которого был тоже весьма почтенный и очень богатый купец по имени Маника Мандарин. Родители договорились о приданом, которое они дадут детям, каковое, по слухам, составляло триста тысяч крузадо. Когда наступил день свадьбы, играли ее с превеликой роскошью и пышностью, пригласив на этот праздник много знатных людей города. Случилось так, что в этот день уже на закате солнца Диого Соарес,

возвращаясь из королевского дворца с большой свитой, как пешей, так и конной, которая никогда его не покидала, проехал мимо дверей отца невесты. Услышав доносившееся из дома шумное веселье, он осведомился, по какому случаю там пируют, и узнал, что купец выдает замуж свою дочь. Диого Соарес, придержав своего слона, велел передать отцу невесты наилучшие пожелания по поводу предстоящего брака, а новобрачным долгой и счастливой жизни, прибавив к этому много любезных слов в том же роде и предложение оказывать Мамбогоа содействие во всем, в чем оно ему понадобится. Старик, отец невесты, почувствовав себя необычайно вознесенным столь почетным для него вниманием и не зная, чем отблагодарить даже в малой доле за такую честь, ибо положение Диого Соареса было тогда так высоко, что почти равнялось королевскому, взял за руку свою дочь, за которой следовало много знатных женщин, и вышел с ними к воротам, у которых остановился Диого Соарес. Выражая глубочайшее к нему почтение и благодарность за оказанные ему честь и милость, старик простерся перед ним ниц, после чего приказал невесте снять с пальца дорогое кольцо и передать его Диого Соаресу, что она и сделала, преклонив колени. Но последний, вместо того чтобы вести себя так, как подобает дворянину по отношению к дружественно расположенным к нему людям, побуждаемый своей чувственной и похотливой природой, протянул к девушке руку, но не ограничился тем, что взял кольцо, а, пренебрегая всеми приличиями, схватил ее за руку и потянул к себе, сказав:

— Упаси бог, чтобы такая красotka досталась другому, а не мне.

Несчастный отец, видя, как беззастенчив португалец и как оскорбительно обращается он с его дочерью, воздев руки к небу и опустившись на колени, воскликнул:

— Умоляю тебя, государь мой, во имя великого бога, которому ты поклоняешься, зачатого во чреве пречистой и непорочной девы, как я в это уверовал и отныне исповедую после того, что я о нем узнал и услышал, не отнимай у меня дочери, ибо я умру от горя. А если тебе нужно приданое, которое я ей дал, и все то, что у меня есть в доме, да и сам я как раб, скажи только слово, и я сейчас же отдам тебе все, что ты потребуешь, только позволь дочери моей стать женою своего жениха, ибо нет у меня иной радости в жизни и не желаю я иной, пока буду жив, — и с этими словами ухватился за свою дочь.

Диого Соарес, видя, что старик, весь в слезах, не собирается ее отпустить, не ответил ему ни слова, а лишь крикнул турку, начальнику своей охраны:

— Убей эту собаку!

Турок, выхватив свой ятаган, бросился было на старика, но тот успел скрыться, оставив перепуганную, с разметанными волосами дочь в руках Диого Соареса. И так как за невесту со слезами ухватился теперь ее жених, убили его, и его отца, и шесть или семь его родственников. К этому времени вопли женщин, находившихся в доме, стали так пронзительны, что страшно было их слышать, — дрожали и воздух и земля, или, вернее, вопияли к богу, призывая кару на голову того, кто, лишившись страха божия, безрассудно творил такие преступления.

Да простят мне за то, что я не буду описывать подробности всего происшедшего, ибо поступаю я так исключительно из нежелания порочить имя португальца; достаточно сказать, что девушка повесилась на шнурке, прежде чем чувственный галисиец успел удовлетворить свою похоть. Вспоминая об этом, он говаривал:

— Не так мне совестно, что я ее похитил, как досадно, что так ею и не попользовался.

Все четыре года, что прошли с того дня, никто не видел, чтобы отец несчастной девушки выходил из дому, Не скрывая свою великую скорбь, он одевался в рваную рогожу, питался тем, что вымаливал у собственных рабов, и ел на земле, низко склонившись над своей пищей. И так до тех пор, пока не наступило время, когда можно было воззвать к правосудию.

Узнав, что в Пегу другой король, новый наместник и новые суды (ибо все это перемены, которые время неизбежно приносит с собой везде и во всех делах), старец с длинной белой бородой, которая к этому времени доходила ему до пояса, облачившись в жалкую свою одежду и надев на шею толстую веревку, направился в храм Финтареу, бога всех скорбящих. Там, взяв истукана с алтаря, он, держа его в руках, вышел на улицу, и, оказав ему все принятые у этих язычников почести, трижды прокричал очень громко, чтобы собрать вокруг себя толпу, а потом произнес, заливаясь слезами:

— О люди, люди, что с чистым и спокойным сердцем исповедуете истинность сего бога всех скорбящих, коего видите в моих руках, явитесь, как молния в дождливую ночь, и криками и воплями своими пронзите небо, да услышит нас всевышний, склонит слух свой к нашим стонам и узнает, за что мы молим суда его над проклятым чужеземцем, — да не родиться ему вовсе! — захватчиком имущества нашего и поругателем чад наших. А дням того, кто не захочет последовать за этим богом, коего держу я в руках своих, стоная и оплакивая тягчайшее преступление, пусть положит конец прожорливая змея из бездонной пропасти Обителя Дыма и

растерзает плоть его в час полуночный!

Слова эти привели в такой ужас проходящих мимо и произвели на них такое впечатление, что за каких-нибудь четверть часа вокруг старца собралось более пятидесяти тысяч человек, исполненных неописуемым гневом и жаждой мщения. Все увеличивающаяся толпа направилась к королевскому дворцу со столь страшным ревом, что слушать его, не содрогаясь, было невозможно. Когда подошли к дворцовой площади, люди шесть или семь раз крикнули во весь голос:

— Выйди, государь, из своих покоев и внимли голосу бога твоего, устами бедного люда требующего от тебя правосудия.

Король, услышав голоса и крики, подошел к окну и, изумленный столь необычным зрелищем, спросил, чего хотят эти люди, на что все в один голос ответили криком столь громким, что, казалось, он способен прорвать небеса:

— Суда, суда над проклятым неверным, который, чтобы завладеть нашим добром, убивал отцов, детей, братьев и родичей наших!

А когда король спросил, кто же это такой, ему ответили:

— Это проклятый разбойник, такой же коварный в делах своих, как и проклятый змей, соблазнивший первого человека в прекрасном саду, созданном богом, и принесший ему погибель.

Король, заткнув себе уши, словно не желая больше слушать подобных небылиц, сказал еще:

— Неужто возможно, чтобы было такое, на что вы жалуетесь?

На что все вновь возопили:

— Этот человек самый великий злодей из всех рожденных на земле по низости наклонностей своих и мерзости природной. А посему во имя бога скорбящих просим тебя настолько же опорожнить его жилы от крови, насколько исполнена злодеяньями сокрытая в нем преисподняя.

Тогда король повернулся к тем, кто стоял возле него, и спросил:

— Как вам кажется, как я должен поступить в этом странном и необычном случае?

Все ответили:

— Если ты сомневаешься, удовлетворить ли просьбу бога всех скорбящих, то и он сам усомнится, следует ли поддерживать тебя в царском достоинстве, которое ты приобрел.

Тогда король обернулся к толпе и сказал шумевшему внизу у ног его народу, чтобы все шли на базарную площадь, куда он велит привести преступника, которого он выдаст им, чтобы они поступили с ним так, как им заблагорассудится. С этими словами он отправил ширку правосудия,

или верховного судью королевства, за Диого Соаресом под предлогом, что он вызывает его во дворец, и наказал ширке, связав Соареса по рукам и по ногам, выдать народу на расправу, ибо если он, король, не сделает этого, то боится, как бы бог сам не расправился с ним.

Глава СХСII

О том, что далее произошло с Диого Соаресом

Ширка правосудия немедленно отправился в дом к Диого Соаресу и сказал, что король приказал ему явиться; тот был так смятен и потрясен его приходом, что долгое время не мог вымолвить ни слова, как человек, потерявший рассудок. Наконец, придя немного в себя, он ответил, что очень просит уволить его от посещения короля, так как сейчас у него сильно болит голова, и в благодарность за такую услугу готов подарить ему сорок бис золота, на что ширка ответил:

— Больно мало ты даешь за то, чтобы я взял на себя твою головную боль, а поэтому думаю, что, хочешь ты этого или не хочешь, а придется тебе идти за мной, раз ты вынуждаешь меня говорить правду.

Диого Соарес, видя, что встречи с королем не избежать, захотел взять с собой шесть или семь слуг, но ширка не разрешил ему и этого, сказав:

— Я выполняю лишь то, что приказал мне король, а велел он тебе явиться одному, а не всемером, ибо время, когда ты хаживал, как я сам видел, со свитой, отошло с того дня, когда покончили с тираном Бирманцем, через которого ты, как через трубку, надувался дерзостью и надменностью, как видно из черных дел твоих, за которые ты нынче будешь держать ответ перед господом.

И, взяв его за руку, повел его рядом с собой под охраной более трехсот человек, что всех нас привело в великое смущение.

Пройдя так по всем улицам, он довел его до базарной площади, главной в городе, где торгуют самыми разнообразными товарами, и тут с Диого Соаресом неожиданно столкнулся его сын Балтазар, возвращавшийся из дома одного купца, к которому отец послал его утром получить небольшой долг. Когда сын увидел отца под стражей, он соскочил с коня и, бросившись к его ногам, воскликнул со слезами на глазах:

— Что случилось, отец, и за что вас ведут под конвоем?

На что Диого ответил:

— Спроси о том грехи мои, они тебе ответят, ибо сейчас, сын мой, я как во сне.

Они бросились друг другу в объятия и оставались так, обнявшись, довольно долго, пока ширка не велел Балтазару Соаресу удалиться, но тот

не послушался, так как никак не мог оторваться от отца. Тогда конвойные грубо оттянули его и толкнули при этом с такой силой, что он упал и разбил себе голову в кровь. Затем они несколько раз его ударили, отчего отец без чувств свалился на землю. Когда он пришел немного в себя и попросил пить, ему не дали, после чего, воздев руки к небу, он воскликнул:

— Si iniquitates observaberis, Domine! Domine, quis sustinebit? ^[7] Но, уверенный в бесконечной драгоценности вашей крови, пролитой за меня на кресте, я смогу сказать с великой убежденностью: Misericordias, Domine, in aeterno cantabo ^[8].

И, дойдя в великом сокрушении до пагоды, куда приказал привести его король, и увидев огромное скопление народа, он, как говорят, остолбенел, а потом, после нескольких мгновений нерешительности, обратился к португальцу, которого разрешили допустить до него, чтобы немного его подбодрить и укрепить в вере, и спросил:

— Господи Иисусе! И все эти люди пришли обвинять меня перед королем?

На что ширка ответил:

— Не время тебе теперь думать об этом. Разве нет у тебя ума понять, что такое народ, когда его взбаламутят? Его всегда на дурное тянет, такая уж у него природа.

Тут Диого Соарес заплакал и сказал:

— Ясно вижу и понимаю, что смутили его мои грехи.

— Так знай, — вставил ширка, — что такова награда, которую люди дают тем, кто при жизни так пренебрегал божественным правосудием, как ты. Моли бога простить тебя, и в тот короткий миг, который остается тебе жить, раскайся в совершенном тобой, и, быть может, это тебе пригодится более, чем все золото, которое, возможно, достанется тому, кто послал тебя на казнь.

Диого Соарес опустился на колени, обратил взгляд свой на небо и, заливаясь слезами, произнес:

— Господи Иисусе Христе, во имя священных страстей твоих сочти на правом суде своем достаточным обвинение, возводимое на меня этими десятью тысячами голодных псов, да не останутся втуне великие труды твои во спасение души моей, хоть и не был я их достоин.

После чего, поднимаясь по лестнице, ведущей к площадке перед храмом, он, как уверял меня сопровождавший его португалец, прикладывался губами к каждой ступени, трижды произнося Христово имя. Когда же он добрался до верха, Мамбогоа, державший идола в руках,

громко воскликнул:

— Пусть среди ночи изничтожатся мозги у детей того, кто не бросит камня в эту проклятую змею, дабы пороки ее, вызывающие к такому возмездию, понесли достойную кару на судилище всевышнего.

Тут на осужденного посыпался такой град камней, что в одно мгновение Диого Соарес оказался засыпан горой булыжников и гальки, которые люди швыряли так безрассудно, что поранили многих присутствующих. Через час несчастного Диого Соареса под страшные крики и вопли толпы извлекли из-под камней и разорвали на куски, которые мальчишки вместе с головой его и кишками долго еще волочили по улицам, получая милостыню в награду за святое и богоугодное дело, как казалось народу.

А когда король приказал немедленно отправиться к Соаресу в дом, чтобы забрать его имущество, погром там из-за алчности этих голодных собак учинен был такой, что даже ни единой черепицы на крыше не осталось. В доме, однако, не было найдено все, что предполагалось, а потому схватили слуг и подвергли их столь жестоким пыткам, что все тридцать восемь умерли, в том числе семь португальцев, безвинно пострадавших за грехи, в которых они не были повинны. Награблено было всего на шестьсот золотых бис, иначе говоря на триста тысяч крузадо, не больше, не считая богатой посуды и мебели, но драгоценных камней не нашли ни единого, а посему стали говорить, что Диого Соарес к этому времени успел все зарыть в землю, но куда, так никогда и не смогли узнать, как ни старались. Между тем, как стало известно впоследствии со слов людей, знавших его в пору его благоденствия, имущество его по местным ценам должно было составлять более трех миллионов золотом.

Таков был конец великого Диого Соареса, которого в этом королевстве Пегу судьба вознесла настолько, что он получил титул брата короля, считающийся там наивысшим, имел двести тысяч крузадо ежегодного дохода, командовал восьмьюстами тысячами людей и был поставлен как правитель выше всех четырнадцати государей, над которыми главенствовал тогда король Бирмы. Но таково свойство всех мирских благ, особливо же дурно приобретенных — всегда являться причиной и источником всяких бед.

Глава СХСІІІ

Как Шеминдо пошел на сатанского шемина и что при этом произошло

Но вернемся к Шеминдо, о котором уже долгое время не было речи. С каждым днем тиранический и алчный сатанский шемин умножал насилия и жестокости, которые распространял на всех своих подданных, убивая и грабя всякого, кто, как ему казалось, владеет деньгами или чем-либо, на что можно было позариться. Дело дошло до того, что, как уверяют, только за семь месяцев мирного правления в Пегу он умертвил шесть тысяч купцов и богачей, не говоря о древнего рода дворянах, владевших по праву наследства землей, дарованной их предкам. Все это возбудило к шемину такую ненависть в народе, что большая часть войска передалась Шеминдо, который к этому времени успел занять города Дагун, Мейдо, Далу и Коулан [\[343\]](#), до самых границ Шары, откуда он выступил с двухсоттысячным войском и пятью тысячами слонов, намереваясь окружить шемина в его столице. Подойдя к Пегу, где тиран находился в это время со всем своим двором, Шеминдо велел обнести город со всех сторон рвами и очень прочными валами и несколько раз пытался взять его приступом. Но проникнуть в Пегу оказалось не так легко, как он думал, так как осажденные оказали отчаянное сопротивление. Поэтому, изменив, как человек разумный, свой первоначальный замысел, он коварно заключил с тираном двадцатидневное перемирие на том условии, что по истечении этого срока тот вручит ему сто бис золота (что составляет пятьсот тысяч крузадо), а он откажется от всех прав и притязаний на королевство Пегу. Все это было, как я уже говорил, лишь притворством, ибо этим способом Шеминдо хотел добиться своего с наименьшими для себя потерями. Итак, перемирие наступило, все с обеих сторон успокоилось, и осажденные и осаждавшие стали общаться друг с другом. И вот в эти дни перемирия, за два часа до рассвета в лагере Шеминдо начинали сладкозвучно играть на местных инструментах, отчего все население города высыпало на городские стены, любопытствуя узнать, что эта музыка означает. Но тут она вдруг смолкала, и из рядов осаждающих выходил глашатай. Это был священник, почитаемый всеми за святого; очень грустным и проникновенным голосом он произносил следующее:

— О люди, люди, коих природа наделила слухом, чтобы слышать,

внемлите голосу святого военачальника Шеминдо, ясного зеркала, которому всевышний повелел вернуть вам прежнюю свободу и покой ваш. Сей муж от имени Киая Нивандела, бога сражений на поле Витау, запрещает всем вам поднимать руку против священного воинства, радеющего о благе народа пегу и кровного брата самого ничтожного из его бедняков. А если кто из вас выступит против этого войска рабов господних или помыслит учинить ему какой-либо вред, то быть ему проклятым, стать безобразным и черным, как сыновья ночи, которые с ядовитой слюной своего гнева испускают жестокие крики бешенства, пожираемые раскаленными деснами дракона усобицы, коего истинный бог всех божеств осудил на вечное проклятие. Тем же, кто, движимый братскими чувствами, покорно выполнит возвещаемое мною веление, будут дарованы вечный мир в этой жизни и много благ и богатств на том свете, и когда умрут они, души их очистятся и станут столь же угодными богу, как души святых, кои, танцуя в солнечных лучах, уносятся в место небесного упокоения, уготованного им господом.

После этого музыка начинала снова играть, но очень громко, и оглушительные звуки ее вместе со страшными угрозами глашатая производили столь сильное впечатление на осажденных, что только за семь ночей, в течение которых произносили эти речи, на сторону Шеминдо перешло свыше шестидесяти тысяч человек, ибо все слепо верили тому, что слышали, словно это были слова спустившегося с неба ангела. Когда осажденный тиран увидел, какой вред приносят ему увещания священника, способные в скором будущем вовсе лишить его войска, он на тринадцатый день понял, что дольше соблюдать перемирие нельзя, и, посоветовавшись со своими относительно того, что лучше всего предпринять при настоящих обстоятельствах, решил никоим образом не допускать дальнейшего окружения, ибо и десяти дней не потребовалось бы, чтобы окончательно взбунтовать народ и лишить его, шемина, всякой поддержки, а поэтому самое мудрое и разумное — выйти из города и сразиться с Шеминдо в открытом бою, прежде чем он успеет приобрести перевес. К осуществлению этого замысла приступили с возможной быстротой, и через два дня за час до рассвета сатанский шемин выступил из пяти ворот с восьмьюдесятью тысячами воинов, еще сохранившими ему верность, и, напав на неприятеля с великой яростью, под громкие крики и возгласы вступил с ним в бой. Войска Шеминдо, однако, не были застигнуты врасплох и отбивались с большой отвагой. Между противниками завязалась жестокая схватка, в которой и та и другая сторона проявили такое неистовство, что за каких-нибудь полтора часа, пока бой был

наиболее горячим, polegло более сорока тысяч человек. Закончился он тем, что сатанский шемин был сброшен со слона выстрелом из аркебуза некоего португальца по имени Гонсало Нето, уроженца Сетубала. После этого все осаждаемые сдались в плен, сдался также и город на том условии, что победители не посягнут ни на жизнь, ни на имущество жителей, после чего Шеминдо вступил в него и в тот же день в главной пагоде был коронован королем Пегу. Произошло это и субботу, 23 февраля 1551 года. Гонсало Нето за его подвиг было дано двадцать бис золота, что составляет десять тысяч крузадо, а остальным восьмидесяти португальцам Шеминдо выдал пять тысяч крузадо, оказал им многие почести, предоставил всякие вольности и снял с них пошлины на товары, каковые привилегии соблюдались вполне исправно и после.

Глава СХСІV

О том, что совершил Шеминдо после венчания королем Пегу; как Шаумигрен, молочный брат бирманского короля, напал на него с большим войском и какой исход имел происшедший между ними бой

Когда Шеминдо оказался на престоле Пегу мирным властителем всего королевства, он занялся совершенно иными делами, чем его предшественник, сатанский шемин. Ибо первой и главной заботой Шеминдо было приложить все возможные усилия к тому, чтобы обеспечить королевству мир и справедливость. В стране наступило великое успокоение и воцарилась такая законность, что ни один вельможа не дерзал посягнуть ни на кого из малых и беззащитных, сколь бы ничтожен тот ни был. Да и во всем прочем, что касалось управления королевством, Шеминдо соблюдал такую честность и беспристрастие, что все иноземцы, посещавшие в это время Пегу, только диву давались. Ибо в самом деле удивительно было видеть такие мир, согласие и единомыслие во всем народе. Подобное благополучие продолжалось три года с половиной [\[344\]](#), но тут Шаумигрен, молочный брат бирманского короля, которого убил сатанский шемин, как об этом было сказано выше, прослышав, что мятежи и войны, которые произошли в Пегу со времени появления сатанского шемина, унесли самый цвет государства и теперешний король Шеминдо терпит большую нужду во всем, что необходимо для обороны, решил попытаться вторично осуществить то предприятие, которое раз уже потерпело неудачу из-за гибели короля Бирмы. С этой целью он на собственные средства набрал огромное войско из чужеземцев, которым платил один золотой тинкал в месяц, что составляет пять крузадо на наши деньги, и 9 марта 1552 года выступил из своего родного города Тангу с войском в триста тысяч человек, в котором бирманцев было всего пятьдесят тысяч, все же прочие были моэны, шалеу, каламиньянцы, савади, панкру и ава [\[345\]](#). Большая часть этих народов принадлежала к тем, кто живет на внутренних землях к осту и к ост-норд-осту от Тангу на расстоянии более пятисот легуа, как это можно увидеть на карте [\[346\]](#), если только градусы на ней нанесены верно. Когда до нового короля Шеминдо дошли достоверные вести об этой шедшей на него рати, он подготовился выйти ей навстречу и дать противнику бой. Для этого он собрал в Пегу, где

продолжал пребывать, большое войско в девятьсот тысяч человек, но все это были пегу, народ вообще от природы слабосильный и притом значительно уступающий всем тем, кого я перечислил. Во вторник четвертого апреля, в полдень, узнав, что неприятельское войско расположилось в двенадцати легуа от него вдоль реки Мелейтай, он потратил весь этот день и следующую ночь на то, чтобы с возможной поспешностью построить свои войска, что потребовало не так много времени, ибо к бою они готовились уже давно и были хорошо обучены своими начальниками. На следующее утро в девять часов вся эта рать снялась с места и под звуки бесчисленных воинственных инструментов, не торопясь, перешла на ночевку к реке Понтареу и там остановилась. На следующий день вечером за час до захода солнца бирманец Шаумигрен показался с таким огромным войском, что оно растянулось почти на легуа с половиной, ибо у него было семьдесят тысяч всадников, двести тридцать тысяч пехотинцев и шесть тысяч боевых слонов, не говоря о тех, на которых перевозилась кладь и провиант. Но так как к этому времени уже почти стемнело, он предпочел переночевать у подножья горы, ибо так было безопаснее. Ночь прошла в бдительном наблюдении за неприятелем, все время и с той и с другой стороны раздавались громкие возгласы и крики. Едва в субботу 7 апреля 1552 года в пять часов утра стал заниматься день, оба войска двинулись к реке Понтареу с совершенно противоположными намерениями. Бирманец хотел перейти ее вброд и подняться на холм, возвышавшийся на другом берегу реки, а Шеминдо решил этому помешать. Завязалась перестрелка, во время которой были убиты и с той и с другой стороны около пятисот человек. Но, несмотря на продолжавшуюся весь день перестрелку, Шаумигрену удалось все же добраться до выбранной им позиции, и он оставался там всю ночь, жег костры и бдительно следил за противником. На следующий день, как только рассвело, король Пегу Шеминдо двинул свое войско на противника, Шаумигрен от встречи не уклонился, и между ними завязался ожесточеннейший бой, разжигаемый взаимной ненавистью пегу и бирманцев. Оба авангарда, в которые входили главные силы противников, бились друг с другом так неистово, что через каких-нибудь полчаса все поле оказалось покрыто трупами. Здесь-то и сказалась слабость пегу. Шеминдо, видя, что его жестоко израненные воины начинают отступать, кинулся к ним на помощь с тремя тысячами слонов, нападшими на семьдесят тысяч конницы с такой неустрашимостью, что бирманцы вскоре утратили все ими завоеванное. Но Шаумигрен, как человек более опытный в военных делах, сообразил, каким образом еще можно добиться победы:

он сделал вид, что разгромлен и отступает, а Шеминдо, приняв все за чистую монету и желая добить врага, стал подбадривать своих, преследуя его почти четверть легуа. Но в это время бирманцы повернулись вспять и с устрашающим криком, заставившим дрожать не только людей, но воздух, землю и все остальные стихии, набросились на пегу с сокрушающей силой. Бой завязался вновь, и через несколько мгновений воздух уже пылал огнем, а земля утопала в крови, ибо феодалы и военачальники пегу, увидев своего короля в самой гуще боя и почти побежденного, все устремились ему на помощь. В свою очередь, на помощь Бирманцу пришел его брат Паноусорай с сорока тысячами войска и двумя тысячами слонов. Когда же войска столкнулись, кровопролитное это сражение сделалось таким, что нет слов его описать. А поэтому я не скажу ничего больше, как только то, что за полчаса до захода солнца из девятисоттысячного войска пегу, как потом рассказывали, четыреста тысяч полегло, остальные же были жестоко изранены. Шеминдо по совету приближенных скрылся. И так как победил Шаумигрен [\[347\]](#), он в этот же день засветло короновался королем Пегу теми же самыми регалиями — мечом, скипетром и короной, которыми в свое время был коронован убитый сатанским шемином бирманский король. Однако скоро стемнело, и ничем больше, кроме расстановки наблюдательных постов и перевязки раненых, заниматься было нельзя.

Глава СХСV

О большом мятеже, вспыхнувшем в лагере нового бирманского короля, о причинах его и о том, чем он закончился

На следующее утро все победители, как здоровые, так и раненые, пошли грабить убитых, ибо язычники, как я это, кажется, уже говорил, идут на войну, надев на себя все свои драгоценности, будь то золото или самоцветы, а многие из павших были богатыми людьми. После того как солдаты удовлетворили свою алчность, новый государь этого злополучного королевства снялся с лагеря и направился в город Пегу, находившийся в трех легуа с небольшим, однако, не желая вступать в город в этот же день по некоторым соображениям, о которых речь будет дальше, он стал лагерем в поле, называемом Сундай-Патир, в половине легуа с небольшим от города, позаботившись расставить у двадцати четырех его ворот по пятьсот всадников стражи во главе с бирманскими начальниками. Тут он простоял пять дней, не решаясь войти в столицу, ибо опасался ее разграбления, чего требовали от него наемные войска, напоминая ему обещания, данные им еще в Тангу. А так как военному люду, живущему на жалованье, свойственно не уважать ничего, кроме собственной выгоды, наемники, видя, что король мешкает и оттягивает вступление в город, пришли в большое возбуждение, и некоторые подняли мятеж по наущению одного португальца из Брагансы по имени Кристован Сарменто, человека надменного, но очень храброго и отличного военачальника. И так как мятеж вскоре принял угрожающий характер, бирманский король укрылся в надежно защищенной пагоде со своими бирманцами до следующего утра, когда в девять часов между королем и мятежным войском начались переговоры. Наступило некоторое успокоение. Выйдя на монастырскую стену, король громко, чтобы все его слышали, объявил о своих намерениях.

— Доблестные военачальники и друзья мои, хоть вы и не слишком строго соблюдаете верность и послушание, в которых вы клялись мне в Тангу, я велел вас призвать в эту священную усыпальницу, чтобы в ней, подкрепив искренность слов моих торжественной клятвой, открыть вам мои замыслы. Преклонив колени и воздев руки к небу, беру в свидетели Кияя Нивандела, бога сражений на поле Витау, и умоляю его выступить судьей между мной и вами. Пусть он лишит меня языка, если я солгу в том,

что я вам скажу. Я отлично помню обещание, данное вам в Тангу, и то, что я обязался дать вам город на разграбление, как для того, чтобы храбрость ваша послужила орудием моей чести, так и для того, чтобы удовлетворить вашу алчность, ибо к стяжательству вы питаете большую склонность. Обещание это, выполнить которое я поручился своею честью, налагает на меня обязательства, кои я не намерен отрицать. Но когда я думаю о тех последствиях, которые повлечет за собой разграбление города, и вспоминаю о близком отчете в поступках моих, который мне придется дать перед правым судом всевышнего, меня охватывает страх и я не дерзаю брать на себя столь тяжкий грех. Разум подсказывает мне, что лучше погрешить перед вами, чем вызвать гнев божий, ибо несправедливо, чтобы ни в чем не повинные люди расплачивались за виновных, которые уже понесли наказание, пав в минувшем бою от ваших рук. А посему умоляю вас, как чад моих единокровных, уважить мои добрые чувства и не раздувать далее огонь, в котором сгорит моя душа, если пойдет на это преступление, ибо вы видите, как справедливо то, что я вас прошу, и как несправедливо было бы отказать мне в моей просьбе. Но чтобы не лишить вас вовсе обещанной вам награды, постараюсь частично возместить вам то, чего вы лишаетесь, расплатившись с вами по справедливости всем тем, чем богата моя казна, я лично и государство.

Начальники мятежников, выслушав оправдание короля и данные им обещания, согласились принять его условия, попросив, однако, не забывать о требованиях солдат, ибо было необходимо считаться с ними. На это король им ответил, что они правы и что во всем он будет руководствоваться тем, что покажется начальникам наиболее правильным. Чтобы окончательно уладить разногласия, решено было прибегнуть к третейскому суду. Мятежники должны были выставить трех судей, и то же количество должен был выставить и король, так, чтобы в общей сложности их получилось шесть. Далее, для большей беспристрастности сочли, что трое из шестерых должны быть монахами, а остальные трое иностранцами. Договорившись по этому вопросу, стали думать, кого из монахов взять в судьи, и обе стороны остановили свой выбор на трех менигрепо пагоды, посвященной Киаю Хифарону, богу бедноты, а относительно трех других, которые по условию обязательно должны были быть иностранцы, решили бросить жребий между королем и мятежниками, какой стороне избирать одного, а какой двоих. И было господу нашему угодно сделать так, что выбирать двоих выпало королю, ибо по милости господней он назначил обоих из числа ста восьмидесяти португальцев, тогда проживавших в городе, из коих один оказался Гонсало Пашеко, фактор по гуммилаку его

величества короля Португалии, дворянин, человек благородный и очень честный, а другой — всеми уважаемый купец по имени Нуно Фернандес Тейшейра, которого новый король знал еще при старом короле и о котором был очень высокого мнения. Военачальники мятежников также избрали иностранца, но кого, я тогда не узнал. Когда состав суда был определен, для скорейшего разрешения вопроса вызвали судей, ибо король боялся покидать пагоду, не покончив с этим делом, так как хотел мирно распустить свое войско еще до торжественного въезда в город, считая, что если впустить туда солдат, они, возможно, не устоят перед соблазном его ограбить. С этой целью в ту же ночь король послал конного бирманца в квартал, где жили португальцы, которые не менее пегу опасались грабежа и поголовного истребления жителей. Подъехав к городу, бирманец громким голосом (ибо так принято у них говорить королевским гонцам) спросил, где живет начальник португальцев, после чего, не зная, что это все означает, гонца проводили туда, куда он был направлен. Когда бирманец оказался перед Гонсало Пашеко, он сказал ему:

— Природе всевышнего, создавшего твердь небесную, столь же свойственно пробуждать в людях добро, предотвращающее зло, как и супостату всевышнего — дракону возвращать в груди их беспокойный, мятежный дух, нарушающий мир, который позволяет нам жить согласно заповедям господним. Некий злой человек из вашего народа высек адскую искру из груди своей, запалил пламя, раздутое дыханием усобицы, и вызвал среди шаланов, мелейтаев и савади, входящих в войско повелители моего, мятеж, вызванный низостью и алчностью бунтовщиков и их главаря. Зло, порожденное им, привело к тому, что рать короля едва не погибла, три тысячи бирманцев поплатились жизнью, а над самим государем нависла немалая угроза, и ему пришлось укрыться в пагоде, где он и поныне пребывает, не решаясь довериться чужеземным наемникам. Для умиротворения этой смуты пожелал господь, отец святого согласия, вселить в сердце короля решение вынести эти невзгоды как подобает мудрецу, дабы благоразумием своим успокоить сердца этих мятежных и крамольных народов, обитающих в самых пустынных пределах Моэнских гор [{348}](#). Да проклянет их бог среди всех людей! И вот, для того чтобы воцарились мир и согласие между королем и начальниками бунтовщиков, был заключен договор, соблюдать который поклялись обе стороны, согласно которому государь мой, дабы избавить город сей от потока и разграбления, обещал солдатам выдать из собственной казны все, что постановят своим приговором шесть человек, избранных третьей судьями в этом деле. Четверо судей уже вызваны и ждут тебя и другого

португальца, которых избрал король со своей стороны, чтобы начать обсуждение. Имя его написано в этом письме, которое удостоверяет тебя в истинности моих слов.

Тут он вручил Гонсало Пашеко послание бирманского короля, которое тот принял, став на колени и положив его себе на голову со всеми положенными знаками почтения, что бирманцу доставило большое удовольствие.

— Верно, хорошо знал повелитель наш король, кто ты такой, — сказал он, — если избрал тебя судьей его чести и распорядителем его имущества.

Гонсало Пашеко немедленно прочел письмо всем присутствующим португальцам, которые выслушали его с обнаженными головами. Гласило оно следующее:

«Фиолетовая жемчужина перед взором моим, друг капитан Гонсало Пашеко, столь же праведный в безмятежности жизни своей, сколь самый святой менигрепо, живущий отшельником в лесу. Я, прежний Шаумигрен, а ныне венчанный королем четырнадцати государств земли, каковые после смерти святого государя моего и повелителя господь ныне передал в мое владение, посылаю тебе улыбку моих уст, дабы ты стал так же любезен со мной, как и те, кого я в праздничные дни сажаю за пиршественный стол свой. Наслышавшись о тебе, возжелал я в сердце своем избрать тебя в судьи по некоему важному делу, а посему и послал к тебе, равно как и к великому другу моему Нуно Фернандесу Тейшейре, истинному слитку червонного золота, сего гонца, дабы известить вас, что вам надлежит скорейшим образом явиться ко мне и выполнить ту обязанность, которую я вам доверил. Что же касается вашей безопасности, ибо, знаю, недавний бунт должен был исполнить вас страхом, тревоги не имейте, слово мое, подкрепленное клятвой богопомазанного короля, пусть будет тому порукой как вам, так и всем прочим из вашего народа, исповедующим бога вашей веры».

Услышав это обещание, мы были глубоко тронуты и решили, что оно явилось с небес по особой милости божьей, дабы вселить в нас спокойствие и уверенность, что на жизнь нашу никто не покусится, в чем мы до тех пор сомневались. Гонсало Пашеко и Нуно Фернандес с десятью другими португальцами, нарочно для этого выбранными, собрали подарок из многих драгоценных товаров, чтобы отвезти королю, и в ту же ночь, за час до рассвета, отправились к нему вместе с бирманцем, потому что обстановка и нетерпение короля не давали медлить.

Глава СХСVІ

О приговоре, который вынесли шесть третейских судей по этому делу, и о въезде Шаумигрена в город Пегу

Гонсало Пашеко, Нуно Фернандес и остальные португальцы через час после восхода солнца прибыли в лагерь, где их по приказанию короля встретил Жибрайдан, повелитель Мейдо, один из самых главных военачальников бирманского войска, которого король держал при своей особе и которому полностью доверял. При нем было более ста всадников и шести булавоносцев. Все они отправились в пагоду, в которой укрывался король, и были им очень радушно приняты, причем государь оказал Нуно Фернандесу особые почести. Поговорив с португальцами о разных разностях, он перешел к важному делу, ради которого он их призвал, и настойчиво советовал им отстаивать скорее интересы мятежных военачальников, нежели его собственные, ибо, как он уверял, действуя так, они доставят ему удовольствие, и так далее и тому подобное. После чего тот же самый бирманец отвел их в палатку, где их уже ожидали четверо выборных судей, главный казначей и два писца.

Утихомилив толпившихся вокруг палатки, выборные начали обсуждать дело, по поводу которого они собрались. Было высказано несколько точек зрения, на изложение коих потратили большую часть дня. Но в конце концов все пришли к выводу, что, хотя король в Тангу и обещал наемникам отдать на поток и разграбление все населенные места, которые будут захвачены силой оружия, и слово свое ему надлежало бы сдержать со всей точностью, однако, принимая во внимание, что выполнение этого обещания нанесло бы великий ущерб ни в чем не повинным людям и не могло не оскорбить всевышнего, третейский суд приговором своим постановляет, что король во исполнение своего обещания должен из собственной казны выплатить всему войску тысячу бис золота, распределенных по весу и счету между военачальниками каждой страны, а войска, как только они получают свои деньги, должны переправиться на другой берег реки и оттуда беспрепятственно уйти в свои земли. Однако им должно быть уплачено и жалованье по день мятежа, которое им задолжали, а также выдано провианта на двадцать дней пути.

Оглашение этого приговора было встречено ликованием и с той и с другой стороны. Король приказал немедленно выполнить решение, но, не

удовлетворившись выплатой указанной суммы, пожаловал военачальникам и офицерам еще всяческие подарки, чем доставил им всем большое удовольствие. Таким образом, был произведен окончательный расчет с мятежниками, и король никогда уже больше не собирался прибегать к их помощи, так как потерял к ним всякое доверие. Он приказал также, чтобы каждое войско разбилось на отдельные тысячи, дабы не возбуждать при проходе подозрений и не дать солдатам возможности, пользуясь своею численностью, грабить селения, через которые им придется проходить. Бывшие мятежники покинули лагерь на следующий же день.

Гонсало Пашеко и Нуно Фернандесу Тейшейре король велел выдать за то, что они представляли его в этом третейском суде, десять бис золота, кои целиком оплатили подарки, которые они ему преподнесли. Кроме этого, португальцам было выдано собственноручно написанное королем разрешение ездить в любое время в Индию и обратно, не платя пошлин за свои товары, что им показалось ценнее всех денег, которые им могли заплатить, ибо уже в течение трех лет правившие в Пегу короли не выпускали португальцев из страны, всячески угнетали и притесняли их, а события, описанные мною выше, нередко заставляли их трепетать за свою жизнь.

В тот же вечер глашатаи на конях объявили, что на следующий день в Пегу должен мирно вступить король, по немалой милости своей за счет великих издержек из собственной казны избавивший город от разграбления, и что всякому, кто покусится на жизнь или имущество жителей, угрожает жестокая казнь. Итак, на следующий день в девять часов утра король покинул пагоду, служившую ему убежищем, и в десять часов прибыл в город через ворота под названием Сабамбайнья, где был встречен пятью тысячами священников всех двенадцати имеющихся в этой стране сект, пришедших приветствовать его торжественной процессией. Один из них, кабизондо, произнес по этому случаю речь, вступление к которой звучало так:

— Благословен и прославлен будь господь, истинно достойный быть признанным всеми за господина, о святых делах коего, свершенных его божественными руками, свидетельствует и ясный день, и украшенная светилами ночь, равно как и все, что милосердие его сотворило в нас самих; его бесконечному могуществу угодно было поставить тебя властелином над всеми царями сей земли, а посему, видя, что ты являешься любимцем его, мы просим тебя, государь наш, не вспоминать о прошлых ошибках и преступлениях наших отныне и впредь, да успокоится печальный народ твой и утешится обещаниями, произнесенными ныне

твоим королевским величеством.

И все пять тысяч грепо, простершись пред ним и воздев руки, повторили эту просьбу оглушительным хором голосов:

— Даруй, господин и государь наш, мир и прощение всем народам королевства сего, да не будет терзать их страх за вину свою, в коей они открыто приносят тебе повинную.

На что король ответил, что охотно прощает их и клянется в том головой святого Киая Нивандела, бога сражений на поле Витау.

Услышав эти слова, народ простерся ниц и воскликнул:

— Да дарует тебе всевышний на веки веков победу над врагами твоими, и да возложишь ты стопы свои на головы их.

Тут все в великой радости заиграли на множестве весьма нестройных и варварских инструментов, а кабизондо возложил на голову нового короля богатую золотую корону, напоминающую митру, в которой он и вступил в город весьма торжественно и величественно. Перед ним шествовали взятые им в плен слоны, ехали повозки, волоча по земле сорок отобранных знамен и перехваченную толстой железной цепью статую побежденного Шеминдо [{349}](#). Сам победитель ехал на огромном слоне с золотой сбруей, окруженный сорока булавоносцами, всеми феодалами и военачальниками; они шли пешком, держа на плече мечи с богатыми золотыми инкрустациями. Затем следовало шесть тысяч латников королевской охраны, три тысячи боевых слонов с причудливыми башенками на спинах, а также много разных людей, как пеших, так и конных, счета которым я не вел.

Глава СХСVII

Как был обнаружен и доставлен бирманскому королю Шеминдо и какова была его судьба

После того как бирманский король двадцать шесть дней мирно процарствовал в городе Пегу, он решил, что в первую очередь ему необходимо завладеть главнейшими крепостями королевства, сохранявшими верность Шеминдо, так как там не знали еще о его поражении. Поэтому Шаумигрен послал туда своих военачальников с письмами самого дружественного содержания, называя в них жителей порой даже чадами своей души, даруя им полное прощение за прошлое, торжественно обещая им в будущем мир, спокойствие и справедливость во всем, освобождение от налогов и каких-либо притеснений, мало того — суля им те же милости, что и бирманцам, служившим ему в войне. К этому он прибавлял еще много приличествующих случаю и отвечающих его целям речей, подтвержденных письмами, написанными жителями города Пегу, в которых последние обстоятельно перечисляли все льготы и милости, исходившие от нового государя. Все это, разнесенное молвой, уже повсюду трубившей о благодеяниях Шаумигрена, быстро подействовало, и на сторону короля перешли все военные силы, то же сделали отдельные селения, города, области и провинции королевства. Таким вот образом Бирманец заново завоевал и подчинил себе страну, которую, как мне представляется, можно назвать лучшей, обильнейшей и наиболее богатой золотом, серебром и драгоценными камнями из всех известных мне стран мира.

Благополучно завершив покорение Пегу, бирманский король поспешил разослать по всему королевству множество всадников на поиски Шеминдо, которому, как я уже говорил, удалось, хоть и раненому, спастись. Но, к несчастью для него, он был опознан в деревне Фанклеу в одной легуа от города Потена, через который проходит граница между Пегу и Араканским королевством [\[350\]](#), и с ликованием доставлен бирманскому королю неким простолюдином, который за это получил от короля земли, приносившие ему дохода тридцать тысяч крузадо в год. Король велел привести к нему Шеминдо, и когда тот предстал пред ним в наручниках, с железным ошейником на шее, насмешливо приветствовал его:

— В добрый час, король Пегу, можешь поцеловать этот пол, ибо его коснулись мои стопы. Из этого ты можешь заключить, как расположен я к тебе, раз оказываю тебе честь, о которой ты не мог и помыслить.

А так как Шеминдо не отвечал на это ни слова, король продолжал издеваться над несчастным, простертым у его ног:

— Как это понять? Речи ты, что ли, лишился, увидев меня, или онемел от счастья, что тебе оказали такую честь? Чего не отвечаешь на мои вопросы?

На это Шеминдо, уязвленный оскорблениями или неспособный уже больше владеть собой, ответил:

— Если бы тучи небесные, и солнце, и луна, и все творения, кои создал всевышний на благо человеку, дабы украсить ими величие небес и раскрыть перед нами сокровища его могущества, обрели язык и устрашающими раскатами грома могли выразить тем, кто видит меня так, как ныне я вижу себя перед тобой, великую скорбь, в которой томится моя душа, они бы ответили за меня и изъяснили причины, почему я немотствую в этом месте, куда привели меня мои грехи, но так как ты не можешь быть судьей того, о чем я говорю, ибо ты и обвинитель мой, и исполнитель своего же приговора, я не отвечу тебе, хоть и ответил бы милосердному господу нашему, который, как бы тяжка ни была моя вина, сострадательно взглянул бы даже на единую слезу, пролитую мной в сокрушении.

И, пав ничком на землю, дважды попросил дать ему воды, король же бирманцев, дабы огорчить его еще сильнее, приказал, чтобы эту воду принесла Шеминдо его любимая дочь, которую Бирманец держал в плену и после водворения своего в Пегу отдал в жены принцу Наутирскому, сыну короля Авы. Как говорили, молодая женщина, увидев отца, простертого на полу, бросилась к его ногам, обняла его и, трижды поцеловав его, произнесла, заливаясь слезами:

— О отец, господин и король мой, умоляю вас во имя великой любви, которую я всегда к вам питала, не отстраняйтесь от объятий моих и возьмите меня в скорбный свой путь, дабы при вас нашелся человек, способный утешить вас глотком воды, если свет за грехи мои отказывает вам в том уважении, которое принадлежит вам по праву.

На это отец, как рассказывали, несколько раз порывался ответить, но не смог, ибо великая любовь, которую испытывал он к дочери, лишила его языка. Он снова упал ничком и пролежал так без чувств долгое время. Некоторые из присутствующих при этом вельмож не могли удержаться от слез. Это заметил бирманский король и, зная, что вельможи эти пегу и

бывшие вассалы Шеминдо, а посему сомневаясь в их верности, приказал им тут же отрубить головы, гневно воскликнув:

— Если вам так уж жалко вашего короля, отправляйтесь вперед и приготовьте на том свете ему покои, он, надо думать, вознаградит вас за верность.

После чего, еще более распалившись, велел убить и дочь Шеминдо, обнявшую бесчувственного отца, совершив зверскую жестокость, ибо не хотел признавать даже естественного проявления чувств. А так как и вид Шеминдо ему тоже опостылел, он велел его бросить в тесную тюрьму, где тот провел последнюю свою ночь под надежной охраной.

Глава СХСVIII

Как отвели на казнь Шеминдо и как его казнили

Едва наступило следующее утро, по городу было громогласно объявлено о том, что всем надлежит присутствовать при казни несчастного Шеминдо, бывшего короля Пегу. Сделано это было для того, чтобы, убедившись воочию в его смерти, народ потерял всякую надежду вернуть его на престол, чего все желали, предсказывая, что когда-нибудь так и будет. Дело в том, что Шеминдо был пегу, а Бирманец чужаком [\[351\]](#), а все пегу чрезвычайно боялись, как бы вскорости новый король не уподобился последнему, убитому сатанским шемином, бирманскому королю, проявившему у них такую ненасытную жестокость, что не проходило дня, за который он не казнил бы пятисот человек и более, а бывали дни, когда отрубалось и четыре и пять тысяч голов — и все это за самые незначительные проступки, за которые, будь в стране настоящее правосудие, не полагалось бы вообще никакого наказания.

Было уже около десяти часов утра, когда несчастного Шеминдо извлекли из его подземной темницы и повели на казнь. Происходило это следующим образом. Спереди, чтобы расчистить шествию путь, ехало сорок всадников с пиками в руках, а за ними столько же с обнаженными мечами; все они призывали народ, собравшийся в несметных количествах, посторониться; далее следовало множество воинов, по подсчетам очевидцев, не менее полутора тысяч числом, вооруженных аркебузами и держащих зажженные фитили наготове. За этими людьми (которых они называют «тише лакаухо», что означает «подготовители гнева короля») шло сто шестьдесят вооруженных слонов с башнями, покрытыми шелковыми балдахинами, расположены они были по пять в ряд, что составило тридцать две шеренги. Далее таким же порядком, по пять в шеренгу, ехали с черными знаменами, на которых были изображены кровавые пятна, пятнадцать всадников, громко возглашавших:

— Внемлите, несчастные люди, снедаемые голодом, коих непрестанно преследует судьба, властному воззванию десницы возмездия, карающей тех, кто оскорбил своего повелителя, дабы в памяти вашей запечатлелся ужас уготованной им казни.

Затем ехали еще пятнадцать всадников, одетых в ярко-красные одежды, придававшие им страшный и зловещий вид. Под пятикратный

звон трех колоколов они громко произносили столь печальными голосами, что вызывали слезы присутствующих:

— Этот суровый приговор велит привести в исполнение бог живой, господин правды, стопы чьих священных ног суть волосы наши, повелевающий, чтобы ныне казнен был Шери Шеминдо, захватчик земель великого бирманского короля, властителя Тангу.

Этим возгласам шествующие впереди громко вторили: «Faxio turque rapan acoutamido», — что означает: «Да погибнет содеявший это, и да не будет ему пощады!» Следом ехало пятьсот бирманских всадников, а за ними пехотинцы с круглыми щитами и обнаженными мечами, некоторые из них в нагрудных панцирях и кольчугах. Последние со всех сторон окружали осужденного на казнь. Его усадили без седла на тощего одра, на крупе которого сидел палач, поддерживавший его под руки. Страдалец был так нищенски одет, что тело его проглядывало сквозь дыры. И как верх унижения на голове его был надет шутовской венец наподобие кольца из соломы, который подкладывают, когда садятся на урыльник. Снаружи венец был весь обвешан раковинами, нанизанными на синие нитки, а на шею осужденному поверх железного ошейника, в который он был закован, накинули вместо ожерелья связку репчатого лука. Но, несмотря на то что Шеминдо ехал в этом унижительном наряде и лицо у него было как у мертвеца, выражение его глаз, которые он время от времени подымал, говорило, что царь — он, и это с такой суровой мягкостью в выражении лица, что нельзя было удержаться от слез. Вокруг осужденного, кроме описанной охраны, ехали еще тысячи всадников попеременно с боевыми слонами. Миновав двенадцать главных улиц города, на которых собралось бесчисленное множество народа, шествие достигло наконец улицы под названном Сабамайня. Отсюда Шеминдо (как я уже, кажется, говорил) всего двадцать восемь дней назад выходил на бой с Бирманцем. Тогда выход Шеминдо был такой торжественный и пышный, что, по словам всех тех, кто был тому очевидцами, а свидетелем его был и я, он представлял собой одно из самых великолепных зрелищ подобного рода, которые когда-либо приходилось видеть людям. В свое время я нарочно воздержался от его описания, как потому, что не дерзнул при своих слабых способностях живописать такую картину, так и потому, что боялся, если бы я изобразил все как было, прослыть лжецом во всем, что я рассказываю. Но так как я собственными глазами видел оба этих события, если я и обойду молчанием великолепие первого, я желаю расписать всю убогость второго, чтобы на примере столь великой перемены, происшедшей всего за каких-нибудь несколько дней, люди уразумели, как мало следует ценить

земное благополучие и все блага, которые дарует изменчивая и лживая фортуна. Проходя по улице Сабамбайнья, несчастный осужденный приблизился к тому месту, где стоял наш капитан Гонсало Пашеко с остальными ста с лишним португальцами, среди которых оказался человек низкого происхождения и низкой души. Если верить его словам, два года назад, когда страной правил еще Шеминдо, этот человек обратился к Шеминдо с жалобой на какую-то совершенную у него кражу, но не был выслушан с достаточным вниманием. Этот глупец до сих пор не позабыл своей обиды, и сейчас, едва несчастный поравнялся с местом, где находились Пашеко и прочие португальцы, извергая неразумные и бесполезные слова, решил, что сможет наконец отомстить обидчику, и закричал так, что все его услышали:

— Разбойник Шеминдо, припомни-ка день, когда я пришел жаловаться тебе на то, что меня обокрали. Почему не наказал ты виновных, которых я тебе назвал? Ну что ж, сегодня ты рассчитаешься по заслугам за все свои дела, а я сегодня еще поужинаю куском твоего мяса, которым поделюсь со своими собаками.

Несчастный осужденный, услышав слова этого безрассудного человека, поднял глаза к небу и после некоторого размышления повернулся к нему и сказал:

— Прошу тебя, друг, во имя доброты того бога, в которого ты веришь, прости мне то, в чем я, по словам твоим, перед тобой провинился, и вспомни, что не христианское это дело поминать бывшее человеку в столь тяжелом положении, как мое, когда тебе это понесенной тобой утраты не вернет, а меня лишь тревожит и огорчает.

Гонсало Пашеко, услышав слова своего соотечественника, велел ему замолчать, что тот и сделал, после чего Шеминдо, сохраняя серьезное выражение, взглянул на Пашеко с признательностью и, немного успокоившись, видимо, чтобы отблагодарить его хотя бы словами, поскольку сделать это иначе он не мог, произнес:

— Ничего бы больше я сейчас не хотел, будь на то божья воля, как лишний час жизни, чтобы принять ту веру, которую вы исповедуете, ибо вы, как мне не раз говорили, поклоняетесь единственно истинному богу, между тем как все иные ложны.

Услышав это, палач так ударил его по лицу, что кровь потекла у него из носа; но несчастному удалось остановить ее руками, несмотря на стеснявшие его оковы, после чего он сказал палачу:

— Оставь мне, брат, немного крови, чтобы тебе было на чем стушить мое мясо.

Следуя своим порядком, шествие достигло того места, где должна была свершиться казнь. Шеминдо к этому времени был уже настолько плох, что почти ничего не понимал. Он поднялся на высокий эшафот, особо воздвигнутый, и должен был выслушать приговор, который очень громким голосом прочитал с некоего подобия кафедры чиновник суда. Содержание его можно было бы выразить в следующих немногих словах:

«Бог живой глав наших, венчанный короной царей Авы, повелевает предать смерти изменника Шеминдо, возмущившего племена земли сей и бывшего всегда смертельным врагом бирманского народа».

Произнеся эти слова, он сильно махнул рукой, и палач единым махом отрубил Шеминдо голову и показал ее бесчисленному народу, столпившемуся у эшафота. После этого палач разрубил тело казненного на восемь частей, отложив кишки и прочие внутренности в сторону, и прикрыл все куском ткани желтого цвета, считающегося у них траурным. Так тело Шеминдо пролежало почти до ночи, после чего было предано сожжению так, как будет описано ниже.

Глава СХСІХ

О том, как бирманский король вернул казненному Шеминдо отобранное у него государство и каким образом последний был погребен

Разрубленное на восемь кусков тело Шеминдо было выставлено на всеобщее обозрение до трех часов пополудни. Народ валом повалил смотреть на королевские останки, как опасаясь кары, ожидавшей уклонившихся, так и потому, что священники всем побывавшим на месте казни отпускали все грехи (это называется у них «ашипаран»), не требуя, если виновник совершил кражу, никакого возвращения украденного владельцу. В три часа, когда шум и крики смолкли, после того как глашатаи под страхом тягчайших наказаний потребовали тишины, раздалось пятнадцать ударов в колокол с перерывами после каждых трех ударов. По этому сигналу из деревянного дома, находившегося в пяти или шести шагах от эшафота, вышло двенадцать мужчин в черных одеждах, обрызганных кровью. Лица у них были закрыты; все они держали серебряные булавы на плечах. За ними последовало двенадцать талагрепо, о которых я уже несколько раз говорил, что таков у них самый высокий сан среди языческого духовенства и что народ почитает их за святых. Вслед за ними появился шемин Покасера, дядя бирманского короля, которому по внешнему виду можно было дать более ста лет. На его одежде были также траурные эмблемы. Окружали его двенадцать маленьких мальчиков в богатых одеждах с украшенными насечкой мечами на плечах. Последний, в знак величайшего почтения, с множеством церемоний, трижды простершись ниц, со слезами на глазах произнес, как бы обращаясь к покойному, следующие слова:

— О, священная плоть, драгоценнее всех королей Авы, белая жемчужина стольких каратов, сколько частиц движется в солнечных лучах, возведенная всевышним на вершину почестей и скипетром своим повелевавшая ратями могущества царей, я, незначительнейший муравей кладовой твоей, поселившийся в великом изобилии забытых тобою крошек и столь несхожий с тобой в ничтожестве своем, что едва могу быть замечен твоим зраком, прошу тебя, повелитель главы моей, во имя свежего луга, на коем ныне отдыхает душа твоя, выслушать опечаленным своим слухом то, что выскажут тебе перед всем народом уста мои, дабы получил ты

удовлетворение за беззаконие, совершенное с тобою на земле. Оретанау Шаумигрен, брат твой, владетель Савади и Тангу, устами недостойного раба твоего просит тебя, прежде чем ты расстанешься с этой жизнью, милостиво простить ему все, чем он мог оскорбить тебя в прошлом, и взять себе во владение сие государство, которое он возвращает тебе целиком и полностью, ничего не удержав, и заявляет через меня, вассала своего, что, добровольно отрекшись от него в твою пользу, он остается чист перед тобою, так что все жалобы на него, которые ты мог бы направить с того света, не будут услышаны, а чтобы наказать себя за те огорчения, которые он тебе причинил, он соглашается в земном изгнании быть надзирателем и опекуном этого подаренного тебе королевства Пегу и клянется всегда исполнять на земле то, что ты прикажешь ему с небес, при условии, что ты разрешишь ему пользоваться плодами ее, словно милостыней, поданной ему на пропитание, ибо иначе он не сможет быть держателем этой земли, менигрепо никогда на это не согласятся и в час смерти не отпустят ему его грехов.

На это одни из присутствующих при этом священников, пользовавшийся, очевидно, большим противу других весом, ответил как бы устами умершего:

— Поскольку, сын мой, ты признаешь прошлые свои заблуждения и перед всем собравшимся здесь народом испросил у меня прощения, прощаю тебя от души и радуюсь, что в этом королевстве оставляю тебя отныне пастырем стада своего при условии, что ты не нарушишь данной мне клятвы, ибо этим ты совершил бы столь же великий грех, как если бы ты наложил сейчас руку на меня без разрешения на то всевышнего.

Тут весь народ принялся кричать:

— Mitay curtaraο, dapanο, dapanο! — что означает: «Да разрешит это господь наш, господь наш».

А священник, поднявшись на агрен, или кафедру, и обратившись к народу, продолжал:

— Дайте мне как благодарственный дар часть слез, пролившихся из глаз ваших, чтобы душа моя могла испить их, услышав радостное известие, что Шаумигрен наш остается на этой земле по воле божьей и не обязан ничего никому возвращать [\[352\]](#). А посему возрадуйтесь и вы, как добрые и верные подданные его.

При этих словах собравшийся народ пришел в такое возбуждение, что радостно захлопал в ладоши, оглашая воздух страшными криками:

— Eχirau οραειm! — что означает: «Прославлен будь, господин».

Когда с этим было покончено, исполненные благочестивого рвения

священники забрали куски покойного короля вместе с внутренностями и всем, что было из него извлечено, отнесли их со знаками величайшего почтения на место, расположенное несколько ниже, и возложили на костер из драгоценных пород сандала, орлиного дерева и стиракса, после чего три священника подожгли его с трех сторон. Затем, следуя какому-то диковинному обряду, совершили множество жертвоприношений животных, по большей части баранов, которым они отсекали головы.

Тело горело всю ночь до утра; пепел был собран и уложен в серебряную раку и отнесен торжественной процессией, в которой участвовало более десяти тысяч жрецов, в храм Киая Лакаса, бога тысячи божеств, где его поместили в нишу наподобие придела, всю покрытую золотом. Таков был конец короля Пегу Шеминдо, которого те два года с половиной, что он правил, чтили так, как, сдается мне, не чтили никакого другого монарха. Но так уж устроен свет.

Глава СС

Как из королевства Пегу я отправился в Малакку, а оттуда в Японию и о чрезвычайном происшествии, которое там имело место

Смерть доброго сиамского короля и прелюбодеяние преступной королевы, его супруги, о которых я выше подробно сообщал, положили начало и были первопричиной распрей и жестоких войн, свирепствовавших в Пегу и в Сиаме в течение трех с половиной лет и приведших к великому кровопролитию и разорению, как явствует из того, что я только что рассказал. В конечном счете бирманский король Шаумигрен сделался безраздельным властителем королевства Пегу. Но больше я сейчас о нем говорить не буду и перейду к событиям в других странах, пока этот самый бирманский король Шаумигрен не пойдет походом на королевство Сиам с таким огромным войском, которого даже в Индии не собирал еще ни один король, ибо числило оно миллион семьсот тысяч воинов и шестнадцать тысяч слонов, из коих девять тысяч было грузовых, а семь тысяч боевых. Эта экспедиция, как мне потом говорили, стоила нам гибели двухсот восьмидесяти португальцев, в число которых вошли два монаха-доминиканца, которые в то время проповедовали в этих краях. Но сейчас я хочу вернуться к тому, от чего я уже столько раз отклонялся. После того как успокоились все описанные мною волнения, Гонсало Пашеко отбыл из Пегу вместе со всеми жившими там португальцами, которых, как я уже говорил, освободил новый бирманский король, приказав вернуть им их товары, даровав им некоторые вольности и обласкав многими милостями. Все мы, сто шестьдесят человек, сели на пять кораблей, стоявших в это время в порту Козмин, одном из главных городов этого королевства, и рассеялись, словно паломники в Индии, по разным местам, где каждый рассчитывал повыгоднее устроить свои дела. Я вместе с двадцатью шестью спутниками направился в Малакку и, задержавшись там всего лишь на месяц, поспешил отправиться в Японию с неким Жорже Алваресом из Фрейшо-де-Эспада-а-Синта на корабле коменданта крепости Симана де Мело, который шел туда по торговым делам.

Мы уже двадцать шесть дней плыли с сильным попутным муссоном, когда увидели остров под названием Танишума, в девяти легуа к югу от

южной оконечности японской земли и, взяв на него курс, на другой день стали на якорь посреди бухты, являющейся гаванью города Гуанширо, наутакин которого из любопытства и ради того, чтобы увидеть нечто новое и неведомое, сразу же самолично явился к нам на корабль и, изумленный видом его и устройством парусов, ибо это было первое европейское судно, посетившее эти места, выразил большую радость по поводу нашего прихода и всячески уговаривал нас остаться здесь торговать, однако Жорже Алварес и прочие купцы не согласились, так как нашли стоянку недостаточно безопасной в случае шторма. Поэтому на следующий день мы снялись с якоря и взяли курс на королевство Бунго, на сто легуа севернее. По милости господ нашего на шестой день плавания мы благополучно стали на якорь против города Фушеу, где были хорошо приняты и королем и населением. Нам было оказано много милостей, и мы были освобождены от пошлин. Все шло бы хорошо и дальше, если бы за грехи наши в течение тех немногих дней, что мы стояли в Фушеу, короля Бунго не убил один из его вассалов по имени Фукарандоно, могучий феодал и сам сюзерен многих вассалов, владевший большими землями и получавший с них значительные доходы. Следует сказать, что в это время при дворе здешнего государя находился некий юноша по имени Аширандоно, племянник короля Аримы, который из-за притеснений, учиненных ему дядей-королем, уже с год, как переселился в Бунго и намеревался никогда более не возвращаться к себе на родину. Судьба, однако, оказалась ему благоприятной: дядя его умер, а так как прямого наследника он не оставлял, то завещал корону Аширандоно. Фукарандоно, о котором я только что упомянул, видя, как выгодно было бы ему выдать свою дочь за Аширандоно, попросил как милости у короля Бунго послужить ему в этом деле посредником, на что последний сразу же согласился. С этой целью король как-то раз пригласил принца поехать с ним в находившийся в двух легуа от города лес, где была прекрасная охота, а также и иные развлечения, к которым принц, как говорят, питал большую склонность. Там король поговорил с принцем о женитьбе на дочери Фукарандоно, сказав, что брак этот доставил бы ему большое удовольствие, и принц охотно согласился, чем весьма обрадовал короля. Он вызвал Фукарандоно к себе в город, рассказал ему об успехе сватовства и наказал ему немедленно же отправиться благодарить молодого человека, да и впредь обходиться с ним как с любимым сыном, чтобы больше расположить его к себе, ибо от этого и отец и дочь только выиграют. К этому король добавил, что и он не раз подумывал женить его на собственной дочери. Фукарандоно бросился к ногам государя и поцеловал

их, выказав свою признательность в выражениях, сообразных с милостью и честью, которые благодаря посредничеству короля оказал ему господь. От него он немедленно поехал к себе во дворец, где с великим возбуждением и радостью рассказал о случившемся жене, детям и родственникам, чем всех их весьма обрадовал. По этому случаю все обменялись подарками, как это принято у них делать при помолвках важных лиц.

Мать невесты, особенно польщенная предстоящей свадьбой, вне себя от радости, направилась в покой, где молодая девушка занималась в это время рукоделием в обществе нескольких благородных девиц из своей свиты, и отвела ее за руку в зал, где находился ее отец и многочисленные ее братья, дядюшки и прочие родственники. Все принялись ее поздравлять с великой честью, титулуя ее, величеством, как будто она стала уже королевой Аримы. Так прошел этот веселый день в празднествах, пирах и взаимных посещениях дам, причем невесте было преподнесено множество драгоценных подарков. Но так как в делах такого рода благополучие или неблагополучие их определяется не по началу, а по концу, из доброго и радостного начала этой помолвки проистекло в дальнейшем столько бед и несчастий, что сравнить их можно разве с тем, что случилось незадолго до этого в Сиаме, о чем я уже ранее рассказывал. Утверждаю я это с полной уверенностью, ибо был очевидцем и тех и других событий и при этом чуть не поплатился жизнью. Итак, весь этот день прошел в приемах различных знатных персон, но среди всеобщего ликованья лишь невеста не выражала удовольствия, ибо была без памяти влюблена в молодого дворянина, сына некоего Гроже Аруна, титул которого соответствует нашему баронскому, хотя молодой человек этот по родовитости, имущественному положению и весу значительно уступал Фукарандоно, отцу невесты. Доведенная до крайности любовью, которую она к нему питала, молодая девушка, едва стемнело, послала к нему женщину, являвшуюся посредницей в ее любовных делах, умоляя похитить ее из отцовского дома, прежде чем она пойдет на какой-нибудь отчаянный шаг. Молодой человек, также питавший к ней нежные чувства, пришел на свидание туда, где они обычно встречались, и девушка упрашивала его до тех пор, пока юноша не увел ее из дома отца и не спрятал в монастыре, настоятельницей которого была одна из его теток. Там она оставалась девять дней в полном неведении того, что происходит дома. На другое утро ее воспитательница пришла за ней, но, не найдя ее там, где оставила накануне вечером, прошла в покои ее матери, ибо считала, что по случаю торжества она занята своими нарядами или чем-нибудь в этом роде, но так как не нашла ее и там, вернулась в ее спальню и обнаружила, что одно из окон, выходящих в сад, приоткрыто и к

решетке прикреплена веревка, сплетенная из разодранной на полосы простыни, а внизу под окном лежит одна из сандалий девушки. Представив себе, что могло случиться, она обезумела от ужаса и, не помня себя, бросилась предупредить мать, которая еще лежала в постели. Последняя, потрясенная этим известием, немедленно встала и бросилась обыскивать комнаты служанок, полагая, что дочь могла в них спрятаться, но, не найдя ее, была так удручена, что упала на пол как бы в припадке и тут же умерла. Фукарандоно, который еще ничего не знал о случившемся, услышав крик и суматоху, поспешил узнать, в чем дело, и, удостоверившись в бегстве своей дочери, немедленно вызвал некоторых своих родственников. Последние, изумленные столь неожиданной и неприятной новостью, поспешили явиться к нему, после чего все стали думать, что надлежит предпринять в этом случае. Решено было прибегнуть к самым жестоким мерам. Начали с пристрастием допрашивать женщин, проживавших в доме, но ни одна из них ничего не смогла сказать. После допроса всем ста женщинам отрубили головы, а некоторых, занимавших более высокое положение, разрубили даже на куски, полагая, что все они соучастницы в этом деле. Высказывались самые разнообразные предположения, где она может находиться, и наконец решили, что дальше действовать не следует, пока не будет поставлен в известность король, что и было немедленно сделано. Фукарандоно очень просил государя отдать приказ обыскать некоторые дома, которые ему указали, но король не захотел пойти на это, не желая оскорблять их хозяев и опасаясь возмущения, которое мог вызвать подобный шаг. Фукарандоно, обиженный на короля за то, что тот не захотел удовлетворить его просьбу, вернулся к себе домой вместе со своими родичами и решил с ними самостоятельно сделать то, что казалось ему необходимым для восстановления своей чести, ибо только слабые и беспомощные люди, неспособные сами постоять за себя, обращались, по его мнению, за помощью к закону. Надо знать, что японцы самый щепетильный на свете народ в вопросах чести, поэтому Фукарандоно решил довести до конца свой замысел, не считаясь ни с какими препятствиями. С этой целью он созвал всех своих родственников, находившихся при дворе, и все они собрались у него в ту же ночь. Он объяснил им свое намерение, и все нашли его правильным и достойным одобрения. Не медля более, они бросились в те дома, где, как им казалось, могла укрыться девушка, но хозяева их, подозревая о возможном вторжении, уже приготовились к отпору. Из-за этого свалка и резня произошли такие, что за короткий промежуток времени, остававшийся до рассвета, и с той и с другой стороны было убито более двенадцати тысяч

человек. Король, услышав о побоище, поспешил на место происшествия со своей охраной, намереваясь примирить противников, но последние дошли до такого остервенения, что не только не захотели его слушать и проявили к нему полнейшее неуважение, но даже обратили на него свою злобу. Потеряв значительную часть своих воинов, король вынужден был отступить с уцелевшими и скрыться во дворце, но и это ему не помогло, ибо разъяренные противники ворвались в его покои и перебили там всех, начиная с короля, причем количество убитых, как утверждали, превысило пятнадцать тысяч человек, в том числе двадцать шесть португальцев из сорока, находившихся тогда при дворе. Не удовлетворившись этим чудовищным побоищем, эти слуги сатаны принялись громить дворец королевы, которая в это время лежала больная, и убили ее, трех ее дочерей и пятьсот с лишним прислуживающих ей женщин, после чего, охваченные безрассудной страстью разрушения, подожгли с шести или семи сторон город, и пожар, раздуваемый сильным ветром, принял такие размеры, что за каких-нибудь два часа большая часть Фушеу была превращена в пепел. Мы, семнадцать уцелевших португальцев, с большим трудом добрались до нашего корабля, на котором нам чудом удалось спастись, снявшись с якоря и выйдя в море. Как только рассвело, все мятежники, которых к этому времени оставалось еще десять тысяч, ограбив город, разбились на два отряда и удалились на вершину крутой горы под названием Канафама, где и укрепились. Там они намеревались избрать себе короля, который бы правил ими, ибо к этому времени Фукарандоно погиб от удара копьем, которое пронзило ему горло, и погибли все его родичи — зачинщики этого дьявольского восстания.

Глава ССІ

О том, что предпринял принц, сын короля, когда он узнал о гибели отца

В этот же день обо всем, что произошло, доложили принцу, сыну короля, находившемуся в своей крепости Оски, в семи легуа от Фушеу. Потрясенный известием принц, оплакав гибель отца, пожелал немедленно отправиться в город вместе с некоторыми приближенными, но это ему отсоветовал воспитатель его Финжейндон, резонно указав, что неразумно предпринимать что-либо, не выяснив в подробностях положения дел, ибо не подлежит сомнению, что отважившиеся поднять руку на короля не постесняются убить и его, так как сил для этого у мятежников еще достаточно, между тем как у него их совершенно нет. Поэтому самое правильное собрать быстрее возможно большее количество народа, ибо с его помощью он сможет победить и наказать супостатов. Принцу совет этот показался правильным, и, позаботившись о самом необходимом при данных обстоятельствах, он приказал своим приближенным отправиться в его дворец в Шаражапане и там трубить в раковину, чем все окрестное население приведено было в такое возбуждение, что слова бессильны его описать. Следует объяснить, что по закону или обычаю, издавна принятому в Японии, всякий житель любого населенного места, как самого большого, так и самого малого, обязан держать у себя дома раковину, в которую под страхом тягчайшего наказания не разрешается трубить иначе, как по следующим четырем поводам: беспорядков и драк, пожара, воров и разбойников и, наконец, измены. По данному сигналу сразу можно определить, что произошло, ибо в случае драк трубят один раз, пожара — два, воров — три и измены — четыре. Всякий, услышавший сигнал, обязан под страхом смертной казни немедленно повторить его на своей раковине, и точно столько раз, сколько прозвучал он у первого, чтобы не было никаких ошибок и путаницы. А так как сигнал измены подается несравненно реже других сигналов, которые приходится слышать достаточно часто, всякий раз, когда он раздается, он вызывает такую тревогу в народе, что все, не теряя ни мгновения, бросают свои дела и устремляются туда, откуда его слышали. Таким образом новость распространяется с поразительной скоростью, и за какой-нибудь час перекликаются уже двадцать окрестных сел.

Но вернусь к своему повествованию: подав этот сигнал и проявив себя человеком решительным и добрым военачальником, принц удалился в некий расположенный в роще монастырь и затворился там на три дня, чтобы в великой скорби еще раз оплакать гибель отца, матери и сестер, после чего, так как народа уже собралось достаточное количество, он из монастыря вышел и занялся тем, что было необходимо для безопасности государства и наказания преступников. Первым делом он велел отобрать у мятежников земли и сровнять с землей их дома, самым же виновным принц посулил через глашатаев такие кары, что дрожь пробирала от одной мысли о них. Когда прошло семь дней со дня этого прискорбного события, принцу посоветовали заняться осуществлением своего намерения, ибо войска собралось уже довольно, а провианта для такого количества людей в этих местах не хватало; кроме того, мятежники могли рассеяться по стране. Принц внял этому совету и выступил из Оски в Фушеу с блестящим, прекрасно вооруженным и способным на любой подвиг войском общей численностью в сто тридцать тысяч человек, из коих семнадцать тысяч было конных, а остальные пешие. Когда принц прибыл в Фушеу, он был хорошо принят народом, выражавшим печаль и сочувствие по поводу гибели короля. Проследовать в королевский дворец он не пожелал, но прямо с дороги отправился в пагоду, в которой похоронен был король, и отслужил по нему пышную и дорого обошедшуюся погребальную службу по принятым у них обрядам, продолжавшуюся две ночи подряд при свете бесконечного числа светильников. После чего принцу показали залитую кровью одежду отца, и он торжественно поклялся на ней не простить никому из виновных, даже если они тысячу раз сделаются бонзами [{353}](#), и предать огню все храмы, где они будут искать убежища. На четвертый день пребывания своего в Фушеу принц был без особых торжеств провозглашен королем, после чего с войском в сто шестьдесят тысяч человек направился туда, где находились мятежники. Гора, где они укрылись, была со всех сторон окружена, так чтобы никто из них не мог уйти. Таким образом, принц продержал их девять суток в осаде. Мятежники, видя, что ни на какую помощь извне им рассчитывать не приходится, предпочли пасть в открытом бою как храбрые люди, чем трусливо погибать в окружении. Придя все к этому решению, они в дождливую и очень темную ночь спустились с четырех сторон горы и напали на королевское войско, которое в то время было уже построено и готово к бою, так как своевременно узнало о намерении мятежников. Между ними завязалась ожесточеннейшая схватка, причем и та и другая стороны проявляли такую ярость и ненависть к противнику, что через два

часа после восхода солнца убитых было уже тридцать семь тысяч, в том числе все десять тысяч мятежников. Никто из них не пожелал спастись, хотя некоторые и могли бы это сделать. Молодого короля очень огорчили понесенные им потери, и он, как только бой был окончен, поспешил в город, где в первую очередь занялся оказанием помощи раненым, на что ушло очень много времени, так как их было, как говорили, более тридцати тысяч, из коих впоследствии многие не выжили.

Глава ССII

Как из Фушеу мы перешли в порт Хиаманго и что с нами там случилось

Когда мятеж, стоивший стольких жизней и той и другой стороне, был подавлен, страна оказалась опустошенной, купцы поспешили уехать, король собрался покинуть разоренный город, а мы, немногие португальцы, еще задержавшиеся в Фушеу (ибо, как только позволила обстановка, мы вернулись в гавань), отчаявшись и в надежности этого места, и в возможности сбыть в нем свои товары, снялись с якоря и перешли в другой порт Хиаманго в бухте Кангешума [{354}](#), находившийся и девяноста легуа от Фушеу. Там мы пробыли два с половиной месяца, но не смогли продать ничего, ибо вся страна была забита китайскими товарами и сбывали их за треть покупной цены, и не было порта, бухты или залива на всем этом японском острове, где не стояло бы тридцать, сорок, а в некоторых местах даже свыше ста джонок; так было в Минато, Таноре, Фиунгуа, Факате, Ангуне, Убре и Кангешума, ибо за этот год прибыло из Китая в Японию более двух тысяч судов. Товаров было столько и были они так дешевы, что пико шелка, который в то время покупали в Китае за сто таэлей, продавали в Японии за двадцать пять, двадцать восемь, самое большее, за тридцать — и то с большим трудом. Все прочие товары также упали в цене, отчего мы совсем пришли в уныние, не зная, что и предпринять. Но так как господь бог наш распоряжается всем на свете и творит благо, прибегая к средствам, не всегда постижимым для нашего разума, он допустил по причинам, ему одному известным, чтобы в декабрьское новолунье, пятого числа, поднялась буря с таким сильным дождем и ветром, что все эти суда были выброшены на берег, так что в общей сложности разбилось тысяча девятьсот семьдесят две джонки, в число которых вошли и двадцать шесть португальских, причем утонуло пятьсот португальцев и еще тысяча христиан и погибло товара на восемьсот тысяч крузадо в покупных ценах; китайцы же, как нам говорили, потеряли не только тысячу девятьсот тридцать шесть судов, но еще товаров на десять миллионов золотом и сто шестьдесят тысяч человек. От этого огромного и прискорбного крушения уцелело, и то лишь чудом, десять или двенадцать судов, среди которых было и то, на котором находился я. Теперь уже мы могли назначать те цены, которые нам вздумаются. Распродав свои товары и закупив новые,

мы приготовили все для обратного плавания и собирались сняться с якоря утром в крещение. С одной стороны, мы, разумеется, были весьма довольны, что так выгодно устроили свои дела, но, с другой, крайне, удручены, что это нам удалось сделать лишь вследствие гибели стольких жизней и такого количества добра, как у наших, так и у иностранцев. Когда мы уже выбрали якоря и поставили фок, чтобы выйти в море, у нас внезапно лопнул гротафал, и гротарей, рухнув на шкафут, разлетелся на четыре куска, отчего нам пришлось снова стать на якорь и отправить на берег шлюпку за новым реем и плотниками, чтобы они нам его наладили. Одновременно мы послали подарок местному коменданту, чтобы он поскорее прислал нам необходимое. Взятка подействовала, ибо весьма скоро мы получили требуемое, и притом лучшего качества, чем то, что у нас было. Когда мы снова собрались сняться с якоря, у нас оборвался якорный канат у скобы, а так как на корабле у нас было всего лишь два якоря, мы были вынуждены сделать все возможное, чтобы достать его, так как без него мы обойтись не могли. Поэтому мы отправили на берег за ныряльщиками, и за десять крузадо, что мы им заплатили, они скоро обнаружили якорь на глубине двадцати шести брас и закрепили на нем перлинь, после чего при участии всего экипажа мы с великим трудом выбрали его. На это ушла большая часть ночи, но, едва рассвело, мы подняли реи, собираясь отправиться в путь. Когда фок у нас был уже надлежащим образом обрасоплен и грот начал надуваться, внезапно заштило; нас подхватило сильное течение и понесло в сторону выдававшегося в море крутого утеса. Мы верно бы погибли, так как ни наши усилия, ни старания ни к чему не приводили, если бы не прибегли к самому верному и надежному средству, а именно: обратились с горячей молитвой к царице небесной, чудесное вмешательство которой избавило нас от этой опасности. В то время когда мы были охвачены страхом и поглощены мыслями, как бы спастись, внимание наше привлекли два всадника, с великой поспешностью спускавшиеся с вершины холма. Они размахивали какой-то тряпкой и громко кричали нам, чтобы мы взяли их с собой, чем возбудили наше любопытство и желание узнать, что это за люди, вследствие чего приказано было спустить на воду вооруженную маншуа. Так как этой ночью бесследно скрылся мой слуга вместе с тремя другими и я думал, что эти люди могут мне что-либо о них сообщить, и попросил капитана корабля Жорже Алвареса отправить меня на этой шлюпке, что он и сделал, придав мне еще двух гребцов. Когда мы добрались до берега, всадники уже ожидали нас, и один из них, видимо, лицо более значительное, сказал мне:

— Поскольку время, государь мой, не позволяет медлить, ибо я спасаюсь от людей, гонящихся за мною по пятам, прошу тебя во имя милосердного бога твоего, не предаваясь сомнениям и ничем не отговариваясь, взять меня с собой.

Слова его привели меня в большое замешательство, и я не знал, что предпринять. Но так как человека этого я уже раза два видел в Хиаманго в общество купцов, я решился забрать его с собой. Когда и он, и его спутник перебрались в шлюпку, на холме появилось четырнадцать всадников, которые устремились в нашу сторону с громкими криками:

— Выдай этого изменника, иначе мы тебя убьем.

За этими четырнадцатью появилось еще девять, так что в общей сложности на берегу собралось двадцать три всадника, но ни одного пешего. Опасаясь всяких неприятностей, я поспешил отойти от берега на арбалетный выстрел и оттуда стал их спрашивать, чего им нужно. Они мне ответили:

— Если ты заберешь этого японца (о спутнике его речи не было), знай, что за это поплатится головой тысяча таких вот, как ты.

Отвечать на эти слова я не счел нужным и вернулся на корабль. Не без труда втянули мы обоих японцев на судно, где их радушно приняли капитан и прочие португальцы и снабдили всем необходимым для длительного путешествия.

Если я сейчас в таких подробностях остановился на этих незначительных событиях, это объясняется тем, что они имели весьма значительные последствия, о которых я надеюсь еще поговорить, чтобы всем ясны были пути промысла божьего, за которые всегда надлежит восхвалять господу нашего и превозносить его святую веру, но все это станет ясно дальше из истории этого японца, имя которому было Анжиро.

Глава ССІІІ

О большой армаде, которую в это время король ашенцев направил на Малакку [{355}](#), и что по этому поводу предпринял отец магистр Франциск Ксаверий [{356}](#), главный ректор коллегий ордена Иисуса в Индии

После того, как 10 января 1547 года мы вышли из реки Хиаманго и бухты Кангешума, господу нашему угодно было за четырнадцать дней плавания при добром муссоне благополучно доставить нас в Шиншеу, один из наиболее знаменитых и богатых портов Китайского королевства. Но, на наше горе, у входа в реку обосновался в это время знаменитый пират по имени Шеношека с флотом в четыреста крупных судов и шестьдесят гребных ванканов, на которых было шестьдесят тысяч человек, из коих лишь двадцать тысяч были матросы, остальные же бойцы. И все это огромное количество людей получало свое жалованье и пропитание, занимаясь разбоем на море. Опасаясь войти в реку, так как пират заграждал в нее вход со всех сторон, мы прошли дальше до Ламау, где запаслись кое-какой провизией, которой хватило, чтобы добраться до Малакки, где мы нашли отца магистра Франциска Ксаверия, главного ректора ордена Иисуса в Индии, за несколько дней до этого прибывшего с Молуккских островов. Его сопровождала великая слава святого, которая распространилась в народе после того, как им были совершены на глазах у людей великие чудеса, или, выражаясь точнее, чудеса эти были совершены господом, действующим через него. Святой отец, узнав, что мы привезли с собой одного японца, поспешил отыскать Жорже Алвареса и меня в доме Козме Родригеса, женившегося в Малакке, у которого мы оба остановились. После того как Франциск Ксаверий провел с нами часть дня, жадно расспрашивая обо всем, что могло способствовать делу господа и прославлению его в этих краях, и получая от нас сведения о всем том, что он хотел узнать, а также о том, что, как нам казалось, могло иметь для него значение, мы упомянули, не зная, что это ему уже известно, о двух привезенных нами японцах, из которых один, казавшийся человеком с известным положением, был, по нашему мнению, весьма умен и прекрасно разбирался в религиях и сектах всей Японии, и добавили, что его преподобию, вероятно, интересно было бы с ним поговорить. Это так обрадовало Франциска Ксаверия, что мы, желая доставить ему

удовольствие, немедленно отправились на корабль и привели японца к нему в госпиталь, где преподобный отец остановился. Последний взял его к себе, а потом отвез в Индию, куда сам направлялся, а прибыв в Гоа, обратил его в христианство и нарек ему имя Пауло де Санта-Фе. Японец за очень короткий срок научился читать и писать по-португальски и усвоил все догмы христианской церкви, благодаря стараниям святого отца, который собирался, едва подуют апрельские муссоны, отправиться на этот варварский остров, Японию, забрав с собой японца в качестве толмача, что он впоследствии и сделал, и проповедовать там Христа, сына бога живого, распятого на кресте для спасения грешников, как он любил выражаться. Обращен в христианство был и второй японец, которому преподобный отец дал при крещении имя Жоан. Оба эти японца были глубоко преданы Франциску Ксаверию во всем, что касалось служения господу. Из-за чего впоследствии Пауло де Санта-Фе был отправлен проповедником в Китай, где и был убит разбойниками, о чем я расскажу несколько ниже.

После того как святой отец отбыл из Малакки, чтобы в Индии подготовить с губернатором поездку в Японию, Симан де Мело, который, как я уже говорил, был в это время комендантом крепости Малакки, написал о нем губернатору, перечисляя все то, что святой отец совершил в этих местах для вящего распространения нашей святой веры, упомянув и о чудесах, которые творил господь наш через его посредство. Между прочим комендант доложил губернатору дону Жоану де Кастро и то, что сам был свидетелем, как под влиянием пророческого наития святой отец во время проповеди в Малаккском соборе предсказал так называемое ашенское чудо, как его называли в народе.

Для того чтобы было ясно, о чем идет речь, мне кажется необходимым изложить всю эту историю с самого начала. А дело было так. В среду 9 октября 1547 года в гавань, где стояли наши корабли, прибыла большая армада короля Ашена, состоящая из семидесяти ланчар, фуст и гребных галиотов, на которых находилось пять тысяч людей с боевых мостков (иначе говоря, воинов), не считая гребцов. Часть своих людей ашенцы высадили на берег, после чего те, воспользовавшись ночной темнотой, напали на крепость, намереваясь взять ее приступом с помощью лестниц, которые у них были припасены, но благодаря господу город был надежно защищен, и осуществить свое намерение неприятель не смог. Другая часть ашенцев, оставшаяся на кораблях, напала на скопление судов в гавани и подожгла их шесть или семь, в том числе большой корабль его величества короля Португалии, только что вернувшийся с Банды, причем весь груз его, состоявший из мускатного цвета и ореха, был забран неприятелем.

Поднялась невообразимая суматоха, никто не соображал, что надлежит делать и что предпринимать. Неприятель напал внезапно, не будучи замеченным, ночь была темная и дождливая, набат и крики раздавались со всех сторон, а потому наши пришли в замешательство и беспомощно толклись на месте. Сумбур продолжался долгое время, пока не вернулись три балана, посланные Симаном де Мело на разведку, и не сообщили, что нападение произвели ашенцы. К тому времени начало светать, и с крепости уже можно было различить большое количество гребных судов, украшенных шелковыми флагами и знаменами. Комендант приказал дать по ним залп из крупных орудий, чтобы поугаать их, а они тем же строем полумесяца отступили к оконечности острова Упе, находившегося в трети легуа с небольшим от крепости, и там под веслами простояли до вечера, оглашая воздух громкими криками, словно и впрямь одержали блестящую победу. К несчастью, случилось так, что в это время в море ловить рыбу вышел наш парао, на котором находилось семь человек из этих мест, где у них были жены и дети. Злодеи-ашенцы, едва завидев ладью, атаковали ее на своих прекрасно вооруженных баланах, мгновенно захватили и отвели к своим. Там несчастным семи рыбакам отрезали носы и уши, а иным ради вящего издевательства отсекали еще и ступни и в таком виде отправили их к коменданту с письмом следующего содержания, написанным кровью несчастных:

«Я, Бижайя Сора, сын Серебия, Пракама де Ража, в золотых шкатулках хранящий гордость свою — и смех великого султана Аларэдина, подсвечника с благовонными свечами святого храма в Мекке, короля Ашена и земли, омываемой обоими морями, объявляю тебе, для того чтобы ты передал это своему королю, что в этом море, в котором я ныне безмятежно пребываю, пугая моим рычанием его крепость, я намерен заниматься рыбной ловлей, невзирая на его запрет, и, как бы это его ни огорчало, столько времени, сколько мне заблагорассудится, и в свидетели твердости моих намерений беру землю и людей, обитающих на ней, со всеми прочими стихиями, вплоть до лунного неба, и объявляю словами, исходящими из уст моих, что король твой окажется побежденным и лишится славы, а знамена его будут повержены во прах, дабы их никогда уже нельзя было поднять без разрешения победителя. А посему да преклонит он главу, дабы возложил на нее стопы свои государь мой — властитель, покоряющий все троны, а твой король стал отныне и навеки рабом его. И дабы побудить тебя признать перед всеми истину слов сих, если тебе взбрело бы на ум мне противоречить, бросаю тебе вызов отсюда, где я нахожусь».

Письмо это было подписано всеми капитанами судов, как будто это было постановление, принятое на общем совете.

Когда несчастные безносые и безухие рыбаки прибыли в город, их, окровавленных и обезображенных, немедленно доставили к коменданту. Они вручили последнему привезенное ими письмо, которое тут же было громогласно прочитано, но комендант лишь посмеялся над его содержанием, перебросившись несколькими шутками и остротами со своими приближенными. Как раз в это время к нему подошел отец магистр Франциск Ксаверий, только что отслуживший мессу в храме Богоматери на Холме. При появлении его комендант встал со своего места, прошел несколько шагов к нему навстречу и сказал с улыбкой, как бы не придавая никакого значения полученному письму:

— Посоветуйте, ваше преподобие, какой ответ дать мне на этот вызов. Сдается мне, его надо передать в высшую инстанцию, как сельский судья в случае уголовного преступления передает дело прокурору по уголовным делам.

Святой отец на это ответил:

— Раз ваша милость попросила меня высказать свое мнение, отвечу вам, что, по-моему, шутить по поводу этого письма не следует, лучше, если это возможно, сколотить нечто вроде армады, которая могла бы, гоняясь за этими мусульманами, показать им, что мы не настолько беспомощны, что не в силах нанести им ощутимый урон, если они вздумают сюда явиться.

Комендант возразил:

— Я бы был очень рад это сделать, если бы это было возможно, но вы сами знаете, ваше преподобие, в каком положении мы сейчас находимся. У нас всего-навсего пара-другая прогнивших фуст, из которых ничего путного уже не сделаешь, а если бы и можно было, то на их ремонт ушло бы столько времени, что скорее выстроить новые.

Но святой отец не отступал:

— Если вся задержка в ремонте фуст, то ради чести всевышнего и нашего государя я лично хочу помочь в этом деле и отправиться, если это понадобится, вместе с этими рабами Христовыми и братьями моими сражаться с врагами креста.

Услышав это, присутствующие, среди которых было большое количество людей весьма благородных, воскликнули в один голос:

— Если ваше преподобие готово на это, что остается сказать? Евреем, а не христианином надо быть, чтобы не пойти в этот священный поход.

Вслед за этим город пришел в необычайное волнение: люди возгорелись таким священным рвением и исполнились таким желанием

послужить делу божью, что в этом было нечто сверхъестественное. Комендант, сидевший в это время у ворот крепости, немедленно встал, весьма довольный воодушевлением и священным пылом толпы, взял святого отца за руку и провел его на набережную, где показал ему вытасканные на берег суда: фуст было семь и еще один небольшой катур. После этого он велел позвать начальника снабжения Дуарте Баррето и попросил его поскорее выдать все необходимое для ремонта судов. Последний ответил ему, что на складах нет ни единого гвоздя, ни пакли, ни смолы, ни пяди парусины, — словом, ничего, что требует его милость для ремонта судов. Заявление это очень опечалило коменданта, а народ заметно приуныл. Но святой отец, обратив взор ввысь и радостной улыбкой приглашая всех положиться на него, сказал:

— Братья и сеньоры мои, не печальтесь, ибо истинно говорю вам, что господь с нами; во имя его прошу вас не уклоняться от этого похода, ибо всевышний велит нам его предпринять. Даже если склады пусты и нечем починить суда, о чем говорил начальник снабжения, не смущайтесь, столь ничтожные препятствия не должны отвратить нас от священного нашего намерения.

Говоря это, он внимательно поглядел на окружавших его семь капитанов и судовладельцев, людей богатых и уважаемых, и, подойдя к каждому из них, назвал по имени, обнял и с радостной улыбкой на лице произнес:

— Брат мой, для чести господа нашего Иисуса Христа необходимо, чтобы вы, как раб его, взяли на себя заботы по починке этой фусты, что стоит здесь (укаывая каждому на ту, которая ему поручалась), и закончили ее в возможно короткий срок, ибо и это необходимо для служения господу, а что касается до награды за ваши труды, истинно говорю вам, воздается вам за них сторицею.

Так он обошел всех, поручая каждому ремонт его фусты. Все они выразили свою готовность с горячностью и рвением столь святым, что там сразу начали прямо говорить, что это тут не столько дело рук человеческих, сколько вмешательство всевышнего. Каждый начальник немедленно занялся фустой, указанной ему святым отцом, с таким пылом и священной ревностью, что между отдельными капитанами даже возникло соперничество, кто лучше и скорее справится со своим делом. Ремонт фуст, который, казалось, нельзя было выполнить и за месяц, имея под рукой все необходимое, закончили в пять дней, ибо на каждой работало свыше ста человек. В то время как суда готовились к плаванию, комендант крепости Симан де Мело назначил своего свояка дона Франсиско де Эсу

командующим армадой на время похода. Отец магистр также окончательно решил принять участие в походе.

Узнав об этом, братья милосердия и все прочие португальцы, имевшие семьи в крепости, а также Франсиско де Эса, отправились к святому отцу просить его Христом-богом не лишать их своего утешения в этой далекой от всего христианского мира крепости, заявляя, что, если он их бросит, они уйдут из Малакки с ним вместе. Эта просьба привела святого отца в некоторое замешательство, ибо, если благородное мужество влекло его в бой, великое милосердие повелевало ему не покидать своей паствы, а совместить эти противоречия он не мог. Он советовался со многими, как поступить, и выслушал много доводов в пользу того и другого решения, но под конец сам командующий армадой дон Франсиско де Эса, поняв необходимость удовлетворить просьбу прихожан, попросил святого отца остаться из уважения к святой настойчивости, с которой они его об этом просят, и Франциск Ксаверий уступил. Решив остаться на берегу, он утешил всех небольшим наставительным словом, остановившись на великой правоте тех, кто жертвует жизнью ради милосердного бога, который во спасение душ наших пошел на крестные муки, как все мы веруем и исповедуем, был поруган, презрен, бит плетьюми, увенчан терниями и, наконец, принял смерть на твердом дереве креста, между тем как нам крестом служит его мягкое сердце, а тем, что он обрызгал души наши своей бесценной кровью, он, несмотря на ничтожные заслуги наши, сделал нас достойными предстать перед отцом предвечным. Франциск Ксаверий говорил много, пылко и набожно и произвел большое впечатление на собиравшихся идти в поход, так что все они в едином порыве христианского самопожертвования заявили, что готовы умереть за веру господина нашего Иисуса Христа.

Глава ССIV

О том, что случилось с нашей армадой перед ее походом, и о двух фустах, неожиданно прибывших в крепость

Восемь дней вся крепость горела священным рвением, и армада наша была готова к походу и снабжена всем необходимым. Якоря были на панере для того, чтобы на следующий день всем семи фустам и катуру, предназначавшемуся для связи, сняться с якоря и выйти в море. На армаде шло сто восемьдесят испытанных воинов, а командирами фуст были дон Франсиско де Эса, и дон Жорже де Эса, его брат, далее, Диого Перейра, Афонсо Жентил, Белшиор де Сикейра, Жоан Соарес и Гомес Баррето; катуром командовал Андре Тоскано, сиротский судья, имевший семью в Малакке. Но когда на следующий день все были на борту и готовы к отплытию, а командующий под радостные клики толпы поднял свой парус и подставил его под ветер, его фуста внезапно пошла ко дну, причем удалось спасти только людей, и то с большим трудом. Все это привело народ в такое смятение и отчаяние, а команды кораблей даже не знали, что делать, так они упали духом. Этот несчастный случай вызвал разные толки, языки развязались сверх всякой меры, стали даже поговаривать, что вся затея похода внушена дьяволом и является великим оскорблением богу, виновниками же этого зла называли командующего и отца магистра Франциска, утверждая, что они нарочно посылают эту слабую армаду на ашенцев, чтобы никто не спасся, ибо у нас всего-навсего семь фуст, а у неприятеля семьдесят, у нас сто восемьдесят воинов, а у него пять тысяч. Это сопоставление сил придавало такую убедительность их речам, что большинство народа с ними соглашалось, и ни командующий, ни судьи не могли их заставить замолчать, как они ни старались. Комендант Симан де Мело и командующий армадой дон Франсиско де Эса, возмущенные этим дьявольским единодушием, послали с возможной поспешностью за Франциском Ксаверием в церковь Богоматери на Холме, где в это время святой отец служил мессу. Гонец весьма торопился и вошел в то время, когда священник, держа в руках причастие, произносил слова: «Domine non sum dignus» [\[9\]](#).

Не зная, что предпринять, человек стал ждать, пока святой отец причастится, но когда гонец уже раскрыл рот, чтобы заговорить, Франциск Ксаверий подал ему знак рукой, чтобы он молчал и не мешал ему, и

продолжал службу как ни в чем не бывало. Покинув алтарь, он сказал гонцу, не обменявшись с ним ранее ни словом:

— Иди, брат мой, и скажи коменданту, что я сейчас приду. Пусть его милость не предается гневу, ибо и в самых тяжелых испытаниях у нас остается господь.

С этими словами он удалился в ризницу, снял с себя облачение, встал на колени перед находившимся там образом, и присутствующие услышали, как он с глубоким вздохом произнес:

— Иисусе Христе, любовь души моею, обратите, господи, очи свои на нас и на финифть драгоценных ран ваших, да узрите в них те великие обязательства, которые ваше божественное величество взяло на себя ради нас, ибо, боже и господи мой, о чем могу, несчастный, просить я вас, чего бы вы по великой милости своей не даровали нам во утешение горестей наших?

Окончив эту короткую молитву, которую он произнес, заливаясь слезами, Франциск Ксаверий спустился с крепости и застал коменданта и всех прочих в великой печали, занятых подъемом фусты, с которой они хотели спасти артиллерию и кое-какое оружие. Увидев святого отца, комендант немедленно встал, сделал шесть или семь шагов ему навстречу и, как человек, возмущенный распушенностью народа, сказал ему:

— Как вам это нравится, отец мой? Пусть ваше преподобие только послушает, что они говорят. Простите меня, но глотки им заткнуть я не в силах.

Святой отец, сохраняя серьезное выражение лица, ответил ему мягко и благодушно:

— Спаси бог! Из-за такой малости ваша милость пришли в раздражение? Успокойтесь. Будем только крепко верить и господа и во всемогущество его, ибо он позаботится о том, чтобы исправить наши ошибки.

Тут он обнял всех капитанов и солдат и стал вселять в них бодрость примерами из Священного писания и настоятельно увещевал их вернуться к первоначальной твердости духа. После чего он вместе с комендантом направился к воротам крепости, которые были в пятнадцати или двадцати шагах. Там они сели и стали говорить о затонувшей фусте и о том, как ощутительно будет ее отсутствие, так как это было лучшее судно во всей флотилии и поэтому именно ее избрал командующий. Затем Симан де Мело, считавший, что лучшим способом заткнуть глотки всем, кто ставил ему в упрек, что он по совету святого отца отправляет столь малую армаду против огромного флота противника, решил узнать мнение всех и поставил

решение идти в поход, вызывавшее столько толков, на голосование. Мнение каждого было записано писцом таможни и фактории Балтазаро Рибейро в присутствии чиновников суда и интендантства. Общее мнение было, что поход безрассуден; каждый при этом ссылался на гибель фусты, в чем усматривал перст божий, ибо этим господь пожелал предотвратить гораздо большее несчастье, которое неминуемо должно было произойти, если бы осуществились намерения коменданта крепости и отца магистра. Но когда стали собирать мнения командующего, капитанов и шедших на армаде солдат, все сказали, что, даже оказавшись лицом к лицу со смертью, они не откажутся от того, в чем поклялись богу, после чего повторили свое обещание, подкрепив его присягой, ибо для них было безразлично, шесть фуст у них в армаде или семь, так как на них должно было пойти то же количество воинов. Под этими своими словами они расписались в грамоте, составленной писцом, чем комендант, как говорят, был немало обрадован, ибо ожидал великой славы от этого похода, равно как и все обитатели крепости, в частности, его свояк дон Франсиско де Эса, который должен был идти командующим армадой, и брат последнего дон Жорже де Эса, его заместитель в этой должности.

Отец магистр Франциск Ксаверий, видя твердость и неуклонную решимость капитанов и солдат, очень их за нее похвалил и сказал между прочим, чтобы они лишь крепко уповали на бога, ибо вместо погибшей фусты господь дарует им скоро две, и в том они могут быть совершенно убеждены, так как это произойдет непременно еще до ночи. Ему поверили, так как очень уважали его, но нашлись, разумеется, и такие, которые всякими околичными речами, порожденными их маловерными душами, намекали, что это лишь измышления отца магистра, для того чтобы их утешить. На этом разговоры окончились, и Симан де Мело пошел в крепость обедать, пригласив к себе командующего и прочих капитанов армады, а отец магистр отправился к себе в госпиталь ухаживать за неимущими, как это у него было заведено. Вечером, когда взоры всех были устремлены на море, хотя и не все были одинаково уверены, что увидят там обещанные корабли, за час до захода солнца с вершины холма Божьей Матери дали знать, что на нордовом румбе показались два латинских паруса. Известие это привело народ в удивительное возбуждение. Комендант Симан де Мело немедленно отправил на разведку балан, вернувшийся с сообщением, что суда эти — две фусты, одна под командой Диого Соареса Галисийца, а другая — Балтазара, его сына, что идут они из Патане и направляются в Пегу, не собираясь заходить в Малакку. Об этом немедленно сообщили святому отцу, который был уже в церкви

Богоматери. Он с великой веселостью вышел из своего скита посмотреть, что случилось, и, столкнувшись с комендантом, который поспешил найти его, чтобы поблагодарить за счастливое предсказание, сказал:

— Пойдите, ваша милость, и помолитесь богоматери, а мне велите подать балан, ибо я хочу переговорить с Диого Соаресом, прежде чем он успеет уйти, ибо таково, как мне сказали, его намерение.

Комендант немедленно приказал подать балан, и отец магистр, к которому присоединился начальник порта, отвалили от берега и настигли фусты через час после захода солнца. Диого Соарес принял их очень приветливо и радостно. Отец магистр, изложив ему положение вещей, стал настоятельно просить его, ради господ нашего Иисуса Христа и его священных ран, а также ради чести такого священного похода присоединиться к силам дона Франсиско де Эсы; когда же поход будет окончен, никто его дольше удерживать не будет, и он сможет отправиться, куда ему заблагорассудится. Диого Соарес ответил, что в его намерения не входило останавливаться в Малакке, так как он не хотел платить пошлин за те немногие товары, которые были при нем и на которые он кормил себя и своих солдат, но раз уж его преподобие настоятельно просит его об этом в столь прочувственных выражениях, что грех был бы им не внять, призывая его порадеть во славу господ, от имени которого святой отец к нему и обращается, он охотно дает свое согласие. Но так как ему придется зайти в порт, чтобы погрузить необходимые боевые припасы, пусть его преподобие привезет ему грамоту за подписью коменданта и чиновников таможни Малакки, что он, Диого Соарес, освобождается от уплаты пошлины за те товары, что он с собой везет, ибо, если его преподобие не доставит ему такой бумаги, в порт он заходить не будет. Отец магистр горячо поблагодарил его и обязался сделать для него все, что он просит, и даже больше, если в этом представится необходимость. С этим Франциск Ксаверий покинул судно Соареса почти уже в полночь.

Здесь, прежде чем продолжить изложение, я хотел бы кое-что добавить, дабы удовлетворить любознательных и не оставлять ни у кого сомнений: этот Диого Соарес Галисиец, о котором только что шла речь, и был тот самый, которого, как я уже раньше говорил, казнили в Пегу по приказу сатанского шемина. События, о которых я сейчас рассказываю, произошли задолго до его смерти, и если я коснулся гибели его раньше, то вынужден был это сделать, чтобы не нарушить порядка изложения.

Глава CCV

О дальнейшем, что произошло с Диого Соаресом, об отплытии армады и о событиях на ней до прибытия в реку Парлес

Отец магистр Франциск Ксаверий, явившись в крепость, где его уже ожидал Симан де Мело, сообщил о своих переговорах с Диого Соаресом и о том, что последнему необходимо выдать требуемую им грамоту за подписью его милости. Комендант немедленно приказал составить такую бумагу, передать которую поручили командующему дону Франсиско, чтобы доставить этим больше чести и удовольствия Диого Соаресу. Командующий тут же отправился к Диого Соаресу, и на другое утро тот с готовностью прибыл в порт и стал на якорь у крепости. На берегу его ожидал комендант, оказавший ему самый сердечный прием, равно как и весь народ, собравшийся его встретить. Оттуда все отправились в главную церковь, ныне собор, где мессу служил отец магистр Франциск, душа всего предприятия. Из церкви пошли в крепость и, усевшись у ее ворот, в течение долгого времени обсуждали, что еще необходимо сделать для успеха похода и что нужно взять из боевых припасов для боя, который надеялись дать врагу. Все, что тут порешили, было немедленно приведено в исполнение. За четыре дня, которые потребовались, чтобы окончательно подготовить армаду к выходу, командующий дон Франсиско де Эса перешел на фусту своего брата дона Жорже, так как его судно так и не удалось поднять. Таким образом, силы наши в целом состояли теперь из восьми фуст и одного небольшого катура с двумястами тридцатью человеками отборных воинов. Армада покинула Малакку в пятницу 25 октября 1547 года и, следуя намеченным курсом, через четыре дня прибыла в Пуло-Самбилан, и шестидесяти легуа от Малакки. Наказ, переданный доном Франсиско, не позволял ему идти дальше, и он, не решаясь его нарушить, задержался там на несколько дней, но на побережье никто не смог сообщить ему, куда направились враги; предполагали только, что они уже в Ашене, куда, очевидно, держали свой путь. Вопрос, что делать, был обсужден на военном совете, где высказали много различных и противоречивых мнений, но командующий все же не дерзнул отступить от данного ему наказа и идти дальше. Поэтому решили вернуться в Малакку, но угодно было господу нашему, чтобы в новолуние

внезапно задули противные норд-остовые ветры, вынудившие армаду простоять на месте двадцать три дня, не имея возможности продвинуться ни на шаг вперед. Но так как армада взяла провианта всего на месяц, а поход длился уже тридцать шесть дней и запасы почти истощились, решено было идти за провизией в Жунсалан или в Танаусарин — весьма удаленные от этих мест порты в королевстве Пегу. С этим намерением армада снялась с якоря и отправилась в путь. Все были чрезвычайно опечалены таким оборотом обстоятельств, но господу нашему, создателю всех благ, угодно было, чтобы ветер пригнал наши суда к побережью Кеды, и там, зайдя в реку Парлес набрать пресной воды, наши в первую же ночь заметили плывший вдоль берега рыбацкий парао, к которому командующий велел нашей шлюпке подойти и узнать, где набирают воду. Парао решили подвести к фусте командующего, и последний ласково принял рыбаков, что их весьма обрадовало. Их расспросили поодиночке о некоторых интересовавших нас обстоятельствах и, узнав, что страна опустела, а король бежал в Патане, так как здесь уже полтора месяца стоит большой флот ашенцев, которые воздвигают крепость и ожидают прихода португальских кораблей, идущих из Бенгалии в Малакку с намерением, по словам рыбака, перебить на них всех христиан до единого. Рыбаки рассказали и еще кое-что, чрезвычайно важное для нашего похода, чем привели командующего в столь радостное расположение духа, что он оделся по-праздничному и велел расцветить всю армаду флагами. Был созван военный совет всех капитанов, на котором единогласно было решено отправить три вооруженных балана на двенадцать легуа вверх по течению до того села, где находились враги, с наказом проверить полученные сведения, после чего немедленно вернуться назад, дабы можно было решить, каким образом лучше всего вступить в бой с неприятелем. Между тем всем надлежало помнить то, что наказал им отец магистр Франциск, а именно, хранить в душе распятого Христа, выглядеть радостными, веселыми и мужественными, дабы такой внешностью вселить бодрость в гребцов. Командующий в кратчайший срок позаботился обо всем необходимом, а потом велел дать залп из всех орудий, расцветить флагами фусты, играть фолии и кормить команду без ограничения — что все и было в точности выполнено. Когда все баланы были готовы и на них разместили отборных гребцов, командующий посадил на первый главным начальником Диого Соареса, на второй — его сына Балтазара, а на третий — Жоана Алвареса де Магальяэнса. Каждому капитану было придано два бойца. Баланы двинулись вверх по течению, и тут, когда они прошли уже пять или шесть легуа, им посчастливилось столкнуться нос к носу с

четырьмя баланами неприятеля, и прежде чем последние успели приготовиться к бою, наши захватили три из них, четвертый взять не удалось, так как он приналег на весла и спасся. Поскольку забранные шлюпки оказались много лучше португальских, наши пересели на них, а свои подожгли и поспешили вернуться к своим судам в великом возбуждении по поводу столь большой удачи, сулившей успех и в дальнейшем. Командующий принял победителей с великой радостью и восторгом. Из неприятелей, находившихся на этих баланах, осталось в живых только шесть ашенцев, которых наши привезли с собой. Когда их стали допрашивать о важных для нас вещах, они не пожелали ничего сказать и лишь с превеликим упорством повторяли: «Mate, mate, quita fadule», — что значит: «Убейте нас, убейте нас, нам это не страшно». Поэтому их пришлось подвергнуть пытке, — их начали стегать плетями и поливать горячим маслом свежие раны так безжалостно, что двое из них сразу же умерли, а двое других, связанные по рукам и ногам, были выброшены за борт. Когда же очередь дошла до еще оставшихся в живых, те, громко крича, стали умолять командующего не убивать их, обещая рассказать всю правду. Командующий приказал прекратить пытку, и они показали, что ашенцы захватили эту землю сорок два дня назад, убили там две тысячи человек и почти столько же забрали в плен, кроме того, нагнали большое количество перца, пряностей и разных других товаров, которые отослали своему королю. На этой реке они стоят уже очень долго, потому что поджидают наши корабли, идущие из Бенгалии в Малакку, так как их командующий получил наказ взять их и уничтожить на них всех португальцев и христиан; здесь командующий намеревался ждать еще один месяц, пока не перестанет дуть муссон; услышав сегодня гул нашей артиллерии, он решил, что португальские корабли наконец прибыли, почему вся армада ашенцев стала спешно готовиться к встрече и, без сомнения, на следующий день сюда прибудет.

Получив эти сведения, командующий дон Франсиско приготовился встретить гостей, как подобает, и из вящей предосторожности все время высылал баланы на разведку, так что они только и делали, что сновали взад и вперед. Наконец на следующий, воскресный, день в девять часов утра мы увидели наши баланы, гребущие изо всех сил. С них кричали: «К бою, к бою, к бою, ради Христа — неприятель подходит!» Это известие вызвало большое возбуждение на армаде. Командующий надел на себя богатые доспехи из алого атласа с металлическими пластинками и украшениями из позолоченных гвоздей. С большим мечом в руках, он сел в маншуа с хорошими гребцами и обошел все корабли, веселым и воинственным

видом своим вселяя бодрость в капитанов и солдат, которых называл братьями и сеньорами, напоминая им, кто они такие и то, что наказывал им помнить отец магистр Франциск, который денно и нощно молится за них господу нашему. И слезы его и молитвы, говорил он, будут, несомненно, угодны господу и услышаны им, так как отец магистр — человек всем известной святости, а поэтому всем им надлежит приложить возможные старания, чтобы покрыться славой, ибо и флот этот, и воинство на нем носят имя Иисуса, которое святой отец нарек им перед отплытием. К сказанному он прибавил еще кое-что в том же духе, весьма уместное в такое время и при такой обстановке. Слова его были приняты очень весело; все громко восклицали, что готовы, не рассуждая, умереть за Христа, как истинные христиане. Едва командующий успел подняться на свою фусту, как появилась неприятельская армада, которая под устрашающие крики и оглушительный грохот различных инструментов спускалась вниз по реке строем, который я опишу ниже.

Глава CCVI

О жестокой битве между нашими и ашенцами на реке Парлес и чем она закончилась

В авангарде неприятельской армады шли три турецких галиота и ланчара командующего Бижайя Соры, называвшего себя королем Педира; все остальные суда следовали за ними в десять рядов по шести в ряд, так что общее число гребных судов составляло пятьдесят восемь, ибо прочие были ланчары и фусты, снабженные бомбардами, установленными на носу, недалекобойными полуэсперами и фальконетами, стрелявшими по оси судна, не говоря уже о каморных трехфунтовых пушках и прочих мелких орудиях, которых у неприятеля было более чем достаточно. Течение помогало ашенцам, кроме того, у них были отличные гребцы, налегавшие на весла с отчаянной силой под звуки воинственной музыки, и все это вместе с криками гребцов и бесчисленными выстрелами из аркебузов вселило в душу такой страх и ужас, что удержаться от дрожи было невозможно.

Едва авангард противника показался из-за мыса, образованного с юга излучиной реки, за которым укрылись наши, чтобы встретить врага должным образом, как его авангард из трех турецких галиотов и ланчары с командующим напали на наш первый ряд, состоящий из трех фуст. Фуста командующего шла посередине, а по бокам — суда Диого Соареса и Гомеса Баррето, придворного герцога Брагансы. Тут неприятель поспешил дать по нашим судам первый залп, но господу нашему было угодно, чтобы он не причинил нам ни малейшего вреда. Вслед за этим между обоими авангардами завязалась битва, в которой встретились командующие; обе стороны сражались с большим мужеством и так беспощадно, как только могут сражаться злейшие враги, но угодно было господу нашему, чтобы с фусты Жоана Алвареса последовал вдруг столь удачный выстрел, что на ланчаре Бижайя Соры было разом убито сто мусульман, и она пошла ко дну. Три галиота бросились на помощь утопающим и своему командующему, но спутались снастями и уже не могли распутаться. В это время подгоняемый течением второй ряд судов навалился на первый ряд, а затем и третий на второй, и так далее. Все суда неприятеля сбились в одну кучу и преградили реку во всю ширину. Наша артиллерия воспользовалась этим и дала по противнику три залпа, каждый из которых попал точно в

цель, и девять ланчар немедленно пошли ко дну, а все прочие оказались сильно повреждены, ибо большинство наших орудий стреляло картечью.

Видя этот успех и то, что господь во всем способствует нашей победе, португальцы исполнились такой храбрости и отваги, что с именем Иисуса на устах на четырех фустах бросились на abordаж шести судов противника и засыпали его горшками с порохом и камнями — о пулях я уже не говорю, так как пальба из мушкетов не прекращалась ни на мгновение. Этот славный бой был настолько жарким, что за полчаса нашим удалось перебить чуть ли не две тысячи противников. Гребцы ашенцев пришли от этого в великий ужас и бросились в реку, но из-за сильного течения почти все скоро утонули. Оставшиеся в живых попытались еще некоторое время храбро защищаться, но, видя свою слабость и зная, что их ожидает неминуемая смерть, ибо наши косили их из мушкетов, а они между тем не могли воспользоваться ни ручным оружием, ни артиллерией, а кроме того, мучились от ожогов, полученных от взрывов наших пороховых горшков, — вынуждены были или почти разумнейшим предпочесть воду нашему огню. Все они бросились за борт, но, так как были изранены, обожжены и настолько утомлены и обессилели от боя, что едва могли двигать руками и тут же пошли ко дну, причем не уцелел ни один человек, избавив нас тем самым окончательно от себя. Воздав за победу великие благодарение и хвалу господу нашему, мы завладели всей армадой неприятеля, за исключением тех девяти судов, которые пошли ко дну в самом начале боя, и трех, спасшихся бегством. На одном из них спасся и Бижайя Сора, как говорят, находившийся при смерти после аркебузной раны. На неприятельской армаде оказалось триста орудий, большей частью фальконетов и трехфунтовых камерных, в числе которых шестьдесят два с гербами государя нашего короля, захваченных у нас в былые времена, кроме этого, восемьсот мушкетов и бесчисленное количество копий, пик, мечей, турецких луков с большим запасом стрел, крисов и дротиков, украшенных золотом, которого кое-кому из наших досталась изрядная доля. Командующий немедленно приказал переписать своих людей, причем оказалось, что с нашей стороны погибло всего двадцать шесть человек, из коих только пять португальцев, а остальные рабы и матросы, служившие гребцами на фустах; раненых же было всего сто пятьдесят, из них семьдесят португальцев — трое из них впоследствии умерли, а пять остались калеками.

Молва об этой блестящей и славной победе быстро разнеслась по всей стране. Король Парлеса, спасавшийся все время в лесах из страха перед ашенцами, собрал, как мог, примерно пятьсот человек своих и напал на

крепость, которую у него отобрали ашенцы и где содержались все пленные. Охранять их были оставлены больные, числом около двухсот. Их перебили всех, ни одного не пощадив, и отобрали назад все забранное ашенцами, в том числе две тысячи пленных — все это были женщины, дети и всякий бедный люд.

Сделав это, король явился поздравить дон Франсиско с одержанной победой. Он много раз воздевал руки к небу и торжественной клятвой, как это у нас принято, поклялся отныне и вовеки быть вассалом государя нашего короля и платить ему ежегодную дань в два кате золотом, что составляет пятьсот крузадо. За незначительность суммы он просил его извинить, говоря, что не располагает в настоящее время большими средствами. Все это было изложено в грамоте, которую подписал король и кое-кто из его людей.

Тем временем дон Франсиско готовился в обратный путь. Не имея достаточно людей, чтобы управлять таким большим количеством судов, он приказал часть их поджечь и увел с собой лишь двадцать пять, в том числе четырнадцать фуст и три галиота, на которых прибыли шестьдесят погибших в бою турок. После этого захватили еще один парао, на котором находилось пятнадцать ашенцев. Под пыткой они показали, что во время боя погибло вместе с утонувшими в реке четыре тысячи человек, по большей части людей высших сословий, слуг короля Ашена, из коих пятьсот были даже оуробалоны о Золотом запястье, что соответствует нашим дворянам; далее, шестьдесят турок и двадцать греков, а также янычары, незадолго до этого прибывшие на двух кораблях из Жуды и Пасена.

Глава CCVII

Что произошло в Малакке за время, пока не было известий о нашей армаде, и о том, что отец магистр Франциск Ксаверий сообщил о ней во время воскресной проповеди

Теперь мне надлежит прервать рассказ об армаде и поговорить немного о том, что происходило в Малакке после ухода кораблей, дабы всем было видно, какими чудесными свойствами угодно бывает всевышнему наделить рабов своих для вящего посрамления суетных, холодных, маловерных и недостаточно уповающих на господа бога нашего Иисуса Христа, принявшего смерть, чтобы даровать нашим душам бессмертие.

Святой отец Франциск Ксаверий имел обыкновение произносить проповеди два раза в неделю, по пятницам в церкви Милосердия, а по воскресеньям в главной церкви, нынешнем соборе. В течение двух месяцев, что длился поход на ашенцев, он заставлял верующих читать всякий раз после проповеди «Pater noster» «Ave Maria» [\[10\]](#), дабы господь наш Иисус Христос помог нашим братьям, ушедшим на армаде, превозмочь врагов святой католической веры и через их победу его святое имя прославилось по всей земле. Этот «Pater noster» прихожане истово произносили в течение пятнадцати или двадцати дней, после чего им, естественно, показалось, что какие-то плоды их молитвы должны были уже принести, однако время шло, никаких известий от армады не поступало, и они заключили, что ее, верно, захватили ашенцы. Еще более укрепил их в этом убеждении ложный слух, пущенный в это время по всем окрестным землям мусульманами; утверждали, что некая ланчара, шедшая из Салангора, встретила с ланчарой, идущей в Бинтан, и сообщила ей, что неподалеку от бара Перы произошло столкновение между ашенцами и португальцами, причем последним нанесли сокрушительное поражение, забрали у них все суда и не оставили и живых ни одного человека. Подобный слух был распущен этими приспешниками сатаны с самой коварной целью, и многие в него поверили, так как он был изукрашен весьма искусными выдумками, а сам комендант оказался бессильным воспрепятствовать его распространению. То ли раскаиваясь в том, что он способствовал походу, то ли не будучи в состоянии выносить ходившей из уст в уста молвы, он стал выходить из дому реже обычного, и злые языки,

черпающие отовсюду пищу для своих сплетен, окончательно укрепились в убеждении, что слухи справедливы. О поражении португальцев стали говорить столь упорно, что король Жантаны, сын бывшего короля Малакки, пребывавший в то время в порту Андрагире на Суматре, прослышав о том, что болтали у нас, вошел с флотом в триста судов в реку Мухар [\[357\]](#), в семи легуа от нашей крепости, откуда выслал несколько гребных баланов на разведку по всему побережью, дабы проверить истинность этих сведений; он намеревался, если они подтвердятся, чего он весьма желал, отобрать у нас Малакку, что, как ему казалось при сложившейся обстановке можно было сделать без особого труда и ценою лишь немногих жертв. Чтобы скрыть свое намерение под благовидной личиной, он отправил к коменданту посла с письмом следующего содержания:

«Доблестный сеньор комендант, находясь в начале лунного месяца в Андрагире со своей армадой, готовой выступить против короля Патане, ибо по некоторым причинам я собирался его наказать, о чем ты, вероятно, уже слышал, я узнал о жестоком поражении, нанесенном ашенцами твоим людям, отчего в сердце своем я испытал такую боль, словно все они были моими чадами; а поскольку я всегда стремился доказать на деле брату моему королю Португалии искреннюю любовь, которую я к нему испытываю, едва до меня дошла эта прискорбная весть, как, забыв о том, что я собирался мстить своим врагам, я без промедления устремился в эту реку, чтобы отсюда как добрый друг оказать тебе помощь моими силами, людьми и флотом. Поэтому очень прошу тебя от своего имени и от имени твоего государя, брата моего, для пользы его и оказания ему помощи разрешить мне войти в твою гавань, прежде чем это сделает неприятель, как бы ты этому ни противился, что, по полученным мною сведениям, он намеревается сделать. Мой оуробалон Сепету де Ража выразит тебе изустно, как горячо я желаю быть во всем угодным брату моему королю Португалии. Как истинный друг его ожидаю здесь твоего ответа, после чего я немедленно осуществлю свое намерение оказать ему помощь».

Прочитав это письмо, комендант сделал вид, что не догадывается о его коварной подоплеке, и, глубоко поблагодарив короля за его предложение и ничем не выдавая своей беззащитности, ответил, что пока что ни в какой помощи не нуждается, ибо всего в крепости имеет достаточно. Пока взаимными любезностями они старались обмануть друг друга, враг продолжал сидеть у нас под боком и просидел так целых двадцать три дня, доставляя нам немало забот своим соседством. Но вот из королевства Кеда, куда король Жантаны посылал на разведку свои баланы, они вернулись с

известием о победе, дарованной нам всевышним, и это так огорчило его, что он с досады велел казнить первого, сообщившего ему эту новость, а потом, сказавшись больным, отправился со всем своим флотом в Бинтан. В Малакке по этому случаю были религиозные процессии и благодарственные молебствия за то, что господу богу угодно было избавить нас от такой напасти.

Но вернемся к отцу магистру Франциску. Он все еще в конце каждой проповеди просил верующих прочитать «Pater noster» и «Ave Maria» за победу нашей армады, и паства исправно произносила эти молитвы все то время, пока, по их мнению, они могли принести какую-то пользу, иначе говоря, пятнадцать или двадцать дней. Но когда прошел срок, который, по их представлению, был достаточен для успешного завершения похода, они начали сомневаться в силе этого «Pater noster» как из-за ложных слухов, распушенных мусульманами, так и из-за длительного времени, прошедшего после ухода эскадры, а так как с нее не поступало никаких вестей, они по слабости духа своего решили, что святой отец просит их продолжать молиться больше для того, чтобы их утешить, нежели потому, что он считает это средство действенным. Поэтому когда теперь отец магистр напоминал о молитве, все или почти все начинали подмигивать, подталкивать друг друга локтями и, посмеиваясь, говорили:

— Право слово, отче, много лучше было бы этот «Pater noster» прочесть за упокой их душ, чем за эту вашу пресловутую победу, из-за которой и вам и коменданту еще придется держать строгий ответ перед господом, ибо вы оба погубили этих людей.

Другие насмешку выражали по-иному:

— Что-то и молитв, и верящих вам стало так мало, что все равно что и нет.

Третьи говорили так:

— Если вы с ними когда-либо еще встретитесь, лучше вам от них держаться подальше.

Четвертые, наконец, открыто смеялись над святым отцом, чего они потом изрядно стыдились и чем наиболее разумные были весьма удручены. Но вот в воскресенье 6 декабря этого самого года святой отец, отслужив мессу, стал, как всегда, читать проповедь; в конце ее он обратился к распятию на церковной арке и с величайшим благоговением, весь в слезах, чем все верующие были до глубины души потрясены, стал рисовать перед паствой шаг за шагом всю картину боя португальцев с неверными; он умолял Христа вспомнить о наших, кои, хоть и грешники, и великие грешники, но все же как верные христиане исповедуют его святое имя и в

жизни и смерти признают только одну святую католическую веру; во многих местах своей проповеди он с пылающим лицом и сжатыми в неистовом благочестии кулаками восклицал:

— Иисусе Христе, любовь души моей, ради мук священных ваших страстей, умоляю, не бросайте нас!

Он еще многое говорил в том же роде, чего я уже не помню, а под конец, склонив голову на кафедру, как бы отдыхая от великого труда, оставался недвижим в течение нескольких мгновений, а потом, выпрямившись, с веселым и ясным лицом обратился к присутствующим и произнес:

— Прочтите «Pater noster» и «Ave Maria» за победу, которую господь наш ныне даровал нам над врагами его святой веры, — вызвав величайшее возбуждение и слезы у присутствующих.

На шестой день после проповеди, иначе говоря в пятницу, в Малакку незадолго до захода солнца прибыл принадлежавший раньше ашенцам прекрасно оборудованный балан с солдатом Мануэлом Годиньо. Потребовав от коменданта подарок за добрые вести, которые он ему принес, Годиньо стал пересказывать по порядку весь ход боя и упомянул, что победа была одержана в минувшее воскресенье в десять часов утра. Стали прикидывать время, когда святой отец объявил о ней с кафедры, и убедились, что это было точно в десять часов. В глубине души своей каждый приписал такое провиденье откровенью божьему. Об этом сразу заговорили все, а потом припомнили и другие подобные случаи из жизни отца Франциска. Один из них я сейчас приведу.

После отбытия своего с Молуккских островов святой отец, находясь в семидесяти легуа оттуда, в городе Амбоино, совершал богослужение, и вот, после «Credo» [\[11\]](#), когда он должен был приступить к мессе, он сказал входящим в храм:

— Прочтите «Pater noster» и «Ave Maria» за душу новопреставленного брата нашего Араужо.

Через пятнадцать дней с Молуккских островов прибыли наши корабли, грузившиеся там гвоздикой, и среди прочих новостей сообщили о том, что скончался некий Гонсало де Араужо (если я не перепутал его имени) и случилось это именно в тот день и час, когда святой отец сказал об этом во время службы в Амбоино.

Много еще чудесных вещей, свидетелем которых мне довелось быть, сотворил господь бог через этого святого мужа, и если я о них сейчас не упоминаю, то потому только, что надеюсь рассказать о них дальше.

Глава ССVIII

Как отец магистр Франциск Ксаверий отправился из Малакки в Японию и что приключилось с ним в пути

После этого блестящего успеха, который господу нашему было угодно использовать для прославления преподобного раба своего как тем, что он был вдохновителем похода, так и тем, что он возвестил о его победном завершении, а также для посрамления и пристыжения злоречивых, с помощью которых враг человеческий старался подорвать к нему доверие, святой отец покинул Малакку в декабре того же 1547 года, чтобы проследовать в Индию и подготовить там почву для своего посещения Японии. С собою он взял Анжиро, который, перейдя в христианство, стал зваться Пауло де Санта Фе, как я уже об этом говорил. Однако уехать в Японию святому отцу в том же году не удалось, так как его задержали его обязанности главного ректора всех индийских коллегий ордена Иисуса и смерть вице-короля дона Жоана де Кастро, умершего в Гоа в январе 1548 года. Сменивший его на посту Гарсиа де Са отправил Франциска Ксаверия лишь в апреле 1549 года, предварительно вручив ему предписание дону Педро да Силве, коменданту Малакки, предоставить святому отцу судно и отвезти его туда, куда его направит господь. С этим предписанием отец магистр прибыл в Малакку в последний день мая сорок девятого года и задержался там на несколько дней из-за того, что подходящего судна ему никак не могли найти. Наконец после всяких испытанных здесь огорчений ему удалось в иванов день перебраться на небольшую джонку китайца по прозвищу «Некода-разбойник» и на следующее утро покинуть Малакку. Это путешествие тоже досталось ему не легко, но писать я об этом не буду, ибо мне кажется излишним расписывать все в мельчайших подробностях, а поэтому в дальнейшем я коснусь лишь того, что слабому моему разумению представляется наиболее важным. 15 августа, в день успения пресвятой девы Марии, святой отец прибыл в японский город Кангешуму, родину этого Пауло де Санта Фе, где отца магистра радушно принял весь народ, а еще радужнее сам король. Последний больше всех радовался Франциску Ксаверию и больше всех оказал ему почестей, сказав, что весьма сочувствует прекрасной цели, с которой он прибыл в его страну. Все время, пока отец магистр прожил в этом королевстве, государь выказывал ему непрерывные знаки внимания, чем немало обидел своих

священнослужителей-бонз, не раз пенявших королю за то, что он предоставляет Франциску Ксаверию свободу проповедовать на японской земле религию, столь отличную от их собственной. На это король, когда они ему уже слишком докучили, воскликнул:

— Если его учение противоречит вашему, так противоречьте ему своим, только предоставьте мне быть судьей в этом споре, так как я не хочу, чтобы вы оскорбляли его своей яростью. Он иностранец и доверился моему слову.

Ответ этот привел бонз в крайнее возмущение. Но так как преподобный отец считал, что проповедовать святое имя Христово необходимо прежде всего среди наиболее знатных людей, ибо, по его разумению, потом легче будет достигнуть обращения простонародья, он решил перебраться в королевство Фирандо, находившееся на сто легуа севернее, что и сделал, когда выдалось подходящее время. Тем восьмистам душам, которых он обратил в свою веру, Франциск Ксаверий оставил в качестве пастыря в Кангешуме Пауло де Санта Фе, продолжавшего еще пять месяцев посвящать новообращенных в учение католической церкви. Но тут его начали преследовать бонзы, и он вынужден был перебраться в Китай, где был убит пиратами, орудовавшими в королевстве Лиампо. Оставшиеся в Кангешуме без духовного отца или брата, просвещающего их в вере, восемьсот христиан все же по милости божьей не отступили от учения, которое изложил им в письменном виде святой отец, все семь лет, пока они жили без духовного пастыря.

После того как святой отец пробыл двадцать дней с небольшим в королевстве Фирандо, он решил прощупать всех язычников в стране, чтобы узнать, какая почва окажется наиболее благоприятной для его проповеди. При нем состояли тогда испанец отец Козме де Торрес, который, еще будучи солдатом, попал из Панамы на Молуккские острова с армадой, которую в 1544 году послал туда вице-король Новой Испании, а затем, находясь уже в Гоа, по совету и настоянию отца магистра Франциска, вступил в орден Иисуса; второй был мирянин, вступивший в духовную общину, тоже испанец, уроженец города Кордовы, по имени Хуан Фернандес — человек это был в высшей степени скромный и добродетельный. Святой отец оставил отца Козме де Торреса в Фирандо, а в обществе другого отца, Хуана Фернандеса, отправился в город Миоко, расположенный на самой восточной оконечности Японского острова, ибо ему сообщили, что там постоянно пребывает кубункама — высшее духовное лицо среди их жрецов, а также три других сановника, называемых в Японии королями, каждый из которых занимается

исключительно один правосудием, другой военными, а третий внутренними делами государства. За время этого путешествия Франциск Ксаверий претерпел много лишений, поскольку ему пришлось идти и по трудно проходимым горам, и страдать от холода, ибо уже наступила зима, а на широте сорока градусов в это время года и дожди, и холода, и ветры таковы, что вынести их нет никакой возможности, а святой отец не имел необходимой одежды, да и пища его была весьма скудной. А так как и денег у него не было, то там, где установлены были заставы и иностранцев пропускали за определенную плату, он делал вид, что является пешим слугой какого-нибудь встретившегося ему на пути дворянина, и, чтобы не застрять в дороге, старался не отставать от лошади, на которой ехал его мнимый хозяин.

Когда святой отец прибыл наконец в прославленный город Миоко, столицу всей Японской монархии [\[358\]](#), ему не удалось повидать, как он хотел этого, кубункаму, ибо за посещение его потребовали со святого отца сто тысяч кайша, что соответствует нашим шестистам крузадо, об отсутствии каковых он горько пожалел, ибо без них он не мог осуществить свое заветное желание. Пребывание Франциска Ксаверия в этой части страны не послужило на благо делу Христову, ибо междоусобицы и распри, дело у них, впрочем, достаточно обычное, раздирали тогда Японское государство. Были и другие причины, излагать которые я воздержусь, но ясно говорившие о том, как сопротивляются противники креста всему тому, что сей раб божий старался сотворить на земле.

Святой отец, видя бесплодность своих усилий, перешел из столицы в Сикай, город, расположенный в восемнадцати легуа от Миоко. Оттуда морским путем он отправился в королевство Фирандо, где оставил отца Козме де Торреса, и провел там несколько дней, но не для того, чтобы отдохнуть от пережитых испытаний, а для того, чтобы подвергнуть себя новым и большим. Из Фирандо отец Франциск перебрался в королевство Омангуше, где до 5 сентября 1551 года, за год с небольшим, что он провел в его столице, обратил в христианство более трех тысяч душ. Там он получил известие о прибытии в Бунго португальского корабля. Желая проверить этот слух, он послал туда за шестьдесят легуа сухим путем одного христианина по имени Матеус со следующим письмом капитану и находящимся на его судне купцам:

«Любовь и благоволение Иисуса Христа, истинного бога и господя нашего, да изберет по бесконечному его милосердию обитель в душах Ваших. Аминь. По некоторым письмам, полученным с места Вашей стоянки купцами нашего города, можно заключить о благополучном

прибытии Ваших милостей, но, так как известие это показалось мне не настолько достоверным, сколько бы хотелось моему сердцу, я послал этого христианина проверить его. Очень прошу сообщить мне с ним, куда Вы направляетесь, из какого порта намерены отплыть и когда собираетесь вернуться в Китай, ибо я хотел бы приложить все усилия, чтобы провести этот год в Индии. О себе же напишите Ваши имена, и название корабля, и кто на нем капитан, а также все ли тихо и мирно в Малакке. Приготовьтесь также украсть от дел Ваших некую толику времени, чтобы проверить свою совесть, ибо это такой товар, на котором нажиться можно куда вернее, чем на китайских шелках, как бы на них ни умножались деньги, ибо я собираюсь, если это только будет угодно господу нашему, направиться к Вам, едва получу Ваш ответ. Иисус Христос да хранит нас всех по милосердию своему и дарует нам жизнь на святое служение ему. Аминь.

Совершено в городе Омангуше сентября 1 дня 1551.

Брат во Христе ваших милостей *Франциск*».

Посланец с этим письмом прибыл туда, где мы находились, и был всеми принят так хорошо, как он того заслуживал. Святому отцу сразу ответило шесть или семь человек, как капитан, так и купцы, сообщив много новостей об Индии и Малакке, а также что отсюда они должны через месяц отплыть на своем корабле в Китай, где сейчас грузятся три их судна, собирающиеся в январе идти в Гоа. На одном из этих судов находится друг его преподобия Диого Перейра, с которым ему будет приятно совершить этот путь.

С этим ответом отправили назад доставившего письмо христианина, который остался очень доволен полученными подарками и хорошим приемом, оказанным ему португальцами в течение всех тех дней, что он оставался у них. Обратный путь он проделал за пять дней и вернулся в Омангуше, где святой отец принял его с радостным волнением, вызванным уверенностью, что корабль действительно пришел, равно как и полученными письмами. Через три дня Франциск Ксаверий уже направлялся в город Фушеу, столицу королевства Бунго, куда на корабле, принадлежащем Дуарте да Гама, прибыли и мы, тридцать португальцев, намеревавшихся там торговать. В ближайшую субботу к нам пришли три японца-христианина, сопровождавшие святого отца; они сообщили капитану, что Франциск Ксаверий задержался в двух легуа от города в местечке под названием Пинлашау, из-за того что у него сильно заболела голова, а ноги распухли после шестидесяти легуа пути, и, что, как им кажется, ему потребуется или несколько дней на отдых, если он захочет идти пешком, или конь, на котором бы его доставили, если только он на

это согласится.

Глава ССІХ

Как преподобный отец прибыл в порт Финже, где находился наш корабль, и о том что произошло, пока мы не отправились в город Фушеу к королю Бунго

Когда капитан корабля Дуарте да Гама узнал от трех японцев, что отец магистр, больной, лежит в деревне Пинлашау, он немедленно дал знать португальцам в Фушеу, которые торговали своими товарами в этом городе, отстоявшем от порта, где стоял корабль, на одну легуа, и те в великом волнении немедленно явились. Обсудив, как лучше поступить, они решили, что за Франциском Ксаверием нужно поехать, что тотчас и было сделано. Не успели, однако, мы проехать и четверти легуа, как святой отец повстречался нам в обществе двух христиан, обращенных меньше месяца тому назад. Это были дворяне из самых знатных семей этого королевства, у которых король, за то что они переменили веру, отобрал две тысячи таэлей ежегодных доходов, что составляет три тысячи крузадо.

Все мы были одеты в праздничное платье, ехали на хороших конях, и когда мы увидели, что японцы идут пешком и по очереди несут мешок, в котором было сложено все, что святому отцу было нужно, чтобы служить мессу, мы остановились в глубоком смущении — нам стало стыдно и грустно. Так как святой отец ни за что не соглашался сесть на лошадь, нам, хоть он и возражал против этого, пришлось сопровождать его пешком, что послужило хорошим назиданием для двух новообращенных.

Когда мы подошли к реке Финже, на которой стоял корабль, святой отец был встречен там с великим ликованием. В честь его четыре раза был дан залп из шестидесяти трех каморных пушек, фальконетов и бомбард, причем все или большинство стреляли ядрами или картечью, отчего грохот получился чрезвычайный, особенно потому, что звук отдавался в ущельях окрестных гор. Король, находившийся в это время в городе, услышав этот великий грохот и напуганный столь необычной канонадой, решил, что у нас завязался бой с целой армадой пиратов, о которых уже некоторое время поговаривали в городе, и срочно послал одного дворянина узнать, что случилось. Последний, прибыв к Дуарте да Гаме, передал ему письмо короля и сделал ему несколько приличествующих случаю предложений. Дуарте да Гама ответил ему со всей почтительностью и учтивостью, к которой обязывало письмо, а также предложенные услуги, что мы

празднуем прибытие Франциска Ксаверия, ибо это святой человек, которого очень уважает наш король. Дворянин, весьма пораженный тем, что ему пришлось услышать и увидеть, ответил:

— Право, не знаю, что доложить моему государю, ибо наши бонзы уверили его, что этот человек совсем не святой, как вы это считаете, и им случалось видеть, как он разговаривает с дьяволами, с которыми он в союзе. И если ему и удастся совершить некоторые чудеса, приводящие в изумление темных людей, то это все от нечистой силы. Бонзы говорят, что он беден, настолько беден, что даже вшам, которыми он покрыт, противно есть его тело. Боюсь, — добавил он, — что после этого король потеряет к бонзам всякое доверие и никогда больше не захочет ни видеть их, ни слышать, ибо человек, ради которого вы все это делаете и которого вы так чествуете, надо полагать, действительно свят, как вы о нем говорите, и совсем не такой, каким бонзы постарались его изобразить королю.

Португальцы повторили все то, что уже говорили, и посланец короля, окончательно уверившись в истинности того, что ему и самому было уже ясно, в величайшем изумлении отправился к своему королю. Прибыв в город, он доложил государю, что пушки стреляли в честь португальского святого отца, приход которого привел всех португальцев в такой восторг, как если бы их корабль наполнили серебром. А отсюда ясно, что все наговоры бонз на этого человека — ложь, и сам он, посланец, готов подтвердить его величеству, что у португальского святого такое значительное лицо, что нельзя на него смотреть без уважения. На это король ответил:

— Правильно поступают португальцы, и ты тоже прав, что хорошего мнения о нем.

И немедленно послал одного знатного юношу, своего близкого родственника, посетить святого отца и передать ему письмо следующего содержания:

«Отец бонза из Шемахикожина. Добро пожаловать, и пусть твой приход в мою землю будет столь же угоден твоему богу, как угодны ему славословия святых. Через Куансио Нафама, которого я послал на ваш корабль, я был поставлен в известность о твоём приходе из Омангуше в Финже, что меня глубоко обрадовало, как подтвердят тебе мои слуги, а посему очень прошу тебя, поелику бог не сотворил меня достойным повелевать тебе, удовлетворить мое желание и снизойти к любви, которую питает к тебе моя душа, постучав в калитку моего дома, где я буду тебя ожидать, а то, если это тебе предпочтительней, повелеть мне потревожить тебя, не презрев ни криков моих, ни коленопреклонений перед господом

твоим, коего я признаю богом над всеми богами и лучшим из лучших, живущих на небесах, ибо стопами своего учения он являет надменным сей земли, как угодна ему твоя святая, проведенная в бедности жизнь, и учит чад плоти нашей прозреть и не обольщаться лживыми мирскими посулами. Обязательно вели сообщить мне о своем здоровье, дабы я спал спокойно в безмолвии ночи, пока петухи не разбудят меня и не скажут, что ты направляешься ко мне».

Молодой человек, доставивший это письмо, прибыл на гребной фуне размерами с добрый галиот в сопровождении тридцати молодых дворян и своего воспитателя, очень глубокого старика по имени Поминдоно, брата короля Минато по внебрачной связи его отца. Когда юноша, распрощавшись со святым отцом и с остальными окружавшими его португальцами, перешел на свою фуне, наш корабль произвел в его честь салют в пятнадцать выстрелов, что доставило ему очень большое удовольствие и польстило его самолюбию. Взглянув на воспитателя, стоявшего рядом с ним, он сказал:

— Велик, должно быть, бог этих людей и непостижимы для нас тайны его, если он допускает, чтобы такой бедняк, каким представили бонзы королю этого святого отца, мог повелевать кораблями богачей и бомбарды их громкой пальбой своею возглашали всем, что господу угоден товар столь дешевый и столь презируемый теми, кто населяет землю, что иным даже кажется грехом занимать свой ум мыслями о нем.

На что старик ответил:

— Весьма возможно, что человек этот товаром своей бедности так угодил богу, коему он служит, что, приняв ее во имя его, станет много богаче богачей сего мира, чего бы противного ни утверждали дерзостно бонзы.

Прибыв в город, юноша немедленно явился к королю и, довольный оказанными ему из уважения к святому отцу почестями, сказал:

— Вашему величеству не следует обращаться с этим человеком так, как внушали вам бонзы, ибо уверяю ваше величество, что это будет великий грех. Пусть ваше величество не обращает также внимания на то, что он беден, ибо португальский капитан и все купцы уверяли меня в один голос, что, пожелай только святой отец получить корабль со всем, что в нем находится, они ему немедленно бы его отдали.

На это король ответил:

— Я смущен тем, что ты мне сказал, и еще более смущен тем, что говорили мне бонзы, но обещаю тебе впредь относиться к ним так, как они этого заслуживают.

На следующее утро, как только стало светло, капитан Дуарте да Гама собрал всех купцов и прочих португальцев, находившихся на корабле, дабы решить, каким образом обставить первое посещение короля отцом Франциском. Все были согласны, что во славу божью оно должно быть возможно торжественней, поскольку это докажет, что бонзы говорили об отце Франциске неправду, ибо ясно, что люди будут судить о нем по тому уважению, которое будет к нему проявлено. А посему среди людей, не знающих истинного бога, совершенно необходимо поступить именно так, а не иначе. Хотя решение это и было в некоторых отношениях не по душе святому отцу, приведенные доводы вынудили его согласиться с мнением большинства. Порешив это, мы постарались возможно быстрее приготовиться к встрече с королем, надели на себя лучшее платье и отправились в город на корабельной шлюпке и двух маншуа, украшенных шелковыми навесами и флагами, взяв с собой два хора трубачей и флейтистов, игравших поочередно. Это необычное зрелище возбудило такое любопытство у местных жителей, что, когда мы подошли к пристани, толпа не давала нам возможности сойти на берег. Встречать нас по приказанию короля прибыл Куамен Андоно, комендант Канафамы, и привел с собой носильщиков с носилками, которыми отец Франциск ни за что не захотел воспользоваться, поэтому все пошли во дворец пешком в сопровождении большого количества знати, нас, тридцати португальцев, и тридцати наших слуг — все они были принаряжены, и у каждого на шее было по золотой цепочке. На святом отце была длинная ряса из черного гладкого муарового камелота и стола из зеленого бархата с каймой из золотой парчи. Наш капитан шествовал с тростью в руке как жезлоносец, за ним шли пять наиболее уважаемых, богатых и именитых португальцев, несших в руках различные предметы, изображая слуг святого отца. Так, один нес обернутую в белый атлас книгу; второй — отыскавшиеся у нас туфли из черного бархата; третий — бенгальский посох с золотым набалдашником; четвертый — икону божьей матери с покровом из фиолетового штофа; пятый, наконец, зонтик с короткой ручкой. Таким порядком мы торжественно прошли по девяти главным улицам города, где народу набралось такое количество, что даже на крышах было тесно.

Глава ССХ

О почестях, оказанных королем Бунго отцу магистру Франциску Ксаверию в день их первой встречи

Проществовав описанным образом по городу, мы прибыли наконец на первый двор королевского дворца, где стоял Финжейндоно, начальник дворцовой охраны, во главе шестисот воинов, вооруженных пиками, луками и богато украшенными мечами, дававшими представление о великолепии государя Бунго. Мы прошли мимо этих людей и вошли в длинную галерею. Там пять вышеупомянутых мной именитых граждан опустились на колени и вручили отцу Франциску предметы, которые они несли в руках. Все это вызвало у присутствующих при этом сановников величайшее удивление.

— Повесятся теперь наши бонзы, — говорили друг другу присутствующие, — что-то они и показываться совсем перестали, а все потому, что этот человек не такой, каким они расписали его королю, а посланец божий, пришедший посрамить завистников.

Пройдя эту галерею, мы оказались в обширном помещении, где было много знати в пестрых атласных и штофных алтирнах и с мечами, отделанными золотом. Был тут также мальчик шести или семи лет, которого держал за руку старик. Подойдя к отцу Франциску, мальчик сказал:

— Да будет твой приход во дворец государя моего короля столь же приятен тебе и ему, сколь дождь, ниспосылаемый на землю богом, благодатен для жаждущих влаги посевов нашего риса. Входи без боязни и с веселым лицом, ибо искренне говорю тебе: все добрые желают тебе великого добра, а злые омрачаются, как ночное небо, покрытое дождевыми тучами.

Отец Франциск ответил на эти слова подходящим приветствием в их вкусе. Пока он говорил, мальчик хранил молчание, но, выслушав его до конца, продолжал:

— Велико должно быть твое мужество, если ты отважился прибыть с края света для того, чтобы тебя поносили в чужих землях прозвищем бедняка, но без сравнения большей должна быть доброта бога, которому не угодно это ложное мнение света, разделяемое и бонзами, ибо они открыто заявляют, подкрепляя слова свои клятвами, что ни женщины, ни бедняки

не могут никаким образом спастись.

На это отец Франциск ответил:

— Господь, живущий и царствующий на самой вершине небес, дозволит туману спастись с очей их, и тогда узнают они, в какое заблуждение их ввела слепота их, а когда господь дарует им этот свет, он даст им и силы отречься от ложного мнения, которого они держались.

Продолжая беседовать с отцом магистром о предметах возвышенных и важных, чем мы были крайне удивлены, принимая во внимание его нежный возраст, мальчик провел его в другой зал, где находилось большое количество отроков и юношей, сыновей вельмож этого королевства. При входе отца магистра они все встали, а по окончании поклонов, во время которых они трижды касались лбами земли, что является у них знаком величайшего уважения, ибо так кланяется лишь сын отцу и вассал своему сюзерену или королю, двое из них выступили вперед и как бы от имени всех присутствующих сказали:

— Да возрадует твой приход, святой отец бонза, государя нашего короля так, как радуется улыбка прелестного ребенка его мать, когда она держит его у себя на груди. Клянемся тебе волосами голов наших, что даже стены, которые ты видишь перед собой, велят нам возликовать от твоего прихода, прославляя господя, о котором в Омангуше, когда мы тебя там слышали, ты рассказал столько чудесного.

Тут все отроки и юноши захотели последовать за святым отцом, но мальчик, провожавший святого отца за руку, знаком предложил им снова сесть. Из этого зала мы снова вошли в очень длинную галерею, окаймлявшую рощицу апельсиновых деревьев, и, пройдя ее, попали в третье помещение размером с первые залы, где нас ждал Фашарандоно, брат короля, получивший затем престол Омангуше. Отец Франциск низко ему поклонился, на что Фашарандоно ответил такой же любезностью, сказав:

— Заверяю отца бонзу, что нынешний день — день ликования в этом доме, ибо государь мой король считает себя сегодня большим богачом, чем если бы он обладал тридцатью двумя хранилищами серебра в Китае. Пусть будет твой приход настолько радостен ему и принесет тебе столько чести, насколько простираются твои желания.

Мальчик, подведя отца Франциска к брату короля, предоставил последнему заняться гостем, а сам отошел на несколько шагов назад, и это новое проявление вежливости нам очень понравилось. Из этого зала мы перешли в другой, где было много вельмож, которые также встретили отца Франциска весьма почтительно. Здесь последний некоторое время

задержался, беседуя стоя с братом короля, пока отцу магистру из королевских покоев не поступило приглашение войти. За святым мужем последовало большинство сопровождавших его вельмож. Зал, в который он вошел, был очень богато отделан; король уже ожидал его стоя и, увидев его, сделал пять или шесть шагов ему навстречу. Отец Франциск хотел было поклониться ему в ноги, но король не допустил этого и, подняв его под руки, сам, напротив, трижды низко поклонился ему так, как сын кланяется отцу или вассал сюзерену, чем все присутствующие вельможи были крайне изумлены, а мы еще больше. Потом король взял его за руку (брат короля тем временем несколько отстал) и, усевшись на возвышении, пригласил святого отца сесть рядом с собой, брат короля расположился немного ниже, а португальцы и вельможи заняли места против короля, предварительно обменявшись взаимными любезностями, в которых король проявил много дружеского расположения к отцу Франциску. Последний отвечал ему в их вкусе столь приятными словами, что король, взглянув на брата и на прочих присутствовавших в зале вельмож, произнес громким голосом так, чтобы все его расслышали:

— О, кто бы мог спросить бога, как могло стать или какова была причина того, что он допустил у нас такую слепоту, а этого мужа наделил таким бесстрашием? Ибо, с одной стороны, мы ныне собственными глазами можем убедиться, насколько несправедливо то, что говорила о нем молва, и в силах доказать это столь неопровержимыми и очевидными доводами, что всякий сомневающийся смутится и не станет возражать, более того, если он наделен здравым рассудком, признает свою ошибку; а с другой — мы видим наших бонз, окончательно запутавшихся в поисках истины и столь непоследовательных в том, что они проповедуют, что сегодня они говорят одно, а завтра противоположное, так что все их учение для человека с ясным умом не что иное, как сумбур, едва ли способный вывести душу на путь спасения.

Присутствующий при этом бонза, возмущенный речью короля, сказал:

— Ваше величество, вопрос этот не таков, чтобы его можно было разрешить с такой поспешностью, ибо ваше величество не обучалось в Фиансима. Если у вашего величества есть какие-нибудь сомнения, обратитесь ко мне, и я их разрешу, и тогда ваше величество увидит, сколь истинно то, что мы проповедуем, и с какой великой пользой тратится то, что нам дают.

— Раз ты это знаешь, так говори, а я помолчу.

Фашиандоно тогда изложил положения своей религии. Первое из них заключалось в том, что святость бонз не подлежит сомнению, поскольку

всю жизнь они отдают угодной богу религии и большую часть ночи проводят в молитвах о тех, кто завещал им свое имущество; блюдут постоянное целомудрие; не едят свежей рыбы; лечат больных; обучают сынов человеческих добрым нравам; мирят царей, когда между ними возникают распри, дабы народы могли жить в спокойствии; выдают кушимиако, или векселя, на небо, чтобы на том свете все покойники оказались богатыми и жили в полном достатке; ночами раздают милостыню душам умерших, слезно молящих о помощи в трудах своих и печалях, которые им приходится испытывать на том свете по бедности своей; имеют ученые степени в коллегиях Бандоу, подтвержденные кубункама и миокскими грошо, но самое главное, большие друзья солнца, светил и святых на небе, с которыми разговаривают по ночам и даже часто обнимают их. Он еще долго говорил подобные нелепицы, причем по временам приходил в такое неистовство, что четыре раза назвал короля фошидехуза, что значит «ослепленный грешник».

Король был так возмущен нелепостью и дерзостью речей этого бонзы, что, взглянув два или три раза на своего брата, дал ему знак, чтобы он заставил его замолчать, что Фашарандоно (ибо таково было имя королевского брата) немедленно и сделал. Король, заставил бонзу подняться с места, где он сидел, и сказал ему:

— Мы не собираемся противоречить тебе в том, что ты привел в подтверждение и доказательство твоей святости, но скажу тебе откровенно, что гордыня твоих необузданных речей глубоко оскорбила нас, и я дерзнул бы поклясться своим спасением, что в них больше от ада, чем в тебе самом от небес, на которых обитает всевышний.

На это бонза ответил:

— Придет еще время, когда мне не понадобятся больше люди, и ни они, ни ты, ни все короли, правящие на земле, не достойны будут прикоснуться ко мне.

Король улыбнулся гордыне бонзы и взглянул на святого отца, как бы желая сказать: «Как тебе это нравится?» Тот, чтобы успокоить короля, сказал:

— Отложите это, ваше величество, до другого дня, когда бонза будет более спокоен.

На что король заметил:

— Ты прав, а я вот не прав, что его слушаю.

И, приказав поднять бонзу, сказал ему:

— Когда тебе случится говорить о боге, не оправдывайся, ссылаясь на него, ибо этим ты совершишь великий грех, но, произнося слова,

исполненные любви к нему, очисти душу свою от гнева, что ты носишь в себе, и мы тогда будем тебя слушать.

Выговор этот оскорбил бонзу, и он сказал, обращаясь к присутствующим:

— *Hiacata passiram figiancor passinau*, — что значит: «Пусть короля, говорящего такое, спалит небесный огонь», — быстро встал с места и, ни с кем не попрощавшись, вышел, бурча себе что-то под нос, что всех присутствующих вельмож развеселило, и они стали обмениваться шутками и остротами. Король успокоился, забыл свой гнев и шесть или семь раз принимался смеяться.

Когда наступило время обеда, королю принесли поесть. Он пригласил святого отца разделить с ним трапезу, но последний три раза очень вежливо отказывался, говоря, что сейчас в этом нет нужды. Король на это ответил:

— Я прекрасно понимаю, что ты не голоден, раз отказываешься от пищи, но мне кажется, ты должен был бы знать, если ты стал таким же японцем, как и мы, что такое предложение со стороны короля другому королю является самым сильным доказательством любви, а так как я приравниваю тебя к королям, я за великую честь почитаю пригласить тебя.

Тут святой отец, желая выразить свою признательность, попытался поцеловать у короля меч, который был у него за поясом, и сказал:

— Господь бог наш, ради которого ты оказываешь мне такую милость, да ниспошлет на тебя с небес благодать свою, удостоив тебя как истинного раба божьего исповедовать его веру, дабы в конце дней своих ты мог вознестись на небо.

Король ответил ему:

— Согласен с тем, что ты спрашиваешь у него для меня, при условии, что ты останешься со мной, чтобы подробно поговорить о всем том, мимо чего мы часто проходим.

И, преподнеся святому отцу с улыбкой блюдо риса, поставленное перед ним, снова попросил его отобедать с ним, о чем теперь тот уже не заставил себя просить. Видя, какую великую честь, несмотря на все наговоры бонз, оказал святому отцу король Бунго, капитан и все португальцы опустили на колени.

Глава ССХІ

Как отец Франциск пошел прощаться с королем по случаю отъезда своего в Китай, как тот попросил его остаться еще на несколько дней и какие споры святому отцу пришлось вести с бонзами

Со дня появления преподобного отца в городе Фушеу, столице, как я уже говорил, королевства Бунго на японском острове, прошло уже сорок шесть дней. За это время Франциск Ксаверий так успешно обращал японцев в христианство, ни на что другое не отвлекаясь, что лишь чудом кто-либо из португальцев урывал у него час-другой для душеспасительной беседы, и то разве только ночью или рано утром, когда он принимал исповедь. Некоторые из его друзей даже стали обижаться на него за это и находить, что он ими пренебрегает, но святой отец как-то раз сказал им:

— Прошу вас, братья мои во Христе, никогда не ждите меня к обеду и не причисляйте меня в этом отношении к живым. Искренне говорю вам, этим вы только причините мне великое огорчение, ибо знайте, что пир, в котором нахожу я больше всего радости и удовольствия, — это видеть, как душа отдается тому, кто искупил ее грехи, и слышать слова, которые произнес ныне главный бонза Канафамы Сакуаен Жиран. Согласившись с тем, что отрицал раньше, он опустился на колени посреди людной площади и, воздев руки к небу, произнес во всеуслышание, заливаясь слезами: «Вам, вечный Иисус Христос, сын божий, отдается ныне душа моя. Устами своими исповедую то, что утвердилось в сердце моем. А посему прошу всех, кто меня слышит, сказать людям, с которыми они будут говорить, чтобы они простили мне, что я столько раз в проповедях своих выдавал за истину то, что, как я теперь вижу и понимаю, является заблуждением и ложью». И будьте уверены, братья мои, что эта святая исповедь новообращенного раба божьего и брата нашего произвела такое впечатление на народ, что, если бы я захотел, я смог бы тут же окрестить более пятисот человек, но к этому нужно приступать с великой осмотрительностью и не делать слишком поспешно, ибо бонзы не оставляют новообращенных, говоря им, что, раз они, перейдя в христианство, обрекли себя на гибель, я должен, по крайней мере, наградить их деньгами. Придумали это бонзы, зная, что я беден и ничего дать не могу, для того чтобы подорвать доверие ко мне, которое, по

свидетельству желающих принять христианство, внушают мои слова. Но господь бог по великой милости своей устранил и это препятствие, поставленное коварными противниками христианской веры.

Король все эти дни постоянно виделся со святым отцом и так проникся к нему доверием, что ни один бонза не допускался во дворец; более того, король даже стал стыдиться тех гнусностей, кои под видом добродетели внушали ему эти дьяволы, и перестал предаваться многим своим порокам, и в первую очередь прогнал от себя юношу, с которым имел содомское общение. Ему также стала ненавистна крайняя скупость, которую эти слуги сатаны превозносили чуть ли не как подвиг, и под влиянием поучений святого отца стал настолько щедр, что его можно было назвать почти расточительным. Далее, он велел запретить женщинам под страхом тягчайших наказаний убивать новорожденных младенцев, к чему раньше, по совету и наущению этих же самых бонз, большинство из них постоянно прибегало. Таким же образом он пресек и кое-какие другие преступные действия в этом роде, неоднократно говоря во всеуслышание, что перед лицом святого отца он стоит, как перед ясным зеркалом, смущенный и пристыженный при мысли о том, что он совершал под влиянием бонз.

Слыша подобные речи, мы считали, что обращение короля в христианство не представит больших трудностей, если святой отец сможет посвятить ему достаточно много времени. Однако намерения короля были совсем иные, и кажущаяся легкость в подобном деле, обманув и на этот раз наши надежды, не привела к желаемым результатам, и король и поныне пребывает необращенным, — но тайна эта постижима одному лишь господу, ибо людям она недоступна.

Тем временем приближался срок, назначенный для нашего отплытия в Китай, и судно наше было уже приведено в готовность. В связи с этим капитан Дуарте да Гама и прочие португальцы пошли вместе со святым отцом попрощаться с королем и поблагодарить его за хороший прием, который он оказал нам в своих владениях.

Приняв нас всех с веселым и приветливым лицом, он сказал:

— Признаюсь, я испытываю сердечное сожаление, что не могу быть одним из вас. Завидую вам, что вы отправляетесь в путь со святым отцом, отсутствие которого заставит душу мою оплакивать свое сиротство, ибо я очень опасаюсь, что больше на земле нам свидеться не придется.

На что отец Франциск, поблагодарив его за любовь, ответил, что, если господь отпустит ему еще несколько лет жизни, он скоро вернется навестить его величество, что доставило большое удовольствие королю.

Во время этого разговора и многих других бесед, которые святой отец вел с королем, он не раз напоминал ему о некоторых вещах, необходимых для его спасения; настоятельно просил его помнить, как коротка человеческая жизнь и что все мы находимся в объятиях смерти; предостерегал его, что если он не перейдет в христианство, то будет непременно осужден, но если он станет христианином и до конца будет пребывать в милости у Иисуса Христа, то может быть уверен, что сын божий примет его в число чад своих и ценою своей драгоценной крови добьется его оправдания перед предвечным отцом. Говорил он с королем о его спасении столь прочувственным образом, что у того дважды навертывались слезы, чем все мы были глубоко потрясены и чему все стоявшие близко к королю придали большое значение.

Между тем бонзы как истые слугители сатаны исподволь старались навредить святому отцу, так как открыто с ним сразиться не могли, ибо споры, которые они пытались с ним затеять, неизменно приводили к их поражению, и доводы Франциска Ксаверия они не в силах были опровергнуть, так что народ стал уважать их меньше прежнего. Этим они были чрезвычайно оскорблены и не раз называли святого отца «инокосен» — смердящим псом, беднейшим, чем все изъеденные вшами нищие, и уверяли, что он питается клопами и мясом трупов, которые ночью выкапывает из могил. А что до того, что ему случается привести их в замешательство своими речами, то это волшебство и дьявольское искусство, и никаких тут знаний или духовной силы нет. Король же, за всю проявленную к нему милость и оказанные ему почести непременно будет спален огнем и потеряет престол, ибо так определили четыре фатоке (иначе говоря, четыре божества их веры): Шака, Амида, Жизон и Канон. Такую вот судьбу они пророчили королю и народу за то, что тот терпит в своей стране чужеземного бонзу. Слушать бонз было страшно, и мы, португальцы, изрядно их побаивались, но пока что нас спасало то, что на нашей стороне неизменно был король. Ему, после бога, обязаны мы были тем, что бонзы не пошли на то, что они давно уже замыслили, а именно, намеренно подстроить какую-нибудь смуту, чтобы, воспользовавшись ей, убить святого отца, да заодно и нас. Когда они поняли, что не так-то просто добиться того, что они хотели, они опять решили прибегнуть к диспутам и подорвать доверие к святому отцу, но теперь они собирались выставить против него знаменитого бонзу, почитавшегося среди них вершиной учености. Был он настоятелем храма, именуемого Миайжима, расположенного в двенадцати легуа от Фушеу. С этой целью они попросили его приехать, дабы вступить за честь их богов. Бонза, полагая,

что победа в споре с тем, кто сам неизменно побеждал в споре своих противников, принесет ему великую честь и славу, поспешил приехать вместе с шестью или семью такими же учеными бонзами, которых он взял себе в помощники. Прибыл он как раз в то время, когда отец Франциск вместе с капитаном и прочими португальцами прощался с королем, ибо на следующий день, должен был отплыть в Китай. Бонзе очень хотелось, чтобы у него не ускользнула из рук добыча, которую он считал уже верной, так как был убежден в глубине своих познаний, имел степень тундо в коллегии Фиансима и, как говорят, тридцать лет был там деканом факультета, который у них считается самым ученым, как у нас, скажем, факультет богословия. Придя во дворец в упомянутое время, он велел доложить королю через одного из бонз, приехавших вместе с ним, что к нему прибыл Фукарандоно (ибо так он назывался). Король был этим настолько огорчен, что это даже стало заметно. Он думал, что ученостью своей бонза может привести в замешательство святого отца, чем будет подорвана добрая слана, которую Франциск Ксаверий заслужил, переспорив других бонз.

Однако святой отец, поняв причину озабоченности государя, стал очень просить его допустить до себя знаменитого бонзу, на что король с большой неохотой наконец согласился.

Бонза явился, и после того как он выполнил весь церемониал приветствий, король спросил его, что ему угодно, на что последний ответил, что приехал повидать отца из Шеншико, чтобы успеть попрощаться с ним, прежде чем он уедет. Все это было сказано с таким высокомерием и надменностью, что сразу стало видно, чьим орудием он является. Подойдя к святому отцу, который пригласил бонзу сесть рядом с собой, и обменявшись с ним различными любезностями, на которые здесь не скупятся, он спросил отца Франциска, знает ли он его. На это отец ответил, что нет, ибо никогда о нем не слышал. Бонза, для того чтобы унижить собеседника, сделал вид, будто это его очень развеселило, и, обратившись к своей свите, воскликнул:

— Недолго придется с ним возиться, если он меня не узнает, хоть мы с ним чуть ли не девяносто или сто раз встречались по торговым делам. Не думаю, чтобы он ответил впопад на то, что я у него буду спрашивать.

И, обратившись к святому отцу, спросил его:

— Остался еще у тебя товар, который ты продал мне во Френожаме?

На это отец сказал:

— Я не отвечаю на непонятные мне вопросы, а поэтому изъяснись понятней, тогда я отвечу тебе по существу. Раз я никогда не был купцом,

не знаю, где находится Френожама, и никогда с тобой не говорил, каким образом мог бы я тебе продавать что бы то ни было?

— Забыл, верно, — сказал бонза, — сдается мне, память у тебя короткая.

На что отец Франциск ответил:

— Раз я не помню, так скажи, если память у тебя лучше, и не забывай, что мы перед королем.

Бонза тогда с самым надменным и гордым видом произнес:

— Сегодня исполнилось тысяча пятьсот лет, как ты мне продал сто пико шелка, на которых я потом еще изрядно нажил.

Святой отец обратил значительный и мягкий взор на короля и попросил у него разрешения ответить. Король сказал, что он этим доставит ему великое удовольствие. Святой отец, учтиво поклонившись, обернулся к бонзе и спросил его, сколько ему лет, на что тот ответил: пятьдесят два. Тогда отец Франциск продолжал:

— Так как же, если тебе не больше пятидесяти двух лет, мог ты быть купцом тысяча пятьсот лет тому назад и покупать у меня товар, когда и Япония-то всего шестьсот лет как заселена, как вы об этом все время твердите, и на месте Френожамы, надо думать, были одни лишь необитаемые земли?

— Ну что ж, я тебе отвечу, — сказал бонза, — и ты увидишь, насколько больше мы знаем о прошлом, чем ты о нынешнем. Так вот знай, если не знал этого раньше, что мир никогда не имел начала, а земнородным никогда не приходит конец. С последним вздохом умирает лишь тело, облекавшее нашу душу, которую природа переселяет потом в новые и лучшие тела, как это ясно видно, когда мы рождаемся от матерей наших то в виде мальчиков, то в виде девочек, в зависимости от того, находится ли луна в день нашего рождения в соединении с солнцем или нет. Будучи раз рожденными, мы претерпеваем ряд изменений, к которым нас вынуждает бренность природы, входящей в наш состав, но тот, у кого хорошая память, помнит то, что он делал и что происходило с ним в прошлой жизни.

Святой отец с легкостью разбил это ложное положение и трижды опроверг его столь ясными и очевидными доводами, прибегая к столь уместным и естественным сравнениям, что бонза оказался посрамлен. Не буду излагать их здесь, чтобы не впасть в многословие, и главным образом потому, что их не вмещает узкий сосуд моего разумения. Бонза, однако, продолжал упорствовать в своих ложных воззрениях, не желая потерпеть поражение и пасть в общем мнении, в котором, как он полагал, он вознесся очень высоко. Продолжая спор, дабы показать королю и прочим

присутствующим, какой он ученый в вопросах своей религии, и чувствуя поддержку бонз, он спросил наконец отца Франциска, придавая первостепенное значение этому вопросу, почему тот запрещает японцам мужеложество. На этот второй вопрос святой отец ответил ему, приводя столь ясные и разительные доводы (которые тоже не входят в мою компетенцию), что король остался очень доволен, а бонза посрамлен, но тундо был настолько упрям и настолько предан скотским своим наклонностям, что никоим образом не желал поддаться доводам разума, как бы ясно они ни были ему изложены, пока все присутствующие вельможи не сказали ему:

— Если ты хочешь воевать, то отправляйся в королевство Омангуше, там теперь как раз война. Там ты сможешь легко подыскать кого-нибудь, кто тебе пробьет башку, ибо у нас сейчас, слава богу, мир и спокойствие; а если хочешь спорить, поддерживать или отрицать какое-либо мнение, то не горячись и выражайся как человек воспитанный, как это делает бонза из чужих краев, который отвечает лишь на те вопросы, на которые ты даешь ему разрешение ответить. Если ты будешь вести себя так, его величество готово тебя слушать, а иначе оно будет обедать, ибо уже поздно.

На эти слова, произнесенные одним из вельмож, бонза ответил такими несдержанными речами, что оскорбленный король велел его поднять с места и выбросить за дверь, поклявшись, что, если бы он только не был бонзой, он велел бы отрубить ему голову.

Глава ССХІІ

О том, что произошло между преподобным отцом и прочими португальцами, когда пришло время отплывать из Фушеу, и о втором диспуте, который он имел с бонзой Фукарандоно

Грубость, с которой государь обошелся с Фукарандоно, вызвала бунт среди бонз, которые восстали против короля и главных сановников, ибо усмотрели в ней неуважение к своей религии. Они заперли все храмы в городе и отказывались совершать жертвоприношения, о которых просил их народ, и принимать от них пожертвования. Поэтому королю пришлось проявить осторожность и пойти с ними на соглашение, дабы успокоить разгоревшиеся страсти и возмущение, назревавшее среди черни, которая начинала уже терять всякий стыд и совесть. Мы, португальцы, опасались бунта, подстроенного этими бесовскими бонзами, которых мы всегда побаивались, а потому перебрались на следующий же день на корабль, возможно, когда этого еще не требовала обстановка, и стали уговаривать святого отца последовать нашему примеру, ибо на берегу делать нам больше было нечего. Франциск Ксаверий, однако, попросил его от этого уволить. На корабле мы стали обсуждать, что предпринять в данном случае, и решили было, прежде чем приключится какое-нибудь несчастье, послать за ним самого капитана, что и было сделано. Дуарте да Гама отвез письмо португальцев в бедный дом, где святой отец находился в обществе восьми христиан, и изложил ему все соображения в пользу того, чтобы он немедленно перешел на судно, прежде чем покусятся на его жизнь, что, несомненно, должно было произойти, если он останется на берегу. На это он ответил:

— Брат мой, о, если бы я был настолько счастлив, что удостоен был господом моим пострадать за него, чего вы так боитесь! Но я отлично знаю, что не заслуживаю такой милости, а что до того, чтобы скорее перейти на корабль, как просят меня эти сеньоры, а ваша милость мне советует, скажу вам, что делать мне это не приличествует, ибо это будет великой обидой для этих новообращенных христиан и послужит поводом и причиной, чтобы, видя дурной пример, показанный мной, они попались в сети, расставляемые для них приспешниками дьявола. А раз ваша милость уразумела, в чем заключаются мои обязанности, не уговаривайте меня, а отправляйтесь с этими сеньорами в путь, поскольку вас принуждают к

этому сроки фрахтовки, — обязательства есть и у меня, и много большие, ибо обязательства эти перед богом, который, чтобы спасти меня, умер пригвожденный к кресту.

Не достигнув успеха, капитан вернулся к себе на корабль, весьма смущенный и взволнованный убедительностью доводов святого отца и слезами, которые тот пролил, излагая их. Он передал португальцам свой разговор с Франциском Ксаверием, что, поскольку сроки фрахтов принуждают их вернуться в Кантон, откуда они вышли, он передает и корабль, и все товары в полное их распоряжение, сам же должен вернуться на берег, так как оставить святого отца без защиты он не может. Это благородное решение капитана встретило у купцов полнейшее одобрение, и они согласились ждать его все то время, которое ему потребуется. Сгорая от святого желания поступить как можно лучше, они единогласно решили отвести корабль на место прежней стоянки, чем чрезвычайно утешили и обрадовали святого отца и христиан, которые воспрянули духом, а бонзы смутились и опечалились — ибо они видели, что бедность святого отца не происходит от отсутствия необходимого, как они клеветнически утверждали, а от желания служить богу. А так как бонзы знали, что король удостоверился в этой истине и что святой отец готов опровергать все их возражения и его не останавливают препятствия, которые они ставят проповедуемой им вере, они решили между собой, что спор его с Фукарандоно надлежит продолжить. За разрешением они обратились к королю, и тот дал свое согласие, поставив им, однако, условия, шедшие вразрез с их намерениями. Первое из них было, что спор должен вестись без крика и учтиво; второе — что они должны признать доводы, которые слушателям покажутся убедительными; третье — что они обязаны подчиниться решению, которое после диспута будет признано правильным большинством голосов; четвертое — что ни они, ни кто-либо другой по их наущению не имеет права мешать тем, кто пожелает обратиться в христианство; пятое — что действительность доводов, выставляемых для подтверждения или опровержения того или иного положения, будет определяться судьями; шестое — что они обязуются признать то, что будет доказано доводами, почерпнутыми из действительности и убедительными для человеческого разума. Против этих условий они единодушно возражали, что им не к лицу подчиняться решениям третейского суда, не составленного из таких же бонз, как они. Король, однако, настоял на своем предложении, ибо оно казалось ему правильным, и им пришлось, хоть и весьма неохотно, уступить, так как иного выхода у них не было.

Фукарандоно, тундо из Миайжимы, уже на следующий день явился во

дворец в сопровождении трех тысяч бонз, собравшихся для этого диспута. Но король согласился допустить только четверых, сказав, что это он делает, чтобы избежать распрей, а также потому, что честь его не допускает, чтобы они выставляли против одного человека три тысячи своих сторонников. Тут дали знать отцу Франциску, который уже был извещен о предстоящем диспуте, и капитан и португальцы проводили его во дворец еще с большей торжественностью, чем в день первого посещения короля. Самые уважаемые и богатые португальцы прислуживали ему, непрерывно выказывая ему знаки величайшего почтения, то и дело опускаясь перед ним на колени и держа все время в руках шапки, украшенные жемчугом и многочисленными золотыми цепочками. Все эти почести, пышность и богатство очень уязвили бонз. На их лицах можно было заметить явное огорчение и растерянность. Но короля и вельмож, находившихся во дворце, все это очень развеселило, и, подшучивая над бонзами, они говорили:

— Пусть будут наши дети такими же бедными, как он. Что бы о нем ни говорили, истина-то у нас перед глазами, а вымысел тех, кто утверждает противное, лишь доказывает их зависть.

Король, услышав, что говорят вельможи, улыбнулся и сказал:

— Бонзы клятвенно уверяли меня, что, если я увижу этого отца, меня стошнит от его вида, и я некоторое время тоже так думал, так как доверял им, но с некоторых пор я убедился, что все истины их могут оказаться под стать этой.

Слова эти, которые король произносил достаточно громко, как бы с намерением задеть и осмеять бонз, так смутили и их и Фукарандоно, что они не решались открыть рта. Такая боль и зависть была у них на душе, что Фукарандоно, обратившись к одному из стоявших рядом с ним сторонников, сказал ему вполголоса:

— По тому, что глаза мои видят, а уши мои слышат, боюсь, придется нам уйти сегодня столь опозоренными, что и в прошлый раз, а может быть, и еще сильнее.

Едва святой отец вошел в зал со всей знатью и вельможами, которые его сопровождали, король предложил ему сесть на самое почетное место рядом с собой, оказав ему почти такую же честь, как своему брату, и, поговорив с ним, а потом приказав водворить тишину, предложил Фукарандоно изложить, какие возражения выставляют бонзы против принятия в Японии новой религии, которую отец магистр прибыл проповедовать жителям этого города. Бонза Фукарандоно, уже немного присмиривший и обуздавший свою гордыню или просто желавший скрыть

свое низкое происхождение и, по слухам, отнюдь не благородную кровь, ответил ему, что религия эта в высшей степени враждебна его религии и противоречит всем ее заповедям; стремится открыто осрамить рабов божьих, произнесших монашеские обеты и чистотой жизни служащих своему богу; новыми заповедями и предписаниями запрещает то, что разрешали сторонникам их религии бывшие кубункама, и, наконец, устами своих проповедников открыто заявляет народу, что только в том, что проповедуют христиане, спасение людей, и не в чем ином, и что святые фатокины Шака, Амида, Жизон и Канон осуждены на вечные муки в бездонной пропасти Обители Дыма и преданы праведным судом божественного правосудия Прожорливой Змее, обитающей в ночи; а посему, движимые священным рвением, все японцы обязаны предотвратить то зло, от которого могут проистечь бесчисленные беды.

Король обратился к святому отцу и предложил ему ответить на эту жалобу, к которой присоединились и другие бонзы. На это Франциск Ксаверий, устремив глаза к небу и воздев руки, ответил, что просит его величество предложить тундо Фукарандоно указать в точности на те причины, которые заставляют его и прочих бонз жаловаться на его речи, и тогда он сможет ответить на каждое обвинение в отдельности. И тогда его величество и присутствующие разберут их доводы и решат, что правильно, и после этого ни бонза, ни он не будут ни в чем противоречить принятому решению.

Королю предложение это показалось разумным, и он приказал, чтобы так и было сделано. Среди слушателей снова водворили тишину, и бонза спросил святого отца, почему он дурно отзывался о его богах. На это отец Франциск ответил, что они недостойны этого высокого имени, которое дают им непросвещенные, ибо подходит оно только господу, сотворившему небо и землю, чье всемогущество и непостижимые чудеса не способен охватить наш рассудок, а тем более уразуметь их. Но уже по тому малому, что видят наши глаза, можно судить, кто есть истинный бог, ибо Шака, Амида, Жизон и Канон, если судить о них по тому, что о них написано, были всего лишь богатые люди.

На это все присутствующие ответили:

— По-видимому, он прав.

Бонза хотел было возразить, но король предложил ему перейти к другому вопросу, ибо этот уже решен присутствующими, что бонзе очень не понравилось. Продолжая задавать вопросы, он спросил, почему отец магистр считает недопустимым, чтобы бонзы выдавали векселя на небо, ведь души на том свете приобретают таким образом богатство, а так бы

они были бедны и не имели средств для поддержания жизни. На это последовал ответ, что богатство тех, кто возносится на небо, не заключается в кошумиако, которые навязывают в этой жизни бонзы, а в добрых делах, совершенных на земле с верой, однако вера, открывающая вместе с милосердием небесные врата, лишь та вера, которую проповедует он, — христианская вера, создателем которой является Иисус Христос, сын божий, ставший в этом мире человеком и пострадавший на кресте, чтобы искупить грехи людей. Приняв крещение, они должны блюсти его заповеди и держаться его святой веры до конца своих дней. Вера эта, чистая святая и совершенная, не скупа и открывает путь к спасению всем людям, не делая исключений, как у них, для женщин из-за их природной слабости. Служители ее не утверждают, как бонзы, что единственная надежда для женщин спастись — это богатые пожертвования им, бонзам, из чего ясно, что религия их основана более на корысти проповедующих ее, чем на истинности бога, создавшего небо и землю и пожертвовавшего собой для спасения как женщин, так и мужчин, что они, вероятно, уже несколько раз от него слышали.

На это король ответил:

— Он совершенно прав в том, что говорит.

И все прочие, окружавшие его, сказали то же самое, чем бонза Фукарандоно и остальные четверо были весьма посрамлены и пристыжены, но все же продолжали, как и раньше, упорствовать в своих заблуждениях.

Хотя вы, верно, уже несколько раз слышали от меня, что из всех язычников, живущих в тех краях, японский народ легче всего может внять голосу разума, это, однако, нельзя сказать про их бонз, которые по природной надменности своей и убеждению, что они знают несравненно больше других, считают бесчестьем для себя отказываться от того, что они однажды высказали, и ни за что не согласятся с доводами, подрывающими доверие к ним, даже если от этого зависела их жизнь.

Глава ССХІІІ

О всем прочем, что произошло между святым отцом и этими бонзами до того времени, когда мы отправились в Китай

Споры между нашим святым отцом и бонзой Фукарандоно на этом не закончились, ибо, увеличив число сопровождавших его бонз еще на шесть человек, к которым Фукарандоно питал доверие, он много раз приходил к Франциску Ксаверию и задавал вопросы, подыскивая все новые и новые возражения против той религии, которую тот проповедовал. Диспут этот продолжался еще пять дней, на нем неизменно присутствовал король, как из любопытства и желания нас послушать, так и для безопасности святого отца, порукой которой было слово, данное Франциску Ксаверию в первый же раз, как король увидел его в Фушеу, о чем я уже выше говорил. За это время бонзы, желая смутить святого отца или подорвать к нему доверие, задавали ему то такие вопросы, которые никогда не пришли бы никому на ум, то такие простые и легкие, что любой человек мог бы на них ответить без малейшей запинки. Иной раз вопросы эти касались предметов возвышенных и значительных, вызывавших у спорящих большие разногласия и пререкания; из вопросов этих я остановлюсь только на трех или четырех наиболее существенных в той мере, как это позволит мне мой грубый ум, — говорить о других я почитаю излишним. Святой отец перед каждым диспутом неизменно просил нас помогать ему своими молитвами, ибо, по его словам, он очень в них нуждается по слабости своего разума и потому, что устами этих попирателей закона господнего с ним, несомненно, говорит дьявол. После нескольких вопросов бонзы принялись доказывать Франциску Ксаверию, прибегая к своей бесовской философии, что бог — величайший враг всех бедных, говоря, что тем самым, что он лишает их мирских благ, он ясно дает понять, что он их не любит. Это ложное положение святой отец опроверг доводами столь ясными, очевидными и истинными, что бонзы хоть и пытались дважды возражать, но, так как против правды ничего убедительного не выставишь, были вынуждены, несмотря на свое природное высокомерие и самоуверенность, согласиться с тем, что говорил им святой отец. Когда пытавшийся доказать это бонза был посрамлен, в состязание вступил другой; подойдя к святому отцу, он сказал ему, что не было для него необходимости приезжать с края света, дабы вбивать в головы людей, что спасение заключено лишь в

проповедуемой им религии и ни одно человеческое существо не может найти спасения вне ее, ибо, поскольку рая два — один на небе, а другой на земле, — из коих, по учению господнему, можно наслаждаться только одним, либо раем за труд, либо раем для отдыха, ясно, что рай для людей находится на земле, ибо каждый из земнородных на свой лад хвалится отдыхом в этом раю: цари, благодаря своей власти и тому, что они всеильны в своих земных владениях; великие мира сего, идущие непосредственно за ними, как-то: принцы, военачальники, вельможи и богачи, — благодаря тому, что угнетали слабых и беззащитных; а простой люд находит этот рай в уладах и радостях жизни, — так что все и каждый в отдельности являются одновременно судьями и ответчиками в собственных делах, ибо каждый выносит себе приговор по собственному вкусу. Что же касается домашнего скота и волов, поскольку земную жизнь они провели в огорчениях и трудах, они получают законное право вознестись на небо, которым человек по греховной склонности своей пренебрег. Он выставил еще много подобных доводов, столь же нелепых, как и приведенные, которые святой отец разбил без всякого труда. Бонзы сказали также, что не отрицают могущество божье, благодаря которому было создано для блага человека все сущее на земле, но что из-за подвластности греховному началу все происшедшее из этого первоначально созданного так выродилось, что все эти горькие, жесткие и грубые субстанции совершенно утратили свою первичную сущность, а поэтому для возвращения им их изначального совершенства необходимо было от них произойти на свет Амиде, про которую они говорят, что она рождалась восемьсот раз, чтобы сообщить безупречное естество восьмистам различным субстанциям, существующим на земле, ибо, не случись этого (а они, на основании своих книг, считают, что было именно так), все бы люди давно перевелись, равно как и все то, что рождается на земле. А посему ясно, почему люди возносят такие же хвалы Амиде за сохранение созданного, как и богу за сотворение мира. Эти рассуждения и ложную философию отец Франциск опроверг немногими словами, потому что дело было само по себе очевидное и ничего особенного в себе не заключало, но доводы святого отца оказались выбранными столь искусно, что король и прочие присутствующие остались ими очень довольны. Между тем, так как все это словоблудие семи бонз было вдохновлено врагом человеческим, отцом всех распрей и междоусобиц, среди противников святого отца начались несогласия, ставшие скоро столь значительными, что три или четыре раза бонзы, невзирая на присутствие короля, чуть не перешли к заушению. Король очень рассердился и сказал

им, что богословские споры не разрешаются на кулаках, а лишь путем благочестивого рвения, сочетающегося с мягкостью и спокойствием, ибо лишь кроткий и смиренный дух избирает господь, чтобы в нем безмятежно отдохнуть.

С этими словами он поднялся и пошел во дворец королевы смотреть какие-то игры в обществе некоторых вельмож своей свиты, бонзы разошлись кто куда, а святой отец с капитаном и остальными португальцами отправились в дом для христиан, где и провели эту ночь. На другой день под вечер, как бы случайно прогуливаясь по улице, король подошел к дому, где находился отец Франциск, и приказал спросить у него, не желает ли он посетить его парк, где как будто святого отца уже ожидает дичь и где, если он хорошо вооружится, ему представляется возможность подстрелить парочку коршунов из тех, которые накануне хотели выклевать ему глаза. Отец Франциск, уловив метафору, немедленно вышел на улицу, где король ожидал его с тремя или четырьмя приближенными, и, взяв за руку, торжественно провел в сопровождении португальцев, шедших в нескольких шагах позади, по всем улицам до своего дворца. Там бонзы решили вновь задать ему вопросы, касающиеся минувшего спора, и извлекли большую бумагу, исписанную ответами, но король не пожелал на нее смотреть, сказав:

— То, что было рассуждено раз, вторично разбирать, как вы этого желаете, не годится, а поэтому говорите о чем-нибудь другом, так как отец магистр уже готов к отъезду, а капитан не связан с вами ни родством, ни дружбой, чтобы из-за вас пропускать сроки плавания. Пользуйтесь последними двумя днями, что святой отец остается здесь, если он согласится с вами спорить, или возвращайтесь к себе обратно в Миайжиму.

Бонзы ответили, что так они и поступят, как приказывает его величество. Но раз они здесь собрались, не разрешит ли он им поговорить с отцом магистром кое о чем, что они хотели бы узнать, мирно и без всяких споров, ибо они все считают, что так будет лучше. Король охотно дал им свое согласие и очень просил их держаться положенной учтивости. Бонзы тогда, подойдя к отцу, сначала извинились перед ним за прошлое и стали расспрашивать его о разных тонких и сложных материях, которыми король был очень завлечен. Один из таких вопросов заключался в том, как мог всеведущий бог, чей взор в равной мере охватывает и прошедшее и будущее, создавая ангелов, не предвидеть мятежа, который должен был поднять Люцифер и другие ангелы, из-за чего божественному правосудию пришлось осудить их на вечные муки, и почему его бесконечное милосердие не пресекло вначале зла, от которого произошло впоследствии

столько оскорбляющих его преступлений и бед? А если он этого не знал и, следовательно, был неповинен в этом, как может быть правдой то, что говорится о всеведении божеским?

Отец магистр некоторое время молчал, как бы задумавшись над вопросом бонз, затем разъяснил им подробно всю истину. Бонзы время от времени возражали ему, приводя столь тонкие доводы, что отец Франциск обернулся даже в сторону Дуарте да Гамы, стоявшего позади него, и сказал:

— Запомните, ваша милость, хорошенько слова их, и вы сразу поймете, что все, что они говорят, идет не от них, а от самого дьявола, который их научает, уповаю, однако, на господа бога, что он ответит им устами моими.

После того как по этому поводу проспорили довольно долго, так как бонзы никак не хотели соглашаться с доводами, которые им выставляли, король вмешался в спор и сказал, что он хочет в нем быть судьей:

— Насколько я мог понять из того, что я здесь слышал, отец магистр прав, а вот у вас не хватает веры, чтобы познать эту истину, ибо, если бы она у вас была, вы не стали бы ему противоречить. Но раз у вас веры нет, пользуйтесь хоть разумом, как люди, а не лайте весь день, как собаки, с таким тупым упорством и злобой, что слюна стекает у вас с губ, как у бешеных псов, готовых кусать кого попало.

Вельможи все были согласны с королем и разразились громким хохотом, весьма обидевшим семерых бонз, которые укоризненно воскликнули, что не понимают, как его величество соглашается иметь стольких королей у себя во дворце. Здесь вмешался отец Франциск и направил спор в прежнее русло. Бонзы продолжали задавать вопросы еще часа четыре, касаясь предметов самых возвышенных, как люди, которым все же нельзя отказать в более глубоком уме, чем у всех прочих язычников в этих краях. Из этого, как мне кажется, явствует, что наиболее плодотворным было бы приложить все силы к обращению в христианскую веру именно их, скорее, чем сингалезцев Коморина или Цейлона. Это отнюдь не значит, что я считаю усилия, потраченные на них, бесполезными, напротив того.

Тут Фукарандоно, желая, как наиболее ученый из всех этих бонз, задать святому отцу вопрос, который поставил бы его в тупик, спросил его, почему обзывает он поносными именами создателя всего сущего и святых, вплетающих свои голоса в славословия его, оскверняя господа прозвищем «лживый», несмотря на то что он, как все верят, является источником всякой истины. Для того чтобы было понятно, откуда возникло такое

странное мнение, следует знать, что по-японски ложь называется «diusa», а святой отец в своих проповедях, говоря, что тот закон, который он пришел возвестить, является истинным законом божьим, употреблял слово «Deos» — бог, которое они, из-за грубости своего языка, не умели произносить так отчетливо, как мы, отчего «Deos» превращался у них в «Dius». Отсюда и пошло, что эти слуги сатаны стали говорить направо и налево, что святой отец — дьявол во плоти, оскверняющий бога прозвищем «лживый». Ответ, который дал святой отец, настолько удовлетворил всех присутствующих, что они в один голос воскликнули «Sita, sita», — что значит: «Уже, уже», — в смысле: «Мы уже поняли». А для того, чтобы было ясно, почему бонза обвинял святого отца в том, что тот обзывает постыдными кличками святых, следует знать, что он, всякий раз когда кончал служить мессу, имел обычай вместе с прихожанами читать литанию божьей матери, прося у нее помощи в распространении католической веры, и в этой литании, как и положено, постоянно повторял: «Sancte Petre, ora pro nobis, Sancte Paule ora pro nobis» [\[12\]](#), — и то же обращение повторял и к другим святым. В японском же слово «sancte» постыдное и срамное. Отсюда и возникло у бонзы мнение, что Франциск Ксаверий порочит святых. Последний тут же разъяснил ошибку, и король очень рад был это узнать. Он только попросил отца в дальнейшем говорить не «sancte», а «Beate Petre, Beate Paule» [\[13\]](#), потому что уже раньше бонзы старались использовать это во вред проповеднику. Продолжая дальше свои вопросы, бонзы, не движимые, разумеется, желанием принять истинную веру или любознательностью, а с единственной целью оклеветать божественное учение и смутить верного раба господня, спросили, почему, если всевышний, являющийся бесконечной мудростью, знал, что, творя человека, он этим самым создает существо, которое будет оскорблять его, не отказался от своего замысла, что, очевидно, было бы лучше и предотвратило бы зло, проистекшее от людей. И в этом случае святой отец привел доводы ясные и убедительные, вполне достаточные для посрамления бонз, чем, впрочем, отличались все его ответы. Но об ответах святого отца как на этот, так и на другие вопросы я здесь ничего не скажу из-за бессилия своего разума, в котором я не раз уже признавался, а также потому, что вижу, насколько не пристало мне заниматься подобными предметами. Достаточно сказать, что ответы святого отца были всегда настолько убедительными, что удовлетворяли всех присутствующих. И все же бонзы порой тратили и два и три часа на возражения, однако, вынужденные наконец согласиться с правотой святого отца в последнем вопросе, они задали ему такой: «Почему, когда Адам был

соблазнен змием и бог решил спасти его потомков и послать на землю сына своего, он не поспешил это сделать, несмотря на то что в этом была большая необходимость?» К этому они добавили, что, если святой отец ответит, будто промедление было необходимо для того, чтобы показать людям всю тяжесть греха, то это еще не снимает с бога обвинения в непростительной медлительности. На что святой отец ответил, как обычно; но с вопросом этим бонзы связывали еще столько различных предметов и столь неохотно соглашались с приводимыми им доводами, что королю их упрямое отрицание всего, что говорил святой отец, так надоело, что он поднялся с места и сказал:

— Те, кто собирается спорить о религии, столь согласной с разумом, как эта, не должны так упорно уклоняться от его велений, как вы.

С этими словами он взял отца Франциска за руку и в сопровождении всех вельмож отвел его в дом, где жили христиане, чем доставил великое неудовольствие бонзам и весьма их унизил. После этого они ходили по всему городу и предсказывали во всеуслышанье, что короля сразит огонь небесный за то, что он дал себя так легко одурачить безвестному бродяге и колдуну.

Глава ССХIV

О великой буре, в которую мы попали на пути из Японии в Китай, и как мы были спасены молитвами слуги господнего Франциска Ксаверия

На следующий день утром, после того как наш святой отец и прочие португальцы распрощались с королем, причем во время этого последнего посещения его принимали с обычными почестями и радушием, мы сели на корабль и покинули город Фушеу, откуда, следуя по намеченному курсу, шли все время вдоль берега до острова Мелейтора, принадлежащего королю Минако. Оттуда с сильным муссоном мы плыли еще семь дней, после чего в связи с новолунием ветер внезапно перескочил на юг, угрожая нам ливнями и всеми признаками надвигающейся зимы. Вскоре он усилился, и нам пришлось повернуть на норд-норд-ост и отправиться в моря, по которым еще никто не плавал, не зная, куда мы идем, отдавшись всецело на произвол судьбы и погоды и гонимые столь свирепой и страшной бурей, что, верно, такой люди себе никогда не могли бы и вообразить. Так как все эти дни солнце ни разу не показывалось и штурман не мог определить, на какой широте мы находимся, он повел судно по самому гадательному счислению, без учета градусов или минут, на острова Минданау, Целебес и Папуа, отстоявшие от нас на шестьсот легуа.

На второй день этой бури уже под вечер волны покрылись пеной и сделались настолько высокими, что хода корабля не хватало, чтобы их рассечь, после чего корабельники решили, что следует снести до уровня верхней палубы все надстройки на баке и на юте, дабы корабль так не кренило, он не черпал столько воды и лучше слушался руля. После того как с этим было покончено со всей возможной поспешностью, ибо все без исключения участвовали в этой работе, занялись спасением буксируемой нами шлюпки, которая с большим трудом была подведена к борту и пришвартована к нему двумя новыми швартовыми из кокосового волокна. Но так как к тому времени, когда с работой этой было покончено, наступила ночь и ничего не было видно, не было возможности принять на борт работавших на шлюпке пятнадцать человек, из которых пять было португальцев, а остальные рабы и матросы, и им пришлось остаться там на ночь. Отец Франциск неизменно принимал участие во всех судовых работах и разделял общие тяготы, как любой из нас, подбадривая и утешая

всех, так что после бога он один был тем капитаном, который вселял в нас мужество и бодрость, не давая нам пасть духом и пустить все на волю случая, как это готовы были сделать иные, если бы не пример святого отца. Когда уже близко было к полуночи, пятнадцать человек, оставшихся на шлюпке, вдруг громко закричали: «Господи боже, смилуйся над нами!» Все бросились узнать, что случилось, и увидели, что шлюпка оторвалась и ее унесло далеко в море, так как лопнули оба швартова. Капитан, в отчаянии от этого несчастья, забыв осторожность и не обдумав, что он делает, велел кораблю броситься за ней вдогонку, полагая, что ее можно еще спасти. Но так как корабль управлялся плохо и медленно слушался руля, ибо парусов на нем было мало, он попал в промежуток между двух валов, и огромный гребень обрушился на его корму с такой силой, что под тяжестью воды корма опустилась под воду. Увидя это, команда издала страшный крик, взывая о помощи к пресвятой деве. Услышав крик, святой отец, молившийся, стоя на коленях на рундуке, в каюте капитана, поспешил вверх и, видя случившееся и нас всех в ссадинах от находившихся на палубе куриных клеток и беспомощно лежавших друг на друге у фальшборта, воздел руки к небу и громко воскликнул:

— О Иисусе Христе, любовь души моей, во имя пяти ран, терзавших тебя на кресте, помоги нам!

И точно в этот миг кораблю неким чудом удалось подняться на волну, мгновенно был отдан риф на фоке, и угодно было господу нашему, чтобы судно выпрямилось и снова стало слушаться руля. Шлюпка между тем совершенно исчезла, отчего все мы горько заплакали и стали молиться за души тех, кто в ней находился. Таким вот образом в великих трудах проносились мы по волнам всю эту ночь до утра, но и когда рассвело и с марса уже можно было оглядеть всю окрестность, шлюпки нигде не оказалось, вокруг нас были одни лишь высокие, вспененные, разлетающиеся брызгами гребни. Через полчаса после восхода солнца святой отец, который находился в каюте капитана, поднялся на ют, где стояли боцман, штурман и еще семь португальцев, и, поприветствовав всех с веселым и спокойным выражением лица, спросил, не появлялась ли шлюпка, на что ему ответили, что нет, не появлялась. Когда же он попросил боцмана послать кого-нибудь на марс посмотреть, нет ли ее где-нибудь, один из присутствующих сказал, что она, верно, найдется тогда, когда потеряют другую, на что святой отец, которому больно было слышать такие слова, воскликнул:

— О брат Педро Вельо (ибо таково было имя говорившего), скудна ваша вера. Неужели вы думаете, что есть что-либо невозможное для

господа бога? Уповайте на него и на пресвятую мать божью, присноблаженную деву Марию, которой я обещал три мессы в благословенном храме Богородицы на Холме в Малакке, — она не допустит, чтобы погибли те, кто находился на шлюпке.

Педро Вельо эти слова устыдили, и он примолк. Тем временем боцман, чтобы доставить удовольствие святому отцу, сам поднялся на марс вместе с другим матросом и оставался там с полчаса, всматриваясь в горизонт, но нигде ничего не увидел.

— Ну что же, спускайтесь, видно, ничего не поделаешь, — ответил отец. Потом он позвал меня к себе на ют и попросил согреть ему немного воды, так как у него очень нехорошо в желудке, чего я за грехи мои сделать не мог, так как накануне, когда в начале шторма облегчали палубу, и камбуз и очаг выбросили за борт. Он пожаловался мне, что у него сильно болит и по временам кружится голова, на что я заметил:

— Нет ничего удивительного, что ваше преподобие так себя чувствует. Вы уже три ночи не спите и ни крошки не ели, как мне сказал мосо Дуарте да Гамы.

На это он ответил:

— Мне очень жалко капитана, он безутешен и всю эту ночь, с тех пор как оторвалась шлюпка, проплакал, так как на ней был среди прочих его племянник Афонсо Калво.

Я же, заметив, что отец Франциск зевает, сказал ему:

— Подите-ка, ваше преподобие, и прилягте тут у меня в каюте, быть может, вам удастся заснуть.

Он согласился, поблагодарил меня и попросил приставить к двери каюты моего китайца, наказав ему запереть его, но при первом же зове выпустить.

Все это, вероятно, происходило между шестью и семью часами утра, раньше или позднее. Святой отец пробыл в каюте почти до захода солнца. Как-то случилось мне позвать китайца, который все время дежурил у двери каюты, и я велел принести мне ковшик воды, и при этом спросил его, уснул ли отец, на что тот ответил:

— Он и не ложился, все стоит на коленях на койке и плачет.

Я велел китайцу вернуться и сидеть у двери, пока святой отец не позовет его.

Франциск Ксаверий был погружен в свою молитву почти до заката солнца, когда наконец вышел на ют, где все португальцы из-за сильной качки и крена судна сидели прямо на палубе. Приветствовав их всех, он спросил лоцмана, не появлялась ли шлюпка, на это ему ответили, что она,

без сомнения, погибла, так как такие огромные валы должны были ее непременно захлестнуть, и даже если господь бог чудом ее спас, она неизбежно бы отстала от нас, по крайней мере, легуа на пятьдесят.

На что святой отец возразил:

— Так, естественно, должно казаться, и все же, штурман, вы бы очень меня обязали, раз мы ровно ничего от этого не теряем, если бы во имя божье согласились подняться на марс или послали туда какого-нибудь матроса, чтобы он внимательно осмотрел все море и мы не должны были упрекать себя за это упущение.

Штурман сказал, что охотно сам взберется на марс, и боцман последовал за ним, но не потому, что они надеялись что-либо оттуда увидеть, а просто из уважения к отцу Франциску. Наконец, простояв там довольно долго, они ответили, что ничего не видят, чем, по всеобщему мнению, святой отец был очень удручен. Он склонил голову на поручень юта и оставался так некоторое время, не говоря ни слова, погруженный в глубокую грусть, казалось даже, что он расплечется. Но наконец напоследок он поднял голову, раскрыл рот и глубоко вздохнул, как будто, выдыхая воздух, хотел вместе с ним выдохнуть из себя и всю печаль, поднял руки к небу и произнес со слезами на глазах:

— Иисусе Христе, истинный боже наш и господи, умоляю вас ради мук вашей священной смерти и страстей, сжальтесь над нами и спасите души верных, находящихся на этой шлюпке.

Сказав это, он снова опустил голову на поручень, к которому прислонился, и замер так, как будто на какой-то миг впал в забытие. Но в это время раздался голос мальчика, сидевшего в снастях: «Чудо! Чудо! Наша шлюпка!» Голос этот привлек всех к левому борту, откуда крикнул мальчик, — и действительно, примерно на расстоянии выстрела из мушкета оказалась наша шлюпка. Все были настолько поражены столь невиданным и необычным случаем, что бросились, рыдая, как дети, друг другу в объятия, и от громкого плача некоторое время на всем корабле нельзя было расслышать человеческого голоса. Все устремились к святому отцу, чтобы припасть к его ногам, но он не позволил этого сделать и поспешил удалиться в каюту капитана, где заперся на ключ, чтобы никто с ним не говорил.

Находившиеся на шлюпке члены нашего экипажа были встречены восторгом и ликованием, которые легче себе представить, нежели описать, почему я и опущу подробности этой сцены. Тем временем совсем стемнело, и вот примерно через полчаса после наступления ночи отец Франциск попросил мальчика позвать штурмана и сказал ему:

— Вознесите хвалу господу богу, чьею силой свершено было это чудо, и готовьтесь продолжать плавание, ибо шторм скоро уляжется.

Отнесясь с должным уважением к словам святого отца, капитан и команда выполнили и то и другое весьма поспешно, и едва подняли гротарей и поставили паруса, как шторм внезапно стих и ветер перескочил на норд, после чего с сильным попутным муссоном мы, к всеобщему веселью и удовольствию, смогли продолжать наше плавание.

Описанное мною чудо произошло 17 декабря 1551 года.

Глава ССХV

Еще кое о чем, что случилось со святым отцом до его прибытия в Китай, и каким образом он представился

На четырнадцатый день плавания, после того как господу нашему по великому милосердию его и благодаря молитвам блаженного отца угодно было оказать такую милость, мы по его же милости благополучно прибыли в Китай и стали на якорь в порту Саншан, где в те времена португальцы вели торговлю. Когда мы пришли сюда, уже наступила зима, и здесь мы застали лишь одно судно, капитаном которого был Диого Перейра. Судно это стояло с поднятыми реями, чтобы на другой же день отплыть в Малакку. На него и пересел святой отец, ибо корабль Дуарте да Гамы, на котором он прибыл из Японии, должен был отправиться зимовать в Сиам, ибо требовал ремонта. От больших напряжений, которые пришлось испытать его корпусу во время описанной мною бури, у него открылась течь в носу, кроме этого Дуарте да Гаме нужно было пополнить свои запасы. Во время плавания из Китая в Малакку, которое святой отец совершил в обществе своего близкого друга Диого Перейры, Франциск Ксаверий рассказал ему подробно о положении христианства в Японии, настаивая на необходимости приложить все усилия, чтобы получить доступ и в Китай, как для того, чтобы начать там проповедовать и дать понятие язычникам о вере господина нашего Христа, так и для того, чтобы добиться своего в споре с бонзами королевства Омангуше. Последние, чувствуя себя посрамленными во время бесед и диспутов, которые были у них со святым отцом по вопросам веры, ответили ему напоследок, что религию свою они вывезли из Китая и уже шестьсот лет она пользуется у них всеобщим уважением, а потому они не откажутся от нее ни под каким видом, разве что он переубедит китайцев теми доводами, которые заставили их, японцев, признать, что религия эта хорошая и истинная и проповедники ее заслуживают того, чтобы их слушали.

И этот ревностный слуга господний, заботясь о своей чести и о своей вере и не желая оставить свое дело незавершенным, решил, чтобы закончить дело с одними и начать просвещение других, отправиться в Индию, отчитаться перед вице-королем и попросить, чтобы тот помог ему всем, чем только он может. Дело это заставило святого отца вступить в разговоры с наиболее положительными людьми на корабле, имевшими

большой опыт общения с китайцами и хорошо знавшими эту страну. Последние сказали отцу, что ему как проповеднику путь в Китай будет открыт лишь в том случае, если вице-король согласится отправить его туда с посольством от его величества короля Португалии, которое повезло бы богдыхану драгоценный подарок и письмо с выражением дружественных чувств, написанное принятым в подобных случаях слогом. Однако они сомневались, пойдет ли на это вице-король, так как для такого посольства требовалась длительная подготовка и очень дорогие подарки, чем они весьма огорчили святого отца, которому все их сомнения показались вполне резонными, а кроме того, ему приходили на ум и те препятствия, которые могли возникнуть в связи с возможным изменением обстановки в Индии. Замысел отца Франциска неоднократно обсуждался во время этого путешествия, и Диого Перейра изъявил готовность, ради святости дела и ради дружбы, которую он питал к святому отцу, оплатить и проезд святого отца до Китая, и подарок, и все прочее, связанное с этой поездкой. Святой отец с радостью принял это предложение и обещал похлопотать перед королем о награде Диого Перейре. Сразу по прибытии в Малакку святой отец пересел на судно, следующее в Индию, а Диого Перейра остался на своем в Малакке, чтобы оттуда пойти в Сунду за перцем, а с отцом отправил своего фактора некоего Франсиско де Каминью, с мускусом и шелком на тридцать тысяч крузадо, дабы на них приобрести в Индии все необходимое. По прибытии в Гоа святой отец сообщил о своем намерении вице-королю дону Афонсо де Норонье, который похвалил его и обещал помочь ему всем, чем только сможет. Весьма обрадованный этим ответом, Франциск Ксаверий постарался возможно быстрее запастись всем необходимым и, получив от вице-короля предписание на имя дона Алваро Атайде, бывшего тогда комендантом крепости, отправить послом в Китай Диого Перейру, поспешил вернуться в Малакку. Но комендант не пожелал даже взглянуть на предписание, так как ко времени прибытия святого отца перессорился с Диого Перейрой из-за того, что тот отказался ссудить ему десять тысяч крузадо.

Как ни старался отец Франциск добродетелью своей спясть образовавшийся между ними разрыв и рассеять эту вражду, это ему не удалось, так как в основе последней лежала злопамятность и алчность, а пламя ненависти раздувал сам дьявол. Двадцать шесть дней потратил святой отец на уговоры коменданта, но тот ни за что не хотел пойти на мировую. Не соглашался он и пустить святого отца в Китай с Диого Перейрой, как это было решено в Индии, несмотря на огромные расходы, понесенные в подготовке к путешествию. Комендант дошел даже до того,

что стал по-своему толковать распоряжение из Индии, издевательски утверждая, что Диого Перейра, о котором пишет его милость, некий находящийся в Португалии дворянин, а не тот, о котором говорит святой отец, — человек, еще вчера бывший лакеем дона Гонсало Коутиньо и не имеющий никаких оснований быть назначенным послом к такому великому монарху, как китайский богдыхан.

Тогда несколько уважаемых людей, движимых святым рвением послужить делу господню, видя, что дело это с каждым днем принимает все менее благоприятный оборот и что комендант не хочет внять ни голосу разума, ни чьим-либо доводам, собрались однажды утром и отправились уговаривать неразумного не брать на себя ответственность за то, что может повредить делу божьему, ибо за это ему придется держать строгий ответ на том свете, а лучше прислушаться к единодушному мнению народа, ропщущего на то, что он лишает такого святого человека, как отец Франциск, возможности просветить язычников в вере Христовой, чем, по-видимому, господь хочет открыть дверь своему Евангелию и спасти ослепленные души. Как говорят, комендант на это ответил, что он слишком стар, чтобы выслушивать советы, а если святой отец хочет заняться спасением душ, то пусть отправляется в Бразилию или в Мономатапу, где, как и в Китае, есть язычники, ибо он поклялся, что, пока он остается комендантом, Диого Перейре не видеть Китая ни как купцу, ни как послу. И отвечать за это перед богом он готов когда угодно, так как единственная цель этого путешествия, затеваемого Диого Перейрой под флагом святого отца, вывезти из Китая сто тысяч крузадо, которые, по справедливости, скорее должны были бы достаться ему, коменданту, за заслуги его отца адмирала графа де Атайде, которому этот лакей дона Гонсало Коутиньо обязан тем, что тот его вывел в люди. А почему отец Франциск хочет поддержать Диого Перейру в этом нелепом предприятии, совершенно непонятно. Этим он дал понять, что разговор окончен.

Попытка уломать коменданта не была единственной. В одно прекрасное утро, узнав, как неразумно ответил комендант этим людям, к нему явились от имени короля инспектор финансов, начальник и чиновники таможни и заявили, что у них в таможне есть предписание, оставленное прежними губернаторами, согласно которому они приказывают ни под каким видом не препятствовать выходу из Малакки любого судна, если оно дает обязательство при возвращении заплатить налоги, а Диого Перейра написал им прошение, и оно сейчас при них, в котором обязуется выплатить королю на нужды крепости одних налогов со своего корабля тридцать тысяч крузадо, из коих он готов немедленно

внести половину, а другую половину оставляет на хранение у доверенных лиц до своего возвращения. Поэтому они просят его милость не препятствовать этому путешествию, ибо беспричинное запрещение его, не имеющее под собой никаких законных оснований, вынудит их взыскать эту сумму с его милости. На это последовал ответ, что если, как они говорят, Диого Перейра обязался выплатить королю пошлины на тридцать тысяч крузадо, то он со своей стороны обязуется всыпать им всем за их требование тридцать тысяч палок. С этими словами взбешенный комендант схватил вешалку для платья и приступил бы к выполнению своего обязательства, если бы его посетители не поспешили удалиться. Таким вот образом двадцать шесть дней прошло в бесплодных попытках сломить упрямство коменданта. Разговаривая со святым отцом, он несколько раз проявлял неуместную грубость, не выказывая ни малейшего почтения ни к сану его, ни к добродетели. Все оскорбления и грязную брань святой отец выносил с великим смирением, лишь порой раздражаясь слезами и время от времени обращая глаза к небу и восклицая: «Благословен будь Иисус Христос!» — с такой силой, словно слова эти вырывались из самых глубин его души.

Тогда в Малакке открыто говорили, что, если святой отец хочет принять мученический венец во славу божью (ибо такое намерение ему тогда приписывали), никуда ехать ему не нужно, он уже и тут мученик. В самом деле, когда я сравниваю, как отнесся в Японии к Франциску Ксаверию язычник король Бунго, узнавший от людей, что этот человек изъясняет законы господни (чего я уже раньше касался), с тем, чему мне пришлось быть свидетелем в Малакке, я не могу прийти в себя от изумления и думаю, что любой христианин, видевший и то и другое, испытал бы то же.

И все же святой отец отправился в Китай, и на том же судне, на котором хотел, однако все было совсем не так, как если бы он поехал туда с Диого Перейрой, но тот был вынужден остаться в Малакке. Судно было зафрахтовано комендантом и его приспешниками, капитаном на нем отправился ставленник коменданта, а святой отец, совершенно лишенный средств и не имея при себе ничего, кроме своей рясы, был предоставлен милости младшего боцмана. Но так как он всегда хотел, отправившись к язычникам, претерпеть мученичество за истину, которую он им проповедует, святой отец не выказал никаких сомнений или возражений, предоставив все естественному течению событий.

Когда судно уже было готово к отплытию, младший боцман в два часа ночи послал своего племянника в церковь Богоматери на Холме, где

пребывал тогда святой отец, с предложением его преподобию немедленно сесть в присланную за ним маншуа, так как корабль сейчас будет сниматься с якоря. Получив это извещение, отец немедленно собрался в путь. С ним шел племянник младшего боцмана, ведший его за руку, и двое преданных ему людей, которые проводили его до стоянки судна у крепости. Один из этих двух людей, викарный священник Жоан Соарес, переселившийся впоследствии в португальский город Ковильяно, видя, что он отправляется в путь весьма грустный и удрученный, прощаясь с ним, сказал:

— Надо было бы вам, ваше преподобие, раз вы отправляетесь в столь дальний путь, поговорить с доном Алваро, хотя бы для того, чтобы заткнуть рты его прихлебателям, которые уверяют, с его слов, будто ваше преподобие никак не может простить ему пережитые неприятности.

На что Франциск Ксаверий, как бы стоя уже одной ногой в маншуа, ответил:

— О, если бы угодно было богу, отец мой, сделать меня таким, чтобы я воспринял, как должно, обиды эти за честь, оказанную мне господом! Но вызвало их всего лишь несовершенство мое. А что до того, чтобы поговорить с доном Алваро, как вы советуете мне, то уже поздно, и больше мы с ним в этой жизни никогда не встретимся. Но свидеться нам все же придется в долине Иосафатовой, в день Страшного суда, когда Иисус Христос, сын божий и господь наш, придет судить живых и мертвых, и предстанем пред судом всевышнего и он и я, и будет с него спрошен отчет, почему он препятствовал проповеди среди неверных Христа, сына божьего, распятого на кресте ради нас, грешных. Помяните мое слово, скоро он постигнет тяжесть совершенного им греха, кару за который он понесет и в чести своей, и в имуществе, и в жизни. А что до души его, сжался над ней, Иисусе Христе, господи и боже наш!

Тут, обратившись лицом к главному входу в церковь, он опустился на колени, и, сложив руки, как бы молясь за дону Алваро, он произнес, заливаясь таким потоком слез, что едва мог выговорить свою молитву:

— О Иисусе Христе, любовь души моей, во имя мук вашей святейшей смерти и страстей, умоляю вас, боже мой, вспомните о драгоценных своих ранах, что вы являете предвечному отцу, испрашивая за них наше спасение, явите дону Алваро свое милосердие и направьте его на верную стезю, да обретет он прощение грехов своих.

Склонившись лицом к земле, святой отец простоял так некоторое время, не говоря ни слова. Потом он поднялся и, сняв с себя сапоги, постучал ими о камень, словно отрясая прах от ног своих. Когда он сел

на маншуа и прощался с провожавшими его, он так плакал, что отец викарный Жоан Соарес тоже прослезился и сказал:

— Не потому ли ваше преподобие покидает нас в такой печали, что не рассчитывает больше вернуться, или есть на то другая причина? Уповаю на господа бога нашего, что он позволит вам вновь побывать здесь и отдохнуть от трудов своих.

На что святой отец ответил:

— Какова будет его святая воля.

Тут шлюпка отвалила от берега, а на другое утро снялся и корабль и через двадцать три дня после ухода из Малакки стал на якорь в порту Саншан на острове, расположенном в двадцати шести легуа от Кантона, где в это время португальцы занимались торговлей. После того как судно простояло там некоторое время, а купцы, занимаясь торговлей, выяснили, что вокруг тихо и мирно, отец Франциск пожелал выполнить то, ради чего он сюда приехал, и если не полностью, так хотя бы частично. Поэтому он начал вести переговоры с одним почтенным китайским купцом по имени Шепошека, прося отвезти его в город, когда тот туда поедет. Многие португальцы не советовали Франциску Ксавсрию ехать одному и притом не имея ничего, что могло бы придать вес его словам, но святой отец настаивал на своем, и после долгих обсуждений договорились с купцом на следующих условиях: святой отец должен заплатить двести таэлей, что составляет триста наших крузадо, за доставку водным путем в город и ехать с завязанными глазами, дабы, если его задержат как иностранца, что рано или поздно должно произойти, и станут спрашивать под пыткой, кто его привез, он не мог ни назвать, ни узнать купца, ибо, если это станет известно, последнему отрубят голову.

Святой отец пошел на все эти условия, не выказывая ни малейшего опасения, — всем было известно, что он хочет приять мученичество во славу господа нашего. Однако, поскольку богу, тайны коего неисповедимы, не было угодно, чтобы святой отец проник в Китай, а почему так, ему одному известно, он воспрепятствовал его отъезду способом столь же праведным, сколь праведно все, что он делает: язычник Шепошека, не отрицая, что предлагаемая ему плата вполне его удовлетворяет, сказал, однако, что сердце подсказывает ему воздержаться от этого шага, ибо это будет стоить жизни ему и всем его детям. Так и пришлось остаться святому отцу на корабле, не осуществив своего заветного желания послужить на этом поприще делу божьему. Франциск Ксаверий уже некоторое время страдал лихорадкой и кровавым поносом; к этому прибавились глубокая грусть и огорчение от постигшей его неудачи,

и это окончательно отдало его во власть болезни. Положение его ухудшалось с каждым днем, и вскоре он уже не покидал постели; у него совершенно пропала охота к еде, к тому же те две недели, что он оставался на корабле, лечили его очень плохо. Наконец, поняв, что болезнь его смертельная, он попросил перенести его на берег, где его поместили в убогий шалаш, который ему смастерили из веток и дерна, и там, как мне рассказывали люди, бывшие в это время при нем, он пролежал еще семнадцать дней, лишенный самого необходимого, как потому, что иные считали, будто, не помогая ему, они идут навстречу его желаниям и страдать от этого он не будет, так и потому, что, как мне кажется, господу нашему угодно было уподобить последние дни святого отца мученической кончине тех, кто, как мы верим, царит вместе с ним на небесах. Когда по прошествии семнадцати дней, проведенных в тяжких телесных и духовных страданиях, он почувствовал, что близится его последний час, он попрощался со всеми, говоря, что скоро покинет их, и, обливаясь слезами, очень просил их молиться за спасение его души, ибо такая молитва ему очень необходима. Потом он велел мосо, присматривавшему за ним, закрыть дверь, ибо людской шум мешает ему, и пролежал так еще двое суток, не принимая никакой пищи. Напоследок он взял в руки распятие, впери в него взор и тихо, как вздох, повторял: «Иисусе души моей». Это были его последние слова. Вскоре и говорить ему стало трудно, окружавшие его видели, как он в последнем приливе чувств пролил еще несколько слез и, не отводя глаз от распятия, отдал душу спасителю своему. Преставился он декабря второго дня 1552 года, в полночь. Смерть его была большим горем, и оплакали его все присутствующие.

Глава ССХVI

Как был похоронен этот святой муж и как тело его было перевезено в Малакку, а оттуда в Индию

Тотчас же стали думать, как на той земле, где они находились, лучше похоронить останки этого святого мужа. В воскресенье, через два часа после вечерни, тело его отнесли туда, где ему вырыли могилу, примерно на расстоянии броска камня от берега, и предали земле при общем сокрушении, но скорбели о нем преимущественно добродетельные люди, живущие в страхе божьем. Нашлись, впрочем, и такие, которые ничем не выдали печали, и испытывали они ее или нет, бог их знает, и пусть их и судит тот, кто знает истину всего на свете и коему ведомы все причины. Однако некто, чьего имени я не назову, чтобы не пятнать его чести, посылая с отходившим в Малакку ванканом письмо дону Алваро, выразился весьма сухо: «Здесь умер магистр Франциск, но чудес при своей смерти не совершал. Лежит он на берегу Саншана на общем кладбище со всеми, кто здесь умер. Когда мы будем отсюда уходить, то заберем его с собой, чтобы злые языки в Малакке не говорили, что мы не такие же христиане, как и они».

Спустя три месяца и пять дней, когда на корабле уже были подняты реи и он готовился уйти, португальцы отправились на берег и приказали вскрыть могилу, в которой был погребен святой муж, с намерением перевезти кости его, если это окажется возможным, в Малакку, но тело его нашли совершенно целым и неразложившимся, рубаха его нисколько не истлела, на саване не было ни пятнышка — все было так бело и чисто, как будто его только что в них одели. От покойного исходило сладчайшее благоухание, и это вызвало у всех такое удивление, что, пораженные, они стали бить себя по лицу, казнясь за то, что говорили раньше, и, заливаясь слезами, восклицали:

— О, горе нам, что в угоду дьяволу пожелали мы стать орудиями его в преследованиях, которые чинились тебе в Малакке, между тем как ты был истинный слуга господень, как мы это ныне собственными глазами видим и открыто исповедуем. И горе нам за то, что часто мы отказывали тебе в помощи, хоть и знали, как не хватает тебе необходимого, чтобы поддержать свою святую жизнь. Пусть пропадом пропадет мир и его лживые слова, пропадом пропади Малакка и ее посулы, потому что в конце

концов лишь ты один истинно служил богу из всех нас, кто ныне, к посрамлению своему, должен с прискорбием это признать.

И так, проливая множество слез и раздирая себе лица, оплакивали они свои былые прегрешения, которые господь наш мог помиловать лишь благодаря молитвам этого раба своего. Святые останки его были положены в гроб, тут же сделанный по мерке покойного, их отнесли на тот же корабль, на котором приплыл святой отец, и поместили в каюте штурмана. По прибытии в Малакку на другой же день в десять часов утра явились староста братства Милосердия со всеми братьями, викарный священник и весь причт главной церкви, а также все население Малакки, за исключением коменданта и его приспешников, и прах святого мужа был переносен в церковь Богоматери на Холме — дом, который он в Малакке чаще всего избирал своим пристанищем и из которого девять месяцев и двадцать два дня назад отправился в Китай. В этой обители он с великой скорбью был предан земле, в которой пролежал еще девять месяцев, с 17 марта по 11 декабря следующего, 1553 года. В этот день прах его был извлечен из могилы, переложен в другой гроб, отделанный изнутри штофом, а снаружи парчой, и из этой церкви торжественной процессией, в которой участвовало много знатных людей, его проводили до шлюпки, украшенной коврами и шелковым навесом, которая доставила гроб на корабль Лопо де Нороньи, собиравшегося отбыть в Индию. Гроб подняли на корабль, и сопровождать его до Гоа отправились два брата ордена Иисуса, один по имени Педро де Алкасова, а другой Жоан де Тавора, который впоследствии был в Эворской коллегии. За время пути дальностью в пятьсот легуа на корабле несколько раз происходили явные чудеса, о которых сообщили потом в Гоа вице-королю дону Афонсо де Норонье, но останавливаться на этом я не буду, так как всем они известны, и я не стану тратить время на описание того, что уже описано другими.

Глава ССХVII

Как священный прах был перенесен с корабля, на котором он прибыл из Малакки, и о торжественности, с которой он был доставлен к пристани в Гоа

Корабль, на котором доставлен был священный прах, прибыл в Кочин 13 февраля 1554 года, но так как в это время вдоль берега непрерывно дул сильный норд-вестовый муссон, ему пришлось, вместе с остальными судами, шедшими с ним из Малакки, все время утомительно лавировать из-за противного ветра, так что продвигался он не более легуа в час. Ввиду этого все штурманы и капитаны были созваны на совет, на котором единогласно решили просить коллегия святого Павла в Гоа выслать за прахом святого отца какое-нибудь гребное судно, ибо корабль дойдет до Гоа не раньше 25 марта, к началу страстной недели, а так как на этой неделе церковь поминала священные страсти сына божьего, встретить тело с надлежащими почестями и великолепием будет нельзя.

Переговорить по этому делу вызвался сам капитан корабля Лопо де Норонья и немедленно отбыл в путь. Прибыв в Гоа в коллегия святого Павла, он доложил о положении дел отцу магистру Белшиору, главному ректору всех коллегий ордена Иисуса в этих местах, и немедленно вернулся обратно. Отец ректор и остальные отцы коллегии обсудили все в подробности и пришли к решению, что отец ректор должен самолично доложить об этом вице-королю и попросить у него хорошо оборудованный катур, что и было сделано. Вице-король охотно предоставил им судно, капитаном которого был некий Симан Галего, но так как тот в это время был болен, пойти за прахом вместо него вызвался один из почитателей святого мужа, чем вице-король был очень доволен.

Отец магистр Белшиор с двумя братьями ордена и тремя мальчиками-сиротами из коллегии сели на катур и, выйдя в понедельник утром из Гоа, через два дня, в среду, нашли судно Лопе де Нороньи на баре Батекалы вместе с другими семьей, которые не могли идти дальше из-за штиля. Когда на корабле поняли, какой катур приближается к нему, по зелени, которой он был украшен, поспешили и там принять праздничный вид. Подойдя к кораблю, отец ректор со всеми прочими поднялись на борт; впереди, с веночками на головах, держа в руках зеленые ветви, шли мальчики и пели «Gloria in excelsis Deo» etc. [\[14\]](#) и другие многие песнопения во славу

господню. После того как все поднялись на палубу и были самым радушным образом приняты капитаном и остальными членами экипажа, брат, на чьем попечении находился прах усопшего, взял отца ректора за руку и с зажженной свечой провел его вниз, в каюту, где стоял гроб, открыл его и показал покойного отцу ректору и прочим, прибывшим с ним. Все опустились на колени, потом, заливаясь слезами, приложились к стопам покойного и долгое время простояли, всматриваясь в него, а затем перенесли останки на катур под пение псалма «Benedictus Dominus Deus Israel» [\[15\]](#), к которому присоединились и присутствующие, проливая не меньше слез, чем прибывшие.

Когда катур отвалил от борта корабля, где все стояли, погруженные в благочестивую печаль, последний вместе с семьей другими дал устрашающий залп из всех орудий, отчего среди местных жителей поднялся переполох и все они устремились на берег, чтобы узнать, что случилось. Из Батекалы катур прошел через бар Анголу, в пяти легуа к северу, и в четверг в одиннадцать часов ночи стал против храма Ребандарской богородицы, в половине легуа от города. Там гроб свезли на берег, перенесли в церковь и поставили против главного алтаря. Вокруг гроба горело множество восковых факелов и свечей. Отец магистр Белшиор, на которого теперь легли заботы о погребении святого отца, немедленно дал знать вице-королю, как тот ему велел, и приказал отцам своей коллегии в полном составе явиться на другой день чуть свет на пристань, ибо он сам там будет до восьми часов. После того как отец ректор позаботился обо всем необходимом, он немного отдохнул, а потом отслужил мессу, на которой, несмотря на ранний час, присутствовали все окрестные жители, как португальцы, так и туземцы. К тому времени начало уже светать, и из города прибыло шесть лодок, на которых сидели сорок или пятьдесят самых ревностных почитателей святого отца. Все они держали в руках большие, ни разу не использованные восковые факелы, а слуги их — свечи. В церкви все пришедшие простерлись перед гробом, или ящиком, где он покоился, и почтили его множеством слез. А когда взошло солнце, гроб снова перенесли на катур и направились в город. По пути их встретил Диого Перейра на большой лодке, где было много людей с восковыми свечами и факелами; когда катур поравнялся с ними, все простерлись перед ним ниц. За лодкой Диого Перейры стояло еще десять или двенадцать лодок, так что, когда катур дошел до пристани, за ним следовало уже до двадцати судов, на которых было до полутора сотен португальцев из Китая и Малакки — все люди порядочные и богатые; все они держали в руках зажженные факелы и восковые свечи, а слуги их,

числом до трехсот, свечи размерами с факел, — эта вполне оправданная христианская пышность вызывала у всех самые благоговейные чувства.

Глава ССXVIII

Как был встречен в Гоа прах святого отца и о прочих последовавших за тем событиях

Когда катур, на котором доставили прах святого мужа, подошел к городской пристани, его уже ожидали там вице-король со своей стражей, вооруженной серебряными булавами, и вся индийская знать. Было еще и несметное количество народа, и четыре алкайда с трудом прокладывали дорогу. На пристани собрался весь соборный капитул, староста и члены братства Милосердия, все в облачениях и со свечами из белого воска в руках. Они принесли с собой гроб с покровом из парчи и золотой бахромой и кистями, в который, однако, тело перекладывать не стали, потому что решили, что лучше будет хоронить его в том, в котором он прибыл из Малакки.

Отцы и братья ордена Иисуса взошли на катур, который к этому времени был уже надежно пришвартован к берегу, и когда они взялись за гроб, стоявший на шканцах, над толпой (весьма набожная мысль) появился крест, покров с которого сдернули мальчишки-сироты из коллегии. Тут один из них запел «Benedictus Dominus Deus Israel», а в ответ ему грянул хор звучных и стройных голосов, исполненный такого благоговения, что у всех присутствующих волосы встали дыбом. Вся эта бесчисленная толпа христиан рыдала и всхлипывала так, что одного этого зрелища было бы достаточно, чтобы направить на праведный путь любого грешника. Из народа, собравшегося на пристани, составила стройная процессия, за которой несли прах покойного в накрытом большим парчовым покровом гробу, в котором он прибыл из Малакки. С обеих сторон его окуривали из кадилиц сладчайшими благовониями, а гроб братства Милосердия несли с правой стороны впереди. Погребальное шествие выглядело так пышно и богато, что местные язычники и магометане совали себе пальцы в рот, как это у них принято, выражая этим величайшее изумление. Процессия вошла в городские ворота и пошла по прямой улице, которая в этот день была вся убрана коврами и кусками шелка. Окна выглядели очень нарядно — в них теснились жены и дочери знати. Внизу, у дверей богатых домов, были установлены самого разнообразного вида курильницы, распространявшие благовония. Так разукрашена была не только эта улица, но и все другие, по которым проходила процессия. У дверей коллегии святого Павла она

остановилась, и гроб был внесен в церковь. И хотя была лазарева пятница, все алтари в коллегии были покрыты парчой, на них стояли серебряные светильники, подсвечники и кресты — все прочее было под стать этой пышности. В церкви гроб был поставлен у главного алтаря, с той стороны, где лежит Евангелие, после чего была отслужена месса в парчовых облачениях, как при епископской службе; пели отличные голоса, и игра музыкантов была тоже в полном соответствии с торжественностью праздника. Но так как время было позднее, а народ очень хотел увидеть прах святого мужа, проповеди читать не стали. После мессы святые останки были показаны народу, который почтил их изобильными слезами, а так как людей, как я сказал, было очень много и каждый хотел протиснуться ближе, толпа так налегла на решетку предела, что разломала ее на куски, несмотря на то что она была очень толстая. Святые отцы, видя все увеличивающиеся давку и беспорядок, не нашли иного выхода, как закрыть гроб, сказав, что вечером, когда такой тесноты не будет, все смогут лучше увидеть усопшего, и толпа разошлась. После этого тело святого мужа показывали еще несколько раз, но почти неизменно из-за чрезмерного скопления народа в храме была давка, крики, и даже чуть не задавили насмерть нескольких женщин и детей.

В этот же вечер из Японии в Гоа прибыл женившийся в Малакке португалец по имени Антонио Феррейра с богатым подарком от короля Бунго. Он прислал его вице-королю вместе с письмом следующего содержания:

«Преславный и величием богатый государь вице-король индийских земель, лев на морях, устрашающий силою своих кораблей и могучих бомбард, я, Яката Андоно, король Бунго, Факаты, Омангуше и земель, омываемых обоими морями, повелитель малых королей островов Тоза, Шиманашеке и Миайжима, настоящим письмом извещаю тебя, что, некоторое время послушав, как отец Франциск Шеншикожин говорит о новой религии создателя всего сущего, которую он проповедовал жителям Омангуше, я тайно обещал ему, когда он вернется в мое королевство, принять от него имя и воду святого крещения, хотя бы даже внезапность такой перемены и привела меня к столкновению с моими вассалами. Он также обещал мне, если господь согласится продлить его дни, скоро вернуться в мою страну. Но так как возвращение его задержалось сверх всякой ожидаемой мною меры, я решил послать этого человека осведомиться о нем и узнать от Вашей светлости причину, препятствующую его приезду. А посему, государь, очень прошу Вас просить его от своего и от моего имени, поскольку цари земные не вольны

ему приказывать, чтобы он прибыл ко мне с первым же муссоном, ибо приезд его в мое государство сослужит великую службу господа и укрепит нашу дружбу с великим королем Португалии, связав наши государства в единое целое узами нерушимой любви. Отныне подданные его будут освобождены от всех налогов и пошлин во всех портах и реках, где они только станут на якорь, так же как и в Кочине, которым вы владеете. Пусть Ваша светлость укажет мне, чем я по дружбе могу служить Вашему королю, ибо я готов исполнить его желание с такой же быстротой, с какой солнце совершает свой дневной путь по небу. Антонио Ферейра передаст Вам доспехи, в которых я в свое время победил королей Фиунги и Шиманашке. Повинуюсь, как старшему брату, непобедимому королю с края света, обладателю сокровищ великой Португалии».

Письмо это вице-король Афонсо показал отцу ректору магистру Белшиору и спросил его, есть ли у него препятствия, мешающие ему вместе со всей коллегией святого Павла в Гоа немедленно отправиться в Японию, чтобы способствовать делу, столь угодному всевышнему.

Отец ректор поблагодарил его за милость, оказанную ему таким предложением, добавив, что, раз его светлость ему так советует и приказывает, он немедленно начнет готовиться в путь, чтобы воспользоваться попутным муссоном.

Вице-король похвалил и поблагодарил его, понимая, что дело это из тех, которые оказывают господа великую услугу.

Глава ССХІХ

Как отец Белшиор отбыл из Индии в Японию, причина, почему он задержался в Малакке, и какие события произошли там за это время

Через четырнадцать дней после этого разговора, 16 апреля 1554 года, отец Белшиор отбыл в Малакку вместе с сыном бывшего вице-короля Индии, дона Гарсии де Нороньи, доном Антонио де Нороньей, который получил назначение на должность коменданта крепости Малакки, ибо вице-король приказал арестовать бывшего коменданта дона Алваро де Атайде за то, что тот не пожелал подчиняться его предписаниям, и за прочие злоупотребления, о которых ему донесли и которые я подробно перечислять не буду, ибо это к моему предмету не относится. Новый комендант дон Антонио прибыл в Малакку 5 июня и был хорошо принят. В торжественном шествии его проводили в церковь, где пропели «Te Deum laudamus», отслужили мессу и произнесли проповедь. По выходе из церкви, примерно в одиннадцать часов утра, лицензиат Гаспар Жорже, генеральный аудитор Индии, посланный сменять комендантов, приказал бить в колокол и, собрав весь народ и показав ему полномочия, полученные им от вице-короля, извлек заранее составленный список вопросов и стал по нему допрашивать дона Алваро в присутствии двух писцов, после чего под составленной грамотой расписались генеральный аудитор и новый комендант. Все это заняло очень много времени. Окончился допрос тем, что дон Алваро был смещен с должности и взят под стражу, а имущество его изъято в пользу казны. Так же было поступлено и со всеми его сторонниками, подстрекавшими его арестовать управляющего казной Гамбоа и нарушать предписания вице-короля и повинными еще в иных преступлениях. Все эти меры были проведены с такой исключительной суровостью, что большинство предпочло покинуть Малакку и податься к мусульманам. Крепость настолько обезлюдела, что над ней нависла угроза стать добычей первого, кто пожелал бы ее захватить. Спасла ее лишь рассудительность нового коменданта, объявившего прощение всем провинившимся, но даже и после этого народ возвращался в нее весьма неохотно, ибо из-за злоупотреблений дона Алваро Малакка была лишена штата города, каковым она пользовалась раньше, и муниципалитет, и все власти в ней были разогнаны по самым

позорным и бесчестящим обвинениям. Все это навело такой страх и ужас на ее жителей, что, побросав, как я это уже говорил, дома и добро, они все перешли к магометанам.

Таким образом, в опале этой и прочих причиненных коменданту страданиях уже ясно можно было увидеть, как точно сбывается пророчество отца магистра Франциска Ксаверия, сказавшего отцу викарному Жоану Соаресу, что комендант скоро увидит, как на него обрушатся несчастья, от которых пострадает и честь его, и имущество, и сама жизнь, — ибо, как всем известно, умер комендант в Португалии, куда отправился, взятый на поруки, оправдываться в преступлениях, вмененных ему королевскими прокурорами. Причиной его смерти была большая язва, образовавшаяся у него на шее, от которой он стал гнить внутри и издавать столь невыносимое зловоние, что никто не решался к нему подойти. Больше я о нем уже говорить не стану, достаточно сказать, что смерть его наступила весьма скоро. Таковы приговоры господни, смысл которых внятен лишь всевышнему.

Все эти непорядки и чрезмерные строгости генерального аудитора, приведшие к всеобщему брожению, были причиной того, что отцу магистру Белшиору и другим братьям из его ордена не удалось в этом году отправиться в Японию, как они это рассчитывали сделать, и им пришлось задержаться на десять месяцев в Малакке, вплоть до апреля следующего, 1555 года.

Между тем жестокие расправы генерального аудитора Гаспара Жорже, которые тот здесь чинил, возмутили всю страну. Но, не удовлетворись совершенным, полагаясь на широкие полномочия, данные ему вице-королем, Гаспар Жорже захотел еще вмешаться в область, подведомственную коменданту дону Антонию, стал решать за него все дела и настолько вытеснил его из его обязанностей, что у него осталось одно лишь имя коменданта крепости, на самом же деле он превратился в ее караульщика. Дон Антонио весьма сильно страдал от этого, но не отваживался до поры до времени принять решительные меры. Аудитор за четыре с лишним месяца окончательно распоясался: если бы я хотел перечислить все то, что он за это время натворил, я никогда бы не кончил своего повествования. Но вот в один прекрасный день дон Антонио решил, что обстановка складывается благоприятно для выполнения замысла, который он, видимо, обдумал. Воспользовавшись сиестой, он захватил аудитора в крепости, и люди, нарочно для этого подобранные, препроводили его в некий обывательский дом, где, как говорят, его раздели донага, связали по рукам и ногам, всыпали ему, не знаю сколько, плетей, а

потом прижигали израненные места горящими фитилями от масляных светильников, от чего он едва не умер. Затем на него надели наручники, кандалы и ошейник, выдрали усы, бороду и брови, не оставив ни единого волоса на лице, и совершили над ним еще много надругательств подобного рода, если верить тому, что тогда открыто говорили повсюду. Так, если это не ложь, дон Антонио расправился с несчастным генеральным аудитором Индии, главным судьей по наследствам и сиротского суда, королевским управляющим казной в Малакке и южных владениях, ибо всеми этими титулами обладал лицензиат Гаспар Жорже. Когда наступила пора муссонов, его в оковах отправили в Индию с жестоко порочащими протоколами вытянутых из него признаний, которые, однако, адвокаты кассационного суда в Гоа признали недействительными, приказав пересмотреть в Малакке все дело заново. Коменданта же дона Антонио дон Педро Маскараньяс, который к этому времени сделался уже вице-королем, велел взять под стражу, дабы мучитель Гаспара Жорже ответил перед последним за учиненные над бывшим аудитором насилия. Дон Антонио немедленно был отправлен в Индию, где для оправдания своего должен был в трехдневный срок представить в кассационный суд ответы на все пункты иска, вчиненного ему Гаспаром Жорже. Так как по складу своему дон Антонио был противник всяких дуплик и треплик, которыми советники кассационного суда, по его мнению, лишь хотели его запутать, он, по-видимому (как тогда утверждали злые языки, ибо сам я этого не видел и передаю только понаслышке), предпочел не тратить много времени на ответы и в ближайшие же сутки постарался отправить Гаспара Жорже туда, откуда он уже не мог его беспокоить, при помощи какого-то зелья, которое лицензиату дали на званом обеде, после чего все дело было прекращено, дон Антонио был выпущен на свободу и отправился обратно комендантствовать в Малакку, куда он поехал через месяц. Но, прибыв туда и вступив в должность, он прослужил недолго: через два с половиной месяца он заболел кровавым поносом и умер. Таким вот образом разрешились все распри и неурядицы, которые довелось в это время перенести злополучной Малакке.

Глава ССХХ

Как мы отправились из Малакки в Японию, что с нами случилось, пока мы не прибыли на остров Шампейло в Каушеншине [{359}](#), и что мы там видели

Когда наступило время муссонов и отец магистр Белшиор мог продолжать свой путь, мы поспешили покинуть Малакку. Отбыли мы 1 апреля 1555 года на каравелле государя нашего короля, которую комендант крепости дон Антонио предоставил отцу магистру на основании распоряжения вице-короля. Через три дня мы подошли к острову под названием Пуло-Пизан почти у самого входа в Сингапурский пролив, где малоопытный штурман с полного хода посадил каравеллу на рифы, и нас ожидала бы верная гибель, если бы по всеобщему совету отец магистр Белшиор не отправился на маншуа просить нам на помощь шлюпку и матросов у некого Луиса де Алмейды, перегнавшего нас два часа назад на своем корабле, ставшем на якорь в двух легуа от нас. За время этого перехода отец магистр, два орденских брата и я подвергались значительной опасности и должны были испытать немало трудностей. Дело в том, что окрестные земли были охвачены войной, остров этот, принадлежащий королю Жантаны, внуку бывшего правителя Малакки, злейшему нашему врагу, был на военном положении, и баланы и ланчары его армады все время гонялись за нами с намерением взять нас на абордаж. Но угодно было господу нашему сделать все их усилия тщетными. Когда мы, уязвленные в нашей гордости и напуганные, добрались наконец до судна Луиса де Алмейды и тот удовлетворил нашу просьбу, мы тотчас же поспешили вернуться на каравеллу, чтобы оказать ей необходимую помощь. Подойдя к ней на другое утро, мы увидели, что по милости божьей она сошла с камней, но имеет большую течь в носовой части, которую удалось устранить в Патане, куда мы прибыли через неделю. Я вместе с двумя товарищами сошел на берег и посетил короля, которому передал письмо от коменданта Малакки. Король принял нас очень радушно и, поняв из письма коменданта, что цель нашего посещения запастись провиантом и кое-чем, что мы не смогли раздобыть в Малакке, а затем идти в Китай и дальше в Японию, где отец магистр и братья будут проповедовать христианскую веру язычникам, немного задумался, а затем, обратившись с улыбкой к своим, сказал:

— Насколько полезнее было бы для них, раз уж они подвергают себя таким тяготам, отправиться в Китай и вернуться оттуда богатыми, чем ехать на край света проповедовать там всякий вздор. — И, обратившись к шабандару, который стоял перед ним, добавил: — Сделай все, что потребуют эти люди. К этому обязывает меня любовь к коменданту Малакки, который настойчиво поручает их моему вниманию. И помни, что приказываю я всего только раз.

Расставшись с королем, мы, очень довольные оказанным нам приемом, в первую очередь занялись приобретением всего необходимого, как провианта, так и всего прочего, в чем у нас чувствовался недостаток, и через восемь дней были уже готовы двинуться в путь. Выйдя из Патане, мы в течение двух суток следовали с сильным зюйд-остовым муссоном вдоль побережья Лугора и Сиама. Когда мы проходили бар Куи ^[360], чтобы идти на Пуло-Камбин, а оттуда на острова у Кантона, где мы хотели переждать новолуние, нас с вест-зюйд-веста (обычный румб ветров, дующих в течение большей части года на этом побережье) настиг столь сильный шторм, что мы уже считали себя погибшими. Из-за него нам пришлось спуститься снова к Малайским берегам. У острова Пуло-Тимана мы опять подверглись большой опасности как от стихий, так и от коварства местных жителей. После того как мы пять суток простояли здесь без воды и без провизии, ибо вынуждены были спустить ее за борт, угодно было господу нашему направить сюда три португальских корабля, следовавших из Сунды, с приходом которых окончились наши мучения. Отец магистр Белшиор немедленно обсудил с их капитанами надежнейший способ добраться до Японии, и все сошлись на том, что каравеллу, как судно непригодное для длительного путешествия, надлежит отправить обратно в Малакку, что и было сделано. Отец же магистр пересел на судно некоего Франсиско Тоскано, человека богатого и уважаемого, который взялся заплатить за проезд как отца магистра, так и всех его спутников. Остров Пуло-Тиман мы покинули в пятницу июня седьмого дня того же 1555 года и, приблизившись к владениям королевства Шампа, следовали далее вдоль побережья материка с легким попутным муссоном, пока через двенадцать суток не стали на якорь у острова под названием Пуло-Шампейло в Каушеншинском заливе. Там мы набрали воды в холодном ручье, низвергавшемся между скал с вершины горы, где на плоской поверхности камня был высечен очень красивый крест с четырьмя буквами «I. N. R. I.» ^[16], а отступая четыре пальца от его подножья, — год 1518 и шесть букв с титлами — сокращение имени Дуарте Коэльо. На расстоянии двух

выстрелов из арбалета к югу от этого ручья на деревьях, росших вдоль берега, висело шестьдесят два трупа, кроме этого, на земле валялось еще много полуизглоданных останков. По-видимому, повешены были эти люди шесть или семь дней назад. С другого дерева спускался большой флаг, на котором было написано по-китайски: «Всякому судну или джонке, пришедшим сюда за водой, надлежит набрать ее без промедления и немедленно же уйти, невзирая на погоду, дабы людям с них не пострадать, как этим несчастным, коих поразила десница возмездия Сына Солнца».

Найти объяснение этому событию мы так и не смогли, но решили, что, верно, на этот остров зашла какая-нибудь китайская армада и, обнаружив здесь этих несчастных, ограбила их (как это у них водится) и уничтожила, придав всему видимость законности.

Глава ССХХІ

Как с этого острова Шампейло мы перебрались на остров Саншан, а оттуда в Лампакау [\[361\]](#), а также как были уничтожены два португальских поселения в Китае

Покинув остров Шампейло, мы отправились к островам под Кантоном и через пять дней пути по милости господней благополучно прибыли на Саншан, тот самый остров, на котором был погребен отец магистр Франциск Ксаверий, как я уже об этом рассказывал. На следующий день утром все сошли на берег и отправились процессией на то место, где был похоронен святой отец. Мы нашли могилу его заросшей травой и кустами, виднелись только вершины крестов, которыми она была ограждена. Скоро, однако, общими силами мы ее расчистили и благоговейно привели в порядок, установив вокруг нее ограду из толстых столбов, а снаружи ограды забив еще частокол. Все пространство вокруг могилы было выровнено и посыпано песком, а за наружной оградой мы прорыли еще ров и вынутой оттуда землей укрепили частокол. У входа мы поставили очень высокий и красивый крест. Когда все было готово, отец магистр Белшиор отслужил торжественную мессу с пением, в которой принимали участие мальчишки-сироты и некоторые любители, отличавшиеся хорошими голосами. Были и парчовые украшения, и подсвечники, и серебряные светильники. В заключение отец магистр произнес небольшую приличествующую случаю проповедь, в которой пересказал жизнь и труды святого мужа, остановившись на великой ревности его к прославлению господа, к распространению его святой веры и к спасению душ, а также на святом намерении, которое заставило его направиться в Китай, где господу нашему было угодно призвать его к себе на небо. Проповедь эта была прослушана с набожным вниманием и не без слез.

На следующий день мы покинули Саншан и прошли шесть легуа к северу до острова Лампакау, где в те времена португальцы торговали с китайцами. Торговля там продолжалась до 1557 года, когда кантонские мандарины по требованию местных купцов предоставили нам порт Макао, куда она теперь перенесена. На этом некогда пустынном острове наши создали великолепный город с домами стоимостью по три и четыре тысячи крузадо и приходской церковью, в которой есть и викарный священник, и бенефициарии; в нем есть комендант, и аудитор, и судейские чины.

Жители города чувствуют себя в нем так же уверенно и в такой же безопасности, словно бы они находились в самой безопасной части Португалии. Будем уповать, что господу нашему по бесконечной доброте и милосердию его угодно будет придать этим чувствам уверенности более прочную и надежную основу, чем в Лиампо, другом португальском поселении, о котором я обстоятельно говорил выше, расположенном в двухстах легуа к северу от Макао. Поселение это было в очень короткий промежуток времени совершенно уничтожено и сровнено с землей по вине одного португальца. Я был свидетелем этого несчастья и могу сказать, что при этом погибло большое количество людей и имущества. В Лиампо жило три тысячи душ, из них тысяча двести португальцев, а остальные — христиане различного происхождения. Как меня уверяли со слов людей, в этом деле сведущих, торговый оборот в нем составлял за год три миллиона золотом. Обращалось там преимущественно лионское серебро, открытое всего лишь за два года до моего посещения. Оно было настолько дешево, что легко можно было утроить и учетверить свои деньги на любом доставленном туда товаре. В городе был свой постоянный комендант, аудитор, судья, управляющий казной, судья сиротского суда, торговый староста, секретарь суда, полицейские и все прочие государственные чиновники, включая четырех нотариусов и шесть регистраторов. За каждую из этих должностей платили по три тысячи крузадо, а некоторые стоили и того дороже. Было здесь триста португальцев, женатых на португалках и метисках, было две больницы и дом призрения, на которые тратилось в год более тридцати тысяч крузадо, а муниципалитет получал ежегодно шесть тысяч. Так что общее мнение было, что Лиампо самое богатое и обильное наше поселение во всей Индии, а по размерам своим и во всей Азии. Когда писцы направляли в Малакку какое-нибудь прошение или нотариусы составляли какую-нибудь бумагу, они кончали ее словами: «Сотворено в весьма знатном и верном городе Лиампо именем государя нашего короля». И раз уже это пришлось к слову, воспользуюсь случаем и расскажу, как и почему погиб этот столь цветущий город. А было дело так.

Жил тут один уважаемый и хорошей семьи человек по имени Лансароте Перейра, уроженец Понте-де-Лима. Как говорят, он ссудил на тысячу крузадо негодного товара каким-то не пользующимся большим доверием китайцам. Последние не вернули ему ни денег, ни его добра и бесследно исчезли. Лансароте Перейра, желая выместить эту утрату на тех, кто ни в чем перед ним не провинился, набрал десять или пятнадцать досужих бессовестных и еще более безмозглых португальцев и как-то ночью напал на расположенную в двух легуа от Лиампо деревню под

названием Шипатон и ограбил в ней десять или двенадцать проживавших там крестьян, отобрал у них жен и детей и убил при этом тринадцать человек без малейшего для этого повода или основания. Набат, возвестивший об этом неслыханном преступлении округе, собрал на следующий же день всех ее жителей, которые отправились с жалобой к шумбину правосудия. Было произведено расследование всего происшествия и обо всем составлена грамота, которую китайцы называют «макашилау» — жалоба по гласу народа, на имя правительственного шаэна, вице-короля этой провинции, немедленно приказавшего айтау, или, по-нашему, адмиралу, командовавшему армадой в триста джонок и восемьдесят ванканов, на которых было шестьдесят тысяч человек, привести свой флот в готовность в семнадцатидневный срок. Армада эта однажды утром напала на злополучное поселение португальцев, и произошло побоище, изобразить которое во всех подробностях, признаюсь откровенно, у меня не хватает ни знаний, ни умения, ни слов, — пусть всякий обладающий разумением представит его себе мысленно. Скажу только как очевидец, что менее чем за пять часов, что длилось это устрашающее возмездие десницы всевышнего и приводился в исполнение приговор его божественного правосудия, в городе не осталось камня на камне, ибо все было предано огню и сровнено с землей. Убито было двенадцать тысяч христиан, среди которых восемьсот португальцев, сожженных живьем на тридцати пяти кораблях и сорока двух джонках, а серебра, перца, сандала, гвоздики, мускатного ореха и цвета и других всевозможных товаров, как говорят, погибло на два с половиной миллиона крузадо с лишним. И всем этим бедам и ущербу виною была бессовестность и безмозглость одного скупца-португальца. Несчастье это повлекло за собой другое, не меньшее: в Китае доверие к нам настолько пошатнулось, что никто уже не хотел иметь с нами дела, говоря, что мы дьяволы в образе человеческом, порожденные гневом господним в наказание грешникам.

Произошло это событие в 1542 году [\[362\]](#), когда Индией управлял Мартин Афонсо де Соуза, а комендантом в Малакке был Руи Ваз Перейра Маррамаке. Через два года португальцы возмечтали обосноваться в другом китайском порту, по названию Шиншеу [\[363\]](#), в ста легуа ниже Лиампо, держать там склады своих товаров и вести торговлю. Местные купцы, для которых торговля представляла большие выгоды, за крупные взятки договорились с мандаринами, что они негласно дадут на это свое разрешение. Торговля в Шиншеу шла тихо и мирно в течение

приблизительно двух с половиной лет, когда в один прекрасный день комендант Малакки Симан де Мело прислал второго Лансароте Перейру в лице Айреса Ботельо де Соузы, привезшего от коменданта свое назначение начальником порта Шиншеу и главным судьей по наследствам. Человек этот, по слухам, прибыл с таким неудержимым желанием разбогатеть, что, как уверяли, способен был запускать руку куда угодно, не считаясь ни с чем на свете.

В это время в Шиншеу прибыл иностранец-армянин, всеми почитавшийся за доброго христианина. У него за душой было от десяти до двенадцати тысяч крузадо, и так как он был иностранец и, как мы, христианин, он предпочел с мусульманской джонки, на которой прибыл, пересесть на португальский корабль, принадлежавший некому Луису де Монтарройо. Шесть или семь месяцев он мирно прожил среди нас, пользуясь всеобщим расположением и радушием, так как был, как я уже говорил, очень хороший человек и добрый христианин, но вдруг заболел лихорадкой и умер. В завещании своем он объявил, что женат, имеет жену и детей, проживающих в Армении в некоем месте под названием Габорен, и что из двенадцати тысяч крузадо, принадлежащих ему, оставляет две тысячи братству Милосердия в Малакке при условии, что они будут служить мессы за упокой его души, а остальную сумму просит передать на совместное хранение судье по наследствам и братьям ордена, пока не будут обнаружены его дети, которым эти деньги должны быть переданы, в случае же их смерти свое наследство он полностью завещает братству. Не успели похоронить этого христианина, как Айрес Ботельо де Соуза поспешил захватить все его имущество, не составив ни описи ему, ни какого-либо другого акта, говоря, что необходимо послать в Армению, находящуюся в двух тысячах легуа с лишним, чтобы выяснить, не наложен ли на это имущество секвестр, и лишь после этого он сможет передать его наследникам. В это же время прибыли в Шиншеу два китайских купца, привезшие на три тысячи крузадо шелков, штофа, фарфора и мускуса, которые они остались должны покойному. Судья присвоил и это, а заодно и все прочие товары китайцев под предлогом, что и они принадлежат покойному армянину, предложив им, если они имеют какие-либо возражения, апеллировать в Гоа к верховному судье по наследствам, сам же он бессилен им помочь, ибо таковы его обязанности. Не тратя много слов на расписывание дальнейшего хода событий, скажу только, что обобранные до нитки купцы вернулись к себе домой и, взяв с собой жен и детей, бросились к ногам шаэна и вручили ему жалобу, где изложили все обстоятельства дела, добавив, что мы, португальцы, люди, не боящиеся

суда божьего. Шаэн, желая отомстить как за этих купцов, так и за других, которые уже ранее предъявляли к нам претензии, велел немедленно объявить во всеуслышание, что ни один человек под страхом смерти не имеет в дальнейшем права вступать с нами в какие-либо сношения, а так как это привело к полнейшему прекращению доставки в Шиншеу съестных припасов, недостаток в них получился такой, что то, что стоило раньше каких-нибудь двадцать рейсов, нельзя было теперь раздобыть и за крузодо. Жители поэтому отправились промышлять себе питание по окрестным деревням, причем не обошлось и без грубых насилий. В конечном счете вся страна поднялась на нас с великой яростью и злобой, и через шестнадцать дней к Шиншеу подошла армада в сто двадцать больших джонок, которая рассчиталась с нами за наши грехи: все стоявшие в порту тринадцать кораблей были сожжены до единого, а из пятисот португальцев, находившихся на берегу, спаслось лишь тридцать, не сохранив ни на реал имущества.

Из этих двух прискорбных событий я делаю вывод, что если дела наши в Китае идут сейчас благополучно и торгуем мы с китайцами мирно и с полным доверием (при условии, что мир, заключенный между нами и Китаем, окажется прочным и долговечным), так, надо думать, будет продолжаться лишь до тех пор, пока грехи наши не дадут китайцам повода опять напасть на нас, от чего, господи боже наш, милостиво нас упаси.

Однако вернемся к нашему предмету. Прибыв в Лампакау, о чем я говорил выше, все наши три корабля стали там на якорь, а вскоре к нам присоединилось еще пять португальских кораблей. Но так как подвоз товаров в этом году не в пример прошлым запаздывал, ни одно судно не вышло в эту навигацию к берегам Японии, из-за чего нам пришлось задержаться еще на одну зимовку, чтобы в следующий май, иначе говоря, через десять месяцев, отправиться с попутным муссоном к месту нашего назначения.

Глава ССХХII

О сведениях, поступивших на этот остров касательно странного события, происшедшего на материке

Когда отцу магистру Белшиору стало ясно, что отправиться в этом году в Японию ему не удастся, как потому, что время муссонов прошло, так и по другим обстоятельствам, препятствовавшим этому предприятию, он распорядился о сооружении на берегу жилья для себя и своих спутников, а также некоего подобия церкви, где можно было бы отправлять церковную службу и совершать таинства, необходимые для спасения людей, и к этим постройкам немедленно было приступлено. Все время нашего пребывания на этом острове ни отец Белшиор, ни братья из его ордена не оставались бездеятельными; напротив, они неусыпно заботились о спасении душ, как умножая исповеди, так и другими средствами: благодаря их усилиям из тюрьмы в Кантоне были освобождены два португальца, просидевшие там пять лет, выкуп которых обошелся в полторы тысячи крузадо, собранных с правоверных христиан.

Мы уже шесть с половиной месяцев жили на острове, когда 19 февраля 1556 года в Кантон пришло достоверное известие, что третьего числа того же месяца и года в провинции Санси произошло землетрясение. 1 февраля земля содрогалась с одиннадцати часов до часа ночи, на следующие сутки — с полуночи до двух, а на третьи — с часа ночи до трех, причем землетрясение сопровождалось устрашающей грозой и бурей, земля дала трещины, и словно из самых недр ее вырвались клокочущие потоки воды, затопившие всю местность на шестьдесят легуа в окружности. Из жителей не спасся никто, за исключением семилетнего мальчика, которого, как некое чудо, доставили к богдыхану. Когда известие это достигло Кантона, оно привело всех жителей его в величайшее смятение и ужас. Так как наши усомнились в истинности этого сообщения, четырнадцать человек из шестидесяти португальцев, находившихся тогда на острове, решили проверить его и немедленно отправились в путь. Когда они вернулись, то подтвердили, что известие это было совершенно точным, после чего на основании их показаний была составлена бумага, под которой подписались четырнадцать очевидцев — все португальцы, и эту бумагу Франсиско Тоскано отправил в Португалию королю Жоану III, да будет прославлено его святое имя, со священником

по имени Диого Рейнел, одним из четырнадцати очевидцев. По случаю этого события все жители Кантона предавались своеобразному покаянию и, хотя и были язычники, своим примером пристыдили нас, христиан. В первый же день, когда разнеслась эта весть, в два часа дня по всем главным улицам Кантона проехали шесть конных глашатаев в длинных траурных одеждах, восклицавших весьма печальным и жалобным голосом:

— О несчастные люди, непрестанно оскорбляющие господа, внимлите, внимлите слезному воплю, возвещающему вам о горестном и прискорбном событии, о котором вы ныне услышите. Знайте же, что за грехи наши господь опустил карающий меч своего правосудия на народ Куи и Санси, разорив водой, огнем и пламенем небесным всю провинцию этого аншаси, и из всех жителей ее спасся один лишь мальчик, которого доставили Сыну Солнца.

После этого три раза ударили в колокол, и все люди простерлись ниц, издав ужасающий крик: «Хірато варосау», — что значит: «Справедливы деяния господни». Затем весь народ разошелся по домам, и город обезлюдел на целых пять дней; на улицах не было видно ни одной живой души, чем все мы, португальцы, были несказанно поражены. По прошествии этого срока шаэн, аншаси и весь народ (речь идет только о мужчинах, так как женщины, как считают китайцы, не могут быть услышаны богом из-за ослушания и грехопадения Евы) обошли все главные улицы города необозримой процессией, издавая раздирающие крики, между тем как их жрецы, которых, как говорили, было более пятидесяти тысяч, повторяли:

— О удивительный и милосердный господи, не спрашивай с нас ответа за злые поступки наши, ибо немymi останемся мы пред тобою.

А весь народ в едином страшном крике подхватывал:

— Харуреу данасо о фанара ги палеу, — что означает: «Признаемся перед тобой, господи, в прегрешениях наших».

И так, оглашая воздух криками, они дошли до великолепного храма, посвященного Накапирау, которую они считают царицей небесной, как я уже не раз говорил. На следующий день они отправились в другой — храм бога правосудия Узанге ^{364}Набора, и так продолжалось четырнадцать дней, в течение которых щедро раздавалась милостыня, было выпущено на свободу значительное количество узников и совершалось много жертвоприношений как благовониями, возжигая орлиное дерево и стиракс, так и кровавых, во время которых было зарезано множество коров, оленей и свиней, чье мясо было роздано бедным. И так в течение почти трех месяцев, что мы оставались тут, продолжались эти стоившие больших

денег набожные дела, которые, будь они только вдохновлены верой во Христа и совершены во имя его, были бы ему, как я думаю, весьма угодны. Молва утверждала также, что в течение тех трех дней, когда происходило землетрясение, на Пекин, в котором тогда находился богдыхан, все время падал кровавый дождь, почему большая часть населения покинула его, а сам богдыхан бежал в Нанкин, где по его приказанию было также роздано бедным много милостыни, заключенные выпускались из тюрем и была возвращена свобода бесчисленным пленным, в том числе пяти португальцам, уже двадцать лет пребывавшим рабами в городе Покасере. Попав в Кантон, они рассказали нам много примечательных вещей, между прочим, что богдыхан по случаю землетрясения на одну милостыню потратил шестьдесят тысяч крузадо, а кроме того, велел воздвигнуть, чтобы умиловить разгневанное божество, великолепные храмы, в число которых вошла и заложенная в Лампакау пагода Хифатикау, что значит «Любовь к богу», храм весьма роскошный и величественный.

Глава ССХХІІІ

Как мы прибыли во владения короля Бунго и о том, как он нас принял

Когда наступила пора муссонов, при которых мы могли совершить наше путешествие, мы немедленно собрались в путь. 7 мая 1556 года мы покинули остров Лампакау на корабле, капитаном и владельцем коего был дон Франсиско Маскареньяс, с колыбели прозванный «Соломой», который в этом году был здесь начальником порта. Пройдя четырнадцать суток, мы наконец увидели первые острова, расположенные на широте тридцати пяти градусов к вест-норд-весту от Танишума. Наш штурман, зная, насколько опасно здесь плавание, лег на курс зюйд-вест с намерением подойти к оконечности хребта Минато. Подойдя к побережью Таноры ^{365}, мы шли вдоль него вплоть до порта Фиунги, но так как магнитные стрелки компасов отклонялись здесь несколько к осту, а течение несло нас на север, штурман запутался в счислении, так что, когда он заметил свою ошибку, хоть и не хотел в этом признаться, не желая уронить достоинство моряка, мы успели пройти лишних шестьдесят легуа. Возвращаться вспять нам пришлось с превеликим трудом, так как ветер дул все время противный, и на это у нас ушло еще пятнадцать утомительных дней, которые мы провели, подвергая большой опасности наши товары и жизнь, так как все жители этого побережья восстали против нашего друга короля Бунго и его подданных из-за приверженности их к религии Спасителя ^{366}, которую распространили среди них наши святые отцы. Наконец, когда по милости божьей мы благополучно добрались до гавани Фушеу и стали на якорь против столицы этого государства, о которой я уже много раз говорил и которая в настоящее время является средоточием всего христианства в Японии, решено было большинством голосов отправить меня в крепость Оски, где, по нашим сведениям, должен был находиться король. И хоть я несколько побаивался этой поездки, так как страна была охвачена мятежами, все же ехать мне пришлось, так как об этом меня настоятельно просили решительно все. В спутники мне дали четырех человек, и, забрав драгоценный подарок в пятьсот крузадо, который капитан корабля дон Франсиско хотел поднести королю, я съехал на берег и, сойдя на пристань, первым делом поспешил в дом куанси Андоно, адмирала и коменданта Канафамы, который принял меня весьма радушно, что меня несколько

успокоило. Сообщив ему, куда я собираюсь ехать, я попросил дать нам коней и людей, которые проводили бы нас до места, где находился король, что он немедленно и сделал, и притом более щедро, чем я предполагал. Покинув Фушеу, я на другой день прибыл в селение под названием Фингау, расположенное в четверти легуа от крепости Оски, откуда через одного из японцев, которые сопровождали нас, я дал знать Оскиндоно, коменданту ее, что прибыл к его величеству в качестве посла от вице-короля Индии, а поэтому прошу его указать мне, когда его величеству угодно будет меня принять. На это комендант немедленно прислал мне ответ с одним из своих сыновей; в нем он желал мне и моим спутникам всяких благополучий по случаю нашего прибытия и сообщал, что уже дал знать королю на остров Шеке, куда последний отбыл два дня назад с большой свитой, дабы убить там очень большую рыбу неизвестного наименования, которая подошла к этому островку из открытого моря вместе с большим косяком мелких рыбок, и так как рыба эта уже загнана в узкий залив и окружена, ему кажется, что его величество раньше ночи вернуться не может, но как только он получит ответ от его величества, он даст мне знать, а пока просит меня отдохнуть в более приличествующем мне помещении, где он уже отдал распоряжение меня принять и где ни о чем заботиться мне не придется, ибо земля эта в такой же мере принадлежит королю Португалии, как Малакка, Кочин и Гоа.

Один из слуг коменданта тут же отвел нас в пагоду, посвященную Амиданшо [{367}](#), где бонзы ее попотчевали нас великолепным угощением. Король, едва получив известие о моем прибытии, послал с острова, где он был занят поимкой этой огромной рыбы, три гребных фуне, а с ними приближенного камергера по имени Оретандоно, который под вечер прибыл туда, где я остановился, и, найдя меня, первым делом изустно сообщил мне цель своего посещения, а потом, вынув из-за пазухи королевское письмо и приложившись к нему со всеми поклонами и церемониями, которые у них в этих случаях приняты, передал его мне. Гласило оно следующее:

«Будучи в настоящее время занят делом, очень меня занимающим, узнал о твоём благополучном прибытии в то место, где ты остановился вместе со своими спутниками, и испытал от сего столь великую радость, что искренне говорю тебе: если бы я не поклялся не покидать этих мест, пока я не убью большую рыбу, которую мы окружили, я бы и сам поспешил к тебе, но теперь я не могу это сделать, а посему прошу тебя как доброго друга сейчас же пожаловать ко мне на посланной за тобою шлюпке, ибо, если ты приедешь, а я убью эту рыбу, удовольствие мое

будет полным».

Прочитав это письмо, я сел вместе со всеми своими спутниками на фуне, на которой прибыл Оретандоно, а слуга с подарками — на две другие. Так как фуне эти были ходкие, а гребцы на них хорошие, мы за какой-нибудь час добрались до острова, находившегося в двух с половиной легуа, и прибыли туда как раз в то время, когда король с двумястами с лишним людей, вооруженных копьями, преследовали огромного кита, попавшего сюда вместе с большим косяком рыбы. И название «кит», и сама рыба были для них тогда весьма странны и необычны, ибо китов они до сих пор в этих местах никогда не видели. Когда его убили и вытянули на берег, радость короля была столь велика, что всех участвовавших в ловле рыбаков он освободил от подати, которой они раньше были обложены, и дал им новые, дворянские фамилии ^{368}, а некоторым любимым придворным увеличил содержание, а гезам (нечто вроде королевских камердинеров) велел выдать тысячу таэлей серебром. Меня он принял с радостной улыбкой и принялся подробно расспрашивать о разных разностях, на что я отвечал порой с некоторыми преувеличениями, ибо мне казалось, что таким способом я возвеличиваю португальский народ и приписываемое ему в этих краях значение. Ибо все здесь считают, что короля Португалии по праву можно признать повелителем мира как по площади подвластных ему земель, так и по его богатству и могуществу, и поэтому-то здесь так высоко ценится наша дружба.

Покончив с охотой на кита, мы отправились с острова Шеке в Оски и прибыли в крепость через час после захода солнца. Там все придворные приветствовали его величество, выражая ему на принятый здесь лад всяческую радость и ликование, поздравляя его со славной победой над китом и приписывая ему одному заслугу многих, ибо тлетворный порок лести настолько присущ всем дворам и домам знати, что даже среди варварских язычников он нашел возможность укорениться. Распрощавшись со всей своей свитой, король поужинал уединенно со своей женой и детьми, не желая даже, чтобы кто-либо ему прислуживал, ибо угощение происходило на половине королевы. Но нас всех пятерых, остановившихся в доме одного из своих казначеев, он пригласил и попросил нас из любви к нему поесть в его присутствии руками, как это принято у нас, потому что королеве это зрелище доставит большое удовольствие. Король немедленно велел накрыть нам стол всяческими лакомствами, очень чисто и вкусно приготовленными, которые приносили очень красивые женщины. Мы принялись за предложенные нам яства с

большой охотой, причем шутки и любезности, которые говорили нам дамы, особенно же остроты, которые посыпались со всех сторон, когда увидели, что мы едим руками, доставили значительно большее удовольствие королю и королеве, чем все духовные драмы, которые им могли бы представить. Ибо, поскольку этот народ, как я уже не раз говорил, привык есть с помощью двух палочек, он почитает великой неопрятностью брать пищу прямо в руки, как это делаем мы.

Между тем одна очень хорошенькая четырнадцати- или пятнадцатилетняя дочка короля попросила свою мать позволить ей представить небольшую шутку, которую она хотела разыграть с шестью или семью подругами на предмет, о котором только что шла речь, что королева с согласия короля разрешила. Девочки скрылись в соседней комнате, где на какое-то время задержались, а те, кто не принимал участия в этой затее, развлекались тем временем на наш счет, отпуская в нашу сторону множество шуток и насмешек, заставлявших португальцев изрядно краснеть, по крайней мере, четверых из нас, ибо им это было внове, а языка они не понимали; что касается меня, то еще в Танишума мне пришлось присутствовать при подобной сцене, когда нас, португальцев, поднимали на смех, да не только в Танишума, но и в других местах. Впрочем, когда мы увидели, как искренне веселятся король и королева, шутки, сыпавшиеся на нас со всех сторон, стали казаться нам менее обидными. Но вот из внутренних покоев вышла весьма миловидная принцесса в выдержанном во всех подробностях костюме купца, с подвешенным на поясе мечом с золотой насечкой. Встав на колени перед королем и сделав церемонный поклон, она начала:

— Мужественный король и государь, хотя дерзость моя достойна сурового наказания из-за великого различия, существующего по божьему изволению между вашим величеством и моим ничтожеством, великая нужда, в которой я пребываю, заставляет меня закрыть глаза на все могущие проистечь от того последствия... Поскольку я стар, имею множество детей от четырех жен, с коими состоял в законном браке, а кроме того, крайне беден, я пожелал, как любящий отец, постараться не оставить чад моих в нищете. Движимый этим чувством, я попросил у моих друзей денег взаймы, на что некоторые из них ответили согласием, после чего я вложил мой капитал в некоторый товар, который за грехи мои никак не могу продать во всей Японии, почему я и решил обменять его на любой другой, который бы мне за него дали. Когда я горько жаловался на свою незадачу некоторым друзьям в Миоко, откуда я прибыл, они заверили меня, что ваше величество сможет оказать мне помощь. А посему,

государь, умоляю вас, из сострадания к моим седи́нам, немощи, многочисленности чад моих и крайней нужде, соизволить помочь мне в моем бедственном положении, ибо, пойдя навстречу моей просьбе, вы окажете великую милость как мне, так и шеншико, недавно прибывшим сюда на корабле, поскольку в этом моем товаре они нуждаются более всех на свете из-за некоего присущего им недостатка.

Пока произносилась эта речь, ни король, ни королева не могли удержаться от смеха, видя, что этот древний, убеленный седи́нами купец, имеющий стольких детей и терпящий такую нужду, не кто иной, как их юная и весьма красивая дочка. Но, сдержав на мгновение улыбку, король ответил с отменной серьезностью:

— Принеси образчики своего товара, и если это на самом деле нечто, способное пойти им на пользу, я скажу им, чтобы они его купили.

Принцесса с глубоким поклоном удалилась. Мы тем временем терялись в догадках, чем все это может кончиться. Находившиеся в покое женщины (их, должно быть, было более шестидесяти, — мужчин, кроме нас, пятерых, и короля, в помещении не было) начали было корчиться от приглушенного смеха и подталкивать друг друга локтями, но вот снова появился купец, и все стихло. Он шел впереди, а за ним следовали шесть весьма красивых девушек с образчиками товаров. Они тоже были в роскошных одеждах купцов, с мечами и небольшими золотыми щитами у пояса. Выражения лиц были важные и серьезные. Все они были дочери крупных феодалов, выбранные принцессой для того, чтобы участвовать в этой шутке, которую она затеяла представить перед королем и королевой. Изображали они сыновей старого купца, и каждая держала на плече сверток, увязанный в зеленую тафту. Прodelывая движения своеобразного танца, они весьма изящно прошли под звуки двух арф и одной смычковой виолы. Время от времени они принимались весьма приятно петь нижеследующие стишки, написанные в народном размере:

«Высокий и богатый государь, памятуя, кто ты есть, вспомни о нашей бедности. Несчастливы мы на чужой земле, презираемы людьми за наше сиротство, и оскорбления, наносимые нам, велики. А посему, государь, памятуя, кто ты есть, вспомни о нашей бедности».

В том же духе были и остальные куплеты, очень мило написанные и заключавшиеся неизменным: «Вспомни о нашей бедности». Когда окончились песня и танцы, все девушки опустились на колени перед королем, и после того как купец весьма складно поблагодарил государя за милость, которую он собирается ему оказать, свертки были развязаны, и оттуда вывалилось огромное количество деревянных рук, вроде тех,

которые дарят друг другу в день святого Амара, причем купец довольно остроумно заметил, что, поскольку природа за наши грехи навязала нам грязную привычку есть руками, отчего от них все время отдает то рыбой, то мясом, такой товар, несомненно, пойдет нам на пользу, ибо, пока мы будем пользоваться одной парой рук, другую можно будет вымыть.

От этих слов король и королева громко рассмеялись, что привело нас в крайнее смущение. Заметив это, король попросил у нас тысячу извинений, добавив, что принцесса, зная, как он любит португальцев, решила позабавить нас этим небольшим представлением [1369](#), видеть которое допущены были только мы, его братья.

На это мы выразили надежду, что господь бог вознаградит его величество за великую честь и милость, которую он нам оказывает и которую мы очень высоко ценим, и заверили его, что будем прославлять его во всем мире, пока будем живы. Король, королева и принцесса, все еще одетая в костюм купца, поблагодарили нас цветистыми речами на свой лад, а принцесса добавила:

— Если бы ваш бог захотел меня взять к себе в служанки, я бы ему представила еще и не такие шутки, и уверена, они бы ему понравились куда больше, чем эта, но буду надеяться, что он обо мне не забудет.

Услышав это, мы опустились на колени и, приложившись к ее одежде, сказали, что мы иного от нее не ожидали и думаем, что когда она перейдет в христианство, то станет со временем королевой Португалии. Слова наши очень развеселили ее мать. Распроставшись на этом с королем, мы вернулись в дом, где нам была предоставлена квартира. Едва наступило утро, король велел нас позвать и подробно расспросил о прибывших отцах, о намерениях вице-короля, о письме, которое я привез, о наших товарах, о корабле и о прочих разностях, на что потрачено было четыре часа с лишним. На этом он отпустил меня, сказав, что через шесть дней рассчитывает вернуться в столицу, где повидает отца магистра и даст на все ответ.

Глава ССХХIV

Как король Бунго принял посольство вице-короля Индии

По прошествии шести дней король покинул крепость Оски и отправился в Фушеу в сопровождении многочисленной и весьма знатной свиты, в которую входили шестьсот пеших и двести конных, выглядевших весьма внушительно. Народ встретил его всякими празднествами, ликованием, потешными представлениями и всякими дорогостоящими вещицами, до которых здесь все большие охотники. Остановился он в великолепном и весьма богатом дворце. Уже на следующее утро он позвал меня и велел принести письмо вице-короля, ибо в первую голову хотел ознакомиться с ним, а потом, уже прочитав его, поговорить с отцом магистром Белшиором о самом важном. Я немедленно вернулся домой и приготовился к приему. В два часа дня король прислал за мной куанси Нафаму, коменданта города, с четырьмя знатными сановниками, которые в сопровождении множества людей провели меня во дворец. Путь этот они, я и сорок португальцев совершили пешком, ибо таков у них обычай. Должен, однако, сказать, что все улицы, по которым мы шли, были очень чисты и красиво убраны. Народу высыпало на них столько, что натуронам, или стражам, пришлось немало поорудовать своими окованными железом жезлами, чтобы расчистить нам дорогу. Подарки королю везли трое португальцев на конях, а немного отступя, ехали на великолепных конях еще два всадника с пиками, покрытые доспехами, как на турнирах. Когда мы прибыли на первый дворцовый двор, мы увидели там короля, восседающего на байлеу, или помосте, который он нарочно для этого случая велел воздвигнуть. Кроме короля, там была еще вся знать королевства и три посла чужеземных королей — первый от лекийцев, второй от короля Кочина и острова Тозы, а третий от кубукамы и императора Миоко. Все пространство двора вокруг помоста занимали свыше тысячи стрелков из аркебузов и четыреста всадников о доспехах, на добрых конях, кроме этого, здесь теснилось бесчисленное количество народа. На пути к возвышению, где находился король, мы, португальцы, проделали все церемонии и отвесили все поклоны, которые полагаются в подобных случаях. Потом я выступил вперед и вручил государю письмо вице-короля, он принял его стоя, после чего, вновь усевшись, передал его в руки куанси грикау (некто вроде королевского секретаря), и тот прочел его

громким голосом, так чтобы все могли его услышать. Когда с чтением было покончено, король стал расспрашивать меня в присутствии послов и принцев о некоторых вещах, которые он желал узнать о нашей Европе. Один из его вопросов заключался в том, сколько пехотинцев в полном вооружении и всадников в таких же доспехах, как на присутствующих здесь, может выставить наш король. Опасаясь покраснеть, если я солгу, я, признаюсь, несколько смешался; видя это, стоявший рядом со мной португалец взял слово и, не смущаясь, ответил: от ста до ста двадцати тысяч, чем король был весьма поражен, а я еще больше. Король меж тем, которому, видимо, понравилась грандиозность цифр, называемых моим спутником, потратил на расспросы его больше получаса, приходя вместе с присутствующими во все возрастающее изумление. Наконец, обратившись к своим приближенным, он признался:

— Ничто на свете не доставило бы мне большего наслаждения, как увидеть это великое государство. Сколько чудес говорят мне о его богатствах и о необыкновенном множестве его судов. Истинно говорю вам, это доставило бы мне радости на всю жизнь.

Когда же я собирался удалиться вместе со своими спутниками, он сказал мне:

— Когда тебе покажется удобным, можешь передать отцу магистру, чтобы он пришел повидать меня, ибо я готов его выслушать, равно как и всех прибывших с ним.

Глава ССХХV

О свидании отца магистра Белшиора с королем Бунго и ответе, который мне дал король как послу вице-короля

Вернувшись к себе, я рассказал отцу магистру Белшиору о приеме, который был мне оказан королем, о разговорах, которые при этом велись, и с каким нетерпением он его ожидает, почему мне кажется уместным, раз уж тут собрались все португальцы и одеты они в праздничные одежды, идти к королю немедленно. Отцу магистру и прочим отцам, присутствовавшим при этом разговоре, предложение мое показалось правильным. Поэтому, облачившись так, чтобы придать себе наиболее внушительный вид, отец Белшиор вышел из церкви и направился во дворец. Вместе с ним шли сорок португальцев в праздничной одежде, с плечеными воротниками и тяжелыми золотыми цепями через плечо, четыре мальчика-сироты, одетые в белую тафту с вышитыми шелком крестами на груди и белые шапочки, и брат Жоан Фернандес в качестве толмача. Придя на первый дворцовый двор, отец магистр встретил нескольких вельмож и был ими со всякими церемониями и знаками приязни проведен в покой короля. Последний, приветливо улыбнувшись, взял его за руку и сказал:

— Поверь мне, отец иностранец, что этот день я действительно могу назвать своим из-за великой радости, испытываемой мною, когда я вижу тебя перед своими глазами, ибо мне кажется, что это вернулся святой отец Франциск, которого я любил, как самого себя.

Проведя отца Белшиора в следующую комнату, он усадил его рядом с собой, оказав также самый ласковый прием четверем мальчикам, ибо наших детей еще здесь не бывало. Отец магистр поблагодарил его за оказанные ему великие и многие милости, используя принятые в Японии выражения, которым его научил брат Жоан Фернандес, а затем приступил к самому главному, ради чего он был послан сюда, а именно — предоставить себя в распоряжение короля и преподать ему самый верный путь к спасению. Тот слушал и выражением лица и кивками головы одобрял его. Отец магистр в заранее приготовленной речи, напоминающей святую проповедь, изложил ему все, что для этого необходимо. На это король ответил:

— Не знаю, какими словами заверить тебя, святой отец, как рад я увидеть тебя здесь и слышать от тебя то, что достигло моего слуха. Если я не даю тебе ответа сейчас, то объясняется это обстоятельствами, о которых

ты, верно, уже знаешь. Поэтому прошу тебя, раз уж господь привел вас сюда, отдохнуть от трудов, совершаемых тобою во имя его. Что же до того, что пишет мне король в ответ на письмо мое, переданное через Антонио Феррейру, я и теперь не отказываюсь от своих слов. Но время сейчас такое, что, боюсь, узнай мои вассалы о каких-либо переменах со мной, они последуют советам бонз, и притом тем охотнее, что положение мое здесь, как ты должен был слышать от здешних отцов, крайне шатко из-за происшедших у нас восстаний, во время которых я находился в беспрецедентной опасности и даже вынужден был, чтобы спасти свою жизнь, казнить за одно утро тринадцать самых главных феодалов страны с шестнадцатью тысячами заговорщиков, их сообщников, я не говорю уже о примерно таком же количестве врагов, которых я сослал или которые бежали за пределы моего государства. Но если господь дарует мне когда-либо исполнение моих желаний, мне ничего не будет стоить последовать советам, которые дает мне вице-король.

Отец магистр ответил, что ему очень приятно слышать о добрых намерениях его величества, но все же ему не следует забывать, что жизнь человеческая коротка и все мы смертны. А если ему случится умереть до осуществления своего замысла, что тогда станет с его душой? Король ответил: «Бог знает». Отец Белшиор, видя, что тот пока что дальше добрых слов и поговорок не идет и не желает принять решения по столь важному для нас вопросу, скрыл свое разочарование и перевел разговор на другие предметы, касаться которых, как он понял, его величеству было много приятнее. Проведя таким образом в беседах с отцом значительную часть вечера, король попрощался с ним в почтительных выражениях, вселив в него надежду, что он хоть и не так скоро, но непременно обратится в христианство, что тогда было понято всеми как ответ, достаточно уклончивый. На другой день через два часа после вечерни у отца магистра произошло второе, свидание с королем. Последний проявил к нему, как и всегда, много радушия, но за все время разговора ни разу не коснулся главного. Впрочем, он скоро перебрался обратно в Оски, приказав передать отцу магистру, что он рад будет, если тот останется и будет навещать его в Оски, ибо ему доставляет большое наслаждение говорить с ним о величии божьем и о совершенстве его религии.

Когда прошло более двух с половиной месяцев, в течение которых король не предпринял никаких решительных шагов, ограничиваясь туманными обещаниями и лишь сопровождая их порой попытками оправдаться, что, разумеется, не могло удовлетворить отца Белшиора, последний пришел к выводу, что ему надлежит вернуться в Индию, куда

призывали его возложенные на него обязанности, равно как и некоторые другие причины. К ним прибавилось еще письмо, доставленное ему неким Гильерме Перейрой, которое тот получил из Малакки. Ему писали, что в Индию из Португалии прибыл один из братьев по имени Жоан Нунес, посвященный в патриархи пресвитера Иоанна, что весьма взволновало отца Белшиора, ибо ему показалось, что если он отправится с братом в Эфиопию, то сможет принести там много больше пользы, нежели здесь, где, как он убедился, он только теряет время. Но и этому его доброму намерению не суждено было осуществиться, ибо как раз в это время Эфиопия при содействии турок была почти целиком захвачена королем Зейлы и абиссинскому государю пришлось с небольшим количеством сторонников скрыться в горах Тигремахона, где он был в конце концов отравлен магометанами. Когда же в той небольшой части Эфиопии, которая осталась свободной, воцарился его старший сын Давид, он возвел на патриарший престол некоего александрийца, своего бывшего учителя-схизматика, столь упорного в своих заблуждениях, что он открыто высказывал в своих проповедях, будто лишь он является истинным христианином в той религии, которую исповедует, а не его святейшество. Так и прошли бесплодно для святых отцов все пять лет правления Франсиско Баррето и дона Константино, и оба они умерли, один в Гоа, а другой в Кочине, не осуществив своих намерений, и до сих пор для спасения абиссинцев не предпринято ничего, да и вряд ли будет предпринято, если только по воле господней не совершится чудо, так как в Меккском проливе у нас в лице турка уж очень дурной сосед.

Видя, что дела святых отцов в Фушеу идут плохо, а отец магистр Белшиор уже перебрался на корабль, я отправился в Оски повидаться с королем и получить от него ответ на письмо, которое я ему привез. Король мне немедленно его вручил, так как ответ был уже написан, а в благодарность за полученные подарки передал мне богатые доспехи, два золотых меча и сто лекийских вееров. Письмо, написанное им, гласило следующее:

«Государь вице-король прославленного величья, восседающий на престоле тех, кто творит суд властью своего скипетра, я, Яретандоно, король Бунго, оповещаю Вас, что в этом городе Фушеу посетил меня по Вашему повелению посланец Ваш Фернан Мендес Пинто с письмом Вашей светлости и предназначенным для меня подарком, состоящим из оружия и иных предметов, доставивших мне особенную радость потому, что прибыли они с края света, именуемого Шеншикожин, где, благодаря могуществу великих армад и принадлежащих разным народам войск,

царствует венчанный лев великой Португалии, слугою и вассалом коего я отныне себя объявляю, обязуясь всегда быть его другом верным и нежным, как пение сирен среди разбушевавшегося моря. Почему я как милости прошу его, пока солнце не перестанет выполнять назначения своего, ради которого оно было создано богом, а морская стихия — приливать и отливать от земных берегов, не забывать о клятве верности, которую я через него приношу его государю и старшему брату моему, благодаря чему мои вассальные обязанности становятся почетными, какими, уповаю, они будут оставаться и впредь. Оружие же и доспехи, кои я посылаю ему, пусть он примет как знак и залог моей верности, как это принято между нами, королями Японии. Совершено в крепости моей Оски девятого мамоко третьей луны тридцать восьмого года моей жизни».

С этим письмом и подарком я вернулся на корабль, стоявший на якоре в двух легуа от города; отец магистр Белшиор и все его спутники уже перебрались на него; отбыли мы из Шеке на другой день, 14 ноября 1556 года.

Глава ССХХVI

О том, что произошло со мной за время путешествия из Шеке в Индию и оттуда в Португалию

Следуя из Шеке по избранному курсу с попутным северным муссоном большой силы, мы 4 декабря прибыли в Лампакау, где застали шесть португальских кораблей, состоявших под командой одного купца по имени Франсиско Мартине, ставленника Франсиско Баррето, который унаследовал дону Педро Маскареньясу в управлении индийскими владениями. Вследствие того что муссон, пригодный для путешествия в Индию, уже почти кончался, наш капитан дон Франсиско Маскареньяс задержался в Лампакау лишь на время пополнения запасов. Оттуда мы отбыли в рождественскую осьмерицу и прибыли в Гоа 17 февраля, где я немедленно доложил Франсиско Баррето о письме, которое привез ему от японского короля. Он приказал мне принести его на следующий день, и я доставил его вместе с доспехами, мечами и всеми остальными подарками. Вице-король, внимательно осмотрев их, сказал:

— С полной искренностью говорю вам, что эти доспехи и прочие подарки, кои бы ныне привезли, дороже мне, чем моя вице-королевская должность, ибо ими и этим письмом японского короля я надеюсь так умиловить государя нашего, что он, после бога, избавит меня от лиссабонского замка, куда мы, правители этих земель, за грехи наши в большинстве своем неизменно попадаем.

Чтобы вознаградить меня за мои труды и расходы, которые я понес, он сделал мне много предложений, которые я сразу не захотел от него принять. В оправдание свое я привлек письменные доказательства и свидетельства очевидцев в том, сколько раз на службе государя нашего короля я попадал в рабство, а имущество мое подвергалось ограблению, полагая, что этого одного достаточно для того, чтобы у себя на родине не получить отказа в том, что, как мне казалось, мне обязаны были дать за мои заслуги. Вице-король велел мне составить прошение, перечисляющее эти обстоятельства, присовокупил к нему все свидетельства, которые я ему представил, и сверх того вручил мне письмо к его величеству. После этого добиться награды за свою службу мне показалось делом столь легким, что, уверенный в очевидности своих заслуг и весьма довольный и гордый своими бумагами, кои я считал самым верным капиталом, я сел на корабль

и отправился в Португалию, исполненный самых радужных надежд и убежденный, что стоит мне заикнуться, как на меня посыплются милости. Господу нашему было угодно, чтобы путешествие мое прошло благополучно, и сентября двенадцатого дня 1558 года я прибыл в Лиссабон в то время, когда правила страной государыня наша и королева донна Катарина, да восславится ее святое имя, которой я передал письмо вице-короля и изложил изустно все то, что, как мне казалось, могло способствовать успеху моего ходатайства. Она направила меня к чиновнику, ведавшему такого рода делами, который, расточая мне добрые слова и вселяя в меня еще более добрые надежды, которые с его слов я мог с уверенностью питать, продержал у себя мои несчастные бумаги целых четыре года с половиной. Кончилось все дело тем, что я остался при своих хлопотах и огорчениях, которые, не знаю, были ли хуже или лучше описанных мною в этой книге мук и превратностей. Видя наконец, как мало проку приносят мне как прежние мои труды и заслуги, так и теперешние мои хлопоты, я решил удалиться от дел с теми крохами, которые мне удалось скопить ценою величайших трудов и злоключений, — остатком сбережений, истраченных мной на службе своему государству, предоставив определить дальнейшую судьбу мою небесному правосудию и лишь сожалея о том, что не взялся за это дело раньше. Ибо, поступи я так, я сберег бы изрядную долю своих денег. Так вот до чего довела меня моя более чем двадцатилетняя служба, в течение которой я был тринадцать раз обращен в рабство и шестнадцать раз продан, из-за всяких несчастий, о которых я весьма подробно рассказал в истории этих бесконечно долгих странствий.

Но хотя все сказанное мною и справедливо, все же мне кажется, что неуспех мой в хлопотах о награде за великие труды и множество оказанных услуг проистек более от божественного провидения, которое допустило неудачу эту в наказание за мои грехи, чем от небрежности или какого-либо упущения со стороны того, кому небо поручило рассмотреть мою просьбу.

Поскольку во всех королях нашего королевства (кои являются тем чистым источником, откуда проистекают все блага, хотя текут они порой более по трубам чувств, нежели рассудка) я всегда встречал живейшую признательность и величайшее желание не только вознаграждать тех, кто им служит, но также осыпать милостями и тех, кто ничего для них не сделал, из этого явствует, что если я и все такие же неудачники, как я, не получили никакой награды за наши труды, то вина здесь исключительно в трубах, а не в источниках. Или, точнее, причиной всему является

божественная справедливость, которая ошибаться не может и распоряжается всем на свете так, как считает лучшим и наиболее подходящим для людей. А посему возношу великие хвалы царю небесному, пожелавшему, чтобы через меня свершилась его святая воля, и не жалею на земных царей, ибо большего, видно, я не заслужил за великие свои прегрешения.

При подготовке русского издания «Странствий» издательство сочло необходимым ограничить объем комментариев к авторскому тексту. В «Странствиях» разъяснения требует бесчисленное множество реалий, но не в меру обширные комментарии крайне затруднили бы чтение книги, рассчитанной на массового читателя. Не случайно за рубежом не было ни одного комментированного издания книги Пинто и редакторы этих изданий отсылали читателей к частным исследованиям португальских, английских, немецких и голландских пинтоведов. Учитывая вышеизложенное, издательство дает лишь разъяснение тех реалий, без разбора которых непонятными могут оказаться многие главы «Странствий».

notes

Примечания

В Мадриде книга Мендеса Пинто издавалась в 1620, 1627, 1628, 1664 и 1666 гг., в Валенсии — в 1645 г., и Лондоне — в 1625, 1653, 1663, 1692 гг., в Страсбурге — в 1625 и в 1671 гг., в Амстердаме — и 1652, 1653 и дважды в 1671 г.

G. Schurhammer. Fernao Mendes Pinto und seine «Poregrina?ao», «Asia Major», 1926, № 1, SS. 71—103, № 2, SS. 194—267

Описание Китайского государства Пинто дает в главах LXXXVII — CXXVIII. Оно очень растянуто и в художественном отношении слабее всего произведения в целом, поэтому при переводе эти главы опущены и дан их краткий пересказ.

Главы CLIX — CLXIV, посвященные Каламиньяну, даны в кратком пересказе.

Тебя, бога, хвалим (*лат.*).

Аминь (лат.).

Если ты, господи, будешь замечать беззакония, — господи, кто устоит? (*лат.*)

Милости твои, господи, буду петь вечно (*лат.*).

Господи, недостоин (*лит.*).

«Отче наш» и «Богородица дева, радуйся» (*лат.*)

«Верую» (*лат.*).

Святой Петр, молись за нас, святой Павел, молись за нас (*лат.*).

Блаженный Петр, блаженный Павел (*лат.*).

«Слава в вышних богу» и т. д. *(лат.)*.

«Благословен господь бог Израиля» (лат.).

16

И[исус] Н[азарей] Ц[арь] И[удейский] (*лат.*).

comments

Комментарии

Татария. — Татарией европейцы называли в XIII–XVII вв. Северо-Восточную Азию (Северный Китай, Монголию и Сибирь).

Лекийские авторы. — Лекийцами Пинто называл обитателей Тайваня и островов Рюкю.

...когда в Лиссабоне разбивали щиты... — Имеется в виду церемония, проводившаяся на главной площади Лиссабона в день похорон короля, когда торжественно разбивались три королевских щита.

Жоан III — португальский король (1521–1557).

Крузадо — старинная португальская золотая монета весом около 4,5 г.

Орден Сант-Яго — духовно-рыцарский орден, основанный в XII в.

Ормуз — крепость и гавань на островке, лежащем у входа в Персидский залив. Захвачен португальцами в 1514 г.

Султан Бандура, король Камбайи. — Речь идет о султани Бахадур-шахе (1526–1537), властителе государства Гуджарат, или Камбайя, в северо-западном углу полуострова Индостан.

Гоа — город на западном берегу Индостана. Захвачен португальцами в 1510 г. и был центром их индийских владений до 1901 г.

Бар Диу — мель у входа в гавань Диу, города на западном берегу Индостана.

Кочин — город и порт в южной части Малабарского побережья Индостана, с 1500 г. — опорная база португальцев.

...он вез с собой василиск, прозванный пушкой из Диу... — Василиск — железная пушка, заряжавшаяся с казны. Огромный василиск привезен был турецким адмиралом Руми-ханом в Диу, и после захвата этого города португальцами доставлен ими в качестве трофея в Лиссабон.

Фуста — гребное судно с двадцатью — тридцатью гребцами.

Франсиско де Алмейда — первый вице-король португальской Индии (1505–1509).

...христиане... потомки тех, кого в Индии и Шароманделе крестил еще некогда святой Фома апостол. — Речь идет о христианах, переселившихся из Византийской империи в Индию в VI–VIII вв. Они называли себя фомистами, полагая, что обращены были в христианство апостолом Фомой. В Индии были две крупных общины фомистов, соответственно, на Малабарском и Коромандельском («Шаромандел» — искаж. у Пинто) берегах. Главный центр фомистов, Майлапур, расположен был на Коромандельском берегу близ современного Мадраса.

...эскадра *Великого Турка* уже вышла из Суэца. — Имеется в виду турецкая флотилия адмирала Солимана-паши, вышедшая из Суэца к берегам Индии в 1538 г. Европейцы называли «Великим Турком» турецкого султана..

Жил-Эйтор. — Вероятно, Пинто имел в виду эфиопский город Дебра-Дамо.

Мать пресвитера Иоанна. — Речь идет о Ноад Могасе, матери эфиопского негуса Лебне Денгеля. В Западной Европе полагали, что негусы — потомки легендарного миссионера пресвитера Иоанна, крестившего эфиопов.

Аркико — эфиопская гавань к югу от крупного порта Масауа.

Шаэл — искаженное название города Шихр, расположенного на южном берегу Аравии.

Готор — возможно, порт Деквено в Эфиопии, лежавший южнее Масауа и Аркико.

Битонто — искаженное название эфиопского города Бизан.

...нас решил навестить один из сыновей Барнагайса, правителя Эфиопской империи... — Речь идет об одном из сыновей эфиопского негуса Лебне Денгеля.

Бетанигус — букв.: «дом негуса» — эфиопский караван-сарай.

...прибытие царицы Елены в святую землю Иерусалимскую... — Речь идет о паломничестве матери римского императора Константина Елены в Палестину (325 г.).

Песа — старинная португальская монета.

Желвы, террады. — Желва — небольшое судно типа каравеллы; террада — боевой корабль, ходивший в Персидском заливе.

Янычары — воины гвардий турецких султанов.

Касиз, или мулла. — Касизами в странах арабского мира называли христианских священников. Однако Пинто по недоразумению относит это звание к мусульманским духовным особам.

...тело пророка *Ноби*... — Речь идет о тело Мухаммеда. Ноби, точнее, «наби» — «пророк» (арабск.) — это титул, но не собственное имя.

Кожа Жейнал. — Кожа — искаж. «ходжа» (перс.) — термин, который в странах мусульманского Востока имел различные смысловые оттенки. Мусульмане-сунниты так называли потомков первых халифов, мусульмане-шииты — потомков зятя Мухаммеда-Али.

Тор — город на берегу Суэцкого залива на Синайском полуострове.

Вавилон. — Вавилоном европейцы XIII–XVI вв. называли Багдад.

Кайшен — искаж. «Кишм» (арабск.) — город на южном берегу Аравии.

Пардао — золотая западноиндийская монета, весом от 3 до 3,6 г.

...третьи считали, что это Патемарка с сотней фуст Саморина... — Патемарка, точнее: «Патемаркар» — богатейший купец-мусульманин из семейства Маркаров, игравшего большую роль в малабарской торговле. Был адмиралом боевого флота властителя Каликута, носившего титул самудра-раджи (владыки моря). Португальцы искаженно называли самудра-раджу саморином.

Шаул — португальское название города Чаул в северной части западного берега Индостана.

Река Карапатан — точнее: «Карапатанам», впадает в море севернее Гоа.

Дабул. — Дабул, или Дабхол — город на западном берегу Индостана, южнее Чаула.

Пагел — небольшая малабарская лодка.

Хидалкан — В искаженном португальском произношении — титул «адиль-хан» (справедливый государь) султанов государства Биджапур в северо-западной части Индостана.

Оно́р — португальское название небольшого малабарского княжества Гоновар, или Хоновар, которым правила властительница-индуистка.

Нарсинга — португальское название одного из крупнейших индийских государств, Виджаянагара, занимавшего всю внутреннюю часть южного Декана.

Алмадия — небольшое гребное судно. В длину достигало 25 м.

Малакка — гавань и крупнейший центр транзитной торговли на западном берегу Малаккского полуострова. Захвачена португальцами в 1511 г.

Инезамалуко — в искаженном португальском произношении — титул «низам-уль-мульк» (распорядитель царства), который носили султаны Ахмеднагара, государства в северо-западной части Индостана.

Аседекан — искаж. «сардар» — титул первого министра биджапурского султана.

Катур — небольшое индийское судно, ходившее на веслах и под парусами.

...посол короля батов... — Речь идет о после вождя союза батакских племен, населявших внутренние области северной Суматры.

...короли комарк... — Комарка по-португальски — округ, провинция, а «короли» этих земель, расположенных близ Малакки, — местные вожди племен.

Золотой остров. — Речь идет о легендарном Золотом острове, который со времен глубокой древности европейские и индийские мореплаватели искали в морях Юго-Восточной Азии.

...пяти кинталов бензойного цвета. — Кинтал — португальская мера веса, равная 40 кг. Бензойный цвет — сушеная кожура семян бензойного дерева, содержащая ароматические эфирные масла.

..ланчары и журупанги... — виды легких малайских гребных судов. Использовались как торговые и боевые корабли.

Ашенцы — португальское название племени ачинцев, населявших северную оконечность острова Суматры.

...тиран Ашена умертвил о селениях Жакур и Лингау... — Речь идет о морском походе султана страны Аче, населенной ачинцами, Ала-ад-дин-Риайат-шахе (1530–1568). Этот энергичный властитель снарядил в 1538 г. большой флот и разорил область Джохор на крайнем юге Малаккского полуострова (у Пинто она названа Жакуром) и острова Линга (Лингау у Пинто), лежащие у восточного входа в Малаккский пролив.

Совершено в Панажу, пятого мамоко восьмой луны. — Панажу — по всей вероятности, селение Панахе в области, населенной батаками. Панахе лежало близ устья реки Синкел на западном берегу Суматры. Пятого момоко — то есть в пятый день восьмого лунного месяца.

Кажеррендан. — Речь идет о горной местности в северной Суматре, на рубежах страны Аче.

Бар золота. — Бар, или баар — распространенная на островах Малайского архипелага мера веса, равная трем кинталам (38 кг).

Пасен — точнее: «Пасе» — крупная торговая гавань в северной части восточного побережья Суматры. За этот важный центр транзитной торговли шла борьба между султаном Аче и португальцами.

Оуробалоны — искаж. «хулубаланг» (малайск.). Так на Суматре называли отборных воинов и телохранителей местных вождей.

Киай Хокомбинор, бог правосудия... — Такого божества у батаков не было. Слово «киай» в индонезийском языке означает «святой», может применяться и к людям, и к божествам. Пинто широко пользуется этим словом.

Балан — точнее: «баланг» — легкое гребное судно-однодеревка.

Уне — португальское название острова Упанг близ островов Бангка у юго-восточного побережья Суматры.

Бендар — искаж. «бендахара» (малайск.) — титул главы гражданской администрации в Малакке до вторжения португальцев; второе по значению лицо в малаккском султанате.

Королевство Ару. — Речь идет об обширной области Ару на северном берегу Суматры. Королевство Ару было тесно связано с португальцами.

...прибыли в... залив... Миньятолей в девяти легуа от королевства Педир, лежащего на широте одиннадцати градусов. — Пример неточности географических указаний Пинто. Педир — гавань в северной части восточного побережья Суматры близ ее крайней северной оконечности, лежащая на 5° северной широты. Разумеется, залив Миньятолей (название идентификации не поддается), расположенный в девяти легуа (50 км) от Педира, не мог находиться на 11°.

Река Гуатеанжин — по-видимому, один из притоков реки Синкел, впадающей в Индийский океан на западном берегу Суматры.

Брас — португальская мера длины, равная 1,078 м.

...огромное количество ящериц, коих более справедливо было бы назвать драконами... — Пинто описывает весьма безобидную летающую ящерицу «какак шайтан» («родич дьявола», малайск.).

Шабандар — искаж. «шахбандар». В малайских странах — лицо, ведавшее в портах торговлей и сношениями с иностранцами.

Амборража — точнее: «хамба-раджа» («слуга правителя», малайск.) — титул, который носили лица довольно высокого ранга.

...менанкабы, лузонцы, андрагиры, жамбы и борнейцы. — Менанкабы — племена минангкабау центральной Суматры; лузонцы — видимо, выходцы из приморских областей Калимантана; андрагиры — обитатели области Индрагири в северной Суматре; борнейцы — выходцы из области Бруней в северном Калимантане.

Андрaгирe — область Индрагири в бассейне реки того же названия (северная Суматра).

Амок — состояние крайнего возбуждения, в которое, не без помощи наркотиков порой, приходили индонезийцы (амок рассматривается и как специфическая болезнь тропиков). В состоянии амока человек проявляет крайнюю агрессивность и безрассудство.

Танаусарин — искаженное название области Тенассерим в северо-западной части полуострова Кра. Он принадлежал монам, затем бирманцам.

Сорнау, король Сиама. — Сорнау звучит здесь как титул короля Сиама. В других местах Пинто применяет это же слово в качестве синонима названия Сиам. Сорнау — (искаж. перс.) — «шахре нау» «Новый год», — фигуральное название Сиама, принятое у иранских и арабских авторов средневековья.

Кеда — точнее: «Кедах» — область на западном берегу Малаккского полуострова.

Салангор — точнее: «Селангор» — область на западном берегу Малаккского полуострова к югу от Кедаха.

Кат. — Кат, или кате — малайская мера веса, равная $1/200$ бара, то есть примерно 100 г.

Пролив Миньягару. — Возможно, Пинто имеет в виду проход Малакку между северной оконечностью Суматры и группой мелких островков к северу от нее.

Гавань Жунсалан. — Имеется в виду одна из бухт острова Джунксейлон, расположенного близ западного берега Малаккского полуострова.

Парлес — река в области Перлис на западном берегу Малаккского полуострова, между Кедахом и Селангором.

Одиа — искаж. «хадиах» («подарок», малайск.)

Патане — точнее: «Патани» — область на восточном берегу Малаккского полуострова.

Jangao tacor — искаж. «джанган-такут» («не бойся», малайск.).

Сиак, Жамбе. — Сиак — обширная область в бассейне большой реки того же названия на Суматре, расположенная на западном берегу Малаккского пролива против Малакки. Жамбе — точнее: «Джамби» — область в бассейне реки Джамби в южной части Суматры. Сиак, Индрагири и Джамби лежали в заболоченных низинах крупных рек и были лишены удобных гаваней. Каждая из этих областей управлялась вождем конфедерации различных племен, причем особо значительную роль играли племена минангкабау, населявшие внутренние районы центральной Суматры.

Крис — кривой малайский кинжал.

Пуло-Самбилан — острова Пулау-Сембилан у западного берега Малаккского полуострова против Селангора.

...сына вице-короля Франсиско де Алмейды, которого Миросен убил на Шаулском бере. — Речь идет о Лоренсо де Алмейде, сыне португальского вице-короля, погибшего в морском сражении под Чаулом в 1508 г. Миросен — искаж. «Мир-Хуссйн» — флотоводец египетской эскадры, разгромившей португальскую флотилию.

...когда еще был жив султан Бандур, король Камбайи, который всех проживавших там французов, числом восемьдесят два, обратил в магометанство. — Бандур — искаж. «Бахадур-шах» — султан Гуджарата, взял в плен и обратил в ислам французов, которые в 1529 г. на двух или трех кораблях приходили на Суматру и в Индию.

...этих ренегатов он... забрал... в качестве бомбардиров на войну, которую вел с королем моголов. — Речь идет о войне султана Гуджарата Бахадур-шаха с могольским властителем Хумаюном. Хумаюн был сыном Бабура, потомка Тимура, среднеазиатского правителя, который в 1525 г. вторгся в Индию и завоевал в северной ее части обширные территории. Моголами Бабур и Хумаюн называли себя потому, что вели свой род от монгольского завоевателя Чингис-хана. Их пращур Тимур был женат на принцессе из дома одного из потомков Чингис-хана.

...в заливе Пуло-Ботун, где... побывал корабль «Бискайка», бывший, как говорят, одним из судов Магеллана. — Речь идет о корабле экспедиции Магеллана «Виктории», построенном на бискайских верфях. Очевидно, поэтому «Викторию» называли также «Бискайкой». Пуло-Ботун — искаж. «Пулау-Бутунг» — остров на пути от Молуккских островов в Испанию.

Река Сунда. — Очевидно, Пинто имеет в виду какую-то яванскую реку, впадающую в Зондский пролив, который отделяет Яву от Суматры.

...реки Лампон, и о золоте, которое из Менанкабо перевозится в королевство Кампар... — Речь идет о внутреннем районе центральной Суматры, и река Лампон, по всей вероятности, один из верхних притоков большой реки Кампар, в устье которой расположено было независимое государство того же названия. Область этой же части Суматры, населенную племенами минангкабау, Пинто называет Менанкабо.

...торговая контора царицы Савской... когда она навестила царя Соломона. — Сведения Пинто о «торговой конторе» царицы Савской — отголосок легенды о суматранской властительнице Сабе, дошедшей до Европы еще в XIV в. В Эфиопии царя Соломона считали родоначальником династии негусов.

...на островах Банда, Молуккских, Тернате и Жейлоло. — Острова Тернате и Джилоло, или Хальмахера, входят в Молуккский архипелаг.

Мартин Афонсо де Соуза — вице-король португальской Индии (1540–1542).

Алкосер — искаж. «Кусейр» (арабск.) — египетская гавань на берегу Красного моря.

Жоан де Кастро — правитель португальской Индии (1545–1548).

Жоан Маскареньяс — комендант крепости Диу, выдержавшей осаду армии гуджаратского (камбайского) султана Махмуд-шаха в 1546 г.

Албукерке — Афонсо де Албукерке, правитель португальской Индии (1510–1515), завоеватель Гоа, Малакки и Ормуза.

Сунда — область в западной части Явы.

Река Пунетикан — возможно, река Панах в области Ару. Так же называлась и резиденция властителя Ару.

Жорже де Албукерке — комендант Малакки в конце 40-х годов XVI в.

Бинтанский король — властитель острова Бинтанг в Сингапурском проливе.

Салиге — точнее: «селиги» — малайские копья с отравленными наконечниками.

Остров Палимбан — город и область Палембанг в южной Суматре. Европейцы, посещавшие Юго-Восточную Азию в XIII–XIV вв., считали южную Суматру островом, отделенным проливом от северной Суматры. И хотя в XVI в. истинные очертания Суматры были твердо установлены, по традиции южную ее часть все еще называли островом Палембанг.

Маз — мера веса для золота, равная $1/16$ унции или 2 г.

Мускатный цвет — сушеная кожура мускатных орехов.

Сингапурский и Сабаонский проливы — проливы между Малаккским полуостровом и островами Батан и Бинтанг.

Хередин Магомет — точнее: «Хайр-ад-дин-Мухаммед» — мусульманский правитель города Баррос на западном берегу Суматры, вассал султана Аче.

Аларэдин — искаж. «Ала-ад-дин-Риайат» — султан области Аче.

Алькоран — Коран.

Король Жантаны. — Речь идет о султани Джохора, сыне султана Малакки, изгнанного из этого города португальцами.

...один из дней рамадана... — Рамадан — священный месяц мусульманского календаря.

Я, Сириби Лайя Кендоу Пракама де Ража. — Здесь Пинто смешивает собственное имя и малайский, сиамский и индийский титулы этого властителя.

Лаке Шамена — искаж. «лаксамана» (малайск.) — титул командующего флотом в Малакке (до ее завоевания португальцами) и в султанате Джохор.

Пера — точнее: «Перак» — область в центральной части Малаккского полуострова.

Панское королевство — точнее: «Паханг» — область на восточном берегу Малаккского полуострова.

Пуло-Тиман — остров Пулау-Тиоман, отделенный от Малаккского полуострова проливом Сирибуат.

Мыс Суробайя — мыс у входа в гавань крупного яванского города Сурабаи.

Кампаларау — возможно, селение Кампонг-лама в Паханге.

Туан — господин, хозяин (малайск.).

Стиракс — благовонная смола дерева *Liquidambar orientalis*.

Лаве — или Лава — приморское селение на южном берегу Калимантана.

Танжампур. — Селение с таким названием расположено в северной Суматре, но вряд ли идет здесь речь о нем. Скорее всего Пинто имеет в виду какой-то пункт с этим названием на берегу Калимантана.

Солор — остров в группе Малых Зондских островов, к северу от Тимора.

Король Борнео. — Имеется в виду властитель Брунея в северной части Калимантана.

Калантан — точнее: «Келантан» — река и область на восточном берегу Малаккского полуострова между Пахангом и Патане.

Таэль — португальское название слитков золота и серебра, выполнявших во Вьетнаме и в странах Дальнего Востока роль крупных денежных номиналов. На слитках гравировались, реже чеканились, тексты, гарантирующие от имени государственных монетных дворов вес и качество слитка.

Лугор — точнее: «Лигор» — гавань в северной части восточного берега Малаккского полуострова.

...из портов... Жапары, Демы, Панаруки, Сидайо, Пасарвана... — Жапара — порт Джапара на северном берегу Явы. Дема — точнее: «Демак» — порт на северном берегу Явы, в нескольких милях от Джапары. Панарука — точнее: «Панарукан» — гавань в восточной части северного берега Явы. Сидайо — точнее: «Сидаю» — маленькое селение на северном берегу Явы. Пасарван — точнее: «Пусуруан» — крупный торговый город на северном берегу Явы против острова Мадур, резиденция независимых властителей, которые вели борьбу с государством Демак.

Прешау салеу — типичный пример донельзя искаженного местного термина, который Пинто применяет к духовным и светским властителям самых различных стран и народов. Возникнув когда-то в португальской среде, он применяется Пинто уже скорее как новое португальское слово, чем как транскрипция какой-то местной реалии.

Мосо — в данном случае — слуги-христиане португальских моряков.

Айнан — точнее: «Хайнань» — остров в Южно-Китайском море, владение Китая.

...король *Куанжуана* умертвил... в городе *Банша*. — Имена и географические названия здесь настолько искажены, что не поддаются истолкованию. Вероятно, речь идет о каких-то уособицах на Западной Яве.

...проплыв большой пресноводной рекой под названием, Сумеитан семь суток, мы на восьмые прибыли в Патане. — Ни одной реки на пути из Лигора в Патане, по которой можно было бы плыть семь дней, не существует. Возможно, Пинто шел через большое озеро Талесам, которое соединяется с морем системой мелких рек.

Королевство Шампа — искаж. «Тьямпа» — название древнего государства в современном Центральном Вьетнаме, населенного родственным индонезийцам народом тьям.

Река Камбоджа. — Имеется в виду река Меконг, дельта которой в XVI в. принадлежала Камбодже.

Пуло-Камбин. — Исходя из обычных маршрутов в этих морях и слова «Камбин» — Камбоджа, можно думать, что это острова в дельте Меконга или где-то рядом.

Королевство Китирван — видимо, португальская транскрипция слова «Кампутеа» или «Кампучия», кхмерского названия Камбоджи.

...с криком «*Сант Яго!*» — Сант Яго — святой, покровитель Испании и Португалии.

...прибыл к реке Тинакореу, которую наши называют Варелла... — Имеется в виду река Сонг-даранг (Сонг-ба) в Центральном Вьетнаме, впадающая в море севернее мыса Варелла, название которого автор ошибочно перенес на реку. Мыс Варелла и устье Сонгдаранга — традиционный пункт остановки мореплавателей, плывших на Восток. В XVI в. номинально принадлежал Вьетнаму, но фактически население и купцы принадлежали к народу тьям (тям), чье государство Тьямпа было вассалом Вьетнама.

Пафуас и Геос. — Пафуас — индонезийский порт Баруас на Суматре, или порт в устье реки Капуас на Калимантане. Геос — возможно, порт Гоа на Макассаре, на южном побережье острова Сулавеси.

Жао — искаженное название какой-то местной меры длины. Возможно, имеется в виду вьетнамский зам — 432 м.

...Пасилоко, Савади, Тангу, Пром, Каламиньян... — Пасилоко — область Питсанулок в Центральном Сиаме. Савади — средневековый город Сайавати, современный Таравади, в нижнем течении Иравади. Тангу — бирманское государство Таунгу в южной части Центральной Бирмы. Пром — город в нижнем течении Иравади, современный Пьи. Каламиньян — название лаосского государства Лансанг, вернее, мифического идеального государства, помещенного Пинто на территории Лансанга.

Пуло-Шампейло — остров, помещенный Пинто под 14° северной широты. Если учесть обычную для Пинто ошибку в несколько градусов, то это, видимо, остров Шаньхудао в группе Парасельских островов. Даже у китайского побережья Пинто применяет малайский термин «пуло», что говорит об использовании им малайских лоцманов.

Каушеншинский залив — залив Бак-бо (Тонкинский).

Сын Солнца — искаженный титул китайских императоров — Сын Неба.

...конхайского тутана, высшего правителя всей Каушеншины... — Конхай. — Так Пипто называет Кантон (Гуанчжоу). Тутан — искаж. «шу шан» (китайск.) — губернатор провинции; в XVI в. в официальной практике слово «шу шан» уже не употреблялось, но, видимо, сохранилось в обиходе. При Пинто провинциями обычно правили чэн-сюань бучжэнши сы (элемент титула бучжэн также мог у Пинто звучать как тутан). Правитель всей Каушеншины. — Все страны, регулярно поддерживавшие связи с Китаем, считались номинально его данниками. В соответствии с этим китайские губернаторы пограничных областей, в данном случае провинции Гуандун со столицей в Гуанчжоу, считались уполномоченными китайского императора по делам соседней страны Каушеншины — так Пинто называет все земли, населенные в XVI в. вьетнамцами.

Мандарин. — Так Пинто называет всех без разбора китайских чиновников; применительно к островам Рюкю, где китайское влияние было незначительно, что не совсем обосновано.

Прешау гамуу. — См. коммент. к главе XXXVI.

Лакаса — искаж. «лакша» (индийск.) — сто тысяч.

...король каушинов завладел ею с помощью всего лишь семи тысяч монголов... — Имеется в виду вьетнамский король Ли Нян Тонг (1072–1127), в правление которого Вьетнам завладел частью Южного Китая и островом Хайнань. Пинто ошибочно относит его правление к концу XIII в., когда монголы действительно воевали в Южном Китае.

Шаэн — общий титул для китайских крупных чиновников, применяемый Пинто. Может соответствовать самым различным должностям. В данном случае имеется в виду «сюнь-фу», губернатор провинции со всеми полномочиями.

...с другого берега Малайи... — То есть с западного, где уже широко распространилось огнестрельное оружие.

Некода — вождь (малайск.), капитан судна в жаргоне Пинто.

Шиншеу — порт Чжан-чжоу в южной части китайской провинции Фуцзянь.

...судов из стран Лаоса... — Лаос не имел выхода к морю и флота.

...письмо следующего содержания... — Дальнейший текст письма ничего общего с китайской манерой выражаться не имеет.

Аншаси — Имеется в виду чиновник ведомства юстиции, анъчаши, но функции его Пинто существенно расширяет.

Шифу — мелкий гражданский чиновник в Китае.

Мутипинан — один из крупных портов Северного Вьетнама, скорее всего — город Тхань-хоа, к югу от дельты Красной реки.

...двух захваченных мусульман... — Мусульмане упомянуты по привычке, выработанной Пинто в Индонезии. Среди рыбаков Хайнаня их не было.

...у *этих берегов*... — Из текста очевидно, что речь идет о побережье Вьетнама (Каушина), хотя перед этим не говорилось об уходе флотилии Фарии от берегов Хайнаня.

...император каушинов... — Пинто обычно рассматривает короля Вьетнама как равного китайскому императору, что и отражено в терминологии.

Куангепару — видимо, город и порт Хай-зыонг, на северном протоке Красной реки в Северном Вьетнаме, который Пинто ошибочно назвал столицей.

...рудники и месторождения металлов... — Вьетнам был богат рудными месторождениями, интенсивно разрабатывавшимися с X в. Пинто дает точные сведения и о социальной организации крестьян-горняков.

...совершенство божественной сущности... — Вьетнамский собеседник Пинто точно развивает основные положения буддийского мирозерцания.

Наутарел — начальник порта в жаргоне Пинто.

Побережье Ламау — часть китайского побережья в районе Кантона.

На Престоле Вселенной. — Китайцы называли свою империю Поднебесная, отождествляя ее, таким образом, со вселенной; отсюда престол китайского императора — престол Вселенной.

Куоаман — один из портов на юго-восточном побережье Китая. Точная идентификация отсутствует.

Сумбор и Лайло — небольшие китайские порты в восточной части провинции Гуандун. Точная идентификация отсутствует. Сумбором Пинто также называет остров в Южно-Китайском море, точные координаты которого не даны.

Королевство Лиампо. — Пинто считает китайский порт и округ Нинбо (известный португальцам как Лиампо) самостоятельным государством, хотя на стр. 177 текста он пишет, что это «своя земля» китайского императора. В государственной структуре Минской империи он разбирался крайне слабо, и все, кроме описаний собственных наблюдений, — неточно.

Лекийский остров — острова Рюкю. Иногда Пинто включает в состав Лекийских островов и Тайвань. В XVI в. Тайвань в китайской литературе именовался Малой Рюкю.

...копи в Куангепару... — Копи и плавильные заводы, которые имеет в виду Пинто, находятся во Вьетнаме, в провинции Као-банг. Они действительно стоят на берегу реки, но несудоходной. Пинто, знавший лишь столицу Вьетнама и его морское побережье, называет словом Куангепару порт вывоза серебра — город Хай-зыонг.

Сукан — один из титулов монарха в индонезийских государствах. Судя по описанию, «понтирский сукан» — правитель княжества Понтианак на западном Калимантане.

...сукан... пожелал стать вассалом... — Типичный образец европейского восприятия Пинто социальных отношений на Дальнем Востоке, где системы вассальных внутригосударственных отношений в европейском смысле не существовало.

La hilah hilah lah Muhamed rocol halah— португальская транскрипция арабской фразы: «Нет бога, кроме Аллаха, и Мухаммед, пророк его».

Сумборское побережье. — Этим собирательным термином Пинто обычно обозначает побережье Южного Китая, иногда включая сюда побережье Вьетнама и Тьямпы.

Шифанга — тюрьма в Китае, на португальском жаргоне, о котором говорилось выше.

...что король Португалии является братом китайского государя... — Подобная формулировка, обычная при европейских дворах, была совершенно неприемлема при общении с китайскими чиновниками, для которых все государи были подданными китайского императора.

Китайцы были так этим потрясены, что все разом повернули назад... — Армия феодального Китая и многих других стран Востока, состоявшая в основном из крестьян, в бою ориентировалась на положение командира в гораздо большей степени, чем европейские или арабские армии с их значительной прослойкой рыцарей, ведущих бой самостоятельно. Поэтому смерть командира часто влекла за собой поражение даже побеждающей армии. Структуру китайской армии Пинто описывает точно — много пехоты и мало конницы.

...происходят сейчас междоусобицы... умер китайский государь... — Видимо, имеются в виду события, связанные с восшествием на престол в 1522 г. императора Шицзуна (1522–1566), который не был сыном предыдущего императора. Изложенная в связи с этим история о войне с Дайвьетом и союзными ему монголами («татарами») — слухи, как об этом пишет сам Пинто, и слухи ложные. Зато обстановка полной неразберихи и безответственности, о которой также сообщает Пинто, действительно имела место.

Прешау Муана, император каушинов. — См. прим. к главе XXXVI.

...о сокровищах святилища Калемплуй. — Пинто знал о богатствах императорских погребений в Китае, и эти знания легли в основу вымышленного путешествия к мифическому острову Калемплуй, который Пинто поместил где-то в Центральном Китае. При этом он упоминает северные широты (40° северной широты), что позволило ряду исследователей помещать Калемплуй в Корею, где позднее имели место попытки европейских пиратов ограбить корейские императорские могилы.

Покинув бухту, мы продолжали наш путь... — Далее до главы LXXIX идет компиляция из рассказов о неведомых землях в Китае, услышанных Пинто. Маршрут — вымышленный, остров сокровищ — тоже.

Залив Бушипален. — Залив имеет у Пинто широту Охотского моря. Судя по описаниям, до Пинто дошли какие-то сведения об этих широтах, о чем свидетельствует упоминание о моржах.

Москумбрия — вымышленное озеро на Западе, откуда текут в Тихий океан две великие реки (одна из них похожа на Амур). Может быть, речь идет о Московии, но в другом месте Пинто так и пишет — «Московия», без ошибки, да и говорит о стране, а не об озере. В целом рассказ о северных морях, куда впадают эти великие реки, вставной; видимо, какой-то португалец там был. Пинто ощущает противоречивость своего изложения и пытается объяснить крюк экспедиции Фарии к северу соображениями безопасности.

...quiteu parao fau fau. — Приведенный текст — скорее всего иллюстрация фонетики языка, как ее воспринимал Пинто, чем попытка точной транскрипции какого-то связного текста. Подобные невнятные сочетания регулярно встречаются у Пинто, так как передача прямой речи у него обязательный литературный прием.

Странноприимный дом. — Скорее всего это был буддийский монастырь, так как из описания Пинто явствует, что дом не был государственным учреждением.

...насыпью... покрытой яшмовыми плитами... — Пинто описывает китайскую дворцовую архитектуру, образцы которой он наблюдал в Нанкине. Он описывает ее, искажая архитектурный комплекс; но им точно отмечены такие особенности китайской дворцовой архитектуры, как тесная связь ее с пейзажем, сочетания небольших храмов и высоких башенок, покрытых золотом, распространенность таких материалов, как бронза, яшма, наличие чугунных скульптур и прочее. Скульптурные изображения различных чудовищ ставились китайцами у могил, дабы охранять усопших от злых духов.

Алмуд — старинная португальская мера сыпучих тел.

Паноуры — большие азиатские высокобортные корабли.

Слуга Ночи. — Так названы в речи монаха и сам Фариа, и те, кто будет судить его после смерти. Противоречивость собственных представлений о чужой религии Пинто не смущает, и два различных смысла этих слов приведены на одной странице.

Моли господу, царящего над красотой светил своих... — В отличие от реально наблюдавшихся Пинто китайцев с юго-восточного побережья, в чьих речах, пусть искаженных, чувствовалась принадлежность к китайской культуре, вымышленный монах злоупотребляет христианской терминологией и понятиями.

Талагрепо... менигрепо. — Так Пинто называет не только монахов различных степеней, в которых он совершенно не разобрался, но и многие категории гражданских чиновников.

...государь... может отпускать грехи всем... — Так Пинто воспринял реально присущую китайской культуре идею духовной власти императора, по отношению к которому покорность подданных является моральным, религиозным долгом.

...серебряного истукана... с колесом в руке... — Статуя буддийского божества.

Богиня Амида — одно из воплощений Будды, Будда Амитабха («А-ми-то-фо» по-китайски).

Айтау. — Так Пинто называет всех китайских морских военачальников и портовых чиновников, ведавших морской торговлей.

...члены братства... — по-видимому, буддийские монахи, хотя функции их искажены Пинто очень сильно.

Танигоры — слово из португальского восточного жаргона. Смысл его вполне определенный — руководители буддийских монастырей и организаций.

...свешивался... щит с гербом на серебряной цепи... — Выдуманная деталь, дома богатых китайцев не украшались подобными символами, да и само понятие герба чуждо китайской цивилизации.

Финжинилау. — Здесь, как и ранее, Пинто выработал стандарт для записи китайских топонимов, а именно — окончание «нилау», возможно, имевшее прототип в южно-китайских диалектах.

Пагода. — Пинто здесь, как и в других местах, посвященных Китаю, много говорит о буддийских храмах и почти ничего о конфуцианских. Объясняется это тем, что он мало бывал в городах, а в деревнях конфуцианские храмы были редки.

Шумбин — искаж. «цзун-бин» — командир провинциальных войск. В описываемые десятилетия такие командиры были основной властью на юге Китая. Они, как и гражданские чиновники, могли выполнять судебные функции, так как в Китае судебная власть не была так четко отделена от администрации, как в Португалии.

...верховный суд... имеет власть даже над самим государем... —
Такого органа в Китае не было, сведения Пинто неверны.

...ничто на свете не может заставить их (менигрепо) хоть в малейшей степени изменить решение... — Пинто рассказывает по-видимому, о цензоре (дучаюань); в обязанность цензора входило сообщать правду, какова бы она ни была, Государственному совету и императору.

...уроженец города Хикеженс в Московии... — Пинто дважды упоминает о Русском государстве, но его сведения о нем весьма расплывчаты. Возможно, что Пинто имеет в виду город Астрахань, который монголы называли Гитарканом.

Батанпинский айтау. — Батанпила — река Янцзы. Айтау — здесь, возможно, «цзун-ду» (командующий войсками); функций, подобных описанным Пинто, не имел ни один крупный китайский чиновник в XVI в.

Три королевства: Лиампо, Фанжус и Сумбор... — Наблюдая слабую зависимость южных провинций Китая от центральной власти, Пинто считал их отдельными королевствами. Фанжус — видимо, Фучжоу в провинции Фуцзянь.

Коншаси — видимо, «тинчаши», чиновники ведомства юстиции.

Коншали — видимо, «тиншили», чиновники, разбиравшие судебные дела.

...по большой реке. — Имеется в виду река Сицзян.

Манакилеу — современный город Монкай во Вьетнаме.

Конхайские горы — видимо, горный массив к востоку от города Ланг-шона в Северном Вьетнаме.

Тинокоухи — лаосцы из государства Лансанг в современном Лаосе.

Фанаугрен — современная провинция Фук-иен, древняя провинция Фаунгтяу, к северо-западу от Ханоя.

Узанге — город Тханг-лаунг, современный Ханой.

...немедленно сожгла себя... — Обычай самосожжения вдов проник во Вьетнам из Индии и изредка еще практиковался в XVI в.

...может заказать ее серебряное изваяние... — В средневековом Вьетнаме ставились статуи людей, прославившихся «святыми» делами.

...о приеме, оказанном... татарскому послу... — Дипломатические контакты монгольских («татарских») ханов и вьетнамского двора на столь высоком уровне не зафиксированы в источниках.

Прешау Гимиан... — По всей вероятности, Пинто имеет в виду номинального короля Вьетнама Ле Чанг Тонга (1533–1548), а не фактического правителя Вьетнама в 40-х годах Чинь Киема (1539–1569).

Багетор — Красная река в Северном Вьетнаме.

Танишума — остров Танэгасима, близ острова Кюсю в Японии.

Науделун — капитан торгового судна.

Саншан — остров недалеко от города Гуанчжоу в Китае.

...разгромленный армадой шиншейскою айтау... — Имеется в виду Чжу Вань, назначенный в 1547 г. военным губернатором провинции Чжэцзян и управляющим военными делами провинции Фуцзянь. Он вел решительную борьбу с пиратами до 1551 г.

Наутакин. — Этим словом Пинто обозначает губернаторов или самостоятельных князей небольших портовых городов у самых различных народов. Происхождение слова неясно.

Шеншикожин — Согласно Пинто, этим словом японцы обозначали страну на краю света и ее жителей, за которых они принимали португальцев.

...доселе неведомый им вид стрельбы... — Это не совсем точно, так как пираты, в том числе японцы, уже применяли огнестрельное оружие, о чем пишет сам Пинто.

Король Бунго. — Бунго — название одной из провинций на острове Кюсю. «Королем» Пинто ошибочно называет одного из князей острова Кюсю, князя Отомо или князя Сацума, которые фактически были независимы от центральной власти в 40-х годах XVI в.

Фушеу — город Фунай на острове Кюсю, современный Оита.

...мушкетов уже имеется тридцать тысяч... — Японцы исключительно быстро наладили массовое производство огнестрельного оружия.

...повелитель великих домов Фианисимы, и Тозы, и Бандоу... — Основой социальной структуры японских феодалов были вассальные связи различных кланов — «домов». Названия, к сожалению, сильно искажены (как и японские имена), кроме Тоса. Это южная часть острова Сикоку, к востоку от Кюсю.

Гото — острова к югу от острова Кюсю.

...стрельбой из своего мушкета... — Пример несоответствия деталей у Пинто. Выше сказано, что единственный мушкет был у португальца, оставшегося в пункте первой высадки, а у самого Пинто его не было.

...открытой нами земле — Японии... — Пинто, действительно, наиболее вероятный претендент на звание «открывателя» Японии в том смысле, что он первый там побывал из известных нам путешественников. Но сам факт существования Японии на северо-востоке был известен, разумеется, ранее.

...мы находимся на большом Лекио... — Это или один из крупных островов группы Рюкю, к югу от Японии, или Тайвань.

Брокен правосудия. — Значение термина непонятно, терминология явно выдумана Пинто.

...в прошлые годы, когда ваши люди, польстившись на богатства Малакки, брали ее... — Правитель одного из островов Рюкю имеет в виду взятие Малакки португальцами в 1511 г., когда победители вырезали много иностранных купеческих колоний в городе.

Банша — один из островов Рюкю (Лекийских у Пинто).

Ньяй — малайское обращение к уважаемой женщине. То, что Пинто приписывает его употребление жителям Рюкю — следствие обычного у Пинто перенесения малайских реалий на Дальний Восток.

...три шавеки первого мамоко луны... — То есть третий день первого лунного месяца. Жители островов Рюкю, как правильно указывает Пинто, пользовались лунным календарем, широко распространенным на Дальнем Востоке и в Юго-Восточной Азии.

Остров лекийцев находится ни двадцать девятом градусе... — Пинто приблизительно верно определяет положение островов Рюкю, но далее он утверждает, что по размерам самый крупный из островов равен Японии. Такая грубая ошибка связана с незнанием внутренних районов и знакомством лишь с побережьем островов Рюкю, а также с путаницей в отношении Тайваня. Плохо знал Пинто и Японию, кроме острова Кюсю в его восточной и южной части. Если под Большим Лекио понимать Тайвань, а под Японией — Кюсю (который приблизительно равен Тайваню), тогда мысль Пинто верна.

...Шабакe... Миоко... Сeзирау... Факанши и Полен. — Шабакe — порт на юго-восточном побережье Китая. Миоко — область на острове Хонсю в Японии. Сeзирау, Факанши и Полен — острова к югу от Японии.

...к северо-западу от Лекийской земли находится... архипелаг... где добывается огромное количество серебра. — Здесь автор приводит данные о добыче серебра на острове Кюсю и соседних островах, но не отождествляет эти, полученные от других португальцев, сведения, со своими наблюдениями на Кюсю.

...мне довелось видеть в Малуко одно прошение, которое испанский генерал... направил... коменданту... — Малуко — Молуккские острова, в данном случае Пинто имеет в виду остров Тернате, на котором с 1513 г. португальцы имели факторию. В 1520 г. здесь появились испанцы. Упоминаемое Пинто прошение — один из документов, появившихся в связи с возникшим в 20-х годах XVI в. испано-португальским конфликтом из-за Молуккских островов и связанными с ним переговорами.

Папуа, Минданао. — Папуа — остров Ириан (Новая Гвинея),
Минданао — крупный южный остров в группе Филиппинских островов.

...*Шаубайнья, король Мартавана*. — Мартаван — город и порт Мартабан в современной Юго-Восточной Бирме, был одним из важнейших центров государства Пегу, населенного народом монов, родственных камбоджийцам. Шаубайнья — монский феодал, самостоятельный правитель Мартабана и южной части королевства Пегу, после того как центральная часть Пегу (современная Южная Бирма) была захвачена бирманцами.

...война на Яве нарушила торговлю с другими странами. — Имеются в виду войны, которые вел в середине XVI в. северояванский султанат Демак (Дема у Пинто), стремившийся объединить мелкие государства острова Явы.

...король ашенцев собирается на нас напасть. — Пинто имеет в виду наступление на Малаккском полуострове, которое вели войска короля Аче в 1547 г. Пинто ошибочно датирует военные действия на Малаккском полуострове 1544–1545 гг.

...их (ашенцев) войска, сражавшиеся с сиамским королем... — Сиам в XV–XVI вв. завоевал ряд малайских государств на севере Малаккского полуострова. Аче, также пытавшийся захватить малаккские султаны, неоднократно сталкивался в XVI в. с Сиамом.

...над турками и ашенцами, живущими на этом берегу... — Турки и ачинцы не были жителями Малаккского полуострова.

...*Мергин, Вагару и Тавай*. — Мергин — город Мергюи в современной Южной Бирме. Вагару — порт на юго-западной части перешейка Кра. Тавай — город Тавай в современной Южной Бирме.

Ойя — титул знатности для высших сановников в феодальном Сиаме.

Комбракалан — видимо, кралахом — верховный командующий всех военных сил средневекового Сиама.

Ракан — Аракан, западная часть Бирмы, выходящая к Бенгальскому заливу.

Цейлонская таможня. — Цейлон был с начала XVI в. наиболее крупным владением португальцев.

Король Бирмы — Табиншветхи, правил с 1531 по 1550 г.

...с семьюстами тысячами войска. — Цифра явно преувеличена. Бирманский король не располагал такой армией.

...три мешка танг и ларинов... — Танга — денежная единица, возможно, лян (ланг). Ларин — возможно, флорин.

Шатиган — порт Читтагонг к востоку от устья Ганга, севернее Аракана.

Раканская мель — Араканская мель напротив современного города Мрохаунга в Бирме.

Река Козмин — Здесь, судя по контексту, имеется в виду река Пегу, на которой стоит город Пегу (к востоку от дельты Иравади). Обычно под Козмином Пинто имеет в виду западный проток Иравади.

Пуло-Камуде — остров у юго-западной части перешейка Кра.

Бенгала — Бенгалия.

Бис — «висс» (малайск.), единица веса, приблизительно полтора килограмма.

Брезагусан — прежний король Пегу, видимо, Биньян Ран, король Пегу в 1492–1526 гг.

Дагун — здесь: знаменитая монская ступа (храм без внутреннего помещения) в современном Рангуне, с примыкающим буддийским храмом. В XVI в. так назывался город Рангун.

Киай Фригау — будда.

...должны были довести себя до неистовства... — У монов таких традиций не было, они неправомерно перенесены Пинто с малайской почвы.

Талапой — искаж. «талапуан». — Так европейцы называли буддийских монахов.

...раизбуты... карасоны, жизары... шакома, арраконы... шалоны... жакесаломы, савади... шалеу... гузараты... — Раизбуты — «раджпуты», народ в Центральной Индии. Карасоны — «хорасанцы», жители области Хорасан в Иране. Жизары. — Так Пинто называет жителей области Гуджарат в Индии. Шакома — видимо, «тъямы». Арраконы — жители Аракана. Шалоны — приморский народ «селуны» в Южной Бирме. Жакесаломы — жители островов Джунсалан. Савади — жители Центральной Бирмы. Шалеу — жители Восточной Бирмы. Гузараты — видимо, то же что и «жизары».

После этих и многих других князей... — На этой странице Пинто дает запутанный и искаженный список вельмож, относительно имен, титулов, владений и функций которых у него не было почти никаких точных сведений. В значительной степени это обусловлено тем, что функции в государственном аппарате Бирмы были слабо дифференцированы. Упоминаемые чаще остальных *Байнья* и *Шемин* — губернаторы областей и городов; из них Байнья — старший.

278. ...ролин Моуня, высший представитель жрецов королевства... — В отличие от современной Бирмы, в XVI в. у бирманских буддистов существовало подобие церковной организации, главой которой и был ролин Моуня.

...сто сорок тысяч домов и семнадцать тысяч храмов... — Мартабан, хотя и был длительное время столицей монов, имел гораздо меньшее количество зданий; численность собравшегося там во время войны населения могла соответствовать указанной Пинто, число же пушек — явно преувеличено.

...мелиндских... судах... — Мелинди — порт на восточном побережье Африки.

...из семисот тысяч человек, находившихся в лагере, шестьсот тысяч были жителями Пегу. — Армия бирманского короля Табиншветхи состояла в основном не из бирманцев, а из монов — жителей Пегу.

...брошен с камнем на шею в море... — Этот вид казни, наряду с повешением, предпочитался бирманцами-буддистами, так как при этом обходились без пролития крови, что осуждается буддизмом.

Ава — город и государство в среднем течении Иравади, населенные бирманцами и шанами (горный народ, говорящий на языке тайской группы) и управляющиеся в то время союзными монам шанскими феодалами.

Сиаммон. — Имеется в виду Сиам или его король Прачай (1534–1546). И Сиаммон и Сорнау порой служат для обозначения и страны Сиам и сиамского короля.

Данаплу — город Данубью в дельте Иравади (по-монски — «Дхануплу»).

...что король *Прома* умер... — Имеется в виду монский король Такаюпи. Умер около 1540 г.

...обратилась за помощью к своему отцу... — Имеется в виду правитель Авы Тоханбва (1527–1543)

Моэны — «мо-шаны», служившие в армии Авы, одно из шанских племен.

Анседа — город Хензада на нижней Иравади, к северу от города Данубью.

В назначенный день, который пришелся на канун праздника святого Варфоломея 1545 года... — Описываемые события произошли на три года раньше. Пром был взят в 1542 г.

Вот какую невиданную расправу учинил здесь этот тиран... —
Описанные Пинто ужасы во многом объясняются личными особенностями Табиншветхи, который вошел в историю как самый жестокий король Бирмы.

Мелейтай — крепость в районе современных городов Минту и Магуэ в среднем течении реки Иравади.

Кейтор — река Иравади.

Прешау Гимиан. — Имеется в виду король Каламиньяна, выше под этим же титулом выступал король Вьетнама. Прешау Гимиан — один из титулов, вымышленных Пинто, прототип которого идентифицировать в настоящее время не представляется возможным.

Произошло это после того, как сюзерены провинции, поднявшись против власти короля, отравили последнего во время пира, который они задали ему в городе Шалеу... — В 1546 г. Табиншветхи провозгласил создание единой империи, а монское королевство Пегу было разделено им на провинции, во главе которых стояли монские феодалы. Пинто, забегаю вперед, рассказывает о будущих событиях. В 1550 г. Табиншветхи был убит монами в результате заговора, власть бирманцев свергнута и восстановлено единое монское государство.

Как утверждают, империя или государство... — Следующее далее описание этой империи в целом является фантастическим, хотя отдельные реалии присущи странам Юго-Восточной Азии.

Корналин — карнелиан, полупрозрачный камень (роговик).

Вайда — растение, из листьев которого делают синюю краску.

Ликвиданбер — ликвидамбр, благовонная смола.

Катеху — смола акаций.

...в провинции, называемой Суробасой... по ту сторону Лаосских гор... — Видно, что реальным географическим прототипом Каламиньяна являлось лаосское государство Лансанг.

Король Лаоса — видимо, Потисарат (1520–1548) или Сеттатират (1548–1571).

...казнить... бросив под ноги своим слонам... — Еще один вид популярной у буддистов казни без пролития крови человеком.

Шаумигрен — шурин Табиншветхи, будущий король Байиннаунг (1551–1581).

Бико — «бхикшу» (индийск.), «бхикку» (палийск.) — буддийский монах.

...двести талагрепо... в их число входило шесть или семь королевских сыновей. — В Бирме, Сиаме, Камбодже, Цейлоне часть членов королевской семьи (мужчины) обязана была идти в монахи (не обязательно на всю жизнь).

Козмин — современный город Бассейн на западном протоке Иравади.

...остановились в доме этой христианки. — Местная женщина — христианка, дающая приют португальцам, — проходной литературный сюжет у Пинто.

Банту — точнее: «Бантам» — гавань и область на западной Яве, независимое мусульманское государство. В Бантаме португальцы имели свои опорные базы.

...по приказанию короля Демы, императора всею острова Явы, Анжении, Бале, Мадурь... — Речь идет о властителе Демака Триггане, носившем титул Пангейрана («повелитель», яванск.). Он владел не всей Явой, а лишь ее центральной частью. Возможно, ему принадлежал и остров Мадура, и острова Кагеан («Анжениа» у Пинто), но на остров Бали его власть не распространялась.

Король Сунды Тагарил. — Видимо, речь идет о султани Бантама Фалета-хане (1526–1550).

... в это время готовился поход на королевство Пасарван. — Речь идет о походе пангерана Демака Триггане против государства Пасуруан на восточной Яве.

Калалуз — малайское гребное судно на двадцать — тридцать гребцов.

Пангейран Пате. — Это не собственное имя, а двойной титул («пангеран-патих») властителя Демака.

Река Хикандуре — возможно, река Икан-дури к западу от Пасуруана.

Алгарве — самая южная провинция Португалии.

Фаразы. — Фаразами здесь названы персидские (фарсийские) купцы, одни из первых распространителей ислама в Индонезии.

...шампа с острова Борнео... — Видимо, речь идет либо о представителе какого-то даякского племени, либо о народности тьям.

Прибыл я из Португалии с армадой маршала в 1513 году... — Чуть ниже, однако, автор этих слов говорит, что участвовал во взятии Гоа и Малакки, а эти события произошли в 1510–1511 гг. Очевидно, он прибыл в Индию в 1509 г. с флотилией Афонсо Албукерке.

Пате Шербонский — точнее: «патих Черибона» — наместник в городе Черибоне на северном берегу Явы.

Шиаммай — город и княжество Чиенгмай в современном северо-западном Таиланде.

Капимпер — область в Центральном Таиланде. Так же названа и должность на этой же странице. Последнее явно следствие какого-то недоразумения.

...окружил город Китирван... — В данном случае сведения Пинто не подтверждаются, сам факт нападения Чиенгмая на Сиам считается выдумкой Пинто. Для придания правдоподобности выдуманному сюжету Пинто употребляет название «Китирван», которым он ранее обозначил Камбоджу. Реально события складывались следующим образом: сиамский король Прачай сам вмешался в спор о престолонаследии в Чиенгмае в 1547 г., о чем Пинто пишет позднее как об особом событии.

В отношении португальцев, которые в этой стране пользовались значительно большим уважением... — В Сиаме, а также в Камбодже и отчасти в Бирме европейцы составляли привилегированную часть армии, поскольку гвардия и личная охрана королей была, как правило, из иностранцев.

...огромное войско... не должно было уступать тремстам тысячам. — Армия Чиенгмая и его союзников, бесспорно, была в несколько раз меньше.

...королева, его супруга, отравила его ядом. — Речь идет о Тао Сри Суда Чан, одной из четырех главных жен короля Прачая. История с отравлением — реальный исторический факт.

Королевство Гибен. — Гибен — тот же Чиенгмай. Слабо разбираясь в политической обстановке и в географии Сиама, Пинто описывает Шиамай и Гибен как разные государства, а войну с Чиенгмаем делит на две части — битву под Китирваном и осаду Гитора, столицы Гибена (Чиенгмая).

Последняя после смерти короля правила государством. — Имеется в виду регентша Чиенгмая после 1547 г., принцесса Махатеви, правившая княжеством после отъезда в Лансанг короля Чиенгмая, впоследствии короля Лансанга, Сеттатирата.

Укуншенират — сиамский вельможа Кун Воравонг, захватил власть в 1548 г., убит в 1549 г.

330. ...объявив немедленно его старшего сына королем... — После смерти Прачая на престол, согласно одной версии, был возведен не его сын, а малолетний племянник Кео Фа (правил в 1546–1548 гг.), согласно другой — его девятилетний сын от Тао Сри Суда Чан. Второй версии придерживается (не совсем точно) и Пинто.

Тупарахо — княжество Типперах, на северо-западной границе Бирмы; княжество Типперах войн с Сиамом не вело.

...11 ноября 1545 года заставила провозгласить его в Одиа королем Сиама, но уже 2 января 1546 года и узурпатор и королева были отравлены ойя Пасилоко и королем Камбоджи... — Переворот Кун Воравонга произошел не в 1545 г., а в 1548 г. Ошибочна и дата смерти Воравонга и его жены, последовавшей в 1549 г., а не в 1546 г., как у Пинто. Противоречит Пинто сиамским источникам и в описании гибели короля. Согласно хроникам, он был убит во время охоты на слонов. Что касается одного из убийц — короля Камбоджи, то это был не правящий король Камбоджи, а наследник престола Сотха, будущий король Камбоджи Баром Реатеа (правил в Камбодже в 1566–1576 гг.).

...речь все время шла о походе бирманского короля на Сиам и о восстании в королевстве Пегу... — Имеются в виду поход Табиншветхи на Сиам в 1548 г. и восстание монов, убийство Табиншветхи и восстановление независимости Пегу в 1550 г.

...выход как на *Северное*, так и на *Южное море*... — Северным морем Пинто называет Бенгальский залив, а Южным — Южно-Китайское море.

Шинтабу — Чантабун, город и порт в Восточном Таиланде.

...король Сиама имеет монарха... в лице китайского богдыхана. — В средние века дипломатические, торговые и прочие контакты стран Юго-Восточной Азии с Китайской империей были возможны лишь при условии признания номинальной вассальной зависимости от Китая.

...бирманский король одержал великую победу над Шеминдо... — Шеминдо. — Пинто имеет в виду монского принца, затем короля Смитхо (1550–1551). Имеется в виду одно из первых сражений Табиншветхи с восставшими в 1549 г. монами под руководством Смитхо.

...шемин, комендант города Сатана... — Имеется в виду монский принц Смимсотху, организовавший заговор и убивший Табиншветхи. Сатан — город Ситтанг в устье реки Ситтанг.

...шемин... объявил себя королем Пегу... — Оба монских принца Смитхо и Снимсотху (сатанский шемин) претендовали на королевскую власть в стране монов. Впоследствии Смитхо убил соперника в Пегу.

Дала — монский порт Дала (Тванте) к западу от Рангуна (Дагуна).

Дагун — река Хлаинг, один из притоков нижнего Иравади.

...во времена бирманского короля — то есть во времена Табиншветхи.

Коулан — видимо, город Канбе, древний Молана, в дельте Иравади.

...благополучие продолжалось три года с половиной... — Смитхо правил как король менее года.

Ава. — Здесь имеются в виду северные бирманцы.

...как это можно увидеть на карте... — Неизвестно, какую карту имеет в виду Пинто, но это лишний раз доказывает наличие у него не только устных, но и письменных источников.

И так как победил Шаумигрен... — В 1551 г. в битве близ Пегу Байиннаунг разбил армию Смитхо, после чего Смитхо укрылся в дельте Иравади.

Моэнские горы — Шанское нагорье в Северо-Восточной Бирме.

...волоча по земле... статую побежденного Шеминдо... — Пинто приписывает бирманцам обычай, которого в Бирме не было.

Он (Шеминдо) был опознан... между Пегу и Араканским королевством. — Смитхо скрывался в сельской местности, пытаясь поднять монских крестьян на борьбу. Он был схвачен на берегах Ситтанга, а не на западной границе, как пишет Пинто. Араканское королевство. — В начале 50-х годов XVI в. Аракан был независимым государством.

Дело в том, что Шеминдо был пегу, а Бирманец чужаком... — Пинто тонко почувствовал основную сложность положения бирманских монархов при попытках объединить в едином государстве монов и этнически чуждых им бирманцев. Именно трудностями такого рода объясняется чередование уступок тем монам, от которых можно было ждать лояльности, с жестокими расправами над открытыми противниками. Это, в свою очередь, вызывало недовольство части лояльных, начинались заговоры, подробно описываемые Пинто. Добавим, что те же проблемы вставали перед монами, когда они пытались объединить Бирму под своим господством.

...Шаумигрен наш остается на этой земле по воле божьей и не обязан ничего никому возвращать. — Процедура возвращения страны казненному Шеминдо не совсем понятна, так как ее явно не понял и Пинто. Но идея посмертного примирения с монской королевской династией — вполне соответствует общей политике бирманских монархов.

*...покаялся... не простить... виновных, даже если они тысячи раз
сделаются бонзами... — Убийство буддийского монаха («бонза» у Пинто)
считалось тяжким грехом.*

Кангешума — бухта на южной оконечности острова Кюсю.

...о большой армаде, которую... король ашенцев направил на Малакку. — Речь идет об одном из морских походов султана Аче против Малакки, состоявшемся в 1546 г.

Франциск Ксаверий — в испанской традиции — Франсиско Хавьер (1500–1552) — испанский религиозный деятель, один из основателей иезуитского ордена. С 1541 г. возглавил миссионерскую деятельность только что учрежденного ордена на Востоке и осуществлял ее с большой энергией. Побывал в 1541–1552 гг. в Индии, в Малакке, на островах Малайского архипелага, в Индокитае, Китае и Японии. Порой резко критиковал португальских колонизаторов.

...река *Мухар*... — точнее: река Муар. На ней стоит Малакка.

...город Миоко, столицу всей Японской монархии... — Миоко — искаж. «Мияко» («столица», японск.). Пинто, не зная японского языка, воспринимал слово «Миоко» как название столицы Японии.

...остров *Шампейло* в *Каушеншине* — какой-то из островов архипелага Фай-си-лонг у берегов Северного Вьетнама.

Бар Куи — бар вдоль восточного побережья перешейка Кра. В районе бара — порт того же названия; место его до сих пор точно не установлено.

Лампакау. — Так Пинто называет один из островов в районе дельты реки Сицзян близ Кантона, где у португальцев в начале 50-х годов была фактория. В 1553 г. португальцы получили во временное пользование полуостров Аомынь близ Кантона, а в 1557 г. перебрались туда окончательно, и торговля в Лампакау прекратилась.

Произошло это событие в 1542 году... — В 1545 г., а не в 1542 г., как пишет Пинто, португальцы устроили резню в окрестностях порта Нинбо, и их фактория в этом порту была уничтожена.

...португальцы возмечтали обосноваться в другом китайском порту, по названию Шиншеу... — Имеется в виду португальская фактория близ порта в уезде Чжанчжоу в провинции Фуцзянь, к югу от города Фучжоу. Существовала в 1545–1549 гг. Была закрыта при обстоятельствах, описанных Пинто.

Узанге. — Здесь — имя бога, выше — название столицы Вьетнама. В обоих случаях трудно объяснить, что первоначально имелось в виду.

...подойдя к побережью *Таноры*... — Пинто и его товарищи приплыли к острову Кюсю.

...все жители... восстали против нашего друга короля Бунго и его подданных из-за приверженности их к религии Спасителя... — К 1556 г. (дата у Пинто верная) на Кюсю существовало два конкурирующих объединения феодалов, одно из которых стояло за тесные контакты с португальцами и называлось в португальских источниках даже «христианским» царством. Конфликт между двумя этими группами феодалов и описан Пинто.

Амиданшо — будда Амитабха.

...дал им новые, дворянские фамилии. — В Японии, как и в ряде других стран Азии, изменение социального статуса отражалось в новых или дополнительных именах, которые могли принадлежать только высшим слоям общества.

...решила позабавить нас этим небольшим представлением... —
Описанная сцена показывает, насколько высок был интерес к португальцам при дворе Бунго. В других странах не происходило ничего подобного.